

ЮДЖИН
О'НИЛ

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ

ЮДЖИН О'НИЛ

ПЬЕСЫ

Перевод с английского

Москва
«Радуга»
1985

ТРАГЕДИЯ В АМЕРИКЕ

Трагедия чужеродна нашему образу жизни? Нет, мы сами трагедия, самая погрязшая из всех написанных и ненаписанных.

Юджин О'Нил, 1921

Американский театр — так же как история и общество США — полон парадоксов. Возникшая только в начале XX века, прелекая, самостоятельная национальная драматургия уже к его середине вышла в первые шеренги мирового театрального движения. Семьдесят лет назад один автор писал: «В нашей стране все готово для расцвета искусства. В бурной жизни сегодняшней Америки есть материал и сюжеты для множества драм. Не хватает только драматургов» (Шелдон Чини. «Новое движение в театре», 1914). Нынешний же советский зритель и читатель драмы, не особенно напрягая память, вспомнит постановки и публикации пьес Юджина О'Нила (1888—1953), Торнтона Уайлдера (1897—1975), Клиффорда Одетса (1906—1963), Барри Стейнуса (р. 1906), Лиллан Хеллман (1907—1984), Уильяма Сарояна (1908—1981), Теннесси Уильямса (1911—1983), Артура Миллера (р. 1915), Эдварда Олби (р. 1928), Лорейн Хэнсберри (1931—1965)...

Несмотря на чисто коммерческую, зрелищную постановку сценического дела и господство сентиментально-романтической мелодрамы, развлекательной комедии и особенно мюзикла, который как специфически национальный жанр культивировал Бродвей, в стране возникла серьезная и самобытная социально-психологическая драма. В лучших пьесах воссоздавались именно американские типы, американская жизнь в ее семейно-бытовых, нравственных, общественных коллизиях, причем преимущественно современная американская жизнь.

Молодость собственного сценического искусства, непредвзятый взгляд на европейские театральные традиции, восприимчивость к современным иностранным влияниям позволяли американским драматургам, не поступаясь своеобразием, свободно оперировать различными жанрами и формами.

Главный же парадокс заключается в том, что самый мощный, самый художественный и содержательный пласт в новом американском театре составляют драмы с отчетливо выраженным трагедийным звучанием. Как вообще могла родиться трагедия в богатой, энергичной, казалось бы, уверенной в себе, «улыбающейся» Америке?

Новый американский театр возник, понятно, не на пустом месте. Качественный же скачок, который сделала американская драма в 15—20-х годах, в широком плане связывают — помимо известных обстоятельств историко-общественного порядка — с развитием реализма в литературе США, выдвинувшего Драйзера и Стинклера, Лондона и Менкена, Льюиса и Андерсона, Фроста и Сэндберга. В узком, театральном — с влиянием европейской, в частности русской, драмы, особенно Ибсена, Шоу, Чехова, и прежде всего с движением небольших некоммерческих «художественных» театров.

Весной 1916 года в поселок Провинстаун, расположенный недалеко от Бостона, на северной оконечности полуострова Кейп-Код, — тот самый, где в 1620 году впервые ступили на землю Нового Света пилигримы с «Мейфлауэра», — в этот поселок по приглашению Джона Рида приехал «с полным чемоданом пьес» Юджин О'Нил. Тут группа молодых энтузиастов — писателей, художников, актеров — бросила вызов коммерческо-сентиментальному Бродвею. Они сами сочиняли пьесы и сами сколачивали скамейки. Тут Джордж Крэм Кук выпустил первый в истории Америки театральный манифест, где определялась цель создаваемой труппы — «дать отечественным драматургам возможность свободно разрабатывать и выражать свои идеи». Тут и было в первый раз сыграно сочинение О'Нила, одноактная пьеса «Курс на восток, в Кардифф». Так рождалась не только труппа «Провинстаун-плейерс» — «Провинстаунские актеры». Так рождался, можно сказать, новый американский театр. Это было летом 1916 года.

О'Нил обладал таким упорством, был одержим такой писательской страстью, что за 1920—1925 гг. показал одиннадцать многоактных пьес. Выходит четырехтомное собрание его сочинений. Имя О'Нила в ряду «талантливых художников» — Эдгара По, Уитмена, Драйзера, Шервуда Андерсона — назвал Горький («Отсвет на анкету американского журнала», 1928). В те годы пьесы О'Нила ставят в Берлине (Макс Рейнхарт), Париже (фирма Жемье), Москве (Прозоровский, Таиров), Стокгольме, Вене, Праге, Копенгагене, Будапеште...

Всякое достижение несет семена неудачи. После постановки драмы «Дни без цели, дни без конца», ярко запечатлевшей переживаемый им духовный и мировоззренческий кризис, О'Нил уединяется на Си-Айленд у побережья Джорджии и надолго замолкает.

А летом того же, 1934 года полулюбительская труппа в

Мемфисе, штат Теннесси, сыграла первую театральную мини-атюру молодого и никому не известного Тома Ланье Уильямса. Никто, разумеется, не предполагал, что потом его пьесы на протяжении почти сорока лет будут будоражить и шокировать театральную публику всего мира. Но именно «тогда и там театр и я нашли друг друга, нашли на всю жизнь, на радость и на горе». — писал драматург в «Мемуарах» (1975). Уильямс будет еще долго мыкаться по жизненным ухабам и порогам собственного внутреннего мира, менять занятия, чтобы заработать денег, менять привязанности и города. Не менялось одно — истовое желание писать для сцены.

Встреча двух театральных поколений, олицетворенных теперь в Юджине О'Ниле и Теннесси Уильямсе, произошла в середине 40-х, когда были поставлены уильямсовский «Стеклянный зверинец» (март 1945), сразу принесший автору известность, и о'ниловский «Разносчик льда грядет» (сентябрь 1946).

На первый взгляд между ними мало общего. У О'Нила на сцене — питейное заведение при третьеразрядной гостинице Гарри Хоупа в нью-йоркском Вест-Сайде 1912 года. Тут нашли последний приют «бывшие» люди: бывший «левый», бывший редактор, бывший военный и т. п. Подчеркнуто натуралистические декорации, неподвижные, приобретающие значение символа мизансцены, мрачная, густая атмосфера, усугубляемая действием спиртного — в некоторых американских пьесах вообще много пьют, пьют тупо, безразлично, по-мертвому, даже не пытаясь искать «истину в вине», а единственно чтобы забыться, затуманить себе память и рассудок. Сценическое действие идет тяжело, словно норочая камни-монологи.

У Теннесси Уильямса — Сент-Луис 30-х годов, квартирка в многоклеточном доме-улье, занимаемая стареющей Амандой Уингфилд и ее детьми — Лаурой и Томом; на старомодной этажерке в гостиной Лаурины хрупкие стеклянные зверушки — это образное средоточие откровенно условной драмы, которая движется по видимости легко, даже грациозно, быстро сменяя ситуации и то подергиваясь туманной поэтической дымкой, то высвечиваясь яркими цветовыми пятнами. Один из персонажей, Том, является одновременно комментатором происходящего — пьеса, собственно, его воспоминания.

И все-таки есть по крайней мере два момента, сближающих эти произведения. Прежде всего в основе обеих драм лежит собственный опыт их авторов. Особо черная полоса в беспорядочной юности О'Нила — 1911 год в Нью-Йорке, когда он оказался совсем на мели и несколько месяцев жил в портовой забегаловке «У Джинни Проповедника». Что до «Зверинца», то Том Уингфилд, мечтающий вырваться из «Континентальной обуви», — это и художественный характер, и сам Том Уильямс, три года прослуживший в обувной компании.

Другое, более существенное сходство между ними — тема

иллюзий. Не в силах взглянуть в лицо сегодняшней правде о самих себе, о'ниловские отшельники и отщепенцы погружаются в былое или тешат себя хмельными упованиями на то, что «завтра» начнут новую жизнь. Так и Аманда с каким-то истерическим бодрячеством цепляется за прошлое и далекое, так и хромоножка Лаура безнадежно замкнулась в своем игрушечном мире, так и Том ищет романтику в кино.

Тема «иллюзии и действительность», если брать широко, — одна из центральных в новой мировой драме. По мере развития капиталистических отношений, ведущих к обезчеловечению и отчуждению личности, по мере утраты самооценки каждого отдельно взятого индивидуума и осознания прогрессирующей неспособности влиять на историю, у мелкобуржуазной интеллигенции возникало определенное психологическое состояние — ощущение разрыва между суицим и возможным, стремление отвернуться от реальности, уйти в бесплодную мечту.

Эта тема варьировалась со временем. Выпорхнув из-под пера гениального норвежца, который считал «противоположность между желанным и возможным» важным мотивом своего творчества, «Дикая утка» (1884) прижилась на итальянской почве в пьесах Пиранделло, бившегося над загадкой, что есть сущность и что видимость («Шестеро персонажей в поисках автора», 1920), а затем, постепенно теряя густое философское оперенье, опустилась на «Балкон» визионера и имморалиста Жана Жене (1956). Можно сопоставить ибсеновских «бывших» людей из дома Экдалов с о'ниловскими «бывшими», живущими воспоминаниями и выпивкой, сблизить прескраснодушные заявления «изобретателя» Ялмара о «задаче жизни», о том, что «завтра» надо взяться за дело, и декларации Джимми-Завтра из «Разносчика» насчет возвращения в газету. Можно проследить далее, как в начале века разорившимся владельцам «Вишневового сада» русским языком говорили, что сад пойдет с торгов, а на его месте разобьют доходные участки, а те точно не понимали и даже мечтали посадить новый сад и как полвека спустя и за десятки тысяч километров отсюда совсем другие люди увидели наконец, что их растраченные впустую жизни и желания отцвели в «Осеннем саду» у Лилиан Хеллман. Или приложить широкие вопросы, которые тогда же, на заре столетия, ставил Горький своей «пьссой века» — «На дне»: «Что лучше, истина или сострадание? Что нужнее...», то есть в чем смысл любви к человеку — к судьбе несчастного коммивояжера у Артура Миллера или к персонажам Геннесси Уильямса.

Для американцев проблема иллюзии и действительности, самообмана и прозрения, несбывающихся надежд и невыполненных обещаний имеет особое, можно сказать историческое, значение. Американская мечта о республике свободных и равных постепенно обнаружила свою несостоятельность, и в результате «в течение ста пятидесяти лет серьезные американские писатели

несут бремя ее краха. Одни боролись с собственной совестью, другие враждовали с обществом, но так или иначе всех мучило противоречие между мечтой и реальностью» (Джеффри Мур. «Американская литература. Репрезентативная антология», 1964). Из этого непримиримого противоречия и возникает в конечном счете могучее трагедийное начало в пьесах Элмера Райса («Уличная картина», 1929), Максвелла Андерсона («Перелом шмы», 1935), Клиффорда Одетса («Золотой мальчик», 1937), Уильяма Сарояна («Путь нашей жизни», 1939), Барри Стейнвиста («Сметильник, зажженный в полночь», 1947), Артура Миллера («Смерть коммивояжера», 1949), Лидиан Хеллман («Осенний сад», 1951), Эдварда Олби («Американский идеал», 1961), Лорейн Хилсберри («Плакат в окне Сидни Брустайна», 1964) и многих других.

В американских трагедийных пьесах герой не занимает, как в классике, высокого положения, он — один из многих, себе подобных, «человек с улицы» — эту специфическую черту впоследствии попытается теоретически обосновать А. Миллер («Трагедия и обыкновенный человек», 1949). Кроме того, он, этот герой, часто лишен традиционных качеств трагедийной фигуры, неспособен к борьбе с неблагоприятными обстоятельствами, является лицом не только страдающим, но и страдательным. Американское общественное бытие порождает трагедию и одновременно деформирует ее — такова диалектическая закономерность бытования этого жанра в драматургии США.

Убого, в удушливой тесноте, нужде и беспросветности, влачат дни сорок действующих лиц пьесы Райса «Уличная картина» — жильцы двухэтажного дома в глухом нью-йоркском тупике. Дом — Новый Свет в миниатюре, «плавильный котел», в котором перемешиваются характеры, национальности, заботы, мечты. Живут скученно и пусто, то и дело по всякому поводу испыхивают перебранки и ссоры, каждый знает о другом все, любая новость распространяется как пожар. Всем известно, что миссис Хильдебранд нечем платить за квартиру, что клерк Блюкенен ждет прибавления семейства, что к Энн Моран ходит Стив Сэнки из молочной компании...

Два выстрела Фрэнка Морана — в жену и Сэнки — это вырвавшиеся наружу силы томительного неустройства и молчаливых горестей. Они взорвали копившиеся в духоте стремления и страсти людей с улицы. Моран не хотел убивать: «...просто так получилось, и все». Он виноват — и не виноват. Не виноват потому, что в душе он так же несчастлив, как несчастлива его жена, потому что роковым образом сошлись обстоятельства — словом, потому, что «такова жизнь».

Райс проник за фасад «веселых» 20-х годов. Частная трагедия, потрясшая дом, явилась как бы прелюдией к трагедии общественной — финансовому и экономическому кризису, который через девять месяцев пошатнул здание американского

социального устройства.

Трагедийность «золотого мальчика» в одноименной пьесе К. Одетса имеет вполне конкретный источник: она вырастает из ошибочного жизненного выбора, сделанного героем. Сын бедного итальянца-иммигранта талантливый скрипач Джо Бонапарте буквально одержим музыкой, но несгершимая нужда, благополучие других, холодность Лорны рождают в нем неудержимое желание выбиться наверх. Он соблазняется миражем успеха, как это случилось впоследствии с самим автором, делается профессиональным боксером.

Нет более чуждых друг другу занятий, чем музыка и мордобитие. На этом непримиримом конфликте и строит Одетс драму. Само имя героя намекает на несбыточность его индивидуалистических мечтаний. После триумфального шествия по рингам «золотой мальчик» не может вернуться к скрипке, его жизнь нелепо обрывается в автомобильной катастрофе. Несмотря на стереотипность некоторых сюжетных ходов и характеров, пьеса обнажает типичнейшее для долларового общества противоречие между коммерцией и искусством.

Писатели и публицисты в США не раз указывали на особую черту национального характера американцев — желание, чтобы у тебя было все, что есть у других. Счастье издавна связывалось в Америке с материальным благополучием, положением, успехом. Перспектива лишиться благ, отстать от соседей, перейти в «низкий» слой общества воспринимается из-за скудости духовных интересов как беда. Последствия слепой веры в успех, этой «мечты, мифа и моральной нормы нашей нации», как точно сформулировал театровед Ллойд Моррис («Занавес поднимается», 1951), стали стержневой темой литературы и искусства США и главной составляющей американской трагедии.

Особое место в американской драме принадлежит ровеснику О'Нила Максвеллу Андерсону, автору стихотворных исторических трагедий («Королева Елизавета», 1930; «Ночь над Таосом», 1932; «Мария Шотландская», 1933 и др.), то есть произведений такого жанра, которые в глазах его соотечественников, не имевших ни Мильтона, ни Шекспира, ассоциировались с романтической и риторической. История у драматурга предстает как игра индивидуальных воли и страстей, главный же его интерес — извечные проблемы нравственного величия, стойкости человека перед лицом грозных событий и неизбежности его земной судьбы.

Стихотворной драмой «Перелом зимы» Андерсон поставил перед собой дерзкую задачу — «создать трагическую поэзию из материала своего времени». Драматург верил, что стих даст американскому театру возможность «достичь высот поэтической трагедии», ибо «проза — это язык информации, а поэзия — язык эмоций».

Классически ясная и динамичная фабула служит как бы

«франкизмом дискуссий, которые ведутся в пьесе вокруг проблем вины и ответственности, правосудия и справедливости, жизни и долга. Несколько лет назад по ложному обвинению в убийстве был посажен на электрический стул итальянский иммигрант и «анархист» Романья (пьеса прямо перекликается с популярным процессом по «делу» Сакко и Ванцетти). Теперь его сын Мию жаждет отомстить за отца и восстановить его доброе имя. Темный ветер случая» подбрасывает на его пути любовь — девушке, чей слабоумный брат был свидетелем преступления, но побоялся выдать настоящего убийцу. Конфликт между чувством и долгом перед близкими достигает у обоих молодых людей такой интенсивности, что не может не вылиться в гибель героев.

Их слава в том, земных мужчин и женщин,
Что знают, как, не рабелепствуя и не стбгаясь,
Достоинво встретить поражение,
И — умереть, не покорившись.

В отличие от многих своих коллег Сароян — сказочник и откровенный морализатор. Нравственный урок, который он преподает, высказан в первой же его пьесе — «В горах мое сердце» (1939); он «прост и стар как мир: быть добрым лучше, чем быть злым». Драма-притча «Путь нашей жизни» (1939) представляет на подмостках условный замкнутый опозитизированный мирок, населенный доморощенными философами и фантазерами, бродягами и безработными, полицейскими и проститутками. Главный среди них — Джо, молодой бездельник и благодетель всей этой пестрой братии, находящей прибежище в кабачке, где «каждый чест и добр... каждый живет и дает жить другим». Действие идет на единой неустойчивой ноте пронзительного лиризма, колеблясь между трагическим озарением и сентиментальным утешительством.

Поразительно, как сарояновская пьеса перекликается с о'ниловской «Разносчик льда грядет», написанной в том же, 1939 году. Торговая пивзюшка Ника в Сан-Франциско 1939 года у Сарояна как две капли воды похожа на салун Гарри Хоупа. Среди отрезанных от внешнего мира посетителей обоих заведений царит утопическая умиротворенность и прекраснородушная мечтательность, нарушаемая пришельцем, «посторонним», какой и платит жизнью за намерение изменить привычный уклад и привязать другим свой образ мыслей. Сарояновский Джо — двоюродный брат о'ниловского Ларри Слейда: в душе он такой же горький скептик, и его поиски добра тем обманнее, чем отчаяннее.

Дело не только во внешних сходжениях. «Истина в том, что все эти годы мертвы, — вырывается у Джо. — Все дни — мертвы. И мы сами мертвы. Больше нечего ждать». Происходит неожиданное на первый взгляд, но неизбежное по существу сближение романтического оптимизма Сарояна и философско-

исторического пессимизма О'Нила. Общее в их пьесах — трагедия идейно-психологического безвременья, бесперспективности. Такие настроения охватили известную часть американского общества после спада демократических движений в стране и в результате разгула фашизма в Европе. В 1935 году таксисты у К. Одетса, ожидая своего руководителя, Лефти, решили действовать — бастовать («В ожидании Лефти»). По мнению сараяновского Джо, каждый из нас «двадцать три с половиной часа из двадцати четырех проводит в ожидании... И чем больше мы ждем, тем меньше можно ожидать». Классический драматургический прием ожидания через несколько лет будет возведен в степень философии бездеятельности пьесой «В ожидании Годо» С. Беккета, а затем и его американскими последователями.

В истории общественной и культурной жизни США не было, пожалуй, такого тяжелого периода, как конец 40-х и начало 50-х годов. Забывались антифашистское движение и вторая мировая война, обусловившие возникновение в стране сильной антифашистской драматургии. Забывалась полота послевоенных надежд на разумное существование человечества. Решительно во всех сферах брали верх реакционные тенденции, началась «холодная война» и разгул маккартизма.

В эти темные годы Л. Хеллман пишет свой прекрасный «Осенний сад» (1951), обнажающий нравственно-психологические истоки жизненной позиции безучастия и бездеятельности.

Умные, интеллигентные, благополучные люди приехали отдохнуть в фамильный дом Такерманов на берегу Мексиканского залива. Действие течет неспешно и элегично, сам ход его выражает праздное, пустое времяпрепровождение персонажей. Из отдельных реплик складывается настроение неуверенности, едва уловимого недовольства, какой-то угнетенности. Очевидно, когда-то по старым либеральным привычкам они положились на время, на «естественный» ход вещей, но время обмануло их. Кто по неведению, кто по нежеланию «ввязываться», кто по отсутствию убеждений — но все они упустили «час больших решений, поворотный пункт в судьбе». И самые совестливые из них платят острым ощущением вины, которую трагически неспособны трансформировать в поступки.

...Тридцать шесть лет Вилли Ломен из «Смерти коммивояжера» А. Миллера (1949) казался себе образцовым торговым агентом в образцовой стране. Вилли никогда не везло. Он только думал, что везло, надеялся, бодрился, боялся смотреть правде в глаза. Но годы берут свое, и он судорожно рыщет в прошлом, пытаясь понять, где, когда и как он упустил свой шанс. Его воспоминания, догадки, предположения материализуются на подмостках, принимая форму людей и вещей.

В трагедии — по Миллеру — нас прежде всего потрясает «страх героя потерять свое положение, катастрофа, заключенная в разрыве с дорогими нам представлениями о том, кто мы и что

ни в этом мире... именно простому человеку более всего знаком этот страх» («Трагедия и обыкновенный человек»).

Миллеровский коммивояжер не способен противостоять уваженному его хозяину — не то что Системе. Он способен лишь на ссору со старшим сыном, который не хочет и не может жить так, как велит отцовская власть. И вот, чтобы доказать пафос — и миру — значимость себя как личности и правильность своих представлений, бедняга идет на самоубийство, одновременно навая сыну в виде страховки еще одну, материальную возможность выбиться в люди. У Вилли «были золотые руки и пафосом ложные мечты...»

Несколько позже, в пору разгула маккартизма, Миллер предпринял попытку создать героическую трагедию. Он сделал это на материале судилищ над «ведьмами» в колониальном Массачусетсе в драме «Суровое нещипанье» (1953). Джон и Элизабет Прокторы — действительно величественные фигуры, однако общий пафос драмы ослабляется историсофскими и лическими схемами. Открыто ориентирован на античные трагедийные образцы «Вид с мости» (1955), пьеса о неутолимом влечении, допосе и неминуемой расплате за него. Одновременно Миллер начинает ревизовать свое понимание социальной драмы, усматривая источник трагедии в том, что «какая-то часть нас самих вступает в тайный заговор с силами разрушения», что «в наших собственных сердцах гнездится зверь» (статья «Тени югов», 1958). Такой взгляд обесмысливает трагедию, лишает ее моральной и поэтической цели.

Гораздо последовательнее и целеустремленнее разрабатывал в те годы героико-трагедийный жанр Барри Стейвис. Еще в 1947 году была поставлена его драма о Галилее — «Светильник, зажженный в полночь», выдержавшая соперничество с брехтовским Галилеем. Затем последовал «Человек, который никогда не умрет» (1954), воспроизводящий сфабрикованный процесс над Джо Хиллом и борьбу против современных инквизиторов. Слово и делу знаменитого аболициониста Джона Брауна посвящена пьеса «Харперс Ферри» (1962).

Содержание строгого, классического по языку и открытого, гибкого по сценическим формам театра Стейвиса — человек и история, человек в историческом процессе. Галилей, Джон Браун, Джо Хилл — каждый из них принадлежал своему времени и был впереди него, предвещая крутые перемены в социальном порядке. Герои Стейвиса — конкретные личности, неповторимые индивидуальности и олицетворяют неустанные и напряженные искания истины, свободы, справедливости. В этом сердцевиной оптимистической трагедии Стейвиса.

Может быть, редкая американская пьеса отвечает всем признакам и требованиям «подлинной» трагедии, показывает масштабного героя, целеустремленного утвердить свое понимание мира и себя в нем наперекор объективному положению

вещей и потому с неизбежностью идущего на смерть. Но если верна мысль В. Шкловского о том, что «трагедия основана на неисполнении исторических обещаний времени»; если верно утверждение А. Анкетта, что «внутренний смысл трагедий образуют переживания героя, происходящая в его душе борьба противоположных стремлений, осознание им мучительных противоречий жизни»; если учесть, наконец, что в XX веке трагедия вообще утратила канонизированные формы, то рассмотренные произведения без особой натяжки можно отнести именно к этому жанру. И именно они, как никакие другие пьесы, и более всего драматургия О'Нила и Т. Уильямса, показывают «судьбу человеческую, судьбу народную» в Америке.

Г. Злобин

ЮДЖИН О'НИЛ

ПЬЕСЫ

Курс на восток, в Кардифф

Анна Кристи

Косматая обезьяна

**Крылья дапы всем детям чело-
веческим**

Страсти под вязами

Долгий день уходит в ночь

Душа поэта

Хьюи

Заметки, письма, интервью

EUGENE O'NEILL

Bound East for Cardiff (1916)

Anna Christie (1921)

The Hairy Ape (1922)

**All God's Chillun Got Wings
(1924)**

**Desire Under the Elms
(1925)**

**Long Day's Journey Into Night
(1941; 1956)**

Touch of the Poet (1942; 1958)

Hughie (1942; 1958)

КОСНОЯЗЫЧНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ ЮДЖИНА О'НИЛА

Юджин был сыном популярного мелодраматического актера, выходца из Ирландии Джеймса О'Нила. Детство его прошло в разъездах: каждый сезон отец отправлялся на гастроли. «У каждого ребенка обычно есть дом, а я рос, можно сказать, участником труппы»,— говорил потом О'Нил.

Воспитание за кулисами дало будущему драматургу обостренное, безошибочное чувство сцены и внушило отвращение к бытующим театральным стереотипам—ими изобиловала и коронная вещь О'Нила-старшего—мелодрама «Граф Монте-Кристо».

Жизнь на колесах вызывала у Юджина чувство бездомности, которое, разившись в философию непрочности бытия, будет преследовать его до конца дней. За несколько дней до смерти, в ноябре 1953 года, у него в жару вырвалось: «Родился в гостиничном номере и умираю в гостиничном номере... будь все проклято!»

Газеты поместили респектабельные некрологи, кое-где появились статьи, где пространно говорилось о странностях покойного и его склонности к уединению, о напряженных отношениях с женой, о недавнем самоубийстве его старшего сына и давней ссоре с дочерью Уной, которая совсем юной против воли отца вышла замуж за 54-летнего Чарли Чаплина. Искусство же драматурга оставалось в тени. Через три года в Нью-Йорке поставят его монументальную семейно-психологическую драму «Долгий день уходит в ночь», пролежавшую в бумагах пятнадцать лет. Откровенная автобиографичность не помешала частной истории четырех членов семьи Тайронов возвыситься до большого художественного обобщения.

В доме Тайронов не происходит ничего такого, что явилось бы неожиданностью для его обитателей. В их бытие не вторгается ни неленный случай, ни чужие страсти, ни роковая стихия. Жизнь представлена словно бы в формах самой жизни, и вместе с тем пьеса отрывается от плоского будничного реализма и переходит в щемящий лирико-трагедийный план. Мощный

глубинный поток чувств, который в обычной действительности разбивается на множество мелких ручейков, здесь, в производстве искусства, выплескивается потрясающим запутанным переплетением взаимного раздражения и жалости, обоюдных упреков, вины и стыда, глухой ненависти и беспримельной нежности.

Чем дальше уходит в ночь и неизвестность долгий день драмы, тем ближе надвигается момент прозрения, трагического освобождения из плена успокоительного самообмана, из плена надежд на то, что все образуется. Кружа по одним и тем же болевым точкам семейно-родственных отношений, действие как бы спиралью устремляется вглубь, в прошлое, добираясь до истоков сегодняшних несчастий. До причин того, почему опасно страдает легкими хлебнувший воздуха морских просторов младший сын Эдмунд, почему опустился, стал бесшабашным циником и безнадежным пропойцей другой сын, почему прирастала к морфию и затворяется в воображаемом полубезумном мире их мать, чистая экзальтированная душа, почему сделался истеричным скаредом и незадачливым спекулянтom недвижимостью бывший романтический актер.

Когда-то игравший шекспировские роли, он не устоял перед искусом стяжательства и запродавал душу дьяволу доходного театра. А жадность к деньгам появилась у него давно, когда он подростком узнал безотцовщину и работал по двенадцати часов в механической мастерской, кормил большую семью и сам не сл досьга...

Эта пьеса возвращает нас к 1912 году, который отделяет довольно-таки беспорядочную юность О'Нила от начала его творческой биографии. К этому времени Юджин уже оторвался от семьи, был исключен из Принстона за неуспеваемость, сменил несколько мест службы, успел жениться, стать отцом и разойтись, ходил простым матросом в Южную Америку, Европу, Африку, водил дружбу с философствующими бродягами, опускался на дно, пил, чем серьезно подорвал здоровье, пытался покончить с собой, читал Маркса и писал первые газетные заметки.

Вынужденное полугодовое безделье в туберкулезном санатории заставило молодого О'Нила задуматься над жизнью и понять, чего он хочет,—сочинять пьесы. Он поступает в знаменитую «Мастерскую 47» в Гарварде, которой руководил Джордж Пирс Бейкер. Однако настоящее ученичество драматурга проходило не в классах профессора Бейкера, а в низах жизни, в портовых кварталах, в море, среди радикальной богемы Гринич-Вилледжа. Все его ранние одноактные пьесы так или иначе связаны с морем. Оно воплощает у него дух приключений и свободы, все далекое, зовущее, неизведанное—то, что «за горизонтом», и, с другой стороны, предстает как переменчивая коварная, губительная стихийная сила. «Старый бес»,—говорит моряк-швед, один из трех главных героев многоактной драмы

Анна Кристи», как бы подводящей итог циклу «морских» пьес О'Нила.

Американский зритель двадцатых годов не часто имел возможность заглянуть в портовую забегаловку вроде той, где начинается действие пьесы, или на борт ветхой баржи. Не часто видел на сцене грузчиков, матросню, проституток, редко слышал с подмостков такую соленую, забористую речь людей дна. Все было в новинку: среда, ситуации, сценический язык и главное — интенсивность переживаний «низких» героев.

Прямая по натуре, Анна не желает скрывать, что она «гулящая», не желает выдавать себя за кого-то еще. Пусть отец и поклонник принимают ее такой, какая она есть. Рухнувшие надежды мужчин выливаются у одного — в острое чувство вины, у другого — в слепую ярость из-за того, что его «обманули».

Оскар Каргилл, редактор объемистого тома «О'Нил и его пьесы. Четыре десятилетия критики» (1961), писал в сопроводительной статье: драматург был такой же фигурой, какой были для своих современников и соотечественников Ибсен, Гауптман, Верхарн, Шоу, Брехт; он «наступал на любимые мозоли — private, социальные, религиозные, философские, эстетические...»

Высокой степени социальной критики О'Нил достигает в экспрессионистской трагедии обезчеловечивания личности в капиталистическом обществе — «Косматая обезьяна» (1922). Случайное столкновение мускулистого, неотесанного, гордого своей силой и умением Янки с излеженной дочерью стального магната, пришедшей в ужас от животного вида кочегара, заставляет его задуматься над тем, что он есть в общей системе вещей. Не единожды он застывает в позе роденовского «Мыслителя», пытаясь постигнуть загадки жизни. Убежденность, что он «на месте», что он и такие, как он, суть начало всех вещей, сменяется пониманием униженности и слепым стихийным гневом, необузданным желанием взрывать, крушить, уничтожать.

Заключительный монолог Янки в зоопарке — это вопль отчужденной души (сравним с пьесой Олби «Что случилось в зоопарке», 1959). И лишь в объятиях гигантской обезьяны он находит свое истинное «место» — в смерти. Постепенно, через глубокие духовные борения, философский пессимизм О'Нила, элементы которого ощутимы в пьесе, будет наполняться реальным историческим содержанием.

Янки, жертва социального угнетения, пытался определить свое место в общем порядке вещей. Негр Джим Хэррис, герой пьесы «Крылья даны всем детям человеческим» (1924), так же тщетно старается утвердить себя как полноправную личность в обществе. Еще раньше, в экспериментальной пьесе «Император Джонс» (1920), драматург затронул расовую проблему. В поздней же драме, название которой заимствовано из известной «спиричуэл» — духовной негритянской песни, О'Нил, пользуясь преимуще-

шественно традиционными формами, воссоздает мучительную историю брака достаточно обеспеченного черного мужчины с белой женщиной. Задолго до премьеры в мае 1924 года расисты пачкали камнями против пьесы и против участия в ней в главной роли Пола Робсона. «Белая актриса целует руку негру?!» — возмущался «Американ меркюри».

Юная Элла Даунс связалась с подонком, тот бросил ее, и тут на помощь ей приходит Джим Хэррис, «единственный белый на сцене, белый и добрый», а все остальные — «черные, черные до самого сердца». Но скоро неодобрение окружающих, зашевелившиеся в душе у Эллы расовые предрассудки, испугавшейся, что она родит черного ребенка, комплекс неполноценности, развившийся у Джима из-за неудач с экзаменами на звание адвоката, создают тяжелую психологическую напряженность между героями. И Джим, и Элла борются за свою любовь, за счастье, но оба не способны до конца избавиться от укоренившихся в обществе стереотипов межрасовых отношений.

В отличие от других нес этого периода трагедийность «Страстей под вязами» (1924) ориентирована на античные образцы. Над фермерским кланом Кэботов тяготелют собственничество и секс — современные заменители древнего рока.

Безусловное самоотречение, которого требует суровый кальвинистский бог, иступленно-фанатический труд на земле обнесли одинокое сердце Кэбота каменным забором. Но «есть что-то, что не терпит ограждений», как сказал Фрост. Это что-то — страсть, вспыхнувшая между молоденькой Абби Патнем, которую кряжистый старик взял себе в жены, и его младшим сыном Эбином. Ими движет не только чувственное влечение, что горячими токами проникнет сквозь перегородку, разделяющую их комнаты. Абби думает и о ребенке, который мог бы унаследовать ферму, а Эбин одержим желанием отомстить за мать, преждевременно сведенную в могилу, и тоже мечтает овладеть фермой. Он занимает место отца в брачной постели.

Бесстрастно следит за разыгрывающейся драмой небо. Сгустившаяся донельзя атмосфера пританского благочестия, ненависти, жадности, похоти разряжается очистительным взрывом. Абби убивает ребенка, чтобы доказать Эбину — и самой себе — незамутненность, цельность своей любви.

Драматург развернул сложную, мотивированную и тонко нюансированную игру побуждений, намерений, желаний, интересов, вскрыл многообразнейшие проявления страсти к обладанию — землей, имуществом, женщиной, душами близких людей. Она вырастает из ощущения неустойчивости общего порядка вещей. Любовь возвышает Абби и Эбина над простым обладанием, возвращает им истинно человеческое, но и приносит им несчастье.

Катастрофические последствия собственничества, стяжа-

гельства, жажды денег, положения, успеха — это вообще одна из главных тем творчества драматурга. У молодого О'Нила решительное неприятие корыстолюбия и коммерции носит полуромантический, полуанархический оттенок. В стихотворении «Субмарина» он сравнивает себя с подводной лодкой, поджидающей тяжелых и тупых купцов, заржавленные, закопченные торгашества фрегаты» («Мэссиз», февраль 1917). В пьесе «Золото» (1920) одержимость желтым металлом приводит к гибели капитана Барглета. Культ преуспеяния губит «великого бога Брауна» из одноименной драмы. В псевдоисторической сатирической пьесе «Марко-миллионщик» (1928) могущественный Кублай-хан, приблизив к себе заезжего европейца Марко Поло — фигуру, безусловно, аллегорическую, — обнаруживает, что тот «не наделен даже смертной душой, а лишь инстинктом приобретательства». Герой «Дней без цели, дней без конца» — драмы, написанной в самый разгар Великой депрессии, — говорит о своих соотечественниках: «Из-за страха перед переменами они боятся посмотреть правде в глаза. Единственное, чего они хотят, — чтобы снова закружилась карусель слепой алчности... Они растратили идеалы Земли свободных ...» Greed — алчность как черта национального характера американца и как фактор исторического развития страны станет в конце 30-х прямым предметом художественного изображения в задуманном эпико-драматургическом цикле «Сказание о собственниках, обокравших самих себя», в котором автор ставил себе целью дойти до корней «драмы американского собственности и материализма».

В конце 20-х О'Нила все больше и больше занимают проблемы индивидуальной психологии и индивидуального сознания в условиях «больного века».

В Америке издавна повелось считать, что пьеса — всего лишь цепочка реплик для говорения актерами. О'Нил, как никто из драматургов США, безбоязненно и безжалостно нарушал сценические каноны, то и дело схватываясь из-за этого с менеджерами и режиссерами, выдвигая новых актеров и ссорясь с критиками. Он всегда страстно мечтал о том, чтобы его произведения были не только хорошим театром, но и большой литературой. Он знал, что бытующие — во всяком случае, на подмостках Америки — театральные формы не способны вобрать в себя опыт человека XX века. Не следует забывать и об особом творческом темпераменте О'Нила. Ему был чужд классический принцип строгой эстетической меры, которого держались многие художники — Гораций, Гёте, Голсуорси. Он постоянно экспериментировал и даже обращался к приемам новейшего романа.

Премьеру «Странной интерлюдии» (1928) ждали с нетерпением и боязнью ошибиться в оценке: значительность замысла была очевидна. На протяжении девяти актов — пяти с лишним часов игрового времени, — охватывающих три десятилетия, перед зрителем разворачивалась интимная жизнь героини Нины Лидс.

Потеряв на фронте в Европе жениха-детчика, она видит долг перед погибшим в том, чтобы ухаживать раненых в госпитале не только своими руками, но и телом. От перинного срыва ее спасают доверительная дружба с писателем Марсденом, брак (она выходит замуж за недалекого коммерсанта Ивенса) и тайный роман с естественствователем Дарделлом, от которого рождает долгожданного маленького Гордона.

В техническом отношении О'Нил проводит эксперимент мастерски. Следуя приемам новейшего романа, он перемежает диалог внутренними монологами, неслышными для собеседника, своеобразно возродив классический «апарт». Перевод «потока сознания» в звуковой ряд давал возможность обнажить тайники сознания и подсознания действующих лиц, вскрыть глубинные мотивы их поведения, исследовать механизм тончайших душевных движений.

Но эксперимент обошелся дорого. Ни в каком другом произведении О'Нила нет такой философско-нравственной эклектичности, такого неразборчивого смешения наиповейших теорий — от фрейдистских до физических. Задуманная, очевидно, как воплощение вечного жизненного начала, Нина, пережив свои желания, научается даже не покою, а покорному ожиданию смерти: человеческая жизнь просто-напросто «странная темная интерлюдия посреди электрического проявления Бога-Отца».

Спектакль вместе с книжным изданием пьесы принес автору полмиллиона долларов. Но успех не дал О'Нилу радости. Он отправляется в Европу, совершает путешествие по странам Юго-Восточной Азии и оседает наконец во Франции. Одержимый мыслью стать американским Эсхилом, он буквально запирается в сорокапятикомнатном замке под Туром и принимается за монументальную драматическую трилогию «Траур — участь Электры» (пост. 1931, русск. перевод — 1975), в которой мотивы «Орестей» капризно перешлепаются с реалиями американской жизни.

В безбожном XX веке нет места античному року, так что у О'Нила фатум вырастает из фамилии, а семья Мэннонов — безошибочно новоанглийская семья эпохи войны Севера и Юга. Драматическая катастрофа тем внушительнее, что разражается она в результате нарушения одним из Мэннонов пуританских моральных норм, а кальвинистское убеждение в первородной греховности человека, сто вины и неизбежной кары ближе всего подходит древнегреческому понятию судьбы. Наследственное зло вырвалось наружу и повлекло за собой цепь интриг, обманов, убийств и самоубийств. Мэнноны сжигают себя со света. В пустом доме остается только Лавиния. Она, как и вся ее родня, тоже обречена — даже не на смерть, а на медленное умирание. Траур — участь Электры. Драматург искусно соединяет психоаналитические категории с традиционными мотивами античной трагедии. Но чересчур жесткий наследственно-родовой детерминизм мешает действующим лицам полнее проявить сво-

одную волю, без которой нет истинно высокого художественного характера. Главное же — «психологическому фатуму» О'Нила недостает социальной доминанты.

Независимо от драматургических достоинств пьесы «Дни без цели, дни без конца» она стоит в ряду тех произведений западного искусства нашего столетия, которые демонстрируют острейший кризис традиционного мелкобуржуазного сознания в эпоху грандиозной исторической ломки, происходящей в мире. К каким бы «социальным и философским измам» ни устремлялся бывший радикальный журналист Джон Лавинг, его не покидало ощущение обреченности — «вечно брести ему по запутанным следам Истины». Душевный разлад героя, столкновение возвышенной стороны его природы, все еще взыскующей истины, добра, красоты, с иронической рассудочностью, с доходящим до цинизма скепсисом достигает такого предела, когда происходит распад личности, полное ее раздвоение. Две ипостаси Джона Лавинга представлялись на сцене двумя актерами: один из них играл реального, живого «Джона», другой изображал «Лавинга», фигуру в маске, точно повгоряющей черты лица Джона, одетую, как он, но «невидимую» остальным действующим лицам.

Спор между «Джоном» и «Лавингом» — это борьба двух мироощущений — «вечного идеала... жить ради самой жизни» и взгляда, будто человеческое существование «ничего не значит и не имеет никакого смысла». Между этими точками: стоическим оптимизмом, молчаливым мужеством, «невозможной надеждой» (*hopeless hope*), столь близкой самому О'Нилу, и системой представлений о никчемности человеческого бытия, которая скоро войдет в общественное сознание Запада под понятием «абсурд», — между этими точками колебалась большая часть творческой интеллигенции в развитых капиталистических странах, не умеющая прийти к мысли о революционной переделке мира.

Середина 30-х — самый мучительный период в жизни О'Нила. Он глубоко переживал противоречия, раздирающие общество, в котором жил, и возрастающую напряженность в международных делах. Груз индивидуалистических представлений толкал его к пессимизму. Сказывалось и прогрессирующее физическое недомогание, и чрезмерные заботы Карлотты Монтей, ревниво внушавшей мужу, что великий художник всегда одинок. В апреле 1935-го драматурга дважды навещал Шервуд Андерсон и немного погодя написал Драйзеру: «Послушай, Тэд, черкни несколько теплых слов Джину О'Нилу. Кажется, он сильно сдал». О'Нил плохо представлял себе причины и характер начавшейся второй мировой войны: «Спотыкается время, распадается цивилизация, уничтожаются ценности, былая красота превращается в грязную шлюху, взрывается мир, поднимаются налоги...»

И все-таки нельзя, как это делают некоторые американские

исследователи, представлять О'Нила этих тяжелых лет изверчимся во всем отшельником. Драматург продолжал работать, работать вдохновенно и истоиво. Львиную долю времени и нравственных сил он отдавал монументальному историческому циклу «Сказание о собетвенниках, обокраших самих себя». Хронологически цикл начинался в 1775 году и доходил до нашего века, охватывая первую его треть,—в последней пьесе О'Нил намеревался показать, как возникали гигантские автомобильные империи, рост банков и судоходства».

«Сказание» — самый грандиозный замысел Юджина О'Нила. Однако ему не было суждено осуществить его. За несколько месяцев до смерти, измученный болезнями, О'Нил самолично уничтожил рукописи. Сохранились лишь две пьесы: «Душа поэта» (1936, издана в 1957 году) и незавершенная, названная «Дворцы побогаче» (1939, опубликована в 1964 году). Обе вещи подкрепляют представление об О'Ниле как одном из крупнейших художников-реалистов XX века.

В «Душе поэта» происходит первое столкновение и взаимодействие двух этническо-имущественных групп: потомственной новоанглийской семьи Харфордов и семьи ирландца Мелоди. Новая семья, которая возникнет из матримониального союза угасающего отпрыска торговца-янки и полной амбиции и энергии дочери иммигранта, и судьба ее потомков и должны были стать предметом художественного изображения в цикле.

Старый офицерский мундир да купленный, хотя нечем платить за продукты, породистый конь — единственная отрада Корнелиуса Мелоди, знаки «благородного», но безвозвратно ушедшего былого, едва прикрывающие убогое настоящее. Двадцатилетняя Сара Мелоди не хочет тешить себя отцовскими сказками. Она видит свой шанс в том, чтобы женить на себе молодого Саймона Харфорда. Антагонизм между Харфордами и Мелоди принимает самые разные формы: от фарсовых до трагических. Бывшего дуэлянта вышвыривают из дома врага. Избитый, в изорванном мундире, он достает свои пистолеты и стреляет в коня. Он буквально расстрелял свои иллюзорные мечтания. Нет больше блестящего майора, есть деревенский кабатчик-забудыга с пьяной ухмылкой, сын старика Ника Мелоди.

«Один-единственный факт объясняет во мне больше, чем все остальное,— то, что я ирландец», — говорил О'Нил. «Душа поэта» вместе с более поздней пьесой «Луна для пасынков судьбы» (1943), примыкающей к «Долгому дню» и отчасти продолжающей его,—самые «ирландские» его вещи. В них есть и грубоватый мрачноватый юмор, отнюдь не меняющий общей тональности, и какая-то залихватская бесшабашность, и та колоритная приподнятость речи, которая свойственна персонажам другого великого ирландца — Шона О'Кейси.

Действие драмы «Дворцы побогаче» начинается у хижины в

массачусетских лесах. Здесь, предвосхитив «уолденский эксперимент» Генри Торо, герой пьесы Саймон Харфорд писал о «свободном обществе... без частной собственности, которая пробуждает в людях алчность и ведет к порабощению одних другими». С ходом времени наш романтик и мечтатель под влиянием напористой красавицы жены Сары Мелоди постепенно заделался «Наполеоном среди торгашей». Возвышению Харфорда неизбежно сопутствует душевное опустошение. Чем дальше затягивает героя трясина приобретательства, тем болезненнее мечется он, ища утраченную чистоту, живет, по его собственным словам, «разъятый на две противоположности, отчужденный от самого себя».

Из несовместимости естественного представления о том, что человек по натуре — существо нравственное, и «личных фактов жизни» и возникали у многих героев О'Нила характерный split — трагический раскол в сознании, раздвоенность психики, расщепление «я». Параллельно обычной сценической речи персонажей драматург материализовал на подмостках «поток сознания» («Странная интеллюдия»), использовал маски («Великий бог Браун»), выводил героя в двух испостасях («Дни без цели, дни без конца»). Внутренний конфликт героя в «Дворцах» получает зримое воплощение в яростной схватке между женой и матерью за него.

Несмотря на очевидные следы фрейдистского образотворчества, во всей американской драме не найти, пожалуй, более перного художественного анализа истоков духовной нищеты американцев, поставивших себе целью капиталистическое накопление, и общественно-исторических и психологических условий, ведущих к отчуждению человека.

Виднейший театровед, заядлый «антисониловец» Эрик Бентли и тот вынужден был призвать, говоря о воссоздании в «Дворцах» обстановки в Америке первой трети XIX века: «О'Нилевская интерпретация ее лежит в русле великих социальных критиков той эпохи — Карлейля, Энгельса, Маркса» («Нью лидер», 12. X. 1964).

Измена Саймона идеалам молодости мыслится автором как нестойкость теории и практики трансценденталистов перед лицом капиталистического развития, их исторически обусловленная ограниченность. «Дворцы» знаменуют и отход драматурга от собственных романтических представлений — так же как в пьесе «Разносчик льда грядет» он произвел мучительный расчет с анархо-индивидуалистическими идеями, которые в юности виделись ему средством переделки мира. Действующим лицам «Разносчика», и в первую очередь Ларри Слейду, не дано понять, что они ошибались, рассчитывая на скорую революцию, и потому вина за обманутые ожидания возлагается ими на людей вообще, которые не способны будто бы отказаться от жадности ради достижения свободы. Социальный пессимизм неизбежно перехо-

дит и философский: «К черту правду, она тоже пустая мечта!»

У американского драматурга нет — да и не могло быть — того утверждающего пафоса, которым проникнута «великая proletарская революционная пьеса» — так еще в 1924 году отозвался О'Нил о драме «На дне», отчасти послужившей ему моделью.

Коммюнист Хики, предлагающий «бывшим» прагматическую споминутость — существовать «сегодня, здесь, сейчас», — есть равновесник духовного небытия, умирания-в-жизни. Но обитатели салуна Гарри Хоуна предпочли сохранить воспоминания, способность чувствовать — пусть даже вину, и мечтать — пусть даже несбыточно. Стопроцентный американизм — и глазах О'Нила не та «правда», которая правдива, которую можно принять. Его трагедия объективно показывала недостижимость спасения и счастья при существующем порядке вещей. В «Сказании» О'Нил писал об имущих, в «Разносчике» он показал немущих. Это был его вариант темы «иметь и не иметь». В конечном итоге пьеса выявляет глубочайшее разочарование писателя в Американской мечте.

Тема иллюзий в мертвящей действительности, разносторонне разгранная драматургом в глубоком многофигурном «Разносчике», раскрывается до костного мозга примыкающей к нему одноактной пьесой «Хьюн» (1943, опубликована в 1962 году).

В часовом монологе Эри Смита, мелкого игрока, гуляки и завиралы, лишь по видимости речь идет о его недавно умершем приятеле Хьюн, который служил здесь, в захудалой вестсайдской гостинице, ночным портье. На самом же деле Эри говорит о себе — о своей тоске и одиночестве, о вечных неудачах, о ночных кошмарах, доходящих до предела. Много лет он мечтал, что ему выпадет наконец крупный выигрыш, но в огромном игорном доме, именуемом жизнью, колоды всегда с краплеными картами и кости тоже налиты свинцом. Нестерпимая горечь и боль прикрыта хвастовством и бравადой. Эри во что бы то ни стало надо, чтобы новый дежурный поверил ему, поверил в то, что он водит дружбу с важными шишками, кутит с красотками из знаменитого ревю Зинфила, срывает большие куши на скачках, — иначе он пропал. «Новенькому» нет дела до влияния постояльца, он погружен в свои, такие же мрачные мысли. Но вот постепенно несбыллицы, что плетет Эри, завладевают воображением портье, тот оживает, и несчастный слышит наконец хоть какой-то отзвук у молчаливого собеседника. Он снова нашел благодарного слушателя. Вспыхивает пламя новых невозможных надежд, дающих силы протянуть еще одну ночь или еще один год...

В решении Нобелевского комитета говорилось: премия присуждается Юджину О'Нилу «за драматические произведения, насыщенные жизненной энергией, искренностью, напряженностью чувств и отмеченные оригинальной концепцией трагедии». Эта формула обща и не передает действительного своеобразия

о'пиловских воззрений на трагедийное.

Человек в железных объятиях обезьяны; впечатленные спускающегося потолка и сдвигающихся стен в комнате Джима Харриса; ферма, над которой нависли ветви вязов; черные тени, отбрасываемые белыми колоннами на фасад дома и кажущаяся решеткой, за которой погребены Мэнионы; туман, по мере приближения ночи все плотнее окутывающий дом Тайронов,— все это характерные сценические образы О'Нила. Они выражают состояние многих его героев, поработанных теми самыми «неизбежными, непостижимыми силами, скрывающимися за внешней стороной жизни», о которых он писал еще в 1919 году театроведу и своему будущему биографу Баррету Кларку, пытаясь надежду «хотя бы слабо отразить их воздействие в своих пьесах».

В иных вещах О'Нил абсолютизирует эти «слепые» силы, мифологизирует общественные явления. Делалось это отчасти сознательно: он искал наиболее подходящие, современные аналоги античному фатуму. Перебирая их, он часто усматривал след за Ницше роковое начало в «дионисийской», жизненностихийной стороне человека и бытия; в стриндберговской «драме души»; во фрейдовском подсознательном; в биологической и психической наследственности; в чувственной любви. Но наибольших художественных результатов он достиг в тех произведениях, где средоточием драматической коллизии является социальная в своей основе страсть к обладанию, жажда богатства—они-то и выступают как современная трансформация воли богов и высшего порядка в античной трагедии. Если брать широко, драматург всю жизнь писал трагедию разлагающего влияния материальных интересов на человека, сопрягая ее с темой несбывшихся надежд.

О'Нил был не только великим социальным и культурным критиком—он напряженно искал устойчивую систему положительных ценностей. В своей драматургии он обращался к романтике далекого и неизведанного («За горизонтом», 1920), к библейскому мифу («Лазарь смеялся», 1926), к «индустриальному богоскательству» («Динамо-машина», 1928), к католицизму («Дни без цели...»), к идее скрашивающих жизнь, спасительных иллюзий. Однако ближе всего был ему стоический оптимизм, «невозможная надежда». Этим понятием О'Нил обозначал особый подъем духа, чувство неисчерпаемости человеческих возможностей, устремленность к возвышенному—почти то же самое, что имел в виду Горький, когда говорил: «Нужно жить всегда влюбленным во что-нибудь недоступное тебе. Человек становится выше ростом оттого, что тянется вверх». В раскрытии богатства личности и всей полноты жизни и видел О'Нил глубокий смысл трагедии. Недаром он восклицал: «Жизнь—это трагедия, ура!»

Сила пьес О'Нила, их погрязающее воздействие почти не за-

висит от технического уровня его драматургического письма. Некоторым его произведениям недостает композиционной завершенности, отточенности формы, изящества слога. Реплики и монологи действующих лиц у О'Нила совсем не похожи на плавные речения из «хорошо сделанной пьесы». У одних слова вытаскиваются как будто клещами, у других они извергаются кипящей лавой. Так говорят только в жизни, отнюдь не в литературе — несвязно, сумбурно, повторяясь, обрывая и коверкая фразы. Так нищут, когда переполнены чувствами и жаждут выразить невыразимое. Так писал О'Нил, писал кровью сердца, перекачивая ее в своих героев.

Большинство их глубоко переживают общественные потрясения, которыми так богат XX век, но не умеют разобраться в них. Крушение прежних верований и убеждений, разочарование в прогрессе, достигаемом ценой принижения личности, неприятие правил буржуазной цивилизации делает из них чужаков, изгоев, отщепенцев, «вечно немного влюбленных в смерть», если воспользоваться словами Эдмунда Тайрона из «Долгого дня». Это умонастроение «людей, блуждающих в тумане», находит и своих художественных выразителей, которых природа наделила — по словам того же Эдмунда — «косноязычным красноречием».

Косноязычно-красноречивый реализм О'Нила в лучших его драмах достигает редкого проникновения в природу вещей и психологию людей. «О'Нил родил американский театр и умер ради него», — сказал Теннесси Уильямс, подхвативший эстафету великого предшественника.

Г. Злобин

КУРС НА ВОСТОК, В КАРДИФФ

Пьеса в одном действии

Перевод М. Кореневой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Янки.
Дрисколл.
Коки.
Дэйвис.
Скотт.
Олсон.
Поль.
Смитт.
Иван.
Капитан.
Второй помощник капитана.

Матросский кубрик британского грузового судна «Гленкерн» на полпути между Нью-Йорком и Кардиффом. Ночь. Туман. Помещение неправильной формы — в дальнем конце борта почти сходятся, образуя треугольник. Вдоль бортов тянутся три ряда косок, каждая около шести футов длиной; верхние расположены над нижними на расстоянии трех футов. С правой стороны над койками видны три-четыре иллюминатора. Перед койками грубые деревянные скамьи. Над койками с левой стороны — лампа, укрепленная на скобе. На переднем плане по левому борту дверь. На полу, неподалеку от нее, ведро с железным ковшом. На гвозде рядом с дверью висят клеенчатые плащи. Дальний конец кубрика настолько узок, что койки там устроены лишь вдоль одного борта. Под койками видны засунутые туда в беспорядке матросские сундучки, чемоданы, морские сапоги и т. д.

Регулярно, с интервалом примерно в минуту, раздается, перекрывая остальные шумы, широкая сирена.

На скамьях сидят и разговаривают пятеро. Одеты они в грязные, залатанные холщовые брюки и фланелевые блузы, все в одних только носках. Четверо потягивают трубки, и в воздухе стоит густой, едкий дым. На верхней койке в первом ряду слева сидит норвежец Поль, тихонько наигрывая на стареньком аккордеоне какую-то народную песенку. Время от времени он прерывает игру, прислушиваясь к разговору товарищей.

В глубине кубрика на нижней койке лежит темноволосый человек с крупными, резкими чертами лица; он спит. Одна его рука безжизненно свисает с койки. Лицо у него очень бледно, на лбу блестят капельки липкого пота.

Приближается конец второй печерной подуха — до восьми осталось минут десять.

Коки — не человек, а сморчок — рассказывает какую-то историю. Остальные слушают его с довольно скептическим выражением, то и дело прерывая рассказ громким, насмешливым хохотом.

Коки. Обхаживала меня, да! Истинный крест! Негритоска чертова. А сама с головы до пят вся кокосовым маслом вымазана, да. Чтоб мне пусто было, ей-богу, до того мне противно сделаюсь. Ах ты, треклятая старая корова, говорю... да как хрясь ей по уху, она аж одурела, да и...

Его прерывает взрыв хохота.

Дэйвис (*пожилой человек с черной шевелюрой и усами*). Заливасяшь ты, Коки.

Скотти (*молодой чернявый парень*). Хо-хо! Да тебя, сдастся, ни в жизнь не заносило на эту Новую Гвинею.

Олсон (*швед с мягко свисающими светлыми усами, ехидно*). Подумать только! Ты говоришь — она лютотетка?

Дрисколл (*дюжий ирландец с изуродованным, как у боксера-профессионала, лицом*). Как ты мог еще сомневаться, Олли? Да, королева ж нитеров, само собой. Какой бы другой взбрело, что она ему ровня? Какая б еще втюрилась в такого красавца, в такого удальца, как наш Коки?

Взрыв общего хохота.

Коки (*с возмущением*). Разрази меня господь, ежели это неправда, до самого что ни на есть последнего словечка. Десять лет как случилось—на рождество будет.

Скотти. Рождественский обед—вон она на чего зарилась-то!

Дэйвис. Он у нас тертый калач!

Дрисколл. Обоим вам повезло, что ты улизнул; а то королева людоедских островов назавтра ж после рождества окочурилась бы к дьяволу—так бы у ней живот разболелся, как пить дать.

Все заливаются долгим и громким хохотом.

Коки (*мрачно*). Болваны растреклятые!

В глубине кубрика большой на нижней койке стонет и мечется на постели. Все притихли. Поворачиваются и внимательно смотрят на него.

Дрисколл. Ш-ш-ш-ш! (*Приглушенным шепотом.*) По-тише тут—разгадделись, а человек пытается соснуть хоть самую малость. (*Тихонько ступая, он подходит к койке.*) Янки! Может, пить хочешь? Воды?

Янки не отвечает.

(*Наклоняется и смотрит на него.*) Спит, само собой. Задыхается он—в глотке-то булькает, что вода в трубе. (*Бесшумно возвращается на свое место, садится.*)

Все молчат, избегая встречаться друг с другом взглядом.

Коки (*после паузы*). Бедняга. Лететь ему за борт, помоги ему господь.

Дрисколл. Брось каркать. Он еще не умер, поживет еще не один годок божьей милостью.

Скотти (*с сомнением покачивая головой*). Плох он, брат, больно уж плох.

Дэйвис. Повезло еще, что жив остался. Сверзился так—любой бы другой дух испустил.

Олсон. Ты вител, как он упал?

Дэйвис. Да, я рядом был. Спускались с ним во второй трюм—собирались поплотничать малость. Он ного-то и поставь наобум, да и оступился. До самого низа пролетел—шмяк. Сперва я и глянуть боялся, а как услышал, что он стонет, дак прямо и скатился по трапу. Здорово он нутро отшиб—сбоку изо рта кровь текла. Стонал сильно, но слова не проронил.

Коки. А помните, ребята, как мы его сюда волокли? А, черт, приговаривает, а, черт.—только и всего.

Олсон. А капитан знает, где он ушибился?

Коки. Этот старый олух? Чего он там вообще знает, черт возьми?

Скотти (с презрением). Тыкает в рот своей стеклянной штуковинной.

Дрисколл (возмущенно). Дьявольщина, а не жизнь. Вокруг—безлюдное море, а между тобой и могилой в океане только и есть что старый сивобородый дурак на журавлиных ножках. Даже святой потерял бы терпение, доведись ему увидеть, как он стоит со своими золотыми часами в руке и напускает умный вид, точно сова на дереве, а самому и не сообразить, что с Янки—то ли холера, то ли краснуха.

Скотти (с сарказмом). Небось выдал ему дозу слабительного.

Дрисколл. Черта с два он ему выдал! Уставился в книгу, которую припер с собой, и ну трясти головой, а потом удалился. без единого слова, а за ним—и второй помощник убрался, и ума в голове что у одного, что у другого, будь они оба прокляты.

Коки (после паузы). Янки, бедолага, хороший друг был. Четыре доллара мне в Нью-Йорке одолжил. Да.

Дрисколл (с теплотой). Хороший друг—был и есть, лучше не сыщешь. Ты сказал чистую правду, Коки. Мы с ним первый раз пять лет назад плавали, больше даже, с тех пор—не разольешь, хоть в радости, хоть в беде. Случалось, и дрались, прости господи, но только когда малость примем, а на завтра пожмем руки, и дело с концом. Все, чего у него было, все равно как мое, и сколько раз сидеть бы мне на мелн или хуже того, кабы не он. А теперь... (Старается скрыть свои чувства, голос у него дрожит.) Задери меня дьявол, распускаю тут нюни, точно старая баба, а он не только что не умер—ему еще, может, жить да жить.

Дэйвис. Сон ему впрок пойдет. Вид-то у него сейчас вроде как получше.

Олсон. Поесть бы ему чего...

Дрисколл. Да неужто в таком состоянии можно есть эту дрянь? На этой ржавой посудине такую бурду дают, что нас и то воротит, само собой, а у нас нутро как-никак в порядке.

Скотти *(с возмущением)*. На этом пароходе с голоду сдохнешь.

Дэйвис. Работы невпроворот, жратвы — шиш, а хозяева в каретах разъезжают.

Олсон. Зарятели — похлебка та каша, каша та похлебка! Райское житье, шерт восьми! *(С отвращением плюет.)*

Коки. Помои поганые. Только свиньям и годятся. вот что я скажу.

Дрисколл. А пойло, что выдают вместо чая! А замазка вместо хлеба! Как подумаешь, дак в брюхе заносит, точно дюжину гвоздей проглотил. А сухари — об них и лев переломал бы зубы, случись ему несчастье их попробовать!

Бессознательно все они опять заговорили громко, забыв о больном, как и все матросы, обрадовавшись возможности поворчать.

Поль *(спустив ноги с койки, прекращает играть и медленно произносит)*. И гни-лая кар-тош-ка! *(Снова начинает играть.)*

Больной издает мучительный стон.

Дрисколл *(поднимая руку)*. Заткните пасти, все до единого! Черт подери, распинаемся тут про наши кишки, а больной человек, может, даже умирающий, слушает. *(Встает и грозит норвежцу кулаком.)* Уймись ты, ради бога, олух селедочный! А ну положи сейчас же эту шарманку, а то расквашу твою мерзкую рожу. Неужто этот адский визг — подходящая музыка для больного человека?

Норвежец кладет аккордеон на койку, ложится и закрывает глаза. Дрисколл подходит к Янки, останавливается. В тишине пароходная сирена звучит особенно громко.

Дэйвис. Черт бы подрал этот туман! *(Запустив руку под койку, вытаскивает пару морских сапог, надевает.)* А мой черед заступать впередсмотрящим. Верно, уж около восьми склянок, ребята.

За исключением Олсона, все матросы садятся и, готовясь к вахте на палубе, надевают клеенчатые плащи, зюйдвестки, сапоги и т. д. Олсон забирается на нижнюю койку справа.

Скотти. Я — рулевым.

Олсон (*брюзгливо*). Весь рейс напролет огна паршивая погота, та и только. Я просто спать не могу, когда тует сирена. (*Поворачивается спиной к свету и в скором времени уже крепко, похрапывая, спит.*)

Скотти. Ежели туман не разойдется, дак я вам скажу, мы и за неделю до Кардиффа не доплюхаем, а то и поболее.

Дрисколл. Как раз в такую ночь пошел на дно старнна «Дувр». И как раз примерно в такое ж время; сидим мы все посиживаем в кубрике, Янки—рядом со мной, вдруг ни с того ни с сего слышим страшный грохот, несусветный, корабль накренился, мы все сгрудились у одного борта. Чего там дальше было, в точности не помню, только спустить за борт шлюпки, покуда старое корыто не затонуло, дело нешуточное. Мы с Янки оказались в одной шлюпке, и целных семь дней нас носило по морю, без капли воды или там чего съестного. Это Янки удержал меня, когда я рехнулся от жажды, в море хотел броситься. В тот же день нас и подобрал. Один Янки и был в своем уме. Он и правил шлюпкой.

Коки (*с неодобрением*). Ну, ты и весельчак, Дрисколл, чтоб тебе пусто было! Распинаешься об крушениях, а тут туман этот треклятый.

Янки стонет, беспокойно дергается, открывает глаза. Дрисколл поспешно подходит к нему.

Дрисколл. Получшало тебе, Янк?

Янки (*слабым голосом*). Нет.

Дрисколл. Ну что ты, скоро получшаег. На тебя поглядеть, дак ты здоров, как бычина. (*Обращаясь к остальным.*) Разве я чего соврал?

Дэйвис. Сон тебе впрок пошел.

Коки. Через неделю будешь потягивать себе пивко в Кардиффе.

Скотти. С рыбой и с картошкой, браток!

Янки (*с раздражением*). Чего ради вы все врете? Думаете, я боюсь... (*В нерешительности смолкает, словно страшась того слова, которое собирается произнести.*)

Дрисколл. Да не думай ты об таких вещах!

Слышно, как судовой колокол громко отбивает восемь раз. Сверху доносится голос впередсмотрящего на баке: «Все в порядке». Матросы в нерешительности смотрят на Янки, словно не зная, поговориться с ним или нет.

Янки (*в припадке страха*). Не бросай меня, Дриск! Говорю тебе, я умираю. Я тут один не останусь — они все храпят. Выйду на палубу. (*Делает слабую попытку подняться, но с громким стоном опускается назад. Слышно его хрилое, прерывистое дыхание.*) Не бросай меня, Дриск! (*Лицо его побелело, головы, дернувшись, падает на постель.*)

Дрисколл. Не беспокойся, Янки. Я и шагу отсюда не сделаю, хоть бы этот дьявол боцман оборался. Пусть поорет, куда у него глотка не лопнет. Скажешь там боцману, Коки. Скажи, Янки погибается, дак я с ним побуду чуток.

Коки. Ладно!

Коки, Дэйвис и Скотти бесшумно выходят.

(*Голос Коки.*) Чтоб мне пусто было, туман густой, точно суп, ей-богу.

Дрисколл. Ты доволен, Янки? (*Не получив ответа, склоняется над неподвижным телом.*) Боже милостивый, сознание потерял! (*Зачерпнув из ведра воды жестяным ковшом, смачивает Янки лоб.*)

Янки (*медленно*). Я уж думал, отдаю концы. Зачем тебе вздумалось меня будить?

Дрисколл (*с напускной веселостью*). На небеса не терпится, что ли?

Янки (*мрачно*). По-моему, в ад.

Дрисколл (*невольно перекрестившись*). Ради всего святого, не говори так! Аж в дрожь бросает. Денек-другой, и пойдешь палубу драить, наравне со всеми, как миленький.

Янки не отвечает, устало закрывает глаза. В кубрик входит матрос, который нес вахту впередсмотрящим, это Смитти, молодой англичанин; снимает клеенчатый плащ, с него течет вода. Пока он занимается этим, входит матрос, которого сменили у руля. Это Иван черноволосый дегтина с круглым, глуповатым лицом. Англичанин, тихонько ступая, подходит к Дрисколлу. Второй матрос забирается на нижнюю койку.

Смитти (*шепотом*). Как Янки?

Дрисколл. Получше. Да спроси сам. Он не спит.

Янки. Все в порядке, Смитти.

Смитти. Рад слышать, Янки. (*Забирается на верхнюю койку и вскоре засыпает.*)

Иван (*поворачивает голову в сторону больного*). Чувствуешь хорошо, Янки?

Янки (*устало*). Да, Иван.

Иван. Это хорошо. *(Поворачивается на бок и мгновенно засыпает.)*

Янки *(после паузы, прерываемой лишь храпом; с горьким смешком)*. До свиданья и удачи вам всем!

Дрисколл. Опять заболело?

Янки. Адская боль — вот здесь. *(Показывает на грудь с левой стороны, внизу.)* Сдается, мой старый насос подкачал. О! *(Его бледное лицо искажает судорога, вызванная приступом боли. Прижимает руку к груди, корчась на тонком тюфяке. Крупные капли пота выступают на лбу.)*

Дрисколл *(в ужасе)*. Янки! Янки! Что с тобой? *(Вскакивает.)* Я сбегая за капитаном. *(Направляется к двери.)*

Янки *(садится на койке, обезумев от страха)*. Не бросай меня, Дриск! Ради бога, не оставляй меня одного. *(Сплевыивает, перегнувшись через край койки.)* Кровь! Мм-мм!

Дрисколл возвращается к нему.

Дрисколл. Опять кровь! Надо бы капитана позвать.

Янки. Нет, нет, не бросай меня одного! Если бросишь, я встану и пойду за тобой. Я не трус, но мне страшно оставаться тут с ними одному — все спят, храпят.

Дрисколл, не зная, что предпринять, садится на скамью рядом с койкой Янки.

(Успокаивается и опускается на тюфяк.) Капитан мне ничем не поможет, сам знаешь. Сейчас уже не так больно, а тогда думал — отдаю концы. Точно меня циркулярной пилой распиливали.

Дрисколл *(в ярости)*. Черт подери, ей-богу!

В кубрик входят Капитан корабля и Второй помощник. Капитан — старик с седыми усами и бакенбардами. Второй помощник — человек средних лет с чисто выбритым лицом. Оба в простых синих формах.

Капитан *(доставая часы и щупая пульс Янки)*. И как чувствует себя больной?

Янки *(слабым голосом)*. Нормально, сэр.

Капитан. Грудь беспокоит?

Янки. Болит, сэр, хуже прежнего.

Капитан *(достаив из кармана термометр, вставляет его в рот Янки)*. Вот так. Постарайся держать под языком, а не сверху.

Помощник *(после паузы)*. Разве ты сейчас не должен нести вахту на палубе, Дрисколл?

Дрисколл. Да, сэр, только Янки боится оставаться один, и...

Капитан. Все в порядке, Дрисколл.

Дрисколл. Благодарю вас, сэр.

Капитан *(с минуту смотрит на часы, затем вынимает изо рта Янки термометр и подходит к лампе, чтобы разглядеть, что он показывает. Лицо его приобретает мрачное выражение)*.

Капитан отзывает Помощника и Дрисколла к двери. Янки украдкой наблюдает за ними.

(Тихо говорит Помощнику.) Подскочили, и то и другое. *(Дрисколлу.)* Он опять харкал кровью?

Дрисколл. В последний-то час немного, сэр, но до этого...

Капитан. Сильно?

Дрисколл. Да, сэр.

Капитан. Он что-нибудь ел?

Дрисколл. Нет, сэр.

Капитан. Выпил он лекарство, которое я ему послал?

Дрисколл. Да, сэр. Только его вырвало.

Капитан *(качая головой)*. Боюсь... он очень слаб. Больше я ничего не могу для него сделать. Слишком тяжелый случай—мне не под силу. Если бы это случилось хотя бы неделю спустя, мы бы успели дойти до Кардиффа как раз вовремя...

Дрисколл. Пожалуйста, помогите ему как-нибудь, сэр!

Капитан *(с раздражением)*. Но я же, любезный, не врач. *(Смягчаясь при виде горя Дрисколла.)* Вы с ним давно плаваете вместе?

Дрисколл. Пять лет. Даже больше, сэр.

Капитан. Понятно. Не разрешай ему двигаться. Ему нужен покой—так что присматривай за ним. Будем надеяться на лучшее. Я посмотрю еще в справочнике и пришлю лекарство. Во всяком случае, что-нибудь облегчить боль. *(Подходит к Янки.)* Будь мужественным! Завтра тебе станет лучше. *(Под пристальным взглядом Янки он начинает запинаться.)* Мы тебя вытащим... все будет в порядке... и... гм... ну... идемте, Робинсон? Проклятье! *(Поспешно выходит.)*

За ним—Помощник.

Дрисколл (*стараясь скрыть беспокойство*). Ну, не говорил я тебе—не так уж ты болен, как тебе кажется. Капитан еще до конца недели поднимет тебя на ноги, и опять пойдешь всех нас клясть и костить на чем свет стоит.

Янки. Не ври, Дриск. Я слышал, что он сказал, а хоть бы и не слышал, и так понятно по тому, как чувствую себя. Я знаю, что будет. Скоро я... (*с минуту колеблется—затем решительно*) скоро я умру, вот что, и чем скорей, тем лучше!

Дрисколл (*неистово*). Нет, черт-те побори, нет! Не допущу.

Янки. Бесполезно, Дриск. Мне ничего не светит, но я не боюсь. Дай мне попить, а, Дриск? Глотка горит.

Дрисколл принесит полный ковш воды и поддерживает голову Янки, пока тот пьет большими глотками.

Дрисколл (*тщетно ожидая услышать, что Янки легче*). Теперь как, не полегчало?

Янки. Да... теперь... когда знаю, что все кончено.

Пауза

Не расстраивайся так, Дриск. Я вот думаю, это вовсе не так страшно, как думают,—смерть. Мало ли чего мелет святая братия—я на эту чушь никогда особенно не надеялся. В бога я никогда не верил, знаю только, что бы там после ни случилось, хуже теперешнего не будет. Мне с тобой не хочется расставаться, Дриск, вот и все.

Дрисколл (*со стоном*). Не говори так, дружище, не надо.

Янки. Что расстаешься с матросской жизнью, плакать нечего—только и знай, один пароход за другим, работа тяжелая, платят гроши, жратва—хуже некуда; зайдем в порт—напьемся, а там и драка, и от денег уже не шиша—валяй опять на корабль. Порядочных-то людей никогда не встречаешь; ни в одном порту, считай, не вылазишь из портового квартала; мотаешься по всему свету, а что видишь? Да ничего, никогда. И никому-то нет дела, жив ты или помер. (*Горько усмехнувшись*.) О чем тут жалеть, Дриск?

Дрисколл (*мрачно*). Море... чертовская жизнь.

Янки (*задумчиво*). Здорово, верно, прожить всю жизнь на суше; завести ферму, дом, собственных коров, свиней, кур, где-нибудь подальше, где и запаха моря никогда не услышишь и парохода не увидишь. Здорово.

верно, завести жену, детишек; вечером, как закончишь работу, поужинаешь, дак поиграть с ними можно. Здорово, верно, иметь собственный дом, Дриск.

Дрисколл (*с глубоким вздохом*). Что верно, то верно, само собой. Да что толку об том думать? Такое не про нас.

Янки. Мореходство — хорошая штука, когда ты молод и тебе все нипочем, но мы-то уж не желторотые юнцы; почему-то, не знаю, ныншний год выдался совсем никудышный, я все подумывал бросить — вместе с тобой, понятно, скопили б мы деньжат, да и махнули в Канаду, а го в Аргентину или еще куда, завели б ферму, маленькую совсем, только чтоб на жизнь хватало. А тебе не говорил — думал, ты надо мной смеяться станешь.

Дрисколл (*с воодушевлением*). Над тобой, смеяться, да ты что? Когда я и сам что ни день об том же думаю. Мысль хоть куда, так мы и сделаем, само собой, только ты эту свою дуроту брось... насчет... насчет болзни.

Янки (*печально*). Слишком поздно. Не надо было нам идти в этот рейс, тогда бы... Что это сюда набралось столько туману?

Дрисколл. Туману?

Янки. Все расплывается. Должно, глаза слабеют, я так понимаю. Об чем это мы толковали минуту назад? Ах, да, об ферме. Слишком поздно. (*Мысли у него скачут.*) В Аргентину, я сказал? Помнишь, как мы проводили время в Буэнос-Айресе? Кино в Барракасе? Картины попадались — первый сорт, помнишь?

Дрисколл (*с удовольствием*). Как не помнить, да и тапер тот тоже запомнил. Не позабудет, какой я ему второпях фингал под глаз подставил.

Янки. А помнишь, как мы там на мели сидели — пришлось отправляться в ночлежку Томми Мура, да записываться в плаваньё? А он всучил нам никудышные плащи и драные сапоги, да еще содрал за два месяца и спровадил на том парусном ушатё вокруг мыса Горн. А денечки, когда мы, бывало, посиживали на скамейках на Пасео-Колон и охрана не спускала с нас глаз? А песни в «Матросской опере» — там еще парень играл регтаймы, — помнишь?

Дрисколл. Еще бы, само собой.

Янки. А Ла-Плату? Ох, и вонница же в забегаловках, тьфу! Аргентина мне завсегда правилась... все, кроме ихнего спиртного, тростниковой водки. Как же мы тогда надирались, помнишь?

Дрисколл. Неужто такое позабыть можно? Как вспомню, дак сразу голова трещит.

Янки. А помнишь ночь, когда я сбесился от жары в Сингапуре? Или когда тебя сцапали фараоны в Г'орт-Саиде? А как нас обоих засадили за драку в Саднее?

Дрисколл. Еще бы!

Янки. А ту драку на пирсе в Кейптауне... *(Его голос выдает большое внутреннее волнение.)*

Дрисколл *(поспешно)*. Не думай ты сейчас об этом. Прошло и бывшем поросло.

Янки. Как по-твоему, не станет он это против меня держать?

Дрисколл *(озадаченно)*. Ты про кого?

Янки. Про бога. Говорят, он все видит. Тогда он должен знать—я дрался по-честному, защищался,—как думаешь?

Дрисколл. Само собой. Убил ты его, будь он проклят. Так он ведь, скотина, сволочь этакая, хотел исподтишка всадить тебе нож в спину, когда ты и не подозревал даже. Пускай твоя совесть будет спокойна. Хотел бы я, чтоб у меня на душе не было чего похуже. Тогда я не убоялся б самого архангела Гавриила.

Янки *(с содрогинием)*. Он! Только что я видел его—кровь так из горла и хлещет. Ох!

Дрисколл. Жар у тебя, вот что, оттого и привиделось такое. Не принимай к сердцу.

Янки *(в неуверенности)*. Значит, думаешь, не станет он это против меня держать—бог, значит?

Дрисколл. Коли есть справедливость на свете, дак—нет!

Янки, как видно, успокаивают его слова.

Янки *(после паузы)*. Мы до Кардиффа и в неделю не доберемся. Похоронят меня в море.

Дрисколл *(прикрыв уши руками)*. Ш-ш-ш-ш-ш! Не желаю я тебя слушать!

Янки *(словно и не слышал его)*. А чем плохо? Верно, не хуже любого другого места. Только мне все ж завсегда хотелось, чтоб меня на суше похоронили. Да ладно... не все ль равно, один черт! *(С раздражением.)* Ну и паршивая же ночь выдалась... сирена чертова надрывается, храпят со всех сторон. А мне бы хотелось, чтоб светили звезды, луна; лежал бы я на палубе да глядел на них, как-то легче было б уходить.

Дрисколл. Ради бога, не говори так!

Янки. Какие мне там деньги причитаются, раздели с ребятами; и возьми себе мои часы. Невелика ценность, да

у меня больше и нет ничего.

Дрисколл. А родных-то у тебя, что ль, совсем нет?

Янки. Нет, не слышал что-то. Да, одно забыл — знаешь Фанни, официантку из «Красного журавля» в Кардиффе?

Дрисколл. Как не знать? Само собой.

Янки. Пожалела она меня. В последний рейс я без гроша остался, дак она все норовила одолжить мне полкроны. Купи ей коробку конфет, самую большую, какую сыщешь в Кардиффе. *(Запинаясь, прерывающимся голосом.)* Трудное это плавание... один в него отправляюсь!

Дрисколл хватает его за руку. Следует пауза, во время которой оба стараются сдержать свои чувства.

У меня в глотке, что в печи. *(С трудом глотает воздух.)* Дай мне попить, водички, а, Дриск?

Дрисколл подает ему ковш с водой.

Заместо этого бы кружку пива. О! *(Задышается, лицо искажается болью, руки раздирают рубашку на груди. Ковш падает из его безжизненных пальцев.)*

Дрисколл. Ради бога, Янки, что с тобой?

Янки *(говорит с огромным трудом)*. Прощай, Дриск! *(Вылезающими из орбит глазами уставился в пространство перед собой.)* Кто это?

Дрисколл. Кто? Ты о чем?

Янки *(слабым голосом)*. Красивая дама в черном. *(По лицу его пробегает судорога, тело корчится в последних конвульсиях, потом вытягивается и застывает.)*

Дрисколл *(бледный от ужаса)*. Янки! Янки! Скажи хоть словечко, ради всего святого! *(Отшатнувшись от койки, осеняет его крестом. Потом снова подходит и, положив дрожащую руку на грудь Янки, низко склоняется над его телом.)*

Коки *(из прохода)*. Эй, Дрисколл! Можешь на минуту оставить Янки и чуток подсобить мне?

Дрисколл *(с рыданием)*. Янки! *(Опускается на колени возле койки, положив голову на руки. Губы шевелятся в полузабытой молитве.)*

Коки *(аходит, на его плаще и зюйдвестке блестят капли)*. Туман разошелся. *(Видит Дрисколла и останавливается, уставившись на него с открытым ртом.)*

Дрисколл снова совершает крестное знамение.

(С издевкой.) Молится! *(Замечает на койке неподвижную фигуру, понимает, что произошло, и на лице его появляется выражение благоговейного ужаса. Стаскивает зюйд-вестку, с которой стекают капли воды, и стоит, почесывая голову. Приглушенным голосом.)* Чтоб мне пусто было!

Занавес

АННА КРИСТИ

Пьеса в четырех действиях

Перевод Е. Голышевой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джонни Проповедник.

Первый портовый грузчик.

Второй портовый грузчик.

Почтальон.

Ларри—бармен.

Крис Кристоферсон—капитан баржи «Симеон Уинтроп»

Марти Оуэн.

Анна Кристоферсон—дочь Криса.

Грое матросов из судовой команды.

Мэг Бэрк—кочегар.

Нонсон—матрос на барже.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабак Джонни Проповедника недалеко от Саут-стрит в Нью-Йорке. Сцена разделена на две части: слева — бар, справа — маленькая комната. В баре слева два больших окна, выходящих на улицу, между ними входная двустворчатая дверь; вдоль задней стены почти во всю длину тянется стойка. За стойкой на стене большое зеркало и небольшая витрина с выставленными в ней напитками, на которые здесь, по-видимому, не очень большой спрос. Между стойкой и зеркалом бочонок с дешевым виски «пять центов глоток». Справа открытая дверь в маленькую комнату, в которой стоят четыре круглых стола. К каждому из них приставлено по пять стульев. В задней стене дверь для домашних, выходящая на боковую улочку. Осень. Вечер.

При поднятии занавеса на сцене Джонни Проповедник. Он не зря заслужил свою кличку. Его бледному, тонкому, гладко выбритому лицу, тихому взгляду голубых глаз и белоснежным волосам куда больше пошла бы ряса, чем передник кабатчика. Как нельзя лучше этому облику соответствуют и его голос, и все его манеры. Они у него мягкие, ласковые. Благодаря им он снискал почет и уважение во всем портовом районе. Но за этой мягкостью — как лицо под маской — скрываются цинизм, жестокость, бессердечие. Джонни покойно устроился позади стойки и, надев очки, читает вечернюю газету. С улицы входят два портовых грузчика; на них рабочие фартуки; профсоюзный значок приколот на самом видном месте; кепки задорно сдвинуты набок.

Первый грузчик (*становясь рядом с товарищем у стойки бара*). Дай глотнуть номер два. (*Кидает на стойку монету.*)

Второй грузчик. И мне.

Джонни наливает им две порции виски из бочонка.

Первый грузчик. Ваше здоровье!

Другой только кивает. Залпом осушают стаканы.

Второй грузчик (*кладя деньги на стойку*). Дай-ка еще по одной.

Первый грузчик. Только теперь — светлого пополам с портером. В глотке пересохло.

Второй грузчик. И мне тоже.

Джонни нацеживает светлого пива в портера; ставит перед ними большие пенящиеся кружки. Осушив их наполонину, грузчики вполголоса заюдают торопливую беседу. Дверь слева распахивается. Входит Ларри. Это по-мальчишески краснощекий смазливый юноша лет двадцати.

Ларри (*кинув Джонни, весело*). Хозяину привет!

Джонни. Привет, Ларри. (*Взглянув на часы.*) Точь-в-точь вовремя.

Ларри заходит за стойку, снимает индяз и надевает передник.

Первый грузчик (*резко*). Давай-ка доньем, и ходу!

Опорожниют кружки и выходят в левую дверь. В дверях им встречается почтальон. Обменявшись кивками с Джонни, бросает на стойку письмо.

Почтальон. Адресовано вам для передачи получателю. Вы его знаете?

Джонни берет письмо, поправляет очки. Ларри заглядывает ему через плечо.

Джонни (*медленно разбирает адрес*). Кристоферу Кристоферсону.

Почтальон (*услужливо*). Скандинав какой-то?

Ларри. Да это старый Крис, вот кто!

Джонни. Верно. Совсем забыл, что Крис облюбовал себе такое шикарное имя. Письма приходили сюда для него и раньше. Правда, давненько их не бывало.

Почтальон. Значит, письмо до него дойдет?

Джонни. Не беспокойся. Когда Крис в порту, он всегда заходит сюда.

Почтальон (*собираясь уйти*). Он матрос?

Джонни (*с усмешкой*). Капитан угольной баржи.

Почтальон (*смеясь*). Ну и работенка! Что ж, пока!

Джонни. Всего. Письмо передам. Не беспокойся.

Почтальон уходит.

(*Разглядывает письмо.*) У тебя хорошие глаза, Ларри. А ну-ка, взгляни, откуда оно отправлено.

Ларри. Сейнт-Пол. Это как будто в Миннесоте. Да и почерк вроде женский. Вот старый греховодник!

Джонни. У него там, на Западе, дочь. Он мне как-то о ней рассказывал. (*Кладет письмо на кассу.*) А ведь, кстати сказать, я не видел старого Криса целую вечность. (*Надев пальто, идет к выходу.*) Пойду-ка я, пожалуй, домой. До завтра.

Ларри. Спокойной ночи, хозяин.

Джонни направляется к двери на улицу, но ее толкают снаружи, и в кибак входит Кристофер Кристоферсон. Это приземистый, широкоплечий человек лет пятидесяти, с круглым, обветренным, красным лицом, на котором простодушно искрятся близорукие, веселые светло-голубые глаза. На крупный, по-детски капризный рот, выражающий слабыхарактерность и беззлобное упрямство, свисают густые желтые усы. Толстая шея словно вколочена в могучий торс. Большие волосатые, покрытые веснушками руки и короткие неуклюжие ноги с большими плоскими ступнями. Ходит он неловко, враскачку. Голос, когда он не громыхает как пустая бочка, приглушен до хигреньского, доверительного шелотка с какой-то даже жалостливой интонацией. Одет Крис в измятый, плохо сидящий на нем темный костюм сухопупного жителя; кофта седящих светлых волос прикрыта выгоревшей серой кепкой. Сейчас лицо его сияет слишком уж безмятежным довольством—видно, он выпил.

Крис (*сует руку Джонни*). Привет. Йонни! Давай, я тебя угощу. Ну-ка, Ларри, налей нам. И себе тоже. (*Опускает руку в карман.*) Деньги есть—куча денег!

Джонни (*трясет руку Криса*). Вот легок на помине! Только что о тебе говорили.

Ларри (*подходя к стойке*). Привет, Крис. Дай лапу.

Обмениваемся рукопожатием.

Крис (*сияя*). Дай выпить!

Джонни (*улыбаясь*). Ты, видно, и так уж чуток пропустил. Где поднесли?

Крис (*тоже улыбаясь*). Другой парень на другой баржа—ирландский парень. Имел бутылка виски, и мы этот бутылки пил,—мы двое. Ну и виски, шерт возьми! Я только пришел на берег. Дай глотнуть, Ларри. Я был шуть-шуть пьяный, не очень сильно. Только очень веселый. (*Смеется и затягивает гнусавым, дрожащим тенорком песню.*) «Эй, Йозефинц, приди ко мне на борт! Тебя я жду, сгорая от любви. Луна выходит из-за туч. Но ты светлее той луны. Ти-ти та-та, ти-ти та-та!» (*И в такт припеву размахивает рукой, словно дирижируя оркестром.*)

Джонни (*со смехом*). Все про ту же старушку Йози, а, Крис?

Крис. Чего ты понимаешь в настоящая песня? Итальянский парень на другой баржа—он меня учил. Дай же выпить. (*Бросает мелочь на стойку.*)

Ларри (*профессиональным тоном*). Что прикажете подать, господа?

Джонни. Полкружки пива.

Крис. Виски. Номер два.

Ларри (*подавая напитки*). А я, если позволите, угощусь сигарой.

Крис (*поднимая стакан*). Сколл!¹ (*Пьет.*)

Джонни. Ваше здоровье.

Крис (*сразу же*). Выпей еще.

Джонни. Нет. В другой раз. Мне надо домой. Значит, только что встали на якорь? Откуда приплыли?

Крис. Из Норфолка. Еле-еле шли... собачья покоида, все время туман, туман, туман, шертова покоида!

Слышен настойчивый звонок в дверь для домашних.

(*Вздрагивает. Поспешно.*) Я открою сам. Совсем забыл. Это, наверно, Марти. Она пришел со мной. (*Уходит в маленькую комнату.*)

Ларри (*хихикнув*). Старый дурсень! Все еще живет с этой коровой.

Джонни (*ухмыляясь*). Крис—парень хоть куда. Ладно, пойду домой. Пока. (*Идет к двери.*)

¹ Будем здоровы! (*швед.*)

Ларри. До скорого, хозяин.

Джонни. Не забудь огдать ему письмо.

Ларри. Не забуду.

Джонни уходит. Буквально через минуту Крис отворяет дверь для домашних и выпускает Марти. Лет ей не то сорок, не то пятьдесят. Лицо с тяжелой челюстью и мясистым красным носом покрыто сетью лиловых прожилок. Густые седые волосы небрежно стянуты на круглой макушке в сальный узел. Тело запыло жиром и стало дряблым; дышит Марти прерывисто и со свистом, говорит громким, мужеподобным голосом и речь свою то и дело перемежает взрывами хриплого смеха. Но в ее поблекших голубых глазах нет-нет да и блеснет молодая жадность к жизни, которую не смогли задушить никакие злоключения, и юмор, глумливый, но добродушный. На Марти мужская фуражка, двубортная мужская куртка и замаранная ситцевая юбка. Обута на босу ногу в грубые мужские башмаки на много номеров больше, чем нужно, отчего волочит ноги и часто спотыкается.

Марти *(ворчливо)*. Ты это что ж, шведская рожа? Заставляешь ждать себя на улице целый день? *(Подсаживается к столу в правом углу на авансцене.)*

Крис *(примирительным тоном)*. Ты уже меня прости, Марти. Заковорился с Йонни. Совсем забыл. Что ты хочешь выпить?

Марти *(успокоившись)*. Кружку светлого пополам с элем.

Крис. Сейчас принесу тебе. *(Возвращается к стойке.)* Светлого с элем для Марти. Виски для меня. *(Бросает монеты на стойку.)*

Ларри. Минуточку. *(Вспомнив, достает письмо.)* Вам тут письмо... из Сент-Пола, Миннесота. Дамский почерк. *(Ухмыляется.)*

Крис *(поспешно берет письмо)*. Ба-а, это от дочки, от Анна. Она там живет. *(Вертит письмо в руках, не зная, что с ним делать.)* Не получал от Анна писем, наверно, целый год.

Ларри *(шутливо)*. Рассказывайте сказки! Дочка! Небось какая-нибудь девка.

Крис *(серьезно)*. Нет. Это Анна. *(Поглощен письмом, которое неуверенно держит в руке.)* Ей-богу, я, наверно, слишком пьяный, чтобы читать письмо от Анна. Лучше мне посидеть минутка. Ты отнеси вапитки туда, к Марти. *(Уходит в комнату направо.)*

Марти *(сердито)*. Где же мое пиво и эль, старый чурбан?

Крис *(рассеянно)*. Сейчас Ларри принесет. *(Садится против нее.)*

Ларри подает им выпивку. Они с Марти кивают друг другу как старые знакомые. Ларри с любопытством смотрит на Криса. Марти отхлебывает большой глоток пива, глубоко и удовлетворенно вздыхает, вытерев рот тыльной стороной руки. Крис смотрит на письмо, медленно распечатыва-

ет его и, прищурив глаза, старательно принимается читать, молча шевеля губами. По мере того как он читает, лицо его освещается радостью.

Ларри. Хорошие вести?

Марти (*чье любопытство тоже возбуждено*). Господи спаси, что это у тебя—неужели письмо?..

Крис (*прочтя письмо, минуту молчит, словно желая переварить его сначала: сдержанно, потом возбужденно стучит кулаком по столу*). Ах ты, шерт побери! Подумать только, Анна пишет, что едет сюда. Пишет, что заболела на работе, в Сент-Поле. Письмо короткое, болше в нем ничего не сказано. (*Сияя.*) Вот это новость, шерг побери! Большая новость для меня, старика! (*Поворачивается к Марти, сконфуженно.*) Ты ведь знаешь, Марти, я тебе говорил: я не видел моя Анна с самый детства. Ей было тогда пять лет. Они еще жили в Швеция.

Марти. Сколько же ей теперь?

Крис. Должно быть... дай-ка вспомнить... ей должно быть уже двадцать. Ах ты, шерг!

Ларри (*с удивлением*). Вы не видели ее целых пятнадцать лет?

Крис (*вдруг помрачнев, негромко*). Да. Когда она была маленький девושка, я был боцман на парусник. И никак не мог попасть домой, только несколько раз за все годы. Такой уж я глупый моряк. А моя женщина—мать Анна—устал. Она меня все ждет, ждет в Швеция, а меня все нет, нет. Она приехала сюда, в Америку, и привезла Анна. Жили они в Миннесоте, у ее двоюродный братья, на ферма. Потом мать умирал, а я в то время был плаванне. Я думал, что Анне лучше будет там, с двоюродный братья. Я думал, пусть лучше Анна живет на ферма, не знает этот старый бес—море, не знает такой отец, как я.

Ларри (*подмигнув Марти*). Тут-то девушка за моряка наверняка выйдет. Закваска у нее уж такая.

Крис (*вскакивая и в ярости ударяя кулаком по столу*). Ни за что, клянусь богом! Не будет этого.

Марти (*поспешно хватая свою кружку, сердито*). Эй ты, дурень! Прольешь все!

Ларри (*с изумлением*). Что это с вами? Вы же сами моряк и всю жизнь были моряком?

Крис (*медленно*). В том-то и беда, почему я так и говорю. (*Пытаясь улыбнуться.*) Моряки—хорошие ребята, но только не для девушка и не для замужество. Нет. Я-то знаю. И мать Анны, она тоже знала.

Ларри (*глядя на Криса, погруженного в мрачные мысли*). А когда приезжает ваша дочь? Скоро?

Крис (*очнувшись*). О боже, забыл! (*Поспешно перечитывает письмо.*) Говорит, что едет, вот и все.

Ларри. Она, может статься, и сюда зайдет, если будет вас разыскивать. *(Возвращается к бару, насвистывая.)*

Оставшись наедине с Марти, которая поглядывает на него не без схищства и со злым огоньком в глазах, Крис чувствует себя не в своей тарелке.

Крис *(поерзав, встает)*. Мне очень надо говорить Ларри. Сейчас вернусь. *(Заискиваяще.)* Сейчас принесу тебе еще пива.

Марти *(опорожнив кружку)*. Давай! *(Когда он отходит, она гогочет над ним с издевкой.)*

Крис *(Ларри, с отчаянием, шепотом)*. Понимаешь, мне нужно выпроваживать Марти с баржа на берег до того, как приедет Анна. Анна будет очень сердитый, если узнает. Марти тоже будет сердитый, что ей надо уезжать.

Ларри *(ухмыляясь)*. Так вам и надо, старый козел. Путаться с бабой в такие годы!

Крис *(в замешательстве почесывая затылок)*. Ты мне придумай, что соврать Марти, чтобы она быстро уходил с мой баржа.

Ларри. Она ведь знает, что к вам должна приехать дочь. Поэтому скажите ей просто, чтобы убиралась ко всем чертям.

Крис. Нет. Я не хочу ее обижать.

Ларри. Старый слюнтяй! Тогда держите свою дочку подальше от баржи. Да она и сама предпочтет остаться на берегу. *(С любопытством.)* А где она работает, ваша Анна?

Крис. Она жил на ферма у родственник до два года назад. Потом нанялась нянкой в Сент-Поле. *(Покачивая головой, решительно.)* Но я больше не хочу, чтобы она работал. Хочу, чтобы она жила со мной.

Ларри *(насмешливо)*. На угольной-то барже? Ну, едва ли ей это придется по вкусу!

Марти *(кричит из соседней комнаты)*. Видно, я так и не дождусь своего ведерка с пеной, немчура?

Крис *(вздвигнув, чуя неприятности)*. Иду, иду, Марти!

Ларри *(нацедив пиво и эль, передает Крису кружку. Смеясь)*. Теперь берегитесь. Лучше прямо скажите ей, чтобы убиралась!

Крис *(ежась)*. Господи! *(Относит пиво Марти и присаживается к столу.)*

Марти молча отхлебывает из кружки. Ларри, ухмыляясь в предвкушении скандала, тихонько подходит к перегородке, чтобы подслушать их разговор. Крис уже готов заговорить, но колеблется и судорожно проглатывает свое виски, словно надеясь обрести мужество. Он заставляет себя лихо просвистеть несколько тактов «Йозефины» и на полушотте

прерывает. Марти поглядывает на него понимающим взглядом, видит его смущение, и в глазах ее вторгается ехидный огонек.

Крис (*прочистив горло*). Марти...

Марти (*воинственно*). Ну, чего тебе? (*Делая вид, будто разъярена, хотя в глазах нескрываемое удовольствие.*) Думаешь, не понимаю, что у тебя в черепке, немчура? Хочешь от меня избавиться? Раз она приезжает, хочешь вышхунуть меня на берег, а? Так и знай: еще не родился на свете такой, у которого на это хватило бы духу! Лучше не начинай!

Крис (*с самым несчастным видом*). Да я и не думаю ничего начинать, Марти.

Марти (*свирепо сверкнув на него глазами, но не в силах сдержать свое веселье*). Ха-ха! От тебя прямо можно подохнуть, немчура, ей-богу! Ну и тии! Ха-ха! (*Хрипит, ее одолевает одышка.*)

Крис (*с детской обидой*). Не вижу ничего смешного.

Марти. А ты погляди в зеркало, увидишь. Ха-ха! (*Преодолев приступ смеха, хихикает с издевкой.*) Какой-то немчура вздумал провести Марти Оуэн, да еще на старости лет! Будто я не прожила на баржах с вашим братом чуть не четверть века! Все ваши шуточки знаю насквозь. Не для того меня мать родила и кинула в порту сызмальства. Думаешь, я буду скандалить? Черта с два! Сложу свои манатки — и поминай как звали! Не ты меня, а я тебя брошу, понял? Тошно мне на тебя глядеть, понял? И это я тебя бросаю ко всем чертям, понял? Мало мне, что ли, мужиков на других баржах? Свет клином на тебе не сошелся. На мой век вашего брата хватит. (*Хлопает изумленного Криса по спине.*) Так что носа не вешай! К ее приезду на барже и следа моего не будет. Ты от меня навсегда избавишься — да и я от тебя тоже; нам обоим от этого будет только лучше. Ха-ха!

Крис. Я так и думаю. Ты хорошая девушка, Марти.

Марти (*ухмыляясь*). Хорошая девушка? Ну ты мне очки не втирай!.. Ну что ж, ты вел себя по отношению ко мне как порядочный. Так что, выходит, мы квиты. Друг на друга не в обиде. Расстанемся друзьями, а?

Ларри возвращается на свое место у стойки.

Крис (*сияя, поскольку все неприятности уже позади*). Конечно, клянусь богом!

Марти. Так-то оно будет лучше! Всю мою жизнь старалась рвать с мужчинами по-хорошему, безо всякого зла. И чего это ты так испугался, неужели думал, что я полезу в бутылку? Нет, это не для Марти! (*С издевкой.*) Думал, сердце у меня лопнет оттого, что с тобой

расстаюсь? Или, может, утоплюсь, а? Ха-ха! О господи! Сколько на свете мужиков—была бы на них охота!.. (С улыбкой допивает свое пиво.) Поставь-ка мне лучше еще кружечку. Выпью за здоровье твоей дочки.

Крис (угодливо). Конечно, конечно. Сейчас. Минутку. (Несет обе кружки к бару.) Еще раз. То же самое, обоим.

Ларри (наливая и ставя кружки на стойку). А она, видно, не так уж плоха.

Крис (радостно). Я же тебе говорю: она—хорошая девушка! Ей-богу, это надо праздновать. Дай мне стаканчик виски тут, у стойки! (Кладет деньги.)

Ларри подает ему виски.

Может, ты тоже выпьешь, Ларри?

Ларри (с добродетельной миной). Ты же знаешь, я к этому зелью отродясь не притрагиваюсь.

Крис. Ну и зря, парень. Тебе же хуже. Сколл! (Идет. Громко затягивает песню.) «О, Йозефина, жду тебя, а ты все не приходишь!» (Берет кружки, налитые для него и Марти, и, пошатываясь, направляется в маленькую комнату, продолжая петь.) «Луна взошла уже давно, а ты все где-то бродишь. Ти-ти та-та, ти-ти та-та!»

Марти (ухмыляясь, зажимает пальцами уши). О господи спаси!

Крис (присаживаясь к столу). Здорово я пою, а? Выпьем, а? Сколл! Я хочу праздновать!.. (Идет.) Я хочу праздновать, потому что Анна приезжает домой. Знаешь, Марти, а я ведь ни разу не написал ей, чтобы она приехала. Думал, что я для нее—слишком плохой отец. Но день и ночь я все думал и думал, что придет такое время, когда она захочет меня увидеть и придет ко мне. И вот так, шерт возьми, и случилось! (Лицо его сияет.) А как по-твоему, Марти, какая она есть? Наверно, здоровый, складный девушка, красивый как картинка! Не зря ведь росла в деревня. И ты мне поверь: она выйдет замуж за славный, порядочный парень. будет иметь свой дом, народит детей, и я, шерт возьми, буду тогда старый дедушка! Всякий раз, когда зайду в какой-нибудь порт по соседству, буду приезжать к ним в гости. (Его переполняет радость.) Шерт побери! Я хочу это праздновать! (Орет.) Принеси-ка нам еще выпивка, Ларри! (С грохотом бьет кулаком по столу.)

Ларри (входит. С раздражением). А ну потише! Нечего столы ломать, старый козел!

Крис (вместо ответа бессмысленно улыбается и затягивает песню). «О, Йозефина, жду тебя...»

Марти (пытаясь утихомирить Криса, берет его за

локоть). Да ты совсем налился, немчура. Ступай отсюда и закуси чем-нибудь. Может, протрезвеешь.

Крис упрямо качает головой.

Послушай ты, старый хрыч! Ты ведь понятия не имешь, когда твоя дочка может приехать. Небось хочешь быть трезвым к ее приезду?

Крис (*пошатываясь поднимается на ноги*). Конечно, шерт возьми!

Ларри. Вот это разговор. Поешь чего-нибудь мясного, сразу лучше станет. Иди за угол, там тебя накормят.

Крис. Ладно, Марти, я скоро вернусь. (*Проходит через бар и выходит на улицу.*)

Ларри. Ничего, чуть-чуть подзаправится и придет в себя.

Марти. Пусть подзаправится!

Ларри возвращается на свое место за стойкой и углубляется в чтение газеты. Марти задумчиво тянет остаток пива. У двери для домашних слышен звонок. Ларри приотворяет дверь, потом с недоумеющим видом запахивает ее настежь. Входит Анна Кристоферсон. Это высокая статная блондинка лет двадцати—настоящая дочь викингов, но уже порастраченная свое здоровье и отмеченная клеймом древнейшей в мире профессии. Ее молодое лицо ожесточилось и под густым слоем косметики похоже на циничную и горькую маску. Одета она в кричащее дешевым шиком тряпье крестьянки, ставшей уличной девкой. Войдя, устало опускается на стул возле одного из столиков слева.

Анна. Дай-ка мне виски. И имбирного пива. Отдельно. (*Когда Ларри поворачивается, чтобы уйти, награждает его вымученной улыбкой.*) И не скупись, малыш.

Ларри (*с издевкой*). Ведерка хватит?

Анна (*с жестким смешком*). А ты как думаешь? Пожалуй, что и хватит.

Ларри идет в бар.

Женщины обмениваются откровенно оценивающими взглядами. Входит Ларри, ставит перед Анной виски и возвращается в бар.

(*Глотком осушает принесенное виски. Через несколько секунд алкоголь подбадривает ее. Оборачивается к Марти с дружелюбной улыбкой.*) Господи, как мне это было нужно, прямо позарез!..

Марти (*сочувственно кивая*). Да, вид у вас неважный. Кутили?

Анна. Нет... Больше суток ехала в поезде. Всю ночь напролет сидела в вонючем вагоне. Господи, думала, никогда не доеду.

Марти (*вздвинув, пристально на нее смотрит*). И откуда же вы едете?

Анна. Из Сент-Пола, штат Миннесота.

Марти (с изумлением, медленно). Так это вы?.. (Виззаяно раздражается хриплым, язвительным хохотом.) Боже мой!

Анна. Ну да, еду из самой Миннесоты... (Вспыхнуло.) Над чем это вы потешаетесь? Надо мной?

Марти (поспешно). Да нет, деточка, честное слово, нет! Я думала про свое.

Анна (смягчившись, с улыбкой). Я на вас не в претензии, если и надо мной. Небось я похожа на пугало. Две недели как из больницы. Взять разве еще виски, как по-вашему? Не хотите ли — угощаю!

Марти. С удовольствием. Спасибочко. (Зовет.) Ларри! А ну-ка, послужи нам!

Входит Ларри.

Анна. То же самое, еще раз.

Марти. И мне тоже.

Ларри берет кружки и выходит.

Анна. А почему бы вам не пересесть и не составить мне компанию? Я у вас в городе словно в темном лесу. С позавчерашнего дня ни с кем словом не обмолвилась.

Марти. Пожалуйста. (Шаркая, переходит к столику Анны и садится напротив.)

Ларри приносит выпивку.

Анна с ним расслабляется.

Анна. Сколл! За все такое прочее! (Пьет.)

Марти. Ваше здоровье! (Отхлебывает из своей кружки.)

Анна (вытаскивая из сумки пачку дешевых сигарет). Тут ведь курить разрешается?

Марти (с сомнением). Кто их знает... (Уже с явным беспокойством.) Кишите куда-нибудь, если кто войдет...

Анна (зажигает сигарету и затягивается). Неужто они в этой забегаловке так привередливы? (Дымит, уставившись взглядом в стол.)

Марти рассматривает ее с пристальным интересом, молча отмечая про себя каждую ее черту.

(Перехватывает ее взгляд, с раздражением.) У меня что-нибудь не в порядке? Чего это вы на меня уставились?

Марти (обозлившись на ее тон, с насмешкой). Да и глядеть-то особенно не на что. Птица видна по полету.

Анна (прищурив глаза). До чего же глаза у вас шустрые! Да и мне нетрудно отгадать, что вы за птица. Лет через сорок и я буду точь-в-точь такой, как вы. Судьба! (Сместя, резко, горько.)

Марти (*сердито*). Да? А я вот что тебе скажу, душечка! Марти Оуэн никогда... (*Тут же одергивает себя и продолжает с улыбкой.*) Чего это ты задираешься? Давай бросим этот разговор. Лично я предпочитаю жить с людьми в мире. (*Протягивает руку.*) Идет?

Анна (*с радостью пожимает ей руку*). От всей души! Мало мне своих неприятностей? Давайте лучше выпьем еще по одной. Не возражаете?

Марти (*качая головой*). С меня хватит. Накачалась досьга. А вы... давно ели?

Анна. Утром, в поезде.

Марти. Тогда, пожалуй, вам тоже лучше поостеречься.

Анна (*секунду поколебавшись*). Пожалуй, и правда. К тому же мне надо кое-кого повидать. Но после этой проклятой поездки я просто вся издергалась.

Марти. Вы говорите, что прямо из больницы?

Анна. Две недели как вышла. (*Нагибаясь через стол, Марти, доверительно.*) В заведение, где я служила в Сент-Поле, нагрянула полиция. С этого все и началось. Судья дал нам, девицам, по тридцать дней. Другим — как с гуся вода. Многие уже привычные. А я не могла. Думала, мне крышка! Не ем, не сплю... Не могу сидеть взаперти, и все. Так расхворалась, что пришлось отпратить меня в больницу. Вот была лафа! Прямо выходить не хотелось, ей-богу!

Марти (*чутьочку помолчав*). Вы говорили, вам нужно с кем-то встретиться?

Анна. Да. Но дело совсем не в том, что вы думаете. Мне надо повидаться с моим папашей. Правда! Смешно? Не видала его с детства, даже не знаю, как он выглядит. Время от времени получала от него письма. А вот здесь — единственный адрес, по которому можно было ему отвечать. Он теперь служит швейцаром в каком-то доме. А раньше был матросом.

Марти (*изумленно*). Швейцаром?

Анна. Ну да. Вот я и решила: раз он за всю свою жизнь ничем мне не помог, может, хоть теперь раскошелится на еду и на комнату, покуда я не отдышусь. (*Устало.*) А мне так надо отдохнуть! Сил нет никаких... (*Без всякой надежды.*) Но я от него многого не жду. Да какой же мужик тебе не даст пинка, стоит тебе споткнуться? (*С внезапной горячностью.*) Ох уж эти мне мужики, до чего я их ненавижу! А он небось не лучше других. (*С интересом.*) Скажите, а вы частенько заглядываете в эту забегаловку?

Марти. Да как придется...

Анна. Тогда, может, вы его знаете? Моего папашу?

Или хоть видели его?

Марти. Уж не старый ли это Крис?

Анна. Старый Крис?

Марти. Его настоящее имя Крис Кристоферсон.

Анна (*взволнованно*). Ну да, он! А меня зовут Анной Кристоферсон. Это только там я звала себя Анной Кристи. Значит, вы его знаете?

Марти (*уклончиво*). Не первый год его встречаю.

Анна. Скажите, а какой он? Только правду!

Марти. Низенький и...

Анна (*нетерпеливо*). Да наплевать мне, как он выглядит. Что он за человек?

Марти (*серьезно*). Ну на этот счет, детка, можешь не беспокоиться. Твой старик—самый первый сорт, лучше не бывает.

Анна (*обрадованно*). Вот это здорово! Значит, вы думаете, он мне поможет, чтобы я могла чуток отдохнуть?

Марти (*убежденно*). Это уж наверняка. (*Недовольно.*) Но с чего это вы взяли, что он служит швейцаром?

Анна. Он мне сам об этом писал.

Марта. Ну и соврал. Никакой он не швейцар. Он капитан баржи. Под его началом целых пять человек команды.

Анна (*тоже недовольно*). Баржи? Какой баржи?

Марти. Угольной.

Анна. Угольной баржи? (*С резким смехом.*) Хорошенькая работенка у моего ненаглядного папаши. Господи, будто я не знала, что все у меня пойдет вкривь и вкось—со мной иначе и не бывает. Да ничего не выйдет с моим отдыхом!

Марти. А почему же нет?

Анна. Да ведь он небось живет на судне?

Марти. Конечно. Ну и что с того? Разве вы не можете жить с ним вместе?

Анна (*язвительно*). Я? На грязной угольной барже? За кого вы меня принимаете!

Марти (*с обидой*). А что ты понимаешь в баржах? Могу поклясться, что ни одной баржи ты и в глаза не видела! Сам виноват: не надо было воспитывать тебя на суше, вдали от этого чертова моря... Там, видите ли, спокойнее!.. О господи прости! (*До нее не сразу доходит прония того, что произошло и о чем она сейчас сказала, но, уразумев, она хрипло и громко смеется.*)

Анна (*зло*). Он меня воспитывал! Кому он это рассказывает? Вот нахальство! Да он бросил меня на мамашинных родственников и позволил им загнать меня, как последнюю клячу! Впрягли меня на своей ферме...

Марти. У него пачет некоторых вещей не все дома. Я сама слышала, как он говорил, будто деревня—самое подходящее место для ребенка.

Анна. Вот-вот! Это он вечно мне в письмах твердил. И еще все какой-то бред нес, про то, что женщине надо держаться подальше от моря... Ничего я не понимала, хоть убей! Решила, что он того, тронутый.

Марти. Только в этом вопросе. *(Небрежно.)* Значит, жизнь на ферме тебе не по вкусу?

Анна. Еще бы! Там были старик, его жена и четверо сыновей—мне одной надрываться на всех приходилось. Бедная родственница—да со мной обходились хуже, чем с батрачкой. *(Чуть-чуть поколебавшись, мрачно.)* Один из сыновей—младший—был в моей жизни первый... Мне тогда едва стукнуло шестнадцать. Ух, как я их потом всех возненавидела—навверняка бы пришибла, если бы осталась. Вот и сбежала в Сент-Пол...

Марти *(слушая с сочувствием)*. Старый Крис рассказывал, будто вы живете там в няньках. Вы что же, обманывали его, когда писали ему оттуда?

Анна. Вовсе нет, зачем мне было его обманывать. Два года все так и было, я ему чистую правду писала. Я не сразу пошла по дурной дорожке. Но доконало меня как раз то, что я была нянькой. Ухаживать за чужими детьми, вечно слушать их рев и хныканье, сидеть в четырех стенах, когда сама еще ребенок и тебе хочется на волю, поглядеть на божий свет... Наконец-то мне повезло: я попала в шикарное заведение. Уж будьте спокойны, я зевать не стала. *(С визовом.)* И нисколько не жалею. *(Помолчав минутку, с горькой ненавистью.)* Во всем виноваты мужики—во всем, что со мной случилось. Мужики на ферме, которые помыкали мною и били, а потом пустили по этой дорожке... Мужики—когда я была в няньках. Они ходили за мной, как собаки по следу,—так и глядели, что можно урвать. *(Грубо смеется.)* А теперь уж и вовсе в жизни остались одни мужики. Господи Иисусе, как я ненавижу их всех! А вы нет?

Марти. Не знаю. Бывают, детка, и хорошие, но попадаютоя и плохие. Тебе на них просто не везло. Вот, к примеру, твой папаша, старый Крис... он хороший.

Анна *(недоверчиво)*. Пусть докажет.

Марти. А ты по-прежнему писала ему, что живешь в няньках, даже и тогда, когда попала в заведение?

Анна. А как же? *(Цинично.)* Ему все равно наплевать.

Марти. Ошибаешься, детка. *(Серьезно.)* Я старого Криса не первый год знаю. Он о тебе столько раз говорил. Он в тебе души не чает, хочешь верь, хочешь нет.

Анна. Бросьте меня разыгрывать!

Марти. Я правду говорю. Только больно он простодушен, понимаешь? И в голове у него каша. Но намерения у него добрые, не сойти мне с этого места. Ты меня послушай, детка...

Ее прерывает звук хлопнувшей двери со стороны улицы и голос Криса.

Тсс!

Анна. Что там?

Крис (*входит в бар. Он заметно протрезвел*). Клянись богом, Ларри, поел на славу. Марти еще здесь?

Ларри. Да. С ней еще какая-то бродяжка.

Крис направляется к двери в маленькую комнату.

Марти (*Анне торопливым, взволнованным шепотом*). Это он. Идет сюда. Держись!

Анна. Кто?

Крис отворяет дверь.

Марти (*так, словно она его впервые сегодня видит*). Кого я вижу? Здорово, Крис! (*Прежде чем он успевает открыть рот, она, шаркая ботинками, пробегает мимо него в бар, делая ему знаки, чтобы он шел за ней следом.*) Идите сюда. Мне надо вам что-то сказать.

Он выходит за ней.

(*Торопливо, шепотом.*) Послушай! Я сейчас смоюсь на баржу, сложу свои манатки и дам тягу. Там сидит она, твоя Анна, только что пришла. Ждет тебя. Смотри не обижай ее, слышишь? Она была больна. Ну ладно, пока! (*Возвращается в маленькую комнату, Анне.*) Прощай, детка. Мне пора. Еще увидимся.

Анна (*с беспокойством*). Пока.

Марти поспешно уходит через дверь для домашних.

Ларри (*с любопытством поглядывая на ошеломленного Криса*). Что тут у вас произошло?

Крис (*неопределенно*). Ничего... ничего... (*Стоит перед дверью в маленькую комнату, растерянный от нахлынувших чувств, затем берет себя в руки, толкает дверь, входит в комнату и застыживает, робко поглядывая на Анну. Он смущен: на Анне яркое платье и ему кажется, что она очень шикарная. Неуверенно оглядывается по сторонам, словно боясь встретиться взглядом с дочерью.*)

Та внимательно его осматривает.

(*В его голосе мольба о снисхождении.*) Анна!

Анна (с не меньшим смущением). Здравствуй... отец. Женщина мне сказала, что это ты. Я только что приехала.

Крис (медленно подходит к ней). Я так рад... тебя видеть... после столько лет, Анна. (Наклоняется к ней.)

Подавив смущение, целуют друг друга.

Анна (в ее голосе прорывается подлинное волнение). Я тоже рада тебя видеть.

Крис (хватает ее за руки и вглядывается в лицо, потом, задыхаясь от прилива непривычной нежности). Анна, lilla!¹ Анна, lilla! (Обнимает ее.)

Анна (освобождаясь от объятий, несколько удивленно). Это на каком, по-шведски? Не понимаю... (Пытается преодолеть натянутость.) Господи, ну и дорога же была у меня, всю меня вымотало. Просидела всю ночь в вонючем вагоне, глаз не сомкнула, а потом еле-еле отыскала это место. Я ведь никогда не бывала в Нью-Йорке и...

Крис (не сводя с ее лица восхищенных глаз и не слушая того, что она говорит, порывисто). Знаешь, Анна, какая ты был хорошенькая девочка? Клянусь богом, все мужчины, наверно, в тебя влюбляются!

Анна (с отвращением, резко). Прекрати! Не говори то же, что и все.

Крис (обиженный, кротко). Чего тут плохой, если отец так говорит?

Анна (с вынужденным смешком). Да нет, ничего. Просто мне смешно, что вот я тебя вижу, а ничего о тебе не припомню. Ты ведь мне совсем как... чужой.

Крис (грустно). Ну да, так и есть. Я никогда не приезжал домой, только раз, в Швеция, когда ты был совсем маленькой. Ты помнишь?

Анна. Нет. (С обидой.) Почему ты никогда не приезжал? Почему ты ни разу не приехал на Запад, чтобы меня повидать?

Крис (медленно). Я думал, когда твоя мать умерла — а я ведь в те дни был в плаванье, — лучше будет, если ты меня больше никогда не увидишь! (Уныло опускается на стул, потом поворачивается к ней, печально.) Теперь я и сам не пойму, Анна, почему я в те годы не приезжал домой, в Швеция... К концу каждый плаванья мне так хотелось домой. Мне так хотелось повидать твою мать и твои братья, они утонули потом в море; взглянуть на тебя, когда ты родилась... Не знаю... Почему-то я все не ехал и не ехал. Нанимался на другие судно, плавал Южная Америка, Австралия, Китай, заходил во все порты на

¹ Крошка (швед., ласкат.).

белом свете — и не раз, а по многу раз, а все никак не мог сесть на судно, которое ходило в Швеция. Когда у меня в кармане водились деньги и я мог заплатить за проезд домой, я... *(Виновато опускает голову.)* Я обо всем забывал и тратил их. А когда, бывало, опомнишься — уже поздно. *(Вздыхает.)* Не знаю уж почему, но так бывает с большинством моряков, Анна. Море — это старый шерт, оно выкидывает с людьми подлые штуки, превращает их в полоумный. Ты уж мне поверь, я не вру.

Анна *(пристально за ним наблюдает. С оттенком горькой иронии)*. Значит, по-твоему, во всем виновато море? А почему же ты по-прежнему моряк; сколько ты писал мне, что ненавидишь его... Женщина, которая здесь была, рассказывала, ты капитан угольной баржи. А ведь мне писал, что служишь швейцаром?

Крис *(сгорает от смущенья, но продолжает бойко врать)*. О, я долго служит на суше. Швейцаром. И совсем недавно взялся за эта работа потому, что был болен, мне нужен был чистый воздух.

Анна *(недоверчиво)*. Болен? Ты? Вот бы никогда не подумала.

Крис. Знаешь, Анна, это не настоящий морской служба. И судно — не настоящий морской судно. Простой старый лохань — все равно что кусок земли и домик сверху, но только он плавает. И работа на барже — это не морской работа. Нет! Я ни за что не пойду больше в море, Анна, хотя бы мне пришлось помирать. Я в этом поклялся, когда умирала твоя мать. И сдержу, шерт возьми, слово!

Анна *(недоумевающая)*. Что до меня, я тут не вижу особенной разницы. *(Меняя тему.)* А насчет болезни — я сама только что из больницы. Всего две недели как оттуда.

Крис *(сразу же проникаясь заботой)*. Ты, Анна? Господи! *(Встревоженно.)* Ну, а теперь тебе лучше? У тебя немножко усталый вид.

Анна *(тихо)*. Еще бы. Я до смерти устала. Мне бы очень нужно отдохнуть. Но как это сделать?

Крис. Не понимаю...

Анна. Ведь когда я решила к тебе поехать, я думала, что ты служишь швейцаром и у тебя есть место, где, если ты не будешь возражать, я могла бы немножко отдохнуть... Пока не буду в силах вернуться на работу.

Крис *(радостно)*. Но у меня есть место, Анна, хороший место! Ты отдохнешь, клянусь господом богом! Тебе никогда больше не придется работать в няньках. Ты будешь со мной, шерт побери!

Анна (*обрадованная его отношением, улыбается*). Значит, ты и вправду рад меня видеть? Честное слово?

Крис (*сжимая ее руку в своих*). Анна, я же тебе говорю, я как шерг рад тебя видеть! И не думай больше о работа. Ты останешься у меня. Я ведь так давно тебя не видел, понимаешь? (*Голос его дрожит*.) Я уже старый. У меня на всем свете никого нет, кроме тебя.

Анна (*тронута, но и смущена непривычными излияниями*). Спасибо. Приятно слышать, когда тебе говорят такие слова. А ты мне скажи, если ты уж так одинок,— смешно, право...—но почему ты опять не женился?

Крис (*помолчав, решительно мотает головой*). Я слишком любил твоя мать, Анна.

Анна (*поражена, медленно*). А я совсем ее не помню. Какая она была? Расскажи.

Крис. Я тебе расскажу обо всем, что хочешь, а ты мне расскажешь, как ты жила. Но не сейчас, не здесь. Это нехороший место для молодой девушка. Только пронаций моряки приходят сюда, чтобы напиться. (*Быстро встает и берет ее чемодан*.) Пойдем, Анна. Тебе надо отдохнуть.

Анна (*привстает, но садится снова*). Куда ты?

Крис. Идем. На судно.

Анна (*с разочарованием в голосе*). Как, на баржу? (*Сухо*.) Нет уж! (*Видя его огорченное лицо, заставляет себя улыбнуться*.) Ты думаешь, это подходящее место для девушки—твоя угольная баржа?

Крис (*хмуро*). Да, я так думаю. (*Продолжает все более взволнованно, он просит, умоляет*.) Ты не знаешь, Анна, как хорошо на баржа! Пристанет буксир и уведет нас в плавание—кругом одна вода и солнце, свежий воздух, здоровый пицца, чтобы ты могла окрепнуть и опять стала сильной. Ты увидишь то, чего никогда не видала! Луна ночью, мимо проходящий пароход, парусник поднимает снасти... Ты увидишь такой красота, что и предстать не можешь. Тебе нужно отдохнуть. Ты для своих лет и так много работала. Тебе нужен передышка!

Анна (*слушавшая его с возрастающим интересом, неуверенно смеивается*). Здорово ты про все это рассказываешь... Мне, конечно, очень хотелось бы прокатиться по морю. Меня только пугало, что это баржа... Что ж, пойдем, посмотрю, а вдруг решусь? Господи, почему бы разок и этого не попробовать.

Крис (*снова берет ее чемодан*). Значит, идем?

Анна. Куда ты торопишься. Обожди. (*Забыв на мгновение, где она, принимает привычную позу и улыбается профессиональной улыбкой*.) Господи, до чего же хочется выпить!

Крис (*сразу ставит ее чемодан на пол*). Прости, Анна. Чего тебе хотелось бы выпить?

Анна (*без всяких колебаний*). Я хотела бы... (*Внезапно спохватившись, смущенно*.) Не знаю. (*Пауза*.) А что у них тут есть?

Крис (*улыбаясь*). Не думаю, чтобы у них нашлось что-нибудь подходящее для молодой девушка. Разве что имбирное пиво или наливка.

Анна (*тоже пыталась улыбнуться*). Ну что ж, закажи мне наливочки...

Крис (*подходя к ней и подмигивая*). Знаешь что, Анна, давай разок отпразднуем наша встреча после стольких лет разлука. (*Чуть не шепотом, смущенно*.) У них тут есть хороший портвейн. Тебе, по-моему, полезно выпить самую малость, для аппетита. Да он совсем и не крепкий. От одного стаканчик, поверь мне, голова у тебя не закружится.

Анна (*сдерживая истерический смех*). Ладно. Выпью портвейна.

Крис. Сейчас принесу. (*Выходит в бар*.)

Анна (*вскакивает, хватая чемодан, прерывистым шепотом*). Боже ты мой! Нет, этого я не выдержу! Лучше смоюсь. (*Потом выпускает из рук чемодан, он падает на пол. Спотыкаясь, возвращается на свое место и, закрыв лицо руками, рыдает*.)

Ларри (*опустив газету, ослабившись*). Ну, Крис, кто же эта блондиночка?

Крис (*с гордостью*). Это моя Анна, Ларри.

Ларри (*с изумлением*). Ваша дочь Анна?

Крис кивает. Ларри, не удержавшись, протяжно, тихонько свистит и смущенно отворачивается.

Крис. Какая она хорошенькая девушка, правда?

Ларри (*старается не ударить лицом в грязь*). Еще бы! Красотка!

Крис. Будь покоен! Дай выпить — один портвейн для Анна; дочка хочет со мной отпраздновать. И маленькую кружку пива для меня.

Ларри (*наливая*). Маленькую? Увидите, она вас сделает человеком.

Крис (*довольный*). Будь покоен! (*Берет кружку*.)

Услышав его шаги, Анна поспешно вытирает глаза, пытается улыбнуться.

(*Входит, ставит напитки на стол, тревожно всматривается в ее лицо, хлопывает по руке*.) У тебя усталые глаза, Анна. Что ж, я заставлю тебя как следует

отдыхать. *(Берет свою кружку.)* Выпей вина. Тебя это сразу подбодрит.

Она поднимает свой стакан.

(Широко улыбается.) Сколл, Анна! Знаешь такое шведское слово?

Анна. Сколл! *(Одним глотком осушает стакан портвейна, словно это виски; губы ее дрожат.)* Сколл? Будь спокоен, это слово я хорошо знаю!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Десять дней спустя. Корма тяжело нагруженной баржи «Симеон Ушгироп», бросившей якорь на рейде Провинстауна, штат Массачусетс. Десять часов вечера. Баржа со всех сторон закутана пеленой непроницаемого тумана и совсем не движется по тихой водной глади. Фонарь, поставленный на бухту каната, тускло мерцая, освещает массивные стальные кнехты для буксирного троса и другие предметы. Позади — каюта; сквозь ее матовые стекла неясно светит зажженная внутри лампа. Печная труба возвышается на несколько футов над крышей. Тишину время от времени нарушает жалобный звон склянок на мусу и на других стоящих на рейде судах.

Когда поднимается занавес, Анна стоит у бухты каната, на которую поставлен фонарь. Она изменилась до неузнаваемости, поздоровела, на щеках заиграл белой румянец. На Анне черный дождевик, но голова ничем не покрыта. Она вглядывается с благоговейным изумлением в туман за кормой. Дверь каюты распахивается, и оттуда выходит Крис. Он в желтом клесчатом штормовом костюме — куртка, штаны, шляпа и высокие сапоги.

Крис *(после яркого света лампы подслеповато вглядывается в темноту)*. Анна! *(Не слыша ответа, зовет снова, теперь уже с явным беспокойством.)* Анна!

Анна *(вздвигнув и властно махнув рукой, словно теребя тишины, шепотом)*. Я здесь. Чего тебе?

Крис *(подходя к ней; заботливо)*. Почему ты не ложишься спать? Уже поздно, пробили четыре склянки. Тебе, по-моему, вредно дышать этим туманом.

Анна. Почему? *(С каким-то необычайным подъемом.)* Я люблю туман! Правда! От него все так... *(ищет слово)* странно. Тишина. У меня такое чувство, будто я... от всего отгорожена.

Крис *(с отворачиванием сплевывая)*. Туман — хуже самых дьявольских его проделок!

Анна *(со смехом)*. Опять ты лютуешь, опять поносишь море? А вот я, видно, уже полюбила его, хоть я на нем всего ничего.

Крис (*хмуро на нее поглядывая*). Глупость! Узнаешь его получше, не будешь так говорить. (*Видя, что такой разговор ее раздражает, поспешно переходит на более веселый тон.*) Я рад, что тебе нравится на барже. Я рад, что ты опять хорошо себя чувствуешь. (*С обезоруживающей улыбкой.*) Тебе нравится жить вдвоем с твоим стариком, а?

Анна. Нравится. Тут так не похоже на то, что я раньше видела. И вот теперь... этот туман. Господи, как хорошо, что мне привелось здесь пожить. Вот уж не думала, что жизнь на корабле так не похожа на все, что творится там, на суше. Господи, если бы я была женщиной, я бы только и мечтала плавать на корабле! Правду говорю! Ничего удивительного, что ты всю жизнь был моряком.

Крис (*запальчиво*). Больше я не моряк. И это не настоящий море! Ты видишь только его приятный сторона.

Она не отвечает.

(*Продолжает с надеждой.*) Что ж, к утру туман подымет. Я так думаю.

Анна (*в ее голосе снова звучит радостное волнение*). Как мне он нравится! Да пропади все пропадом, пусть туман никогда не подымается!

Крис озабоченно переступает с ноги на ногу.

(*Помолчав, медленно.*) Я кажусь себе такой чистой... тут... словно меня вымыли.

Крис (*помолчав*). Иди лучше в каюту, почитай книжку — и заснешь.

Анна. Я не хочу спать. Мне хочется побыть здесь... помечтать.

Крис (*идет в каюту, но возвращается*). Ты сегодня какая-то странная.

Анна (*громко, сердито*). Чего тебе от меня нужно? Непременно хочется все изгадить? Ты был все время такой добрый — лучше не надо. Я тебе очень благодарна. Зачем же ты хочешь все испортить? (*Но, увидев по его лицу, что причинила ему боль, старается улыбнуться.*) Поговорим о чем-нибудь другом. Давай садись вот тут, рядом. (*Показывает на бухту каната.*)

Крис (*вздыхнув, усаживается с ней рядом*). Уже очень поздно, Анна. Скоро пробьет пять склянок.

Анна (*с интересом*). Пять склянок? А который же это час?

Крис. Половина одиннадцатый.

Анна. Смешно, что я совсем не знаю вашего морского

наречия,—да ведь у моих двоюродных братьев только и было разговору что о посевах и скотине. Господи, как мне все это обрыдло! И они сами не меньше!

Крис. Тебе не нравилось на ферма?

Анна. Сто раз тебе говорила, как мне все это было ненавистно. *(Твердо.)* Одну каплю океана не променяю на все фермы в мире! Ей-богу! Да и тебе бы там тоже не понравилось. Твое место здесь. *(Широко взмахнув рукой, показывает на море.)* Но не на угольной барже. На настоящем корабле, который плавает по всем морям.

Крис *(хмуро)*. Я плавал много лет, Анна. Как последний дурак.

Анна *(презрительно)*. Чепуха! *(Помолчав, размышляет вслух.)* Интересно, а в твоём роду все были моряками?

Крис *(сухо)*. Все. Дурачье! Все мужчины в нашей приморской деревне, в Швеции, уходят в море. А что им еще делать? Мой отец умер на борту корабля в Индийском океане. Его и похоронили в море. Я его почти не знал. Потом и мои братья—все трое были старше меня,—они тоже ушли в море. А за ними и я. Тогда мать осталась совсем одна. Она скоро после этого умерла—и умирала одна. Все мы были в плаванье. *(Печально смекает.)* Два моих брата погибли на рыбацких шхунах—утонули, как и твои братья. Старший брат скопил немножко денег, бросил море и умер дома, в собственной постель. Он единственный, кого не загубил этот старый дьявол. *(С вызовом.)* А я вот, клянусь, я тоже умру на суша, в своей постель!

Анна. Все они были простыми матросами?

Крис. Почти все они были матросами первого класса. *(С оттенком гордости.)* И хорошие моряки. А я... *(Поколебавшись, застенчиво.)* Я был боцманом.

Анна. Боцманом?

Крис. Это уже вроде офицера.

Анна. Вот здорово! А что делает боцман?

Крис *(заметив ее восторг, мрачнеет)*. Работает до потери сил. Будь она проклят, эта моряцкий доля. *(Решившись отаратить ее навсегда от моря, изливается страстным потоком слов.)* Все они были дурачье—мужчины в нашем роду. Тянули лямка в море, и ради чего? Была у них одна забота: напиться в день получка, дать себя дочиста ограбить, а потом снова наняться на новый плаванье. Домой они и глаз не казали. Все у них было не как у людей. А этот старый бес—море—раньше или позже пожирал их всех по одному.

Анна *(со смешком)*. А по-моему, они молодцы! Но скажи мне—а женщины? Неужели все женщины у нас в семье выходили замуж за моряков?

Крис (*охотно, с надеждой убедить*). Да. Вот им-то и пришлось хлебнуть горя! Не жизнь—ад кромешный! Мужчин своих почти никогда не видели. Только и знали, что ждать, ждать, ждать. А когда подросли сыновья, они уходили в море. И опять сплошные ожидания. (*Страстно.*) Надо быть круглой дура, чтобы пойти за моряка! Послушала бы ты свою мать, если бы она была жива. (*Снова впадает в мрачную задумчивость.*)

Анна (*помолчав, мечтательно*). Смешно! Сегодня я будто совсем не в себе. Мне кажется, что я старая-старая...

Крис (*не понимая*). Старая?

Анна. Ну да... словно я прожила уже много-много лет... тут, в тумане. (*Растерянно морщит лоб.*) Не знаю, как тебе объяснить. Будто я вернулась домой после долгого плавания в чужих краях. Мне почему-то кажется, что я уже здесь бывала не раз... на кораблях. Вот в этом самом тумане. (*Со смехом.*) Ты не подумай, что я спятила.

Крис (*хрипло*). Попробуй не спятить в таком тумане.

Анна (*настойчиво*). Но ты мне скажи: почему я чувствую, словно нашла то, чего мне долго недоставало, то, что я так искала? Будто вот оно, мое настоящее место. Здесь я своя. И мне кажется, будто я все позабыла... все, что со мной случилось. Словно то, что было, ничего не значит. Я чувствую себя почему-то такой чистой—как будто только что искупалась. Впервые я чувствую себя счастливой, ей-богу,—такой счастливой я никогда не была! (*Видя, что Крис молчит и только тяжело вздыхает, она продолжает с недоумением.*) Видно, я все же спятила, верно?

Крис (*в голосе его мрачное предчувствие*). Ну и дурак же я, что взял тебя в плаванье!

Анна (*притихнув от его тона*). Да ты и сам разговариваешь сегодня как-то странно. И ведешь себя так, словно боишься какой-то беды.

Крис. Один только бог знает, чего человеку нужно бояться.

Анна (*насмешливо*). Что ж, тогда, как говорят попы, положимся на волю Божию.

Крис (*вскакивая на ноги в негодовании*). Нет! Какой же он бог, этот старый бес—море?

Тишина, которая следует за его вспышкой, нарушается тихим зовом из тумана с левого борта. Низкий, слабый мужской голос кричит: «Эй!»

Крис испуганно вскакивает.

Анна (*быстро*). Кто это?

Крис (*овладев собой, брюзгливо*). Шерт возьми, я

даже перепугался! Какой-то парень кричит, видно, сбился с курса в туман. Рыбачий шхуна, наверно. Мотор испортился.

Из тумана снова доносится: «Эй!», на этот раз ближе.

(Подходит к фальшборту слева.) Как будто с этой стороны? Из открытого моря. *(Приложив руки ко рту в виде рупора, кричит в туман.)* Эй, вы там! Что стряслось?

Голос теперь уже ближе, со стороны носа: «Киньте конец, когда мы подойдем к борту. *(С раздражением.)* Да где же вы, черт нас побрал!»

Крис. Я слышу звук весел. По-моему, они подходят к носу... *(Снова кричит.)* Сюда, сюда!

Голос. Есть...

Доносится скрип уключин.

Анна *(скорое самой себе, недовольно)*. Какой черт его сюда принес!

Крис *(торопливо)*. Пойду на нос. Все спят, кроме вахтенный. Надо бросить конец. *(Берет канат и спешит на нос.)*

Анна отходит назад, к самой корме, ей хочется как бы отгородиться от всего. Повернувшись спиной к носу, она глядит в туманную пустоту. Снова слышится голос: «Эй, на корабле!» И ответный крик Криса: «Сюда!» После некоторой тишины слышатся взволнованные голоса, шарканье подошв. Из-за каюты появляется Крис. Он тащит обессиленного человека в парусиновой робе, закинув его руку себе за шею. За ним следом молодой светловолосый матрос швед Йонсон ведет таким же образом другого измученного человека. Анна оборачивается и смотрит на них.

Крис *(задерживаясь на мгновение)*. Анна! Иди сюда, помоги. Принеси из каюта виски. Этим парни надо выпить. Они чуть не отдали богу душа.

Анна *(подбегает к нему)*. Сейчас. Кто они? Что с ними?

Крис. Моряки. Судно потерпело крушение. Пять дней провели в шлюпке, их четверо, но только один может стоять на ногах. Пойдем.

Анна входит в каюту, придерживая дверь, чтобы Крис с Йонсоном могли втащить туда свой груз. Дверь затворяется. потом открывается снова, оттуда выходит Йонсон.

(Кричит ему вслед.) Йонсон, ступай притащи другого!

Йонсон. Есть, капитан. *(Уходит.)*

Дверь закрывается. Носовую часть каюты, пошатываясь, огибают Мэт Бэрк. Он идет медленно, ошупью, правой рукой держась за фальшборт, чтобы не упасть. Мэт гол по поясу; на нем только грязные парусиновые штаны. Это могучий, высокий и широкоплечий человек с красивым

лицом, но красота его жесткая, грубоватая и вызывающая. Ему около тридцати лет, и он в самом расцвете сил. Темные глаза его налиты кровью и диковаты от долгой бессонницы. Мускулы рук и спины затвердели как канатные узлы, синие вены на руках вздулись. Добравшись до бухты каната, опускается на нее в изнеможении лицом к каюте; спина у него согнута, голова опущена на руки.

Бэрк (*громко разговаривая сам с собой*). Ну гребни же, черт! Гребни! (*Подняв голову, осматривается.*) Это еще что за посудина? Ну, слава тебе господи! Кажись, спасены. (*Привычно крестится.*)

Вдоль левого борта проходит Йонсон, поддерживая четвертого моряка, который что-то бормочет в бреду.

(*Смотрит на него с презрением.*) Последний остаток ума потерял, швабра!

Они проходят мимо и входят в каюту, оставив дверь открытой.

(*Сидит, устало сгорбившись.*) Ну и вымотало ж меня...

Анна (*выходит из каюты со стаканом, в который налито немного виски. Поравнявшись с Бэрком, вздрагивает от неожиданности. Его сгорбленная фигура освещена светом, падающим через открытую дверь каюты. Преодолев чувство неприязни, протягивает ему стакан*). Вот. Выпейте. Думаю, что вам это на пользу.

Бэрк (*медленно поднимая голову, растерянно*). Что это, сон?

Анна (*неволью улыбаясь*). Выпейте, тогда увидите, что это не сон.

Бэрк. К черту! Хотя все равно, давайте! (*Глокает виски.*) А-а-а! Мне и в самом деле это очень кстати, да и виски подходящее. (*Смотрит на нее, улыбаясь, снизу вверх, с откровенным восхищением.*) Но когда я сказал, что это, наверно, сон, я думал совсем не о выпивке. Мне почудилось, что вы русалка и вышли из моря, чтобы меня помучить. (*Дотрагивается до ее руки.*) О, живая, из плоти и крови, черт возьми!

Анна (*холодно, отступив от него*). Не троньте!

Бэрк. Скажите, разве я не на барже? Да или нет?

Анна. На барже.

Бэрк. А что такая красивая девушка делает на этой шаланде?

Анна (*холодно*). Не ваше дело. (*Но ее помимо воли забавляет этот разговор.*) Вы, как я погляжу, фрукт. Не успели опомниться, как начали дурака валять. А вам, видно, досталось в море.

Бэрк (*с гордостью*). Пустяки! Настоящему моряку, вроде меня, все нипочем! (*Смеется.*) Дело привычное, дорогая, не впервой! (*Потом уж серьезнее, но тоже не*

без хвастовства.) Однако врать не стану, мы были на волоске. По правде сказать, место на дне морском было нам приготовлено, кормить бы нам рыб за милую душу!

Анна (с презрением). Сразу видно, что вы себя ни во что не ставите! (Равнодушно от него отворачивается.) Вам бы лучше пойти в каюту и отлежаться. Небось спать хочется.

Бэрк (уязвленный ее словами, с трудом поднимается на ноги, вытянув грудь и откинув назад голову. Сердито). Спать, говоришь? Глаз не сомкнул двое суток и сейчас не желаю! А вы не думайте, что я такой же овечий хвост, как те трое, что были со мной в лодке! Я им всем троим одной рукой, сидя, морду набью! Может, они и выдохлись, а я нисколько. Недаром я один греб, пока они валялись на дне лодки и не в силах были руки поднять. Двое суток греб. (Видя, что слова его не производят на нее никакого впечатления, приходит в ярость.) И как бы я ни устал, могу морду набить всем матросам на этой лоханке, одному за другим.

Анна (с издевкой). Скажите, какой герой! (Потом, заметив, что он шатается от слабости, с оттенком сочувствия.) Бросьте вы хвастаться. Я вам на слово поверю, что вы мастер драться. Сядьте по крайней мере, если вас нельзя в каюту затащить.

Он в изнеможении садится.

Чего вы упрямитесь, ведь совсем выбились из сил. Почему не признаться?

Бэрк (с яростью). Черта с два я вам признаюсь!

Анна (холодно). Ну и валяйте дальше, мне какое дело? Но должна вам сказать, что мне не нравится ваша манера выражаться. Люди, с которыми я имею дело, не позволяют себе чертыхаться в присутствии дамы.

Бэрк (пошатываясь, снова поднимается на ноги, уже не владея собой). Дамы! Ха-ха! Черт вас возьми! Вы мне голову не морочьте! Какне-такие дамы могут быть на этой треклятой посудине?

Анна направляется к каюте, но он, една держась на ногах, преграждает ей дорогу.

Уж будто вы не баба этого старого шведа, небось спите с ним в одной каюте! (Видя холодную враждебность на ее лице, внезапно заговаривает с ней громко, фамильярно.) Стоило мне на вас поглядеть, как я сразу подумал: ну не дура ли она, что путается с таким старым хрычом. Видная собой девушка... Мало ли на море настоящих парней? Да они душу прозакладывают за один ваш поцелуй!

Анна (с издевкой). Парней, вроде вас?

Бэрк (ухмыляясь). Если уж про себя говорить, то я как раз такой парень, какой вам нужен. *(Быстрым движением обнимает ее за талию.)* Тихо, голубка! Идти-то в каюте. Поцелуй разок, и усталость как рукой снимет! Ну один поцелуй! *(Прижимает ее к себе и пытается поцеловать.)*

Анна *(сопротивляется)*. А ну, пусти! Идиот! *(С силой отталкивает его.)*

Бэрк от неожиданности падает навзничь, больно ударяется головой о фальшборт и какой-то миг лежит, потеряв сознание. Анна, замерев, смотрит на него с испугом. Потом опускается, кладет его голову к себе на колени и тревожно всматривается в его лицо.

Бэрк *(чуть шевельнувшись, бормочет)*. Черт возьми! *(Открывает глаза и моргает, глядя на нее со смутным удивлением.)*

Анна *(отпуская его голову, встает со вздохом облегчения)*. Пришли в себя? Ну слава богу, а то я испугалась, что зашибла вас насмерть.

Бэрк *(с трудом поднимаясь, садится. Насмешливо)*. Насмерть? Ну, мою чернушку одним ударом не прошибешь! *(Глядя на нее с глубочайшим восхищением.)* Господи, ну и силища же в ваших ручках! На свете нет ни одного моряка, который мог бы сказать, как вы, что Мэт Бэрк лежал бездыханный у его ног.

Анна *(извиняясь)*. Забудем про это. Я жалею, что так случилось, понятно?

Бэрк встает и садится на скамейку.

(Строго). Но вы уж очень разошлись... Не болтайте больше ерунды! Я тут на барже потому, что мне захотелось прокатиться с отцом. Здешний капитан—мой отец. Понятно?

Бэрк. Этот хрыч?.. То есть, извините за выражение, этот старый швед—ваш отец?

Анна. Да.

Бэрк *(вставая, взглядывается в ее лицо)*. Ну да, мог бы и сам догадаться, недоносок несчастный! Откуда бы вам взять такие красивые светлые волосы? Они лежат у вас на голове словно золотая корона.

Анна *(с веселым смешком)*. Видно, вас ничем не уймешь. *(Снова пыталась принять строгий тон.)* Вам не кажется, что стоило бы извиниться за то, что вы тут вытворяли? А не морочить мне голову приторными любезностями?

Бэрк *(с негодованием)*. Любезностями? *(Наклоняясь к ней; с неподдельной серьезностью.)* Я готов тысячу раз

перед вами извиниться. Хотите, на колени встану? У меня и в мыслях не было вас оскорбить. *(Снова чутьочку обозлившись.)* Но, черт возьми, надо же, чтобы баба выставила меня таким дурнем! До сих пор это еще ни одной не удавалось!

Анна *(насмешливо)*. Ага, понятно... Покоритель сердец... видно, все они перед вами так и стлались.

Бэрк *(с горькой обидой)*. Хватит вам надо мной насмехаться. Я говорю про то, что вы меня брякнули о палубу! *(Серьезно.)* А что касается женщин — это правда. *(Ворчливо.)* Я, конечно, балда, что принял вас за... это по злобе. Но каких женщин мне приходилось встречать в портах сызмальства? Одних только шлюх. *(Видя, что Анна отпрянула от него при этом слове, продолжает молящим тоном.)* Конечно, я грубый, неотесанный матрос, я недостойн ноги целовать у такой хорошей, порядочной девушки, как вы. Но ведь дурно-то я о вас подумал только потому, что никогда прежде не знал таких женщин. Простите вы меня, Христа ради, и давайте будем друзьями!.. *(Страстно.)* Ваша дружба мне дороже всего на свете! *(Робко протягивает ей руку.)*

Анна *(странно на него смотрит; она озадачена, встревожена, но и тронута помимо своей воли. Неловко берет его руку)*. Ладно...

Бэрк *(с мальчишеским восторгом)*. Да благословит вас бог! *(В возбуждении сильно сжимает ее руку.)*

Анна. Ой!

Бэрк *(поспешно отдергивает руку, виновато)*. Прошу прощения, мисс. Вот нескладная образина! *(Потом просто, с гордостью поглядев на свою руку.)* Большая сила у меня в руках, а я вот иногда об этом забываю.

Анна *(поглаживая свою руку и поглядывая на его мускулы почти с таким же восхищением, как и он)*. Господи, вот уж верно, ну и силаща же у вас!

Бэрк *(в восторге)*. Это точно! А как же ей не быть, если с детства перекидал миллион тонн угля в парходные топки. *(Шлопывая по канатной бухте.)* Присаживайтесь мисс, я вам кое-что о себе расскажу. А потом вы расскажете о себе. Не пройдет и часа, как мы станем с вами закадычными друзьями. *(Робко тянет ее за рукав.)* Садитесь, прошу.

Анна *(улыбаясь)*. Что ж... *(Садится.)* Но обо мне говорить не будем, понятно? А вы мне расскажите о себе и о кораблекрушении.

Бэрк *(польщенный)*. Пожалуйста. Но можно мне прежде задать один вопрос, мисс? А то я вот голову ломаю.

Анна *(с опаской)*. Ну... не знаю... о чем?

Бэрк. Что вы делаете на берегу, когда не ездите с нашим панашей? Сомневаюсь, чтобы такая красивая девушка постоянно жила на этой посудине.

Анна (*запинаясь*). Да нет... конечно, я и не подумала бы жить здесь постоянно... (*Подозрительно вглядывается в его лицо, боясь, что в этом вопросе скрывается какой-то подвох. Видя его простодушие, продолжает уверенно.*) Ладно, скажу. Я служу гувернанткой. Понятно? Ухаживаю за чужими детьми, учу их уму-разуму.

Бэрк (*почтительно*). Гувернанткой? У-у, для этого нужна голова!

Анна. Но хватит обо мне. Вы же обещали рассказать про крушение.

Бэрк (*с важностью*). Дело, значит, было так. Две недели назад мы попали в дьявольский шторм и получили большую пробоину в передней части. Шкипер надеялся добраться до Бостона прежде, чем волны добьют судно окончательно, но десять дней назад на нас налетел еще один шторм, ничем не лучше первого, а может, еще и похуже. Четверо суток нас окатывало волнами с кормы до носу. Ну и страху же мы натерпелись, господи помилуй. (*С гордостью.*) И уж вы мне поверьте, если бы не я и не моя силища—видит бог, не вру,—в кочегарке вспыхнул бы бунт. Только я заставлял их поддерживать огонь в топках—дам пинка одному, стукну по шее другого,—им на офицеров уже наплевать, только оплеух моих и боялись, больше, чем самого моря... (*Смотрит на нее с волнением, ожидая ее похвалы.*)

Анна (*пряча улыбку. Ее смешит его мальчишеское хвастовство*). Вам, видно, здорово досталось!

Бэрк (*охотно*). Еще как! Но я ведь о-го-го-го какой выносливый, особенно когда вижу, что слабаки сдают. Но толку все равно было чуть. Кончилось дело тем, что все они обезумели и кинулись спасать свою шкуру. Да еще как при этом дрались! Я так и не понял, что произошло, но мы четверо оказались в одной лодке, и, когда нас высоко взметнуло на волну, я уже не увидел на поверхности моря ничего—ни людей, ни корабля.

Анна (*приглушенным голосом*). Значит, все остальные утонули?

Бэрк. Ну, это уж наверняка.

Анна (*с дрожью*). Какой страшный конец!

Бэрк (*поворачивается к ней*). Страшный конец для сухопутной крысы—это, может, и правда. Но для нас, для тех, кто всю жизнь бороздит море,—это хороший конец. Вы уж мне поверьте. Быстро и чисто.

Анна (*пораженная этим словом*). Да, чисто... Это самое подходящее слово... И я так чувствую.

Бэрк. Кого, море? *(С интересом.)* Мне кажется, что оно немножко и у вас в крови. Ваш старик, бьюсь об заклад, не всю жизнь плавал на этом корыте, извините за выражение!

Анна. Нет, он много лет плавал боцманом на парусниках. И все наши мужчины, по его рассказам, как по материнской, так и по отцовской линии уходили в море. А все женщины у нас в роду выходили замуж за моряков.

Бэрк *(с глубочайшим удовлетворением)*. Вот умницы! Только на море и встретишь настоящего мужчину — смельчака, достойного девушки с характером. *(И совсем осмелев.)* Такой, к примеру, как вы.

Анна *(смеясь)*. Опять вы за свое! *(Заметив его обиженный вид, поспешино.)* Вы же мне хотели рассказать о себе. Сразу видно, что вы ирландец.

Бэрк *(решительно)*. Слава богу, да. Хоть я свою родину лет пятнадцать и в глаза не видел.

Анна *(задумчиво)*. Моряки ведь почти никогда не ездят домой, правда? Мне отец говорил.

Бэрк. Он вам не врал. *(С внезапной грустью.)* Тяжелая, одинокая жизнь у нас, моряков, и женщины, которых встречаешь в портах, они хоть и рады сказать тебе доброе слово, да разве они женщины? Вы же знаете, кого я подразумеваю, — жалкие, подлые твари, прости их господа! Только и думают, как бы тебя обобрать.

Анна *(встает, отвернув лицо, с волнением)*. Мне, пожалуй... пора поглядеть, что творится в каюте.

Бэрк *(боясь, что чем-то ее обидел, умоляющим тоном)*. Не ходите никуда, ну прошу! Неужто я обидел вас разговором... об этих самых?.. Да не обращайтесь вы на меня внимания. Такой уж я нескладный олух, когда приходится разговаривать с девушками вроде вас. Да и чем же я виноват? С того дня, как уехал из дому и начал кидать уголь в топку, я в первый раз встретился с настоящей порядочной женщиной. Так не отворачивайтесь же от меня, мы ведь только что стали друзьями!

Анна *(пытается улыбнуться)*. Да нет, я совсем на вас не сержусь. Правда!

Бэрк *(благодарно)*. Да благословит вас господь!

Анна *(решительно меняя тему разговора)*. Но если вы считаете, что жизнь моряка так ужасна, почему бы вам ее не бросить?

Бэрк *(с изумлением)*. Работать на суше?

Она кивает.

(Презрительно сплевывает.) С утра до ночи выкапывать из грязи картошку? *(Резко.)* Нет, мисс, не для этого я родился.

Анна *(со смехом)*. Так и знала, что вы это скажете. Бэрк *(желая ее убедить)*. На море, как и на суше, попадается и плохая и хорошая работа. Если бы я плывал кочегаром на трансатлантическом пароходе, я бы мог обзавестись своим домиком и проводить там неделю каждый месяц. Может, тогда мне бы подвезло и я нашел какую-нибудь порядочную девушку, вроде вас, которая согласилась бы пойти за меня замуж.

Анна *(в смущении отвернувшись от него, с сухим смешком)*. Очень может быть. Почему бы и нет?

Бэрк *(пододвигаясь к ней поближе, восторженно)*. Значит, вы думаете, что девушка вроде вас может простить мне мое прошлое и видеть во мне только то хорошее, что она сама мне внушит?

Анна *(тем же тоном)*. Наверно.

Бэрк *(горячо)*. Клянусь, она об этом не пожалест! Тогда уж я не стану больше пить и бродяжничать; всю получку привезу ей и буду проводить с ней все почти подряд, когда буду дома. Кроткий, как ягненок.

Анна *(помимо своей воли тронута и изволнована этим полупризнанием; с деланным смехом)*. Ну, теперь осталось немного: найти свою девушку...

Бэрк. Я ее нашел!

Анна *(чуть не с испугом, стараясь обескуражить его насмешкой)*. Да ну? Когда же? А мне показалось, вы говорили...

Бэрк *(откровенно, уверенно)*. Сегодня ночью. *(Опустив голову, смиренно)*. Если она меня пожелает. *(Потом, подняв на нее глаза, просто)*. Это я говорю о вас.

Анна *(на миг заморожена его взглядом, потом отшатывается от него. Со странным, надтреснутым смешком)*. Послушайте, вы, видно, спятили? Или надо мной смеетесь? Делаете предложение... мне? О господи! Только что меня увидели!

Крис выходит из каюты и, моргая, выглядывается и сидящих на корме. Когда он понимает, что возле Анны чужой матрос, лицо его перекашивается от злости.

Бэрк *(с яростной, настойчивой мольбой)*. Говорю вам: это воля божья провела меня невредимым сквозь туман и бурю сюда, где я вас встретил! Подумайте только! Ну разве не удивительно...

Крис. Анна! *(Подходит к ним; он в бешенстве, кулаки сжаты)*. Анна, ступай сейчас же в каюта, слышишь?

Анна *(все ее чувства мгновенно находят выход в протесте против его хозяйского тона)*. С кем это ты разговариваешь? С рабыней?

Крис (*глубоко уязвлен, голос его срывается. Умоляюще*). Тебе нужно отдыхать, Анна. Ложись спать.

Она не двигается.

(*С яростью оборачивается к Бэрку.*) А ты что здесь делаешь, матросская рожка? Ты ведь не болен, как те, остальные. Ступай в кубрик. Тебе отведут койка. (*С угрозой.*) А ну, скорее, я тебе говорю!

Анна (*авзволнованно*). Но он болен! Погляди на него. Он едва стоит на ногах.

Бэрк (*выпрямившись и выпятив грудь, с дерзким смехом*). Ты мне что, приказывать вздумал? Поосторожнее! Как бы я ни ослабел, я тебя одной рукой пополам расколю и половинки за борт вышвырну! И твою команду отправлю за тобой следом. (*Внезапно сдерживаясь.*) Ох, совсем забыл, что вы ее отец. Ни за что на свете не подниму на вас руки. (*Коленн его подгибаются, он шатается и вот-вот упадет.*)

Анна (*вскрикнув, кидается к нему на помощь, перекидывает его руку себе через плечо*). Пойдемте в каюту. Если нет другого места, вы ляжете на мою кровать.

Бэрк (*идет с ней к каюте, сияя от счастья*). Ах ты боже мой! Моя рука обнимает вас за шею! Анна! Анна! Какое нежное имя, оно вам к лицу!

Анна (*осторожно ведет его*). Тсс! Тише!

Бэрк. Тише? Ну нет! Вы хотите, чтобы я говорил о своей любви шепотом? Я буду реветь о ней, как сирена в тумане. Вы уже взрослая, и мы скоро поженимся. Пусть об этом знает кто хочет!

Анна (*подводя его к двери в каюту*). Тсс! Не надо об этом говорить. Я уложу вас спать. (*Входит в каюту вместе с Бэрком.*)

Крис (*прислушивается к словам Бэрка, смотрит им вслед, раскрыв рот, в полном отчаянии резко поворачивается лицом к морю и грозит ему кулаком с бешеной ненавистью*). Ах ты, старый дьявол! Опять твои проклятые штука! Клянусь богом, это тебе не пройдет! Пока я жив, это тебе не пройдет! Клянусь богом!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Доки Бостона. Каюта на бирже «Симеон Уинтрон» — узкая, с низким потолком, стены выкрашены светло-коричневой краской с белым бордюром. Слева, в глубине, дверь в спальняй отсек. За ней, в самом углу, большой стенной шкаф, выкрашенный белой краской; на дверце его на гвозде висит зеркало. В задней стене два квадратных окошечка в дверь

на палубу, в кормовую ее часть. В правой стене еще два окошечка, выходящих на палубу. На окнах белоснежные, туго накрахмаленные занавески. Посредине—стол и два стула с плетеными сиденьями. Тут же старенькая качалка.

Прошла неделя. Светит солнце. После полудня. Сквозь закрытые двери и окна из порта и доков доносятся приглушенные свистки пароходов, пыхтение моторов и скрип лебедок, разгружающих судно по соседству. Анна сидит у стола, в качалке, держа в руках газету. Но не читает, а неподвижно вглядывается в даль. Вид у нее несчастный, хмурый, она погружена в свои мысли.

Крис бродит по каюте, то искоса, с беспокойством поглядывая на дочь, то останавливаясь, чтобы рассеянно взглянуть в окно. Лицо его выдает мрачную тревогу; он как на иголках. Крис делает вид, будто наводит в каюте порядок, но дело ограничивается тем, что время от времени он берет в руки какой-нибудь предмет, туго на него смотрит и ставит на место. Откашлявшись, тихо, печально напевает: «О, Иозефина, приди ко мне на борт. Тебя я жду...»

Анна (*оборачиваясь к нему, едко*). Слава богу, хоть у тебя хорошо на душе. (*Устало.*) Господи, когда мы наконец покинем эту дыру и вернемся в Нью-Йорк!

Крис (*со вздохом*). И я буду рад, когда мы снимемся с якоря.

Она молчит.

(*Продолжает с тяжеловесной иронией.*) Не пойму, чем тебе не нравится Бостон. По-моему, ты вовсе не плохо проводишь здесь время. Что ни день, что ни вечер ходишь на берег—всю неделю. То в кино, то в театр.—веселишься до упаду... (*Глаза его ожесточаются.*) И все с этим треклятым ирландцем!

Анна (*с вялой насмешкой*). Господи, опять ты за свое! Ну чего тут плохого, если он и водит меня по разным местам? Хочешь, чтобы я круглый день сидела с тобой и вязала чулки? Что, я не имею права повеселиться?

Крис. Мне не нравится такой веселье: мне не нравится, что ты ходишь с этим парнем.

Анна. Я всегда возвращаюсь на борт не позже одиннадцати. (*Ей приходит в голову какая-то мысль; смотрит на отца с подозрением и возрастающим гневом.*) А ну-ка постой, что это ты хочешь сказать своими намеками?

Крис (*поспешно*). Да ничего, кроме того, что я говорю. Абсолютно ничего...

Анна. Ты сказал, что тебе «не нравится такое веселье». Какое такое веселье? И тон у тебя странный. Послушай, уж не намекаешь ли ты на то, что между ним и мною есть что-то нехорошее?..

Крис (*ужаснувшись*). Что ты, Анна! Клянусь богом, я никогда этого не думал!

Анна (*смягчившись от его очевидной искренности, но еще сурово*). Вот и не смей думать, если не хочешь, чтобы я с тобой на всю жизнь рассорилась! (*Снова сердясь*.) Если бы я хоть на секунду поверила, что ты это думаешь, я бы сразу же убралась отсюда, с этой баржи, к чертям собачьим. Так, что ты и следа бы моего не нашел.

Крис (*примирительным тоном*). Мне и в голову не придет... (*Помолчав, с укором*.) У кого это ты научилась ругаться? Думаешь, это красиво для молодой девушка?

Анна (*с чуть заметной тенью улыбки*). Прости. Знаю, ты не привык к таким выражениям. (*Поддразнивая его*.) Видишь, что получается оттого, что ты взял меня с собой в море?

Крис (*с негодованием*). При чем тут я? Этот проклятый матрос учит тебя шерт знает чему.

Анна. Мэт — не матрос. Он кочегар.

Крис (*с убеждением*). Это в миллион раз хуже, я тебе говорю! Те, кто работает внизу и кидает уголь в топку, — самая грязная, самая грубая шушера на свете!

Анна. Не вздумай говорить это Мэту.

Крис. Скажу ему прямо в лицо. Ты, пожалуйста, не думай, что я боюсь его потому, что он сильнее меня. (*С угрозой*.) С таким сбродом кулаки не помогут. Есть другие средства.

Анна (*взглянув на него с внезапным испугом*). Что ты имеешь в виду?

Крис (*угрюмо*). Ничего.

Анна. Вот и правильно! На твоём месте я не стала бы затевать с ним ссору. А то вдруг забудет, что ты старик и к тому же мой отец. Тогда заплачешься.

Крис (*пылая от ненависти*). Пусть попробует! Может, я и стар, но еще могу его кое-чему выучить.

Анна (*внезапно меняя тон, почти вкрадчиво*). Брось, ты ведь добрый. Что тебе нейдет, скажи, пожалуйста? Не хочешь, чтобы и другие ко мне хорошо относились?

Крис (*умиротворенный, подходит к ней. Живо*). Хочу, хочу, Анна, — только не моряки. Хочу, чтобы ты вышла замуж за порядочный человек, с хорошей профессией на суше. У тебя будет маленький домик в деревне, твой собственный...

Анна (*поднимаясь на ноги, коротко*). Брось! (*Презрительно*.) Домик в деревне! Хотела бы я, чтобы ты поглядел на тот домик в деревне, где держал меня как в тюрьме до шестнадцати лет! (*С возрастающим раздражением*.) Когда-нибудь ты меня доведешь своими разговорами, и я выложу тебе... такое, что у тебя глаза на лоб полезут.

Крис (*в испуге*). Я не хочу...

Анна. Знаю, что не хочешь, а все равно продолжаешь свое!

Крис. Ладно, больше не буду!

Анна. Обещай, что перестанешь говорить гадости о Мэте Бэрке.

Крис (*уклончиво, с подозрением*). Зачем? Тебе нравится этот парень? Очень нравится?

Анна. Да, очень. Он настоящий человек, какие бы ни были у него недостатки. Все мужчины, которых я встречала—там, на суше,—не стоят его мизинца.

Крис (*лицо его темнеет*). Может, ты вбила себе в голова, что любишь его?

Анна (*с вызовом*). Ну а что, если люблю?

Крис (*насупившись и с трудом выдавливая слова*). А может, ты вбила в голова, что выйдешь за него замуж?

Анна (*качая головой*). Нет!

Лицо Криса светлеет.

(Медленно продолжает; в голосе ее слышится грусть.) Если бы я встретила его четыре года назад... или даже два года назад,—говорю тебе прямо: я бы ухватилась за это счастье обеими руками. Да я бы и сейчас... только он такой простодушный, совсем как большой ребенок,—у меня не хватит духа его обмануть. *(Прерывает себя.)* Но не смей говорить, что он для меня недостаточно хорош! Это я для него плоха.

Крис (*презрительно фыркает*). Клянусь богом, ты, по-моему, сошла с ума!

Анна (*с мрачным смехом*). Да я и сама так думаю последние дни. *(Подходит к вешалке возле двери, снимает шаль и набрасывает себе на плечи.)* Пожалуй, пойду пройду. Погляжу, что тут в доках делается. Обожаю смотреть на проходящие корабли. Наверно, скоро явится Мэт. Скажи ему, где я, ладно?

Крис (*уныло*). Ладно, скажу.

Анна уходит.

(Провожает ее и стоит на палубе возле каюты, глядя ей вслед. Потом возвращается и закрывает за собой дверь. Смотрит в окно, бормочет.) Ах ты, подлый, старый бес... *(Подходит к столу, машинально одергивает скатерть, поднимает с полу газету, которую обронила Анна, и усаживается в качалку. Смотрит в газету, потом откладывает ее в сторону, обхватывает голову руками и отчаянно вздыхает.)*

Снаружи на палубе слышны тяжелые шаги, потом громкий стук в дверь. Крис вздрагивает, делает движение к двери, потом, передумав, стоит тихо. Стук повторяется, но остается без ответа. Дверь распахивается.

Появляется Мэт Бэрк. Крис, насупившись, смотрит на иришельда, и рука его инстинктивно тянется к ножу на поясе. Бэрк разодет по-праздничному: на нем дешевый синий костюм, полосатая бумажная рубашка, черный галстук и до блеска начищенные черные ботинки. Лицо его сияет добродушием.

Бэрк (*увидев Криса, с веселой насмешкой*). Да благовослови господь того, кто здесь! (*Нагибается и протирает свое огромное тело в узкую дверь.*) И как же вы сегодня поживаете, папаша?

Крис (*угрюмо*). Ничего—если бы никто мне не мешал.

Бэрк (*ослабившись*). Это вы на меня намекаете? (*Смеется.*) Ну и с причудами вы, а еще старик! (*Потом уже серьезно.*) А где сама?

Крис сидит молча и хмурится, отвернув лицо. Бэрка раздражает его молчание.

Где Анна, я вас спрашиваю?

Крис (*поколебавшись, ворчливо*). Пошла в доки.

Бэрк. Схожу за ней. Но воспользуюсь случаем, чтобы обмолвиться с вами парочкой слов. (*Садится против Криса и перегибается к нему через стол.*) Разговор у нас будет короткий. Я женюсь на вашей Анне еще сегодня. Нравится вам это или нет. Лучше вам заранее привыкнуть к этой мысли.

Крис (*глаза его горят ненавистью, смех нарочито презрителен*). Хо-хо! Легче сказать, чем сделать.

Бэрк. Не верите? (*Насмешливо.*) А кто же мне помешает? Уж не вы ли, часом?

Крис. И помешаю, если до этого дойдет.

Бэрк (*с брезгливой жалостью*). Упаси вас бог!

Крис. Но до этого дело не дойдет. Анна сама...

Бэрк (*с самоуверенной улыбкой*). По-вашему, Анна будет противиться?

Крис. Да.

Бэрк. А я вам говорю, что не будет. Она знает, что я ее люблю, а я знаю, что и она меня любит.

Крис. Хо-хо! Она просто дурачится. Она вам морочит голову. Вот и все!

Бэрк (*с непоколебимым добродушием*). Как вы только не подавитесь таким враньем, старый черт!

Крис. Какое же это вранье? Она мне сама сказала, перед тем как ушла, что у нее и в мыслях нет выходить за такой шантрапа.

Бэрк. Врете. Старый бахвал! Уж что вбили себе в голову, так сам черт вас не переубедит. Но я не желаю с вами ссориться, не для этого я тут сижу. (*Серьезно.*) Давайте договоримся по-мужски. Вы же ее отец; стыдно нам друг друга кусать, точно мы псы какие. А я все равно

женюсь на Анне. Так что лучше выкладывайте все начистоту. Что у вас против меня есть?

Крис (*помимо своей воли немного притихший — на него не могла не подействовать очевидная искренность Бэрка. Однако мысли его все еще путаются; он не доверяет своему собеседнику*). Что ж, скажу... Я не хочу, чтобы Анна выходила за тебя замуж. Послушай меня, парень. Я старый человек. Я не видел свою дочь пятнадцать лет. Она все, что у меня есть на свете. И вот теперь, когда она первый раз пошла со мной в плавание,—ты думаешь, мне хочется опять остаться одному?

Бэрк (*сердечно*). Вы только не думайте, что я совсем бесчувственный и не понимаю, что у вас на душе.

Крис (*приободрившись, старается вымолить его согласие*). Значит, ты поступишь как надо? Наймись-ка ты лучше на какой-нибудь судно и оставь Анна в покое. (*Заискивающе.*) Такой здоровенный парень, настоящий моряк, на что тебе жена? У тебя небось и так девушка в каждом порту.

Бэрк (*на миг вспыхивая от злости*). Вот старый упрямец! (*Сдержавшись, уже спокойно.*) Не стану я тебе врать. Черт тебя задерит, будто ты сам не знаешь—у всякого мужчины, если только он не кретин, и на суше и на море наступает такой час, когда ему становится тошно от девок и сердце его томится от желания встретить настоящую, порядочную девушку, обзавестись своим домом и растить в нем детей. Зря ты просишь оставить Анну в покое. Она для меня единственная женщина на всем белом свете, и теперь я уже не смогу без нее обойтись.

Крис. Держу пари, стоит тебе уйти в море, и ты забудешь ее через неделю.

Бэрк. Плохо ты меня знаешь. Даже смерть не заставит меня ее забыть. Потому и не проси меня, чтобы я с ней расстался. Не уйду я от нее, будь ты проклят! Да и тебе вовсе не будет от этого плохо, как ты воображаешь. Выйдет замуж за меня, жить будет здесь, в Америке. И видеть ты ее сможешь часто—куда чаще, чем в те пятнадцать лет, которые она прожила на Западе. Странное дело, поднимасшь шум из-за того, что она от тебя уйдет, а ведь все эти годы ты-то сам ее и в глаза не видел?

Крис (*виновато*). Я думал, что Анна лучше расти от меня подальше. На суше, где она и знать не будет этого шертового моря.

Бэрк (*презрительно*). Опять винишь во всех своих бедах море? Что ж, теперь Анна его знает. Все равно, море у нее в крови.

Крис. Я не желаю, чтобы она знала хоть одного испуганного моряка...

Бэрк. Одного такого моряка она теперь знает.

Крис (*стукнув кулаком по столу*). В том-то и беда! Кто ты есть? Непутевый матрос! Думаешь, я позволю тебе испохабить ей жизнь, как я сделал это с ее мать? Клянусь, что нет! Не выйдет она за тебя замуж, хотя бы мне пришлось для этого тебя убить.

Бэрк (*смотрит на него опешив, потом раздражается хохотом*). Ха-ха! Слава те господи, что ты только болтать горазд!

Крис (*с угрозой*). Только или не только—это мы еще увидим!

Бэрк (*с вызывающей улыбкой*). Конечно, увидим. Сегодня же увидим, как мы с Анной поженимся. (*С презрительным нетерпением*.) И что ты несешь, будто море сделало тебе то да се... Стыдно тебе говорить такие нещц, ты—старый моряк. Чего только я от тебя не наслушался, да и Анна мне кое-что передавала... Боюсь я, что ты просто слабак, и никакой ты не моряк и не мужчина.

Крис (*мрачно*). А вот увидишь, мужчина я или не мужчина, и куда скорее, чем думаешь.

Бэрк (*с презрением*). А черт, довольно тебе хвастать! Совсем, видно, очумел со страху—так тебя море напугало. Тебе хочется, чтобы Анна вышла замуж за фермера, как она мне сказала. Ну и семейка же у них будет! Неужто ты хочешь, чтобы такая прекрасная девушка ложилась спать рядом с выпачканным в глине недоноском, насквозь провонявшим свиньями и навозом? Или ты хотел бы связать ее на всю жизнь с одним из этих тощих, усохших ублюдков, которые только небо коптят в городе?

Крис. Врешь, дурень!

Бэрк. Нет, не вру. Я тебе пересказываю твои же собственные бредни. Но в душе ты знаешь, где правда, хотя страх перед морем и превратил тебя в лгуна и труса. (*Бьет кулаком по столу*.) Море—вот настоящая жизнь для того, у кого кровь течет в жилах! Только в море человек свободен! Плавает по всему свету, видит, что творится в мире, презирает жадных до денег, не ворует у товарищей, не делает тех подлостей, на которые тратят свой век сухопутные крысы. Когда-то и ты это понимал, не зря ведь проплавал столько лет боцманом.

Крис (*захлебываясь от ярости*). Ты просто безмозглый дурак!

Бэрк. А ты затвердил одно! Море, видно, здоровошибануло тебя, а у тебя не хватает мужества подняться и встретить новый удар. Так и хочешь провалиться до конца твоих дней, воия: «Спасите, убивают!» (*Гордо*.) Море и меня чуть было не сгубило. Било и швыряло меня так,

что я, кажется, уже приблизился к самому преддверию ада, уже слышал, как ревет адский огонь. Но я не испустил ни единого стога. А море, узнав мою великую силу и терпение, вынуждено было покориться.

Крис (*с издевкой*). Да уж если тебя послушать, ты прямо герой!..

Бэрк (*зло*). Больно часто ты зовешь меня лгуном, старый трепач! Разве вся эта история вместе с моим портретом не была пропечатана на прошлой неделе в бостонских газетах? (*С презрением оглядывает Криса с головы до ног*.) Хотел бы я на тебя посмотреть в таком положении, даже если бы ты был во цвете лет. Во время шторма—да и потом—ты бы наверняка вопил от страха как оглашенный.

Крис. Ха-ха! Ты глупый щенок! В прежние годы, когда я плывал на парусник, мы попадали в куда более страшный штормы. Тогда корабли были и в самом деле кораблями, а люди, которые на них плавали,—настоящий люди! А сейчас—чего стоят эти ваши пароходы? Матросы не могут отличить корабль от землечерпалки. (*Выразительно глядя на Бэрка*.) А что за народ в трюме, ты сам знаешь. Умеют только лопатой уголь кидать? Велика доблесть! То же, что грузить его на железной дороге.

Бэрк (*уязвленный, сердито*). Оскорбляешь кочегаров, старая обезьяна? Черт тебя побери! Каждый из них стоит десяти провонявших рыбой шведов с твоих надутых ветром лоханок.

Крис (*лицо его передергивается от бешенства, рука снова тянется к ножу*). Ах ты, ирландская свинья!

Бэрк (*продолжает дразнить*). А, не любишь ирландцев, старый павиан? Тебе не мешает иметь в семье хотя бы одного ирландца, да к тому же кочегара. Тогда твои внуки не будут запуганными насмерть слюнтяями и ослами, вроде тебя.

Крис (*привстав со стула; горло у него перехватило от злости*). Берегись!

Бэрк (*не сводя с него глаз, насмешливо*). И ты займешь такого зятя, сколько бы ты ни кобенился. Мы с Анной сегодня же обвенчаемся. И раз я так решил, не такому старому дурню, как ты, мне в этом препятствовать!

Крис (*хрипло*). Не посмеешь! (*Опрокидывая стул, кидается на Бэрка с ножом*.)

Бэрк вовремя вскакивает, чтобы отразить нападение. Хохочет—счастлива, что есть случай подражаться. Старый швед—словно дитя у него в руках. Бэрк не бьет его, не причиняет ему боли; он просто скручивает ему руку за спину, заставляя пальцы разжаться и выпустить нож. Отшвыривает нож в дальний угол.

Бэрк. Когда старик впадает в детство, ему нельзя играть с ножом! *(Держит вырывающегося Криса на расстоянии вытянутой руки. С внезапным гневом замахивается на него кулаком.)* Ох и дал бы я тебе как следует — может, ума бы в голове прибавилось! Убирайся, а то я тебе покажу! *(Толкает Криса ладонью.)*

Крис отлетает к стене каюты и стоит там, задыхаясь, не сводя с Бэрка полных ненависти глаз, словно набираясь сил, чтобы кинуться на врага снова.

Говорю, не подходи ко мне, не то я не погляжу, что ты отец Анны! Нет у меня больше терпения! *(Успокоившись, с веселым смехом.)* Однако и смелый же ты, старик! Вот не думал, что ты пойдешь на меня один на один.

За стеклом мелькнула тень. Оба вздрагивают. В дверях появляется Анна.

Анна *(увидев Бэрка, с радостным удивлением)*. Здравствуй, Мэт. Ты уже здесь? Я ходила в доки... *(Замолкает и переводит взгляд с одного на другого, сразу же поняв, что дело неладно.)* Что тут у вас случилось? *(Заметив перевернутый стул, в тревоге.)* Кто опрокинул стул? *(Бэрку с упрёком.)* Ты с ним дрался, Мэт? Ну, ты ведь мне обещал...

Бэрк *(окончательно придя в себя)*. Я его и пальцем не тронул. *(Поднимает стул, потом оборачивается ко все еще ждущей ответа Анне, с ободряющей улыбкой.)* Не беспокойся. Мы тут от нечего делать немножко повздорили. Тебя дожидались.

Анна. Видно, здорово повздорили, если стульями бросались. *(Крису.)* Ты почему молчишь? О чем был спор?

Крис *(отойдя от стены, но избегая взгляда Анны, ворчливо)*. Да так, о кораблях, о моряхах.

Анна *(с облегчением улыбаясь)*. Опять про свое.

Бэрк *(внезапно осмелев, глядит на Криса с вызывающей улыбкой)*. Он тебе не всю правду сказал. Спор-то ведь шел о тебе.

Анна *(нахмурившись)*. Обо мне?

Бэрк. Если не возражаешь, мы кончим наш спор в твоём присутствии. *(Садится к столу.)*

Анна *(неуверенно, глядя то на него, то на отца)*. Ладно. Давайте, о чем вы?

Крис *(подходя к столу, Бэрку, протестующим тоном)*. Не смей! Скажи ему, Анна, что ты не будешь его слушать.

Анна. Нет, буду. Я хотела бы знать все.

Крис *(с жалким, испуганным видом)*. Ну хотя бы не сейчас. Ты ведь собралась на берег, а? Тебе же некогда...

Анна (*твердо*). Сейчас, сию минуту. (*Бэрку.*) Говори, Мэт, если он не хочет.

Бэрк (*набрав воздуха, бросается словно в омут*). Да сказать-то, в общем, недолго... Пора ему понять, что к чему,— он ведь видеть меня не может. А я выложил ему напрямик, что я тебя люблю. (*Страстно.*) Видит бог, Анна, это чистая правда, ты же сама знаешь!

Крис (*глумливо, с деланным смехом*). Ха-ха! Он это говорит девушкам в каждом порту!

Анна (*брезгливо отшатываясь от отца, с раздражением*). Заолчи! (*Бэрку, взволнованно.*) Знаю, что правда, Мэт. И мне все равно, что бы он ни говорил.

Бэрк (*смирненно, благодарно*). Да благословит тебя господь!

Анна. Ну и что было потом?

Бэрк. А потом... (*Нерешительно.*) А потом я сказал... (*Смотрит на нее с мольбой.*) Я сказал, что уверен... Я ему сказал, что мне кажется, будто и ты меня немножко любишь. (*Со страстью.*) Анна, ведь это правда? Ради господя бога, не губи меня! (*Сжимает ей руки.*)

Анна (*глубоко взволнована. Пытается засмеяться, но голос ее дрожит*). Ты так ему сказал, Мэт? Значит, он не зря взбесился? (*С трудом произнося слова.*) Что ж, может, и это правда. Может, я и в самом деле люблю. Я вот все думала, думала... и скажу чистосердечно... не хотела этого, старалась в себе задавить... Но... (*Беспомощно смеется.*) Видно, ничего не поделаешь. Вот и выходит, что я тебя люблю. (*И вдруг с радостным вызовом.*) Ей-богу! И нечего зря себя обманывать.

Крис (*с болезненным стоном*). Анна! (*Садится, совсем подавленный.*)

Бэрк (*с глубочайшей искренностью и смирением*). Благодарю тебя, господи!

Анна (*повелительно*). И я никогда еще никого не любила... Что бы ни случилось, в это ты можешь верить.

Бэрк (*подходит и обнимает ее*). Да разве я не поверю каждому твоему слову, и теперь, и всегда! Мы с тобой заживем на славу, лучше всех на свете, и будем жить с тобою до конца наших дней! (*Хочет ее поцеловать.*)

Анна (*отворачивает голову, но, поддавшись страстному порыву, берет его голову обеими руками, приближает его лицо к своему, вглядываясь в его глаза. Целует в губы. Потом отталкивает его от себя, с надтреснутым смехом*). Прощай, Мэт! (*Подходит к двери в глубине каюты и, стоя к ним спиной, глядит на море. Плечи ее вздрагивают, словно она хочет побороть рыдания.*)

Бэрк *(на седьмом небе от счастья и поэтому не понимает того, что она сказала. Смеется)*. Прощай, говоришь? Черта с два! Нет, я сейчас к тебе еще подойду, мне мало! *(Крису, который, услышав это «прощай», весь превратился в слух и смотрит на дочь с бессмысленной надеждой.)* Ну, старый трепач, что ты теперь скажешь? Слышал, что она говорит? Сознайся, что моя взяла. Будь человеком, сознайся, что бит честно, без всякого жульничества. На, вот тебе моя рука... *(Протягивает ему руку.)* Бэрн, пожми ее, и забудем все обиды.

Крис *(с неутолимой ненавистью)*. Я не пожму твоя рука, моряк, покуда я жив.

Бэрк *(с обидой)*. На тебе мой кулак, если он тебе больше нравится! *(Грозно.)* Ну и черт с тобой, если не можешь признать своего проигрыша.

Крис. Ты не думай, я еще не бит. *(Стараясь выразить иронию и веру в свою правоту.)* Анна сказала, что тебя чуть-чуть любит, но я что-то не слышал обещание выйти за тебя замуж.

Услышав свое имя, Анна поворачивается к ним лицом. Она теперь замкнута, спокойна, но покой этот выражает только смертельное отчаяние.

Бэрк *(насмешливо)*. Она не говорила и того, что сегодня светит солнце.

Крис *(упрямо)*. Все равно. Она тебе ничего не обещала.

Анна *(спокойно, выходя вперед)*. Да, не обещала, Мэт.

Крис *(жадно)*. Слышишь?

Бэрк *(не понимая ее, ухмыляется)*. Ждешь, чтобы тебя сперва попросили? Что ж, я тебя прошу. И, с божьей помощью, мы сегодня же обвенчаемся.

Анна *(мягко)*. Ты слышал, что я сказала, Мэт... когда я тебя поцеловала?

Бэрк *(испуганный ее тоном)*. Нет... не помню.

Анна. Я сказала: «Прощай». *(Голос ее дрожит.)* Поцелуй был прощальный, Мэт.

Бэрк *(в ужасе)*. Что ты говоришь?

Анна. Я не могу выйти за тебя замуж. Мы с тобой простились. Вот и все.

Крис *(не может сдержать своего восторга)*. Я это знал! Я знал, что так и будет!

Бэрк *(искакивая на ноги, не веря своим ушам)*. Анна! Ты надо мной смеешься? Странное время ты выбрала для своих шуток. Брось надо мной потешаться, господом богом прошу, брось.

Анна *(глядя ему в глаза, ровным голосом)*. Думаешь,

я стала бы с тобой шутить? Я не шучу, Мэт. Я говорю серьезно.

Бэрк. Неправда! Ты сошла с ума!

Анна (*вяло*). Нет, не сошла.

Бэрк (*с отчаянием*). Но что на тебя нашло? Ты ведь сказала, что любишь меня...

Анна. И могу повторить сколько хочешь. Это правда.

Бэрк (*в полной растерянности*). Тогда почему... какого же дьявола?.. О господи! Ничего не понимаю...

Анна. Потому что это самый лучший выход, Мэт, какой я могу придумать. (*Голос ее прерывается.*) Я думала, думала, день и ночь, всю неделю. Ты поверь, мне самой нелегко.

Бэрк. Но, ради всего святого, скажи, что тебе мешает выйти за меня замуж, если мы любим друг друга? (*В остервенении тычет пальцем в Криса.*) Уж не вздумала ли ты слушаться этого старого дурня? Он меня ненавидит, небось нашептал тебе полные уши вранья!

Крис (*поднимается на ноги, с яростным торжеством, не дает Анне произнести ни слова*). Да, Анна мне верит, мне, а не тебе! Она знает, что ее старый отец не станет ей врать, как ты!

Анна (*гневно поворачивается к отцу*). Ты лучше сядь, слышишь? Кто тебя просит вмешиваться? И без тебя тошно. Сатана, а не человек! (*Резко.*) Господи боже мой, а я-то уж было совсем отошла, даже стала забывать, что у меня против тебя накопело на сердце!

Крис (*убитый ее тоном, еле слышно*). И за что ты на меня, Анна?.. Что я тебе сделал плохого?

Анна. Да неужто ничего? Ну, дай-ка я тебе расскажу... (*Взглянув на Бэрка, обрывает себя.*) Послушай, Мэт, уж не думаешь ли ты, что его болтовня...

Бэрк (*мрачно*). А что еще?

Анна. Стала бы я обращать внимание на его бредни! Ты, видно, принимаешь меня за сопливую девчонку...

Бэрк (*недоумевающая и начиная сердиться*). Никак тебя не разберу — у тебя семь пятниц на неделе.

Анна. Он-то уж, во всяком случае, не имсет к этому отношения.

Бэрк. А в чем же тогда дело? Скажи, не мучь, не тяни из меня жилы.

Анна (*решительно*). Не могу тебе сказать. И не скажу. Есть причина. Вот и все. Не могу я за тебя выйти замуж, понял? (*Отчаянно.*) Так что давай-ка лучше поговорим о чем-нибудь другом.

Бэрк. Нет! (*Со страхом.*) Ты, может, уже замужем? Там, на Западе?

Анна (*горячо*). Да нет же!

Бэрк (*деловым тоном*). Ну а на все прочее мне начхать! Меня это не касается. (*Уверенно встает, теперь у него тон хозяина.*) Видимо, ты ничем не лучше тех баб, которые никак не могут решиться, покуда их силком не заставят. Что ж, тогда я за тебя решу в один момент. (*Берет ее за руки, улыбаясь, чтобы смягчить приказной тон.*) Хватит болтать! Ступай к себе в комнату, надень все самое нарядное, что у тебя есть, и пойдем на берег!

Крис (*раздраженный, гневно*). Нет, клянусь богом, она этого не сделает! (*Берет Анну за руку.*)

Анна (*слушавшая Бэрка с удивлением, отстраняется от него, все еще не поняв: шутит он или всерьез. С ноткой негодования в голосе.*) Послушай-ка, где ты обучился так разговаривать?

Бэрк (*повелительно*). Не важно. Говорю тебе, одевайся! (*Поворачиваясь к Крису.*) Посмотрим, чья возьмет!

Крис (*Анне, тоже властным тоном*). Анна, ты останешься здесь, слышишь?

Анна смотрит то на одного, то на другого—ей кажется, что они оба сошли с ума. Потом лицо ее застывает в циничной усмешке, которой выучило ее прошлое.

Бэрк (*в бешенстве*). И не подумает! Она сделает так, как я велю! Довольно ты ею распорядился. Теперь мой черед.

Анна (*с жестким смехом*). Твой черед? А я что такое, по-твоему?

Бэрк. Дело не в том, что ты есть, а в том, чем ты будешь сегодня же—моей законной женой. А ну-ка, поторапливайся.

Крис (*властно*). Не смей делать то, что он говорит!

Анна зло смеется.

Бэрк. Все равно будет по-моему!

Крис. А я тебе говорю—нет! Я ее отец!

Бэрк. Она тебя не слушается. Теперь она подчиняется мне, а не тебе.

Анна (*смеется*). «Подчиняется»—вот это славно!

Бэрк (*нетерпеливо*). Ну же, пошевеливайся! Некогда. (*Разозлившись, что она не двигается с места.*) Слышишь, что я тебе сказал?

Крис. Не смей никуда ходить, Анна!

Анна (*потеряв терпение, взрывается от ярости*). Да кагитесь вы оба ко всем чертям!

Ее крик заставляет их забыть ссору и растерянно к ней обернуться. (*Истерически смеется.*) Да уж, хороши оба! Такие же, как все! Что я вам—пешка? Ну, я вам покажу. Садитесь, живо!

Они стоят в нерешительности.

(Кричит.) Сядьте и дайте сказать мне слово! Оба вы ни черта не смыслите, поняли? Так послушайте! Я вам кое-что расскажу, и покончим со всем! *(Бэрку, с резким смехом.)* Я тебе расскажу веселенькую историю, слушай внимательно. *(Показывая на Крису.)* Мне давно хотелось ему все выложить начистоту. Каждый раз, когда он бесит меня своими бреднями насчет добропорядочной жизни на суше... Тебе я, правда, не хотела говорить, ты меня сам вынудил. Какая разница! Все равно один конец, а так будет лучше. *(С жесткой насмешкой.)* Только не забудь того, что минуту назад говорил: будто тебе на все наплевать, лишь бы я ни за кем не была замужем.

Бэрк *(стойко)*. Сказал, и свое слово сдержу!

Анна *(горько)*. Ой ли?! Не смей меня! Поживем — увидим! *(Стоит у края стола, глядя то на одного, то на другого и кривя губы все в той же жесткой, дразнящей усмешке. Потом, стараясь победить волнение, говорит спокойно.)* Во-первых, мои милые, я желаю вам вот что сказать. Оба вы вели себя так, как будто я ваша собственность. Но я никому не принадлежу. Я свободна, ясно? Надо мной один хозяин — я сама. И никому — кто бы он ни был — не удастся распоряжаться мною. Я у вас денег на хлеб не прошу. Могу и сама заработать — так или иначе. Я сама себе хозяйка. Зарубите себе это на носу! Тоже мне распорядители!

Бэрк *(протестуя)*. Да я ничего и не говорю: сама знаешь. Чего тебе со мной скандалить? *(Кивая на Крису.)* Вот насчет него ты права...

Анна. Скажу и насчет него. Но и ты тоже не лучше. И ты распоясался... как все ваше отродье! *(Истерически.)* Да замолчишь ты, будь ты проклят?! Дашь мне сказать хоть слово?

Бэрк. Станный разговор... И даже грубый для такой порядочной девушки.

Анна *(грубо смеясь)*. Порядочной? А кто тебе сказал, что я порядочная?

Крис сидит, понурив голову, закрыв лицо руками.

(В исступлении нагибается к отцу и яростно трясет его за плечи.) Не смей спать, старик! Послушай, я и тебе говорю!

Крис *(выпрямляясь и озираясь по сторонам, словно в поисках спасения. В голосе его страх и предчувствие беды)*. Не хочу слушать. Ты сошла с ума, по-моему, ты сошла с ума...

Анна *(зло)*. Поживешь с тобой — не мудрено и спать! Наслушаешься трескотни, как хорошо жить в

деревне! Разве я тебе не писала, какая там каторга? Не писала, что дорогие родственнички превратили меня в рабу? А ты что на это? Плевал! Хоть бы разок приехал и поглядел своими глазами, как я живу. И еще сказки рассказываешь, что ты-де оберегал меня от моря! Да кто в это поверит? Тебе просто было не до меня. Не хотел голову себе морочить. Ты такой же, как и все!

Крис *(слабым голосом)*. Анна! Я не хотел...

Анна *(не слушая его, мстительно)*. Но об одном я тебе не писала. Один из двоюродных братьев—ты ведь твердил, что они такие хорошие люди!—младший сын... Поль... пустил меня по дурной дорожке. *(Громко)*. Я не виновата. Я его лютой ненавистью ненавидела, и он это знал. Но он был большой и сильный. *(Показывая на Бэрка)*. Вроде него.

Бэрк *(чуть не сорвавшись со стула, сжав кулаки)*. Ах, будь ты проклята! *(Медленно опускается на стул, руки его сжаты так крепко, что суставы совсем побелели, лицо сведено от напряженной попытки подавить горе и ярость)*.

Крис *(с воплем ужаса и боли)*. Анна!

Анна *(отцу, словно ничего не слыша)*. Вот почему я сбежала с фермы. Вот что заставило меня поступить в няньки в Сент-Поле. *(С жестким, полным издевки смехом)*. Ты небось думаешь, что и это завидная работа для девушки? *(С сарказмом)*. И что все порядочные ребята на суше только и мечтают на мне жениться, да? Жди-ка! *(Услышав, что Бэрк издал стон ярости, кричит с отчаянием)*. Нет уж, дослушайте до конца! Меня держали взаперти, как в клетке, как в тюрьме, понятно? Ходить за чужими ребяташками, день и ночь слушать, как они ревут... А мне хотелось погулять, меня разбирала такая тоска, что повеситься было впору! *(В голосе ее вдруг слышится усталость)*. Вот я и плюнула на все это дело. Все равно конец один... *(Замолкает и смотрит на обоих мужчин)*.

Они слушают напряженно, не шевелясь: Крис—в горестном оценении, чувствуя, как рассыпался его картонный домик. Бэрк—побелев от ярости, которая жжет его душу. Но он слишком потрясен, чтобы излить эту ярость.

(Почувствовав в их молчании осуждение, говорит грубо, резко, пренебрежительно). А-а, молчите? Что же вы оба словно в рот воды набрали? Знаю, что вы думаете. Все вы одним миром мазаны. *(Крису, в бешенстве)*. Ну, кто во всем этом виноват—я или ты? Если бы ты вел себя как человек, если бы ты был отец как отец и взял бы меня к себе... может, все и было бы по-другому.

Крис (с мукой). Не говори так, Анна! Я с ума сойду! Не могу я тебя слушать. *(Затыкает уши.)*

Анна (обозленная этим, грубо). Нет, ты слушай! *(Нагибается к нему и в истерическом гневе оттаскивает его ладони от ушей.)* Ты хотел, чтобы я была на суше подальше от греха? Так вот: последние два года я не была нянькой, я врала тебе в письмах, я жила в одном заведении, понял? Да-да, в том самом, где вы с Мэтом любите бывать, когда заходите в порт... И вы, моряки, и твои порядочные сухопутные—все мужики, будь они прокляты! Как я их ненавижу! Как я их ненавижу! *(Разражается отчаянными рыданиями, бросается на стул и прикрывает лицо руками.)*

Оба моряка вскакивают на ноги.

Крис (хныча как ребенок). Анна! Анна! Это неправда! Это неправда! *(Ломает руки; по лицу его текут слезы.)*

Бэрк (все его огромное тело напряжилось). Говорит тупо, словно сквозь сон). Так вот оно что...

Анна (услышав его голос, поднимает голову, с жесточайшей горечью). Ты еще не забыл свое обещание, Мэт? Тебе ведь все нипочем, лишь бы я не была замужем. Ну как, все еще хочешь, чтобы я приделалась и пошла с тобой под венец? *(Смеется.)* Говори, хочешь?

Бэрк (готов вот-вот взорваться, заикаясь). Будь ты неладна...

Анна (старается сохранить свой резкий, едкий тон, но постепенно в ее голосе появляется жалобная, молящая нотка). Если бы я стала тебя уверять, что я больше не... такая, ты бы мне поверил? Как же! А я тебе скажу, что, стоило мне пожить на барже, на море,—и меня словно подменили. Все мне стало казаться другим, словно жизни, через которую я прошла, и не было... Ты ведь будешь надо мной смеяться, правда? Помрешь со смеху, если я скажу, что встреча с тобой... та самая чудная встреча, ночью, в тумане... и потом, когда я поняла, что ты и взаправду тянешься ко мне... Я ведь тогда первый раз в жизни задумалась: как же так? Ты мне показался не таким, как другие, настоящим моряком, который не похож на тех, на суше, как чистая вода не похожа на грязную жижу... Вот почему и меня к тебе потянуло. Думала смолчать и обманом с тобой обвенчаться, да не смогла. Видишь, как я изменилась? Не могла я хитростью выйти за тебя замуж, а правду сказать не хватило духа, пока оба вы не заставили меня заговорить и я не увидела, что вы точь-в-точь такие же, как все. Ну а теперь выругайся, облегчи душу и ступай! Будто не вижу, что ты только этого и хочешь. *(Замолкает, смотрит на Бэрка.)*

Отвернувшись, он не произносит ни слова, рот его сводит судорога. '

(Страстно молнит.) Ты мне поверишь, если я тебе скажу, что любовь сделала меня... чистой? Клянусь тебе, это правда! *(Видя, что он не отвечает, с горечью.)* Черта с два ты поверишь! Такой же, как все мужики!

Бэрк *(вспыхнув, накидывается на нее как полоумный, голос его дрожит)*. Такой, как все? Да будь ты проклята! Еще смейшь говорить о чистоте! Ах ты, курва, да я убью тебя! *(Хватает стул, на котором сидел, замахивается им и бросается на Анну.)*

Крис с испуганным криком кидается ему навстречу, стараясь отвести от дочери удар. Анна с бесстрашием отчаяния смотрит Бэрку прямо в глаза. Бэрк сдерживает себя, держа на весу стул.

Крис *(в исступлении)*. Брось, чертов сын! Убьешь! Брось, говорю!

Анна *(резко отталкивает отца, не сводя глаз с Бэрка)*. А ты не мешайся! *(Бэрку, тупо.)* Ну что ж, бей, или духу не хватает? Бей! Ей-богу, только спасибо скажу. Осточертела мне вся эта волынка...

Бэрк *(швыряет стул в угол комнаты. Беспомощно)*. Не могу, господи прости. Не могу, когда ты на меня смотришь. *(Яростно.)* А ведь должен бы! Должен бы расколоть тебе башку, как тухлое яйцо. Да есть ли на свете еще такие подлые женщины, как ты, и неужели найдется еще хоть один-единственный мужчина, которого так одурачили, как мсня! А ведь чего только я о тебе не думал, как любил, как мечтал, что заживем мы с тобой точно в раю, когда поженимся... *(Голос его от причитаний становится пронзительно высоким.)* О господи, жизнь она мою загубила, сердце разбила на куски. И скажи ты мне, господи, для того ли бродил по морям я с самого малолетства, чтобы дожить до такого позора? Зачем ты позволил отдать любовь мою женщине не лучше тех, из портовых кабаков, разодетых в красные платья, с намалеванными лицами и бесстыжей улыбкой? За доллар переночуют с любым моряком...

Анна *(истошно кричит)*. Замолчи, Мэт! Бога ради, замолчи! *(Бешено стучит кулаком по столу.)* Убирайся отсюда! Оставь меня в покое! Убирайся отсюда!

Бэрк *(с новым приливом гнева)*. И уйду! Не бойся, уйду! И напьюсь, буду пить, покуда не смою с губ твой подлый поцелуй, буду пить, пока не напьюсь так, что забуду, есть ли ты на белом свете. А потом наймусь на какое-нибудь судно, пусть везет меня на самый край света, там хоть никогда я больше не увижу твоего лица! *(Поворачивается к двери.)*

Крис *(стоявший словно в оцепенении, вдруг хватается*

Бэрк за руку и туно бормочет). Нет, ты не пойдешь. Теперь уж, по-моему, лучше, чтобы Анна вышла за тебя замуж...

Бэрк (стряхивает его руку, в бешенстве). Ты меня лучше не тронь, старая образина! Мне жениться на ней? Да пусть ее раньше черти сжарят на сковороде! Говорю тебе, ухожу в море! *(Тычет пальцем в Анну, со страстью.)* И будь ты трижды проклята во веки веков! За мою загубленную жизнь! За мою пронащую молодость! Пусть не будет тебе ни сна ни покоя! Пусть бессонными ночами чудится тебе Мэт Бэрк и те муки, на которые ты его осудила!

Анна (с болью). Мэт!

Но он отворачивается от нее и, не говоря больше ни слова, выходит за дверь. Анна дико смотрит ему вслед, делает движение, чтобы броситься за ним, потом прячет лицо в ладонях и рыдает. Крис стоит словно истукан, глядя в пол.

Крис (наконец нарушает молчание, уныло). Я, пожалуй, тоже схожу на берег.

Анна (поднимает голову, кричит). Не вздумай за ним идти! Пусть убирается! Не смей...

Крис (мрачно). Я пойду выпить.

Анна (с хриплым смехом). Ага, значит, и ты из-за меня напьешься? Наверно, и ты хочешь напиться, чтобы меня больше не вспомнить?

Крис (вспыхнув от злости). Да! Ты думаешь, мне легко было слышать... *(Не выдержав, раздражается слезами.)* Я-то ведь тоже не думал, что ты такая...

Анна (с издевкой). А теперь небось хочешь, чтобы я куда-нибудь смылась и не мозолила тебе глаза? Не желашь, чтобы я тебя тут позорила?

Крис. Нет, ты оставайся! *(Подходит, похлопывает ее по плечу, по щекам у него текут слезы.)* Чем же ты виновата? Я-то знаю, Анна, что ты тут ни при чем.

Она смотрит на него, смягчившись.

(В нем снова вспыхивает ярость.) Это все его бесовские шутки! У-у! Проклятый! *(Грозит кулаком морю.)* Его подлость! Разве плохо нам было с тобой на барже вдводем? Нет, оно подослало нам туман и этот проклятый ирландец. Оно тебя к нему приворожило. Из-за него ты со мной все время ссорилась! Если бы не было этот проклятый ирландец, ты никогда бы мне ничего не сказала. Я бы не знал и жил спокойно. *(Снова грозит кому-то кулаком.)* Ах ты, старый шерт! Дьявол!

Анна (устало). Ну, теперь поздно, горю не поможешь. Ступай на берег и напейся.

Крис (*входит в комнату налево и берет свою фуражку. Молча, понуро идет к двери. Поворачивается*): Ты меня будешь ждать, Анна?

Анна (*вяло*). Может, да, а может, и нет. Может, и я напыюсь. Может, я... Да какое тебе до этого дело? Тебе-то что? Иди, иди!

Крис медленно поворачивается и выходит. Анна сидит у стола, глядя в пространство невнядными глазами.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация третьего действия. Прошло два дня. Туманный вечер. Девять часов. Из гавани доносятся гудки пароходов. Каюта освещена маленькой настольной лампой. Посреди каюты на полу — чемодан.

Анна в ильине и одета как в первом действии. Она сидит в качалке бледная, выглядит усталой, измученной — прошедшие два дня провела в страданиях, а ночи без сна. Подперев подбородок ладонями, смотрит перед собой глазами, полными отчаяния. В заднюю дверь кто-то робко стучит. Анна, испуганно вскрикнув, вскакивает и смотрит на дверь не то со страхом, не то с надеждой.

Анна (*чуть слышно*). Войдите. (*Потом, призвав на помощь все свое мужество, решительнее*.) Войдите.

Дверь открывается, появляется Крис. Вид у него испитой, неопрятный. Он явно страдает от похмелья. В руке у него небольшое жестяное ведро, наполненное пенным пивом.

Крис (*входит в комнату, избегая взгляда Анны. Бессмысленно бормочет*). Опять туман.

Анна (*осматривает его с презрением*). Наконец-то явился! Ну и вид! (*С издевкой*.) А я-то думала, что ты смылся совсем, не стерпел позора.

Крис (*съежившись, тихонько*). Зачем ты так говоришь?.. Не надо. (*Садится к столу, ставит ведро к пивом, сжимает голову руками*.)

Анна (*смотрит на него с некоторым сочувствием*). Что с тобой? Заболел, что ли?

Крис (*уныло*). Голова болит, там, внутри.

Анна. А чего бы ты хотел, ведь был небось два дня без просыпу! (*Сердито*.) Так тебе и надо. Хорошо, нечего сказать, бросил меня здесь одну, на этой барже!

Крис (*смирненно*). Ты меня уж прости.

Анна (*зло*). Опять простить?

Крис. Но у меня здесь болит не оттого, отчего ты думаешь. У меня здесь болит от мыслей... Насчет тебя и насчет меня.

Анна. А я? А мне, по-твоему, и думать не о чем?

Крис. Прости меня, Анна. (*Видит ее чемодан и вздрагивает.*) Ты уложила вещи? Ты хотела уйти?..

Анна (*решительно*). Да, хотела схать назад, как раз туда, куда ты и предполагал.

Крис. Анна!

Анна. Я пошла на берег, чтобы сесть на поезд в Нью-Йорк. Ждала его, ждала, пока не стало тошно. Потом передумала и решила сегодня не схать. Поеду завтра, с утра, так что все равно.

Крис (*подняв голову, умоляющим тоном*). Не надо! Не уезжай!

Анна (*с издевкой*). А почему бы, интересно, мне не уехать?

Крис. Тебе никогда больше не придется... этого делать, понимаешь? Я все устроил как надо.

Анна (*с подозрением*). Что ты устроил?

Крис (*словно не слышал ее вопроса, грустно*). Говоришь, ты ждала? Поручусь, ты ждала не меня.

Анна (*цинично*). И не ошибешься.

Крис. Кого, ирландца?

Анна (*с вызовом*). Да, если хочешь знать! (*С горестным смехом.*) Если бы он и пришел, то только для того, чтобы отколотить меня или вовсе прикончить. Пусть бы пришел хоть для этого! Мне все равно, что он со мной сделает.

Крис. Видно, ты в самом деле в него влюблена.

Анна. Вот и хорошо, что тебе это видно!

Крис (*обращается к ней очень серьезно*). И я тоже шерт знает как огорчен, что он не пришел.

Анна (*мягко*). Э, да ты запел совсем другую песню!

Крис. Я все думал... Во всем виноват я один. Во всех твои беды. (*С мольбой.*) Только, слышишь, дочка... не надо меня ненавидеть. Ты уж постарайся. Что с меня возьмешь, с такой старый дурень?..

Анна. А кто сказал, что я тебя ненавижу?

Крис. Ты меня прости за все, в чем я перед тобой виноват. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Всегда. За то, что ты настрадалась. Если для твоего счастья надо, чтобы ты вышла замуж за этот ирландец, что ж, выходи. Тогда и я этого хочу.

Анна (*уныло*). Ничего из этого не получится. Но я все равно рада, что ты теперь так на это смотришь.

Крис (*просительно*). Как ты думаешь... может... ты когда-нибудь меня простишь?

Анна (*с бледной улыбкой*). Да хоть сейчас.

Крис (*хватает ее руку, целует ее, повторяя прерывающимся голосом*). Анна lilla! Анна lilla!

Анна (*тронута, но слегка сконфужена*). Нашел из-за

чего шуметь! Да и прощать-то особенно нечего. Ты ни в чем не виноват. Да и он тоже не виноват. Все мы горемыки злосчастные. Жизнь хватает за глотку и вертит как хочет. А ты только пищи.

Крис (*горячо*). Вот это верно! Клянусь богом, так оно и есть! Никто ни в чем не виноват. (*Грозит кому-то кулаком.*) Один он, этот старый бес— море!

Анна (*с нетерпеливым смешком*). Ох, и не надоело тебе причитать одно и то же!

Крис обиженно замолкает.

(*После паузы продолжает с любопытством.*) Ты вот сказал, что для меня что-то устроил... А что же ты устроил?

Крис (*нерешительно помолчав*). Я опять нанялся на корабль, Анна.

Анна (*поражена*). Как?

Крис. Я нанялся на корабль, он завтра выходит в море. На старая должность— боцман.

Анна смотрит на него широко раскрытыми глазами. По мере того как он говорит, на губах у нее появляется горькая усмешка.

По-моему, для тебя это самое лучшее. Какой от меня толк— приношу одни только несчастья. И матери твоей искалечил жизнь. Не хотел испортить ее тебе, да, видишь, ничего не вышло. Старый бес превратил меня в Иону, противного богу и людям. Я думаю, что бороться мне бесполезно. Нет на свете человек, который мог бы его осилить, уж ты поверь!

Анна (*беспомощно и горько смеется*). Так вот как ты меня устроил!

Крис. Да. Я решил, что, если старый дьявол заполучит меня назад в свои лапы, он хоть тебя оставит в покое!

Анна. Но господи, разве ты не видишь, что опять делаешь то же, что делал всю жизнь? Неужели не понимаешь?..

На его лице выражение упрямой одержимости, ясно, что спорить с ним бесполезно.

Да чего с тобой толковать? Ты ведь полоумный. Я не стану больше тебя ни в чем обвинять. Но как ты мог подумать, что, бросая меня, устраиваешь мою жизнь?

Крис. Я тебе не все сказал. Я договорился в пароходстве, что они будут выплачивать тебе все деньги, которые мне причитаются, пока меня нет.

Анна (*жестко*). Спасибо. Не бойся, на карманные расходы я сама заработаю.

Крис (*огорченный, робко*). Знаю, это не бог весть

какой богатство, но на жизнь тебе хватит. Не придется возвращаться туда...

Анна (сухо). Заткнись, понял?

Крис (помолчав, занскиваяюще). Хочешь, я схожу на берег и поищу ирландца?

Анна (зло). Нет уж, спасибо. Не тащить же его силком!

Крис (жалобно). О господи, что-то мне от этой водки совсем нехорошо. Даже лихорадит. Жарко, как в преисподней. (Снимает куртку. Она падает на пол с громким стуком.)

Анна (вздрыгнув). Чем это ты себе карманы набил? Свинцом, что ли? (Протягивает руку, берет куртку и вытаскивает из нее револьвер. С изумлением переводит взгляд на старика.) Револьвер? На что он тебе сдался?

Крис (смущенно). Совсем про него забыл. Чепуха!.. Да он и не заряжен.

Анна (открыв револьвер, чтобы проверить, действительно ли он не заряжен, смотрит на отца с подозрением). А я все-таки не пойму, на что он тебе понадобился?

Крис. Да понимаешь ли... Я его взял, когда пошел на берег. Вот старый дурак! Думал, во всем виноват этот ирландец...

Анна (с дрожью). О боже, ты еще ненормальнее, чем я думала. Вот не ждала, что ты до такого дойдешь!

Крис (поспешно). Да нет же, я тут же опомнился, сразу. Даже патронов не купил. Я ведь знаю, он ни в чем не виноват.

Анна (все еще с подозрением). Ладно, я все-таки припрячу его подальше, все равно — заряжен он или нет. (Кладет револьвер в ящик стола и закрывает ящик.)

Крис (примирительно). Хочешь — выбрось его за борт. Наплевать. (Помолчав.) Все-таки я прилягу. Что-то мне нездоровится.

Анна берет со стола журнал.

(Задерживается возле ее стула.) Мы еще поговорим до моего отъезда, ладно?

Анна (равнодушно). А куда идет этот твой пароход?

Крис. В Кейптаун, Южная Африка, Английское судно, называется «Лондондерри». (Нерешительно стоит возле нее, наконец не может удержаться.) Анна... ты на самом деле меня простила?

Анна (устало). Простила. Чего с тебя возьмешь? Ты просто... такой, какой ты есть. Как я.

Крис (с мольбой). Можно мне тебя поцеловать?

Анна (поднимает голову, пытается улыбнуться). Конечно. Нет у меня зла на тебя.

Крис (целует ее, чуть не плача). Анна lilla! Я... (Мучительно ищет слова, чтобы выразить свое чувство, но, не найдя их, горестно всхлипывает.) Сказал бы, да не могу, не умею... Спокойной ночи.

Анна. Спокойной ночи.

Крис берет со стола ведро с пивом и медленно уходит в комнату налево, плечи его согнуты, голова опущена. Затворяет за собой дверь.

(Перелистывает журнал, тоскливо стараясь отвлечься от своих мыслей. Швырнув журнал на стол, вскакивает и взволнованно ходит по каюте, сжимая и разжимая руки. Говорит с собой громко, прерывающимся голосом.) Господи, я больше не выдержу. Нету моих сил! Чего я жду? Чертова дура... (Смеется над собой, но замолкает, услышав тяжелые шаги на палубе. Сразу же их узнает, и лицо ее освещается радостью. Шепчет.) Мэт! (Вдруг ее охватывает безотчетный страх. Она бросается к столу, хватая из ящика револьвер и прячется, согнувшись, за шкафом.)

Секунду спустя дверь распахивается, и в каюте появляется Мэт Бэрк. Вид у него неважный, одежда разорвана, в грязи и в ошлках, словно он валялся на полу в баре. На лбу над глазом кровавая ссадина, вторая — на скуле; суставы пальцев ободраны в кровь — словом, все говорит о том, что он дрался не на шутку. Глаза воспалены, веки опухли, лицо отекло. Но помимо внешних признаков и последствий сильного запоя — в его глазах выражение страшной душевной борьбы, беспощадной животной ярости и безысходного горя.

Бэрк (моргая, вглядывается в углы каюты. Хрипло). Ты лучше от меня не прячься, кто ты ни есть... Хоть и знаешь, что я имею полное право сюда прийти и тебя убить... (Прислушивается, не услышав ничего, затворяет за собой дверь, подходит к столу и бросается в качалку; тоскливо.) Видно, никого нету... Эх, и дурак же я, что сюда пришел. (С тупой, неосознанной болью.) Ну и осел же ты, Мэт Бэрк, что на тебя нашло, скажи на милость? Ее давным-давно и след простыл. Говорю тебе, ты ее больше и в глаза не увидишь.

Анна нерешительно поднимается на ноги, в ней борются страх и любовь.

(Видит чемодан Анны. Нагибается, чтобы его рассмотреть.) Это что? (Радостно.) Ее чемодан. Не уехала! Но где же она? Наверно, на берегу? (Мрачно.) Но что она делает на берегу в такую поганую ночь? (Лицо его вдруг искажается горем и яростью.) Наверно... О, будь ты проклята! Ну погоди, только вернись, я тебя придушу, дрянь ты этакая!

Анна (вздрагивает, лицо ее становится жестоким. Делает шаг на середину каюты, в правой руке у нее револьвер; холодно, жестко). Что тебе здесь нужно?

Бэрк (*вскрикнув от испуга, стремительно вскакивает*). Слава тебе господи!

Мгновенно оба стоят неподвижно, не сводя друг с друга глаз.

Анна (*так же холодно*). Ну что, язык отнялся?

Бэрк (*пытаясь разговаривать легко и беззаботно*). Ну и напугала ты меня. Я-то думал, что здесь никого нет.

Анна. Надо иметь нахальство вламываться сюда, даже не постучав! Чего тебе?

Бэрк (*небрежно*). Да ничего особенного. Хотел напоследок поговорить. (*Делает к ней шаг.*)

Анна (*поднимая револьвер, резко*). Эй, поосторожнее! Не подходи. Я слышала, как ты тут грозился.

Бэрк (*заметил револьвер*). Уж не хочешь ли ты, да простит тебе господь, меня убить? (*С презрительным смехом.*) Думаешь, я перепугаюсь этой старой свистульки? (*Идет прямо на нее.*)

Анна (*кричит*). Лучше поберегись!

Бэрк (*подойдя к ней так близко, что револьвер почти касается его груди*). Ну, стреляй! (*С внезапным приступом скорби.*) Стреляй, все равно один конец! Пусти в меня пулю, только спасибо скажу. Осточертела мне эта собачья жизнь. Ну а за последние два дня, когда я узнал, что ты такое,—пожалел, что вообще родился на божий свет...

Анна (*роняет револьвер на пол, словно пальцы у нее одеревенели. Истерично кричит*). Зачем ты сюда пришел? Чего тебе здесь надо? Уходи! (*Проходит мимо него и падает в качалку.*)

Бэрк (*идет за ней следом, печально*). Вот это ты правильно спрашиваешь, зачем я сюда пришел... (*Со злостью.*) А все потому, что я бесхарактерный дурак, какого свет не выдывал! Мучаюсь из-за гнусности, которую ты мне тут рассказала; пью как оглашенный, чтобы забыть... Забыть? Черта с два, забудешь! Твое лицо так и кривится у меня перед глазами, и во сне, и наяву. Скоро, наверно, свихнусь окончательно, туда мне и дорога!

Анна (*взглянув на его руки и лицо, с насмешкой*). Тебя и в самом деле не мешало бы запереть куда-нибудь подальше от людей. Удивляюсь, как это тебя еще не забрали. Небось славная была драка, а?

Бэрк. Передрался со всеми, у кого была охота со мной потягаться! (*Яростно.*) И как смажу кого-нибудь по морде—вижу не его лицо, а твое! Ух, до чего же мне хотелось так тебя стукнуть, чтобы ты раз и навсегда простилась с этим светом. Мне бы тогда не пришлось больше ни думать о тебе, ни видеть твое лицо перед собою.

Анна (*зубы ее жалобно дрожат*). Вот спасибо!

Бэрк (*шагая по каюте в полнейшем расстройстве*). Ну-ну, издевайся. Так мне и надо! Какой же я трус и ничтожество, что пришел опять и разговариваю с тобой. Как тебе надо мной не смеяться!

Анна. Я над собой смеюсь, Мэт.

Бэрк (*не слушая ее*). Подумать только, кто ты такая! А я, Мэт Бэрк, вернулся, чтобы еще раз взглянуть на тебя! Ну не позор ли это и стыд?

Анна (*с возмущением*). Убирайся. Никто тебя не держит.

Бэрк (*с изумлением*). Мне выслушивать такие слова от женщины вроде тебя и не заткнуть тебе кулаком глотку? Господи, ну и жалкий же я человек; теперь любой на меня плевать может! (*Приходя в бешенство.*) Но я и не подумаю отсюда уходить, пока не выскажу все, что у меня накипело. (*Угрожающе поднимает кулак.*) А ты бы лучше поостереглась меня доводить до крайности! (*Беспо мощно опускает кулак.*) Ну не сердись. Я уж и заговаривать стал — видно, и правда спятил, так ты меня растрвила. Голова кругом идет. От тоски голова кругом идет. (*Вдруг наклоняется к ней, крепко хватая за руку.*) Скажи, что это ложь, ну прошу тебя!

Анна (*вяло*). Ложь? Какая ложь?

Бэрк (*со страстной настойчивостью*). Вся эта грязь, о которой ты рассказала два дня назад. Ну не может это быть правдой! Ты меня разыграла? Скажи мне, Анна, что это была ложь, я на колени встану и бога поблагодарю.

Анна (*совершенно потрясенная, чуть слышно*). Не могу, Мэт.

Он отворачивается от нее.

Ах, неужели ты не видишь, чем бы я прежде ни была, теперь я уже не та? Ну выслушай меня! Сегодня днем я сложила свои вещи и пошла на берег. Целых два дня прождала здесь одна, надеялась, что ты вернешься, надеялась, что ты обдумаешь все, что я тебе сказала. и... может быть... ах, да не знаю, на что я надеялась! Только боялась хоть на секунду выйти из каюты. Честное слово... Боялась, что ты придешь и меня не застанешь. А тебя все не было, я совсем потеряла надежду и пошла на вокзал. Хотела уехать в Нью-Йорк. Обратю, туда...

Бэрк (*хрипло*). Покарай тебя бог!

Анна. Послушай, Мэт! Ты не приходил, и я совсем отчаялась. Но все равно я не смогла уехать. Даже билет купила, а все равно не смогла. (*Вынимает из-за врезки платья билет и держит у него перед глазами.*) Я думала

о тебе, и у меня не хватило духа сесть в поезд, не было сил! И я вернулась, чтобы опять ждать. Ну, Мэт, неужели ты не видишь, как я переменялась? Неужели ты не можешь простить мне того, что уже умерло? Не можешь забыть?

Бэрк (*снова кидается на нее, обуреваемый яростью*). Забыть? Говорю тебе, я ничего не забуду, до самой смерти! Ты не видишь, что я все время об этом только и думаю? Совсем обезумел. Одного бы я только хотел: попадись мне кто-нибудь из них, я бы так измолотил его вот этими кулаками, что из него весь дух вышел бы. Пусть горели бы они все в аду, до самого Страшного суда, да и ты вместе с ними. Чем ты их лучше?

Анна (*с дрожью*). Мэт! (*Помолчав, голосом каменным, без всякого выражения.*) Ну вот, ты сказал мне все, что хотел. А теперь можешь убираться.

Бэрк (*медленно движется к двери, колеблется. После паузы*). А ты что будешь делать?

Анна. Тебе-то какое дело?

Бэрк. Я тебя спрашиваю.

Анна (*тем же тоном*). Чемодан у меня уложен, билет куплен... Завтра поеду в Нью-Йорк.

Бэрк (*слабым голосом*). Это что же значит: снова будешь заниматься тем же?

Анна (*без выражения*). Наверно.

Бэрк (*с мукой*). Не смей! Не терзай ты мне сердце! Дьявол! Я от тебя совсем рехнусь.

Анна (*надломленным голосом*). Господи, оставь ты меня в покос! Уйди. Неужели не видишь, что и так тошно? Зачем ты еще пинаешь меня!

Бэрк (*с негодованием*). А разве ты не заслуживаешь всего, что я тебе говорю, да простит тебя бог!

Анна. Ладно. Может, и заслуживаю. Но нечего мне этим глаза колоть. Зачем не сделал того, что грозился сделать? Не нанялся на судно, которое свезло бы тебя на другой край света, чтобы глаза твои меня больше не видели... Никогда...

Бэрк. А я так и сделал.

Анна (*в испуге*). Что?.. Ты уедешь... это правда?

Бэрк. Завербовался сегодня в полдень, спяну... Завтра выходим в море.

Анна. А куда идет твое судно!

Бэрк. В Кейптаун.

Анна (*вспоминая, что она совсем недавно слышала это название, вздрагивает, растерянно*). Кейптаун? Где это? Далеко?

Бэрк. На том конце Африки. От тебя далеко.

Анна (*с деланным смехом*). Что ж, выходит, ты

держишь слово! *(Помолчав, небрежно.)* А как называется судно?

Бэрк. «Лондондерри».

Анна *(внезапно сообразив, что это то же судно, на котором отплывает ее отец).* «Лондондерри»? Вот это да! *(Громко и с издевкой хохочет.)* Ха-ха-ха!

Бэрк. С чего это ты?

Анна. Ха-ха-ха! Забавно! Помереть можно!

Бэрк *(с раздражением).* Над чем смеяться?

Анна. Не скажу. Сам узнаешь. Вот потеха! *(Сдерживаясь, молчит. Цинично.)* А что за место этот самый Кейптаун? Наверно, баб там?!

Бэрк. Провались они пропадом! Дай мне бог не увидать ни одной бабы до самого смертного часа!

Анна. Это ты теперь говоришь. Ручаюсь, пока туда доседешь, забудешь, что я существую на свете. И станешь рассказывать первой встречной те же байки, какими меня кормил.

Бэрк *(с обидой).* Ну уж врешь! За кого ты меня принимаешь? Я ведь не ты. Я не умю путаться то с одной, то с другой.

Анна *(сердится).* Неужели? А как же ты поступал, когда подбирал по девушке в каждом порту? Чем ты лучше меня, скажи на милость?

Бэрк *(совершенно выведенный из себя).* Стыда у тебя нет! Ну и дурень же я — попусту трачу время на разговоры с тобой, ты закоренела в своем пороке. Нет, лучше уж убраться и не видеть тебя вовек. *(Напрямляется к двери, но останавливается и снова оборачивается к ней, в бешенстве.)* Признайся, ты им всем лгала, как мне?

Анна *(с негодованием).* Это ты лжешь! А я не лгала никому.

Бэрк *(с несчастным видом).* Еще бы, разве ты признаешься!

Анна *(с силой и все возрастающим волнением).* Ты хочешь меня обвинить в том, что я их любила по-настоящему?

Бэрк. Конечно, а как же?

Анна *(в бешенстве; такого оскорбления она уж никак не может вынести. Наступает на него).* Подонки! Довольно я от тебя натерпелась! Заткнись! *(С горькой насмешкой.)* Любить их! О господи! Туница проклятый! Любить их! *(С неистовством.)* Ненавидела я их, вот что! Ненавидела, ненавидела, ненавидела! Слышишь? Покарай меня бог сию же минуту, и мою мать тоже, не дай бог ей покоя на том свете, если я вру!

Бэрк *(обрадован ее страстными уверениями, лицо его понемножку начинает светлеть. Ему хочется пове-*

рять, но его еще мучает сомнение). Эх, если бы я мог тебе поверить!

Анна (*горестно*). А что проку? Что с тобой говорить! Все ни к чему. (*С мольбой*.) Но ты, Мэт, не смей обо мне такого думать! Слышишь? Думай обо мне что хочешь, самое плохое, я тебе ничего не скажу, ты на это имеешь право. Но такого думать не смей! (*Чуть не плача*.) Не могу я этого вынести! Страшно ведь — уедешь от меня на край света, никогда тебя больше не увижу... и будешь такое обо мне думать!

Бэрк (*после внутренней борьбы, с надрытом, еле-еле выговаривая слова*). Если бы я мог поверить... что ты никогда до меня никого не любила... Может, я бы сумел обо всем другом и забыть.

Анна (*вскрикнув от радости*). Мэт!

Бэрк (*медленно*). Если то, что ты говоришь, правда — может, я и смогу поверить, что ты переменилась, что я вывернул наизнанку все твое нутро так, что ничего от того, чем ты была, уже не осталось...

Анна (*жадно ловя его слова, с трудом переводя дыхание*). Ах, Мэт! Да ведь я тебе это все время говорю.

Бэрк (*твердо*). У меня хватит силы повести за собой человека, куда я захочу. Хотя бы и женщину. И я верю, что сумею сделать из тебя совсем другую, так что следа не останется от той, чем ты была в прошлом.

Анна. Ну конечно, ты сможешь, Мэт! Конечно, сможешь!

Бэрк. И мне сдается, что ты, наверно, и не виновата. Ведь из-за этой старой образины — твоего отца — ты росла одиноко и пошла по такой дорожке. А если бы я мог поверить, что любила ты только меня одного...

Анна (*с отчаянием*). Ты должен в это поверить! Как же мне тебя заставить? Я сделаю все, все на свете, чтобы доказать тебе, что я не лгу!

Бэрк (*вдруг найдя выход. Шарит в кармане пиджака и торжественно произносит, зажав что-то в руке*). А ты можешь поклясться, дать самую страшную клятву? Но помни, если ты солжешь, душа твоя тут же отправится в преисподнюю!

Анна. Поклянусь, Мэт! Чем хочешь!

Бэрк (*вытаскивает из кармана маленькое, дешевое старое распятие и показывает ей*). Можешь поклясться на этом?

Анна (*протягивая к распятию руку*). Могу! Дай мне его!

Бэрк (*держит от нее распятие на расстоянии*). Этот крест дала мне мать, упокой господи ее душу! (*Машинально крестится*.) Я был еще мальчонкой, когда она мне

дала этот крест и приказала никогда с ним не расставаться, ни днем, ни ночью, и он принесет мне счастье. Вскоре потом она померла. Но с того самого дня он всегда был при мне. Говорю тебе—в нем великая сила, он спасал меня от верной смерти, а я ведь немало побродил по морям. В тот раз, когда ко дну пошел наш корабль, крест висел у меня на шее. Он-то и привел меня целым и невредимым на сушу, хотя остальные и погибли. *(Очень серьезно.)* И я тебе заранее говорю: если ты поклянешься на этом кресте, помни—на тебя оттуда, с самого неба, смотрит моя старуха мать, она попросит всевышнего и его святых угодников наслать на тебя самую страшную кару, если клятва твоя будет лжива!

Анна *(оробев от его тона, суеверно)*. Да разве у меня повернется язык... поверь... Я говорю правду и не боюсь поклаться. Давай его мне.

Бэрк *(дает ей распятие. С испугом, словно боясь за ее душу)*. Говорю тебе, поостерегись, давая клятву!

Анна *(опасливо держи распятие в руке)*. Ну вот... в чем же ты хочешь, чтобы я поклялась? Говори.

Бэрк. Поклянись, что я—единственный человек на свете, которого ты любила.

Анна *(глядя ему прямо в глаза)*. Клянусь.

Бэрк. Поклянись, что отныне ты забудешь свою нечистую жизнь и никогда к ней больше не вернешься.

Анна *(с силой)*. Клянусь! Клянусь господом богом!

Бэрк. И да поразит тебя самая страшная господняя кара, если ты лжешь. Повтори.

Анна. И да поразит меня самая черная господняя кара, если я лгу!

Бэрк *(с громким вздохом облегчения)*. Слава тебе господи! Теперь я тебе верю. *(Берет у нее распятие и кладет обратно в карман; лицо его сияет от радости. Обнимает Анну за талию и собирается ее поцеловать, но вдруг замирает, охваченный новым подозрением.)*

Анна *(в тревоге)*. Что с тобой?

Бэрк *(со страшным беспокойством)*. А ты католичка?

Анна *(смущенно)*. Нет. А что?

Бэрк *(полный неясных, но зловеющих предчувствий)*. Господи, твоя воля! *(Бросая на нее мрачный взгляд.)* Ну не дьявольские ли это козни! Разве можно клясться на католическом кресте, если ты еретичка!

Анна *(с отчаянием)*. Мэт, ты мне не веришь?

Бэрк *(горестно)*. Да как же, если ты не католичка...

Анна. Какая разница? Разве ты не слышал, как я поклялась?

Бэрк *(страстно)*. Я был прав, когда от тебя убежал.

И беда, что не мог с собой совладать! Я любил тебя, несмотря ни на что, и, да простит меня бог, хотел, чтобы ты была со мной такая, как ты есть... Я бы с ума сошел без тебя! Я бы весь свет загубил... *(Хватает ее и испуганно целует.)*

Анна *(стонет от счастья)*. Мэт!

Бэрк *(внезапно отстраняет ее от себя и вглядывается ей в глаза, словно желая проникнуть в самую ее душу. Медленно)*. Если твоя клятва — не настоящая клятва, мне придется поверить тебе на слово. Все равно я возьму тебя, какая ты ни есть... До того ты мне нужна!

Анна *(с болью, с упреком)*. Мэт! Я ведь поклялась, разве ты не слышал?

Бэрк *(с вызовом, словно подзадоривая судьбу)*. Поклялась ты или не поклялась, что мне до этого? Утром, с божьей помощью, мы обвенчаемся. *(Еще более вызывающе.)* И будем счастливы, какие бы козни ни строил нечистый. *(Сжимает ее в объятиях и снова целует.)*

Дверь слева распахивается, и на пороге появляется Крис. Он смотрит на них, моргая. Сперва у него в глазах снова загорается ненависть к Бэрку. Но ее сразу же сменяет облегчение. Лицо его освещается счастливой догадкой. Он возвращается к себе в комнату и сразу же появляется снова, неся жестяное ведро с пивом.

Крис *(широко улыбаясь)*. Клянусь, мы сейчас выпьем!

Бэрк и Анна с испугом отшатываются друг от друга.

Бэрк *(взрываясь)*. Черт тебя возьми! *(Делает шаг к Крису, с угрожающим видом.)*

Анна *(отцу, счастливым тоном)*. Вот это разговор! *(Садится.)* Вам с Мэтом и в самом деле пора выпить и помириться. Тем более что вы вместе идете в плаванье на «Лондондерри».

Бэрк *(не веря своим ушам)*. Вместе в плаванье?.. И он тоже?..

Крис *(потрясен, несколько не менее)*. Я на нем плывал боцманом...

Бэрк. Вот черт! *(Зло.)* Опять уходишь в море и бросаешь ее одну?

Анна *(поспешно)*. Ну что тут особенного, Мэт? Где же ему быть, как не в море; я сама хотела, чтобы он нанялся на корабль. И тебе надо в плаванье, заработать денег. *(Смеется, достает стаканы.)* А насчет того, что я останусь одна, — ничего не поделаешь, такая уж у нас женская доля — привыкну к ней и я. *(Разливает им пиво.)* Сниму где-нибудь домик, устройю его для вас обоих — будет куда вернуться из плаванья. Вот увидите. А теперь выпьем, и будьте друзьями.

Бэрк *(весело, но все же с некоторой обидой на старика)*. Ладно! *(Чокается с Крисом.)* Счастливого плаванья!

Крис *(притихнув, лицо его печально)*. Сколл! *(Пьет.)*

Бэрк *(подмигнув Анне)*. Ну, ты недолго будешь одна. Уж об этом я, с божьей помощью, позабочусь. Не сомневайся, ему скоро придется качать на коленях внука.

Анна *(смущенно отворачиваясь)*. Что это за шутки! *(Берет с полу чемодан и выносит его в комнату налево.)*

Стоило ей выйти, как Бэрк снова погружается в мрачное раздумье. Крис молчит, рассеянно уставившись на свое пиво.

Бэрк *(наконец нарушает тишину)*. А какая у вас вера, у тебя и у Анны?

Крис *(с удивлением)*. Вера? На родине мы звались лютеране.

Бэрк *(в ужасе)*. Лютеране? *(С мрачной безнадежностью, самому себе.)* Ну, тогда я и на самом деле трижды проклят! Э черт, какая разница? На все воля божья...

Крис *(поглощенный невеселыми думами, высказывает мрачные мысли в тот миг, когда слева помолнется Анна)*. Смешно... Ей-богу, смешно... Ты и я вместе уходит в море, на одном корабле... Чудеса! Ну не тусный ли фортеля выкидывает это шертово море? Да... *(Встает и, открыв дверь, взглядывается в темноту.)*

Бэрк *(мрачно кивает в знак согласия, тяжело вздыхает)*. Черт бы тебя побрал, но боюсь, что на этот раз ты попал в самую точку.

Анна *(деланно смеясь)*. Ха! Что же это ты вздумал ему подпевать? *(Подходит к нему, обнимает за плечи, с наигранной веселостью.)* Ну чего приуныл? Брось! Договорились же мы, разве нет? *(Наливает ему до краев пива, наполняет и свой стакан. Хлопнув его по спине.)* Выпьем! За море, и будь что будет! Выше голову, и пей до дна! *(Пьет залпом.)*

Бэрк, откидывая от себя суеверные предчувствия, дерзко мотнув головой, широко ей улыбается и тоже пьет.

Крис *(вглядываясь в ночь, мрачно качает головой и бормочет)*. Туман, туман, туман, хоть глаза выколи — один туман... И не знаешь, куда тебя несет? Один только старый бес, это шертово море, знает. Море.

Анна и Бэрк не сводят с него глаз. Из гавани доносятся приглушенные, тоскливые гудки пароходов.

Занавес

КОСМАТАЯ ОБЕЗЬЯНА

*Комедия из древней и современной жизни
в одном действии*

Перевод В. Харитонова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Роберт Смит, Янки.

Пэдди.

Лонг.

Милдред Даглас.

Ее Тетка.

Второй механик.

Надзиратель.

Секретарь отделения.

Полицейский.

Кочегары, дамы, господа и т. д.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кубрик кочегарной бригады на трансатлантическом лайнере, час назад вышедшем из нью-йоркского порта. Сцену опоясывают узкие стальные койки в три яруса. В глубине—дверь, перед койками—скамьи. Набившиеся в помещение люди кричат, бранятся, смеются, поют; неясный клубящийся гул плотнеет, выливается в бессильно-яростный вопль зверя, посаженного в клетку. Почти все пьяны. По рукам ходят бутылки. На людях саржевые штаны и тяжелые, грубые башмаки.

Кое-кто в нижней рубашке, большинство обнажены до пояса.

Трактовка этой сцены, как и любой другой сцены в этой пьесе, никоим образом не должна сбиваться на натурализм. Нужно дать почувствовать тесноту корабельной утробы, тюремную хватку стали. Коечные горизонталы и вертикали перекрещиваются, словно прутья стальной клетки. Потолок давит на головы, люди не могут распрямиться, усугубляя привычную сутулость, которой их наградили шуровка угля и гипертрофия мышц плечевого пояса. Внешне они похожи на неандертальцев, какими тех рисуют. У всех волосатая грудь, длинные, нечеловечески сильные руки, брови козырьком над сверлящими угольками глаз. Здесь представлены все светлокожие расы, но различаются эти люди между собой лишь слабыми оттенками цвета волос, кожи, глаз.

Занавес поднимается под многоголосый гвалт. На авансцене сидит Янки. Он крупнее своих товарищей, жестче, круче, в нем больше веры в себя. Те вынужденно, трусливо признают его превосходство. Вообще же он представляется им образом, украшением их породы, незаурядной личностью.

Голоса. Дай мне выпить, эй!

— Промочи горло!

— Salute!

— Gesundheit!

— Scoal!

— Он вдрызг пьяный, разрази меня бог!

— Твое здоровье!

— Будь счастлив!

— Отдай бутылку, умник!

— Не переводи добро!

— Ха, Лягушатник! Где тебя черти носили?

— Ездил в Турен.

— Я буду ему морда бить, ей-бог!

— Дженкинс? Первый механик? Паршивец он!

— Тут его гады сцапали, а я смотался...

— Я лучше пиво любить. Голова не болеть.

— Говорю тебе: дешевка. Она меня во сне обобрала!

— Пошли они все в пекло!

— Брехня!

— Повтори еще раз!

Стычка. Драчунов разнимают.

— Без драки!

— Вечером!..

— Ну, кто кого?

— Рожа голландская!

- Вечером наверху потолкуем!
- Ставлю на голландца!
- У него удар убойный.
- Заткнись, Макаронник!
- Спокойно, ребята. Тут все свои.

Кто-то начинает горланить песню.

Пиво—не смазка,
Пей под завязку!

Янки (*похоже, он впервые обращает внимание на галдеж. Угрожающе повернувшись, брезгливо и повелительно подает голос*). Прекратите шум! Какое еще, к черту, пиво? Пусть его бабы лакают и голландцы. Я люблю чего покрепче. Дайте выпить, ребята!

Ему с готовностью протягивают сразу несколько бутылок. Одним глотком ополовинив бутылку и не выпуская ее из рук, он устремляет на владельца свирепый взгляд, и тот спешит одобрить грабеж: «Все правильно, Янки. Пей, не стесняйся». Янки брезгливо отворачивается от всех. Повисает неловкое молчание.

Голоса. Уже Мыс, наверно, огибаем.

- Покачивает.
- Шесть дней жариться в аду, пока придем в Саутгемптон.
- Если кто взять мой первый вахта, ей-бог!
- Что, германец, мутит?
- Глотни для поправки.
- Что у тебя там?
- Джин.
- Это пусть черномордые пьют.
- Абсент? Отрава. Последние мозги загубишь, Лягушатник.
- Виски—вот что надо пить.
- А где Пэдди?
- Спать собрался.
- Спой песенку про виски, Пэдди.

Все поворачиваются к авансцене, где на койке дремлет порядочно нагруженный, изможденного вида старик ирландец. В его глазках застыли печаль и безответность обезьяны, с которой и лицом он стал поразительно схож.

- Стареет. С пьянкой ему надо сокращаться.
- Перебрал.

Пэдди (*обиженно помаргивая, встает, его кидает из стороны в сторону, он хватается за край койки*). Чтобы петь, у меня перебора не бывает. Вот помру—тогда и петь расхочется. (*Грустно, с презрительной ноткой.*) Ну что, «Виски, Джонни»? Нашу матросскую? Не заслуживаете вы, поганцы, да уж ладно. (*Запеваает гнусавым, печальным голосом.*)

Виски сыну—верный друг.
Лей виски, Джонни!

Все подхатывают припев.

Виски сыну—верный друг.
Пей виски, Джонни!

Тоже поют все вместе.

А папаше—первый враг.
Лей виски, Джонни!
А папаше—первый враг.
Пей виски, Джонни!

Янки (*поворачивается и снова окатывает их презрением*). Дьявольщина! Кончай это пиратское нытье! Давно сгнули твои парусники, понял? И твоя песенка тоже спета, запомни. Уймись и дай нам покой. Перестаньте орать. (*С криком усмешкой.*) Не мешайте думать.

Все (*с такой же издевательской насмешкой подхватывают хором*). Думать!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Голоса. Не повреди голову, Янки!
— Голова заболеть, ей-бог!
— Как с похмелья!
— Ха-ха-ха!
— Чем дурью мучиться, лучше пить!
— Лучше пить!
— Лучше пить!

Скандируют хором, топоча ногами, молотя кулаками по скамейкам.

Янки (*отхлебнув из бутылки, добродушно*). Ладно, хватит. Кончайте базар. Для первого раза прощаю.

Гомок стихает. Очень пьяный прочувствованный голос заводит песню.

В далекой Канаде,
За синью морей,
Любимая дома тоскует:
«Любимый, вернись поскорей!»

(*С безграничным презрением.*) Заткнись, придурок! Где набрался этой чепухи? «Дом»! Дьявольщина. Я тебе устрою «дом». Я тебе голову оторву. «Дом»! Сгори он в аду. Где ты набрался этой дряни? Твой дом—здесь, понял? Какой тебе еще нужен? (*Гордясь собой.*) Я сопляком сбежал из дома. Ног под собой не чувал. Дома я, кроме порки, что видел? А с тех нор забыл, с чем это

дят. Может, кто хочет напомнить? Ха! Правильно, не совую. *(Спокойнее, но не убавляя презрения.)* Подружка сто ждет, ишь ты! Дьявольщина. Забили головы всякой дрянью. Никого они не ждут. Они за грош продадут человека. Все сплошь шлюхи. Давить их надо. Стори они в аду. Вся их порода продажная.

Лонг *(очень пьян, вспрыгивает на скамейку, размахивает бутылкой)*. Слушайте меня, товарищи! Янки правильно говорит! Что это грязное корыто — наш дом. Что в аду наш дом. Все правильно! Вот он ад, здесь. В аду живем, товарищи, и в аду, как пить дать, околем. *(Закиная гневом.)* А кто, спрошу я вас, виноват?! Мы не виноваты! Мы не для такой поганой жизни родились. Люди рождаются свободными и равными. Так в Библии написано, черти бы ее взяли! А паразиты плывут первым классом — и плюют на Библию! От них все зло. Сделали из нас наемных рабов, загнали в утробу окаянного парохода — потей, жарься, глотай угольную пыль! Это на их совести, на совести класса капиталистов, будь он проклят!

Недовольный ропот нарастает и раздражается свистом, шиканьем, грубым смехом.

Голоса. Закрой поддувало!

— Заткнись!

— Сядь на место!

— Умолкни!

— Какой дурак, ей-бог!

Янки *(поднимается, устремляет взгляд на Лонга)*. Сядь, пока я тебя не усадил.

Лонг тушуетея.

(Продолжает гневное обвинение.) Библия, говоришь? Класс капиталистов, говоришь? Армия спасения — к этому клонишь? Даешь трибуну! Даешь зал! Приходите, спасем — так, что ли? Припадем к Иисусу — так, что ли? Тьфу! Я таких, как ты, наслушался. Путаники вы все. Хочешь знать, что я про вас думаю? Что от вас никакой пользы. Что вы все брехуны. Стержня в вас нет. Трухачи вы, понял? Трусло. Что ты нас страшашь тюфяками из первого класса? Куда они против нас? Любой из наших уложит их всех одной левой. Ты приведи хоть одного, пусть выстоит вахту у топки — его же потом на носилках уволочут. Эти белоручки ни на что не годятся. Мертвый груз. Нашу старую лохань кто с места двигает? Не эти, что ли, ребята? Выходит, мы нужны. Мы нужны, а те — не нужны. И весь разговор.

Громогласное единодушное одобрение.

(Продолжает.) Ты говоришь—здесь ад? Ты просто сломался. Здесь мужская работа, понял? Это нужное дело. Иначе эта лохань не поплывет. Доходягам тут делать нечего, а ты—доходяга. Трусло.

Голоса *(в них звучит горделивое чувство)*.
Верно!

- Мужская работа!
- Языком трепать легко, Лонг.
- Он всегда садится в лужу.
- Черт бы его взял!
- Янки прав. Мы движение даем пароходу.
- Янки правильный сказать, ей-бог.
- Плакальщиков нам не надо.
- И говорунов!
- Гнать его отсюда!
- Трусло!
- За борт его!
- Сейчас я ему зубы пересчитаю!

Угрожающе подступают к Лонгу.

Янки *(остывая, брезгливо)*. Уймьтесь. Не трогайте его. Не марайте рук. Выьем, у кого есть. Будем здоровы. *(Делает большой глоток из бутылки.)*

Все тоже прикладываются к бутылкам. В следующую минуту воцаряется веселое дружелюбие—с хлопками по спине, общим ором и тому подобным.

Пэдди *(грустно-сосредоточенный, только помаргивающий все это время, срывается в крик, вытескивая неизбежную печаль)*. Говоришь, мы нужны здесь? Мы движение даем пароходу, да? Коли так—сжался над нами, господи! *(Сидя на койке, раскачивается взад и вперед, стеной, как над покойником.)*

Все словно цепенеют и заворожено смотрят на него.

Э-эх, где же вы, золотые мои молодые денечки! Куда же вы сплыли, расчудесные корабли, клипера с мачтами до самого неба, с расчудесными ребятами-богатырями, настоящими сынами моря, потому что море было им как родная мать! Какая же у них чистая кожа, какие ясные глаза, прямые спины и грудь колесом! Смелые парни, отчаянные. Мы ходили вокруг мыса Горн. Снимались на рассвете, с попутным ветром, горланя морские запевки. За кормой пропадает земля, а нам трын-трава, мы смеемся и назад не оборачиваемся. Живем сегодняшним днем, потому что вольные птицы, только рабы, покуда не доживут до моих лет, печалются о вчерашнем дне и торопят завтрашний. *(С благоговейным трепетом.)* Пассат несет к

югу, как на крыльях, дни и ночи напролет. На всех парусах! Дни и ночи напролет! А какие ночи! То кильватер полыхает огнями и в небе сверкают и искривляются звезды. То — полнолуние, корабль бежит в сером сиянии, наверху напрягаются серебристо-белые паруса, ни звука на палубе, ребята размечтались, и уже кажется, что корабль твой не взаправдашний, а призрачный, вроде Летучего голландца, который, говорят, вечно скитается по морям без пристанища. А дни какие! Теплое солнце заливает чистые палубы. Солнце согревает твою кровь, ты пьянеешь от ветра, набегавшегося по всей шире изумрудного сверкающего океана. Работа? Еще как работали! Но никто не роптал. Работали под чистым небом — и еще: смекалка требовалась в работе и отвага. Зато кончится день, закуришь на полувахте трубочку, вымотришь на горизонте землю, а это, может, горы Южной Америки, и солнце, садясь, румянит их белые вершины, и ровень с ними плывут облака. (*Восторг сменяет, продолжает заукокойным тоном.*) Э-э, какой прок в этих баснях! Шепот умирающего. (*В сторону Янки, с вызовом.*) В ту пору, а не теперь люди были заодно с кораблями. В ту пору корабль был частью моря, человек — частью корабля, а море объединяло всех в одно целое. (*Пренебрежительно.*) А тебе роднее по-нашему? Дым, от которого черным-черны небо и палубы? Машины, которые бьются в лихоманке? И ни тебе солнышка, ни глотка свежего воздуха! Забивай легкие угольной пылью! Надрывайся, срывай сердце у адской топки! Корми прожорливую пасть! Скармливай с углем себя самого! Крутись, словно обезьяна, в стальной клетке, подальше от неба. (*Грубо рассмеявшись.*) Ха-ха, чертов угодник! И в этом котле ты хочешь вариться? Собственными кишками крутить колеса?

Янки (*презрительно улыбался, пока Пэдди говорил, а теперь выналивает*). Факт! Хочу! Что дальше?

Пэдди (*сокрушенно и как бы самому себе*). Ушло мое времечко, кануло. Так пусть меня смое высокая волна с солнцем за пазухой, когда я вот так же размечтаюсь о прошедшем.

Янки. Совсем спятил! (*Вскакивает на ноги, угрожающе подступает к Пэдди, но под влиянием самому ему неясных чувств остывает и говорит презрительно*). Ладно, не ной. Про тебя все понятно. Ты чокнутый, малахольный. Ты тут распинался черт-те о чем — это понятно. Только сгнуло это все! Ты не при деле. В тебе нет толку. Ты свое отжил. (*Озлобляясь*). А ты бы разок поднялся проветриться, посмотрел бы, что понаделалось, пока ты жил вчерашним днем. (*Его прорывает; зажигает*

ся от собственных слов.) Слушайте! Я про себя сказал, что думал! Какого черта! Дайте сказать! Эй! Старый певун! Ребята! Послушайте меня, затихните на минутку, мне надо сказать. Я на месте, а ему тут нет места. Он мертвый, а я живой. Слушайте меня! Конечно, я—одно с машиной. Еще бы нет! Машина движется, так? Дает скорость, так? Прет напролом, так? Двадцать пять узлов! Не шутка! Совсем другая песня! В этом—есть смысл! А старика—на свалку. Он заговаривается. Он что говорил? Какие-то там дни и ночи. Звезды и луна. Солнце, ветер, чистый воздух и еще какая-то мура. Брехня все, отравка. Он нам голову дурит свонми сказками. Он выдохся и ни на что не годится. А я—молодой. Меня сила распирает. Откуда она у меня? Да из этого самого, из чего все происходит. Рядом с этим его брехня—пшик, пыль, прах. Тут—машины, уголь, дым и все что полагается. Он, видишь ли, дышать не может угольной пылью, давится. А я—могу! Для меня она как глоток воздуха. Как глоток воды! Потому что я по-другому сделан. Кочегарка, говоришь, сущий ад? Правильно. Ад—подходящее рабочее место. Жарко? А я люблю. Я жару за обе щеки улетаю, толстею с нею. Я сам это пекло наладил, и этот грохот, и движение. Не будь меня—и все остановится. Все замрет. Гул затихнет, дым развеется, машины застопорятся—и мир станет. Крышка! Теперь смотри: всякому движению нужен толчок. Без него ничего не сделается. Теперь копни глубже, и вот он—я! Все в меня уперлось. На мне кончается и с меня начинается. Я толкну—и мир тронется, и через меня новое сомнет старое. Без меня уголь не горит. Я—пар и масло в машинах. Я—гул, который вы слышите, я—дым, я—скорые поезда, и пароходы, и заводские свистки. Без меня золото еще не деньги. Без меня сталь не выплавится из руды. А сталь—на ней все держится. И я—эта сталь. Ее мышцы, ее сила. *(Вторя словам, молотит кулаком по стальным коленным ярусам.)*

Распаленные его речью, шалея от гордых мыслей, товарищи следуют его примеру.

(Надсаживается под оглушительный металлический гром.) Рабы?! Дьявольщина! Это мы всем распоряжаемся! Богачи—пустое место, хотя пыжятся. Они ни при чем. А мы дело делаем, мы всему причина.

В продолжение его монолога Пэдди не переставал прикладываться к бутылке—поначалу, видно, напуганный словами Янки, а потом оглушенный ими, желая скорее отключиться, и сейчас он достиг состояния блаженного безразличия ко всему.

(Видит, как тот шевелит губами, криком обрывает общий гвалт.) Угомонитесь, ребята! Помолчите чуть! Наш певун что-то говорит.

Пэдди *(как раз в эту минуту ему приспичило издать зловредный смешок)*. Хо-хо-хо!..

Янки *(замахиваясь кулаком, со злобой)*. Ну, ты! Смотри, на кого зубы скалишь!

Пэдди *(с полнейшим благодушием запевает «Мельника с реки Ди»)*

Никто мне не нужен, один обойдусь,
И сам никому я не нужен.

Янки *(мгновенно приходя в такое же благодушное настроение, звучно шлепает Пэдди по голой спине)*. Вот это — правильная песня! Начинаешь соображать. Никто не нужен — в этом вся штука. Гори они все в аду! И плевать, что сам никому не нужен. Я, к примеру, сам себе нужен.

Быт восемь склянок, сквозь стальные переборки звук доходит глухим рожотом. словно огромный медный колокол заключен в сокровенные глубины корабля. Люди безотчетно вскакивают на ноги и молча, тесной вереницей, как на тюремной прогулке, выходят в дверь.

(Шлепает Пэдди по спине.) Отпелся: наша вахта. *(Насмешливо.)* Спускайся в ад. Жуй угольную пыль. Глотай жару. Золотые слова. Постарайся все это полюбить. иначе — какую.

Пэдди *(весело и наплевательски)*. Пропади все пропадом! Не пойду я на вахту. Пусть в журнал записывают. Это вы — рабские душонки, а я тут посижу, выпью еще, подумаю, помечтаю.

Янки *(пренебрежительно)*. Подумаю, помечтаю! Что это тебе даст? О чем тут думать? Мы идем полным ходом! С ветерком! По тебе, лучше завязнуть в тумане. А нам он не помеха, мы его насквозь пронзим — двадцать пять узлов! *(С презрением отворачивается от него.)* Тошно с тобой. Нет от тебя толку. *(Широко ступая, выходит в дверь.)*

Пэдди что-то напевает под нос, сонно помаргивает.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Спустя два дня. Площадка на верхней палубе. В шезлонгах полулежат Милдред Даглас и ее Тетка. Милдред — изящная, хрупкая девица двадцати лет с бескровным миловидным лицом, которое портит пугливое

выражение высокомерия. В ее манерах сквозят досада, раздражение, недовольство своей никчемностью. Тетка — дама в возрасте, самоуверенная и заносчивая, толстая. Законченный типаж — тут и двойной подбородок, и лорнет. Одетая претенциозно, словно не очень доверяет лицу в качестве визитной карточки. На Милдред все белое.

Красивая, резвящаяся жизнь моря определяет настроение этой сцены: палубу щедро заливают солнце, набегает ветерок. И так неуместны такие лишние здесь эти вареные, вялые личности: старуха просто кусок теста, слегка подурмяненный, а девица производит такое впечатление, что к ее зачатно жизненные силы рода были уже исчерпаны, жизнотворного начала она лишена.

Милдред (*мечтательно возведя глаза к небу*). Как клубится по небу черный дым! Правда, красиво?

Тетка (*не поднимая глаз*). Ненавижу всякий дым.

Милдред. Моя прабабушка курила трубку. Глиняную.

Тетка (*надменно*). Пошлость.

Милдред. Неподходящее слово для предков. Время облагораживает трубки.

Тетка (*со скукой в голосе, хотя раздражена*). Так вот чему научила тебя социология в колледже — гробкопательству! Оставь в покое прабабку.

Милдред (*как сквозь сон*). Которая дымит трубкой в раю.

Тетка (*озлившись*). Нет, ты самая настоящая гробкопательница! Ты даже становишься похожа на нее, голушка.

Милдред (*невозмутимо*). Я ненавижу вас, тетя. (*Окинув ее критическим взглядом.*) Знаете, на что вы похожи? На свиной студень, который стынет на клеенке в кухне какого-нибудь... Подробности уже не интересны. (*Закрывает глаза.*)

Тетка (*горько рассмеявшись*). Мерси за откровенность. Но раз меня определили как бы присматривать за тобой, то давай заключим что-нибудь вроде вооруженного перемирия. Что касается меня, ты вправе позволять себе любую экстравагантность, если, разумеется, она в рамках приличий...

Милдред (*протяжно*). Каких привычек?

Тетка (*словно не расслышав*). Завершив скандальное обследование Ист-Сайда в Нью-Йорке — бедняки, кстати, должны тебя ненавидеть за то, что ты открыла им глаза на их положение, — ты теперь вознамерилась обойти иноземные трущобы. Что ж, надеюсь, Уайтчепел даст тебе нервную встряску, раз ты без нее не можешь. Но я тебе в эти места не провожатая. Я и отцу так сказала. Я ненавижу всякое убожество. Найдем тебе армию детективов — и занимайся своими исследованиями, они тебя всюду проведут.

Милдред (*почти искренне возмущаясь*). Пожалуйста, не смейся над моими попытками узнать жизнь другой половины. Я делаю это, может быть, бестолково, но искренне, поверь. Я хочу помочь людям. Хочу быть полезной. Разве я виновата, что не знаю, как это делается? (*Безнадежно, с горечью.*) Только, боюсь, нет во мне запала, твердости. Наш род все это спалил, на мою долю ничего не осталось. В дедовых домнах огонь полыхал до неба, плавилась сталь, текли миллионы, потом отец добавил жару, потекли новые миллионы, потом все оборвалось на мне. Как те же миллионы, я—отход бессемеровского процесса. Или еще точнее, мне передается вторичное свойство побочного продукта—богатство, но благодетельница-сталь не делится со мной ни крупницей своей энергии, своей силы. Я родилась в золотых яслях, и пути на мне золотые, и, как скажут на иншодроме, ставить на меня—пустой номер. (*Грустно смеется.*)

Тетка (*равнодушно, презрительно*). Ты сегодня что-то разоткровенничалась. Тебе это совершенно не идет, если это не позерство, конечно. Будь самой собой—кривлякой. В этом, между прочим, есть своя искренность. И признайся, тебе самой так больше нравится.

Милдред (*опять манерничая, скучающим тоном*). Да, пожалуй. Прости, что сорвалась. Когда леопард жалуется на свои пятна, это, конечно, звучит диковато. (*Подбрасываясь.*) Помурлычь, леопардик! Помурлычь, царица лапкой, вспори, растерзай, насыться—и благоденствуй. Только сиди в джунглях, там твои пятна тебя укрывают. А в клетке ты с ними весь на виду.

Тетка. Не могу уразуметь, о чем ты толкуешь.

Милдред. Да о чем с вами толковать?! Так, языком болтаю. (*Смотрит на руку с часами.*) Слава тебе, господи, сейчас за мной придут. Предстоит очередное скандальное обследование, тетя.

Тетка (*притворно тревожась*). Но не всерьез же ты собираешься туда идти! Грязь, жарница...

Милдред. Дед начинал рабочим у домны. Мне полагается унаследовать огнеупорность, какой позавидует даже саламандра. Занятно, что это можно проверить.

Тетка. Разве не требуется разрешение капитана или еще чье-нибудь, чтобы попасть в котельное отделение?

Милдред (*с победной улыбкой*). Оно уже есть—и капитана, и главного механика. Сначала они не хотели давать, даже мои официальные бумаги не помогли. Им совсем не улыбалась мысль, что я намерена выяснить, как живет и трудится на их пароходе другая половина. Пришлось сказать, что мне разрешил папа, а он президент

треста «Назаретская сталь» и председатель совета директоров их паровой компании.

Тетка. Он тебе этого не разрешил.

Милдред. Какими наивными делаются люди с возрастом! А я, тетя, сказала, что разрешил. И еще сказала, что он дал мне письмо для них, но я его потеряла. Они побоялись допустить мысль, что я могу врать. *(Водоушевляясь.)* Спускайте собак! Зверь в кочегарке! Провожатым у меня будет второй механик. *(Смотрит на часы.)* Теперь уже пора. А вот, кажется, и он.

Появляется Второй механик. Это интересный мужчина лет тридцати пяти. Приблизившись к женщинам, он берет под козырек. Держится скованно, чувствует себя неловко.

Второй механик. Мисс Даглас?

Милдред. Да. *(Сбрасывает плед, встает с шезлонга.)* Можно приступить?

Второй механик. Одну секундочку, мадам. Я жду четвертого механика. Он пойдет с нами.

Милдред *(с пренебрежительной улыбкой)*. Бонтесть на одного себя брать ответственность?

Второй механик *(выдавливая улыбку)*. Ум хорошо, а два лучше. *(Не выдержав ее взгляда, переводит глаза на море, выпаливает.)* Сегодня прекрасный день.

Милдред. В самом деле?

Второй механик. Теплый ветерок...

Милдред. А мне прохладно.

Второй механик. На солнце совсем жарко...

Милдред. Для меня не совсем. Я не любительница природы. Я домашний зверь.

Второй механик *(выдавливая улыбку)*. Зато там, куда вы стремитесь, вам безусловно будет жарко.

Милдред. Вы хотите сказать—в аду?

Второй механик *(ошеломлен, с вынужденным смехом)*. Ха-ха. Нет. Я хочу сказать: в кочегарке.

Милдред. Мой дед работал у домны. Укрощал кипящую сталь.

Второй механик *(не в силах отвести глаз от моря, потерянно)*. Правда?.. Мм... простите, мадам, вы хотите пойти в этом платье?

Милдред. Да, а что?

Второй механик. Вы можете запачкаться маслом или грязью. Уберечься там невозможно.

Милдред. Не беда. У меня хватает белых платьев.

Второй механик. Я могу предложить свой старый плащ...

Милдред. У меня еще полсотни таких платьев. А это

я выброшу за борт, когда мы вернемся. Там-то оно отмоется, верно?

Второй механик (*упрямо*). У нас крутые трапы, и далеко не чистые, в проходах темно...

Милдред. Я останусь в этом платье—и хватит об лом.

Второй механик. Не обижайтесь. Мое дело маленькое. Я вас предостерегаю...

Милдред. Предостерегаете? Боже, как страшно.

Второй механик (*обежав глазами палубу, с облегчением*). Вон четвертый механик. Он ждет нас. Если вы изволите...

Милдред. Идите, я сейчас.

Он уходит.

(*Насмешливо улыбается тетке.*) Конечно, болван, но красив, негодяй.

Тетка (*презрительно*). Кривляка.

Милдред. Не теряйте бдительности. Слышали, он говорил про темные переходы?

Тетка (*тем же тоном*). Кривляка!

Милдред (*зло кусая губы*). Правильно, кривляка. Если бы мои миллионы не страдали худосочной скромностью!

Тетка. Вот-вот, ради оригинальничанья ты готова связать наше имя с последней грязью!

Милдред. Оно изначально с ней связано. До свидания, тетя. Не расшибите лоб, когда будете молиться, чтобы я свалилась в топку.

Тетка. Кривляка!

Милдред (*со злобой*). Старая ведьма! (*Влепляет ей пощечину и удаляется с веселым смехом.*)

Тетка (*кричит ей вслед*). Кривляка! Кривляка!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кочегарка. В глубине смутно вырисовываются тонки и паровые котлы. Единственная лампочка наверху цедит свет сквозь мгlistый от угольной пыли воздух и везде, где можно, кладет тусклые тени. Против топочных дверей выстроились обнаженные до пояса люди. С остановившимся взглядом и словно сросшись с лопатой, они производят дерганные, ломанные, спующие движения. Лопатами отряхиваются дверцы топок. Темнота разевает огненные пасти, потоки слепящего света и жара извергаются из людей, в их резко очертившихся скрюченных фигурах не остается ничего человеческого—это гориллы, скованные цепями. Коче-

гары работают в отлаженном ритме: вращаясь, как на шарнирах, черпают лопатой из кучи за спиной и забрасывают топливо в алчущее пламя. Разногласица звуков: металлический лязг открываемых и закрываемых дверей, скрипучий скрежет трущейся стали, хруст угля. В этой оглушающей какофонии есть, однако, известная упорядоченность, рассчитанная повторяемость, есть свой ритм. А задает всему тон гул воскрывавшейся освобожденной энергии: в тонках ревет бушующее пламя, размеренно стучат двигатели.

Когда поднимается занавес, двери топок закрыты. У людей передышка. Двое-трое подгребают рассыпавшийся уголь, приводят кучки в порядок. Другие бесформенной массой повисли на древках своих лопат.

Пэдди (неразличимый в людской цепочке, тоскливо). Когда же она, к черту, кончится, эта вахта? Я уже разогнуться не могу. Живого места нет.

Янки (в центре. Бурно выражая презрение). Точно с тобой! Ложись и подыхай—кто тебе мешает? Вечно нытье! Когда такое дело делается! Для меня это как подарок, ни на что не променяю.

Сверху, из темноты, доносится свисток—тонкий, пронзительный.

(Беззлобно чертыхается.) Механик за плетку взялся. Думает, мы тут дурака валяем.

Пэдди (страстно). Разрази его гром!

Янки (с непререкаемой властностью в голосе). Становись, ребята! За дело! Хозяйка проголодалась! Просит подкрепиться! Подкормим! Становись! Открыли!

Приняв рабочую стойку, кочегары по команде Янки с оглушительным лязгом распахивают дверцы своих топок. Пламенный свет обливает их плечи, когда, обернувшись, они ныряют за углем. Струйки пота чертят на закопченных спинах географические карты. Сгустками света и тени выделяются напрягшиеся мышцы.

Янки (играючи забрасывает уголь в топку, нараспев считает). Раз—два—три! *(Победным голосом.)* Пошло дело! Не жалея добра! Поддали разом! Чтоб досыта! Чтоб разогрелась! Еще огоньку! Давай, работай! Идешь, чуеешь? Дымит, чуеешь? Скорость—такой у нее характер! Подбросили угольку, ребята! Раз она непьющая! Гуляй, подруга! Смазывай пятки! Занимай дорожку! Пошла! *(Последнее слово выкрикивает, как на стадионе. Захлопывает дверцу.)*

Обессиленные товарищи подтягиваются. Клацая, один за другим слепнут огненные глазницы.

Пэдди (со стоном). Разогнуться не могу. Никаких сил не осталось...

Пауза. Снова из непроницаемых сфер доносится безжалостный свисток. Назревает яростный ропот, раздается брань.

Янки (*потрясая кулаком, презрительно*). Уймись, ты! Кто тут, по-твоему, главный—я или ты? Когда буду готов, тогда и будет пора. А не раньше! Когда буду готов—ты понял?

Голоса (*одобряя*). Правильно!

— Янки его учить, ей-бог!

— Янки не струхнет.

— Молодец, Янки!

— Задай ему жару!

— Скажи, чтоб не приставал, поганец!

— Погоняла чертов!

Янки (*презрительно*). У него порошу не хватит. Он тухло, понятно? Все механики тухло. Всего бояться. Черт с ним! Пора, ребята! Кончайте перекур. Становись, она нас требует! Подбросим ей силенок! Дадим прикурить механику. На что он нужен со своим свистком?! А мы—при деле. У нас дитя голодное. Становись! (*Встает лицом к тонке и распахивает дверь.*)

За ним и другие приступают к работе. Слева, из темноты, выходят Второй и Четвертый механики, между ними Милдред. Она в ужасе, на ней нет лица, у нее подкашиваются ноги, она вся дрожит, несмотря на адскую жару, но тем не менее находит силы отлепиться от механиков и подходит к кочегарам ближе. Она стоит как раз у Янки за спиной. Все это происходит быстро, никто еще не успел обернуться за углом.

Давай, ребята!

Янки уже оборачивается, когда снова раздается требовательный и тревожный свисток. Он приводит его в бешенство. Другие, повернувшись, оторопело застывают при виде Милдред в ее белом одеянии, а Янки ее еще не видит.

(*Здрав голову, моргая, высматривает в темноте свистуна, свирено потрясает лопатой, по-обезьяньи молотит в грудь кулаком, вопит.*) Заткни свой свисток! Спустись пониже, подлюга форменная, трусло белфастское! Спустись, я тебе мозги-то вышибу! Вшивота, тварь пугливая, ублюдок католический! Спустись, я с тобой разделаюсь! Он свистеть мне будет! Ты посвистишь! Я тебе череп сломаю! Зубы в глотку забью! Нос через затылок проведу! Кишки бесплатно выпущу, болван несчастный, тварь помоечная...

Янки только теперь замечает, что все остальные не отрываясь смотрят на что-то прямо за его спиной. С глухим крокодиальным рыком, увертливо крутанувшись, он приседает, изгибаясь к прыжку, ослабевший, дико поскрекивающий глазами. Белым призраком предстает ему Милдред, высвеченная огнями раскрытых топков. Он встречается с ее взглядом—и окаменеет. Охваченная ужасом, обеспамятев от страха, слушала она его брань, сокрушенная, повергнутая, раздавленная чудовищным напором развуданного озверения. Лицо этой гориллы, его сверлящий взгляд исторгают у нее глухой задушенный вопль, она шарахается прочь,

закрыв лицо руками. Не видеть этого лица! Уберечь свое! Ее движение выводит Янки из столбняка. Вяло распускаются губы, в глазах набухает недоумение.

Милдред (*подоспевшим механикам, близкая к обмороку, стенам*). Заберите меня отсюда! Мерзкая тварь!

Милдред без чувств падает механикам на руки, они быстро уносят ее в темноту влево, к выходу. Грохает закрывшаяся стальная дверь. Янки захлестывается яростью, бессильный гнев. Он до глубины души оскорблен, хотя не понимает, в чем выразилось оскорбление. С ревом «Будь ты проклята!» швыряет им вслед лопату. Звякнув о стальную притолоку, лопата падает и дребезжит на стальном полу. Сверху снова раздастся долгий, гневный, требовательный свисток.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кубрик кочегарной бригады. Янки и его смена пришли с вахты, победою. Блестят надрасные лица и торсы, но у глаз, где сразу не отскрести, лежат черные круги въевшейся пыли, отчего взгляд у людей дикий, жутковатый. Янки не мылся вовсе. Сразу бросается в глаза его темная, раздумчиво застывшая фигура. Он сидит на передней скамейке — кония роденовского «Мыслителя». Попыхивая трубками, товарищи поглядывают на него со смешанным чувством: они побавляются какой-нибудь его буйной выходки — и при этом их веселит какая-то своя мысль.

Голоса. Он совсем не ел.

— Ей-богу, парень сытый.

— Черта с два!

— У Янки печь сыта, а морда постная.

— Ха-ха!

— Он даже не умывался.

— Забыл.

— Эй, Янки, ты забыл умыться.

Янки (*угрюмо*). Ничего я не забыл! К черту мытье.

Голоса. Не отмоешься потом.

— В кожу въестся.

— Чесотку заработаешь.

— Пятнами пойдешь, как леопард.

— Как негритос, станешь пегий.

— Лучше помойся, Янки.

— Спать будешь крепче.

— Помойся, Янки!

— Помойся! Помойся!

Янки (*негодую*). Цыц! Не дергайте меня. Не видите, я хочу думать?

Все (с издевательской насмешкой подхватывают хором). Думать!

В этом единогласии режет слух металлический прищук, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Янки (вскочив на ноги, сверкнув глазами). Да, думать! Именно так я сказал: думать! Что странного?

Все молчат, сраженные яростью, с какой он пресекает их обычную потеху.

Голоса. Не трогайте его.

— Он переживает.

— А что, это понятно.

Пэдди (подмигнув окружающим). Я знаю, в чем дело. Это сразу видно. К нему пришла любовь, вот что.

Все (с издевательской насмешкой подхватывают хором). Любовь!

В этом единогласии режет слух металлический прищук, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Янки (презрительно фыркнув). Любовь! Дьявольщина. Это ненависть. Ненависть пришла ко мне, понятно?

Пэдди (философски). Это мудреное дело—отличить одно от другого. (С горькой издевкой, расправляя себя.) Ты уж мне поверь: это любовь. Что еще, кроме любви, заставит прекрасную даму, разодетую, как светлая королева, одолеть тьму-тьмущую лестниц и спуститься в кочегарку—взглянуть на наши чумазые рожи?

Вокруг поднимается негодующий ропот.

Лонг (вспрыгнув на скамейку, зажигательно). Оскорблять нас?! Оскорблять, чертова корова?! И механики туда же?! А какое у них право показывать нас, словно мартышек из бродячего зверинца? Оскорблять нашу рабочую честь! Может, мы письменное согласие давали? Может, это в договоре записано? Вроде бы этого нет в договоре! И я знаю, почему они себе это позволяют. Я спрашивал о ней палубного стюарда, он сказал. Ее папаша—миллионер, черт его дери, капиталист! Если его золотом нагрузить наш корабль, он к чертям потонет. Он варит половину всей стали! Эта чертова лохань тоже ему принадлежит. И я, и ты, товарищ,—мы его рабы. Капитан, команда, механики—тоже его рабы. А эта стерва ему дочь, и поэтому мы ее рабы тоже! Она только вякнет, что ей хочется посмотреть на громных крыс,—и пожалуйста, сюда ее приводят.

Окружающие разгневанно бурлят.

Янки (*растерянно моргая*). Стой. Погоди. Это правда?

Лонг. Истинная правда. Тот стюард им прислуживает, он мне все о ней рассказал. И я вас спрашиваю: что будем делать? Подождем хвосты и стерним? В договоре насчет оскорблений молчок. Это подсудное дело. На нашей стороне закон...

Янки (*с глубочайшим презрением*). Дьявольщина! Закон!

Все (*с издевательской насмешкой подхватывают хором*). Закон!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Лонг (*чувствуя, что почва уходит из-под ног, отчаянным тоном*). Мы правомочные граждане, мы можем, черт побери, заставить правительство...

Янки (*с глубочайшим презрением*). Дьявольщина! Правительство!

Все (*с издевательской насмешкой подхватывают хором*). Правительство!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Лонг (*истерически*). Мы свободны и равны перед богом!

Янки (*с глубочайшим презрением*). Дьявольщина! Бог!

Все (*с издевательской насмешкой подхватывают хором*). Бог!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Янки (*язвительно*). Все записываемся в Армию спасения!

Все. Садись! Заткнись! Дуралей! Правдолюбец!

Лонг ретируется.

Пэдди (*возвращаясь к прерванной мысли. С горечью*). И вот, значит, она стоит у нас за спиной, а Второй механик тычет пальцем и говорит, как объявляющий в цирке: «В этой клетке у нас редкие бабуины из черной Африки... Мы их жарим в собственном поту, и, знаете, кое-кому из них это нравится». (*Бросает презрительный взгляд в сторону Янки.*)

Янки (*недоуменно*). Мм?..

Пэдди. А тут Янки кулаками размахался и как раз оборачивается, чтобы шархнуть ей по башке лопатой. А

она смотрит на него... И он смотрит на нее...

Янки (*медленно*). Она была вся белая. Я подумал: привидение, право.

Пэдди (*с неприкрытым сарказмом*). Это была любовь с первого взгляда—какие, к черту, сомнения! Вы бы видели этот манящий взгляд на ее бледной морде, когда она шарахнулась назад, да еще руками закрылась, чтобы его взгляда тоже не видеть! словно перед ней была громадная косматая обезьяна из зоопарка, честное слово!

Янки (*больно задетый, с яростью*). А-а!

Пэдди. А с какой любовью Янки запустил в нее лопатой! Жаль, увернулась за дверь. (*На его лицо набегает ухмылка.*) Вот что значит: милые бранятся! Сразу «родимым домом»¹ запахло в кочегарке!

Все раздражаются хохотом.

Янки (*с угрозой взглянув на Пэдди*). Слушай, кончай это!

Пэдди (*не обращая на него внимания*). А как она ко Второму под крылышко бросилась! (*Писклявым, якобы женским голосом.*) Поцелуй меня, дорогой механик, здесь так темно, а папочка ушел на Уолл-стрит делать деньги! Обними покрепче, я так боюсь темноты, а мамочка осталась на палубе строить глазки капитану!

Новый взрыв смеха.

Янки (*с откровенной угрозой*). Ты чего добиваешься, старый певун? Насмешки строишь?

Пэдди. Какие, к черту, насмешки! Разве я не жалею, что ты ее не прихлопнул?

Янки (*свирепо*). И прихлопну! Увидишь! (*Подходит к Пэдди ближе, с трудом.*) Слушай, она в самом деле так сказала—косматая обезьяна?

Пэдди. Словами—нет: она так поглядела.

Янки (*зловеще ухмыльнувшись*). Косматая обезьяна, значит? Верно, так она и глядела. Косматая обезьяна. Это я—косматая обезьяна?! (*Взрываясь, точно Милдред еще стоит перед ним.*) Глиста гуляющая! Немочь бледная! Я тебе покажу, кто из нас обезьяна! (*Потерянно объясняет своим.*) Я орал на механика, что он нам свистит,—вы слышали, а потом вижу: вы на что-то смотрите, и я подумал, что он по-тихому спустился и подкрался, и развернулся шарахнуть его лопатой. А тут она стоит, светится. Мать честная! У меня ноги подкосились—так струхнул. Я подумал, она—привидение. Вся в белом, как

¹ Аллюзия на патристическую песню «Дом, родимый дом». — Здесь и далее примечания переводчиков.

покойница, сами видели. Кто не испугается! Главное, она здесь ни к чему. А когда я очухался и разглядел, что она обыкновенная баба и еще смотрит на меня, как Пэдди объяснил,—ну, тут я взъярился. Я таких дел никому не прощаю. И запустил в нее лопатой, только она удрала. *(Взбешенный.)* Жаль, не попал! Жаль, не снес ей башку.

Лонг. Чтобы попасть на виселицу или на электрический стул? Из-за дерьма.

Янки. Плевать мне на это! Зато расквитался бы. Думашь, я дам ей взять верх? Прощу ей такое дело? Ты меня не знаешь. Надо мной еще никто не брал верх, и никому я не спускал такого—ни мужику, ни бабе! Я с ней посчитаюсь! Вот спустится еще разок...

Голос. Не надейся, Янки. Ты ее так напугал, что она год расти не будет.

Янки. Я напугал? С какой стати? Кто она такая, дьявол ее возьми? Из другого теста, что ли? Косматая обезьяна—ишь ты! *(С прежней уверенностью в себе.)* Я ей покажу, кто важнее, если сама не поняла. Я—нужен, а от нее нет проку. Я встал и пошел, а она—мертвая. Двадцать пять узлов в час—вот как пошел! И ее на себе ташу. Она просто груз, багаж. *(Снова в растерянности.)* А смешной у нее был вид, ей-богу. Вы руки разглядели? Белые, худущие. Косточки видно. И рожа белая, как у покойницы. И глаза—такие, будто увидели привидение. А они меня увидели! Косматую обезьяну. Ничего себе—привидение! Посмотрите-ка на эту руку. *(Выбрасывает правую руку, сгибает в локте, показывая огромный бицепс.)* Если ее этим ткнуть, если даже одним мизинцем ткнуть, она пополам сломается. *(Снова растерян.)* Слушайте, откуда такие бабы берутся? Кто они такие? Где их делают? Кто ее научил—так глядеть на меня? Я от этого как дурной. Понять ее не могу. Не знал таких раньше. На что они нужны? От нее же никакого проку, правда! Ее как нет. *(Закитая гневом.)* Одно я знаю твердо: я с ней расквиталюсь. Она небось думает... она—что думает, что крутит шарманку, а я рядом сижу на цепке? Я ей покажу ее место! Пусть только спустится—я ее в топку суну! Сразу оживет! Сразу дрожать перестанет! И машине польза. При деле будет! *(Зловеще улыбается.)*

Пэдди. Не придет она сюда больше. Ты ей отбил охоту. Ее сейчас, наверно, десять врачей с няньками отпаивают.

Янки *(в ярости)*. Ты тоже думаешь, что я виноват? Что на меня вредно смотреть? Что я—косматая обезьяна? *(Взрываясь.)* Я с ней посчитаюсь! Я ее научу! Пусть на четвереньках приползет и возьмет свои слова обратно, а нет—голову отверну! *(Грозит куликом, другой рукой бьет*

себя в грудь.) Я тебя отыщу! Ты слышишь? Я с тобой посчитаюсь, будь ты проклята! (*Бежит к двери.*)

Голоса. Останови его!

— Его пристрелят!

— Он ее убьет!

— Дай ему подножку!

— Держи его!

— Совсем с ума сошел!

— Сильный какой, ей-бог!

— Вали его!

— Брыкается!

— Руки держи!

Все набрасываются на него и после яростной возни, одолев числом, сваливают перед дверью.

Пэдди (*не принимавший в этом участия*). Придержите его, пока не остынет. (*Презрительно.*) Эх, Янки, какой же ты дурак! Разве можно так беситься из-за квелой скотинки, в которой нет капли живой крови?

Янки (*из-под навалившихся на него товарищей, яростно*). Она мне в душу наплевала! В душу! Я расквитаться! Я ее достану! Слезьте с меня, ребята! Дайте встать! Я ей покажу, кто — обезьяна!

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Спустя три недели. Угол Пятой авеню, прекрасное солнечное утро. Общее впечатление: чистая, прибранная широкая улица; мягкий, рассеянный солнечный свет; легкий, деликатный ветрок. На заднем плане витрины двух магазинов — ювелирного (он на углу) и рядом с ним мехового. Роскошь выставлена напоказ, дразняще. Ювелирная витрина вся сверкает бриллиантами, изумрудами, рубинами и жемчугами на диадемах, гребнях, колье, ожерельях и тому подобном. С каждой вещи свисает огромный ярлык, на котором мигающими электрическими лампочками выложена немислимая цена. Такая же картина в меховой витрине. Роскошные меха всех мастей и оттенков залиты искусственным светом. Великолепие, опошленное торгашество, — таков этот фон, составляющий резкий контраст добросовестному свету и солнцу, заливающим улицу.

Из боковой улицы разухабистой походкой выходят Янки и Лонг. Лонг одет в выходной костюм, на шее черный галстук, на голове шерстяная кепка. Янки в замызганной прозодежде. Кочегарская фуражка с черным козырьком залихватски сдвинута набекрень. Он давно не брился, вокруг яростно горящих глаз очковые пятна угольной пыли, и такие же у Лонга, только чуть светлее. В нерешительности останавливаются на углу, с демонстративной неприязнью оглядываясь по сторонам.

Лонг (*выбрасывая руку жестом оратора*). Вот она:

Пятая авеню! Их частный проспект, так сказать. (С горечью.) Мы с тобой тут посторонние. Пролетарии, сойдите с газона!

Янки (вяло соображая). С какого газона, дурень? (Смотрит под ноги.) Как чисто. Хоть яичницу жарь. Пыльная работка у их подметальщиков. (Окинув взглядом авеню, сварливо.) Ну, где твои начальники, где ее подружки?

Лонг. В церкви, разрази их гром! Просят Иисуса подбросить им денег.

Янки. В церкви, говоришь? Было дело, заходил, когда был сопливый. Папаша с мамашей велели. Сами-то не ходили. Они в воскресенье утром всегда с похмелья умирали. (Ухмыльнувшись.) Любили бесплатно подраться. В субботу вечером наберутся—и пошла потеха, хоть в парке их показывай. Пока все столы и стулья не переломают, до тех пор не успокоятся. А то на меня накинута. Свои подзатыльники я получил сполна. (С усмешкой, рисуясь.) И сам пошел в отца с матерью.

Лонг. Он был моряк, твой отец?

Янки. Нет. Он работал на берегу. Я сбежал из дому, когда мамаша окочурилась от белой горячки. Работал грузчиком, возил овощи на рынок. Потом ушел в море кочегаром. Это стоящее дело. Остальное все—мура. (Оглядывается.) Никогда здесь не был. Я вырос в Бруклине, у воды. (Глубоко дышит.) А что, здесь неплохо.

Лонг. Неплохо? Еще бы, это оплачено нашим потом.

Янки (брезгливо передернувшись). Дьявольщина! Не вижу я ее подружек. Мне тут надоело. Слушай, а тут забегаловки имеются? Пойдем, хлопнем по одной. А то сплошная тишь да гладь. Надоело.

Лонг. Надо подождать, если хочешь увидеть, как...

Янки. Не буду я никого ждать. Я ухожу. Ты зачем меня вообще притаил сюда? Дурака валяешь, болван?

Лонг. Ты хочешь до нее добраться, правильно? После того как она тебя оскорбила, ты твердишь об этом не переставая.

Янки (с жаром). Да, хочу! Разве я не пытался расквитаться с ней в Саутгемптоне? Пробрался на палубу, притаился у сходней. Хотел плюнуть ей в морду. В пучеглазую ее морду. И были бы квиты. Сорвалось! Там толклась целая армия сыщиков. Заметили меня и погнали. И я ее не увидел. Ну ничего, я с ней еще посчитаюсь, увидишь! (В ярости.) Вшивая шлюха! Думает, ей все можно, только не на того напала! Я ей покажу ее место! Я такое придумаю!

Лонг (презрительно, но не слишком зарываясь). Для

этого я тебя сюда и привел: чтобы ты не ломал голову—все до тебя придумано. Ты неправильно отнесся к этой истории. Ты себя ведешь так, как будто это личное дело, между тобой и той телкой. А я хочу тебе внушить, что она всего-навсего представительница своего класса. Я хочу пробудить в тебе классовое сознание, черт тебя побери. Чтобы ты понял: бороться надо с ее классом, а не с ней. Там тысячи таких, как она!

Янки *(поплевав на ладони, с воинственным видом)*. Чем больше, тем лучше—только бы начать! Где эта банда?

Лонг. Начнут расходиться из церкви—всех увидишь. *(Оглядевшись, видит магазинные витрины.)* Вот это да! Ты только погляди! *(Подходят к ювелирной витрине. Гневно вскипает.)* Ты полюбуйся на эту барахолку! А цены-то, а? Мы за десять рейсов да всей командой столько не заработаем в нашем аду! А они—твоя то есть и ее чертов класс,—они это покупают для развлечения! Да за одну такую штучку можно год кормить семью!

Янки. Не распускай слюни! Голодающая семья! Ты еще шляпу мне протяни! *(Наивно восхищаясь.)* Слушай, красивые вещицы! За них, наверно, кучу денег дадут в закладе. *(Отворачивается, заскучав.)* К черту, какой в них прок? Пускай она это носит. Этот мусор как раз для нее. *(Решительным жестом отмахивается от витрины.)* Не имеет значения!

Лонг *(перейдя к витрине мехов, возмущенно)*. Это, конечно, тоже не имеет значения: истрелять безобидных зверей, чтобы у ней и ее класса не мерзли носы!

Янки *(вглядевшись, оживляется)*. Глянь, глянь! Смотри-ка! Обезьяний мех, две тысячи монет! *(Растерянно.)* Неужели правда—обезьяний мех? Ах ты, черт!..

Лонг *(с горечью)*. Конечно, правда. *(Мрачно шутит.)* За шкуру косматой обезьяны они таких денег не выложат, и даже за живую обезьяну с головой, телом и бессмертной душой.

Янки *(сжимая кулаки, бледный от гнева, словно шкура на витрине задумана как личное оскорбление ему)*. В морду мне ткнули! Черт! Она у меня получит!

Лонг *(возбужденно)*. Служба кончилась. Идут, мерзавцы. *(Увидев несчастное лицо Янки, обеспокоенно сбавляет тон.)* Спокойно, товарищ. Держи себя в руках. Запомни: сила сама себя губит. Это не наше оружие. Свои права мы должны отстаивать мирным путем: у боевого пролетариата есть право голоса.

Янки *(с глубочайшим презрением)*. Право голоса! Дьявольщина. Комедия это право. Избирательное право женщинам! Ах-ах! Вот пускай они и голосят!

Лонг (*сильно беспокоясь за него*). Тихо, тихо. Окати их холодным презрением. Запоминай паразитов, только не пори горячку.

Янки (*раздражаясь*). Отстань! Трусло. Я — за силу!

Справа неспешным, журавлиным шагом выходят прихожане с напряженно застывшими, неврацающимися головами и тусклыми, глухими голосами. Женщины накумявлены, набелены, с крашеными волосами, разодеты в пух и прах. На мужчинах фракы, цилиндры, гетры, в руках тросточки и так далее. Вроде бы пестрая вереница марионеток, но в обособленности, автоматизме и неспроницаемости каждой фигуры проглядывает неумолимая хватка демона Франкенштейна¹.

Голоса. Какой душака доктор Канафа!

— О чем была проповедь? Я продремал.

— О радикалах, дорогой, и о ложных учениях, получивших распространение.

— Нужно организовать беспроигрышную лотерею.

— И чтобы каждый отчислил один процент с подоходного налога.

— Блестящая мысль!

— На выручку можно обновить завесу храма.

— Сколько раз уже обновляли.

Янки по очереди всматривается в лица, презрительно фыркает. Они даже не видят его, далеко обходя пятак в центре мостовой, где он стоит.

Лонг (*испуганно*). Уймись, я тебе говорю!

Янки (*злобно*). Пошел отсюда! Учи дураков! (*Отходит вразвалку, умышленно толкает джентльмена в цилиндре и зверски выставляет на него.*) Ты! Куда прешь? Сначала купи эту улицу!

Джентльмен (*холодно и церемонно*). Прошу прощения. (*Не видя Янки, даже не взглянув на него, уходит, оставив того в полной растерянности.*)

Лонг (*подбежав, хватая Янки за руку*). Слушай! Пошли отсюда! Я не так хотел! Ты доиграешься!

Янки (*в ярости отталкивает его*).

Тот валится наземь.

Пошел отсюда!

Лонг (*поднимаясь, истерическим голосом*). Я уйду! Я не так хотел! За последствия не отвечаю! (*Убегает налево.*)

Янки. И черт с тобой! (*С недоброй улыбкой подходит к даме, развязно подмигивает.*) Хэлло, детка! Как дела-делишки? Вечерок не занят? Я знаю один котел в порту, можем там погреться.

Дама шествует мимо, не удостоив его взглядом и не замедлив шага.

¹ Монстр в обличье человека из романа «Франкенштейн, или Новый Прометей» английской писательницы Мэри Шелли (1797—1851).

(Присаает к другим.) Батюшки, какая рожа! Закройся, пока лошади не испугались! А эта, гляньте на эту! Вылитая баржа! Намазалась-то, нанудрилась! Расфуфырилась! Таких только на кладбище тащить! А-а, идите вы все и пекло! Видеть вас не могу! Нет вам тут места! Поглядите на меня! Что вы не смотрите? Я—на своем месте! *(Указывая на строящийся в конце улицы небоскреб, с гордостью в голосе.)* Видите, небоскреб растет вверх? Видите, как сталь работает? Сталь—это я! Вы с нее живете и думаете, что вы главные. А я—в ней самой, поняли? Я вон тот подъемник, который строит дом. Во мне начало и конец всему. Я сталь, пар, дым и все прочее! Вон как движется—двадцать пять этажей!—и я в них сверху и снизу. А вы какое имеете отношение?! Куклы. Если я заведу вас, то запрыгаете. Вы мусор, отбросы, шлак, который мы сваливаем за борт. Может, чего сказать хотите?

Они не видят его и не слышат, и это бесит его.

Свиньи! Шлюхи! Суки! *(Набрасывается на мужчин, злобно толкается, не причиняя им ни малейшего вреда. Скорее, себе набивает шишки. Рычит не умолкая.)* Пошел отсюда! Проваливай! Ты куда прешь? Катись! Что же вы не деретесь? Руки отсохли? Не поджимай хвост! Дерись, не то задаром уокошу!

Но все, так же не видя его, машинально, церемонно ему говорят: «Прошу прощения». Вдруг вскрикивает Дама, и все гуртом трусят к меховой витрине.

Дама *(задыхаясь от восторга)*. Обезьяний мех!

С приторной восторженностью мужчинам и женщины подхватывают хором: «Обезьяний мех!»

Янки *(резко, как от пощечины, вздернув голову)*. Вот ты где! Вся белая! Теперь я тебя вижу, тварь беломордая! Косматая обезьяна, говоришь? Сейчас я тебе покажу косматую обезьяну! *(Приседает, пытается вывернуть бордюрный камень. Потерпев неудачу, стелая, перебегает к фонарному столбу на углу, цепляется в него.)*

Слышно рычание автобуса. Из боковой улицы выбегает толстяк в цилиндре и в гетрах, жалобно вопящий: «Автобус! Автобус!» Он с разбегу налетает на скрючившегося Янки и валит его на землю.

Янки *(предвкушая драку, с радостным воплем вскакивает на ноги)*. Наконец-то! Автобус, говоришь? Поезжай! *(Разворачивается всем корпусом и отвечает толстяку полновесную оплеуху.)*

Тот продолжает стоять как ни в чем не бывало.

Толстяк. Прошу прощения. (*Раздражаясь.*) Из-за вас пропустил автобус! (*Хлопая в ладоши, кричит.*) Полиция! Полиция!

В ту же минуту пронзительно заливаются полицейские свистки, и на Янки набегает целый отряд. Он затекает драку, и его забивают дубинками. Толпа у витрин остается в сгортоне от этого беспорядка — и в неведении о нем. Визгливо названивая, оглушительно громокая, к месту спешит тюремная машина.

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Ночью на следующие сутки. Тюремный коридор на Блэкуэллс-Айленд. Он делит сцену по диагонали справа налево. У коридора нет конца: левый край просто пропадает в темноте, и кажется, что камеры уходят в бесконечность. С низкого потолка узкого коридора свисает электрическая лампочка, сквозь толстые прутья решетки она струит свет в первую справа камеру. На краешке койки в позе роденовского «Мыслителя» сидит Янки. Лицо в черных и сизых кровоподтеках. Голова повязана бинтом в кровавых пятнах.

Янки (*вскинувшись, как спросонья, подходит к решетке, трогает прутья, поражаясь, говорит сам с собой*). Сталь. Зоопарк, что ли?

Взрыв грубого, лающего смеха поднимается из камер с невидимыми заключенными, раскатывается по коридору и резко обрывается.

Голоса (*насмешливо*). Зоопарк? Это он про нашу каталажку? Хорошо сказано!

— Сталь? Умница, разглядел, а того не видит, что это каменный мешок.

— Какой болван там разорется?

— Тот малый, которого принесли без памяти. Гады его хорошо отделали.

Янки (*вяло*). Стало быть, приснилось. Показалось, будто я в звериной клетке. А ведь обезьяны не говорят.

Голоса (*насмешливо, с хохотком*). Успокойся: ты в клетке.

— В каталажке!

— В кутузке!

— В норе!

— В конуре!

Хохот — и опять тихо.

— Слушай, парень, ты кто? Соврешь — не обидимся. Ты чем занимаешься?

— Во-во, расскажи свою печальную историю. Ты чем промышляешь?

— На чем ты погорел?

Янки (*вяло*). Я был кочегаром на лайнерах. (*В приступе ярости трясет решетку.*) Я — косматая обезьяна, понятно? Кончайте надо мной смеяться, не то всем скулы посворачиваю!

Голоса. Ого! Серьезный парень.

— Не плюйся — обожжешь!

Смех.

— Хватит, ребята. Он — свой. Верно, парень?

— Он сказал — он кто, обезьяна?

Янки (*с вызовом*). Обезьяна! Как вы!

Молчание. Затем коридор оглашается грохотом сотрясаемых решеток.

Голос (*накаленный яростью*). Ты мне ответишь за обезьяну, болван!

Голоса. Шш! Цщ!

— Тихо!

— Piano!

— Надзиратель придет!

Янки (*презрительно*). Ха, надзиратель! Может, смотритель?

Из камер несутся негодующие вопли.

Голос (*умиротворяюще*). Не обращайтесь на него внимания. У него с черепушкой плохо после битья. Слушай, парень, так за что тебя сцапали? Или ты не хочешь говорить?

Янки. Почему, я скажу. Только вы все равно не поймете. Меня никто не понимает. Я стал объяснять судье, а он мне сразу: «Месяц на раздумье!» А я уж сколько недель раздумываю! (*Помолча.*) Я хотел поквитаться кое с кем... за обиду.

Голоса (*цинично*). Известная история. Девка?

— С другим спугнулась?

— Они все такие!

— Ты кому-то набил морду?

Янки (*с отвращением*). Да нет, у меня не то. Баба замешала, это верно, только не такая, не из таких. Это какая-то особенная баба. Она, понимаешь, разodelась в белое — и в кочегарку. Я думал, она — привидение, правда.

Пауза.

Голоса (*шепотом*). Ну и ну, никак не оклемается.

— Пускай несет чушь. Занятно.

Янки (*весь уйдя в свои мысли*). Руки у нее... худущие,

белые, словно не настоящие, а нарисованные. Ей до меня миллион миль, а я делаю свои двадцать пять узлов. Дохлятина, кошке на обед. С ней нечего возиться. Ее место — в витрине игрушечной лавки или на люке мусорного ящика. Точно! *(Взрывается.)* И вы не поверите: такая плюнула мне в душу! Выставилась на меня, словно я сбежал из зверинца. Вы бы видели ее глаза! *(Истукленно колотит по прутьям решетки.)* Но я до нее доберусь, увидите! А если не с самой, то разберусь с ее компанией. Я знаю, где они ошиваются. Я ей покажу, кто главнее! Помните мои слова!

Голоса *(одни с пониманием, другие глумятся)*. Серьезное дело.

— Чего разбираться? Бери, какая есть.

— А кто она была, эта дама? Имя у нее есть?

Янки. Не знаю, кто она и что. Первым классом сздит. Ее папаша, говорят, миллионер Даглас.

Голоса. Даглас? Так это, наверно, президент Стального треста?

— Точно. Я видел его морду в газетах.

— Он по уши сидит в деньгах.

Голос. Эй, парень, я тебе дам совет! Если ты хочешь опилатить этой даме, тебе надо вступить в ИРМ. Там тебя научат.

Янки. А что это?

Голос. Никогда не слышал про ИРМ?

Янки. Нет. Что это?

Голос. Отчаянные ребята. Я как раз сегодня про них читал — надзиратель дал мне «Санди таймс». Большая статья. Куски из речи в сенате какого-то сенатора Куина. *(Собеседник, ближайший сосед Янки, шелестит газетой.)* Погоди, если хватит света, я тебе прочту. Слушай. *(Читает.)* «В стране зреет угроза самим основам нашей прекрасной республики, самому существованию американского орла, угроза столь же гнусная, сколь гнусным был разговор Катилины против орлов Древнего Рима!»

Голос *(с отарачением)*. А, черт! Пусть для сохранности засолит хвост этого орла!

Голос *(шипает)*. «Я имею в виду дьявольское отродье негодяев, рецидивистов, убийц и головорезов, которые бросили пятно на всех честных рабочих, назвав себя Индустриальными Рабочими Мира. Я же, видя их грязные замыслы, называю их Истинными Разрушителями Мира!»

Янки *(злбно радуясь)*. А! Разрушители! Это важно. Так и надо. Это по мне.

Голос. Шш! *(Читает.)* «Эта злодейская организация, словно язва, разъедает здоровую плоть нашей демократии...»

Голос. К черту про демократию! Освищем сенатора, ребята!

Освищаются.

Голос. Шш! (*Читает.*) «Подобно Катону, я говорю сенату: ИРМ должен быть разрушен! Ибо это кинжал, ныне и ирисно наставленный к сердцу величайшей в истории нации, где люди рождаются свободными и равными, где перед всеми открыты равные возможности, где отцы-основатели обеспечили всем и каждому счастье, где Истина, Честь, Свобода, Справедливость и Братство людей суть религия, впитанная с молоком матери и упроченная наставлениями отца, скрепленная печатью, подписанная и записанная в славной конституции наших Соединенных Штатов!»

Невообразимый кошачий концерт, грубый хохот.

Голоса (*презрительно*). Да здравствует Четвертое июля!

— Шапка по кругу!

— Свобода!

— Справедливость!

— Честь!

— Равные возможности!

— Братство!

Все (*с глубочайшим презрением*). К чертям!

Голос. Побредем с сенатором Куином! Все вместе: раз, два, три!

Громогласный брех и визги.

Надзиратель (*издали*). Ну-ка потише! Пожарной кишки захотелось?

Шум стихает.

Янки (*закипая яростью*). Попался бы мне этот сенатор наедине! Я бы его в минуточку просветил!

Голос. Шш! Тут он опять кроет ИРМ: «Они держат в одной руке факел, в другой — динамит. Для достижения своих целей они не остановятся ни перед убийством, ни перед насилием над женской незащищенностью. Они до основания развалят общество, возвысят подонков, извратят божественный промысел и на месте сладостной и радостной цивилизации учредят бойню, пустыню, в коей человек, венец творения, скоро одичает и станет обезьяной».

Голос. Эй, парень! Слышал? Этот тоже дразнится.

Янки (*закипая гневом*). Не глухой. Значит, взрывают

до основания? Все обратно поворачивают? Слушай, дай мне эту газету.

Голос. Дай ему. Только—слышишь?—читай ее один. Нам этой мути больше не нужно.

Голос. Возьми. Спрячь под матрац.

Янки (*протягивая руку*). Спасибо. Читаю я плохо, но как-нибудь разберусь. (*Садится с газетой в руке и застывает в позе роденовского «Мыслителя».*)

Пауза. В камерах уже раздается хрип.

(*Вдруг с мучительным стоном, словно пронзенный страшной мыслью, вскакивает на ноги.*) Ясно... ее папаша... президент Стального треста... делает половину всей стали... а я-то: мое дело... идем напролом, движемся... а выходит... это была клетка, она подошла и плюнула! (*Грассет прутья решетки так, что дребезжит весь тюремный коридор.*)

Разбуженные и пытающиеся заснуть издают недовольные и остерегающие восклицания.

Это он ее сделал, эту клетку! Сталь, она всему делу помеха! Клетки, камеры, замки, прутья—вог что такое сталь! Чтобы я внизу, а он сверху! Ничего, я это поломаю. Огонь плавит сталь. Буду огнем в стальном костре! Негасимым! Адским! Ночным! (*Все это время, вторя словам, трясет дверцу в стене-решетке. При слове «ночным» хватается за стальной прут обеими руками, ногами упирается в другой, расклинивается по-обезьяньи параллельно полу и делает сильный рывок назад. Прут изгибается, как былинка.*)

В эту минуту, волоча пожарную кишку, подбегает Надзиратель.

Надзиратель (*свирепо*). Будешь знать, как будить меня по ночам! (*Видит Янки.*) Эй, это ты, что ли? У тебя что, белая горячка? Сейчас вылечу! Сейчас разгоню твоих чертей. (*Замечает прут.*) Вы поглядите, как он погнул прут! Вот у психов дурная сила!

Янки (*не сводя с него глаз*). И еще у косматых обезьян, вонючее трусло. Берегись! Сейчас поговорим! (*Хватается за новый прут.*)

Надзиратель (*струхнув, кричит налево*). Давай воду, Бен! На полную! Зови других! Смирительную рубашку несите!

Идет занавес. Когда он скрывает Янки, слышатся плещущие удары: струя воды хлещет в стальную камеру Янки.

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Около месяца спустя. Местное отделение ИРМ в приморском квартале города, внутренний вид комнаты на первом этаже, снаружи — улица. Укая улица освещена луной, в тени дома сливаются в сплошную массу. Атмосфера комнаты, служащей местом для собраний, конторой и читальней, такая же скучная, как в каком-нибудь провинциальном клубе. В углу конторка и высокий табурет. В центре стол, стулья вокруг него, на столе бумаги, пачки брошюр. Во всем намеренная непритязательность, невыразительность, обыденность, отсутствие загадочности: комната как комната. Взгромоздившись на табурет, Секретарь делает шаг к большому гробушке. Козырек отбрасывает тень на его лицо. У стола расположились портовые грузчики, фабричные рабочие и прочая братия — всего человек восемь-десять. Двое играют в шашки. Один пишет письмо. Почти все дымят трубками. На задней стене вывеска: «Индустриальные Рабочие Мира. Отделение 57». По улице идет Янки. Одет он так же, как в картине пятой. Он идет востороженно, крадучись. Останавливается против двери, на цыпочках приближается к ней, прислушивается, завороченный тишиной в доме, и осторожно, словно подстраиваясь под некий условный знак, стучит. Прислушивается. Ответа нет. Стучит громче. Ответа нет. Стучит уже нетерпеливо и громко.

Секретарь (*крутнувшись на табурете*). Что за дьявольщина! Кто-то стучит? (*Кричит.*) Да входите же!

Присутствующие поднимают головы. Янки медленно, осторожно отворяет дверь, словно боясь засады. Он ищет глазами потайные ходы, предвкушает тайну — и огорошен заурядностью комнаты и ее обитателей, ему кажется, что он ошибся местом, но тут он замечает вывеску на стене и успокаивается.

Янки (*отрывисто*). Здорово!

Присутствующие (*сдержанно*). Здравствуй.

Янки (*осваиваясь*). Думал, не в ту нору сунулся.

Секретарь (*внимательно разглядывая его*). Может, и не в ту. Вы — член?

Янки. Нет. Еще нет. Я для этого пришел, чтобы выступить.

Секретарь. Это просто. Вы кем работаете — грузчиком?

Янки. Нет. Кочегаром. На лайнерах.

Секретарь (*удовлетворенно*). Добро пожаловать в наш город. Радостно сознавать, что и вы наконец пробуждаетесь. Среди наших членов не так уж много вашего брата.

Янки. Точно. Все в спячке.

Секретарь. Вот и помогите их разбудить. Как вас зовут? Я заполню на вас карточку.

Янки (*смешаясь*). Как зовут? Сейчас.

Секретарь (*резко*). Вы что, собственного имени не знаете?

Янки. Знаю, только я привык: Янки да Янки... А так я — Боб. Боб Смит.

Секретарь (*записывает*). Роберт Смит. (*Заполняет всю карточку.*) Пожалуйста. С вас полдоллара.

Янки. Всего полтинник? Это можно. (*Передает Секретарю деньги.*)

Секретарь (*бросая их в ящик*). Благодарю. Располагайтесь как дома. Знакомьтесь с другими необязательно. На столе литература. Несколько брошюр прихватите с собой и раздайте на пароходе. Может, это принесет плоды. Разбрасывайте семена, только делайте это с умом. Чтобы не поймали и не уволили. Безработных много, а нам нужно, чтобы у людей была работа и чтобы они еще работали для нас.

Янки. Ясно. (*По-прежнему не двигается с места, чувствует себя скованно.*)

Секретарь (*не сводя с него глаз, с живым интересом*). А почему вы стучали? Думали, мы держим швейцара-негра?

Янки. Нет. Я думал, у вас закрыто и вы сначала поглядите на меня через глазок или еще как, чтобы не дать маху.

Секретарь (*за смехом скрывая встревоженность*). Думали, мы в кости тут играем? У нас дверь никогда не запирается. С чего вы взяли?

Янки (*понимающе улыбается, уверенный, что это уловки, конспирация*). А легавые?

Секретарь (*резко*). А что нам полиция? Мы не нарушаем законы.

Янки (*понимающе подмигивает*). Ясно. Кто-кто, а вы — нет. Ясно. Смекаю.

Секретарь. Что вы там смекаете, нам неведомо.

Янки (*снова подмигивает*). Ладно, замнем. (*Общая подозрительность начинает раздражать его.*) Слушайте, хватит! Вы мне еще вопрос устройте! Неужели непонятно, что я — свой? Что я — ваш? Что я — с вами? Я за вас в огонь и в воду. Для этого и пришел записаться.

Секретарь (*подыгрывая ему*). Похвальное чувство. Только вы действительно отдаете себе отчет в том, куда пришли? У нас все честно и открыто, но еще находятся люди, которые заблуждаются на наш счет. (*Резко.*) Какие цели, по-вашему, преследует ИРМ?

Янки. Знаю я все это, знаю.

Секретарь (*саркастически*). Так поделитесь вашими драгоценными знаниями.

Янки (*находчиво*). Я знаю достаточно, чтобы помалкивать. (*Снова возмущаясь.*) Слушайте, я — свой. Я ваши фокусы разгадал. С посторонними нужно быть начеку, я понимаю. Но меня-то вы за кого принимаете — за переодетого сыщика, что ли? Выбросьте это из головы. Я — свой,

понятно? Любого спросите в порту.

Секретарь. А кто в этом сомневается?

Янки. Откроете свои секреты — тогда и я вам докажу.

Секретарь (*изумленно*). Что нам открывать? Нет у нас секретов!

Янки (*разочарованно*). Как, никакого пароля или там особого приветствия?

Секретарь. Где вы, по-вашему, находитесь? У «Лосей»? В «Черной руке»?

Янки. Будто я не знаю «Лосей»! Или косоглазую шпану из «Черной руки». У вас вроде настоящие мужики подобрались.

Секретарь. Вот именно. Поэтому мы ни от кого не прячемся. У нас секретов нет.

Янки (*недоверчиво и восторженно*). Вы то есть всегда действуете в открытую, как сейчас?

Секретарь. Конечно.

Янки. Отчаянные вы люди!

Секретарь (*резко*). Что вас привело к нам? Выкладывайте начистоту.

Янки. Значит, берете к себе? Я тоже человек отчаянный. Вот нам моя рука. Вы готовите большую заваруху, верно? Это по мне. Я — с вами.

Секретарь (*с напускным равнодушием*). Что вы имеете в виду: устранить общественное неравенство законными прямыми действиями — или динамитом?

Янки. Динамитом! Смести все начисто — сталь, клетки, заводы, пароходы, дома, тюрьмы, Стальной трест со всем хозяйством.

Секретарь. Такая, значит, у вас программа. Какого же рода услуги вы намерены предложить нам? (*Делает знак своим.*)

Те по одному поднимаются из-за стола и встанут за спиной у Янки.

Янки (*решительно*). Сейчас скажу. Увидите, что не зря взяли. Есть такой миллионер — Даглас...

Секретарь. Президент Стального треста? Вы хотите его убить?

Янки. Нет, что вам это даст? Я хочу взорвать завод, фабрику, где он делает сталь. Хочу запулить на луну всю сталь, сколько ее есть на земле. И будет порядок. (*Запальчиво.*) Я все сам сделаю, один. Я вам докажу. Только научите, где его завод, как туда добраться и какие там хитрости. А дальше я сам управлюсь. Я им дам прикурить, увидите! Плевать, если они меня сцапают, дело-то будет сделано! Пусть пожизненный срок мотают — я им в морды ихние рассмеюсь! (*В сторону.*) А сй напишу, что косматая обезьяна с ней расквиталась.

Секретарь *(отходя от Янки)*. Очень интересно.

Секретарь подает знак. Мужчины—все как на подбор здоровяки—набрасываются на Янки и, не дав ему опомниться, связывают ему руки и ноги. Впрочем, он настолько потрясен, что не оказывает сопротивления. Его обыскивают.

Мужчина. Пушки нет, ножи тоже. Потолковать с ним хочется—аж руки чешутся.

Секретарь. Не надо. Еще иметь из-за него неприятности! Из-за такого болвана. *(Подходит к Янки, издевательски хохочет.)* Ха-ха! Молодцы, потешили. Кто тебя послал, артист? Бернс? Пинкертон? Хотя—вряд ли, таких дураков берут только в полицию. Грязная ищейка, гнусный провокатор, ступай к той сволочи, которому ты продал своих братьев, и скажи, что он без толку выбрасывает свои кровавые деньги. У нас тебе не грозила даже простуда. И еще скажи: он найдет у нас только такой уголовный материал, который сам подбросит. В нашем манифесте о нас сказано исчерпывающе, мы пошлем ему экземпляр, если попросит. А с тобой... *(Брезгливо оглядывает Янки, впавшего в прострацию.)* Э-э, с тобой говорить не о чем. Безмозглая обезьяна.

Янки *(яростно забившись в пухах)*. Повтори это слово, сволочь!

Секретарь. Выбрасывайте его, ребята.

Несмотря на сопротивление, с ним управляют ловко и быстро. Несколько тумачон на прощанье, и выставленный Янки растягивается на булыжной мостовой. Глухо рыча, он подается в сторону закрывшейся двери—и застывает, запутавшись в собственных мыслях, до отчаяния беспомощный. Он сидит в раздумье, напоминая родезовского «Мыслителя»—насколько это возможно в его позе.

Янки *(горько)*. И эти парни не признают меня. Ну и черт с ними! Тоже не делом занимаются, слюнтят, как будто мало нам краснобаев и Армии спасения. Сократите на час рабочий день—и я счастливый человек. Накиньте лишний доллар—и я счастливый человек. Три кормежки в день, своя капуста в палисаднике, равноправие, баба с ребятишками, избирательный бюллетень в лапе—и, кроме Иисуса, мне никого не надо. Так, что ли? Дьявольщина! Чего искать? Это—внутри тебя, не одна же там утроба! Раскармливать морду булочками и кофе—это одно, а другое—оно глубже, на дне. Его не ухватишь, не остановишь. Ворочается оно—и все вокруг движется, а станет—и замрет весь мир. Вот как я сейчас—отстучал, сломалась машинка. Был заодно со сталью—целым миром владел, а стал сам по себе—и мир меня подмял. Ах, дьявольщина! Не вижу ничего, сплошные потемки. Все наперекосяк! *(Обращает к небесам горькое, глумливое*

лицо, словно повздорившая с луной обезьяна.) Эй, лунный человек, если ты правда умный—подскажи, а? Шепни по секрету, что вы там решили: куда мне идти?

Полицейский (*появившись на улице, он слышит последние слова Янки, мрачно шутит*). Ты пойдешь в участок, дурачок, если не встанешь и не отправишься своей дорогой.

Янки (*разглядев его, заходится безрадостным смехом*). Ясное дело! Сажай меня под замок! Суй в клетку! Другого ответа ты не знаешь. Давай, сажай.

Полицейский. Ты что натворил?

Янки. Достаточно, чтобы помереть в тюрьме. Я родился, представляешь? За это нужно сажать. Запиши в свою книжку: родился.

Полицейский (*веселясь*). Господь простит твоей мамаше этот грех. (*Серьезным тоном*.) Ну, валять дурака мне с тобой некогда. Тебя хорошо отделали. Надо бы тебя забрать в участок, да больно далеко шагать. Давай поднимайся—или тебе дубинка понятнее? Держись! (*Ставит его на ноги*.)

Янки (*глухо и насмешливо*). А теперь куда?

Полицейский (*толкнув его, с равнодушной улыбкой*). К черту в некло.

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

В сумерках на следующий день. Обезьянник в зоопарке. Пятно ясного, рассеянного света падает на одну из клеток, видна ее внутренность. Остальные клетки только угадываются, их окутывает мрак, из которого доносится пронзительная тарбарщина—этакие кумушкины пересуды. На клетке дощечка с надписью «Горилла». На скамье огромный зверь в позе, напоминающей роденовского «Мыслителя». Слева появляется Янки. Тотчас вскипает волна сердитой трескотни и визга. Безмолвно и не шелохнувшись, горилла переводит на него глаза.

Янки (*разражаясь безрадостным смехом*). Добро пожаловать в ваш город—так, что ли? Как в песне—«Сюда, сюда, на сбор друзей!».

При звуках его голоса звери смолкают, наступает внимающая тишина.

(*Подходит к клетке, ложится грудью на поручень, смотрит на гориллу*.)

Зверь смотрит на него, молчаливый и недвижимый.

Стоит мертвая тишина.

(Заговаривает дружеским, доверительным тоном, отчасти подтрунивая над слушателем, но с глубоким сочувствием к нему.) Ты суровый парнишка, правда? Мне попадались крепкие орешки, которых ребята называли гориллами, а ты первый — и вправду горилла. Приличная у тебя грудная клетка, и плечи, и руки, и кулаки. Пара таких кулаков кого хочешь сделает глухим! *(Это говорится с неподдельным восхищением.)*

Словно понимая его, горилла выпрямляется, колесом выкатывает грудь и колотит в нее кулаком.

(Понимающе ухмыляется.) Все ясно. Тебе сам черт не брат, верно? Ты понимаешь, что я сказал, хотя не знаешь слов. *(В голосе появляется горечь.)* Еще бы тебе не понять меня! Ведь мы с тобой одна компания — косматые обезьяны.

Смотрят друг на друга. Пауза.

(Продолжает неспешно и с той же горечью.) Так это она тебя увидела, когда смотрела на меня, беломордая шлюха! Для нее я был — ты, понимаешь? Только снаружи клетки, на свободе. Решила, что буду ее убивать. Дура не понимала, что я тоже был в клетке, похуже твоей, потому что ты еще можешь выбраться, а я... *(Сбивается.)* Дьявольщина! Все вкривь и вкось!

Пауза.

Небось интересуешься, что я тут делаю? Со вчерашнего вечера грел скамейку в парке. Видел, как солнце взошло. Красота! Все кругом красное, розовое, зеленое. Смотрел на небоскребы — сталь! — на корабли со всего света — тоже стальные! Солнце теплое, на небе никаких облаков, ветерок дует. Шикарно, что говорить. Пэдди прав: это — дело, только не для меня. Не имею отношения. Не задевает. И вот я думал-думал и притонал к вам — посмотреть, какая ты есть. Весь день ждал, когда ты останешься одна. Слушай, а как ты сидишь в этой камере все время? Терпишь, что они приходят, глазуют, беломордые худущие шлюхи с болванами, которые женились на них? Развлекаются тут, смеются над тобой, боятся тебя, пропади они все пропадом?! *(Бьет кулаком в поручень.)*

Горилла трясет прутья клетки, рычит.
В темноте поднимают гаджеж другие обезьяны.

(Возбужденно продолжает.) Правильно! И я от этого на стену лезу! Только тебе — лучше. Они тебе никто, ты это знаешь. А я — я с ними, но я им чужой. Им со мной

ничего делать, поняла? Трудно это — думать... (С мучительной гримасой проводит рукой по лбу.)

Горилла волнуется.

(Продолжает неуверенно, на ощупь.) Я, понимаешь, вот к чему: ты сидишь, и мерещится тебе всякое там прошлое — ну, зеленые леса, джунгли и вообще. Это — твое, они к тому не относятся. И тогда ты можешь смеяться им в морду, правильно? Ты всех победила! А я? Что у меня в прошлом? Что впереди? У меня только сегодня, а тут мне некуда приткнуться. Тебе куда лучше, чем мне! Ты думать не умеешь. Говорить не умеешь. А я сблефую, когда думаю или говорю, и вроде бы вышел, но тут они выкладывают джокер! *(Смеется.)* Я не на земле и не на небе, понятно? Я посередке, развожу их в стороны и получаю от них тумачи. Может, это и есть ад? А? А ты в самом низу. Ты на своем месте. Ты счастливей всех на свете!

Горилла горделиво рыкает.

Поэтому они засадили тебя в клетку. Поняла?

Горилла рычит сердито.

Ну вот, ты понимаешь. Словами или там мыслями этого не ухватить, это где-то глубоко, за чем-то еще, а мы с тобой чувствуем. Потому что — одна компания. *(Смеется, потом в сердцах обрывает себя.)* Какого дьявола! К черту все! Надо что-то делать! И тогда будет толк! Сбить их с ног, колошматить, пока не угостят стальной пулей! Будешь на пару? Они же пялились на тебя в клетке, верно? Хочешь сквитаться? Лучше умереть весело, чем тут подыхать.

Горилла ревом выражает согласие.

(Зажигается каким-то иступленным восторгом.) Правильно! Молодчина! Ты не подведешь! На пару, а? — мы же одна компания! Мы гакую гастроль устроим — в зале живых не останется! После нас будут делать клетки покрепче!

Внезапно в прутья, подвывая, горилла нетерпеливо скачет на месте.

(Достает из-под пальто отмычку и открывает клетку.) Амнистия! Выходи и давай лапу! Поведу тебя прогуляться на Пятую авеню. Согрем их с лица земли и умрем с музыкой! Выходи, друг!

Горилла осторожно выбирается из клетки. Подходит к Янки, стоит и смотрит на него.

(Выдерживая насмешливый тон, протягивает руку.) Поздороваемся нашим секретным манером.

Что-то в его голосе — возможно, этот насмешливый тон — приводит зверя в ярость. Прыгнув на Янки, горилла ошарашивает его огромными передними конечностями и сжимает смертельной хваткой. Слышен хруст сломанных ребер и полузадушенный вопль еще паясничавшего Янки.

Эй! Я не просил целовать!

Горилла разжимает объятия, и тело оседает наземь; постояв над ним будто в гупом раздумье, горилла подбирает его, забрасывает в клетку, захлопывает дверцу и, шаркая, сумрачно уходит в темноту налево. Перепуганные звери поднимают невообразимый шум и плач. Янки шевелится, стонет, открывает глаза. Все стихает.

Слушай... тебе, видать, покрепче соперник нужен. Достала она меня. Крышка. Даже эта своим не признает. *(С надрывным отчаянием.)* Куда же деваться, господи! Где мне есть место? *(Овладев собой.)* А-а, какого дьявола! Не скулить. Не кланчить. Умереть в своей шкуре. *(Хватается за прутья решетки и, подтягиваясь, с трудом встает на ноги, озадаченно оглядывается и невесело смеется.)* Вот я и в клетке. *(Скрипучим голосом циркового зазывалы.)* Леди и джентльмены, подойдите и бросьте взгляд на единственную и неповторимую... *(Его голос слабеет.)* единственную и неповторимую... косматую обезьяну из диких... *(Падает на пол и умирает.)*

Обезьяны заводят бестолковый и жабный плач. Может статься, косматая обезьяна наконец нашла свое место.

Занавес

КРЫЛЬЯ ДАНЫ ВСЕМ ДЕТЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ

Пьеса в двух действиях

Перевод Е. Корниловой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джим Хэррис.
Миссис Хэррис—его мать.
Хэтти—его сестра.
Элла Даун.
Шорти.
Джо.
Микки.
Белые и негры.
Капитан } из Армии спасения.
Женщина }

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Окраина Нью-Йорка, перекресток трех улиц, где кварталы белых граничат с кварталом цветных. В глубине красное кирпичное четырехэтажное здание, в его нижнем этаже бикалейная лавка. Вдоль двух улиц идаль уходят четырехэтажные многоквартирные дома с пожарными лестницами, на площадке которых вышли подышать свежим воздухом жильцы—белые на той улице, что уходит влево, черные—на улице, уходящей вправо. Жаркий весенний день. На тротуаре играют дети: их восемь: два черных мальчика и две черные девочки, два белых мальчика и две белые девочки. Они играют в шарики. Одно из черных мальчиков зовут Джим Хэррис. Рядом с ним, держа в руке его шарики, сидит Элла Дауни—белокурая девочка лет восьми с нежным бело-розовым личиком. Дети самозабвенно погружены в игру. Мимо снуют прохожие—негры, свободно отдающиеся дыханию весны: белые, более сдержанные в проявлении своих чувств. Слов прохожих не слышно, но время от времени доносится их смех—веселый, непринужденный смех негров, негромкий, сдержанный—белых. Грохот поездов, несущихся по эстакаде, пыхтенье паровозов, мерное гремяхание повозок, цоканье лошадиных копыт по булыжнику—все сливается в нестройный, непрерывный уличный гул. В одном из домов, где живут белые, кто-то заливается гнусавым фальцетом: «И только пташка в золоченой клетке...» А на улице, где обитают черные, какой-то негр выводит: «Пошло я крошке своей телеграмму...» Стихает пенне, и люди начинают смеяться—по-разному на разных улицах. Потом наступает тишина. Заходящее солнце озаряет перекресток последними лучами. Дети продолжают играть.

Белая девочка (*подталкивая локтем брата*). Ну пойдём, Микки!

Микки (*грубо*). Отстань!

Белая девочка. Ах так! Дома получишь, вот увидишь. (*Делает шаг в сторону.*)

Микки. Пошла отсюда!

Белая девочка. Вот дождешься, влетит тебе!

Микки (*обеспокоенно*). Иду, иду, не видишь, что ли! Подожди!

Черная девочка (*черному мальчику*). Пойдем, слышишь, Джо. Скорей, а то нам тоже достанется.

Джо. Сама иди.

Микки. Ну, кончили, что ли? Мне надо бежать! (*Вскакивает.*)

Шорти. И мне тоже! (*Вскакивает.*)

Другая черная девочка (*испуганно*). О господи, как поздно-то!

Джо. Мне шарик!

Микки (*Джиму*). Ворон, ты выиграл. Поиграем завтра?

Джим (*весело*). Конечно, Мик. Давайте все приходите! (*Смеется.*)

Шорти. Я приду. Надо ж отыграться!

Джим. Приходи.

Девочки. Ну скорее же, пошли!

Шестеро детей собрались идти и вдруг замечают, что Джим с Эллой повернулись, со смущенным видом они стоят друг против друга. Дети начинают поддразнивать их.

Джо. Гляньте-ка на Ворона! Похоже, он себе невесту завел! *(Смеется.)*

За ним начинают смеяться все остальные.

Джим *(смущен)*. Перестань, Шоколадка!

Микки. Да нет, вы только поглядите на этих дурачков!

Мальчики хохочут.

Девочки *(показывая пальцем на Эллу)*

Краснощечка! Краснощечка!

Как тебе не стыдно,

На лице все видно!

Элла *(потупившись)*. Перестаньте.

Белая девочка. А он книжки ее в школу таскает.

Черная девочка. Не могла получше найти себе?!
Смотри, какие у него ножищи.

Все смеются. Джим, взглянув на Эллу, смущенно ставит одну ступню на другую.

Элла. Не ваше дело! *(Яростно кидается на них.)*

Девочки с визгом и смехом кружатся и скачут как безумные.

Все. Вот и попались! Вот и попались!

Микки. Дурачок, Ворон. Девчоночник! В Краснощечку втрескался!

Джо. Поиграй с ней в куклы!

Шорти. Девчоночник, девчоночник!

Элла вдруг принимается плакать.

Все *(торжествующе вопят)*. Плакса! Плакса, красная плакса!

Джим *(внезапно, сжав кулаки, в бешенстве бросается на них)*. Заткнитесь! Или я измолочу вас!

Все бросаются врассыпную, довольные тем, что вывели его из себя.

(Робко подходит к Элле, переминается с ноги на ногу; друг выталкивает.) Перестань реветь! Я прогнал их!

Элла *(успокоившись, признательно)*. Спасибо.

Джим *(с гордостью)*. Теперь они не посмеют. Я побого из них в порошок сотру. *(Протягивает руки и напрягает бицепсы.)* Потрогай, какие мускулы.

Элла *(робко трогает его руку, с восторгом)*. Вот это да!

Джим (*покровительственно*). Ты, Краснощечка, никого не бойся, когда я рядом.

Элла. Джим, не называй меня так, пожалуйста.

Джим (*виновато*). Не обижайся, я не знал, что это тебе не нравится.

Элла. Ужасно не нравится.

Джим. А ты не обращай на них внимания. Завидуют они тебе, понимаешь?

Элла. Завидуют? Почему?

Джим (*показывая на ее лицо*). Да вот из-за этого. Красивое оно у тебя. Румяное, беленькое.

Элла. А мне не нравится!

Джим. Оно красивое... такого... ни у кого нет.

Элла. А я его ненавижу. Я бы хотела быть черной... как ты.

Джим (*с испугом*). Что ты, что ты! Тогда тебя дразнили бы вороной, шоколадкой или трубочистом.

Элла. Ну и пусть.

Джим (*нахмурившись*). А то и черномазой.

Элла. Ну и пусть!

Джим (*робко*). Пусть?

Элла. Да, мне все равно.

Неловкое молчание.

Джим (*внезапно*). Знаешь, Элла... С того дня, как я ношу твои книги в школу и из школы, я три раза в день ем мел. Мне парикмахер Том посоветовал. Он говорит, что от этого я стану белым. (*С надеждой*.) Как — я еще не посветлел?

Элла (*утешая его*). Вроде бы да... Самую капельку.

Джим (*притворяясь беззаботным*). Похоже, этот Том наврал и посмеялся надо мной. От мела меня только мутит...

Элла (*с любопытством*). А зачем тебе хочется стать белым?

Джим. Потому что... да просто... мне белая кожа нравится больше.

Элла. А мне нет. Мне черная больше нравится, хочешь, поменяемся? Я буду черной, а ты... (*Хлопает в ладоши*.) Вот было бы здорово!

Джим (*неуверенно*). Да... быть может...

Элла. Меня б тогда все звали Вороной, а тебя Краснощечкой!

Джим. Пусть бы попробовал кто-нибудь называть тебя черномазой! Убил бы на месте!

Долгая пауза. Затем Элла застенчиво берет мальчика за руку. Они смотрят друг на друга, держась на расстоянии.

Элла. Я тебя люблю.

Джим. И я тебя люблю.

Элла. Хочешь быть моим милым?

Джим. Хочу!

Элла. А я буду твоей подружкой?

Джим. Да... *(Торжественно.)* Вот... клянусь — ни один из этих типов отныне не назовет тебя Краснощечкой! Не то придется иметь дело со мной.

Солнце зашло. Улицу окутали сумерки. Из-за угла выходит шарманщик. Наигрывает «Анни Руни». Держась за руки, дети слушают. Шарманщик, кончив крутить шарманку, уходит. Становится совсем темно.

Элла *(внезапно)*. Боже, темень-то какая! Достанется мне.

Джим. И мне.

Элла. А мне все равно.

Джим. И мне.

Элла. Встретимся завтра по дороге в школу?

Джим. Непременно!

Элла. Ну, я побежала.

Джим. И я.

Элла. Я люблю тебя, Джим.

Джим. Я люблю тебя, Элла.

Элла. Помни же!

Джим. И ты помни.

Элла. До завтра.

Джим. До завтра.

Они бегут в разные стороны, потом одновременно останавливаются и оборачиваются.

Элла. Не забудь же!

Джим. Никогда! Клянусь!

Элла. Лови! *(Она посылает ему воздушный поцелуй и в страшном смущении убегает.)*

Джим *(потрясенный)*. Боже! *(Поворачивается и убегает.)*

Картина вторая

Действие происходит на том же перекрестке. Прошло девять лет. И снова в разгаре весна, и снова вечер, только более поздний, чем в первой сцене. Почти ничего не изменилось. На одной улице по-прежнему живут белые, на другой — черные; по-прежнему облеплены людьми пожарные лестницы, и та же бакалейная лавка на том же самом углу. Только ритм улицы стал каким-то механическим, потому что пар и лошади теперь выгеснены электричеством. Шагают взад и вперед белые и черные прохожие. Смеются почти так же, как в первой сцене. С улицы белых доносится пение; высокий тенор гнусаво тянет: «Хотел я обнять

девичку...», ему словно отвечает негр: «А она мне: будем друзьями...» И снова, как только прекращается пение, на обеих улицах раздается смех. Наконец наступает тишина.

Темнеет, и на углу вспыхивает фонарь, заливая улицу бледным сиянием. На перекрестке появляются двое — белый (это Шорти) и черный (это Джо). У них повадки заправских хулиганов и бездельников. По улице проходят юноша и девушка, им лет по семнадцати. Оба нарядно одеты — он в черном костюме и в белой рубашке с крахмальным воротничком, она в белом платье.

Шорти (*презрительно*). Вот парочка! Гляди, кто идет! (*Девушке, с издевкой.*) Эй, Лиз! Ты что, старых друзей не признаешь?

Девушка (*испуганно*). Здравствуй, Шорти.

Шорти. Вы чего это расфуфырились? На выпускной вечер, что ли? (*Пытается преградить им дорогу.*)

Они шарахаются от него в сторону и убегают.

Джо. Ату, ату! Вот наддали!

Шорти довольно ухмыляется.

Шорти (*взглянув вдоль улицы*). А вот и Микки топает.

Джо. Как он работал вчера в полуфинале?

Шорти. Чистый нокаут!

Джо. Этот парень далеко пойдет. Глядишь, еще чемпионом будет!

Шорти (*тоном знатока*). Да, шансы у него есть, особенно если девок бросит. Бабы — его слабость!

Слева появляется Микки. На нем кричащий костюм, сдвинутая набок соломенная шляпа с яркой лентой. У него типичное лицо боксера и развязные манеры забияки. Под глазом красуется огромный синяк — след вчерашнего боя. Говорит чванливо.

Джо и Шорти. Здорово, Микки!

Микки. Привет.

Джо. Слышал, здорово ты вчера отделал...

Микки. Еще как! И блок не помог. (*Меня тему.*) Вот что. Видели, тут двое прошли на выпускной вечер?

Шорти (*подмигивая*). Ну?.. А тебе что?

Джо (*хихикая*). Микки хочет получить медаль за хорошее поведение.

Микки. Конечно! И на задницу повесить!

Все смеются.

Ну хватит! Эллу Даунн не видели?

Шорти. Краснощечку? Нет, она тут не появлялась.

Микки (*решительно*). Ты брось так называть ее, понял? По морде захотел? Чтоб я не слышал. Она моя девушка, запомни!

Джо (*осмеливается шутить*). Какая по счету? Десятая?

Микки (*польщен*). Может, и десятая. Но теперь — самая настоящая.

Шорти (*показывая направо, с насмешкой*). Глянь, как Джим Ворон вырядился! Куда это он собрался?

Джо (*с отарачением*). Что, этот черномазый тоже школу кончает?

Шорти. Подзови-ка его.

Появляется Джим Хэррис. Он в черном костюме и в белой рубашке с крахмальным воротничком. Держится спокойно, но лицо расстроенное и напряженное.

Джим (*доброжелательно*). Привет, друзья!

Они молча и презрительно оглядывают его.

Джо (*неприятно*). Школу сегодня кончаешь?

Джим. Да.

Джо (*сплюнув*). Ух, черт! Больно ты важным стал.

Джим (*улыбаясь, мягко*). Второй уж раз пытаюсь. В прошлом году провалился.

Джо. За каким дьяволом тебе это нужно? Что ты с образованием делать-то будешь? Сидеть на шес у матери?

Джим (*твердо*). Собираюсь учиться дальше — на адвоката.

Джо (*с насмешкой*). Боже, и черномазый туда же!

Джим (*гневно*). Не смей так называть меня — перед ними.

Джо (*задираясь*). Ты что, отрещиваешься? Я покажу тебе...

Микки (*толкает обоих, грубо*). А ну, прекратите! По углам! (*Повернувшись к Джиму, грубо*.) Эй, ты! А Краснощечка сегодня вечером что, тоже школу кончает?

Джим. Ты хочешь сказать — Элла...

Микки. Краснощечка Дауни, хочу я сказать. Мне нет надобности церемониться с ней. Она моя девушка.

Джим (*мрачно*). Да, сегодня Элла кончает школу.

Шорти (*подмигивая Микки*). Бахвал, а?

Микки (*подмигивая Шорти, многозначительно*). Поддых захотел, так получит!

Джим стоит, сдерживаясь, чтобы не броситься на него.

Джим (*выпаливает*). Микки, я хочу поговорить с тобой. Один на один.

Микки (*с удивлением и издевкой*). Ха, черт возьми!

Джим (*взаполнованно*). Это очень важно, Микки.

Микки. Да? (*Испытующе смотрит на него, затем небрежным кивком головы предлагает Шорти и Джо*

отойти и приближается к Джиму.)

Шорти. Это что-то новое!

Джо (*мстительно*). Подожди, попадешься ты мне, Джим!

Микки. Ну, давай свои важные новости. Мне некогда — у меня свидание.

Джим. С... Эллой?

Микки. А тебе какое дело?

Джим (*с трудом подбирая слова*). Вот что... я хотел сказать... Я слышал... все, что о тебе говорят... Я знаю, как ты обращаешься с девушками... Но с ними — это не мое дело, а с ней... Элла ведь другая... не похожая на них.

Микки (*оскорбительным тоном*). Кто это тебе наболтал, а?

Джим (*угрожающе поднимая кулак*). Посмей только!

Микки (*так ошеломлен этой угрозой, что невольно отступает назад*). Кончай комедию! (*Вдруг почувствовав себя оскорбленным*.) Послушай, Ворон! Ты что, не соображаешь? Я ведь тебе могу так вмазать — неделю не поправишься.

Джим. Я только прошу тебя, Микки, не поступай бесчестно.

Микки. Тебе-то что? Она же на тебя, вшивый козел, и плюнуть побрезгует. Ей противен один вид черномазых.

Джим (*с отчаянием*). Я... знаю... Но раньше... когда мы были детьми...

Микки. Забудь об этом. Теперь другое дело.

Джим. Даже если ей противны цветные, я все равно друг ей.

Микки. Цветные! Называй правильно: черномазые. Вся беда в том, что уж очень вы наверх лезете. Знай свое место, понятно? Старик твой кое-какие деньжата на мелочной торговле сколотил, и ты пролезть к белым хочешь... Купить себе образование, адвокатом заделаться, черт возьми. Сделку с любым обтяпать можно, но запомни: как был ты черномазым, так навек и останешься. Почему ты не хочешь быть таким, как Джо, как другие? Нет, тебе обязательно надо лезть к белым. А там тебе места нет, запомни это...

Джим (*дрожжа*). Когда-нибудь... я докажу тебе...

Микки (*отворачивается от него*). Проваливай ты!

Джим. Но таким, как ты, я никогда не стану... подлым белым...

Микки (*взрываясь*). Что-о-о?!

Джим (*с силой*). Попробуй только обидеть ее, я тебе покажу! Я все о тебе открою... Напишу в газеты... Пусть все узнают, какие вы, белые...

Микки (*взбешен*). Черномазая сволочь! Сейчас челюсть сверну! (*Лицо его искажено злобой, приняв стойку боксера, бросается на Джима.*)

Джим. не защищаясь, ждет, полный достоинства.

Шорти. Бросьте сейчас же! Ишь разъярились! А вон и милашка Дауни идет.

Микки. Доберусь до тебя в другой раз!

Справа входит Элла Дауни. Ей семнадцать. У нее тот же, что и раньше, бело-розовый цвет лица. Она очень хороша, но ее портит вызывающая манера держаться.

Элла (*при виде Микки лицо ее расплывается в улыбке*). Привет, Микки! Не опоздала? Я так рада, что ты вчера победил. (*Почувствовав, что что-то произошло, смотрит то на одного, то на другого.*) Что с вами?

Микки. Да вот этот болван... (*Презрительно кивает на Джима.*)

Джим (*почтительно*). Здравствуй, Элла.

Элла (*резко отворачиваясь*). Привет! (*К Микки.*) Пошли, проводи меня, я тороплюсь.

Джим (*быстро*). Подожди... минутку... (*С болью.*) Элла... тебе противны... цветные?

Микки. А, заткнись!

Джим. Пожалуйста... ответь.

Элла (*с притворным смехом*). Что это? Еще один экзамен?

Джим (*настойчиво*). Пожалуйста, ответь.

Элла (*с раздражением*). Да нет, что ты... Ведь я училась вместе... Ведь некоторые из моих прежних... подруг... я с ними училась в одной школе...

Джим. Ты ненавидишь меня, Элла?

Элла (*смутившись, с еще большим раздражением*). Он что — пьян? Почему — ненавижу? Никого я не ненавижу.

Джим. Тогда почему же ты столько лет почти не разговариваешь со мной?

Элла (*резко*). А о чем говорить-то с тобой? У нас нет ничего общего.

Джим (*с болью в голосе*). Может быть, теперь... Но вот когда-то... На этом самом углу... ты помнишь?

Элла. Ничего я не помню! (*Сердито.*) С чего это ты вдруг вздумал соваться ко мне? Голову, что ли, потерял оттого, что школу окончил?

Джим. Нет. Я только хочу помочь тебе, Элла.

Элла. Скажите на милость! Ты забываешься. Кому нужна твоя помощь, хотела бы я знать? Замолчи-ка, не приставай ко мне!

Джим (*настойчиво*). Придет время, и тебе понадобится друг — настоящий друг...

Элла. Мне хватает друзей в моем кругу. (*С раздражением.*) Надоел же ты мне! Проваливай к черту! (*Торопливо уходит.*)

Трое парней хохочут. Микки свешивает за ней. Джим подавлен. Он делает несколько шагов и бессильно опускается на пустой ящик у бакалейной лавки.

Шорти. Выпить охота. Пошли, Джо, — я угощаю.

Джо (*все это время не спускал с Джима сердитого, презрительного взгляда*). Иди, Шорти, я сейчас, только потолкую с этим. (*Показывает на Джима.*)

Шорти. Дело твое. Пока! (*Уходит, насвистывая.*)

Джо (*некоторое время стоит, уставившись на Джима недобрый взглядом. Затем, поплевав на ладони, угрожающе придвигается к Джиму, погруженному в раздумье. Остановившись перед ним и видя, что тот даже не смотрит на него, взрывается*). Послушай, черномазый! Хочу кое-что тебе сказать по секрету. Кто ты такой? Ты что о себе мнишь? Не мой ли старик работал с твоим в доках, пока твой не обзавелся собственной лавочкой? Твой старик копил монеты, а мой пиво на них покупал — вот и вся разница между ними. Ты что от меня нос воротить?

Джим (*не выходя из задумчивости*). Я друг твой, Джо.

Джо. Тоже мне друг! Не пойму, что ты за птица? Зачем тебе твое учение? Чего ты вырываешься и твердишь, что хочешь стать адвокатом? Чего выламываешься? Смотри, какой вежливый да деликатный! Будто бы и негром себя не считаешь, а мы тут уши развесили! Уж не хочешь ли ты белую кожу купить на денежки старика своего, как Микки говорил? Да кто ты такой в конце концов? (*Взбешенный молчалим Джима.*) Говорить не хочешь? Так я выколочу из твоей шкуры... (*Одной рукой хватая Джима за грудь, а другую, сжав в кулак, подносит к лицу Джима.*) Отвечай, пока я не свернул тебе морду. (*Трясет его.*) Черномазый ты или нет, я спрашиваю? Черномазый?

Джим (*спокойно, взглянув ему прямо в глаза*). Да. Черномазый. Мы оба черномазые.

С минуту они глядят друг на друга. Джо остывает. Он опускается на ящик рядом с Джимом, предлагает ему сигарету, Джим берет ее, и Джо, чиркнув спичкой, даст ему прикурить, затем прикуривает сам.

Джо (*затянувшись сигаретой, удовлетворенно*). Вот так бы сразу и сказал.

Джим. Мы оба черномазые.

На углу улицы появляется тот же шарманщик, который был в первой сцене. Шарманщик играет: «Вот тебе конфетка...» Юноши слушают, уставившись в одну точку. Шарманщик удаляется, наступает молчание.

Джо (*поднимается с ящика*). Пойду выпью холоденького пивка. (*Собирается идти. Затем останавливается.*) А тебе не пора в школу? (*Уходит.*)

Джим по-прежнему сидит на ящике, уставившись перед собой.

Картина третья

Тот же перекресток. Пять лет спустя. Ничто не изменилось. Весенний вечер. Фонарь, стоящий на углу, льет безжалостный свет на лица прохожих. Уличный шум по-прежнему громок, только стал более прерывистым и однообразным, нагруженным. Проходят двое, один белый, другой черный. Оба утомленные; зевают. Больше не слышно смеха ни в домах белых, ни в домах негров. С улицы, где живут белые, тот же тенор еще более гнусавым фальцетом, чем прежде, поет последнюю строчку песни: «Когда я расстался с тобою...» Ему вторит негр: «И ждал я Роберта Ли...» Затем все стихает. Входит Шорти—типичный гангстер. Напевает под нос, он ждет кого-то, вглядываясь в даль улицы.

Шорти (*возмущенно*). Долго мне тут ждать? (*Начинает напевать.*) «Завернулась она в кимоно, зарядила ружье, чтоб прикончить того, кто обидел ее». (*С презрением.*) Элла не такая. Ружье не для нее. Шума поднимать не будет. Подсластим немного—это ее подбодрит.

Входит Элла, одета очень бедно. Она бледна, глаза ввалились; говорит холодно и устало.

Ты получила письмо?

Элла. Потому и пришла.

Шорти. Как поживаешь?

Элла. Хорошо.

Пауза.

Шорти (*смотрит на нее с недоумением, слегка обескураженно*). Мне казалось, ты хочешь услышать от меня что-нибудь о Микки?

Элла. Нет, не хочу.

Шорти. Значит, тебе безразлично, где он и что с ним?

Элла. Да, безразлично.

Шорти. С каких это пор?

Элла. Давно.

Пауза.

Шорти (*улыбаясь отворотительной, подлой улыбкой*). Между нами говоря, детка, ты и другие девчонки, которых он бросил, скоро расквитаешься с ним. Я в курсе его дел. Слежу, как он тренируется. В следующем бою, помяни мое слово, ему конец. И это будет делом ваших рук, тех, кого он кинул, и тех, кто кинул его. Все вы будете на стороне его противника; лучших секундантов не сыщешь. Вы ему и лицо ополоснете, и оботрете губкой, и полотенцем помашете. И Микки ни одного удара не отразит, будто вы все тяжелым грузом повиснете на нем. Сразу брякнется на колени... (*Опускается на колени, подражая боксеру, который не очень твердо держится на ногах.*)

Элла. Я бы очень хотела увидеть, как он окажется на коленях.

Шорти. ...А потом — бац вראстяжку! Вышел из игры! Судьи считают: раз... два... десять! Нокаут! С Микки кончено. (*Говоря это, он пробельывает все, что должно произойти с Микки, бросается плашмя на мостовую. Поднимается, злобно смеется.*)

Элла. Для меня он не существует. Уж давно.

Пауза.

Ты зачем позвал меня?

Шорти. Он меня послал.

Элла. Зачем?

Шорти. Подкинуть денжат тебе. (*Вытаскивает из кармана пачку денег и нехотя протягивает ей.*)

Элла (*равнодушно смотрит на деньги*). Зачем?

Шорти. Это тебе.

Элла. Мне не нужно.

Шорти. Тогда для ребенка.

Элла. Ребенок умер. От дифтерита.

Шорти. Что ты говоришь? Когда?

Элла. Давно.

Шорти. Почему же ты не написала Микки?

Элла. К чему? Он бы только обрадовался.

Шорти (*номолчав*). Ну что ж, это к лучшему.

Элла. Пожалуй, так.

Шорти. Ты помирилась со своими?

Элла. Это невозможно.

Шорти. Живешь одна?

Элла. Одна. В Бруклине.

Шорти. Работаешь?

Элла. На фабрике.

Шорти. Дурочка. Для тебя есть работенка и полегче.

Элла. Я знаю, что ты имеешь в виду, но не выйдет!

Шорти. Поразвлекься немного не хочешь? Пожить как следует...

Элла. Я уж пожила.

Шорти (*насмешливо*). Собираешься утопиться? Брось, девочка. Я помогу тебе подняться. У меня есть связи.

Элла (*равнодушно*). Ты грязная собака. Как это никто не прикончил тебя до сих пор?

Шорти. Вот что! А ты кто такая? Говорят, шляешься с этим Вороном Джимом.

Элла. Джим мой единственный друг.

Шорти. Этот черномазый?

Элла. Джим—единственный белый на всем свете. Белый и добрый. А черные—вы, насквозь черные!

Шорти. Черномазый любовник! (*Швыряет ей в лицо деньги.*)

Они падают на землю.

Послушай-ка, ты! Микки велел передать, что у него с тобой все кончено. За этим он и прислал меня. (*Искоса поглядывает на нее. Пауза.*) Ты не подымеешь шума?

Элла. Для чего? Он свободен. Ребенок умер. Я тоже свободна. Дурных чувств к нему у меня нет. Но скажи ему: мысленно я буду на его следующем матче. По твоему совету—рядом с его противником. Буду считать—десять... десять. Нокаут! Ну и все, а теперь проваливай.

Шорти (*смотрит на нее со злой насмешкой*). Чокнутая! Все вы чокнутые. И все жаждут возмездия! Ну а я жажду выпить. Прощай! (*Уходит.*)

На углу появляются несколько человек из Армии спасения, они поют «Пока не припадем к стопам Иисуса»; останавливаются возле Эллы. Вперед выходит капитан Армии спасения.

Капитан. Сестра...

Элла (*поднимает брошенные Шорти деньги и швыряет всю пачку в его шляпу*). Получайте! Спасайтесь сами! А от меня отстаньте.

Женщина из Армии спасения. Сестра!

Элла. Не называйте меня так. Я еще не в вашем стаде.

Они медлят, не зная, что делать дальше.

Оставьте меня в покое.

Те уходят под звуки барабана. Элла садится на ящик, бессильно опустив руки. Входит Джим Хэррис. Он возмужал, хорошо одет. У него доброе, умное лицо, но в нем есть какая-то напряженность, и это заметно.

Джим (*радостно и вместе с тем удивленно*). Элла! А я только что встретил Шорти.

Элла (*приветливо ему улыбаясь*). Он приходил от Микки.

Джим (*опечаленно*). А-а...

Элла (*приглашая сесть рядом*). Посиди. Джим.

Джим садится. Пауза.

(*Равнодушным тоном*.) С этим конечно. Джим... Я свободна.

Джим (*устало*). Никто не свободен, Элла... Мы только свободны делать то, что нам приходится делать.

Элла. Что ты вдруг помрачнел?

Джим. Вот получил уведомление из юридической школы. Я снова провалился.

Элла. Бедный Джим!

Джим. Не жалей меня. Я готов избить себя. Пять лет—а я все еще на том же самом месте! А должен был кончить в два года.

Элла. Почему ты не бросишь совсем?

Джим. Никогда!

Элла. Но в конце концов—зачем тебе быть адвокатом?

Джим. Это для меня все. (*Взволнованно*.) Если бы я стал адвокатом, я бы осмелился...

Элла. На что?

Джим. Нет, ни на что. (*Помолчав, взволнованно*.) Не могу объяснить... Но меня словно огнем жжет. Все эти провалы—удар по моей гордости. Клянусь, знаний у меня больше, чем у любого из моего класса. Мне надо учиться еще напряженней. Тружусь я чертовски много. И все так хорошо укладывается у меня в голове—все в стройной системе. А вот на экзамене, когда меня вызывают и я встаю... а вокруг лица белых, они смотрят на меня—и вот тут голос у меня начинает дрожать, внезапно все вылетает из головы, я ничего не помню. Слышу, как начинаю заикаться... теряюсь... и возвращаюсь на место... И хоть бы кто из них засмеялся! Нет, что ты! Все очень добры. (*С яростью*.) Скорее снисходительны, черт бы их побрал! На мне словно проклятье какое-то...

Элла. Бедный Джим...

Джим (*с горечью*). То же происходит на письменных экзаменах. Недели напролет занимаюсь по ночам. Перестаю спать. Не остается ничего, чего бы я не знал или не понимал. Но вот на экзамене получаю задание. Просматриваю его, прекрасно соображаю, как ответить на каждый вопрос. Белые вокруг меня принимаются писать. Как они уверены в себе—даже те, у которых, я-то уж знаю,

ничего в голове нет. Я же знаю все, но все куда-то улечучивается... исчезает. В голове пусто, я сижу как дурак, силюсь вспомнить хоть что-нибудь... Но тех крох, что мне удастся наскрести в памяти, слишком мало для экзамена... хотя я знаю все, что требуется.

Элла (*с сочувствием*). Джим, послушай. Перестань терзаться. Брось все, это совсем тебе не нужно.

Джим. Нужно больше, чем кому-либо. Нужно, чтобы я смог жить.

Элла. Что тебе это даст?

Джим. С точки зрения других — ничего. С моей — все!

Элла. Но ведь в остальном ты лучше всех на свете.

Джим (*смотрит на нее*). Значит, ты понимаешь...

Элла. Конечно! (*С чувством.*) Разве я не вижу, как ты добр ко мне! Только ты, единственный из всех, не отвернулся от меня. Единственный, кто понял меня, — несмотря на то что я так гнусно относилась к тебе.

Джим. Но раньше... очень давно... ты относилась ко мне хорошо. (*Улыбается.*)

Элла. Ты для меня — белый, Джим. (*Берет его руку.*)

Джим. Белый — для тебя?

Элла. Да.

Джим. Любовь всегда светлая. (*Очень робко.*) А я всегда любил тебя...

Элла. И теперь? После всего...

Джим. Всегда.

Элла. Я очень хорошо отношусь к тебе... ни к кому больше я так не отношусь.

Джим. Как я рад! На такое я и не надеялся.

На углу улицы появляется шарманщик. Он играет «Анна Руин».
Держась за руки, Джим и Элла сидят рядом, слушают.

Элла, а ты смогла бы когда-нибудь выйти за меня замуж?

Элла. Да, Джим.

Джим (*словно испугался того, что она так быстро согласилась*). Ах, Элла, не отвечай сразу. Подожди. Подумай хорошенько, что это значит для тебя. Подумай — я не тороплю тебя. Я буду ждать месяцы... годы...

Элла. У меня никого нет. Мне нужно, чтобы кто-нибудь помог мне. И я чтобы помогала кому-то, Джим, — не то конец.

Джим (*страстно*). Я помогу... я знаю, что могу помочь, я отдам всю жизнь, чтобы помочь тебе... Для этого я и живу.

Элла. А я смогу помочь тебе? Смогу?

Джим. Да, о да, Элла. Уедем за границу — туда, где к человеку относятся с уважением, где нет различий между людьми... где все добры и под любой кожей видят прежде

всего человеческую душу. Я не прошу у тебя любви — не смею надеяться на нее... Мне ничего не нужно... Я буду ждать... Мне нужно только знать, что ты добра ко мне... Быть около тебя, беречь тебя... Чтобы ты забыла прошлое... перестала страдать. Служить тебе, лежать у твоих ног как верный пес... склоняться над твоей постелью, смотреть на тебя, как нянька, когда ты спишь. Хочу защитить тебя от зла и горя... Отдать тебе жизнь и душу, и все свои силы... успокоить тебя, сделать счастливой, стать твоим рабом, да, черным рабом... поклоняться тебе, как святыне... *(Бросился на колени. В самоотречении; произнося последние слова, касается лбом земли.)*

Элла *(тронута и встревожена)*. Джим! Джим! Ты сошел с ума! Я тоже хочу помочь тебе, Джим! Я хочу...

Картина четвертая

Несколько недель спустя. Улица перед старой кирпичной церковью в том же квартале города. Церковь стоит в глубине, за старой железной оградой с воротами посередине. Справа и слева от ограды тянутся мрачные многоквартирные дома. Кажется, что своими плотно занавешенными окнами-глазами они недружелюбно смотрят на происходящее. Зелеными шторами закрыты и высокие узкие церковные окна, расположенные по обеим сторонам тяжелой двери. Яркое солнечное утро. На улице необычная тишина, словно все затаилось и чего-то ждут. С улицы, где живут негры, доносится сильный, но приглушенный тенор. Первый куплет его песни полон какой-то детской грусти:

Порой я, как голубь печальный, тоскую,
Порой я, как голубь печальный, тоскую,
Как голубь, тоскую.

В следующем куплете выражена мечтательность и восторженность юноши:

Порой я парю, как орел в поднебесье,
Порой я парю, как орел в поднебесье,
Орел в поднебесье.

В третьем глубокая печаль — результат житейского опыта:

Порой я не знаю, зачем я родился,
Порой я не знаю, зачем я родился,
Зачем я родился на свет.

Песня замирает, и на какое-то время водаряется напряженная тишина. В нее внезапно врывается резкий удар церковного колокола. И словно по его сигналу люди — мужчины, женщины, дети, белые и негры, — выходят из домов, выстраиваясь в два ряда по обеим сторонам церковных ворот: белые справа, негры слева. Непримирима ненависть, с когорой смотрят друг на друга представители двух рас. Распахнутся обе створки больших церковных дверей, и из темного нутри храма выйдут на солнечный свет Джим и Элла. Двери захлопываются за ними, словно челюсти деревянного идола, изрыгнувшего их из своей пасти. Джим и Элла одеты очень просто, он — в черном, она — в белом. Озаренные солнцем, они останавливаются, смутившись. К ним прикованы враждебные взгляды собравшихся. Они наконец замечают два стоящих друг против друга ряда людей, мимо которых им придется

пройти. Вздрогнув, молодые в нерешительности останавливаются. Справа выходит шарманщик, играет мелодию «О старый, черный Джо». Когда она кончается, снова раздается удар колокола, как бы настаивающего, чтобы все разошлись.

Джим (как бы очнувшись при ударе колокола от оцепенения, берет руку Эллы). Пойдем. Пора на пристань. Пароход скоро отойдет. Идем, дорогая.

Она хочет что-то ответить, но губы у нее дрожат. Она не в силах отвести глаза от людей, не в силах двинуться с места. Заметив это, Джим показывает ей на небо, побуждая поднять глаза вверх; говорит с глубокой нежностью.

Взгляни, родная. Взгляни—солнце. Сколько добра излучает оно на землю! Почувствуй же его тепло—всем телом, всем сердцем почувствуй. Посмотри вверх, дорогая!

Элла устремляет глаза к небу. Лицо ее становится спокойным, она улыбается солнцу. Джим мягко тянет ее за руку, ведет через двор, сквозь церковные ворота, мимо выстроившихся на улице людей. Огромным напряжением воли заставляет ее и себя выдержать это испытание.

(Волнение сказывается в истерически-восторженном, срывающемся голосе.) Смотри вверх, Элла, на небо. Оно голубое, оно благосклонно к нам. Голубое—это цвет надежды. Надежды, Элла,—для нас, родная. Небо благословляет нас. Что сказано в Библии? Падет на праведных и неправедных. Нет, это сказано о дожде. Боже, что я говорю? Все смешалось... Не должно быть несправедливости. Люди все одинаковы—равны... перед небом и солнцем... перед богом... Мы поплывем по морю, окажемся по ту сторону океана—там, где родился Христос, там все добрые, там помнят о душе! Мы поплывем с тобой по морю, голубому морю. Только бы не опоздать... Скорее на пароход!

Доходят до поворота, минуют людей. Элла по-прежнему смотрит на небо, умиротворенная и спокойная. Джим на грани обморока, лицо искажено, глаза широко раскрыты.

(Кричит хрипло.) Такси! Где же оно? Такси!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Два года спустя после свадьбы Эллы и Джима. На сцене—гостиная одной из лучших квартир в негритянском квартале, невдалеке от перекрестка, где происходили события первого действия. В комнате—

смесь старой и новой мебели: старая вычурна, с аляповатой резьбой, безвкусна; новая — разительно противоположна ей, отличается простотой и даже строгостью стиля. На одной из стен щетная фотография в тяжелой позолоченной раме. Это портрет пожилого негра с умным выразительным лицом, в мундире, украшенном множеством медалей, в треуголке — зеленый наряд, выставляющий представление о каком-нибудь маршале наполеоновской армии при параде.

В левом углу комнаты, там, где из окна падает яркий свет, прикреплена к этажерке причудливая маска негра из Конго, вызывающая в воображении пугающие, смутные ассоциации. Маска сделана искусно, в ней воплощено религиозное вдохновение создавшего ее мастера. И кажется, что какой-то дьявольской властью она вносит в комнату странную дисгармонию.

На левой стене два окна, выходящие на улицу. В глубине комнаты дверь, ведущая в переднюю. Справа вторая дверь, закрытая красными с золотом портьерами. Она ведет в спальню и другие комнаты. Все сверкает чистотой. Стены недавно оклеены темно-коричневыми обоями, на полу новый яркий ковер. Посреди комнаты круглый стол красного дерева, возле него в калачке сидит миссис Хэррис, седая и приятная на вид негрятка лет шестидесяти пяти, одетая в нарядное, теперь уже старомодное платье. По комнате нервно расхаживает ее тридцатилетняя дочь Хэтти, сестра Джима. Волевым и тонким лицом Хэтти говорит о ее мужестве и духовной силе. Одетая в строгий костюм. Чудесное весеннее утро. Слева сквозь окна в комнату льется солнечный свет.

Миссис Хэррис. Пора бы им уже приехать.

Хэтти (*раздраженно*). Да, пора.

Миссис Хэррис (*обеспокоенно*). Надеюсь, не устроишь Джиму сцены, как тогда, перед его свадьбой?

Хэтти. Нет. Что сделано, то сделано, помочь уже ничем нельзя.

Миссис Хэррис. Мы не враги ей. Элла должна почувствовать, что для нас ее прошлое не имеет значения.

Хэтти. О ее прошлом я никогда и не думаю. А вот о том, что она сделала с Джимом — заставила его бросить все и убежать, — думаю. Этого я забыть не могу.

Миссис Хэррис. Джим любит ее, в этом все дело.

Пауза.

Хэтти (*с горечью*). Не знаю, любит ли она Джима!

Миссис Хэррис. Конечно, как же иначе? Конечно, любит. Не забудь, ей было трудно, очень, очень трудно... Белому труднее, чем черному.

Хэтти (*возмущенно*). Почему так должно быть?

Миссис Хэррис (*покачивая головой*). Я говорю не о том, как должно быть... Должно быть по-другому. (*Торжественно.*) Белым и черным не нужно сближаться, у них разные дороги. Пусть белый идет своей дорогой, а черный — своей.

Хэтти. Да, и если бы к тому же они оставили нас в покое.

Миссис Хэррис. Ваш отец шел своей дорогой, и они его не трогали. Он обзавелся своим делом. У него

были деньги в банке. Был свой дом. После его смерти все досталось нам. *(С гордостью смотрит на портрет.)*

Хэтти с раздражением вздыхает.

И меня они не трогали. Я родила четверых, двое умерли, двое остались в живых. Я вырастила вас обоих добрыми, здоровыми, дала вам образование, у вас есть деньги...

Хэтти *(укоризненно)*. Мама!

Миссис Хэррис. Я выполняю долг, который господь возложил на меня, и белые меня не трогают.

Хэтти подходит к окну, чтобы скрыть свое раздражение.

(Задумавшись; после паузы.) Все меняется, все чем-то недоволены!

Хэтти. Ох...

Пауза.

Пора бы им уже и появиться.

Миссис Хэррис. Почему ты не поехала на пристань встретить их? Я ведь просила тебя.

Хэтти. Не могла. Наши черные лица—мое и Джима—среди сотен белых... *(С горьким смехом.)* Не многовато ли для нее?

Миссис Хэррис *(с раздражением)*. Не говори так! Откуда в тебе столько гордыни? *(Немного помолчав, печально.)* Хэтти!

Хэтти *(повернувшись к матери)*. Что, мама?

Миссис Хэррис. Мне так хочется вновь увидеть Джима, моего единственного сына... Но, знаешь, я все же предпочла бы, чтобы он остался там! В письме он говорит, что счастлив. Им нравится там. Люди к ним добры. Их брак никого не раздражает. Почему же они не остались?

Хэтти *(запальчиво)*. Нет, мама. Они убежали отсюда как трусы. А если они верят друг в друга, в то, что сделали,—они должны жить здесь, наперекор предрассудкам, выдержать все, быть сильными.

Миссис Хэррис. Сильными? Не очень-то они сильны, Хэтти. И не очень счастливы. Счастливыми были только в детстве.

Хэтти. А мы и не заслуживаем счастья, если не боремся вместе со своей расой, если не поможем ей победить.

Пауза. Раздается звонок.

Звонят... Иди, мама. Я... я не могу.

Мать смотрит на нее с упреком и поспешно, раздвинув портьеры, выходит в дверь. Хэтти в ожидании нервно ходит по комнате. Долгая

пауза. Наконец, раздвигая портьеры, входит Джим. Он заметно постарел и сейчас выглядит мрачным и озабоченным.

Джим. Хэтти!
Хэтти. Джим!

Нежно обнимают друг друга.

Джим. Какое счастье увидеть тебя, Хэтти! Ты чудесно выглядишь.

Хэтти (*смотрит на него испытующе*). Ты тоже хорошо выглядишь... Похудел, пожалуй, чуть-чуть... Устал? (*Увидев, что он нахмурился*.) Но где же Элла?

Джим. С мамой. (*Оправдываясь*.) Ей стало нехорошо... когда мы вошли. Путешествие измотало ее.

Хэтти (*холодно*). Понятно.

Джим. Нет. Ничего серьезного. Просто нервы. Ей надо отдохнуть.

Хэтти. Разве вы не отдыхали во Франции?

Джим. Отдыхали... но уж очень одиноко было там, в особенности ей.

Хэтти (*с затененной неприязнью*). Почему же? Разве люди избегали вас?

Джим (*быстро*). Что ты, ничего подобного не было.

Пауза.

Но она сторонилась. Первый год все шло хорошо. Элле все страшно нравилось. Она познакомилась с французами, начала немного говорить на их языке... и я тоже. Мы очень весело проводили время... Мне и в голову не приходило, что мы захотим вернуться.

Хэтти (*нахмурясь*). Так что же случилось?

Джим (*запинаясь*). Вот, видишь ли... первый год мы жили... как друзья... как брат с сестрой... Как я жил бы с тобой...

Хэтти (*хмурясь все больше и больше*). Ты хочешь сказать... (*Слова Джима ее несколько покоробили; после паузы*.) А любит она тебя, Джим?..

Джим. Если бы я сомневался в этом... я покончил бы с собой.

Хэтти. Ты уверен, что она действительно любит тебя?

Джим. А почему же она так все переживает?

Хэтти (*цедит сквозь зубы*). Ах вот что!

Джим (*срываясь; кричит истерически*). Что ты терзаешь меня? Хочешь рассорить нас?

Хэтти (*сдержанно*). Нет, Джим.

Джим (*успокаиваясь*). Прости меня, Хэтти. Нервы у меня сегодня на пределе. (*Опускается в кресло и начинает говорить так, словно что-то толкает его на откры-*

венность.) В конце концов мы стали жить очень уединенно. Элла никого не хотела видеть, говорила — нам лучше всего вдвоем. Я был счастлив, по-моему, она тоже была счастлива... по-своему... но недолго.

Пауза.

Она никуда не хотела выходить. Боялась — вдруг встретит кого-нибудь из знакомых... кого-нибудь отсюда. Поразмыслив, я решил переехать с ней туда, куда ни один турист никогда не заглядывает. Но и это не помогло. Она старалась избегать и французов, как избегала американцев. Я ничего не мог поделать с ней. Она не выходила из дому, стала бледной, нервной, всего пугалась, воображала бог знает что. В конце концов это передалось и мне, у меня тоже разыгрывалось воображение, я тоже начал нервничать. Я презирал себя, ругал дезертиром за то, что после женитьбы удрал отсюда и перестал мечтать об адвокатуре. И мне показалось, что Элла тоже презирает меня за это — за то, что я не настоящим человеком!

Хэтти (*возмущенно*). Да как она смела!

Джим (*резко*). Не надо, Хэтти.

Пауза.

Все это мне только представлялось. Мы никогда не ссорились. Грубого слова никогда не сказали друг другу. Мы были очень-очень близки. И никто больше не был нужен ни ей, ни мне. Мы были одни — и вместе.

Пауза.

Но однажды я понял — больше я не вынесу такой жизни. Понял, что она тоже не вынесет. И я сказал: «Элла, поговорим откровенно, посмотрим правде в глаза и выскажем все, что наболело».

Хэтти. И вы решили вернуться?

Джим. Да. Мы поняли: да мы же стыдимся самих себя. Мы трусливо убежали от трудностей, а оказалось — мы прихватили их с собой. И вот решили вернуться домой. Здесь, на родине, вытерпеть все, а главное — изжить в себе то, что мешает нам. Мы должны доказать самим себе — да, мы любим друг друга. Только так мы освободимся от гнета, завоеваем доверие, станем внутренне свободны и тогда сможем жить в мире и согласии со всеми людьми. Мы освободимся от сознания своей вины — это оно не дает нам покоя. (*Выговорившись, чувствует облегчение.*)

Хэтти (*склонясь к брату и целуя его*). Желаю успеха вам обоим... Я восхищаюсь тобой, Джим! Той и Эллоу! Ты собираешься готовиться к экзаменам?..

Джим. Немедленно!

Хэтти. Да, Джим, ты должен! Людям нашей расы нужны такие, как ты; нужна их помощь, их руководство. *(Услышав голоса матери и Эллы, смолкает; лицо принимает холодное выражение.)*

Джим *(заметив это, предостерегающе)*. Помни, Хэтти, Элла больна. *(Теря самообладание, тоном приказа.)* Будь приветливей, слышишь?

Входит миссис Хэррис, показывая Элле дорогу. Негритянка очень взволнованна и растерянна. Элла бледна, глаза ее блуждают. Она подбегает к Джиму, словно ища у него защиты, сжимает его руки, испуганно смотрит то на миссис Хэррис, то на Хэтти.

Миссис Хэррис. Вот он, девочка. Она вообразила, что мы похитили тебя у нее, Джим.

Джим *(поглаживая руку Эллы)*. Здесь же тебе должно быть все знакомо, Элла. Помнишь, в детстве ты иногда играла у нас?

Элла *(неуверенно, через силу)*. Помню, как-то вечером я играла в шарики. Но это было на улице.

Джим. А Хэтти ты помнишь?

Хэтти *(выходит вперед с натянутой улыбкой)*. Мы виделись давно... но я помню Эллу. *(Протягивает ей руку.)*

Элла *(пожимает протянутую руку Хэтти, смотря на нее и вызывая ее и вместе с тем испуганно)*. Я помню вас. Но вы очень изменились.

Хэтти *(поведение Эллы пробуждает у нее враждебное чувство, и она говорит снисходительно)*. Разумеется, я же постарела. *(В тоне невольной начинает проскальзывать гордость.)* Я очень много работала. Сначала училась в колледже, вы это знаете, затем поступила в аспирантуру. А потом поняла, что принесу больше пользы, если отложу учебу и стану сама учить. *(Устыдившись своего тона, замолкает, уязвленная равнодушием, с каким Элла слушает ее.)* Я словно хвасталась, хотя вовсе этого не хочу. Я только объясняла вам...

Элла *(равнодушно)*. Я даже не знала, что вы так много учились.

Пауза.

А где вы преподаете? Конечно, в школе для цветных?

Она произносит эти слова так высокомерно, что Хэтти с трудом сдерживается.

Хэтти. Да. В частной школе, она содержится на деньги состоятельных людей нашей расы.

Элла *(неожиданно проявляя интерес)*. Так, значит,

вам пришлось держать очень много экзаменов? Вам удалось сдать их?

Хэтти (*прикусив губу*). Я всегда сдавала их с честью.

Элла. Да-да, мы ведь обе окончили одну и ту же школу. Мне было очень легко учиться. Я почти не заглядывала в учебники. А вот Джим говорит—ему было ужасно трудно. Он провалился в тот год, помните? (*Поворачивается к Джиму и улыбается ему снисходительно и в то же время с любовью.*)

Хэтти возмущена, а Джим лишь улыбается в ответ.

Джим. Да, дорогая, мне было очень трудно.

Элла. А выдержать экзамены за юридическую школу Джим так и не смог. Не смог ведь? (*Ласково улыбается ему.*)

Хэтти (*резко*). Нет, он смог бы. Он может. Если только вы дадите ему возможность, он их одолеет.

Джим (*сердясь*). Хэтти!

Миссис Хэррис. Хэтти, попридержи свой язык!

Хэтти (*мрачно*). Простите.

Элла прижалась к Джиму, смотрит на Хэтти с ненавистью. Затем оглядывает комнату; увидев маску, вскрикивает.

Джим. Что с тобой, дорогая?

Элла (*показывая на маску*). Вон там... Господи, что это?

Хэтти. Это маска из Конго. (*Подходит к этажерке и берет маску.*) Я уберу ее, если хотите. Я думала, она понравится вам. Это мой свадебный подарок Джиму.

Элла. Но что это?

Хэтти. В Африке эта маска служит моему народу во время религиозных обрядов. Кроме того, это же прекрасное произведение искусства. Ее сделал настоящий художник, может, такой же великий, как ваш Микеланджело. (*Протягивает маску Элле.*) Возьмите. Обратите внимание—какая работа!

Элла (*высокомерно*). Не думайте, она ничуть не пугает меня. (*Смотрит на маску с отвращением.*) Прекрасное произведение? Знаете ли, у некоторых людей бывают странные понятия о прекрасном. По-моему, она уродлива, глупа... такие рожи часто строят дети. (*С презрением хлопает ладонью по маске.*) Гадость! Нечего глазеть на меня—я смеюсь над тобой! (*Собирается подворить маску на место.*)

Джим. Если она действует на тебя, мы перенесем ее в другую комнату.

Элла (*пренебрежительно*). Не пужно. Пусть будет здесь, я с удовольствием буду смеяться над ней. (*Вешает*

маску на место и вдруг решительно поворачивается к Хэтти.) Джим не собирается сдавать экзамены. Я не позволю ему.

Хэтти (*взрываясь*). Джим! Ты слышишь? Вот оно, кредо белых! Страх утратить свое превосходство над нами.

Элла (*умоляюще*). Джим... Скажи ей— пусть уйдет.

Джим (*вне себя, сестре*). Или ты уйдешь отсюда— или мы.

Миссис Хэррис (*плача, обнимает Хэтти*). Пойдем, дочка! Пойдем.

Хэтти (*спокойно*). Да, мама. Уйдем.

Уходят.

Джим бросается в кресло и закрывает лицо руками. С минуту Элла неподвижно стоит около него. Растерянно оглядывает комнату, смотрит на портрет, на мебель, на Джима. Она старается освободиться от густой тяжести. На какое-то время это ей удается, и она становится прежней Эллоу; бросается на колени перед Джимом, дотрагивается до его плеча.

Элла (*нежно*). Не надо, Джим! Не плачь! Ты вообразил, что я и правда не позволю тебе держать экзамены? Ты не так меня понял. Я очень хочу, чтобы ты их сдал, чтобы стал адвокатом. Самым лучшим во всей стране. Я очень хочу, чтобы ты показал всем этим шентунам и сплетникам, за какого человека я вышла, чтоб они не болтали за нашей спиной. Я хочу, чтобы весь мир знал, что ты белее всех белых. Хочу, чтобы ты подымался все выше и выше— затоптал бы их в грязь. Я люблю тебя, Джим. Люблю тебя... Ты знаешь.

Джим (*успокоившись, со счастливой улыбкой*). Дорогая, надеюсь, я стану достойным тебя.

Хэтти (*появляется в дверях, спокойно*). Джим, мы уходим.

Элла. Нет. Не уходите.

Хэтти. Мы все равно собирались уйти. Это ваш дом— мамин подарок вам, Джим.

Джим (*пораженный*). Но я не могу его принять. Куда же вы уходите?

Хэтти. Мы сняли очень хорошую квартиру. (*С гордостью и укором*.) В самом сердце Черного квартала. Будем жить с нашим народом.

Джим (*сердито*). Вы с ума сошли! Я поговорю с мамой. (*Уходит*.)

Элла и Хэтти обмениваются взглядами, полными ненависти. Хэтти уходит.

Элла, все еще стоя на коленях, окидывает все вокруг каким-то странным взглядом. Затем встает, подходит к портрету отца Джима.

Элла (с издевкой). Это и есть его папаша! Вырядился, как цирковая лошадь. Ничего не поделаешь. Это в крови. Певежды. *(Обращается к маске, пытаясь говорить на-мешливо.)* Хелло, ты! Не воображай—меня не запугаешь. Я тебе покажу! Ничего он не сдаст, вот увидишь. Ничего, даже если будет стараться тысячу лет. *(Подходит к окну, смотрит вниз на улицу и бормочет.)* Одни негры, только одни негры! *(С внезапным волнением.)* Нет, вот и один белый! Боже, да это Шорти! *(Распахивает окно и кричит.)* Шорти! Хелло, Шорти! *(Высовывается из окна и машет рукой, с минуту смотрит вниз, отходит от окна к середине комнаты, оглядываясь, куда бы спрятаться. Лицо искажено страданием.)* Ну и ну! Надо же! Наверно, не слышал. Нет, слышал, конечно, слышал. Так кричать—мертвый поднялся бы. А может, и не услышал—дети галдят. И все же слышал! Просто не хотел услышать! Не хотел! Чтоб никто не подумал, что он знаком со мной. Это же так, зачем я обманываю себя? Нет-нет, не обманываю. А что бы ему не ответить? Сам-то кто? Что он такое, скажите, бога ради? Сводник! Отпетый мошенник! Не слышал! Не захотел! Да-да, не захотел! Это правда, и ты сама знаешь прекрасно. Перестань лгать себе, он прекрасно тебя слышал, но не захотел узнать тебя. Не хочет знаться с тобой. Господи, даже он! Боятся—старые приятели подымут его на смех. Но почему же? Да ты знаешь почему. Вышла замуж за... да-да, знаю за кого—не хочу говорить, и так всем ясно. *(Она в ужасе, пытается взять себя в руки.)* Перестань сейчас же! *(Затем жалобно, как испуганный ребенок.)* Джим! Джим! Джим! Где ты? Ты нужен мне, Джим! *(Выбегает из комнаты.)*

Картина вторая

Декорация первой картины второго действия. Прошло полгода. Стены словно осели, потолок навис; мебель, портрет, маска кажутся для этой комнаты слишком громоздкими. Вечер. За столом сидит Джим. Он погружен в изучение книг по юриспруденции, они стопкой лежат перед ним. С усилием заставляет себя сосредоточиться, отчего лицо его напоминает лицо бегуна у финиша. Лоб покрыт испариной. Он без конца выгоряет вслух одну и ту же фразу, время от времени ударяя себя кулаком по лбу. И все же против воли он без конца отвлекается, раздражается при каждом звуке, доносящемся из других комнат или с улицы; взгляд у него блуждает, и, наконец, позабыв о своих занятиях, он устремляет глаза на портьера. Видно, он подавлен горем. Со стоном опрокинул книгу, подходит к окну, раскрывает его, опускается на стул и, облокотившись о подоконник, подпирает руками голову. Он смотрит в темноту. Лицо его в свете фонаря, который расположен на углу улицы, кажется усюкоенным. Раздвигается портьера, входит Хэтти.

Хэтти (*видит, что брата нет за столом*). Джим! (*Заметив его.*) Ах вот ты где? Что ты тут делаешь?

Джим (*повернувшись к сестре*). Отдыхаю. Мозги проветриваю. (*С натянутой улыбкой.*) Приходится-таки попотеть над этими юридическими книгами. (*С тревогой.*) Как она?

Хэтти. Заснула. Сейчас ей лучше побыть одной, и я ушла на минутку.

Пауза.

Что доктор сказал тебе, Джим?

Джим. Ничего нового. Говорит—ей нужен покой, отдых. (*С горечью.*) Но как это сделать, он не сказал. Не оставил никакого рецепта.

Пауза.

Хэтти. Джим, я думаю... Тебе надо уйти от нее... или ей от тебя... на время.

Джим (*всплыв*). И ты как этот доктор! По-вашему, все очень легко и просто. Сделай вот так, и все будет хорошо. А не выходит! Жизнь не такая простая штука, наша, во всяком случае.

Пауза.

Мы не можем расстаться друг с другом. Нас связывает так много... столько разных причин, что нас уже не оторвать друг от друга.

Пауза.

Если нужно, если ей будет лучше от этого... я уйду... расстанусь с ней... сделаю решительно все, потому что люблю ее. Я даже покончу с собой... выброшусь из окна. Но я много думал и понял: ей будет гораздо хуже, если меня не будет рядом. У нее в целом мире, кроме меня, никого нет. Я не обманываюсь, не заблуждаюсь. Это действительно так. (*С мольбой.*) Ты ведь знаешь, что я прав?

Хэтти. Да, Джим, знаю: она любит тебя, я убедилась в этом.

Джим (*искренне*). Поэтому, что бы ни случилось, мы до конца должны держаться друг друга и надеяться на лучшее. (*Пауза. Затем продолжает с надеждой.*) Может быть, сейчас у нее кризис. Он пройдет, она успокоится, и болезнь больше не повторится. А я—как только стану адвокатом—многого достигну. Подумай, мы оба свободны! Справились с нашей слабостью. Мы по-настоящему свободны—и можем быть счастливы и здесь, и в любом месте. Она будет гордиться мною. Она не раз говорила, что будет искренне гордиться мною.

Хэтти (*отвернувшись от брата, чтобы скрыть свое волнение*). Джим, все так и будет, я уверена. Но тебе не надо переутомляться. Ты чересчур много работаешь.

Джим (*устало поднимается, идет к столу и садится*). Да, знаю. Но зато теперь я сдам все экзамены. У меня уже нет этой проклятой неуверенности в себе. Я за год делаю больше, чем в юридической школе проходят за два. Это ведь здорово, правда?

Хэтти (*не очень уверенно*). Конечно, Джим...

Джим (*силы у него на исходе*). Если б только справиться с усталостью... Мне очень трудно. Я измучился, совсем не сплю. Думаю, думаю без конца. Голова у меня болит, мысли жгут меня, жужжат как пчелы, летая назад и вперед. Иногда мне кажется, что я схожу с ума.

Хэтти (*внимательно наблюдавшая за братом, решается наконец на откровенность*). Джим, доктор не все тебе сказал.

Джим (*мрачно*). Что же он утаил?

Хэтти. Он сказал мне, что ты сам тоже, того и гляди, свалишься, если не займешься своим здоровьем.

Джим (*утомленно*). Пусть! Мне все равно. Может, если я заболею, ей станет лучше. Только уж слишком много невзгод на одну семью. (*Пытается улыбнуться.*)

Хэтти (*торопливо*). Джим, умоляю: не вбивай это себе в голову.

Джим. Я очень устал, и у меня плохое настроение, только и всего.

Долгая пауза.

Хэтти. И еще кое-что я должна сказать тебе, Джим...

Джим (*вяло*). Что еще?

Хэтти. Доктор сказал, Элла, по-видимому, не скоро поправится.

Джим. Он и мне это говорил. Сказал: пройдет много времени, прежде чем она вернется к нормальному состоянию. Что же, надо набраться терпения.

Хэтти (*медленно*). На ее выздоровление надеяться нечего — вот что он сказал.

Долгая пауза.

Джим (*уклоняясь от прямого ответа*). Я приглашу к Элле других докторов — настоящих специалистов. А этот просто старый дурак.

Хэтти. Будь благоразумным, Джим. Взгляни правде в глаза — и чем раньше, тем лучше.

Джим (*с раздражением*). Я лучше всякого доктора знаю, что с Эллой.

Хэтти (*настойчиво*). Устрой се в хороший санаторий, Джим. Там она скорее поправится.

Джим. Никогда! Она там умрет от стыда.

Хэтти. По крайней мере пусть она побудет в санатории, пока ты не сдашь экзамены.

Джим. К черту экзамены!

Хэтти. Всего на шесть месяцев, Джим. Это не такая уж долгая разлука.

Джим. Ты что, хочешь, чтобы мы расстались? *(Встает; гневно.)* Уходи! Сейчас же уходи!

Хэтти *(спокойно)*. Не уйду. *(Резко.)* Нужно наконец, чтобы кто-нибудь сказал тебе правду. Только одна я решаюсь на это. *(Настороженно.)* Скажи, Джим, ты слышал, что она говорит в бреду?

Джим *(вздвинув)*. Нет.

Хэтти. Неправда, Джим. Ты не мог не слышать, если, конечно, не затыкал себе уши. Доктор сказал—у нее маниакальное состояние... Оно может углубиться, и это опасно для тебя, Джим. Дальше так жить нельзя... Ты тоже кончишь сумасшествием. Сегодня она металась и кричала: «Черномазая! Черномазая!» Она кричала—ты отравил ее и кожа у нее поэтому тоже становится черной.

Джим *(с болью в голосе)*. Это она только тогда, когда не помнит себя.

Хэтти. И потом она вдруг обругала меня проклятой черномазой.

Джим. Не верю! Не могла она так сказать. Не могла!

Хэтти. Она сказала, и не один раз. *(Мучительная пауза.)* Она скоро и тебя назовет так.

Джим *(с душевной мукой)*. Эти слова вырвались против ее воли. Она же не отвечает за то, что говорит.

Хэтти. Знаю, но это как раз не имеет значения. То, что она сказала, не выходит у нее из головы, это засело глубоко.

Джим. Глубоко в сознании людей ее расы, но не у нее.

Хэтти. Не уверена, что есть какое-то различие. А в моем сознании, в сознании людей моей расы копится возмущение. Джим. Я не могу больше терпеть. Не могу больше ухаживать за ней. Я боюсь, за себя боюсь. Порой я способна убить ее, чтобы освободить тебя. *(Она больше не в силах сдерживаться и начинает плакать.)*

Долгая пауза.

Джим *(печально)*. Да... Тебе лучше уйти от нас. Прощай.

Хэтти. Кто будет ухаживать за ней? Белая?

Джим. Элла не допустит к себе белую—умрет со стыда. Я сам буду ходить за ней.

Хэтти. И бросишь заниматься?

Джим. Буду делать и то и другое.

Хэтти. Не сможешь, ты свалишься. Ты и сейчас выглядишь ужасно, а это только начало.

Джим. Я все для нее сделаю. У нее никого нет, кроме меня. Я докажу—я достоин ее. Она сможет гордиться мной. Докажу, я действительно самый белый из всех белых.

Хэтти (*уязвлена словами брата, с горечью и возмущением*). Так вот что она внушила тебе! Эх ты, слабовольный глупец, предатель своей расы! И в благодарность она назовет тебя грязным черномазым. Ты сам услышишь, она проклинает тебя за то, что не может иметь ребенка. Бойтся—ребенок будет черным.

Джим (*в бешенстве*). Замолчи!

Хэтти. Я скажу все, даже если ты убьешь меня. Отправь ее в психиатрическую больницу, не то вы оба гуда попадете.

Джим (*с диким смехом*). Воображаешь, я страшусь этого? Напротив—может, нам будет там лучше. Может, нам понравится там. Да, понравится. (*Хохочет.*)

Хэтти (*испуганно*). Джим!

Джим. Мы будем вместе! Можешь грозить мне геенной огненной—не страшно, если мы будем вместе. Для меня это райское блаженство. (*С бешенством.*) Убирайся! Ты все время стараешься разлучить нас. Уходи!

Хэтти. Я хочу тебе добра.

Джим. Не надо мне такого добра. Мне хорошо только с ней. У меня нет никого, кроме нее. Пусть она зовет меня черномазым! Пусть говорит: я самый белый из всех белых! Я все для нее. Она все для меня. А ты убирайся—с твоей дурацкой болтовней о белой и черной расе! Куда же деваться просто людям? Для тебя все нипочем! Ты готова запереть ее в сумасшедший дом и зашвырнуть ключи подальше! (*Вне себя.*) Убирайся! Еще и этот доктор—он тоже собирается нас разлучить! Я захопну дверь перед его носом, и мы с ней будем жить взаперти. Убирайся! Немедленно!..

Хэтти (*в смятении*). Джим!

Джим (*осторожно выпроваживает ее и захлопывает за ней дверь. Устало*). Уходи! Мне нужно заниматься. Нужно ухаживать за Эллой. Буду делать и то и другое. Я все смогу ради нее. (*Садится за стол и, раскрыв книгу, снова начинает монотонно повторять что-то из учебника, ударяя себя кулаком по лбу.*)

Бессшумно ступая босыми ногами, входит Элла. Поверх ночной сорочки на ней надет красный халат. В правой руке зажат кухонный нож. Она смотрит на Джима безумными глазами, крадется к нему. Улышав

шорох, Джим быстро вскакивает и поворачивается. Увидев Эллу, он вскрикивает и хватается ее за руку. Она замирает.

Элла! Что с тобой? Боже мой! Ты собиралась убить меня?

Элла молчит, он трясет ее за плечи.

Элла (*жалобно*). Они все бранили меня... Не могу сказать как... И вот, Джим, я схватила нож...

Джим. Смотри сюда — этот...

Элла (*с испугом смотрит на нож*). Где я? Я видела страшный сон... Куда они все делись?.. Нет... как я сюда попала? (*Разражается плачем, как ребенок.*) О Джим, никогда не оставляй меня одну! Мне снятся такие ужасные сны, Джим. Обещай, что ты никуда от меня не уйдешь!

Джим. Обещаю, дорогая.

Элла (*ребячливо*). Я твоя маленькая девочка... а ты мой старей-старей дядюшка Джим. Ты не поиграешь со мной?

Джим. Конечно, дорогая. А теперь иди ложись.

Элла (*так же*). Хорошо, дядя Джим. (*Поворачивается к двери.*)

Джим делает вид, что начинает читать.

(*Смотрит на него; и вдруг говорит нормальным голосом.*) Ты очень много занимаешься, Джим?

Джим. Да, дорогая. Иди ложись. Тебе надо отдохнуть, ты же знаешь!

Элла (*смотрит на него. В ней борются противоречивые чувства. Лицо внезапно искажается, становится злым, в глазах появляется выражение ненависти. Она больше не может сдержать себя и кричит*). Проклятый черномазый! Черномазый!..

Джим (*вздрагнув, точно пронзенный болью*). Элла! Ради бога! Элла!..

Элла (*придя в себя, поняв, что произошло нечто ужасное*). Джим! Джим! Почему ты на меня так смотришь!

Джим. Ты что мне сказала?

Элла (*пытаясь вспомнить*). Я... я сказала, помню... я сказала... ты много занимаешься, Джим... Ты на это рассердился, Джим?

Джим. Нет, дорогая. Что ты! Иди ложись.

Элла (*покорно*). Хорошо, Джим. (*Скрывается за портьерами.*)

Джим смотрит в пространство невидящим взглядом.

(Внезапно высовывает голову из-за портьер. Лицо ее снова безумно.) Черномазый! (Скрывается; слышно, как она убегает со злобным, жестоким смехом: она удовлетворена.)

Джим опускает голову, он потрясен, готов разрыдаться.

Картина третья

Спустя полгода. Весенний вечер. Только что село солнце. В окно той же комнаты, где происходили и две предыдущие сцены, льется слабый сумеречный свет, освещая на этажерке конголезскую маску. Признаки упадка и запустения теперь еще заметнее, чем полгода назад; стены облезли, потолок, того и гляди, обрушится. Мебель выглядит еще более громоздкой. На письменном столе — сложенные одна на другую книги по юриспруденции.

Справа, осторожно ступая босыми ногами, входит Элла, держа в руке кухонный нож. Вид ее вызывает сострадание, она похудела, лицо измождено, красный халат грязен и потрепан. Движения Эллы резки и порывисты, глаза горят безумным огнем. Она подозрительно оглядывается вокруг, затем подходит к этажерке и, подбоченясь, вызывающе насмешливо, но не без страха глядит на конголезскую маску.

Элла. Подожди, теперь я над тобой потешусь. *(Доверительно.)* Он вообразил, что я заснула. Звал меня: «Элла, Элла»... а я лежала с закрытыми глазами, притворилась, что сплю, даже храпела немножко. Так и одурачила его! *(Смеется хриплым смехом.)* Наконец-то он оставил меня одну, первый раз за все эти месяцы. Я бы рада каждый день с тобой разговаривать, да вот видишь — удалось только сейчас. *(С внезапной вспышкой злобы, подняв нож.)* А, черномазый, ты скалишь зубы? Как смеешь смеяться надо мной? Забыл, кто ты? Так всегда с вами бывает. Стоит хоть раз отнестись к вам хорошо, обращаться с вами прилично, у вас тотчас голова кругом пойдет. Вы сразу начинаете бог знает что воображать о себе! Расхаживаете повсюду с важным видом. Просто на улицу нельзя выйти, повсюду одни черномазые. Снуют взад-вперед, скалят зубы, в школах учатся, думают — они ровня белым. Экзамены всякие держат! *(Остановливается, вспоминая что-то, внезапно ее осеняет догадка.)* Так вот куда он ушел... На почту... Ждет письма, что он... Но почему же он так долго не возвращается? *(Жалобно поет.)* Джим! *(С ужасом.)* А вдруг он выдержал? Вдруг выдержал? *(В бешенстве.)* Нет! Он не смог! Я убью его! Покончу с собой! *(С угрозой, к конголезской маске.)* Это ты во всем виноват! Ты! Сейчас я тебя... *(Умоляюще.)* Но зачем это тебе нужно? Зачем вредишь нам? Я же не сделала тебе ничего плохого. Почему же ты ненавидишь меня? Я вышла за него замуж, ты это помнишь? Так

оставь Джима в покое. А ты мешаешь ему быть счастливым, счастливым со мной... Ну а мне почему не даешь быть счастливой? Джим ведь белый, самый белый из всех людей. Ты свалился к нам неизвестно откуда и вмешиваешься в нашу жизнь. О, я черная! Черная! Как уголь черная. Ты отравил меня! Я не могу смыть эту черноту. Я ненавижу тебя, ненавижу! Оставь нас с Джимом в покое, не мешай нам быть счастливыми. *(Падает на стул Джима, бессильно уронив руки на стол.)*

Медленно отворяется дверь, ведущая в переднюю, и появляется Джим. Ввалившиеся глаза его красны от бессонных ночей. Он выглядит подавленным и разбитым. В руках раскрытое письмо.

Джим *(увидев Эллу, тихим, мертвым от усталости голосом)*. Дорогая, я думал, ты спишь.

Элла *(вздрагивает, резко поворачивается к мужу)*. Что это? Ты получил письмо?

Джим *(закрывает за собой дверь)*. Да. От экзаменационной комиссии при корпорации адвокатов. Из Нью-Йорка, из града благословенного! *(Последние слова произносит едва слышно, со смешком, в котором звучит ироническое сострадание к самому себе.)*

Элла *(быстро, с гибкостью хищного зверя вскочив со стула и держа за спиной нож, кричит со страхом, смешанным с ненавистью)*. Значит, ты... Ты выдержал? Тебя приняли?

Джим *(глядя на жену)*. Выдержал? Я? *(Начинает хохотать громко и звучно, как умеют хохотать негры, но в этом смехе и горе и издевка над собой.)* Господь с тобой, девочка! Как такая глупая мысль пришла тебе в голову? Сдал? Я? Джим, Черный Ворон? Чтобы негр, Джим Хэррис, стал членом корпорации адвокатов? Да ты просто умерла бы со смеху, если б такое случилось. Это же против закона природы, закона людей, закона справедливости. Пронзошли бы землетрясение и катастрофы, на человечество обрушились бы семь казней египетских, чудовища сожрали бы все деньги в банках! Начался бы новый всемирный погон, погасло б солнце. Бога сбросили б с небесного престола, и в мире воцарился б дьявол. *(Громко и злобно хохочет.)*

Элла *(с прояснившимся лицом)*. Так, значит, ты не прошел?

Джим *(в изнеможении, глупо смеется)*. Ну, разумеется, нет! Нет, конечно!

Элла *(с радостным криком швыряет со стола все книги, хватая Джима за руки и, как девочка, весело приплясывает)*. Джим, я это знала! Я знала, ты прова-

лишься! Я рада. Я так счастлива. Ты по-прежнему мой дядюшка Джим, я рада, рада!

Джим смотрит на нее сначала удивленно, потом с ненавистью. Она танцует вокруг него, Джим, сжимая кулаки, наблюдает за ней.

(Остановившись перед маской, торжественно кричит.) Получай! Что я тебе говорила? Говорила — потешусь над тобой? *(Начинает дико хохотать; хватая маску, кладет посередине стола и ножом пригвозждает ее к нему.)* Ха! Теперь кто из нас над кем смеется?

Джим *(с налившимися кровью глазами, хрипло)*. Дьявол! Белая дьяволица! *(Со страшным криком заносит над ней кулак.)* Дьяволица!

Элла *(смотрит на мужа глазами, полными ужаса)*. Джим!

При звуке ее голоса он овладевает собой, руки бессильно падают, голова опускается вниз.

(Дрожащим пальцем показывает на маску.) Теперь все в порядке, Джим. Она мертва. Дьявол мертв. Видишь. А если бы ты выдержал экзамен, он остался бы в живых. Тогда он вселился бы в тебя. И мне пришлось бы убить тебя, понимаешь? Не то он убил бы меня. А вот теперь я его прикончила! *(Похлопывает мужа по руке.)* Поэтому тебе нечего бояться.

Джим *(устало)*. Дай я сяду, Элла. Я устал. Я столько времени совсем не спал. *(Опускается на стул около стола.)*

Элла *(садится около него на пол и берет его за руку; лицо у нее хорошеет, становясь по-детски счастливым)*. Знаю, Джим. Это из-за меня. Я не давала тебе уснуть. Думала — если он выспится, он поверит в себя и обязательно сдаст экзамены. И тогда восторжествует дьявол!

Джим *(со стоном)*. Не надо, дорогая.

Элла *(с ребячливым смехом)*. Знаешь, зачем я таскала с собой этот нож? *(Нахмурясь.)* Я пугала тебя, чтоб ты не спал, чтоб не мог заниматься.

Джим. Я не боялся, что ты убьешь меня. Я боялся другого. Все думал — что они потом сделают с тобой!

Пауза.

Элла *(ребячливо)*. А господь простит меня, Джим?

Джим. Может быть. Он, может, и простит тебя за то, что ты надо мной согворила. Может, простит и меня за то, что я сделал с тобой. Но вот как он простит себя — этого мне не понять!

Элла. Я молилась, очень много молилась. Ты уходил на экзамен, я оставалась с сиделкой, закрывала глаза,

притворялась, будто сплю. А я молилась: господи, не дай Джиму выдержать.

Джим (*с рыданьем*). Не надо, дорогая, не надо. Ты делаешь мне больно.

Элла (*испуганно*). Что ты, Джим? Где?

Пауза.

Я больна, Джим. Знаешь, долго я не проживу.

Джим (*просто*). Тогда и я умру. Когда-нибудь... где-то там, может, мы будем счастливы. Но я хотел... здесь, в этой жизни... доказать тебе и себе... Стать полноправным членом адвокатской корпорации... чтобы ты могла гордиться мной. (*Замолкает, готовый вот-вот разразиться слезами.*)

Элла (*бодро*). Но, Джим, все позади. Теперь все будет хорошо. (*Щебеча.*) Я снова твоя девочка, Джим... а ты мой мальчик. Помнишь, как раньше, мы тогда были влюблены друг в друга. Я вымажу лицо ваксой—буду черной, как негритянка. А ты намажешься мелом—и у тебя будет белая кожа. Помнишь, мы делали так раньше? Давай поиграем снова в шарики, хочешь? Но не всегда ты будешь мальчиком, иногда ты будешь старым дядюшкой Джимом. Хорошо, Джим?

Джим (*соглашаясь с ней*). Хорошо, голубка.

Элла. Ведь у меня никого нет, только один ты! И я люблю тебя. (*Нежно и благодарно целует его руку.*)

Джим (*бросаясь на колени и поднимая к небу сверкающие глаза; с просветленным лицом*). Господи, прости меня, господи. Помоги мне стать достойным ее! (*Плачет, охваченный религиозным экстазом.*) Прости мне мое богохульство, господи! В горниле страданий очисти меня от себялюбия. Помоги стать достойным этого ребенка, которого ты даруешь мне взамен женщины, которую призываешь к себе.

Элла (*вскакивая с колен, взволнованно*). Не плачь, Джим! Не надо! Осталось очень мало времени, а мне хочется поиграть. Нет, ты не старый дядюшка Джим. Ты мой маленький мальчик. Знаешь, куколкой Краснощечкой будешь ты, а я Джимом Черным Вороном. Давай же поиграем!

Джим (*все так же взволнованно*). Милая... Милая моя, я буду играть с тобой у самых врат царства небесного!

Элла, смеясь, тянет его за руку, пытается поднять с колен.

Занавес

СТРАСТИ ПОД ВЯЗАМИ

Пьеса в трех действиях

Перевод
Ф. Крымко и Н. Шахбазова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эфраим Кэбот.

Симеон }
Питер } его сыновья.
Эбби }

Абби Патнэм.

Девушка.

Дна фермера.

Крипач.

Шериф и разный люд с соседних ферм.

Действие происходит в Новой Англии на ферме Эфраима Кэбота в 1850 году. Перед домом — каменная стена с деревянными воротами, за которыми — дорога в деревню. Дом еще в хорошем состоянии, поблекли лишь ставни, выкрашенные когда-то в зеленый цвет, да посерели стены от времени и непогоды. По обе стороны дома — два огромных вяза, они распростерли свои ветви над домом, как бы защищая его и подавляя одновременно. В них есть что-то от изнуряющей ревности, от эгоистической материнской любви. От каждодневного общения с обитателями дома в них появилось нечто человеческое. В ясную безветренную погоду они напоминают женщин, которые устало склонились над крышей и сушат волосы под лучами солнца. Когда же идет дождь — их слезы монотонно капаят на крышу и, скатываясь вниз, исчезают в гальке.

Тропинка от ворот, огибая правый угол, ведет к низкому крыльцу; на этой же стороне небольшая веранда. На втором этаже два окна — там спальни Эфраима Кэбота и его сыновей; на первом этаже — два окна побольше — это гостиная. Шторы на них всегда опущены. Рядом кухня.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Начало лета 1850 года. Все застыло в безветрии. В небе полыхает закат. Лучи уходящего солнца ярко высветили верхушки вяза, но дом, укрытый их ветвями, выглядит мрачным и призрачным.

Открывается дверь, и появляется Эбин; спустившись с крыльца, он останавливается и смотрит направо на дорогу. В руке у него колокол, которым он оглушительно звонит. Перестав звонить, поднимает голову и в каком-то недоуменном благоговении долго смотрит на небо.

Эбин. Господи, до чего красиво!

Ему двадцать пять лет. Он высок, мускулист, у него приятное, с правильными чертами лицо, выражающее непокорность и настороженность. Взгляд черных глаз — как у загнанного, но не покорившегося зверя. Каждый день для него — клетка, из которой он не в состоянии вырваться. У него черные усы и небольшая, чуть выходящая борода. На нем грубая одежда фермера. Полнобовавшись на закат и хмуро поглядев вокруг, он с остервенением плюет на землю и уходит в дом. С полевых работ возвращаются Симеон и Питер. Они значительно старше своего сводного брата — Симеону тридцать девять лет, Питеру тридцать семь. Братья такого же высокого роста, крепко сколочены, широкоплечи и тяжеловесны; на вид они простоватее, грубее Эбина, но хитрее и практичнее. Многолетний физический труд несколько ссутулил их. С ног до головы испачканные землей, пропахшие ею, они тяжело ступают в своих гяжелых сапогах, к которым прилипли комья грязи. Остановившись у дома, братья поднимают головы и смотрят на небо, опираясь на мотыги. Жестокое выражение их лиц смягчается.

Симеон (*восхищенно*). Как полыхает!

Питер. Да.

Симеон (*как бы думая о своем*). Восемнадцать лет пролетело.

Питер. Чего?

Симеон. Восемнадцать лет, как Джен умерла, жена моя.

Питер. Я и забыл.

Симеон. А я вот не могу; все вспоминаю да вспоминаю. Тоска грызет. Волосы какие у нее были длинные-предлинные, как лошадиный хвост, и желтые-желтые, чистое золото.

Питер *(безразлично)*. Да, преставилась. *(Молчание.)* А на Западе золото, Сим, золото.

Симеон *(все еще любясь закатом, отрешенно)*. В небесах-то как полыхает.

Питер. По всему, это — знак! *(Воодушевляясь.)* Золото на небе — золото на Западе; золотые врата. Калифорния... Золотой Запад — золотые россыпи, Сим!

Симеон *(в свою очередь воодушевляясь)*. Говорят, там золото под ногами — только подбирай. Прямо сокровища Соломона.

Еще некоторое время оба смотрят на небо, затем опускают головы.

Питер *(с горечью)*. А здесь — одни камни, камень на камне, строим каменные стены. Год за годом строим их для него — я, ты, Эбин. И все для того, чтобы он замуровал нас в них!

Симеон. Мы вкалываем, силы тратим, годы. Холим эту проклятую землю. *(Злобно топает ногой.)* А все доходы — ему.

Питер. Холили бы ее так в Калифорнии — по каждой борозде отваливали бы слитки золота!

Симеон. Калифорния далеко; почти на другом краю земли. А все же надо прикинуть...

Питер. Думаешь, легко бросить все это, ведь каждый клочок земли полит нашим потом.

Эбин выглядывает из окна кухни, прислушивается.

Симеон. Э-хе-хе! Может, он того... помрет скоро.

Питер. Кто знает?!

Симеон. А может, он уже... помер?

Питер. Трудно сказать.

Симеон. Уж два месяца, как от него ни слуху ни духу.

Питер. Вот в такой же вечер он и уехал. Ни с того ни с сего подхватился — и прямо на Запад... Что-то тут неладно... Он никогда не уезжал, разве что в деревню. Тридцать лет, а то и больше не покидал он ферму. С самой женитьбы на матери Эбина. *(После паузы, зло.)* А что, если объявить его сумасшедшим? Суд признал бы.

Симеон. Да он всех судей обведет вокруг пальца. Это ему раз плюнуть. И очухаться не успеют. Заморочит им

голову, и все тут. Нет, придется ждать, пока помрет.

Эбин (со злорадной усмешкой). Чти отца своего!

Симеон и Питер, вздрогнув, смотрят на брата.

(Ухмыляется; затем мрачно.) Я молюсь, чтобы он умер.

Они в изумлении смотрят на брата.

(Как ни в чем не бывало.) Ужин готов.

Симеон и Питер (вместе). Эх-эх!

Эбин (глядя на закат). До чего красиво, господи!

Симеон и Питер (вместе). Золото — там. На Западе.

Эбин. Где — там?

Симеон и Питер (вместе). В Калифорнии!

Эбин. Ха! (Смотрит на них отсутствующим взглядом, затем медленно говорит.) Ну ладно. Ужип стынет. (Скрывается на кухне.)

Симеон (облизывая пересохшие губы). Я голоден.

Питер. Копченной свиной пахнет.

Симеон. Свиная — это хорошо.

Питер. Свиная есть свиная!

Они идут, задевая друг друга, плечо к плечу, как два вола, которые торопятся в хлев — к отдыху и корму. Огибают дом справа и скрываются; слышен скрип открываемой двери.

Картина вторая

Гаснет закат, наступают сумерки.

Видна кухня, посередине стол, сколоченный из сосновых досок, на нем три тарелки, свеча, буханка хлеба и кувшин с водой. Четыре грубых деревянных стула. В правом дальнем углу плита, в центре задней стены плакат, на котором изображен корабль и напечатано крупным шрифтом: «КАЛИФОРНИЯ». Посуда развешана на гвоздях, вбитых в стену. Чисто, прибрано, но чистота эта — казарменная, не домашняя, здесь не чувствуется женской руки.

Симеон и Питер, протиснувшись на кухню, грузно опускаются на стулья. Эбин берет с плиты отварной картофель со свиной, ставит на стол и присоединяется к ним. Все трое едят, не произнося ни слова. Симеон и Питер — торопливо, как звери, Эбин — нехотя, без аппетита, изредка бросая на них неприязненные взгляды.

Симеон (неожиданно обращается к Эбину). Послушай! Ты не должен о нем так говорить.

Питер. Ты несправедлив.

Эбин. Что говорить?

Симеон. Ну молиться, чтобы он умер.

Эбин. А вы разве не молитесь?

Молчание.

Питер. Послушай! Он наш отец.

Эбин (лгостно). Но не мой!

Симеон. Вот ты— разве ты разрешил бы говорить о твоей матери такое, а?

Симсон гогочет. Питер ухмыляется.

Эбин (*побледнев*). С ним у меня нет ничего общего, а у него— со мной.

Питер. Подожди, доживешь до его лет.

Эбин. Я— в маму! Ее кровинка.

Симеон и Питер смотрят на Эбина с равнодушным любопытством.

Питер (*как бы вспоминая*). Слов нет, она была добрая и ко мне и к Симу. Хорошая была мачеха.

Симеон. Она была добра ко всем.

Эбин (*встает и в смущении неловко кланяется каждому из них*). Спасибо вам. Большое спасибо. (*Садится.*)

Питер (*после молчания*). Она и к нему была добра.

Эбин (*резко*). И в благодарность он убил ее!

Симеон (*философски*). Никто никого не убивает. Убивают обстоятельства. Вот так.

Эбин. Старик загнал ее до смерти.

Питер. Он и себя загоняет до смерти. И меня, и Сима, и тебя. Но все мы, как видишь, живы. Еще живы.

Симеон. Его что-то толкает на это.

Эбин. Когда-нибудь он ответит мне за все! (*Усмехнувшись.*) Интересно, что же это за загадочное «что-то», которое толкает его?

Симеон. Понять трудно.

Эбин. Может, его толкает то же, что вас толкает в Калифорнию?

Симеон и Питер смотрят на него с удивлением.

Но куда-то вы не уедете. Ни за каким золотом.

Питер. Кто знает!

Эбин. Где вы денег-то на дорогу достанете?

Питер. Мы можем и пешком. Если сложить все, что мы на этой ферме отшагали, до луны хватило бы!

Эбин. Вы не пройдете и половины пути, как индейцы с вас скальпы снимут.

Симеон (*с мрачным юмором*). Да мы сами с любого снимем!

Эбин (*упрямо*). Никуда вы не уедете, ждать будете, пока он умрет, чтобы получить свою долю.

Симеон (*после молчания*). Мы имеем на нее право.

Питер. Две трети принадлежит нам.

Эбин (*вскакивает*). Вам ничего здесь не принадлежит! Эту ферму он у моей матери оттяпал. Мать умерла, и теперь ферма— моя.

Симеон. Ты расскажи об этом старику, когда он объявится, ставлю доллар—он от смеха надорвется. *(Смеется; смех его похож на лай.)*

Питер *(смеется вслед за братом)*. Ха-ха-ха!

Симеон. Что ты имешь против нас, Эбин? Ты таишь на нас злобу, по глазам вижу—давно таишь.

Питер. Да, да!

Эбин. Может, и таю. *(Резко.)* Хоть бы разок за нее вступились. Он заставлял ее надрываться, а вы молчали. А ведь она вам столько добра сделала.

Симеон и Питер во все глаза смотрят на Эбина.

Симеон *(после молчания)*. Ну, Эбин, а скотину поить ведь надо было!

Питер. А плотничать!

Симеон. Пахать!

Питер. Убирать сено!

Симеон. Раскидывать навоз!

Питер. Полоть!

Симеон. Подрезать деревья!

Питер. Донть коров!

Эбин *(кричит)*. И возводить стену... камень за камнем... возводить, пока не окаменеют ваши сердца!

Симеон. Нам некогда было встречать в чужие дела.

Питер. А ты сам-то что—младенцем был? Чего сидел сложа руки?

Эбин. Я тогда не понимал, что к чему. Это уже потом уразумел—после того, как ее не стало. *(Пауза.)* О, я теперь понимаю ее, я на своей шкуре испытал ее страдания. Она приходит ко мне и днем и ночью—что бы я ни делал. Варю ли картошку, жарю ли свинину, пеку пироги, развожу огонь, выгребаю золу—она приходит, чтобы помочь мне. И стоит у плиты, глаза ее слезятся от дыма и чада, она плачет кровавыми слезами, как плакала при жизни. Не может она спокойно лежать в могиле—не привыкла отдыхать.

Симеон. Она никогда ни на что не жаловалась.

Эбин. Она слишком уставала. У нее не было времени, чтобы жаловаться. Вот что он сделал! *(Мстительно.)* Но рано или поздно я выскажу ему все, что о нем думаю, и буду кричать во весь голос! Мама еще отдохнет в могиле! *(Садится и замолкает.)*

Вновь Симеон и Питер смотрят на Эбина с нескрываемым любопытством.

Питер *(после молчания)*. Как думаешь, Сим, какого дьявола он уехал?

Симеон. А черт его знает! Я возвращался с поля—

вижу, выезжает из ворот. Лошадь надраена, сам одет с иголочки, щелкает языком, размахивает хлыстом. Хорошо помню — я заканчивал пахать, это в мае было, весной. Он поехал прямо на запад, навстречу золотому закату. «Куда собрался, отец?!» — кричу ему. Он придержал лошадь, посмотрел в мою сторону, глаза сверкнули змеиным блеском. Я даже подумал, что он того... пьян... «Не вздумайте удрать, пока я в отъезде», — сказал он.

Питер. Вот удивился бы, если бы знал, что мы хотим удрать в Калифорнию!

Симеон. Я ничего не ответил. А он посмотрел на меня как-то странно, устало и сказал: «Каждый день я слышу, как куры кудахчут и петухи орут. Я слышу, как томятся коровы, все вокруг словно оживает, и я больше этого выдержать не могу. Весной я чувствую себя проклятым. Как старый орешник, который скоро пойдет на дрова». Наверно, во взгляде у меня появилась надежда, потому что он добавил зло: «Ну-ну, не радуйтесь, я еще жив. Я поклялся прожить сто лет, и я проживу — назло всем. А сейчас, подобно пророкам, отправляюсь узнать промысел божий, уготованный мне весной. Давай-ка трудись», — сказал он еще и тронулся, что-то напевая. Я бы задержал его, если бы знал, что он трезв.

Эбин (с издевкой). Так уж и задержал бы! Ты боишься его. Он сильнее вас обоих.

Питер. Ну а ты? Ты что — Самсон?

Эбин. Я буду сильным. Я чувствую, как с каждым днем становлюсь сильнее и сильнее, в конце концов сила прорвется наружу. *(Встает, надевает пальто, шляпу.)*

Братья наблюдают за ним, перемигиваясь.

(Глядя в сторону.) Я ненадолго. Вернусь.

Питер. В деревню?

Симеон. К Минни?

Эбин (с вызовом). Да.

Питер (насмешливо). Нашел потаскушку!

Симеон (Питеру). Слышал? Сила растет в нем! Похоть в тебе растет, вот что.

Эбин. Минни красива!

Питер. Была красива! Лет двадцать назад.

Симеон. Кто угодно помолодеет, если изведет столько красок. Ей лет сорок, чтоб не соврать.

Эбин. Нет еще!

Питер. Если не сорок, то около того.

Эбин (с отчаянием). А ты откуда знаешь?

Питер. Все знают, если на то пошло, Сим знал ее, да и я потом...

Симеон. И отец может тебе порассказать кое-что. Он был первым.

Эбин. Отца?

Симеон (*ухмыляясь*). Да! Мы во всем его наследники.

Эбин (*еле сдерживая себя*). Более того, перецеголя-ли. (*Распахивает дверь*.) Я ей сейчас покажу!

Симеон (*Питеру, подмигивая*). Передумаешь, пока добежишь. Вон вечер какой! В такой вечер только целоваться!

Питер. Передумает, как пить дать.

Симеон и Питер громко кохочут. Эбин выбегает, хлопнув дверью. Сбежав с крыльца и обогнув угол дома, останавливается у ворот, смотрит на небо.

Симеон. Весь в старика.

Питер. Точная копия!

Симеон. Они перегрызут друг другу горло.

Питер. Да! (*Пауза. С тоской*.) Может, через год мы уже будем в Калифорнии.

Симеон. Возможно. (*Потягивается, зевает*.) Идем спать. (*Гасит свечу*.)

Братья уходят.

Эбин (*простирая руки к небу*). Сколько звезд, господа! Вон сверкает моя звезда, а вон там—его, и Симеона, и Питера, а там, вдали,—Минни. И все мы—на одном небосклоне. Что, если я и впрямь поцелую ее? Она ласкова, как сегодняшняя ночь, глаза ее как звезды, у нее горячие губы, нежные руки, и пахнет она, как свежевспаханное поле. Она прекрасна, господа! Она прекрасна, и мне нет дела—грешила ли она до меня и с кем грешила. Разве грех не сладостен и каждый из нас разве не грешен перед тобой, господа? (*Уходит по дороге*.)

Картина третья

Предраассветная тьма. Слева появляется Эбин. Ухмыляясь и что-то бурча себе под нос, направляется к крыльцу.

Эбин. Проклятый старый сквалыга!

Слышно, как он вошел в дом, поднялся по лестнице и стучится в спальню братьев.

Проснитесь!

Симеон (*спросонья*). Кто там?

Дверь распахивается, Эбин входит со свечой в руке. Освещается комната с покатым потолком. Она такая низкая, что только у задней стены можно стоять, выпрямившись во весь рост. Впереди двуспальная кровать Симеона и Питера. Позади складная койка Эбина.

Эбин (*улыбается несколько растерянню и вместе с тем злорадно*). Это я!

Питер (*зло*). Какого черта...

Эбин. Ха! У меня есть кое-какие новости для вас.

Симеон (*сердито*). Мог бы их попрिдержать до утра.

Эбин. Да и так уже утро! Слушайте-ка! Он снова женился.

Симеон и Питер (*вместе*). Кто? Отец?

Эбин. Взял себе особу лет этак тридцати пяти. Красивая, говорят.

Симеон (*потрясен новостью*). Брехня!

Питер. Кто тебе наболтал?

Симеон. Тебя разыграли, должно быть.

Эбин. За кого ты меня принимаешь? Вся деревня говорит! Эту новость принес проповедник из Нью-Довера. Наша новая мамаша из Нью-Довера, вот он все и знает. Он и сказал нашему проповеднику, что старик там женился.

Питер (*ошеломлен*). Ну и ну!

Симеон (*вторя брату*). Ну и ну!

Эбин (*садится на кровать; с ненавистью*). Порожденье ада! Это все назло нам—проклятый старый осел!

Питер (*задумчиво*). Да... Теперь все перейдет ей.

Симеон. Точно. (*Понуро.*) Ну что ж, если так...

Питер (*быстро*). Видит бог—так, Сим. А в Калифорнии—золото. Незачем нам тут оставаться, Сим.

Симеон. Я как раз об этом и думаю. (*Решительно.*) А что, если сегодня же утром и отправимся? А? Чего тянуть?

Питер. Меня это устраивает.

Эбин. Вы, наверно, пешком хотите?!

Симеон (*с издевкой*). Мы с большей охотой полетели бы, если бы ты одолжил нам крылья.

Эбин. Но лучше всего, пожалуй, на пароходе. Не так ли? (*Извлекает из кармана помятый лист бумаги.*) Подпишите это, и поплывете на пароходе. Я давно подготовил эту бумагу на случай, если соберетесь на Запад. Каждый из вас получит по триста долларов, если согласны свою долю продать мне. Ну?

Симеон и Питер с недоверием смотрят на бумагу. Молчание.

Симеон (*озадаченный*). Если он женился, то ферма...

Питер. Пусть он лучше скажет—откуда у него столько денег?

Эбин (*с хитрой усмешкой*). А я знаю, где они спрятаны. Давно знаю. мне еще мама сказала. Она знала, где они лежат. Это ее деньги, от ее фермы, он припрятал их от матери. Но праву они мои теперь!

Питер. Так где же они спрятаны?

Эбин (*все так же усмехаясь*). Ха! Там, где без меня вам не пойти. Мама однажды проследила за ним, а то так бы и не узнала...

Пауза. Все трое обмениваются недоверчивыми взглядами.

Ну так как?

Симеон. Не знаю.

Питер. Не знаю.

Симеон (*смотрит в окно*). Светает.

Питер. Пока что разведи огонь, Эбин.

Симеон. И дай чего-нибудь пожрать.

Эбин (*с наигранной сердечностью*). За этим дело не станет. С пустым желудком топать в Калифорнию трудно. (*Идет к двери и многозначительно добавляет.*) Но вам не обязательно топать, вы можете и пароходом. Все зависит от вас. (*Останавливается в дверях и ждет.*)

Братья смотрят на него.

Симеон (*подозрительно*). А где ты пропадал всю ночь?

Эбин (*с вызовом*). У Минни! (*Рассказывает не спеша.*) Сначала шел и все мечтал, как я ее целовать стану, потом вспомнил, что вы тут мне про него и про нее наговорили,— ну, думаю, Минни, покажу я тебе! Добрался до деревни— тут-то мне и преподнесли эти новостишки. Как узнал— совсем осатанел и бросился бежать к ней, уже ни о чем не думая. (*Замолкает. Затем нерешительно, но еще более вызывающе.*) Увидел ее и не поцеловал, и не отколотил... Ревел, как телок, и ругался. Был как бешеный... Она совсем струхнула... а я сгреб ее и повалил на спину. Она стала моей. (*Гордо.*) Я взял ее. Пусть была вашей, его, но теперь она моя!

Симеон (*сухо*). Влюбился, что ли?

Эбин (*высокомерно*). Любовь! Этого мне еще не хватало!

Питер (*подмигивает Симеону*). Я так думаю— он тоже собрался жениться.

Симеон. Что ж, она будет преданной женой для всех сразу!

Симеон и Питер хохочут.

Эбин. А мне-то что, была б пожарче да поласковей. Главное, что она не его, а моя! (*Идет к двери, потом*

оборачивается; протестующе.) Не такая уж она прона-
щая—есть куда хуже, держу пари. Поглядим на эту
корову, которую старик подцепил. Уж она-то переплюнет
Минни, попомните меня!

Симеон *(его вдруг словно осенило)*. А может, ты и
нашу новую мамашу тоже того... на спину?

Питер. Ха! *(Гнусно хохочет.)*

Эбин *(плюет от омерзения)*. Тьфу! Ее... здесь... а она
будет спать с ним... и прибираться к рукам ферму моей
матери! Да я уж скорее вонючку или гадюку поцелую.
(Уходит.)

Симеон и Питер подозрительно смотрят Эбину вслед, прислушиваются к
его удаляющимся шагам. Пауза.

Питер. Пошел разводиться огонь.

Симеон. Я бы предпочел смыться в Калифорнию,
хотя...

Питер. А может, это Минни все выдумала? Она его
надоумила?

Симеон. Может, все это вранье насчет женитьбы?
Лучше уж подождать и поглядеть на новобрачную.

Питер. Пока сами не убедимся, и подписывать ничего
не будем.

Симеон. Да и насчет денег надо еще проверить.
(Улыбается.) Ну а если старик и впрямь кого под-
цепил, продадим Эбину то, чего у нас никогда и не
было.

Питер. Поживем—увидим. *(Неожиданно разбуше-
вавшись.)* И пока он не вернется—палец о палец не
ударим! Пусть Эбин убивается, если хочет. Будем есть,
нить и отдыхать вволю. И ну ее ко всем чертям, эту
проклятую ферму!

Симеон. Черт возьми, мы заслужили отдых! Хоть
раз поиграем в богачей. Буду валяться в постели до
самого завтрака.

Питер. Покуда стол не накроют.

Симеон *(после молчания, задумчиво)*. Какая она,
наша новая мамаша? Как ты думаешь? Такая, как говорит
Эбин? А?

Питер. Похоже!

Симеон. Тогда пусть она окажется дьяволом в юбке,
чтоб ему захотелось поскорее помереть и провалиться в
ад, где ему будет спокойнее.

Питер *(с жаром)*. Аминь!

Симеон *(подражая отцу)*. «А сейчас, подобно проро-
кам, отправляюсь узнать промысел божий, уготованный
мне весной...» Готов поспорить, он уже тогда знал, что
отправляется блудить, вонючий лицемер...

Картина четвертая

Кухня. Предраассветная ночь. На столе зажженная свеча. Симеон и Питер заканчивают завтрак. Эбин сидит задумавшись, к еде он не притрагивался.

Питер (*взглянув на Эбина, с некоторым раздражением*). Думай не думай — что толку!

Симеон (*с издевкой*). Похоже покою не даст.

Питер. А Миши что, у тебя первая?

Эбин (*зло*). Не твое дело! (*Пауза.*) Я о старике думаю. Сдается мне, что он близко где-то. Я чувствую, как чувствуешь приближение малярийного озноба.

Питер. Если он и появится, то не в такую рань.

Симеон. Как сказать! Может, он задумал поймать нас врасплох. Посмотреть, чем мы тут занимаемся.

Питер (*инстинктивно поднимается со стула*). Надо идти.

Симеон встает вслед за Питером. Оба гасятся к двери, но спохватываются.

Симеон. Дурак ты, Пит. А я и того хуже. Пусть видит, что мы не работаем.

Возвращаются к столу.

Питер. Правильно. Ну его к черту, пусть видит, чем мы тут занимаемся.

Садятся. Эбин во все глаза смотрит то на Симеона, то на Питера.

Симеон (*Эбину*). Пропади все пропадом!

Питер. Нечего вкалывать да пресмыкаться перед ним. Пусть катится ко всем чертям!

Симеон (*Эбину*). Ты говорил, что хотел бы быть единственным хозяином тут — что же, можешь стать!

Питер. Вон коровы надрываются. Сходил бы подоил.

Эбин (*радостно*). А вы что — согласны подписать бумагу? Да?

Симеон (*сухо*). Может быть.

Питер. Может быть.

Симеон. Нам надо обдумать. (*Повелительно.*) А ты иди-ка потрудишься.

Эбин (*возбужденно*). Теперь это опять мамина ферма! И моя! Мои коровы! Я буду сам, своими руками доить их! (*Уходит через дверь в глубине.*)

Симеон (*после молчания*). Вылитый отец.

Питер. Копия.

Симеон. Они перегрызут друг другу горло. Как собаки.

Эбин спускается с вершины, заворачивает за угол дома. Небо начинает розоветь.

Эбин (останавливается у ворот и смотрит вокруг жадным и восхищенным взглядом). Красиво, черт возьми! До чего красиво! (Поднимает глаза — будто бросая вызов небу.) Моя ферма, слышишь? Моя! (Поворачивается и идет вглубь, к коровнику.)

Симеон и Питер закуривают трубки.

Симеон (кладет ноги в грязных сапогах на стол, откидывается на спинку стула и глубоко затягивается). Хоть разок понежимся!

Питер. Хоть разок. (Подражает действиям брата.)

Пауза. Оба вздыхают.

Симеон (вдруг). А ведь он никогда не умел доить коров!

Питер (фыркнув). У него не руки — копыта.

Пауза.

Симеон. Ну-ка, достань ту бутыль. Глотнем, что ли. Что-то внутри сосет.

Питер. Это мысль! (Берет с полки бутыль, два стакана и наливает виски.) За золото в Калифорнии!

Симеон. За удачу!

Они пьют, отдуваются, вздыхают, потом убирают ноги со стола.

Питер. Что-то не действует.

Симеон. Никогда так рано мы не прикладывались.

Молчание. Им явно не по себе.

Питер. Душно что-то тут!

Симеон (с облегчением). Пойдем подышим.

Они выходят, огибают дом, останавливаются у ворот и, онемев от восторга, смотрят на небо.

Питер. Красиво!

Симеон. Да.

Питер. Солнце, как и мы, спешит на золотой Запад.

Симеон (не в силах скрыть охватившее его вдруг волнение). Может, это последнее наше утро здесь.

Питер. Да, может быть!

Симеон (топнув ногой о землю и обращаясь к ней). Тридцать лет я питал тебя своим потом и кровью. Тридцать лет зарыл я в тебе, потом и кровью полил каждый клочок твой, надрывался. Удобрял тебя. Навозом, прости господи, — вот чем был для тебя я.

Питер. Да и я тоже.

Симеон. Да, Питер, и ты. (Вздыхает, затем сплевывает.) Ладно, по пролитому молоку не плачут!

Питер. А на Западе—золото! И свобода, бог даст. Здесь мы были рабами этих каменных стен.

Симеон (*с вызовом*). Ничьи и никакие не рабы мы больше. (*Помолчав, с беспокойством.*) Уж коли о молоке вспомнили—как-то там у Эбина?

Питер. Наверно, доит.

Симеон. Наверно, надо б помочь. Уж ладно.

Питер. Может, и надо. Коровы к нам привыкли.

Симеон. И любят нас. Они его мало знают.

Питер. Да. И лошади, и свиньи, и куры. Они его мало знают.

Симеон. Они знают нас, как родных, и любят. Это мы их поставили на ноги, мы их выходили.

Питер. Нет у нас теперь ничего!

Симеон (*ему становится грустно*). Я и забыл. (*Вздыхает.*) Ну что ж, давай напоследок поможем Эбину, и ходу отсюда!

Питер. Давай.

Направляются к коровнику, но появляется Эбин, он, видимо, бежал, еле переводит дыхание.

Эбин (*крайне возбужден*). Они едут! Едут! Старый осел и его новобрачная. Я заметил их из коровника. Они внизу, за поворотом.

Питер. Как ты их разглядел так далеко?

Эбин. Я ведь не близорукий, не то что он. Не узнаю, что ли, нашу кобылицу и коляску? Не различу в ней двоих? А кто, кроме них, сюда поедет... И потом я чувствую их приближение. (*Томится от нетерпения.*)

Питер (*сердито*). Не двинусь с места, пусть сам распрягает лошадь.

Симеон (*тоже сердито*). Надо поторапливаться. Собрать пожитки—да ходу, как только он объявится. Не желаю я входить в дом после его возвращения.

Направляются к дому.

Эбин (*обеспокоен*). Так вы подпишете бумагу до ухода?

Питер. Деньги—на бочку, тогда и подпишем.

Симеон и Питер поднимаются вверх укладывать вещи. Эбин торопливо входит в кухню, выглядывает из окна, затем подходит к плите и опускается на колени. Приподняв половицу, он извлекает холщовый мешочек, швыряет его на стол. Едва успевает привести все в порядок, как на пороге появляются братья. Каждый из них держит в руках по старому саквяжу.

Эбин (*кладет руку на мешочек*). Подписали?

Симеон (*показывает бумагу*). Вот. (*Кивает на стол.*) Деньги?

Эбин (*высыпает деньги на стол*). Здесь тридцать монет по двадцать долларов. Считайте.

Питер (*перебирает монеты, одну-две пробует на зуб, составляет из них столбики*). Шесть сотен. Ровно. (*Сбрасывает столбики в мешочек и заботливо прячет его за пазуху.*)

Симеон (*протягивает Эбину бумагу*). Держи.

Эбин (*взглянув на бумагу, бережно складывает ее, также прячет за пазуху*). Спасибо.

Питер. И тебе спасибо.

Симеон. На рождество мы пришлем тебе кусочек золота.

Симеон и Питер топчутся на месте, не решаясь уйти.

Питер. Ну, мы пошли.

Симеон. Ты выйдешь нас проводить?

Эбин. Нет. Я встречу их здесь.

Братья нерешительно направляются к двери и останавливаются.

Симеон. Тогда прощай.

Питер. Да, Эбин, прощай.

Эбин. Прощайте.

Симеон и Питер уходят. Эбин садится за стол, извлекает бумагу, поворачивается к печке и рассматривает ее. На лице его, освещенном солнцем через окно,—отрешенное выражение. Губы шевелятся—он читает. Тем временем Симеон и Питер выходят за ворота.

Питер (*смотрит на коровник*). Вон там и распряжет...

Симеон (*посмеиваясь*). Бьюсь об заклад—влип старик.

Питер. Да и она тоже.

Симеон. Давай подождем и посмотрим, какая она, наша новая мамаша.

Питер (*усмехаясь*). И поцелуем его на прощанье?

Симеон (*тоже смеясь*). Ноги мои так и просятся в пляс. Сейчас лопну от смеха.

Питер. И я.

Симеон. Думаешь, это потому, что мы выпили?

Питер. Нет. Ноги сами несут меня вдаль, им хочется прыгать...

Симеон. И плясать?

Пауза.

Питер (*в замешательстве*). Прямо удивительно!

Симеон (*лицо его светится*). Уроки кончились—начались каникулы. Впервые в жизни мы свободны!

Питер. Даже не верится.

Симеон. Узда лопнула, преграды пали, каменные стены рухнули. Делай что хочешь!

Питер (*глубоко вздохнув, с нафосом*). Плевать мне, кому достанется эта треклятая ферма, эти груды камней. Берите, нам не надо!

Симеон (*снимает калитку с петель*). Разобьем эту калитку и все калитки на свете.

Питер. Лучше заберем ее с собой и по дороге сбросим в реку—на счастье, пусть плывет.

Слышен стук копыт, скрип колес. Симеон и Питер замирают на месте.

Входят Эфраим Кэбот и Абби Патнэм.

Эфраиму Кэботу семьдесят пять. Он высок, сухощав, жилист, в нем чувствуется большая сила, только гяжелый труд несколько ссутил его. У него суровое, как бы высеченное из камня лицо, но что-то выдает в нем слабость и мелочное тщеславие. Маленькие, близко посаженные глаза постоянно сощурены, их взгляд цепок и пристален: Кэбот близорук. На нем глухой черный выходной костюм. Абби Патнэм миловидная, полная сил женщина лет тридцати пяти. У нее красивое лицо, но его портит явная чувственность. Твердо очерченный подбородок говорит о внутренней силе и упорстве, взгляд решителен, и в то же время во всем ее облике сквозят беспокойство, необузданность и какая-то отчаянность—свойства, столь отчетливо проступающие и в характере Эбина.

Кэбот (*старается сдержать охватившее его волнение; сухим, надтреснутым голосом*). Вот мы и дома, Абби.

Абби (*с чувством*). Дома! (*Жадным взглядом окидывает дом, не замечая застывших в стороне Симеона и Питера.*) Красиво! Даже не верится, что этот дом—мой.

Кэбот (*резко*). Твой? Мой! (*Пристально смотрит на Абби.*)

Она выдерживает его взгляд.

(*Смягчившись.*) В крайнем случае—наш. Я чувствовал себя одиноким здесь. Особенно весной. Этому дому нужна женщина.

Абби (*совладала со своим голосом*). А женщине нужен дом!

Кэбот (*кивает неопределенно головой*). Так. (*Вдруг раздраженно.*) Куда все пропали? Почему так тихо? Почему они не работают?

Абби (*замечает братьев. Встретив их холодный, оценивающий взгляд, говорит медленно*). Вон два борова у ворот глазуют на меня, вместо того чтобы работать.

Кэбот (*напрягая зрение*). Это кто? Кажется...

Симеон. Это я—Симеон.

Питер. А это я—Питер.

Кэбот (*взрываясь*). Почему не работаете?

Симеон. Мы вышли приветствовать тебя, отец. Тебя и новобрачную.

Кэбот (*несколько смущенно*). А? Да-да... Это ваша новая мать, мальчики.

Абби смотрит на братьев, они на нее.

Симеон (*отрачивается и презрительно сплевывает*). Вижу.

Питер (*следует примеру брата*). Я тоже.

Абби (*с чувством превосходства*). Я пойду. Мне не терпится осмотреть мой дом. (*Медленно уходит по тропе.*)

Симеон (*с издевкой*). Ее дом!

Питер (*вслед Абби*). Если там встретите Эбина, поостерегитесь говорить ему, что дом ваш!

Абби (*вызывающе*). Эбин? И Эбину скажу!

Кэбот (*с презрительной усмешкой*). Эбин придурок, ты не обращай на него внимания, весь в мать.

Симеон (*язвительно смеется*). Ха! Он весь в тебя, старик. Точная копия, твердый орешек. Он перегрызет тебе горло, дай срок.

Кэбот (*повелительно*). А ну, за работу!

Симеон (*после ухода Абби подмигивает Питеру; насмешливо*). Ну, Питер, как тебе нравится наша новая мамаша? Где ты ее подцепил, старик?

Симеон и Питер смеются.

Питер. Ты напрасно впустил ее в дом. Ес бы в хлев. Одной свиньей больше.

Симеон и Питер шлспают себя по ляжкам и покатываются со смеху.

Кэбот (*так опешил от их наглости, что заикается*). Симеон! Питер! Вы что-о?.. Напились?

Симеон. Мы свободны! Освободились и от тебя, и от этой проклятой фермы!

Питер. Уходим мы. Нас ждут золотые россыпи Калифорнии.

Симеон. Можешь хоть спалить все тут.

Питер. Пропади все пропадом.

Симеон. Мы свободны, старик. (*Куражится.*)

Питер (*приплясывая*). Свободны!

Симеон и Питер, издавая нечленораздельные звуки, пляшут вокруг Кэбота воинственный танец индейцев. Кэбот разъярен, однако опасается — не сошли ли они с ума.

Симеон. Мы свободны. Радуйся, что мы не скальпируем тебя!

Питер. Не поджигаем твою ферму и не убиваем скот!

Симеон. И не насилуем твою новую жену. У-оп!

Они в изнеможении останавливаются, хохочут.

Кэбот (*сторонясь их*). Помешались на золоте. Погубит оно вас, только грех от него.

Симеон (*насмешливо*). А может, ты хочешь, чтобы мы прислали тебе этого самого золота? Признавайся, старый греховодник, хочешь, а?

Питер. Золото есть не только в Калифорнии. (*Отходит в сторону, чтоб старик его не видел, извлекает из-за пазухи мешочек с золотыми монетами, подбрасывает в воздух.*)

Симеон. И такое же греховное.

Питер. Мы сядем на пароход. У-оп!

Симеон. И поплывем навстречу свободе. У-оп!

Кэбот (*в ярости кричит*). Будьте вы прокляты!

Симеон. Мы не боимся твоих проклятий. У-оп!

Кэбот. Я упрячу вас в дом умалишенных!

Питер. Прощай, скряга!

Симеон. Кровопийца, прощай!

Кэбот. Вон отсюда!

Питер. У-оп! (*Поднимает с земли камень.*)

Симеон (*следует примеру брата*). Мамаша, должно быть, в гостинной.

Питер. Раз-два...

Кэбот (*в страхе*). Опомнитесь!

Питер. Три!

Симеон и Питер одновременно швыряют камни в окно гостинной — стекло разлетается вдребезги.

Кэбот (*в ярости*). Я доберусь до вас и переломлю вам кости!

Те отступают перед ним, дурачась. Они скрываются за воротами, преследуемые Кэботом. Симеон уходит, унося под мышкой калитку.

Кэбот возвращается, бессильный гнев душит его.

Голоса Симеона и Питера из-за ворот. Они поют песню золотоискателей на мотив старинной песни «О Сюзанна!»:

Вперед чрез горы и моря,
Там золото нас ждет.
В лотке намоет кто его —
Тот счастье обретет.
О Калифорния,
Любимая моя!
К тебе, о Калифорния,
Душой стремлюся я.

На втором этаже в спальне справа открывается окно, и выглядывает Абби.

Абби (*смотрит на Кэбота: с удовлетворением*). Слава богу, мы видим их, кажется, в последний раз.

Тот не отвечает.

(Продолжает тоном собственности.) Здесь очень мило. Чудесная кровать. Это моя комната, Эфраим?

Кэбот *(не поднимая головы, мрачно)*. Наша.

Она не может скрыть гримасу отвращения и захлопывает окно.

(Неожиданно его осеняет.) Они что-то натворили! Может, отравили скот. Или еще что. *(Сорвавшись с места, бежит к коровнику.)*

Дверь на кухню открывается, входит Абби. Эбби сидит задумавшись. Она останавливается в дверях, смотрит на Эбина, оценивая его. Его молодость и приятная внешность пробуждают в ней смутное желание. Почувствовав присутствие постороннего человека, Эбби поднимает голову. Их взгляды встречаются. Эбби вскакивает, молча и сердито смотрит на нее.

Абби *(очень милым голосом)*. Тебя зовут Эбин, не так ли? А я — Абби. *(Улыбается.)* Что ж, я твоя новая мать, Эбин.

Эбби *(зло)*. Будьте вы прокляты!

Абби *(как бы не слыша его слов)*. Твой отец много рассказывал о тебе...

Эбби. Ха!

Абби. Не надо на него сердиться, он старый человек.

Долгая пауза. Они смотрят друг на друга.

Я не хочу разыгрывать перед тобой мать, Эбин. *(С восхищением.)* Ты такой большой, сильный. Хорошо бы нам подружиться. Может быть, тогда тебе будет легче дышать в этих стенах. Я даже попытаюсь наладить твои отношения с отцом. *(С сознанием собственной власти.)* Он мне ни в чем не откажет.

Эбби *(горько усмехнувшись)*. Еще бы!

Они смотрят друг на друга.

(Отводит глаза в сторону, он смущен. Боится попасть под влияние этой женщины и в то же время понимает, что не в силах не смотреть на нее — так она привлекательна. Поэтому он кричит.) Убирайтесь к черту!

Абби *(спокойно)*. Что ж, оскорбляй меня, если это доставляет тебе удовольствие. Ни на что другое я и не рассчитывала. Но я ни в чем тебя не виню. Окажись я на твоём месте, я, вероятно, испытывала бы то же самое. Если бы какая-то женщина захотела занять место моей матери... *(От нее не ускользает, что упоминание о матери заставляет Эбина вздрогнуть.)* Ты ее, наверное, очень любил. Я была совсем ребенком, когда лишилась матери. Почти ее не помню. *(Пауза.)* Твоя неприязнь, я думаю, скоро пройдет. Бывают и хуже меня, а у нас с тобой много общего. Я как только взглянула на тебя —

сразу это поняла. У меня была трудная жизнь—одни несчастья, и ничего взамен. Кроме работы. Осиротев, я должна была работать по чужим домам. Потом вышла замуж, он оказался алкоголиком, и мне опять пришлось идти по чужим домам. Потом умер ребенок, и мне казалось, что жизнь кончена. А когда умер муж, я даже обрадовалась—я снова обрела свободу, но вскоре поняла, что свободна я лишь спину гнуть в чужих домах. И уже потеряла надежду когда-нибудь трудиться в собственном доме. А потом... Потом явился твой отец.

Во двор медленно входит Кэбот, смотрит на дорогу, по которой ушли сыновья. Прислушивается,—издалека слышна песня о Калифорнии. Кулаки его сжаты, лицо сурово, полно злобы.

Эбин (*борясь с растущим влечением и симпатией, говорит резко*). Он явился и купил вас, как покупают проститутку.

Кровь бросается ей в лицо, обида душит ее. Рассказывая о своей жизни, она увлеклась и была искренна. И тем обиднее ей сейчас.

А цена какова? На чем сошлись? Что он дает? (*С яростью.*) Ферму? Ферму моей матери, будьте вы прокляты. Но она моя!

Абби (*насмешливо*). Твоя? Ну, мы еще посмотрим! (*С силой.*) А что, если мне на самом деле нужен дом? Мой дом! Ради чего еще я пошла бы за такого старика?

Эбин (*удовлетворенно*). Я передам ему. Слово в слово.

Абби (*улыбаясь*). А я скажу, что ты лжешь, он мне поверит. И выгонит тебя отсюда.

Эбин. Вы дьявол!

Абби (*торжествуя*). Это моя ферма... это мой дом... это моя кухня...

Эбин (*в ярости готов ударить ее*). Замолчите!

Абби (*подходит к нему вплотную, с трудом скрывая охватившее ее желание; медленно*). А наверху—моя спальня, и там—моя кровать.

Эбин сбит с толку, растерян.

(*С обезоруживающей откровенностью.*) Я никому не желаю зла... кроме врагов. Но если надо, я умю постоять за себя. (*Дотрагиваясь до его руки.*) Будем друзьями, Эбин.

Эбин (*стоит перед ней как загиннотизированный. Затем, как бы опомнившись, отдергивает руку*). Нет, старая ведьма. Я ненавижу вас! (*Убегает.*)

Абби (*смотрит ему вслед, удовлетворенно*). Ах, как

хорош! (*Переводит взгляд на стол; с гордостью.*) Что ж, примемся за мытье посуды. (*Улыбается.*) Моей посуды.

Эбин выходит из дому, хлопнув дверью. Останавливается, заметив отца. Во взгляде его — ненависть.

Кэбог (*простирая руки к небу, не в силах сдержать ярость*). Бог, всесильный бог, покарай непокорных моих сыновей!

Эбин (*кричит*). Ты! И твой бог! Только и знаете — проклинать людей да придирааться к ним.

Кэбот (*не обращая внимания на Эбина*). Я взываю к тебе, заступник сирых и покинутых!

Эбин (*насмешливо*). Иди к черту со своим богом!

Кэбот резко поворачивается, смотрит на Эбина. Они стоят друг против друга.

Кэбот (*неприязненно*). Вот ты, оказывается, какой! Надо бы мне раньше уразуметь. (*Грозит пальцем.*) Богохульствуешь, придурок?! Почему не работаешь?

Эбин. А почему ты не работаешь? Они ушли, я один. Я не могу работать за всех.

Кэбот (*с презрением*). Ты вообще ничего не можешь. Я хоть и стар, но таких, как ты, десятка стою! Из тебя никогда не получится мужчина. (*Повелительно.*) Ну-ка, пошли в коровник, пошевеливайся!

Отец и сын уходят. С другого конца деревни ветер доносит обрывки песни о Калифорнии.

На кухне Абби моет посуду.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Спустя два месяца. Жаркий воскресный полдень. Абби в парадном платье сидит на веранде в качалке. Она обессилела от жары, лениво раскачивается взад-вперед, полузакрыв глаза.

Эбин высовывается из окна своей комнаты. Он прислушивается, есть ли кто на веранде? И хотя он очень осторожен, Абби догадывается о его присутствии. Она перестает раскачиваться, лицо ее оживает, и она замирает в ожидании. Эбин чувствует, что она здесь, и злится, что все время думает о ней; он сплевывает и возвращается в комнату.

Абби не в силах унять охватившее ее волнение. Затянув дыхание, она слушает, что делается в доме. Наконец на веранде появляется Эбин. Их глаза встречаются. Эбин смущен, отворачивается и с силой хлопает дверью. Он хмурится, проходит мимо, стараясь не замечать ее. Одет он

в воскресный костюм, свежевыбрит, лицо его блестит от воды и мыла. Когда он проходит мимо Абби, она наклоняется вперед и вызывающе смеется.

Эбин (*уязвленный, оборачивается к ней; с раздражением*). Чего это вы раскудахтались?

Абби (*торжествуя*). Тебя увидела!

Эбин. Что во мне смешного?

Абби. Ты такой вылизанный, как бык на выставке, бык-призер.

Эбин (*насмешливо*). Сами-то не бог весть что, тоже мне красавица!

Смотрят друг другу в глаза. Они захлестнуты внезапным порывом страсти.

Абби (*мягко*). Ты же так не думаешь, Эбин. Может, ты и хотел бы, да не выходит. Это против природы! С самого первого дня, как мы встретились, ты борешься с ней, все стараешься убедить себя, что я не нравлюсь тебе. (*Не сводя с него глаз, тихо смеется и умолкает. Затем, призывно подавшись вперед, томно шепчет.*) Разве солнце уже остыло и не светит? Ты же чувствуешь, как оно опалает землю. Заставляет расти все вокруг, тянуться к нему. Опалило оно и твою душу, пробудило желание тянуться... Слиться с кем-нибудь. Ты противишься, но природа берет свое, заставляет тебя, как эти деревья, как эти вязы, стремиться к кому-нибудь.

Эбин (*пытается противостоять ее чарам; смущенно*). Если бы отец слышал ваши слова... (*Резко.*) Впрочем, вы так заморочили старику голову...

Абби (*смеется*). Разве тебе не легче от того, что он стал мягче?

Эбин (*с вызовом*). Нет. До сих пор я боролся с ним одним, теперь — и с ним и с вами. Я должен отстаивать права моей матери — мои права на этот дом. (*Освободившись от ее чар, распаляется.*) Меня вам не одурачить. Вы хотите заграбастать все, что тут есть. Только я — орешек не по вашим зубам, сами увидите. (*Отворачивается с усмешкой.*)

Абби (*пытаясь восстановить власть над ним, вкрадчиво*). Эбин...

Эбин (*хочет уйти*). Нам не о чем говорить.

Абби (*повелительно*). Эбин!

Эбин (*останавливается, грубо*). Что вам надо?

Абби (*стараясь скрыть растущее волнение*). Куда ты идешь?

Эбин (*с нарочитым безразличием*). Погулять.

Абби. В деревню?

Эбин (*беззаботно*). Возможно.

Абби. К Минни?

Эбин. Возможно.

Абби (*сражена*). Зачем она тебе?

Эбин (*мстительно*). Мы ведь не можем одолеть природы, так, кажется? (*Смеется, хочет идти.*)

Абби (*взрываясь*). Отвратительная старая потаскуха!

Эбин (*усмехаясь*). Она покрасивее, чем вы!

Абби. Каждый пьяница в округе может провести с ней ночь.

Эбин. Может быть. И все равно она лучше вас.

Абби (*повисив голос*). Не смей сравнивать!

Эбин. По крайней мере она не присваивает себе то, что принадлежит мне.

Абби. Тебе? Ты хочешь сказать, что моя ферма принадлежит тебе?

Эбин. Да. Ферма, за которую вы продались, как старая шляха, моя ферма.

Абби (*разъярена*). Эта ферма никогда не будет твоей. Ни одна соринка твоя не будет. Никогда! (*Кричит.*) Убирайся с глаз долой! Иди к своей потаскухе — позор на наши головы! Ты вынудишь меня сказать отцу, чтобы он тебя выгнал. Ты здесь только потому, что я терплю тебя, понял? Убирайся! Смограть на тебя противно! (*Замолкает. Задыхаясь от злости, свирепо смотрит на него.*)

Эбин (*отвечает таким же взглядом*). И вы мне противны. (*Уходит.*)

Она провожает его взглядом, полным ненависти. С заднего двора, где находится коровник, выходит Кэбот. Он очень изменился. В глазах его появилась какая-то странная мечтательность, весь его облик стал мягче, добродушнее. И в то же время от его физической усталости не осталось и следа, он словно помолодел. Абби видит его и отворачивается с отвращением.

Кэбот (*подходя к Абби, спокойно*). Опять вы с Эбином ссорились?

Абби (*коротко*). Нет.

Кэбот. Но вы вроде бы кричали. (*Сидится на ступеньку крыльца.*)

Абби (*раздраженно*). Если слышал, чего спрашиваешь?

Кэбот. Я слышал голоса, но не разобрал слов.

Абби (*с облегчением*). Бог с ним, не стоит говорить...

Кэбот (*помолчав*). Он странный.

Абби (*с горечью*). Весь в тебя.

Кэбот (*заинтересован*). Ты находишь? (*Пауза.*) Мы всегда с ним не ладили. Не по душе мне его кротость.

Абби (*презрительно*). Ха! Он так же кроток, как и ты.

Кэбот (*отвечая на свои мысли*). Может быть, я был с ним слишком суров.

Абби. Зато сейчас мягок. Мягок, как дерьмо. Так он сказал.

Кэбот (*помрачнев*). Он так сказал? Ну, лучше сму меня не злить...

Пауза. Она все еще смотрит в сторону.

(*Смягчается. Смотрит на небо.*) Красиво, а?

Абби (*зло*). Небо как небо. Ничего особенного.

Кэбот. Небо. Оно теплое, как свежеспаханное поле.

Абби (*с сарказмом*). Уж не собираешься ли приобрести там еще одну ферму?

Кэбот (*отрешенно*). А что, я бы не прочь. Старею я, Абби. Дряхлый стал.

Пауза. Она смотрит на него озадаченно.

В доме всегда холодно, даже в самую жару. Холодно, а?

Абби. Не заметила.

Кэбот. В коровнике тепло, и запах там хороший. С коровами тепло. (*Пауза.*) Чудные они, коровы.

Абби. Чудные. Как ты.

Кэбот. Как Эбин. (*Пауза.*) Я, кажется, смиряюсь с Эбином, как примирился с его матерью. С ее кротостью. Думаю, я бы с ним поладил, не будь он придурком. (*Пауза.*) Похоже, старость одолевает.

Абби (*безразлично*). Не причитай, ты же еще не умер.

Кэбот (*как бы очнувшись*). Нет, черт возьми. Я еще крепок и вынослив, как орешник. (*Пауза.*) Но после семидесяти господь велит готовиться. Вот почему я думаю об Эбине. Теперь, когда его грешные братья отправились по дороге в ад, не осталось никого, кроме Эбина.

Абби (*обиженно*). А я? Что это ты вдруг так полюбил Эбина? Почему ты ни слова не говоришь обо мне? Разве я тебе не законная жена?

Кэбот (*без особого выражения*). Да, ты жена. (*Пауза. Смотрит на нее, и глаза его становятся алчными, хватая ее руки, сжимает их и говорит как проповедь.*) Роза ты моя Саронская! Как прекрасна ты; глаза твои голубиные, губы твои — как лента алая; два сосца твои — как два козленка; живот твой — круглая чаша, лоно твоё — ворох пшеницы... (*Целует ее руки.*)

Абби (*словно не замечает его, сидит, зло уставившись перед собой, затем отдергивает руки; сурово*). Так, значит, ты хочешь ферму оставить Эбину? Я тебя правильно поняла?

Кэбот (*изумленно*). Оставить? Я ее никому не собираюсь оставлять.

Абби. Но ты же не можешь забрать ее с собой?

Кэбот (*после раздумья, нехотя*). Не могу. Думаю, что не могу. (*Умолкает, а затем неожиданно горячо.*) А если б мог — забрал бы, клянусь всевышним. Или поджег бы в самый последний час и смотрел, как горит. Спалил бы дом, посевы, деревья — все до последней былинки. По крайней мере знал бы, что все погибло со мной и никому не достанется то, что я потом и кровью здесь поднял. (*Помолчав, продолжает с некоторой отрешенностью.*) Коровы... Вот только коров я бы отпустил на волю.

Абби (*резко*). А меня?

Кэбот (*улыбаясь*). И тебя отпустил бы.

Абби (*в бешенстве*). Так вот какова твоя благодарность за мое согласие стать твоей женой? Что-то ты подобрел к Эбину, который ненавидит тебя. А меня грозишься вышвырнуть на улицу!

Кэбот (*поспешно*). Послушай, Абби. Ты же знаешь, что нет у меня такого намерения.

Абби (*мстительно*). Нет, позволь уж мне сказать пару слов. Ты знаешь, куда он ушел? Он отправился к Минни, этой шлюхе. Я пыталась его отговорить, но безуспешно. Он позорит и тебя и меня.

Кэбот (*несколько виновато*). Он грешник, такой уж уродился. Похоть пожирает его.

Абби (*приходя в ярость, мстительно*). Поэтому и мне проходу не дает. Может, ты простишь ему и это?

Кэбот (*после паузы, тихо*). Пристает к тебе?

Абби (*с вызовом*). Только что лип тут! Потому-то мы и ссорились.

Кэбот (*смотрит на нее, злоба искажает его лицо. Вскрикивает, весь трясется от ярости*). Я прикончу его, бог мне судья!

Абби (*испугавшись за Эбина*). Нет, нет, не надо.

Кэбот (*в неистовстве*). Размозжу ему голову!

Абби (*подходит к нему, обнимает*). Нет, Эфраим, нет!

Кэбот (*отталкивает ее*). Я это сделаю, клянусь богом.

Абби (*увещательным тоном*). Послушай меня. Он просто валял дурака, шутил... Ничего серьезного. Шутил, и все.

Кэбот. Ты же сказала — проходу не дает.

Абби. Ну, я это так уж, больно обозлилась, когда подумала, что ферму ты оставишь ему.

Кэбот (*немного смягчившись*). Если хочешь, я возьму кнут и шугану его отсюда.

Абби (*берст его за руку*). Нет, нет, дело не во мне. Не выгоняй его. Это неразумно. Кто тогда будет помогать тебе на ферме, ведь ты один.

Кэбот (*задумывается, затем одобрительно кивает*). Что ж, дело говоришь, голова у тебя варит. (*Но раздражение еще не улеглось*.) Пусть остается, ладно! (*Садится на ступеньку крыльца*.)

Абби опускается рядом.

(*Бурчит презрительно*.) Черт с ним, глупый телок! Но вот загвоздка—кто же будет работать на ферме, когда господь призовет меня? Симсон и Питер отправились в самое пекло, и Эббин, того гляди, побежит за ними.

Абби. Ты забыл про меня.

Кэбот. Ты женщина.

Абби. Я твоя жена.

Кэбот. Но не я. Сын—это моя кровь. Плоть от плоти. Я буду жить в нем, даже если меня зарюют в яму глубиной в шесть футов. Понимаешь?

Абби (*с ненавистью*). Да. Понимаю. (*Прищурившись, долго смотрит на него, изучает*.)

Кэбот. Старею я. (*Затем с силой, словно переубеждая себя*.) Но я еще крепок, как орешек, у меня еще много лет впереди. Любому парню готов дать фору.

Абби (*неожиданно*). Может быть, господь бог пошлет нам сына?

Кэбот (*круто поворачивается и жадно смотрит на нее*). Сына? Нам с тобой?

Абби (*льстиво*). Ты еще сильный мужчина, Эфраим. Разве у нас не могут быть дети? Что в этом удивительного? Что уставился на меня, как будто сам не думал об этом? А я все время мечтаю о сыне. И молю бога, чтоб у нас он родился.

Кэбот (*лицо его озаряется радостью*). Молишься? Ты? Ты хочешь, чтобы у нас был сын?

Абби (*с твердой решимостью*). Да. Я хочу, чтобы у нас был сын.

Кэбот (*хватает ее за руки*). Это будет благословением бога, всемогущего бога—в моем возрасте, в моем одиночестве! Я сделаю ради тебя все, Абби, все, что ты попросишь. Ты только попроси...

Абби (*перебивая*). И ферму завещаешь мне... и...

Кэбот (*горячо*). Я же сказал—все, что попросишь, клянусь! Гореть мне в аду, если нарушу клятву. (*Становится на колени и заставляет ее сделать то же самое. Он преисполнен надежды, его бьет дрожь*.) Помолись еще, Абби. Сегодня воскресенье. Будем молиться вместе. Две молитвы дойдут быстрее, чем одна. И господь

услышал Рахиль, и она зачала, и родила сына. Господь услышит Абби... Молись, Абби. Молись, чтобы он услышал. Молись. *(Склоняет голову, бормоча слова молитвы.)*

Абби, делая вид, что молится, бросает на него насмешливый победный взгляд.

Картина вторая

Посемь часов вечера. Спальня Кэбота и Абби. Слева спальня Эбина. Очень жарко, Эбин, босой, в одном только нижнем белье, сидит на кровати, подперев подбородок кулаками. Он угрюм и сосредоточен, в лице какая-то безнадежность. За перегородкой—Кэбот и Абби; они сидят рядом на краю кровати под пологом, на них ночные рубашки. Он все еще в странно-возбужденном настроении—мысль о сыне не дает ему покоя. Комнаты освещены мерцающим пламенем свеч.

Кэбот. Ферме нужен сын.

Абби. И мне нужен.

Кэбот. Иной раз мне кажется, что ты и ферма—это одно. Я одинок, потому и тянусь к тебе. *(Стучит кулаком по колену.)* От нас—меня и фермы—ты родишь сына.

Абби. Лучше спи. Заговариваться начинаешь.

Кэбот *(нетерпеливо)*. Нет, голова у меня ясная. Ты меня не знаешь, потому так и говоришь. *(С безнадежным видом уставился в пол.)*

Абби *(безразлично)*. Может быть.

В соседней комнате Эбин встает, рассеянно ходит взад-вперед. Абби сразу же прислушивается. Эбин останавливается, смотрит на перегородку. Можно подумать, что Абби и Эбин видят друг друга сквозь перегородку. Он, как гипнотизированный, протягивает руку—Абби поднимается с кровати. Вдруг, как бы очнувшись, он, кляня себя, бросается на постель, прячет лицо в подушку. Абби облегченно выдыхает, опускается на кровать, однако продолжает смотреть на перегородку, внимательно прислушиваясь к каждому шороху в комнате Эбина.

Кэбот *(вдруг поднял голову, смотрит на нее, говорит презрительно)*. Поймешь ли ты меня когда-нибудь? Найдется ли такой человек, который поймет меня? *(Качая головой.)* Вряд ли. Скорее всего, нет. *(Отворачивается.)*

Абби смотрит на перегородку. Кэбот, видно, хочет выговориться. Не глядя на Абби, он кладет руку ей на колено. Она вздрагивает, бросает на него быстрый взгляд, увидев, что он по-прежнему смотрит в сторону, вновь поворачивает голову к перегородке и не обращает на старика никакого внимания.

Послушай, Абби. Прошло полвека с тех пор, как я пришел сюда, мне было тогда двадцать лет и я был самым сильным и упорным—тут мне ровни не было. В десять раз сильнее и упорнее Эбина. Пришел на голое

место, одни камни. Надо мной люди смеялись, когда я решил здесь остаться. Но то, что знал я, не знали они. Если ты сможешь сделать так, чтобы из камня проросли колосья,—в тебя вселится бог. Они были слабы для этого. И бога считали слабым. Смеялись! Теперь они больше не смеются. Одни умерли неподалеку отсюда, другие уехали на Запад и умерли там. Перемерли все. Они искали легкой наживы, а бог силен и любит только сильных. *(Медленно качает головой.)* Я стал суровым, а про меня говорили: «Он жестокий человек». Будто это грех—быть жестоким! И я ответил им: «Что ж, тогда, клянусь громом, я стану жестоким, и посмотрим, как это вам понравится». *(Другим тоном.)* Но однажды я смалодушничал. Это произошло года через два, как я здесь поселился. Я устал и отчаялся из-за этих камней. Люди один за другим уходили на Запад. И я решил уйти с ними. Мы шли день и ночь, все дальше и дальше. И наконец достигли земель черных, как уголь, и богатых, как золото, нигде ни камня. Только паша и сей, да сиди покуривай трубочку, ожидая, когда придет время снимать урожай. О, я мог легко разбогатеть! Но внутренний голос мне все время твердил: «Все это не для тебя, не для тебя. Вернись назад, вернись». Я испугался этого голоса... и—домой; ушел, урожай бросил, забирай кто хочет. Оставил то, что принадлежало мне. Вот оно как. Бог—он суровый, а не мягкий. Он в камнях. «Построй на скале церковь из камней, в них буду—я»—вот что он говорил святому Петру. *(Тяжело вздыхает. Пауза.)* Камни. Я собирал их и складывал из них стены. Всю историю моей жизни можно прочесть в этих стенах. Каждый день, год за годом, я таскал их и огораживал свои поля, которые заставлял родить! Так повелел господь, и я был орудием в его руках. Это было нелегко, но господь закалил меня. Все время я был одинок. Но вот женился. На свет появились Симеон и Питер. Двадцать лет я прожил с женщиной, которая меня не понимала. Она была хорошей женой, работала не покладая рук, но не понимала, во имя чего работает. Я был всегда одинок. Когда она умерла, я почувствовал себя не таким одиноким. *(Пауза.)* Я потерял счет годам—у меня не оставалось времени считать их. Сим и Питер помогали мне, ферма постепенно росла. Она принадлежала мне. Только мне. Когда я думал о ферме—не чувствовал одиночества. Но нельзя же все время думать об одном и том же. *(Пауза.)* Я женился во второй раз—жена родила Эбина. Ее родные оспаривали мои права на ферму. На мою ферму. Вот почему Эбин то и дело заводит дурацкий разговор, что ферма принадлежит его матери. Глупые слова! Она была красива, но уж очень

мягка. И она ни в чем не понимала меня. Она пробовала стать твердой, но не смогла. С ней мне было еще более одиноко. Через шестнадцать лет она умерла. *(Пауза.)* Я остался с мальчиками; они ненавидели меня за то, что я был тверд, а я их за то, что они были мягкими. Ничего еще не смысля, они требовали от меня ферму. Они требовали то, что принадлежало мне. Все это обидело меня, ожесточило и состарило. Они требовали того, что я создавал для себя. *(Смотрит на Абби.)* Этой весной я вновь услышал голос бога. Бог пожалел меня в моем одиночестве, он сказал: «Иди, ищи и обрящешь». *(Поворачивается к ней, с чувством.)* Я искал тебя и обрел, Абби. Роза ты моя, Роза Саронская!..

Она поворачивает к нему ничего не выражающее лицо и с досадой смотрит на него.

(Застывает на миг, затем грубо.) Уразумела хоть что-нибудь из моего рассказа?

Абби *(обескураженно)*. Кажется.

Кэбот *(отталкивает ее, сердито)*. Ничего ты не поняла и никогда не поймешь. Только сыном ты можешь откупиться — иначе...

Абби *(зло)*. Разве я не молюсь?

Кэбот *(с горечью)*. Молись еще — чтобы вял!

Абби *(спокойно, со скрытой угрозой)*. Хорошо. Я рожу сына. Я тебе обещаю.

Кэбот. Разве такие вещи обещают? Кто знает наперед...

Абби. А я, может, ясновидящая. Я, может, могу предвидеть. *(Странно улыбается.)*

Кэбот. Кто знает, может, и ясновидящая. Порой от тебя холодом веет. *(Вздрагивает.)* Холодно в этом доме. Холодно и одиноко. Мне все время кажется, что в углах кто-то шевелится. *(Встает, натягивает штаны и сапоги.)*

Абби *(удивленно)*. Куда ты?

Кэбот. Туда, где тепло и спокойно. Пойду к коровам. *(С горечью.)* Я с ними толкую, они меня понимают. Они знают и ферму и меня. Поговорю с ними и успокоюсь.

Абби *(с некоторым испугом)*. Тебе нездоровится, Эфраим?

Кэбот. Совсем одряхлел... Совсем...

Кэбот уходит, гремя сапогами по ступенькам крыльца. Эбби садится на кровать, прислушивается. Абби смотрит на перегородку. Кэбот заворачивает за угол, останавливается у ворот и смотрит на небо.

Кэбот *(простирая руки)*. Господь всемогущий, отзовись из тьмы. *(Прислушивается как бы в ожидании)*

ответа и, не дождавшись, опускает руки, качает головой и медленно бредет к коровнику.)

Эбни и Абби продолжают смотреть на перегородку. Эбни тяжело вздыхает, Абби отзывается точно эхо. Они очень взволнованы. Наконец Абби встает, подходит к перегородке и прикладывает ухо. Эбни встревожен. Абби отходит от перегородки, направляется к двери. Взгляд Эбни безошибочно следует за ней, как будто он видит ее через перегородку. Дверь в комнату Эбни бесшумно отворяется, входит Абби. Он застыл в напряженном ожидании. Она с секунду смотрит на него, затем, легко вскрикнув, подбегает к нему, обнимает и покрывает его лицо поцелуями. Очнувшись от оцепенения, он обнимает Абби и сам целует ее. Вдруг отстраняется и резко вскакивает на ноги—он снова одержим ненавистью. Затанц дыхание, они молча стоят друг против друга—точно два зверя.

Абби (с болью). Зачем так, Эбни! Не сторонись! Ты будешь счастлив со мной.

Эбни (резко). Не хочу я такого счастья!

Абби (беспомощно). Хочешь, Эбни, хочешь. Зачем ты говоришь неправду?

Эбни (зло). Я же сказал, ничего мне от вас не нужно. Ненавижу вас.

Абби. Но я ведь целовала тебя, и ты меня тоже. Я чувствовала, как горят твои губы. Не обманывай себя. (Напряженно.) Если тебе было все равно, почему ты ответил на поцелуй, почему губы твои горели?

Эбни (вытирая губы). Может, я целовал вас, а думал о другой.

Абби (уязвлена). О Минни?

Эбни. Может, и о ней.

Абби (с болью). Ты все же ходил к ней? Скажи—ходил? Я надеялась... Потому ты и отвергаешь меня?

Эбни (усмехнувшись). А если и так—что тогда?

Абби (в ярости). Тогда ты скотина, Эбни Кэбот!

Эбни (издеваясь). По какому праву вы так разговариваете со мной?

Абби (рассмеявшись). По какому праву? Может, ты позомнил, что я влюблена в тебя? В такое жалкое существо, как ты? А вот и нет. У меня своя цель. Ты мне нужен, нужен! И я тебя заполучу. Потому что я сильнее тебя.

Эбни (резко). Понимаю—это часть вашего плана. Заграбастать все.

Абби (насмешливо). Возможно.

Эбни (в бешенстве). Убирайтесь из моей комнаты!

Абби. Это моя комната, и ты всего-навсего нанят в работники.

Эбни. Убирайтесь, пока я не убил вас!

Абби (уверенно). А я тебя нисколько не боюсь. Ты ведь хочешь меня? Да, хочешь. Ты сын своего отца, а он

никогда не станет уничтожать то, чем хочет обладать. Твой взгляд выдает тебя, в нем сграсть ко мне, твои губы дрожат — они жаждут поцелуя, зубы твои готовы меня укусить.

Он следит за ней с ужасом, как зачарованный.

(Смеется безумным победным смехом.) Этот дом — мой, лишь одна комната — та, что внизу, — не моя. Но и она станет моей нынешней ночью. Я иду вниз, Эбин. Я зажгу свечи. *(Издевательски кланяется.)* Не хотите ли поухаживать за мной, мистер Кэбот?

Эбин *(глухо)*. Вы не смеете. С тех пор как умерла моя мать, никто не переступал порог этой комнаты. И вы не смеете...

Взгляд Абби пылает такой неисполняющей страстью, что Эбин в растерянности замолкает.

Абби *(направляется к выходу и, чувствуя на себе взгляд Эбина, со значением говорит)*. Я буду ждать тебя, Эбин.

Эбин смотрит ей вслед, подходит к двери. В окне первого этажа зажигается свет.

Эбин *(бормочет)*. В гостиной? *(Берет со стула белую рубашку, надевает, повязывает галстук, надевает пиджак, берет шляпу. Озирается вокруг и удивленно бормочет.)* Мама, где ты? *(Медленно идет к двери.)*

Картина третья

Несколько минут спустя. Мрачная, как могила, гостиная. Можно подумать, что обитатели дома здесь себя заживо похоронили. Абби зажгла все свечи, какие были в комнате, и обстановка гостиной предстала перед ней во всем своем уродстве. Абби неподвижно сидит на красшке жесткого дивана, хотя страх и гонит ее бежать отсюда. Дверь открывается, и входит Эбин. Он бос, в руке шляпа. В смущении останавливается и смотрит на Абби.

Абби *(нервничая; вежливо)*. Может, присядешь?

Эбин *(тупо)*. Да. *(Осторожно кладет шляпу на пол около двери, подходит к дивану и садится рядом с Абби на краешек. Оба в напряжении; сидят, уставившись в пол.)*

Абби. Когда я вошла сюда, мне показалось, что тут кто-то есть.

Эбин *(просто)*. Это была мама.

Абби. Мне кажется, что и сейчас кто-то есть.

Эбин. Это мама.

Абби. Сперва я хотела убежать — так испугалась. Но вот ты пришел, и эти стены стали добрее. *(В пространство.)* Благодарю вас.

Эбин. Она всегда меня любила.

Абби. Может быть, она знает, что и я тебя люблю. Может быть, поэтому она стала добрее.

Эбин. Не знаю. Думаю, ненавидит вас.

Абби. Нет. Я чувствую, что нет. Теперь нет.

Эбин. Она ненавидит вас за то, что вы заняли ее место, живете в ее доме, сидите в комнате, где она умерла. *(Внезапно замолкает; чем-то обеспокоен, смотрит по сторонам.)*

Абби. Что случилось, Эбин?

Эбин *(шепотом)*. Мне кажется, она не хочет, чтобы я напоминал вам об этом.

Абби *(в волнении)*. Конечно, Эбин. Она добрая. Что она может иметь против меня? Мы не знали друг друга.

Эбин. Она затаила на него обиду.

Абби. Все мы затаили на него обиду.

Эбин. Да. *(Горячо, убежденно.)* Я затаил, видит бог.

Абби *(берет его за руку, гладит)*. Не думай о нем, — думай о своей матери, которая добра к нам. Расскажи мне о ней, Эбин.

Эбин. Что рассказывать-то? Она была добрая, хорошая.

Абби *(кладет руку на его плечо, он не обращает внимания. Страстно)*. И я буду доброй к тебе.

Эбин. Она, бывало, пела мне.

Абби. И я буду петь!

Эбин. Это был ее дом. Это была ее ферма.

Абби. Это мой дом. Это моя ферма!

Эбин. Он женился, чтобы ограбить ее. Она была кроткой и безропотной. Он не ценил ее.

Абби. Он и меня не ценит.

Эбин. Он убивал ее изо дня в день своей жестокостью.

Абби. Он и меня убивает.

Эбин. Она умерла. *(Пауза.)* Она пела мне. *(Плачет.)*

Абби *(обхватив его голову; страстно)*. И я буду петь. Я умру ради тебя, Эбин. *(Несмотря на переполняющее ее желание, в ее голосе, в жестах — искреннее чувство; это какое-то ужасающее смешение вождения и материнской любви.)* Не плачь, Эбин! Я постараюсь заменить тебе мать. Я буду такой, какой она была для тебя. Разреши мне поцеловать тебя! *(Притягивает его голову, он притворно противится. Нежно.)* Не бойся, я поцелую тебя так, как поцеловала бы тебя она. И ты

поцелуй меня, как целовал ее перед сном, желая доброй ночи.

Сдержанно обмениваются поцелуями. Вдруг дикая страсть охватывает ее; она как безумная начинает целовать его; обняв ее, он отвечает ей тем же. Неожиданно Эбин — так же как недавно наверху, в своей комнате, — резко отталкивает ее. Он охвачен страхом.

Абби (*протягивает к нему руки, молит*). Пожалей меня, Эбин! Не оставляй. Видишь, я не могу быть тебе только матерью. Любовь моя больше, чем материнская любовь. Во много раз больше. Ее так много, что мы могли бы быть счастливыми — и ты и я...

Эбин (*в глубину комнаты*). Мама! Мама! Что ты хочешь? Что ты мне говоришь?

Абби. Она говорит, чтоб ты любил меня. Она знает, что я люблю тебя. Нам будет хорошо. Разве ты это не чувствуешь? Разве ты не знаешь? Она говорит, чтоб ты любил меня!

Эбин. Да, я чувствую... может быть... она... Но... почему же... Ведь вы заняли ее место, ее дом, сидите в ее комнате, где она...

Абби. Она знает, что я люблю тебя!

Эбин (*неожиданная догадка ошеломляет его. Улыбается зло и торжествующе*). Я понял. Понял, почему... Она хочет отомстить ему. Тогда она будет отдыхать спокойно в своей могиле.

Абби (*дико*). Все мы мстим друг другу! Она — ему, он — мне, я — тебе, ты — мне, мы — ему! И всем нам мстит бог! Я люблю тебя, Эбин. Бог знает, что я тебя люблю!

Эбин (*бросается перед ней на колени, обнимает ее ноги*). И я люблю тебя, Абби! С той минуты, как увидел тебя, я думаю только о тебе! Теперь я могу сказать об этом. Я люблю тебя...

Губы их сливаются в страстном поцелуе.

Картина четвертая

Раннее утро. Эбин выходит на крыльцо и направляется к воротам. Он в рабочей одежде. Что-то в нем изменилось. Выражение лица самодовольное, почти наглое, он смотрит на окно гостиной, усмехается. Когда он доходит до калитки, слышно, как открывается окно. В окне появляется Абби. Она заспанна, волосы в беспорядке падают на плечи. С нежностью смотрит на Эбина, тихо окликает.

Абби. Эбин! (*Увидев, что он обернулся, игриво*). Только один поцелуй. Весь день мы будем врозь. Я буду скучать.

Эбин. Клянусь тебе, я тоже. (*Подходит к окну*.)

Абби наклоняется, они целуются.

Хватит, А то не останется для следующего раза. (*Смеется.*)

Абби. Для тебя у меня хватит. (*Вдруг.*) Но ты меня любишь, Эбин?

Эбин. Ты мне нравишься больше всех моих знакомых девиц. Клянусь!

Абби. Нравлюсь—это еще не значит, что любишь.

Эбин. Тогда я люблю тебя. Ты довольна?

Абби (*смотрит на него с обожанием*). Да.

Эбин. Мне пора. Того гляди, старик спохватится и прибежит.

Абби (*с доверительным смешком*). Пусть! Я в любой момент смогу его провести. Оставлю окно открытым—хорошо? Эта комната давно не видела солнца, Эбин, теперь она будет моей, да?

Эбин (*хмуро*). Да.

Абби (*поправляясь*). Нашей.

Эбин. Да.

Абби. Этой ночью она стала нашей. Мы оживили ее нашей любовью.

Эбин (*после молчания*). Мама ушла. Теперь она может спать спокойно в своей могиле.

Абби. Пусть спит спокойно. (*С нежным упреком.*) Не надо говорить о грустном сегодня утром.

Эбин. Это я невзначай.

Абби. Не разрешай грустным воспоминаниям посещать тебя. (*Пауза. Зевает.*) Пойду посплю немного. Я скажу ему, что мне нездоровится, пусть завтракает один.

Эбин. Вон он идет. Поднимись наверх, приведи себя в порядок.

Абби. До свидания. Не забывай меня. (*Посылает ему воздушный поцелуй.*)

Он усмехается, расправляет плечи: ждет отца. Слева появляется Кэбот. Он идет медленно, останавливается, смотрит, прищурившись, на небо.

Эбин (*весело*). Доброе утро, отец. Звезды днем считаешь?

Кэбот (*все еще глядя на небо*). Красиво!

Эбин (*оглядывается вокруг*). Еще бы! Такой фермы больше не сыскать.

Кэбот. Я говорю о небе.

Эбин (*усмехнувшись*). Ах, о небе! Откуда тебе знать—красиво оно или некрасиво? У тебя же плохое зрение. (*Доволен собственной шуткой, хлопает себя по ляжке, смеется.*)

Кэбот (*помрачнев*). Ты что-то весел не в меру. Хватил спиртного?

Эбин (*добродушно*). Это не от спиртного. Просто от жизни. (*Протягивает руку.*) Мы квиты. Ударим по рукам?

Кэбот (*насторожившись*). Что это нашло на тебя?

Эбин. Как хочешь. Может, это и к лучшему. (*Пауза.*) Что нашло на меня? (*Со странным выражением.*) Ты не чувствовал, что она была здесь и ушла к себе в могилу?

Кэбот. Кто—она?

Эбин. Мама. Теперь она может спать спокойно. Она расквиталась с тобой.

Кэбот (*растерявшись*). Я был в коровнике, спал крепким сном. Они знают, как спать, и учат меня.

Эбин (*снова оживленно*). Да здравствуют коровы! Ну ладно. Тебе пора приниматься за работу.

Кэбот (*с хмурой усмешкой*). Ты что, сопляк, командуешь мной?

Эбин (*смеется*). Я командую тобой. Ха-ха-ха! Ишь как тебе не нравится, когда командуют тобой! Ха-ха-ха! Не нравится! Я главный петух в этом курятнике. Ха! Ха! Ха! (*Идет к коровнику, продолжая смеяться.*)

Кэбот (*с жалостью и презрением смотрит ему вслед*). Весь в мать, копия. Что с него взять! Одно слово—придурак. (*Сплевывает.*) Однако что-то есть захотелось. (*Идет к дому.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Прошел год. Последние недели весны. Ночь. Спальни второго этажа тускло освещены—в каждой горит по свече. Эбин, подперев подбородок кулаками, сидит согнувшись на кровати в своей комнате. Сложные, противоречивые чувства одолевают его. Доносящийся снизу из кухни громкий смех, пьяные возгласы, музыка раздражают и бесят его. Он хмуро смотрит в пол. В соседней спальне рядом с двуспальной кроватью стоит колыбель.

На кухне веселье в разгаре. Вдоль стен на стульях и скамейках, тесно прижавшись друг к другу, сидят фермеры, их жены, деревенские парни и девушки. Все громко разговаривают, смеются. Стол отодвинут—освобождено место для танцев. В глубине, в дверях рядом с бочонком, стоит Кэбот, изрядно подвыливший, и каждому, кто входит, подносит порцию виски. Присутствующие подталкивают друг друга локтями, персеиваются, кивают на Кэбота, отпускают по его адресу колкие словечки. В левом углу в качалке сидит Абби в накинутом на плечи платке. Она бледна, лицо ее осунулось. Она вся в ожидании, не спускает глаз с двери.

В дальнем правом углу сидит долговязый парень с вытянутым глуповатым лицом и настраивает скрипку. Его бесцветные глаза непрерывно моргают, а губы кривит злорадная усмешка.

Абби (*девушке, сидящей рядом*). А где Эбин?

Девушка (*насмешливо*). Откуда мне знать, миссис Кэбот? Я его сто лет не видела. (*Многозначительно*.) Говорят, с тех пор, как вы здесь, он носа не кажет из дому.

Абби (*задумчиво*). Да-да. Я заменила ему мать.

Девушка. И об этом тоже говорят, миссис Кэбот. (*Поворачивается и что-то шепчет на ухо своей матери, сидящей рядом*.)

Абби (*некоторое время сидит молча, потом обращается к сидящему с другой стороны соседу*). Вы случайно не видели Эбина?

Мужчина (*с раскрасневшимся лицом и осоловелыми от возлияний глазами*). Нет, не видел. (*Подмигивает*.) Кому же знать, где Эбин, как не вам?

Абби. Он ведь лучший танцор в деревне. Пусть бы пришел и поплясал.

Мужчина (*подмигивает*). Может, укачивает ребеночка, а? У вас ведь мальчик? Сколько ему уже?

Абби (*рассеянно кивает*). Две недели. Красив как картинка.

Мужчина. Все матери считают, что их чада самые красивые. (*Подтолкнув ее локтем; шепотом, с ухмылкой*.) Слушай, Абби. Надоест тебе Эбин, вспомни обо мне! Слышь, не забудь! (*Всматривается в ее непроницаемое лицо и, не дождавшись ответа, что-то пьяно бормочет; встает*.) Э-э, глотну-ка еще. (*Подходит к Кэботу, который в это время шумно спорит о коровах с одним из фермеров*.)

Все пьют.

Абби (*как бы про себя*). Где же Эбин? Что он там застрял?

Хотя слова эти они и произносит очень тихо, ни к кому не обращаясь, однако сидящие поблизости их слышат и передают дальше, сопровождая жестами и смешками. Наконец они доходят до скрипача.

Скрипач (*устремив взгляд на Абби; через всю кухню*). А я знаю, где он, Абби. Он сейчас в церкви, заказывает благодарственный молебен.

Раздается всеобщий хохот.

Мужчина. По какому поводу? Говори толком.

Все продолжают смеяться.

Скрипач. А как же? (*Медлит, дает присутствующим возможность волю похихикать.*) У него родился брат.

Взрыв хохота. Все смотрят то на Абби, то на Кэбота. Хотя Кэбот, стоя в дверях, был занят спором с фермером и не слышал, о чем идет речь, он заподозрил что-то неладное. Выходит на середину кухни. Сразу наступает тишина.

Кэбот. Что это вы тут разблеялись, как стадо баранов? Я пригласил вас пить, есть, тащевать и веселиться—ну так и веселитесь, черт вас возьми! А вы тут налакались виски, нажрались как свиньи и, вместо того чтобы веселиться, раскудахтались, как куры на насесте.

Все возмущены, однако боятся гнева Кэбота.

Скрипач (*хитро*). Мы ждем Эбина.

Приглушенный смех.

Кэбот (*с неприкрытым торжеством*). К черту Эбина! С ним покончено. У меня родился сын. Сын! (*Он пьян, и, как у всякого пьяного, настроение у него внезапно меняется.*) Над Эбином смеяться не позволю! Слышите? Он хоть круглый дурак, но моя кровь. Вам с ним не гягаться. Весь день гнет спину наравне со мной. Да он всех вас заткнет за пояс.

Скрипач. Он и ночью неплохо работает.

Хохот.

Кэбот. Смейтесь, смейтесь, дурачье. А ты правду сказал, скрипач. Он может работать и днем и ночью, как и я, если надо.

Старый фермер (*еле держится на ногах, просто душно*). Нет, с тобой никто не сравнится, Эфраим. Подумать только—заимел сына в семьдесят шесть лет! Мне шестьдесят восемь—я даже и не пытаюсь.

Все смеются, смеется и Кэбот.

Кэбот (*хлопнув старого фермера по спине*). Мне жаль тебя. Я и не подозревал: такой с виду молодец, а... слабак.

Старый фермер. А я не подозревал, что в тебе такая силища, Эфраим.

Смех.

Кэбот (*сразу помрачнев*). У меня ее много—силищи. Никто из вас не знает, как много ее. (*Скрипачу.*) Что стояшь как истукан?! На празднике мы или где? Мы плясать хотим! Сыграй им что-нибудь на своей скрипке. Смажь салом локоть и давай двигай!

Скрипач (*выпив виски, которое протянул ему старый фермер*). Поехали! (*Играет.*)

Четверо парней и четыре девушки становятся друг перед другом. Они движутся в такт музыке, а скрипач время от времени выкрикивает названия фигур и сопровождает это шутливыми замечаниями в адрес танцующих. Все хлопают в ладоши, прислукивают каблуками. Особенно старается Кэбот. Лишь Абби по-прежнему безучастна, она сидит не спуская глаз с двери.

Джим, кругани ее хорошенько! Вот так! Обними за талию! Покрепче, не бойся, мамаша не видит!

Смех.

Меняйтесь партнерами, да побыстрее. Теперь ты довольна, Эсси? Руб тебе больше нравится? Взгляни, как она зарделась! Что ж, жизнь коротка, любовь тоже — так люди говорят.

Смех.

Кэбот (*притопывая ногой*). Давайте, ребята, покажите, на что вы способны! Не отставайте, девушки!

Скрипач (*подмигивая присутствующим*). Я таких бойких, как ты, Эфраим, — в семьдесят-то шесть — сроду не видывал! Вот только глаза малость подкачали.

Сдержанный смех.

(*Продолжает, не давая возможности Кэботу ответить.*) Променад! Сара, ты что как невеста, которую жених бросил? Больше жизни, выше голову! Никогда не теряйте надежды. Нет, вы только посмотрите на Джонни Кука! Ничего себе коленца выкидывает. Как завтра работать-то будешь?

Смех.

Кэбот. Еще! Еще! Жмите! (*Не выдерживает, врывается в круг танцующих, расталкивает их.*) Место мне! Прочь с дороги! Я вам покажу, как надо танцевать! Вы какие-то вареные, разве так танцуют?

Все отступают к стенкам и осуждающе смотрят на Кэбота.

Скрипач (*поддразнивает*). Давай, Эфраим, покажи им! (*Снова играет.*)

Кэбот пускается в пляс. Пляшет хорошо, задорно, затем начинает импровизировать, выкидывая невероятные коленца: прыгает, стучит каблуками, ходит гоголем по кругу. Сгибается в три погибели, выпрямляется, дергается, как мыртышка на веревочке, изображая какой-то воинственный индейский танец, и приговаривает.

Кэбот. У-оп! Смотрите! Смотрите! Семьдесят шесть, а тверд, как железо! Никому меня не одолеть — ни старому,

ни молодому. Вы только поглядите на меня! До ста лет доживу! Пригласил бы вас на свое столетие, да вы к тому времени все перемрете. Слабаки! И сердце у вас не красное—розовое; а в жилах не кровь—вода. У-оп! Глядите! Единственный настоящий мужик во всей округе—это я! Я индейцев убивал, еще когда вас на свете не было. И сдирал с них скальпы. У-оп! У меня на спине шрам,—могу показать! Целое племя гналось за мной, я бежал, а стрела торчала у меня меж лопаток. Но я им отомстил. Око за око, зуб за зуб—вот мой закон! У-оп! Глядите на меня! Могу потолок прошибить! У-оп!

Скрипач (*обессилев, опускает смычок*). С меня хватит, Кэбот. Ну и силища в тебе!

Кэбот (*доволен*). Значит, и ты сдался? Но ты играл хорошо—на, пей! (*Наливает виски себе и Скрипачу.*)

Они пьют. Остальные молчат и глядят на Кэбота с холодной враждебностью. Воцаряется тишина. Скрипач отдыхает. Кэбот, прислонившись к бочонку, тяжело дышит, озирается по сторонам. Эбин наверху встает с кровати и на цыпочках выходит из комнаты. Вскоре он появляется в соседней спальне. Тихо, крадучись, подходит к колыбели и смотрит на ребенка. На лице его отражаются то растерянность, то смущение, то нежность. С момента, когда Эбин оказывается у колыбели, Абби овладевает беспокойство. Она, не выдержав, встает и подходит к Кэботу.

Абби. Я поднимусь, взгляну на ребенка.

Кэбот (*с искренней озабоченностью*). Ты так слаба. Может, помочь тебе?

Абби. Ничего, я сама. Сейчас вернусь.

Кэбот. Не утомляй себя. Помни, ты нужна ему—нашему сыну. (*Ухмыляется и ласково похлопывает ее по спине.*)

Абби (*передергивается от этого прикосновения*). Не надо. Ну, я пошла... (*Уходит.*)

Кэбот смотрит ей вслед. Присутствующие перешептываются. Кэбот оборачивается, все замолкают.

Кэбот (*все еще тяжело дышит, пот струится со лба*). Голова чуть закружилась. Пойду на двор, подышу свежим воздухом. Скрипач, играй. Пляшите, пойте. Вот (*хлопает по бочонку*) тут еще есть виски. Веселитесь. Я ненадолго. (*Уходит, прикрыв за собой дверь.*)

Скрипач (*язвительно*). Ради нас можешь не торопиться.

Сдержанный смех.

(*Подражая Абби.*) Где Эбин?

Смех сильнее.

Женщина (*громко*). И дураку понятно, что тут у них произошло.

Абби появляется в дверях спальни. Она останавливается, смотрит на Эбина глазами, полными любви и обожания. Тот ее не видит.

Мужчина. Тише! Может, он подслушивает за дверью. Это на него похоже.

Все шепчутся — будто поземка метет сухие листья. Кэбот сходит с крыльца, прислоняется к калитке, моргая, смотрит на небо. Абби бесшумно подходит к Эбину, становится рядом.

Эбни (*вздрагивает*). Абби!

Абби. Тише. (*Обнимает его, они целуются, затем склоняются над колыбелью.*) Смотри, какой красивый. Весь в тебя.

Эбни (*доволен*). Да? А я и не замечаю.

Абби. Похож, как две капли воды.

Эбни (*насупившись*). Мне это не по душе, Абби. То, что принадлежит мне, — принадлежит ему. И так всю жизнь. С этим надо кончать.

Абби (*прикладывая палец к губам*). Надо ждать, Эбни. Надо запастись терпением и ждать. Что-нибудь да случится. (*Обнимает его.*) А теперь мне пора вниз.

Эбни. Я пойду во двор. Нет сил больше слушать эту скрипку и смех.

Абби. Не терзай себя, милый. Я люблю тебя. Люблю, слышишь? Поцелуй меня.

Обнявшись, стоят у колыбели.

Кэбот (*у калитки, в замешательстве*). Томит меня что-то. Даже музыка не может заглушить. Преследует меня всюду. Таится в углах, шумит в вязах, скребется в трубе, карабкается по крыше. Оно — всюду, и не убежишь никуда. Нет покоя ни дома, ни среди людей. (*Вздыхает.*) Пойду побеседую с коровами, хорошо с ними... (*Устало бредет к коровнику.*)

Скрипач. Эй, теперь можем и повеселиться — он ушел! Одурачили старого подлеца! Это надо отметить как следует! (*Ударлет смычком по струнам.*)

Начинается настоящее веселье. Танцует молодежь.

Картина вторая

Прошло полчаса. Эбни стоит у калитки, смотрит на небо. На лице его — исмая боль. Из коровника возвращается Кэбот. Он идет медленным, тяжелым шагом, голова опущена. Замечает Эбина, и на лице

появляется злая торжествующая усмешка. Проходя мимо Эбина, хлопает его по спине. Из кухни доносятся пьяные голоса, смех, музыка.

Кэбот. Вот ты, оказывается, где!

Эбин (*вздрагивает, смотрит на него с ненавистью. Мрачно*). Да.

Кэбот (*насмешливо*). Чего же не на танцах? Все спрашивают, где Эбин?

Эбин. Ну и пусть спрашивают.

Кэбот. Красоток там хоть отбавляй.

Эбин. Черт с ними.

Кэбот. Пора бы тебе на ком-нибудь жениться.

Эбин. Ни на ком я не женюсь.

Кэбот. Чудак, получил бы половину фермы.

Эбин (*усмехаясь*). Как это сделал ты? Я так не хочу.

Кэбот (*уязвлен*). Чего несешь-то? Это родные твоей матери пытались отобрать мою ферму.

Эбин. Люди говорят другое. (*Помолчав, с вызовом*.) Мне беспокоиться нечего, у меня есть ферма.

Кэбот (*насмешливо*). Где, если не секрет?

Эбин (*кивнув на дом*). Вот она.

Кэбот (*хохочет, запрокинув голову*). Ха! У него ферма! Ну и ну! Каков молодец!

Эбин (*сдерживая себя, мрачно*). Поживем — увидим.

Кэбот (*смотрит на Эбина подозрительно, пытается понять, что он имеет в виду. Пауза. Доверительно*). Я-то увижу. А вот ты? Ты же слепой щенок.

Эбин сардонически смеется: «Ха!»

Ты чего смеешься?

Эбин отворачивается, не отвечая.

(*Распалаясь*.) Боже ты мой! Вот придурок-то! Одна мякина в голове! (*Видя, что Эбин не реагирует, свирепеет*.) Если бы ты не был от рождения ослом — давно бы понял, что здесь тебе ничего не перепадет. Ни одной горстки земли, ни одного камня. Особо теперь, когда у меня родился сын. После моей смерти ферма перейдет ему. Но я проживу еще до ста лет, до ста лет, чтоб одурачить вас всех. К тому времени ему будет столько, сколько тебе сейчас.

Эбин повторяет свое сардоническое «Ха!», что приводит отца в еще большую ярость.

Он еще хакает! Надеешься всех провести? Но ферма будет не только его, и Абби тоже будет хозяйкой, а ее-то тебе не обдурить. Ей известны твои штучки, она тебя раскусила. Думасшь, я не знаю, как ты увивался вокруг

нее, пытался соблазнить? Она мне все рассказала. (Взметнув кулаки.) Ты... ты... безмозглый дурак!

Эбин (*наступая на него; в ярости*). Врешь, подлец! Абби не могла этого сказать.

Кэбот (*торжествует, видя, как потрясен Эбин*). Не могла? Когда я ей сказал, что выбью твои мозги, да подкину их повыше этих язв, она ответила: «Кто же тогда будет помогать тебе в работе, это неразумно». Она сказала, что мы с ней должны занять сына. Я пообещал ей, что, если родится сын, она может просить у меня все что угодно. Она попросила выбросить тебя, чтобы ферма после моей смерти перешла к ней. (*Со злорадством*.) И ферма теперь ее, а твоя—только пыль на дороге! А вот теперь посмейся!..

Эбин (*в немом ужасе, окаменев от горя и ярости, неожиданно начинает хохотать, его передергивает судорога*). Ха-ха-ха! Так вот она что замыслила. Я подозревал... Я с самого начала подозревал... Но я... Так, значит, все это было ложью? (*Кричит*.) Все было обманом? Я убью ее! (*Бежит к крыльцу*.)

Кэбот (*опережает его, преграждает дорогу*). Ты не посмеешь ее тронуть!

Эбин. Прочь с дороги!

Эбин пытается оттолкнуть Кэбота, но тот хватает его за руку. Начинается яростная борьба. Старик намного сильнее Эбина. Ему удается схватить сына за горло, прижать к стене. В это время на крыльце появляется Абби.

Абби (*сдавленный крик вырывается из ее груди*). Эбин! Эфраим! (*Сбегает с крыльца, повисает у Кэбота на руке*.) Отпусти его, Эфраим! Ты задушишь его!

Кэбот разжимает пальцы и сильно толкает Эбина, так что тот, отлетев в сторону, падает. Эбин дышит с грудом. Абби с криком опускается на землю, хочет положить его голову к себе на колени, но он отталкивает ее.

Кэбот (*торжествующе*). Не бойся, Абби, я и не собирался его убивать. Он не стоит того, чтобы из-за него меня повесили. Мне семьдесят шесть, а ему нет и тридцати,—и он вздумал со мной тягаться! Со мной! Вот и поплатился за это. Видит бог, со мной не так легко справиться. И с ним—он сейчас наверху спит в своей колыбели. Он во всем будет похож на меня! Я воспитаю его. А теперь пойду веселиться, сегодня у меня праздник! (*Идет к крыльцу, затем оборачивается и говорит с усмешкой*.) Вряд ли, конечно, но все же, если этот дурак вздумает приставать к тебе,—крикни. Клянусь богом, я спущу с него штаны и насыплю как следует. (*Исчезает в*

доме, через минуту уже слышны его громкие выкрики: «У-о!»)

Абби (с нежностью). Эбин... Больно тебе? (Хочет его поцеловать.)

Он яростно отталкивает ее, приподымает голову, с трудом садится.

Эбин (задыхаясь). Пошла ты!..

Абби (не веря своим ушам). Это я, Эбин,—Абби. Ты что, не узнаешь меня?

Эбин (смотрит на нее с ненавистью). О, теперь... я узнал тебя! (Рыдает.)

Абби (со страхом). Что случилось, Эбин? Почему ты смотришь на меня с такой неприязнью?

Эбин. Я ненавижу тебя! Ненавижу!.. Шлюха ты, хитрая шлюха!

Абби (отпрянув назад, в ужасе). Эбин!.. Что ты говоришь!

Эбин (поднимаясь на ноги). Каждое твое слово—ложь. Ты все время врала мне. С первого же дня. Говорила, что любишь меня...

Абби (неистово). Да, я люблю тебя!.. (Хватает его за руку.)

Он отдергивает руку.

Эбин (продолжает твердить свое). Врешь! Сделала из меня дурака! А я поддался—безмозглый осел! Ты только и знала, что вела свою коварную игру, змея подколодная! Заманила меня к себе в постель, чтобы занять сына, которого он считает своим, а от него добила обещания выгнать меня и отдать тебе ферму! (С ненавистью.) В тебя не иначе как дьявол вселился, не может женщина быть такой подлой.

Абби (ошеломленно). Это он тебе сказал?

Эбин. А что, это неправда? Не лги хоть сейчас.

Абби (с мольбой). Эбин, выслушай меня! Ты должен меня выслушать. Это давно было... Ты тогда презирал меня, бегал к Минни... А я любила тебя. Я была как безумная. Хотела тебе отомстить...

Эбин (перебивая, с мучительной страстью). Лучше бы ты умерла тогда! Лучше бы мы оба умерли! Не видеть все это, не слышать... (Яростно.) Но я отомщу тебе. Отомщу вам обоим. Я буду молиться, чтобы моя мать вернулась мне помочь, чтоб она прокляла вас.

Абби (с отчаянием). Не надо, Эбин! Не надо! (Бросается перед ним на колени, плачет.) Я не желала тебе ничего дурного! Прости меня!

Эбин (не слушает ее; яростно). Я рассчитаюсь с этим старым хрычом... и с тобой! Потом я оставлю вас вдвоем,

чтобы вы травили друг друга, и моя мать будет являться вам по ночам, а сам уеду на Запад, в Калифорнию—к Симу и Питеру.

Абби (*в ужасе*). Нет, ты не бросишь меня! Ты не можешь!

Эббин (*с яростной решимостью*). Говорю тебе—уеду! А когда разбогатею, вернусь и отберу ферму, которую он украл у меня. Я вышвырну вас обоих, и твоего сына вместе с вами! Будете милостыню просить и подохнете где-нибудь на дороге. (*Он на грани истерики.*)

Абби (*содрагается; с мольбой в голосе*). Мой сын—он и твой, Эббин.

Эббин (*страдая*). Ах, лучше бы он не появился вовсе! Лучше б умер сейчас! Лучше б я его никогда не видел! Ты заимела его в своих гнусных целях. Это он все разрушил!

Абби (*мягко*). До того, как он появился, ты верил, что я люблю тебя?

Эббин. Я был слеп как крот.

Абби. А теперь не веришь?

Эббин. Ха! Верить лживой воронке?

Абби (*вздрагивает, затем робко*). А ты и шправду любил меня до этого?

Эббин (*задыхаясь*). Ты дурачила меня!

Абби. Не любишь меня больше?

Эббин (*в бешенстве*). Ненавижу тебя!

Абби. Ты уезжаешь, оставляешь меня, и все потому, что у нас родился сын?

Эббин. Я уеду па рассвете. И пусть бог отправит меня в ад, если я этого не сделаю!

Абби (*после паузы, медленно, со зловещей решимостью*). Если его появление всему причина... если он убил твою любовь, отнял тебя, единственную в моей жизни радость—радость, прекрасную, как небеса... Если это так... то я ненавижу его, пусть я и дала ему жизнь.

Эббин (*с горечью*). Ложь. Ты любишь его! Он украдет ферму для тебя! (*Судорожно.*) Дело не в ферме... теперь уже все равно. Но ты обманула меня. Клялась, что любишь, и лгала... чтобы заполучить ферму.

Абби (*в полном смятении, теряя рассудок*). Он не украдет!!! Я убью его! Я люблю тебя. Я докажу тебе...

Эббин (*резко*). Хватит обманывать! Не хочу тебя слушать. Прощай. Мы больше не увидимся.

Абби (*поблднев*). Ты даже не хочешь поцеловать меня... хоть один раз... мы ведь так любили...

Эббин (*грубо*). Не хочу! И постараюсь забыть, что когда-то мои глаза глядели на тебя!

Абби. Эббин! погоди. Я тебе что-то скажу...

Эббин. Пойду к ним—буду пить и плясать.

Абби (*повиснув у него на руке; горячо*). А если бы он не стал между нами, если бы я убедила тебя, что у меня не было злого умысла заполучить ферму, тогда мы по-прежнему любили бы друг друга и были бы счастливы, как до его рождения? Если б я убедила, ты снова полюбил бы меня и не бросил? Скажи!

Эбин (*тронут*). Пожалуй. (*Стряхнув ее руку, с горькой усмешкой*.) Но ты ведь не бог.

Абби (*возбужденно*). Но помни, ты обещал! (*Со странной одержимостью*.) Может, я верну богу то, что он дал.

Эбин (*вглядываясь в нее*). Ты вроде бы тронулась. (*Идет к крыльцу*.) Пойду потанцую.

Абби (*кричит ему вслед*). Я докажу тебе! Докажу, что люблю тебя больше...

Последние слова Эбина уже не слышит—он вошел в дом.

(*Не двигаясь, смотрит ему вслед; в голосе—отчаяние*.)
...больше всех на свете!

Картина третья

На рассвете следующего дня. Видны кухня и спальня Кэбота. Эбин на кухне сидит за столом, подперев подбородок кулаками. У него отсутствующее выражение лица, он бледен. Горит свеча. Возле Эбина на полу—матерчатый саквояж.

Наверху в тускло освещенной комнате спит Кэбот. Абби склонилась над колыбелью, прислушивается. Глаза ее полны отчаяния и ужаса, она начинает рыдать и хочет упасть перед колыбелью на колени. В это время Кэбот во сне стонет, поворачивается на бок, и Абби берет себя в руки; пятась, исчезает за дверью. Тишина. Абби врывается на кухню, подбегает к Эбину, обнимает его и страстно целует. Эбин продолжает сидеть, не шелохнувшись, глаза его устремлены в одну точку.

Абби (*пронзительно*). Я сдержала свое слово, Эбин! Я решилась! Я доказала, что люблю тебя больше всего на свете. У тебя больше нет причин сомневаться во мне.

Эбин (*безразличным голосом*). Теперь это уже не имеет значения. Что бы ты ни сделала.

Абби (*вне себя*). Не говори так! Поцелуй меня, Эбин, слышишь? Ты должен меня поцеловать—мне это так нужно! Скажи, что любишь меня!

Эбин (*вяло прикоснувшись губами к ее щеке*). Это на прощание. Я скоро уйду.

Абби. Нет-нет! Теперь?.. И теперь ты уйдешь?

Эбин (*размышляет вслух*). Я тут столько передумал... Отцу я ничего не скажу. Но зато моя мать не даст тебе покоя. Сказать отцу—он возненавидит ребенка,

будет срывать на нем злость. *(Голос его становится мягче, теплее.)* Я не хочу этого. Ребенок ни при чем, за ним нет никакой вины. *(С затаенной гордостью.)* И он похож на меня. Видит бог, он мой! А может быть, я когда-нибудь и вернусь...

Абби *(она слишком поглощена собственными мыслями, чтоб слушать его. С мольбой)*. Не уходи, Эбин. Ведь теперь все — как прежде... После того, что я сделала... никто не стоит между нами...

Эбин *(что-то в ее голосе настораживает его. Он смотрит на нее с испугом)*. Ты вся дрожишь, на тебе лица нет. Что ты натворила?

Абби. Я... я... убила его.

Эбин *(ошеломлен)*. Убила?

Абби *(тихо)*. Да.

Эбин *(молчит, затем, очнувшись, жестко)*. Ну что ж, поделом ему! Но надо торопиться, надо что-то сделать. Надо обставить все так, будто он сам... в пьяном виде. Все видели, что он вчера был пьян вдребезги, они подтвердят.

Абби *(вне себя)*. Нет! Нет, Эбин! Не его я убила! *(Смеется как безумная.)* Мне надо бы убить его! Как же я не подумала?.. Конечно, его... Почему ты не подсказал мне?! Почему?..

Эбин *(испуганно)*. Кого же ты убила? Говори!..

Абби. Не его.

Эбин *(лицо его становится мертвенно-бледным)*. Нет, нет! Только не ребенка!

Абби *(тихо)*. Ребенка.

Эбин *(падает как подкошенный на колени, голос его дрожит)*. Боже всемогущий! Мама, где ты была, почему ты не остановила ее?!

Абби *(ровным, бесстрастным голосом)*. Помнишь, после той нашей ночи мама ушла в свою могилу. С тех пор ее здесь не было.

Пауза. Эбин прячет лицо в ладони, его бьет как в лихорадке.

(Тем же ровным, беспристрастным голосом) Я накрыла его подушкой. И он перестал дышать. Задохнулся. *(Начинает тихо плакать.)*

Эбин *(им овладели и горе и ярость)*. Он был похож на меня. Он был моим, будь ты проклята!

Абби *(глухо и отрывисто)*. Я не хотела... Я ненавидела себя за то, что делаю. Я любила его, он был такой красивый — вылитый ты. Но тебя я любила больше, а ты уходил. Далеко... Я бы никогда тебя больше не увидела. Не поцеловала бы тебя. Ты никогда не прижал бы меня к себе... и ты сказал, что ненавидишь меня из-за него.

Говорил, что ненавидишь его, и хотел, чтобы он умер. Ты сказал, если бы не он, все было бы по-прежнему.

Эбин (*не в силах это вынести, вскакивает в бешенстве, руки его тянутся к ее горлу*). Врешь! Не говорил я тебе этого! И не помышлял даже! Да я лучше свернул бы себе шею, чем причинил хоть малейшую боль ему.

Абби (*с мольбой; опускаясь на колени*). Не мучай меня, Эбин, не смотри на меня с ненавистью. После того, что я сделала ради тебя, ради нас... Я хотела, чтоб мы снова были счастливы.

Эбин (*яростно*). Замолчи, или я убью тебя! Я разгадал твою игру — опять то же самое! Ты — убийца, ты убила ребенка и теперь хочешь свалить вину на меня!

Абби (*стонет, зажав уши руками*). Не надо, Эбин, перестань... (*Пытается обхватить его ноги*.)

Эбин (*ярость сменяется ужасом*). Не прикасайся ко мне! Ты ведьма! Как ты могла убить это беззащитное существо! Ты продалась дьяволу! (*Вновь приходя в ярость*.) Я знаю, почему ты убила его. Решила захватить последнее, что ты мне оставила. Ты видела, что он похож на меня, ты знала — он мой, и не могла снести этого! Я знаю тебя! Ты убила его за то, что он был мой! (*Обезумев, мечется по комнате, подбегает к Абби, трясет перед ней кулаками*.) Но я отомщу тебе! Я позову шерифа. Я ничего от него не скрою! Я расскажу ему все — все, что здесь произошло, потом уйду. Уеду на Запад. В Калифорнию... там золото, золотые россыпи! Уеду! (*Речь его становится прерывистой, он то бормочет, то выкрикивает отдельные слова*.) Я пойду к шерифу. Пусть он заберет тебя, запрет. Не могу тебя видеть. Убийца и воровка. Ты все еще искушаешь меня. Я передам тебя шерифу! (*С рыданиями выбегает из дома*.)

Абби (*поднимается с колен, бежит к двери, кричит ему вслед*). Я люблю тебя, Эбин! Слышишь, я люблю тебя! (*Ослабев, хапается за дверь*.) Мне все равно, что ты сделаешь, лишь бы снова любил меня. (*Держась за дверь, медленно сползает на пол*.)

Картина четвертая

Прошел час. Видны, как и в предыдущей картине, кухня и спальня Кэбота. Рассвело. Первые лучи солнца освещают верхушки вязов. Абби на кухне бессильно сидит за столом, спрятав лицо в ладони. Наверху Кэбот ворочается в постели, затем просыпается как от толчка, смотрит в окно, досадливо ахает, сбрасывает одеяло, начинает торопливо одеваться.

Кэбот (*не сомневаясь, что Абби рядом*). Гром и молния. Абби! За последние пятьдесят лет я ни разу так поздно не просыпался. Солнце уже светит вовсю. Всему виной виски и танцы. Старею, видно. Надеюсь, Эбин уже за работой. Ты должна была меня разбудить, Абби. (*Заметила, что рядом никого нет, удивлен.*) Где же она? Вероятно, готовит завтрак. (*На цыпочках подходит к колыбели.*) Доброе утро, сынок. (*Заглядывает в колыбель, говорит с гордостью.*) Красив, как на картинке. Спит... Не орет по ночам, не то, что другие. (*Тихо выходит из комнаты, спускается на кухню, успокаивается, увидев Абби.*) Вот ты где! Готовишь мне завтрак?

Абби (*не двигаясь*). Нет...

Кэбот (*подходит к ней, с сочувствием*). Тебе что, плохо?

Абби. Нет.

Кэбот (*кладет руку ей на плечо, она вздрагивает*). Ты бы прилегла ненадолго. Скоро он проснется и захочет есть. Крепко спит, аппетит будет хороший.

Абби (*вздрагивает, затем упавшим голосом*). Он никогда не проснется.

Кэбот (*весело*). Спит... Так же, как я сегодня утром.

Абби. Он мертв.

Кэбот (*растерявшись*). Что?

Абби. Я убила его.

Кэбот (*в ужасе отступая*). Ты пьяна... или с ума сошла?

Абби (*поднимает голову; глядя ему в глаза, кричит*). Говорю тебе—я убила его! Задушила! Иди взгляни, если не веришь.

Кэбот (*смотрит на нее, веря и не веря, затем в мгновение ока оказывается наверху, бросается к колыбели, дотрагивается до ребенка; страх и ужас охватывают его; отпрянув от колыбели*). Боже всемогущий!.. Боже всемогущий! (*Волоча ноги, выходит из комнаты, спускается на кухню. Все еще не может опомниться. Подходит к Абби; хрипло.*) Зачем ты это сделала? (*Грубо хватая ее за плечи, трясет.*) Я спрашиваю—зачем ты это сделала? Лучше скажи, или...

Абби (*вскочив, отталкивает его с такой силой, что он отлетает в сторону; в голосе ее ярость и ненависть*). Не прикасайся ко мне! Какое у тебя право спрашивать о нем? Не твой он, понял? Думаешь, я согласилась бы родить от тебя? Да я бы удавилась лучше!.. Ненавижу тебя и всегда ненавидела! Я убила бы тебя, а не его, будь я умней. Я люблю Эбина. Да, Эбина! С первого дня, как увидела. И ребенок его, мой и его,—не твой...

Кэбот (*пораженный, смотрит на нее; после долгого*

молчания, с трудом подыскивая слова). Вот, оказывается, что... Вот что угнетало меня... таилось по углам, шумело в вязах!.. А ты лгала... держалась от меня подальше, говорила, что понесла. (Отрешенно.) Он мертв, это так. Я видел. Он мертв. Бедный мальчик! (Слезы текут по его лицу.)

Абби (истерично). Не смей! Не смей! (Рыдает.)

Кэбот (сбравшись с силами, выпрямляется, лицо становится суровым; цедит сквозь зубы). Мне надо превратиться в камень, чтоб не сойти с ума. (Полностью взяв себя в руки.) Если он... Эбина—я рад, что он мертв. Я подозревал... Чувствовал что-то неладное. Холодно было в доме, одиноко... Вот и шел к коровам, меня тянуло к ним. Да, я подозревал. Не радуйся, тебе не до конца удалось меня одурачить: я подозревал. Я стреляный воробей. (Смотрит на нее, усмехаясь.) Значит, будь ты умнее, убила бы меня, а не его? Ну что ж! Мне еще долго жить—до ста лет, еще увижу, как тебя повесят. Да снесшится над тобой суд божий—я сам пойду к шерифу. (Идет к двери.)

Абби (безразлично). Не торопись. Эбин уже пошел.

Кэбот (удивленно). Эбин?

Абби. Да.

Кэбот. За шерифом?

Абби. Да.

Кэбот (поразмыслив). Освободил меня от хлопот, и на том спасибо. Тогда пойду работать. (Подходит к двери, оборачивается.) Он должен был быть моим сыном, Абби. Ты должна была любить меня. Я—муж твой. Люби ты меня, я не побежал бы за шерифом. Что бы ты ни сделала.

Абби (защищая Эбина). Значит, у него есть причины пойти и рассказать, которых ты не знаешь.

Кэбот (сухо). К твоему благу, надеюсь! (Выходит из кухни, идет к воротам, останавливается и устремляет взор на небо. Напряжение спадает, теперь он кажется старым и усталым. В отчаянии бормочет.) Боже всемогущий, никогда еще я не был так одинок! (Заслышав шаги слева, берет себя в руки.)

В ворота вбегают Эбин. Он тяжело дышит, глаза блуждают, у него вид сумасшедшего.

(Хватает его за плечо.) Сказал шерифу?

Эбин (кивает головой). Ага.

Кэбот (с силой толкает Эбина, и тот падает. Кэбот хохочет с уничтожающим презрением). Слизняк! (Идет к коровнику, затем оборачивается, говорит с угрозой.) Уведет ее шериф—убирайся на все четыре стороны! Убирайся, или ему придется прийти еще раз, чтобы забрать еще одного убийцу. (Уходит.)

Эбин (*вскакивает, бежит в дом. Ворвавшись на кухню, подбегает к Абби, падает перед ней на колени*). Прости меня! Прости!

Абби (*радостно*). Эбин! (*Целует его и прижимает его голову к своей груди.*)

Эбин. Я люблю тебя! Прости меня!

Абби (*наклоняется, иступленно целует его*). За эти твои слова я готова все тебе простить.

Эбин (*в отчаянии*). Но я сказал шерифу. Он придет за тобой.

Абби. Теперь мне ничего не страшно.

Эбин. Он еще спал, я разбудил его и рассказал. Он говорит: «Подожди во дворе, я оденусь». Я ждал, а сам все думал о тебе. Сердце разрывалось! Даже заплакал. И вдруг я понял, что люблю тебя и всегда буду любить.

Абби (*глядит его по голове; нежно*). Глупый ты мой...

Эбин. Бросился назад. Через поля и леса... и думал... Абби, у нас еще есть время. Мы успеем скрыться...

Абби (*отрицательно качает головой*). Нет, Эбин. Я приму наказание. За грех надо расплачиваться.

Эбин. Тогда расплатимся вместе.

Абби. Ты невиновен.

Эбин. Но это я подсказал тебе... Я хотел, чтобы он умер... Я надоумил...

Абби. Нет, Эбин. Я все сделала одна.

Эбин. Я виновен так же, как и ты. Если бы мы не согрешили...

Абби (*подняв голову, как бы бросая вызов богу*). Я не раскаиваюсь и даже не прошу тебя, господи, простить мне этот грех.

Эбин. Я тоже не раскаиваюсь... Но дело дошло до убийства. Значит, и я виновен. Я так и скажу шерифу. А если ты станешь отрицать, я скажу, что мы вдвоем замыслили убийство, и мне поверят, они за нами следили... они всему поверят. Да ведь так оно и есть—я надоумил тебя.

Абби (*прижавшись к нему; рыдая*). Нет. Я не хочу, чтоб ты страдал!

Эбин. Я тоже должен расплачиваться за грех. Если я оставлю тебя, уйду на Запад,—я буду думать о тебе день и ночь и мучиться. Я там, на воле, а ты здесь... (*Понизив голос.*) Я живу, а тебя уже нет... В неволе и в смерти, в раю или в аду—но только с тобой. (*Смотрит ей в глаза, пытается улыбнуться.*) Если я разделю с тобой наказание, я хоть не буду чувствовать себя одиноким.

Абби (*без прежней настойчивости*). Я не могу тебе позволить, Эбин. Не могу!

Эбин (*целует ее; ласково*). Ничего у тебя не получится. На этот раз я победил тебя.

Абби (*силясь улыбнуться; с обожанием*). Я и не хотела тебя побеждать.

Эбин (*прислушиваясь*). Слышишь? Шаги... За нами пришли.

Абби. Нет, это он. Не отвечай ему, что бы он ни говорил. Не связывайся с ним. Я тоже буду молчать.

Входит Кэбот. Он очень возбужден. Эбин все так же стоит на коленях перед Абби, обняв ее одной рукой; она обняла его.

Кэбот (*молча смотрит на них, затем мстительно*). Воркуете, как голубки, убийцы проклятые! Повесить вас надо на одном суку, да так и болтайте и в жар, и в холод—в назидание старым дуракам, вроде меня, которые боятся одиночества. Да и молодым дуракам, чтобы не давали воли похоти. (*Пауза. Лицо становится напряженным, глаза бегают. Вид у него не совсем нормальный.*) Не работаете мне что-то сегодня. Интерес пропал. Ну ее к черту, эту ферму! Брошу ее! Коров я выгнал в лес, на волю—пусть гуляют. Их освободил и сам освободился. Сегодня же уйду отсюда. Подожду дом и коровник и буду смотреть, как они горят... Только пепел и останется. Пусть тут твоя мать бродит, грозитя. А поля—пусть их господь бог обратно забирает, чтоб никто их больше не тронул. Сам уеду в Калифорнию—к Симсону и Питеру. Они хоть и дураки, но они мои сыновья—Кэботы все вместе найдут сокровища Соломоновы. (*Дурачась.*) У-оп! Что это они пели, когда уходили? «О Калифорния!..»—так, что ли? Поплыву в Калифорнию на лучшем корабле. У меня есть деньги! (*Становится на колени, поднимает половицу, под которой когда-то спрятал деньги.*) Вы бы их давно украли, если бы знали, где они. А они—здесь. (*Шарит рукой, не находит, шарит вновь. Наступает мертвая тишина. Садится на пол, смотрит на Эбина мутными, остекленевшими глазами, хватает ртом воздух, вот-вот лишится сознания, делает несколько судорожных вдохов—выдавливает наконец усмешку.*) Так, значит, ты их все же украд?

Эбин (*спокойно*). На эти деньги я откупил их доли в ферме—оплатил проезд в Калифорнию.

Кэбот (*язвительно*). Ха! (*Начинает приходить в себя. Медленно поднимается на ноги.*) Это бог им отдал деньги—не ты. Может, на Западе и легко добыть золото, но это не божье золото. Оно не для меня. Я вновь слышу его голос. Опять говорит мне—будь твердым и оставайся здесь. Он велел тебе украсть деньги, он уберет меня от

соблазна. Чувствую я — он осеняет меня своей дланью, перст его указывает мне. *(Пауза. С грустью.)* Но как же мне одиноко. Так еще никогда не было, и я ведь старею, скоро совсем дряхлым стану... *(Ожесточаясь.)* Одинок — а что ты хочешь? Бог, что ли, не одинок? Бог тверд и одинок. *(Умолкает.)*

Слева появляется Шериф и с ним еще двое. Осторожно подходят к двери. Шериф стучит в дверь прикладом пистолета.

Шериф. Именем закона — откройте!

Кэбот. Пришли за вами. *(Открывает дверь.)* Входи, Джим. Они здесь, в целостности-невредимости.

Шериф переступает порог кухни, остальные двое останавливаются в дверях.

Эбин *(вдруг кричит)*. Я солгал, Джим! Я помогал ей, мы — вместе... Забирай и меня!

Абби *(порывисто)*. Нет! Нет!

Кэбот. Заберите обоих. *(Выходит вперед, бросает на Эбина одобрительный взгляд.)* Вот не ожидал — это ты здорово!.. *(Пауза.)* Ну ладно, пойду соберу коров. Прощайте.

Эбин. Прощай.

Абби. Прощай.

Кэбот выходит из кухни, спускается во двор и направляется к коровнику. Плечи его распрямлены, лицо будто окаменело, он ступает медленно, тяжело.

Шериф *(несколько растерянно)*. Надо идти, пожалуй.

Абби. Подождите. *(Поворачивается к Эбину.)* Я люблю тебя, Эбин.

Эбин. Я люблю тебя, Абби.

Они целуются. Мужчины смущенно улыбаются, переступая с ноги на ногу.

(Кивнув головой шерифу.) Теперь пошли. *(Берет Абби за руку и вместе с ней выходит из кухни.)*

Мужчины следуют за ними.

(Спустившись во двор, останавливается у ворот и смотрит на небо.) Солнце всходит. Красота-то какая, а?

Абби. Да, красиво.

Оба благоговейно и восхищенно смотрят на небо, уже отрешенные от всего земного, от всех обид и страданий.

Шериф *(оглянувшись, смотрит на дом; своим спутникам)*. Хороша ферма, что и говорить! Ферма — что надо. Не отказался бы от такой.

Занавес

ДОЛГИЙ ДЕНЬ УХОДИТ В НОЧЬ

Пьеса в четырех действиях

Перевод В. Воронина

*Карлотте,
в двенадцатую годовщину
нашей судьбы*

Родня! Дарю тебе рукопись пьесы о терзаниях минувших лет, написанную кровью сердца. Какой, казалось бы, неподходящий подарок в столь счастливый день! Но ты поймешь. Это дань признательности за твою любовь и нежность, утвердившие во мне веру в любовь. Благодаря этой вере я наконец-то смог рассказать о моих умерших близких и написать эту пьесу — написать ее с глубоким состраданием ко всем четверем мучающимся Тайронам, понимая и прощая каждого из них.

Эти двенадцать лет были, моя любимая, полны света и любви. Ты знаешь, как я благодарен тебе за все. И как я тебя люблю!

Джин

*Тао-хаус
22 июля 1941 года*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джеймс Тайрон.

Мэри Кэнан Тайрон — его жена.

Джеймс Тайрон-младший — старший сын.

Эдмунд Тайрон — младший сын.

Кэтлин — служанка.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общая комната на даче Джеймса Тайрона. Август 1912 года. Утро. В глубине комнаты две двустворчатые двери с раздвинутыми портьерами. Дверь справа ведет в общую комнату — она аккуратно прибрана, но вид у нее нежилой. Другая дверь ведет в темную проходную комнату, которая соединяет общую комнату со столовой. В простенке между дверьми висит портрет Шекспира, под ним стоит небольшой книжный шкаф, полки которого заставлены романами Бальзака, Золя, Стендаля, философскими и социологическими трудами Шопенгауэра, Ницше, Маркса, Энгельса, Кропоткина, Макса Штирнера, пьесами Ибсена, Шоу, Стриндберга, томиками стихов Суинберна, Россетти, Уайльда, Эрнста Доусона, Киплинга и др. В правой стене, в дальнем от зрителя углу комнаты, выход на веранду, которая огибает угол дома. Ближе к зрителю в той же стене три окна с видом на лужайку перед домом, набережную и гавань вдали. По одну сторону от окон стоит у стены плетеный столик, по другую — простеночная дубовая конторка.

В стене слева такие же три окна, выходящие на задний двор. У окон — спинкой к стене — стоит легкий плетеный диванчик с разбросанными на нем подушками. Дальше — большой застекленный книжный шкаф. В нем собрание сочинений Дюма, Виктора Гюго, Чарльза Линера, три собрания пьес Шекспира, пятьдесят объемистых томов серии «Шедевры мировой литературы», «История Англии» Юма, «История Консульта и Империи» Тьера, «История Англии» Смоллетта, «Римская империя» Гиббона, однотомники пьес классиков, сборники стихов и несколько книг по истории Ирландии. Самое удивительное, что у всех этих фолиантов такой вид, будто их постоянно читают и перечитывают. Почти весь пол покрыт неярким ковром. Посреди комнаты круглый стол. На нем лампа с зеленым абажуром, шнур от которой тянется к одному из четырех рожков висящей над столом люстры. Вокруг стола три плетеных кресла. Справа от стола, ближе к зрителям, — подпорованное дубовое кресло-качалка с кожаным сиденьем.

Примерно половина девятого утра. Через окна справа падают лучи солнца. В момент поднятия занавеса Тайроны только что позавтракали. Из проходной комнаты одновременно появляются идущие из столовой Мэри Тайрон и Джеймс Тайрон, ее муж.

Мэри Тайрон — пятидесятичетырехлетняя женщина среднего роста. У нее стройная молодая фигура. При некоторой округлости форм ни талия, ни бедра не выдают в ней пожилой дамы, хотя она и не затянута в корсет. У нее типично прашадское лицо. Должно быть, в свое время оно отличалось редкой красотой, да и теперь еще приковывает к себе взор. Бледное, тонкое лицо Мэри с четко очерченными чертами контрастирует с ее полноватой фигурой. У нее черные брови, правильный прямой нос, большой рот, выразительный и подвижный. Она не красит губы и вообще не употребляет никакой косметики. Высокий лоб обрамляют пышные седые волосы. По контрасту с бледностью лица и серебром волос темно-карие глаза кажутся совсем черными. Глаза необыкновенно большие, красивые, с длинными загнутыми ресницами.

С первого взгляда она поражает своей нервозностью. Руки ее не знают покоя. Когда-то красивые, с тонкими и длинными пальцами, теперь они изуродованы ревматизмом: суставы распухли, пальцы искривлены. На эти обезображенные, скрюченные болезнью руки стараются не смотреть, все понимают, как болезненно она переносит их уродство и как страдает оттого, что ничего не может поделать с их нервной дрожью и светлыми движениями.

Одега Мэри просто, но со вкусом. Прическа тщательно. У нее мягкий, приятный голос. В минуты веселья он приобретает характерную ирландскую певучесть.

Больше всего привлекает в ней простота и внутренняя целомудренность

чистота — это свойство застенчивой юности осталось в ней еще с тех лет, когда она была воспитанницей женского монастыря.

Джеймсу Тайрону шестьдесят пять лет, но выглядит он лет на десять моложе. Это широкоплечий, крепкий мужчина среднего роста. Он кажется тупее и строинее благодаря осанке, в которой есть что-то от солдатской выправки: подбородок поднят, грудь вперед, живот подтянут, плечи развернуты. Лицо его начало стареть; но он и сейчас еще очень хорош собой: крупная голова, правильные черты лица, красивый профиль, глубоко посаженные светло-карие глаза. Через редкие с проседью волосы просвечивает лысина, похожая на монашескую тонзуру.

В Джеймсе безошибочно узнаешь актера — профессия наложила на него неизгладимый отпечаток. Однако он держится без позерства и манерничанья театральной знаменитости. По характеру и склонностям это простой, без претензий человек, мало чем отличающийся в своих вкусах и привычках от бедного начинающего артиста, каким он был когда-то, и от своих предков — ирландских фермеров. Актера выдает манера говорить, двигаться, жестикулировать. Тут сквозит отработанная техника. У него прекрасно поставленный, звонкий и гибкий голос, которым он очень гордится.

Одет Джеймс самым перомантическим образом. На нем дешевый готовый костюм серого цвета, свободный и порядком потертый, рубашка без воротничка, на шею небрежно повязан белый шелковый платок, черные ботинки не чищены. Его парад никак не назовешь живописно небрежным. Он просто-напросто одет в старье. Джеймс считает, что одежду надо донашивать до дыр, сейчас он собирается поработать в саду, и ему совершенно безразлично, как он выглядит.

За всю свою долгую жизнь этот здоровяк ни одного дня не был по-настоящему болен. У него крепкие нервы. Вообще в нем много от грубоватой простоты крестьянина, которая сочетается с некоторой склонностью к сентиментальной грусти и вспышками повышенной чувствительности.

Супруга Тайрона входят из проходной комнаты бок о бок, он держит ее за талию. Войдя в комнату, Тайрон шуточно обнимает жену.

Тайрон. Ты здорово округлилась, Мэри, фунтов двадцать прибавила.

Мэри (*ласково улыбается*). Ты хочешь сказать, я слишком располнела? Ты прав, милый, мне надо бы сбросить лишнее.

Тайрон. Вот уж нет, дорогая! Ты сейчас — в самой норме. И не вздумай худеть. Кстати, уж не потому ли ты ничего не ела за завтраком?

Мэри. Так уж и ничего? А мне показалось, я много съела.

Тайрон. Какое там! По мне, так совсем ничего!

Мэри (*подишучивая над ним*). Еще бы! Ведь ты уверен, что и другие способны, как ты, уплести за завтраком целую гору. Да кроме тебя ни один человек в мире не рискнет столько всего заглотать в один присест — побойтся отдать богу душу. (*Проходит вперед и останавливается на правую сторону стола.*)

Тайрон (*следует за ней*). Ну-ну, не такой уж я обжора, как ты это изображаешь. (*Явно доволен собой.*)

Но аспирин у меня в мои шестьдесят пять и впрямь дай бог каждому, и желудок работает не хуже, чем у двадцатипятилетнего.

Мэри. Что правда, то правда, Джеймс. Этого у тебя не отнимешь. *(Смеется, усаживается в плетеное кресло с правого дальнего от нас края стола.)*

Он обходит ее сзади, выбирает из стоящего на столе ящика сигару и обрезает маленькими ножницами. Из столовой доносятся голоса Джеймса и Эдмунда.

(Оборачивается и прислушивается.) Что это мальчишки задержались в столовой? Кэтлин, наверно, ждет не дождется, хочет поскорее убрать со стола.

Тайрон *(в его шутке сквозит затаенная обида)*. Не иначе как секретничают за моей спиной. Держу пари, изобретают какой-нибудь новый способ выколотить деньги из старика.

Мэри ничего не отвечает. Ее голова по-прежнему повернута в сторону столовой, руки начинают нервно двигаться по столу.

Тайрон *(закуривает, садится в кресло справа от стола — это его место — и с довольным видом попыхивает сигарой)*. На свете нет ничего лучше первой сигары после завтрака; конечно, хорошей сигары. А в этой партии сигары отменные — мягкие, ароматные. Удачная покупка: по дешевке, прямо даром. Это Макгир сосватал мне ящик.

Мэри *(не без ехидства)*. Надеюсь, он не сосватал тебе в придачу еще один участок земли? Все эти участки, которые он навязывает тебе, — куда менее удачные приобретения.

Тайрон *(оправдываясь)*. Ну, не скажи. Ведь это он посоветовал мне купить тот участок на Честнат-стрит, помнишь, я тут же перепродал его и заработал кучу денег.

Мэри *(улыбаясь, ласково поддразнивает его)*. Как же, помню. Это был единственный случай, когда тебе повезло! Твой Макгир, конечно, и не предполагал.. *(Похлопывает его по руке.)* Ну-ну, не буду, Джеймс. Все равно тебя не убедить, что ты далеко не тот ловкач-перекупщик земельных участков, каким себя воображаешь.

Тайрон *(раздраженно)*. Ничего подобного я не воображаю. Но земля есть земля, и вкладывать в нее деньги куда надежнее, чем в акции и облигации мошенников с Уолл-стрит. Ладно, не будем спозаранку спорить о делах.

Слышны голоса их сыновей. Один из них закашлялся.

Мэри *(тревожно прислушивается, нервно барабанит пальцами по столу)*. Джеймс, ты бы лучше Эдмунда

отругал, что он плохо ест. Ведь ни к чему не притронулся, кроме кофе. А он должен есть, чтобы поправиться. Я ему все время твержу об этом, но у него одна отговорка — аппетита нет. И правда, какой уж тут аппетит, когда простуда.

Тайрон. Вот именно. Не тревожь ты себя напрасно...

Мэри (*поспешно*). Да я и не тревожусь. День, другой — и поправится, если побережется.

Чувствуется, что она хотела бы переменить тему разговора, но не в силах сделать это.

Вот уж не ко времени заболел — именно сейчас!

Тайрон. Да, не повезло. (*Бросает на нее быстрый, встревоженный взгляд.*) Только не расстраивайся ты из-за этого. Помни, тебе самой нужно беречься.

Мэри (*поспешно*). Я не расстраиваюсь. Да и с чего бы? Откуда ты взял, что я расстраиваюсь?

Тайрон. Мне, наверно, просто показалось; в последние дни ты немного нервничаешь.

Мэри (*с натянутой улыбкой*). Нервничаю? Какой вздор, милый. Тебе померещилось. (*С внезапной горячностью.*) Джеймс, прошу тебя, не следи ты за мной. Право же, мне это неприятно.

Тайрон (*кладет руку на ее нервно бегающие пальцы*). Полно, полно, дорогая. Это тебе померещилось. Если я и не свожу с тебя глаз, то только потому, что люблю тебя: ты так пополнила и похорошела. (*В его словах вдруг прорывается глубокое чувство.*) Если бы ты знала, родная, как я счастлив, невыразимо счастлив видеть, что ты снова с нами и такая же, как прежде. (*Поднявшись внезапному порыву, наклоняется и целует ее в щеку. Затем, несколько напряженно, добавляет.*) Будь умницей, дорогая.

Мэри (*отвернувшись*). Хорошо, милый. (*Встает и подходит к окнам справа.*) Слава богу, туман рассеялся. (*Поворачивается.*) Мне действительно сегодня что-то не по себе. Всю ночь выла эта ужасная сирена, и я почти не сомкнула глаз.

Тайрон. И не говори! Будто больной кит завывал во дворе. Мне эта сирена тоже не давала спать.

Мэри (*ласково подтрунивая*). Тебе? Проявлялась, однако, твоя бессонница довольно странно. Ты храпел, да так, что я порой не могла понять, то ли это твой могучий храп, то ли сирена. (*Смеется, подходит к нему и шутливо треплет его по щеке.*) Да тебя и десяток сирен не разбудит! Что и говорить, первы у тебя железные!

Тайрон (*раздраженно, так как это ему неприятно*). Дался тебе мой храп! Вечно ты преувеличиваешь.

Мэри. Какое там преувеличение! Если бы ты хоть разок сам услышал...

Из столовой доносится дружный смех.

(С улыбкой поворачивает голову в ту сторону.) Над чем они там смеются?

Тайрон *(сердито)*. Надо мной. Можешь не сомневаться. Они только и делают, что вышучивают старика отца.

Мэри *(шутливо)*. Ах, как ужасно, все только и знают, что подтрунивают над тобой! Оскорбляют! *(Рассмеявшись, она продолжает спокойно, с довольным видом.)* Знаешь, чьи бы они там косточки ни перемывали, главное, что Эдмунд смеется. У меня от сердца отлегло: ведь он последнее время ходил как в воду опущенный.

Тайрон *(пропуская мимо ушей последние слова, возмущенно)*. Держу пари, это все шуточки Джейми! Этот зубоскал постоянно кого-нибудь высмеивает.

Мэри. Ну-ну, оставь в покое бедного Джейми. *(Без особой убежденности.)* Вот посмотришь, он еще выправится.

Тайрон. Пора бы начать. Оболтусу скоро тридцать четыре.

Мэри *(игнорируя его реплику)*. Господи, да что они, весь день собираются проторчать в столовой? *(Подходит к двери в проходную комнату и зовет.)* Джейми! Эдмунд! Идите сюда и дайте Кэтлин убрать со стола.

Голос Эдмунда: «Идем, мама».

(Возвращается к столу.)

Тайрон *(ворчливо)*. Ты готова оправдывать его, что бы он ни вытворял.

Мэри *(сядась рядом с ним, нежно гладит его руку)*. Ну будет тебе.

Из проходной комнаты выходят вместе их сыновья—Джейм-младший и Эдмунд. Оба ухмыляются—они еще не отсмеялись. Взглянув на отца, и тот и другой еще шире расплываются в улыбке. Джейме—старший брат, ему тридцать три года. Широкоплечий и коренастый, он унаследовал отцовское телосложение. Но несмотря на то что он на дюйм выше отца и уже его в груди, создается впечатление, что он ниже и толще Тайрона: ему явно недостает отцовской осанки и изящной манеры держаться. Недостает ему и живости отца, его энергии. У него незримо потасканный вид. Его лицо, носящее следы беспутного образа жизни, все еще довольно привлекательно. Лицом он тоже больше похож на отца, чем на мать; впрочем, он никогда не был так хорош собой, как Тайрон. У него красивые карие глаза промежуточного оттенка между отцовскими светло-карими и материнскими темными. Волосы начали редеть, и на макушке, так же как и у отца, уже обозначилась лысина. В отличие от остальных членов семьи у него четко очерченный орлиный нос. В сочетании с постоянной насмешливо-

пиничной миной этот нос придает его лицу мексиканское выражение. Но в те редкие минуты, когда он улыбается просто, без сарказма, в его облике проскальзывает характерное ирландское обаяние веселого, романтического, беспутного гуляки с налетом поэтической сентиментальности — обаяние, привлекающее женщин и дружески располагающее мужчин.

Джейми в старом мешковатом костюме, но не таком потрепанном, как у отца. На нем рубашка с пристегнутым воротничком и галстук. На его белом лице, покрытом красноватым загаром, видны веснушки.

Эдмунд на десять лет моложе брата, дюйма на два выше ростом, сухоощав и жилист. Если Джейми пошел в отца и не похож на мать, то Эдмунд унаследовал черты обоих родителей, но больше взял от матери. На узком, продолговатом, типично ирландском лице выделяются большие и темные, как у матери, глаза. И рот у него такой же подвижный и выразительный, как у нее. У него материнский лоб, только еще более высокий. Выгоревшие до рыжины темно-русые волосы зачесаны назад. Нос — отцовский, и в профиль Эдмунд похож на Тайрона. Бросается в глаза, что руки у него такие же, как у матери: та же форма, те же необычайно длинные, нервные — хоть и не в такой степени — пальцы. Именно эта обостренная чувствительность и делает Эдмунда очень похожим на мать. Он явно нездоров: об этом говорят неестественная худоба, запавшие щеки, лихорадочный блеск глаз. Несмотря на загар, видно, что у него болезненно желтый цвет лица. Он в рубашке с пристегнутым воротничком и при галстуке, без пиджака, в старых фланелевых коричневых брюках и в коричневых поношенных домашних туфлях.

Мэри *(с улыбкой поворачиваясь к ним, нарочито веселым тоном)*. А я тут поддразниваю вашего отца — ну и горазд же он храпеть! *(Тайрону.)* Вот и мальчики подтвердят. Они, наверно, слышали, как ты заливаешься. Нет, конечно, не ты, Джейми. Ночью я спускалась вниз и слышала из прихожей, какие ты выводишь рулады. Вылитый отец: засыпаешь как убитый, едва коснешься головой подушки, и тут уж сто сирен тебя не разбудят. *(Внезапно умолкает, поймав тревожный испытующий взгляд Джейми. С ее лица сходит улыбка, она настораживается.)* Ты что на меня так смотришь, Джейми? *(Нервным движением подносит руки к волосам.)* У меня прическа растрепалась, да? Теперь мне так трудно следить за волосами: глаза видят все хуже, а очки постоянно теряю.

Джейми *(с виноватым видом отводит глаза в сторону)*. Прическа у тебя в порядке, мама. Я просто подумал, как ты прекрасно выглядишь!

Тайрон *(сердечным тоном)*. Вот и я ей говорю то же самое. Она стала такая толстушка да кокетка, что скоро с ней сладу не будет!

Эдмунд. Да, мама, ей-богу, ты — просто загляденье.

Успокоившись, она улыбается и с любовью смотрит на него.

(Заговорщицки подмигивая и улыбаясь.) А насчет папного храпа я подтверждаю: от него стены трясутся!

Джейми. И я слышал его трели. *(Становится в позу и в ходульной манере плохого актера декламирует.)* «Знакомый звук, то мавр трубит»¹.

Тайрон *(ядовито)*. Уж если нужен мой храп, чтобы ты вспомнил Шекспира вместо статеск о скачках, то я постараюсь и дальше храпеть во все горло.

Мэри. Полно, Джеймс. Нельзя быть таким обидчивым.

Джейми, пожав плечами, садится в кресло справа от нее.

Эдмунд *(раздраженно)*. Ради бога, папа, не заводи ты старую песню с самого утра. Неужели мы не можем поговорить о чем-нибудь еще? *(Опускается в кресло по левую сторону стола, рядом с бритом.)*

Отец оставляет его слова без внимания.

Мэри *(с укоризной)*. Эдмунд! Тебя ведь отец ни в чем не упрекнул. И не защищай ты всякий раз Джейми. Можно подумать, что это ты на десять лет старше.

Джейми *(со скучающим видом)*. Ну что вы ссоритесь по пустякам? Забудем об этом.

Тайрон *(презрительно)*. О конечно, забудем! Все забудем, на все закроем глаза! Очень удобная философия для бездельников, которые ни к чему не стремятся в жизни, кроме как...

Мэри. Джеймс, прошу тебя, оставь. *(Положив руку ему на плечо, примирительно.)* Ты сегодня не с той ноги встал, милый? *(Чтобы переменить разговор, обращается к сыновьям.)* Что это вы улыбались, когда пришли из столовой,—ни дать ни взять два чеширских кога. Что-нибудь смешное?

Тайрон *(с трудом подавив раздражение, с напускным добродушием)*. Ну, расскажите нам, над чем это вы потешались? Я тут говорил уже вашей матери, что вы не иначе как на мой счет прохаживаетесь; но все равно выкладываете—мне не привыкать!

Джейми *(сухо)*. Не на меня смотри. Это малыш рассказывал.

Эдмунд *(улыбается)*. Я хотел еще вчера вечером тебе рассказать, папа, да позабыл. Вчера я пошел прогуляться и заглянул в кабачок...

Мэри *(встревоженно)*. Эдмунд, тебе же нельзя пить сейчас!

Эдмунд *(не обращая внимания)*. И кого же, ты думаешь, я встретил там? Достопочтенного Шонесси, арендатора твоей фермы,—и в сильном подпитии.

¹ У. Шекспир. Отелло, акт II, сцена I.

Мэри *(с улыбкой)*. Ужасный человек! Но он очень потешный.

Тайрон *(мрачно)*. Когда такой плут у тебя арендатором, тут не до потехи. Пьянчужка и вдобавок шельмец: любого вокруг пальца обведет. Интересно, на что он жаловался, Эдмунд? Не сомневаюсь, что этот прощельга плакался тебе в жилетку. Должно быть, просил, чтобы я снизил арендную плату? Я сдаю ферму буквально за гроши—лишь бы место не пустовало, но он и их не платит, пока не пригрозил выселением.

Эдмунд. Нет, он ни на что не жаловался. Напротив, был так доволен жизнью, что даже сам расплатился за выпивку—чудеса, да и только. Ликовал же он потому, что у него произошла стычка с твоим другом Харкером—этим миллионером, столпом компании «Стандард ойл», и он одержал над своим недругом блистательную победу.

Мэри *(смеясь и ужасаясь)*. Господи боже! Джеймс, ты бы поговорил...

Тайрон. Шонесси теперь беды не оберется.

Джейми *(с неприязнью)*. Держу пари: когда в следующий раз ты повстречаешься с Харкером в клубе и, как всегда, отвесишь ему почтительный поклон, он попросту не заметит тебя.

Эдмунд. Как пить дать! Харкер перестанет считать тебя джентльменом. Разве настоящий джентльмен сдаст землю арендатору, который не трепещет перед одним из королей Америки?

Тайрон. Уши вянут от этой социалистической ахинеи. Слушать не хочу...

Мэри *(мягко)*. Но что же у них там произошло, Эдмунд?

Эдмунд *(с улыбкой, поддразнивая отца)*. Так вот. Как ты помнишь, папа, в имени Харкера пруд, из которого берут лед, находится в двух шагах от фермы. А Шонесси, как тебе известно, держит на ферме свиней. В изгороди, оказалось, была лазейка, и свиньи проникали в имение нашего миллионера и барахтались в этом самом пруду. Управляющий и скажи Харкеру, что Шонесси, мол, нарочно поломал изгородь, чтобы его свиньи могли вволю побарахтаться в чужом пруду.

Мэри *(удивляясь, весело)*. Боже правый!

Тайрон *(угрюмо, но не без восхищения)*. Уверен, так оно и было. Этот прохвост и не на такие штуки способен.

Эдмунд. И вот Харкер собственной персоной является к Шонесси, чтобы по-мужски поговорить с ним. *(Заливаясь смехом.)* Ей-богу, ничего глупее нарочно не придумаешь! Если бы я не был уверен в том, что наши правящие плутократы—особенно те из них, которым все

добро досталось по наследству,—далеко не гиганты мысли, одного этого было бы достаточно.

Тайрон (*с невольным одобрением*). Да, уж сего-то Шонесси за пояс заткнет! (*Спохватившись, ворчливо.*) Оставь свои анархистские высказывания при себе! И чтобы я их не слышал больше в своем доме! (*Но ему не терпится услышать продолжение рассказа.*) Ну так чем дело кончилось?

Эдмунд. У Харкера было не больше шансов, чем у меня, вздумай я тягаться с Джеком Джонсоном¹. Шонесси подкрепился доброй порцией спиртного и вышел встречать Харкера к ворогам. По его словам, бедняге Харкеру рта не удалось открыть. Для начала Шонесси заорал, что он не какой-нибудь раб и не допустит, чтобы «Стандард ойл» попирала его достоинство. По крови он, Шонесси,—король Ирландии, у него все права на этот титул, а подонки всегда останутся в его глазах подонком, сколько бы он ни украл денег у бедняков.

Мэри. Боже! (*Не может удержаться от смеха.*)

Эдмунд. Затем Шонесси обвинил Харкера в том, что это он заставил своего управляющего проломить изгородь—специально для того, чтобы извести принадлежащих ему, Шонесси, свиней, заманив их в ледяную воду. Бедные животные, вопил Шонесси, насмерть простудились. Многие из них подымают от воспаления легких, другие гибнут от холеры, наглотавшись отравленной воды. Потом он пригрозил Харкеру, что обратится к адвокату и потребует через суд возмещения убытков. Напоследок он заявил, что ему приходится терпеть у себя на ферме жгучую крапиву, клещей, картофельных клопов, ядовитых змей и вонючек, но что всему есть предел, и он, как человек честный, не допустит, чтобы в его владения забирался жулик из «Стандард ойл». Так что не будет ли Харкер любезен избавить его от своего гнусного присутствия, пока он не натравил на него собак. И Харкер убрался восвояси!

Эдмунд и Джейми хохочут.

Мэри (*негодует, хотя не может не смеяться*). Боже, ну и язык у этого Шонесси!

Тайрон (*повинуясь первому порыву, восхищенно*). Вот это отбрил, шельма! Ему сам черт нипочем! (*Хохочет; внезапно обрывает смех и хмурится.*) Но

¹ Имется в виду американский политический деятель Джон (уменьшительное Джек) Джонсон (1861—1909), речи которого изобиловали резкими личными выпадами в адрес противников.

каков мерзавец! Я еще наживу из-за него неприятностей. Надеюсь, ты сказал ему, что я не на шутку рассержусь...

Эдмунд. Я сказал ему, что ты до смерти обрадуешься этой великой победе ирландцев, и оказался прав. Брось притворяться, папа!

Тайрон. Вот уж нет. Ничуть это меня не радует.

Мэри (*поддразнивая*). Так уж и не радует, Джеймс? Ты же просто в восторге!

Тайрон. Нет, Мэри, шутки шутками, но...

Эдмунд. Я и говорю Шонесси: надо бы напомнить этому Харкеру, что если ему подадут к виски воду со льдом, от которой будет идти свиной дух, то он должен только спасибо сказать—ведь для миллионера из «Стандард ойл» это родной запах!

Тайрон. А что Шонесси? (*Нахмурившись*.) Черт побери, не впутывай ты в мои дела свой анархизм!

Эдмунд. Шонесси просто волосы на себе рвал от досады: как это он сам не додумался такое вернуть?! Но ничего, говорит, он еще козырнет этим в письме к Харкеру и прибавит кое-что похлеще, сразу-то не все сообразишь. (*Смеется вместе с Джейми*.)

Тайрон. Ну что покатываетеесь? Ничего смешного! Спасибо, порадовал отца: теперь с твоей помощью этот негодяй, чего доброго, втянет меня в судебную тяжбу.

Мэри. Полно, Джеймс, не горячись.

Тайрон (*поворачиваясь к Джейми*). А ты еще хуже, чем он: ведь это все ты его подзуживаешь. Наверно, жалеешь, что тебя вместе с ним не было. Уж ты бы подбросил Шонесси парочку оскорблений похлеще. К чему другому, а к этому у тебя большие способности.

Мэри. Джеймс! Ведь Джейми не виноват—за что ты на него напустился?

Джейми хочет ответить отцу какой-нибудь колкостью, но только пожимает плечами.

Эдмунд (*нервно, с внезапной вспышкой раздражения*). Боже мой, опять ты за свое, папа! Если ты снова заводишь шарманку, я ухожу. (*Вскакивает с кресла*.) Все равно я книгу забыл наверху. (*Идет через гостиную; с возмущением*.) И как только тебе самому не надоест одно и то же, одно и то же!.. (*Уходит*.)

Тайрон провожает его разгневанным взглядом.

Мэри. Не сердись на Эдмунда, Джеймс. Ведь он нездоров.

Слышно, как Эдмунд кашляет, поднимаясь по лестнице.

(Нервно добавляет.) Такая сильная простуда кого хочешь сделает раздражительным.

Джейми *(с искренней тревогой и озабоченностью)*. У него не просто простуда. Малыш и вправду серьезно болен.

Отец бросает на него красноречивый предостерегающий взгляд, но он не замечает этого.

Мэри *(возмущенно)*. Ну что ты говоришь?! У него обычная простуда. Это же всякому видно. Вечно ты воображаешь бог знает что.

Тайрон *(снова бросая на Джейми предостерегающий взгляд, непринужденным тоном)*. Джейми только хотел сказать, что, может быть, к Эдмунду привязалась еще какая-нибудь пустяковая хворь — от нее-то и осложнилась простуда.

Джейми. Конечно, мама, ничего другого я не имел в виду.

Тайрон. Доктор Харди считает, что у него, скорее всего, приступ малярии, которую он подцепил в тропиках. А раз так, его в два счета вылечат хинином.

Мэри *(лицо ее принимает презрительно-враждебное выражение)*. Ох уж этот доктор Харди! Да я бы ни одному слову его не поверила, поклянись он хоть на дюжине библий! Знаю я, чего стоят все эти врачи. Все они одним миром мазаны. На все пойдут, на любые подлости, лишь бы к ним приходили снова и снова... *(Заметив, что оба пристально смотрят на нее, она, смешавшись, смолкает на полуслове и нервным быстрым движением подносит руки к волосам. С вымученной улыбкой.)* Что такое? Почему вы смотрите на меня? Что-то с прической?..

Тайрон *(обнимает ее; сердечно, как бы заглаживая вину)*. Прическа у тебя в полном порядке. Подумать только, чем больше ты расцветаешь и полнееешь, тем больше заботишься о своей внешности! Этак ты скоро по полдня будешь прихорашиваться перед зеркалом.

Мэри *(немного успокоившись)*. Надо будет заказать новые очки: глаза у меня теперь никуда не годятся.

Тайрон *(с ирландской галантностью)*. Глаза у тебя прекрасные, и ты сама это великолепно знаешь. *(Целует ее.)*

Мэри вспыхивает от смущения. Она очень мила в этой своей застенчивости. В ней вдруг проглядывает девочка, какой она была когда-то — и это не призрак минувшего, та девочка живет в ней и сейчас.

Мэри. Джеймс, разве можно быть таким легкомысленным? Какой пример ты подаешь Джейми?!

Тайрон. Джейми и сам отлично знает, что все эти охи да ахи по поводу слабых глаз и растрепавшихся волос — лишь способ напроситься на комплименты; правда, Джейми?

Джейми (*его лицо тоже светлеет, и в ласковой улыбке, с которой он смотрит на мать, сквозит мальчишеское обаяние*). Конечно! Нас, мама, не проведешь!

Мэри (*смеется, ее голос звучит по-ирландски певуче*). Да хватит вам говорить глупости! (*С серьезностью девочки-подростка*.) Но у меня действительно были красивые волосы, правда, Джеймс?

Тайрон. Самые красивые в мире!

Мэри. Рыжевато-каштановые, какого-то особенного оттенка, и такие длинные, ниже колен спускались. Ты, Джейми, тоже должен их помнить. Ведь до того как родился Эдмунд, у меня не было ни одного седого волоска. А потом они начали седеть.

Сходство с девочкой исчезает.

Тайрон (*поспешно*). Да они теперь красивее, чем прежде!

Мэри (*с прежним застенчивым смущением, обрадованно*). Послушай, как рассыпается твой отец, Джейми, — это на тридцать-то шестом году после свадьбы! Нет, не зря его считают большим актером. Что с тобой творится сегодня, Джеймс? Ты хочешь пристыдить меня за насмешки над твоим богатырским храпом, воздав добром за зло? В таком случае я беру свои слова назад. Наверно, я ослышалась: это была сирена.

Все трое смеются.

(*Принимает озабоченный, деловитый вид*.) К сожалению, я не могу больше оставаться с вами, как мне ни лестны ваши комплименты. Надо пойти распорядиться насчет обеда. (*Встает; с шутливым тяжелым вздохом*.) Бриджит такая лентяйка! И хитрущая вдобавок: как пойдет рассказывать про своих родственников, так уж мне и слова не вставить, чтобы ее приструнить. Ладно, ничего не поделаешь. Пойду выслушивать ее истории. (*Направляется к двери в проходную комнату, затем оборачивается. Лицо ее снова принимает встревоженное выражение*.) Джеймс, смотри не забудь: Эдмунду не следует работать с вами в саду. (*Вновь с каким-то упрямым выражением*.) Сил-то у него хватит, но он может вспотеть и, чего доброго, простудится еще больше. (*Уходит через проходную комнату*.)

Тайрон (*с укором смотрит на Джейми, осуждающе*). Надо же быть таким остолопом! Где твоя голова?!

Разве можно так говорить при матери о болезни Эдмунда? Теперь это еще больше ее встревожит!

Джейми (*пожимая плечами*). Хорошо, пусть будет по-твоему. Только я уверен, что мы не должны помогать маме обманывать себя. Ведь чем дальше тянуть, тем сильнее будет для нее удар, когда ей все-таки придется взглянуть правде в глаза. Да ты и сам видишь, что все ее разговоры о простуде — намеренный самообман. Она прекрасно знает, что с ним.

Тайрон. Знает? Этого никто еще не знает.

Джейми. Я знаю. В понедельник я был вместе с Эдмундом у доктора Харди. Он нам толковал о приступе малярии, причем явно втирал очки: сам он уже не верит в это. Он подозревает другое. И тебе это известно не хуже, чем мне. Ведь ты же говорил с ним, когда он был вчера в городе?

Тайрон. Пока что он не может сказать ничего определенного. Он позвонит мне сегодня перед тем, как Эдмунд пойдет к нему.

Джейми (*медленно*). Скажи, папа, прямо: он считает, что у Эдмунда чахотка?

Тайрон (*неохотно*). Он сказал, что это не исключено. (*Задумался.*)

Джейми (*с искренним волнением, говорящим о его любви к брату*). Черт! Бедный малыш. (*С упреком отцу.*) Может, этого никогда бы не случилось, отправь ты его, как только он заболел, к настоящему врачу.

Тайрон. Чем плох для тебя Харди? Он всегда был здесь нашим врачом.

Джейми. Чем плох? Да всем! Даже в этом захолустье он слывет третьесортным докторишкой. Дешевый старый шарлатан!

Тайрон. Так его! Черни дальше. Черни всех и вся! Тебя послушать — все люди жулики!

Джейми (*презрительно*). Харди берет всего лишь доллар. Вот почему ты считаешь его хорошим врачом!

Тайрон (*больно уязвленный*). Хватит! Сейчас ты не с пьяных глаз говоришь! Да как ты смешь... (*Берет себя в руки и продолжает, как бы оправдываясь.*) Если ты хочешь сказать, что мне не по карману оплачивать услуги какого-нибудь модного «светила», обирающего богатых курортников...

Джейми. Не по карману?! Ты же один из крупнейших землевладельцев в округе!

Тайрон. Это вовсе не значит, что я богат. Вся моя земля заложена и перезаложена...

Джейми. Оно и понятно: вместо того чтобы платить по закладным, ты прикупасил все новые участки. Да если

бы дело шло не об Эдмунде, а о приглянувшемся тебе паршивом клочке земли, ты какие угодно деньги заплагишь бы!

Тайрон. Бред! И твои издевки над доктором Харди — тоже бред! Он не пыжится, как индюк, не практикует в фешенебельном районе и не разъезжает в дорогом автомобиле. Как раз за это, а совсем не за опыт и знания платят разным выскочкам, которые дерут по пять долларов за то, что посмотрят язык.

Джейми (*презрительно пожимая плечами*). Ладно, хватит об этом. Глупо пытаться переубедить тебя. Горбатого могила исправит.

Тайрон (*с нарастающим гневом*). Кто бы поучал! А тебя что исправит?! Я давно всякую надежду потерял. И как у тебя язык поворачивается указывать мне, на что я должен тратить деньги?! Ты-то никогда не знал им цену. За всю жизнь не сэконобил ни доллара! К концу сезона у тебя вечно ни гроша в кармане! Все свое жалованье транжиришь на шлюх и на виски!

Джейми. Мое жалованье! О боже!

Тайрон. Ты получаешь больше, чем заслуживаешь, причем и это — только благодаря мне. Не будь ты моим сыном, ни один антрепренер не взял бы тебя в труппу: такая у тебя дурная репутация. Мне всякий раз приходится поступаться своей гордостью и униженно просить за тебя, уверяя, будто ты исправился, хотя прекрасно знаю, что это один обман!

Джейми. Я меньше всего хотел стать актером. Это ты навязал мне театральную карьеру.

Тайрон. Лжешь. Просто ты палец о палец не ударил, чтобы подыскать себе какое-нибудь другое занятие. Ты и эту заботу переложил на мои плечи. А у меня есть влияние и связи только в театральном мире. Нет, каково: навязал тебе?! Да ты никогда не хотел заниматься ничем другим, кроме как шататься по кабакам. Тебя бы вполне устроило до конца жизни висеть у меня на шее и бить баклуши. И это после того, как я просадил кучу денег на твое образование, а ты только и делал, что с позором вылетал из одного колледжа за другим!

Джейми. Ради всего святого, не вытаскивай ты на свет божий эту старую историю!

Тайрон. А то, что каждое лето тебе приходится возвращаться домой и жить на мой счет, это тоже старая история?

Джейми. Я отрабатываю свой хлеб, копаясь в саду. Тебе не приходится тратиться на работника.

Тайрон. Да тебя и эту малость не заставишь сделать! (*Его гнев стихает, сменяясь усталым сетованием.*) Впро-

чем, я со всем этим был бы готов мириться, если бы видел хоть малейший намек на благодарность с твоей стороны. Но вся твоя благодарность выражается в том, что ты выставляешь меня этаким скарредом, глумишься над моей профессией, издеваешься над всем — кроме себя, конечно.

Джейми (*с кривой усмешкой*). Ошибаешься, папа. Послушай бы ты, как я говорю с самим собой.

Тайрон (*озабоченно посмотрев на него, по привычке произносит*). «Неблагодарность — нет гнусней порока!»

Джейми. Так и знал, что сейчас дойдет очередь до этого изречения! Бог ты мой, в тысячный раз!.. (*Обрывает себя на полуслове: ему надоело ссориться. Пожимая плечами.*) Ладно, отец. Пусть я лодырь, бездельник, кто угодно — только кончим этот разговор.

Тайрон (*негодующе, настойчивым тоном*). Ветер у тебя в голове! Если бы у тебя была цель в жизни, ты бы вполне мог выйти в люди. И сейчас еще не поздно. Не так уж много тебе лет. У тебя были все задатки, чтобы стать хорошим актером, да ты и сейчас еще не утратил способностей — ведь ты как-никак мой сын!

Джейми (*со скучающим видом*). Хватит обо мне. Давай переменяем тему. Она мне глубоко безразлична, да и тебе тоже.

Тайрон уступает.

(*Небрежным тоном.*) Так из-за чего загорелся сыр-бор? А, из-за доктора Харди! Когда, говоришь, он собирается позвонить тебе насчет Эдмунда?

Тайрон. В обеденное время. (*Помолчав, продолжает как бы оправдываясь.*) Я просто не мог послать Эдмунда ни к какому другому врачу, хотя бы и первоклассному. Ведь Харди лечил Эдмунда чуть ли не с пеленок. Мы обращались к нему всякий раз, когда Эдмунд хворал здесь летом. Уж он-то знает все болезни Эдмунда. Так что дело тут вовсе не в моей скупости, как это ты непременно хотел бы изобразить. (*С горечью.*) Да и чем бы помог Эдмунду даже самый лучший специалист в Америке, ведь этот шалопай сам загубил свое здоровье? Беспутная жизнь, которую он ведет с тех пор, как его вытурили из колледжа, кого угодно подорвала бы. А он ведь еще со школьной скамьи приучился кутить, изображая из себя бродвейского гуляку. — подражание тебе, конечно! Разве мог его организм выдержать такой образ жизни? Это у тебя здоровье железное. Ты пошел в меня, такой же здоровяк. Во всяком случае, ты был здоровяк в его возрасте. А он вылитая мать, сплошной комок нервов. Я ему из года в год твердил, что он погубит себя, но он

меня и слушать не хотел. А теперь слишком поздно.

Джейми (*резко*). Слишком поздно? Что ты имеешь в виду? Ты сказал это так, словно считаешь...

Тайрон (*чувствуя себя виноватым, с деланным возмущением*). Не прикидывайся дурачком. Я имею в виду только то, что совершенно ясно каждому! Его здоровье вконец расстроено, и, может быть, он еще долго будет серьезно болен.

Джейми (*пристально глядит на отца, оставив без внимания его объяснение*). Среди ирландских крестьян, насколько мне известно, бытует убеждение, что чахотка — верная смерть. Вероятно, так оно и есть, когда люди живут в лачугах на болоте, но здесь, при современных методах лечения...

Тайрон. Как будто я без тебя всего этого не знаю! Не понимаю, к чему ты клонишь? И не смей поносить Ирландию. Чтобы я больше не слышал этих издевок над ирландскими крестьянами, болотами и лачугами! (*Тонком обвинения.*) И вообще — как тебе только не совестно распинаться насчет болезни Эдмунда? Ведь ты больше всех повинен в том, что он заболел!

Джейми (*уязвленный*). Неправда! Я не потерплю таких оскорблений, папа!

Тайрон. Нет, правда! Ты оказывал на него самое дурное влияние. Он рос, преклоняясь перед тобой. Ты был его кумиром. Нечего сказать, хорошенький пример ты ему подавал! Ты учил его всяческим гадостям. В жизни не посоветовал ему ничего путного. По твоей милости он прежде времени повзрослел: ты задурил ему голову своим цинизмом, который тебе кажется верхом житейской мудрости. А он был тогда еще слишком юн, чтобы разглядеть в тебе озлобившегося неудачника, который вбил себе в голову, что каждый мужчина — подлец и продажная душа, а каждая женщина — или шлюха, или дура!

Джейми (*оправдываясь, снова напускает на себя скучающий, безразличный вид*). Ладно, согласен, я просвещал его, но лишь до тех пор, пока не увидел, что он закусил удила и лишь посмеется надо мной, попытайся я урезонивать его и давать благие советы, как это положено старшему брату. И тогда я стал просто откровенно делиться с ним абсолютно всем, как с самым близким другом, так, чтобы он на моих ошибках чему-то научился... (*Пожимая плечами, цинично.*) Ну хотя бы тому, что раз уж не можешь быть добродетельным, то надо быть хоть осторожным.

Тайрон презрительно фыркает.

(Сквозь научное безразличие прорывается подлинное глубокое чувство.) Нечестно бросаться такими обвинениями, отец! Ведь ты же знаешь, как много значит для меня малыш и как сильно мы привязаны друг к другу. Мы всегда были дружны — не просто как братья, а как самые близкие друзья! Для него я готов на все!

Тайрон *(пронутый этим порывом, успокаивающе)*. Ну-ну, я же понимаю, Джейми, что ты, наверно, исходил из лучших побуждений. Я ведь не говорил, что ты нарочно делал это ему во вред.

Джейми. Да и вообще все это вздор! Хотел бы я поглядеть на человека, которому удалось бы повлиять на Эдмунда против его желания! Его спокойствие вводит людей в заблуждение: им кажется, что они могут из него веревки вить, но в душе-то он упрям как сто чертей и поступает всегда по-своему; плюет он на всех советчиков. Разве я имел какое-нибудь отношение к его недавним сумасбродствам, когда он плавал по всему свету, нанявшись на корабль простым матросом? Я прямо сказал ему, что, по-моему, это блажь, дурацкая затея. Сам знаешь, не в моем это вкусе околачиваться на побережье Южной Америки, жить в грязных лачугах и глушить какую-то местную отраву. Нет уж, покорно благодарю! Мне больше по сердцу Бродвей, номер с ванной да бары, где подают настоящее виски.

Тайрон. Ох уж этот Бродвей. Он-то тебя и погубил! *(С оттенком отцовской гордости.)* Как бы ни поступал Эдмунд, у него хватило мужества на свой страх и риск отправиться черт-те куда — там ведь не побежишь ко мне за помощью, как только кончатся деньги.

Джейми *(насмешливо, под действием обиды и ревности)*. Но в конце концов он все-таки возвратился домой без гроша в кармане, не правда ли? А чего он добился своими эскападами? Посмотри, до чего это его довело! *(Вдруг устыдившись своих слов.)* Господи, что-то не то я ляпнул. Я совсем другое хотел сказать.

Тайрон *(решиw оставить эти слова без ответа)*. У него неплохо идут дела в газете. Я уже начал надеяться, что наконец-то он нашел себе работу по душе.

Джейми *(язвительно, побуждаемый ревностью)*. Жалкий провинциальный листок! Не знаю, откуда у тебя такие сведения, но мне говорили, что он не проявляет прыжки как репортер. Если бы он не был твоим сыном... *(Опять устыдившись.)* Впрочем, это я чепуху горожу. В газете довольны им, но только не как репортером, а как автором всяких литературных мелочей. Некоторые из его стихов и пародий просто блеск. *(Снова недоброжелательно.)* Правда, на них далеко не уедешь. *(Поспешно спохва-*

тываясь.) Но начал он хорошо, это верно.

Тайрон. Да, он-то начал... Помнится, одно время и ты поговаривал, что не прочь попытать свои силы в журналистике, но ведь тебе всегда претило шагать с самой нижней ступеньки. Ты рассчитывал...

Джейми. Ради бога, папа, не будем говорить обо мне!

Тайрон (*пристально смотрит на него, затем отводит взгляд в сторону. После паузы*). Вот уж, действительно, не повезет, так не повезет: надо же было ему заболеть как раз сейчас, в самое неподходящее время! (*Не в силах и дальше скрывать гнетущую его тревогу*.) И для него и для матери тоже. Ведь как все это нескладно сложилось: именно теперь, когда ей больше всего нужен покой, когда ничто не должно ее волновать. Она так хорошо себя чувствовала все эти два месяца с тех пор, как вернулась. (*Глухим, слегка дрожащим голосом*.) Это такое счастье для меня. У нас снова есть семейный очаг. Да что говорить, Джейми, ты и сам все понимаешь.

Впервые за все это время сын смотрит на него с пониманием и сочувствием. Зрителю вдруг начинает казаться, что их все же связывает глубокое чувство, которое заставит обоих забыть о раздорах.

Джейми (*почти расстроганно*). У меня такое же чувство, папа.

Тайрон. На этот раз перемена просто в глаза бросается: она так окрепла, так уверена в себе! По сравнению с прошлыми возвращениями это совсем другой человек. И держит себя в руках—во всяком случае, держала до болезни Эдмунда. А теперь, замечаешь, как нарастает напряжение, страх? Боже, как бы я хотел скрыть от нее правду! Но как это сделаешь, если его придется отправить в санаторий? В довершение всего, как на грех, от чахотки умер се отец. Она боготворила отца, и, конечно, это врзалось ей в память. Да, ее ждет тяжелый удар. Но она выдержит! Теперь у нее хватит силы воли. Мы должны помочь ей, Джейми, помочь ей всем, чем только можем!

Джейми (*взволнованно*). Ну, конечно, папа. (*Неуверенно*.) Если не считать нервозности, она как будто держится сегодня молодцом.

Тайрон (*обрадованно*). Как нельзя лучше: весела, смеется, шутит. (*Внезапно нахмурившись, бросает на Джейми подозрительный взгляд*.) Почему ты сказал «как будто»? Разве это не так на самом деле? На что ты, черт возьми, намекаешь?

Джейми. Не придирайся ты к каждому моему слову, папа! Уж о чем другом, а об этом мы с тобой можем

говорить вполне искренне и не ссорясь.

Тайрон. Прости, Джейми, я погорячился. *(Натянуто.)* Но все же объясни мне...

Джейми. Тут и объяснять нечего. Напрасно я так сказал. Просто сегодня ночью... Ну, ты же знаешь, где-то внутри все равно сомнение гложет, прошлого ведь не забудешь. Я не могу не быть подозрительным, так же как и ты. *(С горечью.)* В этом весь ужас. И какая это пытка для мамы! Она видит, что мы следим за каждым ее движением...

Тайрон *(печально)*. Я знаю. *(Настороженно.)* Ты все ходишь вокруг да около. Что же все-таки произошло?

Джейми. Да говорю тебе, ничего. Так, почудилось просто. Часа в три я проснулся. Слышу, она ходит по спальне для гостей. Потом прошла в ванную. Я притворился спящим. Она остановилась в прихожей и прислушалась—словно для того, чтобы удостовериться, что я сплю.

Тайрон *(деланно веселым тоном)*. Господи, и это все? Так она сама мне сказала, что всю ночь не могла сомкнуть глаз из-за этой сирены; к тому же, с тех пор как заболел Эдмунд, она по нескольку раз на ночь встает и подходит к его спальне—послушать, как он.

Джейми *(горячо подхватывает)*. Да-да, верно. Она и впрямь постояла, послушала у его спальни. *(Снова с неуверенностью в голосе.)* Она заходила в свободную спальню—вог что меня напугало. Разве могу я забыть? Как только она переходила в ту спальню, чтобы спать там одной,—это был признак...

Тайрон. Сейчас это не то! Тут все объясняется просто. Где же еще было ей укрыться от моего храпа? *(Взрывается.)* Убей меня бог, не понимаю, как это ты можешь жить на свете, видя во всем только дурное, подозревая всегда самое худшее?!

Джейми *(обиженно)*. Опять ты за свое! Я же только что сказал, что мне, видно, почудилось. А если мне лезут в голову дурные мысли, то, поверь, я и сам не рад!

Тайрон *(примирительно)*. Верю, Джейми. *(Пауза. Он мрачнеет. Медленно, с суеверным ужасом.)* Знаешь, если тревога за Эдмунда снова толкнет ее, это будет как рок... Ведь в первый раз это случилось после рождения Эдмунда, когда она так долго болела...

Джейми. Она тут ни в чем не виновата!

Тайрон. Я ее и не виню.

Джейми *(резко)*. Кого же ты тогда винишь? Эдмунда—в том, что он появился на свет?

Тайрон. Не говори глупости! Никто не виноват.

Джейми. Кроме прохвоста врача. Судя по тому, что

рассказывала мама, это тоже был дешевый шарлатан под стать Харди! Ты пожалел денег на хорошего...

Тайрон. Ложь! *(Приходя в ярость)*. Ах так, значит, это я во всем виноват! Вот к чему ты клонишь, злобный бездельник!

Джейми *(услышав шаги матери в столовой, предостерегающе)*. Тсс!

Тайрон поспешно встает, подходит к окнам и смотрит в сад.

(Совершенно иным тоном.) Ну что ж, пора и за работу приниматься, а то нам сегодня с изгородью не управиться.

Из проходной комнаты выходит Мэри. В ней ощущается напряженность, ее движения скованны. Она переводит с одного на другого быстрый, подозрительный взгляд.

Тайрон *(оборачиваясь от окна, с наигранным ожогением)*. Да, в такое утро грех сидеть тут и препираться. Посмотри-ка в окно, Мэри. Туман над заливом совсем рассеялся. Похоже, ненастье кончилось.

Мэри *(подходит к нему)*. Хорошо бы, милый. *(К Джейми, с принужденной улыбкой.)* Неужели я не слышалась? Ты, Джейми, сам изъявляешь желание пойти поработать в саду? Чудеса, да и только! Наверно, тебе позарез нужны карманные деньги?

Джейми *(шутливо)*. А когда они мне не нужны? *(Подмигнув ей, косится на отца.)* К концу недели я рассчитываю получить жалование—кругленькую сумму, никак не меньше доллара. Вот загуляю!

Мэри *(не поддерживает его шутки; ее руки нервно перебирают складки платья.)* О чем же вы тут спорили?

Джейми *(пожимает плечами.)* Да все то же.

Мэри. Я слышала, ты что-то говорил о враче, а отец тебя отчитывал...

Джейми *(поспешно)*. Ах, это. Я снова пыгался втолковать папе, что Харди—не самый лучший эскулап в мире.

Мэри *(догадавшись, что он говорит неправду; с отсутствующим видом)*. Ах вот оно что. Нет, конечно, он—не идеал. *(С вымученной улыбкой, меняя тему разговора.)* Эта Бриджит меня до смерти заговорила. Еле вырвалась. Как принялась рассказывать про своего троюродного брата, полицейского в Сент-Луисе,—никакого удержу! *(С внезапным раздражением.)* Ну что же вы стоите, вы ведь собирались живую изгородь подстригать? *(Поспешно.)* Я хочу сказать, поработайте на солнышке, пока туман опять не опустился. *(Спирным тоном, словно разговаривая вслух сами с собой.)* А туман будет, я знаю. *(Вся внутренне напрягается, почувствовав, что оби*

они пристально смотрят на нее. Нервно, рассматривая свои руки.) Вернее сказать, это руки мои чувствуют. Ты, Джеймс, плохой предсказатель погоды — не то, что мой ревматизм. (С отвращением разглядывает свои руки, не в силах отвести от них глаз.) Фу, какие уродливые! Кто поверит, что у меня когда-то были красивые руки?

Тайрон и Джейми глядят на нее со все возрастающей тревогой.

Тайрон (берет ее руки в свои и мягко опускает их). Ну что ты, Мэри. Не говори глупостей. У тебя самые прекрасные руки на свете.

Она с улыбкой целует его в знак благодарности.

(Оборачивается к сыну.) Пошли, Джейми. Мать права, что гонит нас. Так мы и до вечера не раскачаемся. Солнце сейчас жаркое — повытопнит из тебя лишний жирок. Ишь какое брюшко по пивным нагулял! (Отворяет дверь, выходит на веранду и спускается по ступенькам в сад.)

Джейми встает с кресла и, снимая на ходу пиджак, также идет к двери. У двери оборачивается, но глядит не на мать, а в сторону. Она тоже не смотрит на него.

Джейми (с неловкой, трудно дающейся ему нежностью). Мы все так гордимся тобой, мама, так рады, так счастливы.

Она вся каменеет и устремляет на него испуганный, протестующий взгляд.

(Продолжает, с трудом выдавливая из себя слова.) Но тебе все же следует поостеречься. Не беспокойся ты так за Эдмунда. Он поправится, вот увидишь.

Мэри (с упрямым выражением, резко и возмущенно). Ну конечно, поправится! И как это я должна поостеречься? Что ты имеешь в виду?

Джейми (обиженный резким ответом, пожимает плечами). Ладно, мама, считай, что я ничего не сказал. (Выходит на веранду.)

Она стоит неподвижно в выжидательной позе, пока Джейми не исчезает из виду, спустившись по ступенькам в сад. затем падает в кресло, в котором он перед этим сидел. Лицо ее выражает испуг и отчаяние, руки спуют по столу, бессцельно переставляя предметы. Она слышит шаги Эдмунда, спускающегося по лестнице в прихожую. На последних ступеньках Эдмунд задерживается, сильно закашлявшись. Она вскакивает, словно желая убежать прочь от этих звуков, и стремительно подходит к окнам справа. В момент, когда он с книжкой в руке входит из гостиной, она, внешне вполне спокойная, смотрит в окно.

Мэри (поворачивается к нему с приветливой, по-матерински ласковой улыбкой). Вот и ты! А я уже собралась подняться наверх — узнать, почему ты пропал.

Эдмунд. Я ждал, пока они уйдут. Мне сейчас не до ссор: что-то я совсем паршиво себя чувствую.

Мэри (*чуть ли не с возмущением*). Будет тебе! Наверно, больше напускаешь на себя, а на самом деле не так уж тебе и нездоровится. Ты все еще ребенок, большой ребенок. Тебе нравится нас пугать... Тогда все мы балуем тебя, ухаживаем за тобой. (*Поспешно.*) Шучу, шучу, милый. Представляю, какое у тебя должно быть отвратительное самочувствие. Но сегодня тебе лучше, правда ведь? (*Взяв его за руку, встревоженно.*) И все же ты очень исхудал. Тебе нужно больше отдыхать. Садись, я тебя устрою поуютнее.

Он садится в кресло-качалку.

(*Подкладывает ему под спину подушку.*) Вот так. Ну что, удобно?

Эдмунд. Великолепно! Спасибо, мама.

Мэри (*целует его; нежно*). Ничего-то тебе больше не надо — лишь бы мама за тобой поухаживала. Знаешь, для меня ты все еще совсем малыш, даром что такой верзила.

Эдмунд (*берет ее руку в свою; серьезно*). Обо мне не беспокойся. Побереги себя. Это важнее всего.

Мэри (*избегая его взгляда*). Но я же берегусь, милый. (*Принужденно смеется.*) Боже, да разве ты не видишь, как я растолстела? Теперь мне придется все платья переделывать. (*Отворачивается и идет к окнам спиной, пытается взять беспечный, шутливый тон.*) Ого, они принялись подрезать изгородь. Бедный Джейми! Он терпеть не может работать перед домом, на виду у всех прохожих. Вот Четфилды катят в своем новом «мерседесе». Красивая машина, правда? Не то что наш подержанный «паккард». Бедняга Джейми! Он в три погибели согнулся — хочет спрятаться от них за изгородью. Они поклонились отцу, а он раскланялся так, будто вышел на аплодисменты. В старом грязном костюме, который давно пора выбросить! (*С горькими нотками в голосе.*) Ну как можно ставить себя в такое смешное положение?! Где его гордость?

Эдмунд. Просто ему наплевать на то, что другие о нем подумают, и он совершенно прав. А Джейми глупец, что сгибается с мнением этих Четфилдов. Скажите, какие знаменитости! Да кто слышал о них за пределами этого захолустья?

Мэри (*с довольным видом*). Никто. Что правда, то правда: большие лягушки в маленькой луже! Ах, Джейми, Джейми, надо же так глупо вести себя! (*Замолкает и смотрит в окно. Затем продолжает тоном, в котором проскальзывают тоскливые нотки. Как видно, она мучи-*

тельно страдает от одиночества.) Для этих Четфилдов и таких, как они, престиж превыше всего. Живут в приличных, хорошо обставленных домах, которых не приходится стыдиться. У них есть друзья, к которым они ходят в гости и которых принимают у себя. Никто из них не живет одиноко и обособленно. *(Отворачивается от окна.)* Нет, я вовсе не хочу сказать, что мне хотелось бы войти в их круг. У меня никогда душа не лежала ни к этому городку, ни к его обитателям, ты сам знаешь. Будь моя воля, я никогда бы не стала здесь жить. Но твоему отцу это место сразу приглянулось, и он решил непременно построить здесь дом. И вот приходится приезжать сюда каждое лето.

Эдмунд. Но, согласись, ведь это все же лучше, чем торчать летом в какой-нибудь нью-йоркской гостинице. А этот городок не так уж плох. Меня он вполне устраивает. Должно быть, потому, что, в сущности, только здесь мы у себя дома.

Мэри. Я никогда не чувствовала себя тут дома. С самого начала! Все здесь делалось кое-как, лишь бы подешевле. Твой отец пожалел денег, чтобы устроить все как надо. И слава богу, что у нас здесь нет друзей. Я бы от стыда сгорела, доведись мне принимать гостей в этом доме. Но Джеймс ни с кем и не желает дружить домами. Ходить в гости или приглашать к себе—это ему нож острый. Он предпочитает выпивать с приятелями в клубе или в баре. И вы с Джейми такие же, но вас-то и винить нельзя. У вас просто не было возможности познакомиться здесь с приличными семьями. Конечно, вы оба были бы совсем-совсем другими, если бы могли проводить время в обществе воспитанных девушек, а не... Вы бы тогда не скомпрометировали себя своими похождениями. А теперь о вас идет такая дурная слава, что уважающие себя родители не позволяют своим дочерям знаться с вами.

Эдмунд *(раздраженно)*. Ах, мама, оставь! Ну кому это надо? Мы бы с Джейми от скуки умерли. А что касается старика, тут говори не говори—все равно его не переделаешь.

Мэри *(машинально укоряет его)*. Не называй отца стариком. Ты должен проявлять к нему больше уважения. *(С безнадежностью.)* Я знаю, что говорить бесполезно. Но иной раз чувствуешь себя такой одинокой! *(У нее дрожат губы; она старается не смотреть в сторону Эдмунда.)*

Эдмунд. И потом, мама, надо быть справедливой. Может быть, сначала действительно во всем был виноват он, но ты же знаешь, что после мы не могли приглашать к себе людей, даже если бы он вдруг захотел... *(Идутаясь в*

словах, виновато.) Я хотел сказать... ты сама бы не захотела их принимать.

Мэри (*воздрагивает; у нее жалко дрожат и кривятся губы*). Не надо. Не напоминай мне. Я этого не вынесу.

Эдмунд. Мама, прошу тебя, не обижайся! Ведь я же хочу помочь тебе. Тебе нельзя забывать. Нужно, чтобы ты все время помнила. Тогда ты всегда будешь начеку. Ты ведь знаешь, как все случилось... (*С несчастным видом.*) Господи, ты же знаешь, мама, что мне тяжело напоминать тебе. Но сейчас ты дома, наша прежняя милая мама, это так чудесно, поэтому я и напоминаю... Было бы ужасно...

Мэри (*подавленно*). Прощу тебя, родной, не надо! Я знаю, ты хочешь сделать как лучше, но... (*Опять натянуто, протестующе.*) Просто непонятно, с чего ты вдруг решил высказывать мне такое. Что на тебя нашло сегодня?

Эдмунд (*уклончиво*). Ничего. Скверно себя чувствую и хандрю, вот и все.

Мэри. Ну, а если по правде? Почему ты ни с того ни с сего стал таким подозрительным?

Эдмунд. Я тебя ни в чем не подозреваю!

Мэри. Нет, подозреваешь. Я же чувствую. Отец и Джейми тоже полны подозрений, особенно Джейми.

Эдмунд. Ну полно, что ты, мама; тебе просто показалось.

Мэри (*ее руки дрожат и суетливо, нервно движутся*). Ведь это так трудно, а тут еще живешь в атмосфере постоянной подозрительности; знаешь, что все шпионят за тобой, что никто из твоих близких не верит в тебя, ни капли не доверяет тебе.

Эдмунд. Нет, это какой-то бред, мама! Мы тебе во всем доверяем.

Мэри. Если бы я могла хоть куда-нибудь вырваться отсюда на денек, пусть даже на несколько часов, к какой-нибудь приятельнице, что ли, с которой могла бы поболтать о том о сем. Да-да, просто поболтать о пустяках, посмеяться, посплетничать и хотя бы на время забыть все. Не могу же я отводить душу с прислугой, с этой дурой Кэтлин!

Эдмунд (*встревоженный, встает и кладет ей руку на плечо*). Будет, мама, не взвизчивай себя понапрасну.

Мэри. Твой отец не сидит дома. Он видится со своими приятелями в барах или в клубе. У вас с Джейми — свои знакомые. Вас тоже дома не бывает. А я одна, всегда одна.

Эдмунд (*успокаивая*). Ну-ну, не волнуйся! Ты же сама знаешь, что это не так. Кто-нибудь из нас обязатель-

но остается дома, чтобы ты не скучала, или выезжает с тобой на автомобиле, если ты отправляешься на прогулку.

Мэри (*горько*). Потому что вы не доверяете мне, боитесь оставить меня одну! (*С внезапной резкостью*.) Изволь объяснить мне, почему ты сегодня так странно ведешь себя? Почему ты решил напомнить мне...

Эдмунд (*мнется, затем с виноватым видом выпаливает*). Это глупо, конечно! Знаешь, я ведь не спал, когда ты заходила сегодня ночью ко мне в спальню. Ты не вернулась ни в свою, ни в отцовскую комнату; ты прошла в свободную спальню и осталась там до утра.

Мэри. Потому что отец так храпел, что я чуть с ума не сошла! Боже мой, да что особенного — перейти спать в свободную спальню? (*С горечью*.) Но я догадываюсь, что ты подумал. Ведь так это бывало, когда...

Эдмунд (*с чрезмерной горячностью*). Ничего я не подумал!

Мэри. Значит, ты притворился, что спишь, чтобы шпионить за мной?!

Эдмунд. Нет, чтобы не расстраивать тебя. Ты бы разволновалась, увидев, что у меня жар и я не могу заснуть.

Мэри. Джейми тоже притворялся спящим, в этом я несколько не сомневаюсь; да, пожалуй, и отец твой...

Эдмунд. Будет тебе, мама!

Мэри. О, это просто невыносимо, Эдмунд. Даже ты!.. (*Руки помимо ее воли взлетают к голове и судорожно приглаживают волосы; в ее голосе вдруг пробиваются мстительные нотки*.) Что ж, и поделом бы всем вам, если бы ваши подозрения оправдались!

Эдмунд. Мама! Не говори так! Ведь точно таким тоном ты говоришь, когда...

Мэри. Не нужно подозревать меня! Ну прошу тебя, родной! Мне это так больно, так обидно! Я провела ночь без сна, потому что все время думала о тебе. Только поэтому! С тех пор как ты заболел, я места себе не нахожу. (*Обнимает его и с нежностью прижимает к себе, в этом жесте и страх за него, и материнское стремление оградить его от всех бед*.)

Эдмунд (*успокаивающим тоном*). Вот и напрасно. Это простуда. Сильная простуда — и только. Ты же сама знаешь.

Мэри. Да, конечно, — чему же еще быть?

Эдмунд. Теперь послушай меня, мама. Если даже вдруг окажется, что у меня что-то серьезное, знай: я все равно скоро выздоровею. Обещай мне, что ты не станешь изводиться и будешь по-прежнему беречь себя.

Мэри (*испуганно*). Слушать не хочу эти глупости! Не

смей говорить такое—ведь у тебя никакого основания нет предполагать что-нибудь ужасное. Но, конечно, я обещаю тебе. Даю тебе честное слово! *(Затем с грустью и горечью.)* Впрочем, ты, наверно, сейчас вспоминаешь о том, что я и раньше давала честное слово...

Эдмунд. Нет же!

Мэри *(теперь вместо горечи в ее словах звучит беспомощная покорность судьбе)*. Я тебя ни в чем не укоряю, милый. Разве можешь ты не вспоминать об этом? Разве можем мы все забыть? *(Странным тоном.)* Вот почему это такая мука для всех нас. Мы не в силах забыть.

Эдмунд *(берет ее за плечи)*. Мама! Перестань!

Мэри *(с натянутой улыбкой)*. Хорошо, дорогой. Я сорвалась, наговорила грустных вещей. Не обращай внимания. Ладно? Дай-ка, я пощупаю твой лоб. О, совсем холодный. Знаешь, у тебя сейчас нет жара.

Эдмунд. Не беспокойся обо мне! Ты бы о себе...

Мэри. Но ведь я вполне здорова, милый. *(Бросает на него быстрый и странный взгляд, как будто хитро прикидывая что-то в уме.)* Правда, сегодня я что-то разнервничалась. С утра чувствую себя совсем разбитой, но ведь это естественно—после бессонной-то ночи. Пойду-ка, пожалуй, к себе наверх и прилягу, может, удастся вздремнуть до обеда.

Невольно взглянув на нее с подозрением, Эдмунд, устыдившись, тут же отводит глаза в сторону.

(Нервно и торопливо.) Что ты собираешься делать? Читать здесь, в комнате? Пошел бы ты подышал свежим воздухом да погрелся на солнышке. Это тебе куда полезнее! Но только смотри, чтобы тебе не напекло голову. Не забудь шляпу надеть. *(Умолкает, глядя ему прямо в глаза.)*

Он избегает ее взгляда. Напряженная пауза.

(Презрительно и насмешливо.) Или ты боишься оставить меня одну?

Эдмунд *(страдальчески)*. Ничуть! И умоляю, не говори ты так. Конечно, тебе нужно вздремнуть. *(Направляется к двери на веранду, неестественно шутивым тоном.)* Пойду подбодрю Джейми. Сграсть как люблю прилечь где-нибудь в тени и смотреть, как он трудится. *(Наигранно смеется.)*

Она тоже заставляет себя засмеяться. Он выходит на веранду и спускается по ступенькам в сад. Ее первая реакция—облегчение. Похоже, она успокаивается, избавляется от внутренней напряженности. Опустившись в одно из плетеных кресел у дальнего от зрителя конца

стола, откидывает голову и закрывает глаза. Но внезапно ею вновь овладевает страшное душевное беспокойство. Теперь она сидит с широко раскрытыми глазами, подавшись вперед, охваченная каким-то паническим чувством. Ее лицо отражает отчаянную внутреннюю борьбу Длинные, изуродованные ревматизмом пальцы, которые словно живут своею собственной тревожной жизнью, независимо от ее сознания, пернио барабают по ручкам кресла.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Там же. Примерно без четверти час. Из окон справа большие не падают в комнату лучи солнца. День все еще погожий, но стало жарче; в душном воздухе стоит слабое мирное, рассеивающее солнечный свет.

Эдмунд сидит в кресле слева от стола и читает. Вернее сказать, пыгается читать, но не может сосредоточиться. Он как будто прислушивается; не доносится ли сверху какие-нибудь звуки. Он явно встревожен, насторожен и выглядит еще более осунувшимся и больным, чем в предыдущем действии. Из проходной комнаты входит Кэтлин. В руках у нее поднос, на котором стоит бутылка пива, несколько стаканов и графин холодной воды. Кэтлин — выцветшая здоровьем ирландская крестьянка лет двадцати, хорошенькая, краснощекая, черноволосая и голубоглазая. Она необразованна, неуклюжа, добродушна и при всей своей благожелательности непроходимо глупа. Кэтлин ставит поднос на стол. Эдмунд делает вид, будто так поглощен чтением, что не замечает ее, но Кэтлин не обращает на это никакого внимания.

Кэтлин (*с бесцеремонной словоохотливостью*). Виски подано. Скоро и обедать время. Позвать вашего папашу и мистера Джейми или вы сами позовете?

Эдмунд (*не отрываясь от книги*). Пойди позови.

Кэтлин. Чудно мне: как это вашему отцу неизвестно на часы посмотреть? Всегда-то из-за него обед задерживается, а потом Бриджит орет на меня, как будто это я виновата. Зато и красавец же ваш папаша — прямо загляденье, даром что в годах. Вам-то далеко до него, да и мистеру Джейми тоже. (*Хихикает.*) Пари держу, мистер Джейми ни за что бы не позабыл вовремя кончить работу и опрокинуть стаканчик, будь у него свои часы.

Эдмунд (*видя, что его маневр не удался, улыбается*). Что и говорить, пари беспроигрышное.

Кэтлин. Держу еще одно беспроигрышное: вы посылаете меня за ними, чтобы потихоньку пропустить глоток виски.

Эдмунд. Гм, мне, правда, это в голову не приходило...

Кэтлин. Да-да, конечно! Вы ведь такой тихоня — и воды не замузнте.

Эдмунд. Но раз уж ты подала мне такую мысль...

Кэтлин (*внезапно напуская на себя вид оскорбленной добродетели*). Зря вы говорите такое, мистер Эдмунд. Вот уж никому бы не посоветовала—ни мужчине, ни женщине—брызгать в рот спиртное. У меня родной дядя в Ирландии помер от вина. (*Смягчаясь*.) Но если меру знать, рюмочка-другая никому не повредит, особенно если кто не в духе или сильно простужен.

Эдмунд. Что ж, спасибо, теперь у меня есть хороший предлог. (*Нарочито безразличным тоном*.) Маму тоже надо бы позвать.

Кэтлин. А зачем? Она и так никогда не опаздывает, чего ж ее звать? Уж она-то, храни ее господь, не заставит прислугу ждать понапрасну.

Эдмунд. Она пошла вздремнуть.

Кэтлин. И глаз не сомкнула. Когда я кончала убраться наверху, она пластом лежала в свободной спальне: говорит, у нее голова раскалывается.

Эдмунд (*с еще более нарочитым безразличием*). Ну что ж, ладно. Тогда иди зови отца.

Кэтлин (*направляется к двери на веранду, добродушно ворча*). Немудрено, что у меня каждую ночь поги ноют. Нет уж, в такое пекло я наружу не пойду—не хватало мне еще солнечного удара. Лучше покричу им с веранды. (*Выходит на боковую веранду, захлопнув за собой дверь, и удаляется в направлении передней веранды*.)

Слышится ее зычный голос: «Мистер Тайрон! Мистер Джейми! Обедать!»

Эдмунд (*все это время сидел, забыв о книге, устремив перед собой неподвижный, испуганный взгляд; нервно вскакивает*). Черт, вот деревенщина! (*Хватает бутылку, наливает себе виски, добавляет воды и пьет. Слышит, что кто-то подходит к двери, ведущей из гостиной. Поспешно поставив стакан на поднос, снова садится и открывает книгу*.)

Из гостиной входит, с пиджаком на руке, Джейми. Теперь он без пристежного воротничка и без галстука. И то и другое—в руке. Он вытирает платком пот со лба. Эдмунд поднимает глаза от книги, делая вид, будто прерывает чтение.

Джейми (*бросив беглый взгляд на бутылку и стаканы, насмешливо улыбается*). Уже приложился? Брось прикидываться, малыш! У тебя это получается хуже, чем у меня.

Эдмунд (*ухмыляется*). Угу, промочил горло, пока никто не мешают.

Джейми (*дружески кладет ему руку на плечо*). Вот

это другой разговор. Меня-то чего за нос водить? Ведь мы же друзья-приятели.

Эдмунд. Не был уверен, что это ты идешь.

Джейми. Я все-таки уговорил старика взглянуть на часы и уже шагал к дому, когда загорланила Кэтлин. Наша звонкоголосая ирландская иттанка! Ей бы только на вокзале о поездах объявлять.

Эдмунд. Вот-вот! Она так голосила, что я просто не мог не выпить. Кстати, почему бы и тебе не хлебнуть потихоньку, пока есть возможность?

Джейми. Да я уж и то думаю. *(Быстро подходит к окну справа.)* Старик задержался с капитаном Тернером. Соловьем разливается. *(Возвращается к столу и пьет виски.)* А теперь скроем от его пронизательного взора следы преступления. Он ведь имеет привычку запоминать, сколько влаги оставалось в бугылке с прошлого раза. *(На глазок доликает виски водой и взбалтывает содержимое бутылки.)* Вот так. Теперь все шито-крыто. *(Налил воды в стакан, ставит его на стол перед Эдмундом.)* А это чтобы было сразу видно, что тыпил воду.

Эдмунд. Чистая работа! Уж не думаешь ли ты, что тебе удастся провести его?

Джейми. Может, и не удастся, но пойдй докажи. *(Пристегивая воротничок и повязывая галстук.)* Надеюсь, он не забудет про обед, упиваясь переливами собственного голоса? Есть хочу. *(Садясь за стол напротив Эдмунда, раздраженно.)* Ужас как не люблю работать с ним в саду перед домом. Он разыгрывает спектакль перед каждым кретином, которому случится мимо пройти.

Эдмунд *(сокрушенно)*. Вот счастливчик — хочет есть. А мне что-то совсем худо: кажется, в жизни больше не притронулся бы к еде.

Джейми *(бросив на него встревоженный взгляд)*. Послушай, малыш, ты меня знаешь — я никогда не лез к тебе с наставлениями, но, дружок, доктор Харди прав: тебе надо отказаться от спиртного.

Эдмунд. О, я уже решил. Бросаю пить, как только он сообщит мне сегодня дурные новости. А пока не грех пропустить чуточку — ничего ведь от этого не изменится.

Джейми *(поколебавшись, медленно)*. Ты молодчина: в душе подготовил себя к тому, чтобы услышать дурные новости. Значит, это не будет для тебя неожиданным ударом. *(Ложит пристальный взгляд Эдмунда.)* Я хочу сказать, что серьезность твоей болезни уже не вызывает сомнений. Было бы глупо строить иллюзии на этот счет.

Эдмунд *(встревоженно)*. Но я ведь и не строю никаких иллюзий. Я же понимаю: отвратное самочувствие, жар и озноб по ночам — все это не шутка. Пожа-

луй, в прошлый раз доктор Харди попал в самую точку. Меня наверняка снова треплет эта проклятая малярия.

Джейми. Как знать. Не слишком бы ты доверялся этому диагнозу.

Эдмунд. Почему? Что же еще, по-твоему, у меня может быть?

Джейми. Откуда я знаю? Я не врач. *(Отрывисто.)* А где мама?

Эдмунд. Наверху.

Джейми *(пристально смотрит на него)*. Давно?

Эдмунд. С тех пор, думаю, как я вышел к вам в сад. Сказала, что хочет вздремнуть.

Джейми. И ты мне ничего не сказал...

Эдмунд *(оправдываясь)*. С какой стати я должен был говорить? Что здесь такого? Она устала, всю ночь не спала.

Джейми. Знаю.

Пауза. Они стараются не встречаться глазами.

Эдмунд. Эта адская сирена и мне не давала спать.

Опять наступает пауза.

Джейми. Что же, она все утро наверху одна? Ты не поднимался к ней?

Эдмунд. Нет, я читал здесь. Хотел дать ей возможность поспать.

Джейми. А к обеду она выйдет?

Эдмунд. Ну конечно!

Джейми *(сухо)*. Не вижу оснований для такой уверенности. Может, она не захочет обедать или начнет питаться отдельно от нас, у себя наверху. Ведь так уже бывало.

Эдмунд *(с испугом и возмущением)*. Не надо так говорить, Джейми! Почему у тебя только одно на уме?.. *(Пытаясь убедить его.)* Ты ошибаешься—ничего подозрительного нет. Кэтлин только что видела маму. Она бы сказала Кэтлин, если бы решила не спускаться к обеду.

Джейми. Значит, она не спала?

Эдмунд. В тот момент—нет, но Кэтлин говорит, она лежала.

Джейми. В свободной спальне?

Эдмунд. Да, там. Господи, ну и что из того?!

Джейми *(взрывается)*. Вот дурень! Как можно было так долго оставлять ее одну? Почему ты не поднялся наверх?

Эдмунд. Потому что она обвинила меня—и тебя с папой—в том, что мы не доверяем ей, шпионим за ней. Мне стало стыдно. Я представляю себе, какой это ад для нее. К тому же она дала честное слово...

Джейми (*потеряв терпение, с горечью*). Как будто это что-нибудь значит.

Эдмунд. На этот раз — значит!

Джейми. Так нам и прежде казалось. (*Перегнувшись через стол, с дружеским участием похлопывает брата по руке.*) Послушай, что я тебе скажу, малыш. Ты, конечно, сейчас называешь меня в душе циником и подонком, но не забудь, что у меня по этой части опыт куда богаче, чем у тебя. Ведь ты был совсем взрослым, уже в последнем классе школы, когда узнал всю правду. Мы с папой скрывали это от тебя. К тому времени, когда нам пришлось рассказать тебе обо всем, я уже лет десять с лишним все видел и все понимал. Так что я хорошо знаю, как это начинается. И сегодня с утра мне не дает покоя мысль, как подозрительно она вела себя ночью, когда ей казалось, что мы спим. Из головы это у меня не идет. А сейчас к тому же я узнаю, что она спровадила тебя и все угро оставалась наверху одна.

Эдмунд. Никуда она меня не спроваживала! Нет, ты просто с ума сошел!

Джейми. Полно, малыш. Не будем ссориться. Я же не меньше твоего надеюсь, что мои подозрения — бред сумасшедшего. Если бы ты знал, как я был счастлив все это время: я ведь начал всерьез верить, что на этот раз... (*Прервав себя на полуслове, смотрит через гостиную в сторону прихожей; понизив голос, торопливо.*) Она спускается. Ты был прав, малыш. Похоже, я гнусный подозрительный тип.

Они напряженно ждут, исполненные надежды и страха,

(*Вполголоса роняет.*) Черт! Жаль, я не пропустил еще.

Эдмунд. И мне бы не мешало. (*Нервно покашливает, затем заходится настоящим кашлем.*)

Джейми смотрит на него с жалостью и тревогой. Из гостиной входит Мэри. На первый взгляд в ней как будто не произошло никакой перемены — разве что держится она теперь не так нервно; похоже, она вернулась к тому душевному состоянию, в котором мы впервые видели ее сразу после завтрака. Но вскоре становится заметно, что теперь у нее ярче блестят глаза, а в голосе и в манере держаться появилась рассеянность, она как будто ушла в себя и безразлична к собственным словам и поступкам.

Мэри (*с обеспокоенным видом подходит к Эдмунду и обнимает его*). Зачем ты так натужно кашляешь? Это же очень вредно для горла. Неужели ты хочешь, чтобы у тебя вдобавок к простуде еще и горло разболелось? (*Целует его.*)

Справившись с приступом кашля, он бросает на нее быстрый встревоженный взгляд, но если у него и возникают какие-то подозрения, то се

нежность заставляет его отбросить их и на время поверить в то, во что ему хочется верить. Напротив, Джейми, окинув мать испытующим взглядом, сразу же убеждается в том, что его подозрения подтвердились. Он опускает глаза, на его лице застывает горькая, циничная усмешка.

Продолжает говорить, присев на ручку кресла, в котором сидит Эдмунд, и обнимая сына за плечи сзади так, чтобы он не мог заглянуть ей в глаза.) Вечно-то я докучаю тебе нотациями, ворчу: не делай того, не делай того. Ты уж не обижайся на меня, ладно? Я тебе добра хочу.

Эдмунд. Я и не обижаюсь, мама. Как ты себя чувствуешь? Отдохнула немного?

Мэри. Да, теперь мне гораздо лучше. Я легла, как только ты вышел в сад, и до сих пор лежала. После такой бессонной ночи это было просто необходимо. Теперь и нервы у меня больше не шалят.

Эдмунд. Ну вот и прекрасно! *(Ласково похлопывает ее по руке, лежащей у него на плече.)*

Джейми бросает на него странный, чуть ли не презрительный взгляд, в котором сквозит недоумение: неужели его брат говорит это от чистого сердца? Этот взгляд, не замеченный Эдмундом, перехватывает мать.

Мэри *(деланно насмешливым тоном)*. Боже мой, Джейми, у тебя совсем похоронный вид! Что тебя удручает на этот раз?

Джейми *(не глядя на нее)*. Ничего.

Мэри. О, я совсем забыла: ты же подстригал изгородь перед домом! Вот отчего ты такой хмурый, да?

Джейми. Думай как хочешь, мама.

Мэри *(все тем же тоном)*. Ведь это всякий раз портит тебе настроение, правда? Ты просто большое дитя! Верно, Эдмунд?

Эдмунд. Конечно. Глупо обращать внимание на то, что другие о тебе скажут.

Мэри *(со странным выражением)*. Ты прав, надо что-то сделать с собой и не обращать внимания. *(Поймав полный горечи взгляд Джейми, меняет тему разговора.)* А где отец? Я слышала, как Кэтлин звала его.

Эдмунд. Джейми говорит, он остановился поболтать с капитаном Тернером. Опоздает, как всегда.

Джейми встает и подходит к окнам справа, с облегчением воспользовавшись случаем повернуться к Мэри и Эдмунду спиной.

Мэри. Сколько раз я внушала Кэтлин, что она должна подойти к нему, близко ли, далеко ли он, и сказать, что кушать подано, а не кричать во все горло, как в дешевом пансионе.

Джейми *(глядя в окно)*. Вон она, идет его звать.

(Язвительно.) Боже, она осмелилась оборвать его соловьиные трели! Какое неуважение к знаменитому на весь свет бархатному голосу!

Мэри *(резко, давая выход накопившемуся против него раздражению)*. Это тебе следовало бы научиться уважать отца! Не смей говорить о нем в этом издевательском тоне. Я запрещаю тебе. Ты должен гордиться, что у тебя такой отец. Пускай у него есть недостатки — у кого их нет? Но всю свою жизнь он трудился не покладая рук. Он был необразованный бедняк и все же сумел выйти в люди, достиг вершины в своей профессии. Все, кроме тебя, восхищаются отцом, и, ей-богу, не тебе бы измыываться над ним: ведь благодаря ему ты никогда себя особенно не утруждал.

Задетый за живое, Джейми оборачивается и смотрит на нее враждебно, с осуждением.

(С виноватым видом отводит глаза в сторону и добавляет тоном, в котором начинают звучать примирительные нотки.) Не забывай, Джейми, что отец стареет. Право же, тебе следует держаться с ним потактичнее.

Джейми. Значит, это я должен держаться потактичнее?

Эдмунд *(встревоженно)*. Будет, помолчи, Джейми!

Джейми снова поворачивается к окну.

Ну скажи на милость, мама, почему ты ни с того ни с сего напустилась на Джейми?

Мэри *(с горечью)*. Да потому, что он вечно издевается над всеми, вечно норовит задеть побольнее: *(Внезапно в ее тоне происходит странная перемена: она говорит рассеянно и безразлично.)* Но, видно, таким уж его сделала жизнь. Ничего с собой не может поделать. Жизнь всех коверкает, и тут ничем помочь нельзя. Исполдволь, незаметно, мы и спохватиться не успеем, а уже стали другие и не ведаем, что творим, покуда между тем, какие мы есть, и тем, какими мы хотели бы быть, не вырастает непреодолимая стена, и мы навсегда теряем подлинное свое «я».

Этот странный тон настораживает Эдмунда. Он пытается заглянуть матери в глаза, но она избегает его взгляда. Джейми оборачивается к ней, но поспешно отводит глаза и снова смотрит в окно.

Джейми *(сумрачно)*. Есть хочется. Старик у не мешало бы погоропиться. И что за манера такая: сначала он заставляет всех ждать, а потом возмущается, что все перестоялось.

Мэри *(с привычным, словно машинальным возмущением, хотя на самом деле ей это совершенно безразлично)*.

но). И не говори, Джейми, сущее наказание! Хуже нет — иметь дело с прислугой, которую нанимают только на лето, она и дѣлает все спустя рукава — ведь место не постоянное. Порядочная прислуга идет к тем, кто живет тут постоянно, а не к дачникам. К тому же твой отец не желает платить им такое жалованье, какое платят опытным служанкам. Вот и приходится из года в год мучиться с глупыми, ленивыми недотепами. Впрочем, тебе это я уже тысячу раз говорила. И тебе, и твоему отцу, но ведь у него в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Он считает, что потратить деньги на создание домашнего уюта — это все равно что выбросить их на ветер. Привык жить в гостиницах. Разумеется, не в лучших — всегда во второразрядных. Он и представления не имеет, что такое семейный очаг. А свой дом иметь ему хочется. Он даже этим сараем гордится. Ему здесь нравится. *(Смеется безнадежно, но незлобиво.)* Если подумать, все это так смешно! Чудак он все-таки у нас.

Эдмунд *(встревоженный, снова пытается заглянуть ей в глаза)*. Мама, ты так странно это говоришь, что с тобой?

Мэри *(тут же переходя на непринужденный тон)*. Да нет, ничего, родной. Просто и вправду ведь смешно и глупо.

Когда она произносит эти слова, из проходной комнаты входит Кэтлин.

Кэтлин *(словоохотливо)*. Обед готов, мэм, я подошла к мистеру Тайрону, как вы наказывали, и он сказал, что сейчас идет, а сам все разговаривает с этим мистером, рассказывает ему о том времени, когда...

Мэри *(безразличным тоном)*. Ладно, Кэтлин. Скажи Бриджит, что я очень сожалею, но ей придется несколько минут обождать, пока не придет мистер Тайрон.

Буркнув: «Хорошо, мэм», Кэтлин уходит через проходную комнату, что-то ворча себе под нос.

Джейми. Черт возьми! А может, начнем обедать без него? Ведь он сам говорил, чтобы мы его не дожидались.

Мэри *(с легкой иронической улыбкой)*. Говорить-то говорил, да думает иначе. Ты все еще не изучил своего отца? Он ужасно обидится.

Эдмунд *(вскакивает, словно обрадовавшись случаю уйти из комнаты)*. Пойду потороплю его. *(Выходит на боковую веранду.)*

Через несколько мгновений с веранды доносится его крик. Он нетерпеливым тоном зовет отца: «Эй, папа! Ты скоро? Не ждать же нам тебя целый день!»

Мэри тем временем встала с ручки кресла. Ее руки беспокойно снуют по столу. Она не смотрит на Джейми, но чувствует его испытующий и укоряющий взгляд.

Мэри (*напряженно*). Ты что на меня так смотришь? Джейми. Сама знаешь. (*Отворачивается к окну.*)

Мэри. Нет, не знаю.

Джейми. О боже! Да неужели ты думаешь, мама, что я ничего не замечаю? Я не слепой.

Мэри (*теперь она смотрит ему в глаза, и на лице у нее — упрямое отрицание*). Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Джейми. Вот как? А ты посмотри в зеркало на свои глаза.

Эдмунд (*входя с веранды*). Дозвался отца. Сейчас явится. (*Поочередно посмотрев на обоих — при этом мать старается не встречаться с ним взглядом, — обеспокоенно.*) Что случилось? В чем дело, мама?

Мэри (*его появление окончательно выводит ее из душевного равновесия; она чувствует себя виноватой и от этого волнуется все больше и больше*). У твоего братца ни стыда, ни совести нет. Не знаю, в чем он меня обвиняет.

Эдмунд (*поворачивается к Джейми*). Черт бы тебя побрал! (*С угрожающим видом делает шаг по направлению к брату.*)

Джейми, пожав плечами, отворачивается от него к окну.

Мэри (*в еще большей запальчивости хватая Эдмунда за руку; возбужденно*). Сейчас же перестань, слышишь?! Как ты смеешь так выражаться в моем присутствии?! (*Внезапно ее манера и тон меняются, наступает странная отрешенность, проявлявшаяся у нее и до этого.*) Что винить брата? Таким уж его сделала жизнь. Он просто не может быть другим. Так же как и отец. Или ты. Или я.

Эдмунд (*испуганно, все еще надеясь — вопреки всему*). Он лжет! Мама, скажи: ведь это ложь?

Мэри (*пряча глаза*). Что ложь? Теперь и ты, как Джейми, говоришь загадками. (*Встречается с его горестным, обвиняющим взглядом; запинаясь.*) Эдмунд! Не надо! (*Отводит глаза, и тут же в ней снова появляется эта странная отрешенность; спокойно.*) Слышите? Отец поднимается на веранду. Пойду скажу Бриджит. (*Уходит через проходную комнату.*)

Эдмунд плетется к своему креслу. Вид у него больной и совершенно убитый.

Джейми (*по-прежнему стоя у окна, спиной к Эдмунду*). Ну?

Эдмунд (*все еще не желая признать правоту брата, слабо возражает*). Что — ну? Придумываешь ты все.

Джейми пожимает плечами. Слышно, как хлопает дверь на передней веранде.

(*Хмуро.*) Вот и отец. Надеюсь, он расщедрится и поднесет нам.

Тайрон (*входит из гостиной, надевая на ходу пиджак*). Я немного задержался, прошу прощения. Это капитан Тернер остановился перекинуться со мной парой слов, а вы же знаете, стоит ему только раскрыть рот, и от него уж не отвяжешься.

Джейми (*не оборачиваясь, сухо*). Ты хотел сказать, стоит ему только развесить уши.

Отец, неприязненно взглянув на него, подходит к столу и бросает быстрый оценивающий взгляд на бутылку с виски.

(*Не оборачиваясь.*) Все в полном порядке. Там столько же, сколько было.

Тайрон. Я и не смотрел. (*Язычительно добавляет.*) Как будто это что-нибудь доказывает, когда ты поблизости. Знаю я все твои штучки.

Эдмунд (*невесело*). Ты, кажется, хотел нас угостить?

Тайрон (*Эдмунду, хмурясь*). Джейми-то сейчас в самый раз немного выпить после трудов праведных, а тебе я не предлагаю. Доктор Харди...

Эдмунд. К черту доктора Харди! Не помру я от одного глотка! Мне худо, папа, я весь... как выжатый лимон.

Тайрон (*встревоженно взглянув на него, с наигранной сердечностью*). Ну, коли так — наливай себе. Перед обедом, пожалуй, оно и не вредно. Глоток-другой доброго виски для возбуждения аппетита — лучшее укрепляющее средство. Сколько раз в этом убеждался.

Эдмунд встает, берет бутылку, которую протягивает ему отец, и наливает себе большую порцию виски.

(*Хмурясь, предостерегающим тоном.*) Я сказал, глоток-другой. (*Наливает себе и передает бутылку Джейми; ворчливо.*) Ну а тебе напоминать об умеренности — только попусту слова тратить.

Игнорируя этот выпад, Джейми наливает себе большую порцию.

(*Сердито хмурится, затем, передумав, поднимает стакан с выражением прежней сердечности.*) Итак, за здоровье и счастье!

Эдмунд (*горько смеется*). Вот так шутка!

Тайрон. Какая шутка?
Эдмунд. Не важно. Выпьем.

Пьют.

Тайрон *(только теперь замечает царящее в комнате уныние)*. Что здесь стряслось? Что это вы оба носы повесили? *(Нанускиается на Джейми.)* Ты же удовлетворил свое заветное желание. Теперь-то ты чем недоволен? Чего такой невеселый?

Джейми *(пожав плечами)*. Скоро и тебе будет не до смеха.

Эдмунд. Помолчи, Джейми.

Тайрон *(теперь он не на шутку встревожен. Меняя тему разговора)*. Я думал, обед уже на столе. Голоден как волк. А где мама?

Мэри *(возвращается через проходную комнату)*. Я здесь. *(Она смущена и волнуется. Разговаривая, избегает глядеть в лицо мужу и сыновьям.)* Пришлось успокаивать Бриджит. Она там рвет и мечет из-за того, что ты снова опоздал, и я ее вполне понимаю. Заявила, что если все пережарится и пересушится, то так, мол, тебе и надо. Хотите ешьте, хотите выбрасывайте, мне, говорит, до этого дела нет. *(Все сильнее волнуясь.)* Господи, как мне надоело делать вид, будто у нас нормальный дом, как у всех людей! Ты ни в чем не хочешь мне помочь! Палец о палец не ударишь! Да ты и не знаешь, каким должен быть хороший семьянин! По-настоящему ты ведь и не хочешь, чтобы у тебя был дом. И никогда не хотел — с самого дня нашей свадьбы! Тебе бы и оставаться холостяком, жить во второразрядных гостиницах, да встречаться с друзьями в барах да буфетах! *(Станным тоном, словно она обращается не к Тайрону, а вслух разговаривает сама с собой.)* Тогда бы никогда ничего не случилось.

Все трое неотрывно смотрят на нее. Тайрон уже все понял. Он как-то сразу сникает. У него теперь понурый, удрученный вид состарившегося человека. Взглянув на отца, Эдмунд догадывается, что тот все понял, и все же пытается предостеречь мать.

Эдмунд. Перестань, мама, будет тебе прошлое ворошить. Пойдем мы наконец обедать или нет?

Мэри *(вздрагивает, на лице ее снова появляется рассеянное выражение. При этом она даже с иронической улыбкой подмигивает над собой)*. О да, какая бестактность с моей стороны — копаться в прошлом, когда отец и Джейми проголодались. *(Кладя руку на плечо Эдмунду, с ласковой заботливостью, в которой вместе с тем сквозит внутренняя отрешенность.)* Надеюсь, родной, ты пообедаешь с аппетитом. Тебе, право же, нужно

побольше есть. *(Заметив на столе перед Эдмундом стакан, резко.)* Почему здесь стакан? Неужели ты пил? Вот уж не ожидала от тебя такой глупости! Ты ведь знаешь: это для тебя — яд! *(Напускается на Тайрона.)* А ты куда глядел, Джеймс? Неужели ты ему позволил? Ты что — хочешь убить его? Вспомни, что случилось с моим отцом. Он не захотел отказаться от спиртного, после того как у него начался процесс. Говорил, что врачи — дурачье. Он, вроде тебя, считал виски лучшим укрепляющим средством. *(В ее глазах появляется выражение ужаса. Прерывающимся голосом.)* Впрочем, как можно сравнивать — тут же ничего общего. Просто не знаю, с чего это я... Прости, Джеймс, я сгоряча разбранила тебя. Глоток другой виски Эдмунду не повредит. Ему даже пойдет на пользу, если он поест с апетитом. *(Шутливо треплет Эдмунда по щеке; в ее взгляде, жестах вновь появилась странная отрешенность.)*

Эдмунд резко отстраняется. Похоже, она не обращает на это внимания, но все же отходит от него.

Джейми *(намеренно резко, чтобы не показать, как взвинчены у него нервы)*. Ради бога, давайте есть! Я все утро гнул спину, ковыряясь в грязи под изгородью, и, черт возьми, заработал себе на пропитание. *(Проходит сзади отца, ни разу не взглянув на мать, и хлопает Эдмунда по плечу.)* Пошли, малыш, кормиться.

Эдмунд встает, избегая глядеть матери в лицо. Оба проходят мимо нее, направляясь в столовую.

Тайрон *(помрачнев)*. Да-да, идите с матерью в столовую. Я через минуту приду.

Вместо того чтобы подождать мать, они, не задерживаясь, идут дальше. Она беспомощно и обиженно смотрит им вслед; затем, когда они входят в проходную комнату, направляется за ними. Тайрон провожает ее печальным, осуждающим взглядом. Почувствовав на себе этот взгляд, она резко поворачивается, но в глаза ему не смотрит.

Мэри. Почему ты так глядишь на меня? *(Судорожным движением поправляет прическу.)* У меня волосы растрепались, да? Понимаешь, я так измучилась этой ночью, что решила прилечь. Легла и заснула. Выспалась прекрасно: встала бодрая, свежая. Но, помню, прическу я после сна приводила в порядок. *(С натянутым смехом.)* Хотя, как всегда, я куда-то задевала очки. *(Резко.)* Ну что ты уставился?! Перестань, пожалуйста! Можно подумать, ты обвиняешь меня... *(Умоляющим голосом.)* Джеймс! Ну пойми же!

Тайрон *(с глухим гневом)*. Да, я все понимаю... Понимаю: я был безмозглым идиотом — поверил в тебя!

(Отходит от нее к столу и наливает себе большую порцию виски.)

Мэри *(вновь с выражением упрямого отрицания)*. «Поверил в тебя!» Хотела бы я знать, что ты имеешь в виду. Я вижу вокруг себя совсем другое: одно недоверие, шпионство, подозрительность. *(Тонем обвинения.)* Зачем ты налил себе еще? Ты же никогда не добавляешь перед обедом. *(Горько.)* А, теперь я знаю, что ждет меня вечером. Ты напьешься. Что ж, мне не привыкать. В который раз это случится—тысячный? *(Снова с мольбой в голосе.)* Ах, Джеймс, не надо, умоляю тебя! Как ты не можешь понять? Я так тревожусь за Эдмунда! *(Тихо.)* Я так боюсь, что он...

Тайрон. Не хочу слушать твоих оправданий, Мэри.

Мэри *(ошеломленно)*. Оправданий? Ты хочешь сказать?.. О, не может быть, чтобы ты подумал это! Джеймс, ты не должен так думать! *(Опять переходит к настоянию странной рассеянности; непринужденным тоном.)* Мы что, не будем сегодня обедать, милый? Я-то совсем есть не хочу, но ты, наверно, порядком проголодался. *(Поджидает его в дверях.)*

Он медленно, стариковской походкой направляется в столовую, подходит к Мэри.

(Жалким голосом.) Джеймс! Я так старалась! Я так старалась! Поверь мне...

Тайрон *(невольно тронут; беспомощно)*. Да, ты старалась, Мэри. Я верю. *(Горестно.)* Господи, если бы ты удержалась! Ну почему ты не пересилила себя?

Мэри *(ее лицо снова принимает прежнюю мину упорного отрицания)*. Не понимаю, о чем ты говоришь? От чего я должна была удержаться?

Тайрон *(с безнадежным видом)*. Ладно, оставим это. Теперь уже все равно.

Он идет вперед, она держится рядом с ним. Оба уходят через проходную комнату.

Картина вторая

Там же, полчаса спустя. Со стола убран поднос с бутылкой виски. В момент, когда поднимается занавес, семейство Тайронов, отобедав, возвращается из столовой. Первой из проходной комнаты входит Мэри. Вслед за ней появляется Тайрон. В отличие от аналогичной сцены в начале первого действия, когда супруги бок о бок входили в комнату после завтрака, на этот раз Тайрон идет позади. Он старается не прикасаться к жене и не смотреть на нее. На его лицо, выражающее непримиримое осуждение, легли теперь первые следы усталого старческого безразличия, беспомощной покорности судьбе.

Вслед за отцом входят Джейми и Эдмунд. На непроницаемом,

словно каменном лице Джейми застыла циничная усмешка, призванная скрыть его подлинные чувства. Эдмунд пытается придать своему лицу такое же выражение непроницаемости, но это ему плохо удается. Сразу видно, что он испытывает не только физические, но и душевные страдания.

Мэри снова сплошной комок нервов. Как видно, полчаса, проведенные с ними за обеденным столом, потребовали от нее чрезмерного нервного напряжения. В то же время, несмотря на эту перевозимость, во всем облике Мэри еще явственнее проступает та странная отрешенность, которая, как видно, позволяет ей уйти в себя и отгородиться от тревожащих близких. Входя, Мэри без умолку говорит. Вероятно, она продолжает начатый еще в столовой обычный семейный разговор. Ее речь льется легко и непринужденно, причем, судя по всему, ее несколько не трогает то обстоятельство, что все они — муж, сыновья, да и сама она — думают совсем о другом. Не переставая говорить, она подходит к левой стороне стола и останавливается лицом к зрительному залу. Одной рукой нервно терзит платье на груди, другой машинально передвигает предметы на столе. Тайрон раскуривает сигару, подходит к двери на веранду и смотрит в сад. Джейми достает с книжного шкафа в глубине комнаты банку с табаком и набивает трубку. На ходу раскуривая ее, он направляется к окнам справа и тоже глядит в сад. Эдмунд усаживается в кресло у стола вполоборота к матери, так, чтобы она не была у него перед глазами.

Мэри. Что толку отчитывать Бриджит? Она все пропускает мимо ушей. А попробуй я пригрозить ей — она тут же потребует расчета. К тому же иной раз она действительно старается приготовить повкусней. Беда в том, что именно тогда ты, Джеймс, как назло опаздываешь. Одно утешение: по ее стряпне трудно понять, когда она старалась, а когда — нет. *(Посмеивается все с тем же отсутствующим видом; затем продолжает безразличным тоном.)* Ну да ладно. Лето, слава богу, скоро кончится. Откроется театральный сезон, и опять пойдут второразрядные гостиницы и спальные вагоны. И то и другое я тоже не выношу, но там хоть не приходится делать вид, что это твой дом, да и о хозяйстве не нужно беспокоиться. Как можно требовать от Бриджит или от Кэтлин, чтобы они делали все как в порядочном доме? Они же знают, что никакой это не дом, а временное пристанище. Он никогда не был для нас домом и никогда не будет.

Тайрон *(не оборачиваясь, с горечью)*. Да, теперь уже никогда не будет. Но когда-то был — до того, как ты...

Мэри *(на лице ее тут же появляется выражение упорного отрицания)*. До того, как я — что?

Воцаряется гробовое молчание.

(Продолжает с прежним отрешенным видом.) Нет-нет. Не знаю, что ты имеешь в виду, милый, но ты не прав. У нас никогда не было такого чувства, что здесь мы у себя дома. Ты всегда предпочитал проводить время в клубе или

в баре. А я все время чувствовала себя в этих стенах так же одиноко, как в какой-нибудь дрянной гостиничной комнате, куда нас на день закинула судьба во время твоих гастролей. У домашнего очага не чувствуют себя одинокими. Уж поверь мне, я-то хорошо знаю, что такое домашний очаг. Ведь у меня был родной дом, который я покинула, согласившись стать твоей женой,—дом моего отца. *(По мгновенной ассоциации поворачивается к Эдмунду. Теперь в ее голосе и манере появляется ласковая заботливость, но сохраняется та же странная отрешенность.)* Эдмунд, ты меня беспокоишь. За обедом ты опять почти ни к чему не притронулся. Так нельзя: ты совсем не бережешься. Я другое дело, мне даже полезно поменьше есть—видишь, как я растолстела. Но ты должен есть как следует. *(Упрашивая, с материнской нежностью.)* Обещай мне, что ты будешь есть,—сделай это ради меня. Пожалуйста...

Эдмунд *(вяло)*. Хорошо, мама.

Мэри *(похлопывает его по щеке)*. Ну вот и молодец!

Он при этом с трудом преодолевает желание отстраниться.

Снова нависает гробовое молчание. Пауза. В прихожей звонит телефон. Каждый из Тайронов полон тревожного ожидания.

Тайрон *(поспешно)*. Я подойду. Это, наверно, Макгир—он обещал позвонить мне. *(Уходит через гостинику.)*

Мэри *(безразличным тоном)*. Должно быть, этому Макгиру опять нужно сбить с рук какой-нибудь глухой пустырь, на который никто, кроме вашего отца, не польстится. Теперь это, правда, уже все равно, но мне всегда казалось странным, что у вашего отца всякий раз находились деньги, чтобы приобрести очередной участок, а вот на то, чтобы дать своей жене настоящий дом, почему-то никогда не хватало.

Из прихожей доносится голос Тайрона. Мэри замолкает и прислушивается.

Голос Тайрона. Алло. *(С деланной сердечностью.)* А, это вы, доктор? Здравствуйте.

Джейми оборачивается. Мэри все быстрее барабанит пальцами по столу. По голосу Тайрона можно догадаться, что он выслушивает дурные вести, но кочет скрыть это от родных.

Понятно... *(Поспешно.)* Ну что ж, вы тогда сегодня же и объясните ему, что и как. Да, он непременно придет. В четверг. До этого я сам загляну к вам переговорить обо всем. Мне так или иначе нужно побывать по делам в городе. До свидания, доктор.

Эдмунд (*мрачно*). Похоже, невеселые новости.

Джейми бросает на него исполненный жалости взгляд, затем снова поворачивается к окну.

Лицо Мэри выражает ужас, пальцы судорожно барабают по столу. Входит Тайрон. В испринужденности, с которой он обращается к Эдмунду, легко угадывается внутреннее напряжение.

Тайрон. Звонил доктор Харди. Напомнил, что он ждет тебя сегодня к четырем.

Эдмунд (*вяло*). Что он находит у меня? Впрочем, теперь мне уже все равно.

Мэри (*возбужденно*). Да я бы ни одному его слову не поверила, поклянись он хоть на дюжине библий! Что бы он ни сказал тебе, Эдмунд,— не обращай внимания!

Тайрон (*резко*). Мэри!

Мэри (*еще более возбужденно*). О, все мы прекрасно понимаем, Джеймс, почему он пришелся тебе по сердцу: он дешево берет. И не возражай мне, пожалуйста, уж я-то знаю этого доктора Харди. За столько-го лет успела изучить. Дурак и круглый невежда! Таким людям надо бы вообще запретить заниматься врачебной практикой. Да он и разобраться-то ни в чем не может. Ты мучаешься, с ума сходишь от боли, а он сидит, щупает пульс и произносит проповеди о силе воли! (*От одного только воспоминания на ее искаженном лице появляется страдальческое выражение. На какой-то миг терлет всякий контроль над собой. С горечью и ненавистью.*) Он сознательно старается унижить тебя; заставляет упрашивать, молить; помыкает тобой, как какой-нибудь преступницей! Он ничего не понимает, ничего! А ведь точно такие же дешевые шарлатаны и приучают к этому лекарству— вы понятия не имеете, что это такое, а когда поймете, уже слишком поздно! (*Исступленно.*) Ненавижу врачей! Они на все пойдут, на любые подлости, лишь бы к ним приходили снова и снова. Они душу продадут дьяволу, хуже того, они и твою душу продадут, а ты об этом и знать не будешь, пока не очутишься в аду!

Эдмунд. Мама! Ради бога, перестань.

Тайрон (*убитым голосом*). Да, Мэри, теперь не время...

Мэри (*внезапно смешавшись, говорит запинаясь, с виноватым видом*). Я... прости, дорогой. Ты прав. Теперь сердиться бесполезно.

Вновь наступает гнетущее молчание.

(*Когда после паузы нарушает это молчание, на ее лице написано спокойствие, а в голосе и во всем поведении опять появляется та же отчужденность.*) А сейчас, с

вашего позволения, я поднимусь на минутку наверх: хочу прическу поправить. *(С улыбкой добавляет.)* Правда, для этого надо еще найти очки. И сейчас же спущусь.

Тайрон *(когда она уже в дверях, с мольбой и упреком)*. Мэри!

Мэри *(оборачивается и смотрит на него спокойным взглядом)*. Да, милый? Что тебе?

Тайрон *(безнадежно)*. Ничего.

Мэри *(с иронической усмешкой)*. Если хочешь, пойдем вместе—посмотришь, раз уж ты так подозрителен.

Тайрон. Как будто это может что-то изменить! Ты просто подождешь другого случая. А я не хочу быть твоим надзирателем. Здесь не тюрьма.

Мэри. Ну конечно нет: ты ведь даже тешишь себя мыслью, что здесь наш дом. *(Тут же, с огорчением.)* Прости, родной. Я не хотела тебя обидеть. Ты в этом не виноват. *(Поворачивается и уходит через проходную комнату.)*

Все трое мужчин хранят молчание. Похоже, они выжидают, когда она поднимется наверх и не будет их слышать.

Джейми *(грубо, с нарочитым цинизмом)*. Пошла колоться—еще раз!

Эдмунд *(в ярости)*. Ты брось так говорить!

Тайрон. Да, придержи-ка свой поганый язык! И оставь этот развязный тон бродвейского хлыща; имей хоть каплю жалости! *(Выходя из себя.)* Если бы не она, тебя давно стоило бы выгнать в три шси. Ты прекрасно знаешь, кто станет защищать тебя и оправдывать, умолять и плакать, пока я не позволю тебе вернуться.

Джейми *(лицо его судорожно передергивается)*. Боже, неужели я не понимаю?! У меня нет жалости? Да у меня сердце кровью обливается от жалости к ней. Я ли не понимаю, как ей тяжело и трудно—никому из нас в жизни так трудно не приходилось! Я же это не от бесчувственности. Просто откровенно высказал то, что у нас на уме у каждого. Теперь нам снова придется с этим смириться. *(Горько.)* Лечение, черт его дери, лишь ненадолго отбивает привычку. Давайте смотреть правде в глаза: это неизлечимо, и зря мы надеялись... *(Цинично.)* Они никогда не избавляются от этого.

Эдмунд *(с едким сарказмом пародирует циничный тон брата)*. Они никогда не избавляются от этого! От судьбы не уйдешь! В жизни правды нет! Все мы не святые! Куда уж нам, слабым, плыть против течения! *(Презрительно.)* Вот уж не приведи бог жить с такими мыслями в голове!

Джейми *(обиженно замолкает, затем пожимает*

плечами; сухо). Да? Как будто ты сам думаешь иначе. Твои любимые стихи—не из веселых. А уж о той муре, которую ты читаешь, делая вид, будто в восторге от нее, и говорить нечего. (*Указывает на маленький книжный шкаф в глубине комнаты.*) Чего стоит хотя бы этот твой кумир с неудобопроизносимой фамилией.

Эдмунд. Нище. Но только не рассуждай о том, чего не знаешь. Ты не читал его.

Джейми. Я прочел достаточно, чтобы убедиться, что это несусветная чушь!

Тайрон. Да замолчите вы оба: не очень-то большая разница между тем, чего вы набрались—один у бездельников с Бродвея, другой из книжек. Гниль все это. Вы отвергли веру, в которой были рождены и воспитаны,—единственно истинную веру католической церкви,—и это прямоком привело вас к нравственному разложению.

Оба сына презрительно смотрят на него. Забыв о своей ссоре, они вместе обрушиваются на отца.

Эдмунд. Что за вздор, папа!

Джейми. Во всяком случае, мы не притворяемся, не лицемерим. (*Ядовито.*) Что-то не заметно, чтобы у тебя брюки были протерты от частых коленапреклонений в храме божием.

Тайрон. Может быть, я плохой католик, да простит меня господь. Но я верую. (*Сердито.*) А ты и здесь лжешь. Пускай я не хожу в церковь, но не было случая, чтобы утром и вечером я не становился на колени и не молился.

Эдмунд (*язвительно*). Может, ты и за маму молился?

Тайрон. Молился. Все эти долгие годы я просил бога помочь сй.

Эдмунд. Значит, Нище все-таки прав. (*Цитирует афоризм из книги «Так говорил Заратустра».*) «Бог умер: от жалости к человеку умер бог».

Тайрон (*оставляет его реплику без внимания*). Если бы и она тоже молилась... Она не отвергла свою веру—она забыла ее, и вот результат: ее оставили душевные силы, и она не может поборогь лежащее на ней проклятье. (*С полной покорностью судьбе.*) Впрочем, что толку теперь в пустых разговорах? Как раньше нам приходилось нести этот крест, так и теперь придется. Тут уж ничего не поделаешь. (*С горечью.*) Зря я на этот раз так понадеялся, отныне уже надеяться не на что.

Эдмунд. Папа! Как ты можешь так говорить! (*С вызовом.*) А вот я буду надеяться. Она только-только начала. Не может быть, чтобы она окончательно подпала

под власть привычки. Еще не поздно остановиться. Я поговорю с ней.

Джейми (*пожимая плечами*). Теперь с нею говорить бесполезно. Она будет слушать, но не будет слышать. Она будет рядом с тобой и все равно будет отсутствовать. Ты же знаешь, какой она становится.

Тайрон. Да, эта отравка всегда так на нее действует. Теперь каждый день она будет постепенно уходить от нас, а потом, к концу вечера...

Эдмунд (*с несчастным видом*). Отец, перестань! (*Вскакивает с кресла.*) Пойду оденусь. (*Подходя к двери, горько.*) Буду нарочно шуметь, чтобы она не подумала, что я пришел шпионить за ней. (*Уходит через гостиную.*)

Слышно, как он, громко топая, поднимается по лестнице.

Джейми (*после паузы*). Что у малыша?

Тайрон (*мрачно*). То, что ты подозревал. Чихотка.

Джейми. Черт!

Тайрон. Харди говорит, диагноз сомнений не вызывает.

Джейми. Ему придется лечь в санаторий.

Тайрон. Да. Харди сказал, чем скорее, тем лучше — и для него и для окружающих. Уверяет, что через полгода-год Эдмунда вылечат, если он будет выполнять предписания врачей. (*Сокрушенно*). Вот уж никогда не думал, чтобы мой сын, моя плоть и кровь... Нет, это у него по материнской линии. У меня в роду были одни здоровяки с могучими легкими.

Джейми. Какое это имеет значение — по чьей линии. Куда советует Харди поместить его?

Тайрон. Вот это мне и нужно обсудить с ним.

Джейми. Только, ради всего святого, выбери хороший санаторий, а не лечебницу для нищих!

Тайрон (*обиженно*). Я пошлю его туда, куда порекомендует Харди.

Джейми. Хорошо, только не заводи в разговоре с ним свою старую песню о налогах и процентах по закладным, из-за которых ты кончишь свои дни в богадельне.

Тайрон. Я не миллионер, чтобы швырять деньги на ветер. Почему, интересно, я не могу сказать Харди всю правду?

Джейми. Да потому, что он сразу же смекнет, чего ты хочешь: чтобы он порекомендовал третьеразрядную дыру! А еще потому, что ему станет известно, какая все это липа, — особенно когда он услышит, что ты встретился с Макгиром и этот вкрадчивый жулик снова нагрел

тебя—сбагрил тебе ни на что не годный клоч земли.

Тайрон (*в бешенстве*). Не смей совать нос в мои дела!

Джейми. Речь идет об Эдмунде. Я знаю, ты с молоком матери всосал убеждение своих ирландских предков, этих детей болота, будто чахотка—верная смерть. Я вот чего боюсь: как бы не забрал ты себе в голову, что тратиться на дорогое лечение—зря сорить деньгами.

Тайрон. Да как ты смеешь!

Джейми. Хорошо. Докажи, что это не так. Мне больше ничего и не нужно. Стал бы я иначе затевать весь этот разговор!

Тайрон (*все еще не остыв*). Я уверен, что Эдмунда вылечат. И не смей чернить своим грязным языком Ирландию! Уж кому бы издеваться над ирландцами, но только не тебе. У тебя самого ирландское происхождение на лице написано!

Джейми. Только когда я неумыт. (*Не дав отцу времени ответить на это оскорбительное для матери-родины замечание, сухо добавляет, пожимая плечами.*) Ладно, все, что я собирался сказать, я сказал. Теперь дело за тобой. (*Резко меняя тему разговора.*) Есть у тебя сегодня еще какая-нибудь работа для меня? Ведь ты, кажется, собрался в город? С изгородью мне делать больше нечего, пока ты не подровняешь ее дальше. Насколько я догадываюсь, ты не хочешь, чтобы я подровнял ее за тебя?

Тайрон. Нет уж, благодарю покорно. Ты и здесь ухитришься все испортить.

Джейми. Тогда я, пожалуй, пойду вместе с Эдмундом. Он и так сам не свой из-за того, что случилось с мамой, а тут еще Харди его огорошит.

Тайрон (*забыв о ссоре*). Да-да, Джейми, составь ему компанию. Поддержи его. (*Язвительно.*) Но только не с помощью спиртного.

Джейми. Интересно, на какие бы деньги? Насколько мне известно, спиртное пока что не подносят бесплатно. (*Направляется к двери в гостиную.*) Пойду оденусь. (*В дверях видит идущую из прихожей мать и, посторонившись, уступает ей дорогу.*)

У нее еще сильнее блестят глаза, еще заметнее отрешенность во всем ее поведении. По ходу действия эта перемена становится явственней.

Мэри (*рассеянню*). Ты нигде не видел моих очков, Джейми? (*Смотрит мимо него.*)

Он, отведя взгляд в сторону, оставляет вопрос без ответа.

(Она, похоже, и не ожидает ответа. Пройдя вперед, обращается с этим же вопросом к мужу, тоже не глядя на него.) Ты моих очков не видел, Джеймс?

Джейми уходит через гостиную.

Тайрон *(отворачивается и смотрит через дверь на веранду)*. Нет, Мэри.

Мэри. Что с ним? Опять ты его изводил? Вечно ты его пилишь. Ну за что ты его так? Ведь он не виноват. Право же, он был бы совсем другим человеком, вырасти он в настоящем, нормальном доме. *(Подходит к окнам справа, с безразличным видом.)* Предсказывать погоду, милый, ты совсем не умеешь. Смотри, опять туман опускается. Тот берег еле виден.

Тайрон *(пытаясь говорить непринужденным тоном)*. Да, поторопился я предсказать конец ненастью. Боюсь, сегодня предстоит такая же мучительная ночь, как вчера.

Мэри. О, сегодня я не стану мучиться.

Тайрон. Я тоже так думаю, Мэри.

Мэри *(бросает на него быстрый взгляд; после паузы)*. Что это Джейми все не выходит в сад? Он, кажется, хотел подстричь изгородь?

Тайрон. Нет. Он собирается вместе с Эдмундом к доктору Харди и поднялся наверх переодеться. *(Обрадованно поводит усами.)* Пора и мне одеваться, не то опоздаю в клуб—у меня там назначена встреча. *(Делает шаг в сторону двери в гостиную.)*

Мэри порывистым, импульсивным движением удерживает его за руку.

Мэри *(с умоляющими нотками в голосе)*. Ну погоди уходить, милый. Так не хочется оставаться одной! *(Поспешно.)* Я хочу сказать, у тебя еще уйма времени. Ты же сам хвасташь, что можешь одеться в десять раз быстрее, чем мальчишки. *(Рассеянно.)* Что-то я хотела тебе сказать?.. Забыла. Это хорошо, что Джейми пойдет с Эдмундом. Надеюсь, ты не давал ему денег?

Тайрон. Нет, не давал.

Мэри. Он их тут же пропьет, а ты знаешь, как он неводержан на язык, когда напьется. Мне-то теперь не так уж и страшно его злословие. Но тебя он всегда ухитряется довести до белого каления, особенно когда ты тоже на взводе, а уж сегодня ты наверняка наберешься.

Тайрон *(возмущенно протестуя)*. Не правда! Я никогда не бываю пьяным.

Мэри *(шутливо)*. О, конечно, ты будешь изображать из себя трезвого. Это ты умеешь. Посторонний человек и

не догадается. Но я уже тридцать пять лет за тобой замужем...

Тайрон. За всю свою жизнь я не пропустил ни одного спектакля. Разве это не доказательство?! (С горечью.) Знаешь, не тебе упрекать меня, даже если бы я и напился. Причина у меня есть — и более чем достаточная.

Мэри. Причина? О какой причине ты говоришь? Стоит тебе оказаться в клубе, как уже ты не можешь удержаться и обязательно переборщишь. Особенно когда встречаешься с Макгиром. Он нарочно тебя подлизывает. Только не подумай, милый, что я упрекаю тебя и жалею. Поступай как тебе нравится. Я не обижаюсь.

Тайрон. Знаю, что не обижаешься. (Стремясь поскорее отделаться от нее, поворачивается в сторону гостиной.) Мне пора одеваться.

Мэри (снова быстрым движением удерживает его за руку; с мольбой). Не уходи, милый! Ну, пожалуйста, побудь со мной еще немножечко. Подожди хотя бы, пока кто-нибудь из мальчиков не спустится. Ведь скоро все вы оставите меня одну.

Тайрон (с горечью и грустью). Это ты, Мэри, оставляешь нас.

Мэри. Я? Что за глупости, Джеймс? Как это я могла бы оставить вас? Мне и пойти-то некуда. К кому? У меня же нет ни друзей, ни знакомых.

Тайрон. Ты сама в этом виновата. (С безнадежным вздохом смолкает на полуслове; затем усмехательным тоном.) Знаешь, Мэри, самое лучшее, что ты могла бы сделать сегодня, — это поехать покататься на автомобиле. Не сиди ты в четырех стенах. Тебе надо немного проветриться, побыть на солнце. (С затаенной обидой в голосе.) Автомобиль я купил только ради тебя. Ты меня знаешь, я терпеть не могу ездить в этих драндулетах. По мне, лучше целый день ходить пешком или в трамвай сесть. (Все более обиженным тоном.) Я купил его как раз к твоему возвращению из санатория. Хотел порадовать и развлечь тебя. Раньше ты каждый день выезжала на прогулку, а в последнее время совсем к машине охладела. Я ухлопал на нее кучу денег, хотя мне это и не по карману. Да еще шофера пои, корми и плати ему огромное жалованье, все равно возит он тебя или нет. (С горечью.) Деньги, брошенные на ветер! Все то же расточительство, из-за которого я попаду на старости лет в богадельню. Много ли проку тебе от этой машины? Я с таким же успехом мог бы вышвырнуть деньги в окно.

Мэри (с безразличным спокойствием). Да, Джеймс, пустая трата. Не надо тебе было покупать подержанный

автомобиль. Тебя и тут надули. И все из-за того, что ты всегда норовишь купить подержанную вещь.

Тайрон. Но это же такая добротная модель! Все говорят, что она лучше любой машины нового выпуска.

Мэри (*не слушая*). А другая пустая трата нанять Смайза, который и шофером-то никогда не был, а работал простым подручным в гараже. Я, конечно, понимаю: ты платишь ему меньше, чем пришлось бы платить настоящему шоферу, но, будь уверен, он с лихвой возмещает это, получая тайком комиссионные от гаража за ремонт машины. В ней все время что-нибудь ломается. Боюсь, не без помощи Смайза.

Тайрон. Не верю! Конечно, это не выложенный ливрейный лакей какого-нибудь миллионера, но он честный мальчишка. Да ты, гляжу, еще хуже, чем Джейми: всех во всем подозреваешь!

Мэри. Не обижайся, дорогой. Ведь я же не обиделась, когда ты купил мне этот автомобиль. Я понимала, что ты не хотел меня унижить,—просто у тебя такая манера, иначе ты не можешь. И я была благодарна тебе и даже растрогана. Я отлично представляла, как нелегко тебе было решиться на покупку машины. И, купив ее, ты доказал, как сильно меня любишь. По-своему. Тем более что в душе ты, наверно, и не верил, что это хоть чем-то мне поможет.

Тайрон. Мэри! (*Вдруг привлекая ее к себе; прерывающимся голосом.*) Мэри, родная моя! Ради всего святого, ради меня, ради мальчишек, ради тебя самой, попробуй остановиться. а?

Мэри (*на какой-то миг виновато и бессвязно*). Я... Не надо, Джеймс. (*Тут же на ее лице вновь появляется странное выражение упрямого непонимания.*) Остановиться? О чем ты говоришь?

Он с убитым видом отпускает ее, и руки его безвольно повисают вдоль тела.

(*Повинуясь внутреннему порыву, обнимает его.*) Джеймс! Мы же любим друг друга и никогда не перестанем любить. Вот и будем помнить только об этом! И не надо пытаться понять то, чего нам все равно не понять, и изменить то, чего изменить нельзя—ведь это сделала с нами сама жизнь.

Тайрон (*горько, будто он не слышал ее*). Ты даже и попытаться не хочешь?

Мэри (*с безнадежным видом опускает руки и отвращивается; рассеянно*). Попытаться поехать сегодня на прогулку? Это ты имеешь в виду? Ладно, поезду, если тебе так хочется. Но, по правде сказать, катаюсь на автомоби-

ле, я чувствую себя еще более одинокой, чем в этом доме. Мне некого пригласить с собой; некуда поехать. Если бы я могла приказать Смайзу отвезти меня на часок к какой-нибудь знакомой, посмеяться и поболтать о том о сем. Но нет у меня таких знакомых. И никогда не было. *(Она говорит все более рассеянно, на лице — отсутствующее выражение.)* А в монастыре у меня было много подружек. Дома у них было так хорошо, так уютно. Я часто бывала у них, и они тоже приходили ко мне, в дом моих родителей. После того как я вышла замуж за актера — ты же знаешь, как смотрели тогда на актеров, — многие из них, разумеется, стали избегать меня. А потом, едва только мы поженились, приключился тот громкий скандал, когда твоя бывшая любовница подала на тебя в суд. И с тех пор все мои старые подруги или изводили меня своей жалостью, или просто не желали со мной зняться. Жалостливых я ненавидела еще больше, чем тех, кто отвернулся от меня.

Тайрон *(негодует, хотя и чувствует себя виноватым)*. Не напоминай ты, ради бога, о том, что давным-давно былшем поросло. Если ты уже сейчас, когда весь день впереди, забралась так далеко в прошлое, то где же ты будешь вечером?

Мэри *(с вызовом, глядя ему прямо в глаза)*. Знаешь, кажется, мне действительно нужно съездить в город. Я должна кое-что купить в аптеке.

Тайрон *(с горечью и презрением)*. Да-да, припрядь кое-что про запас и раздобудь рецепты на будущее! Надеюсь, ты обеспечишь себя надолго вперед и нам не придется пережить еще одну такую ночь, когда ты на крик кричала, вымаливая это зелье, а потом, как безумная, выскочила из дому в одной рубашке и пыталась броситься в море с набережной.

Мэри *(пытается оставить это без внимания)*. Мне надо купить зубной порошок, туалетное мыло и кольд-крем... *(Не выдержав; с несчастным видом.)* Джеймс! Зачем ты напоминаешь мне об этом? Зачем ты так унижаешь меня?

Тайрон *(устыдившись)*. Прости, Мэри!

Мэри *(опять с тем же отчуждением)*. Не важно, я не обиделась. Ведь ничего подобного и не было. Тебе это, должно быть, приснилось.

Тайрон пристально смотрит на нее. Видно, что он утратил всякую надежду.

(С отсутствующим видом.) А какая я была выносливая до рождения Эдмунда! Ты помнишь, Джеймс? Не знала, что такое нервы. Сезон за сезоном колесила с тобой по

всей стране; каждый день пересажала на новое место, где твоя трупа останавливалась, чтобы дать спектакль, а назавтра опять ехала с тобой дальше—и так месяцами. Ездил в поездах без спальных вагонов, жила в грязных, дрянных номерах, питалась бог знает чем, рожала детей прямо в гостинице—и меня не брала никакая хворь! Но рождение Эдмунда—это была капля, переполнившая чашу. Как я потом болела! А тут еще этот неуч, дешевый шарлатан—врач при гостинице. У больной сильные боли—только это он и понимал. И унимал их по-своему.

Тайрон. Мэри! Ради бога, забудь прошлое!

Мэри *(с бесстрастным спокойствием)*. Зачем же мне забывать? Да и разве можно его забыть? Ведь прошлое это и настоящее. Оно же—будущее. Все мы рады бы избавиться от него, да жизнь не дает. *(Пауза.)* Я сама во всем виновата. Я же клятву себе дала после смерти Юджина, что у меня больше не будет ребенка. Это я упустила Юджина. Ты писал мне, как скучаешь без меня, как тебе одиноко, и я примчалась к тебе, оставив Юджина и Джейми на руках у мамы. Да разве я допустила бы—останься я с детьми,—чтобы Джейми, у которого еще не прошла корь, вошел в комнату к малышке?! *(Лицо ее принимает жесткое, суровое выражение.)* Уверена, что Джейми поступил так умышленно. Он ревновал нас к маленькому и ненавидел его. *(Не давая Тайрону времени возразить.)* Да-да, я сама знаю, что Джейми было всего семь лет, но он и тогда был сообразительным. Его предупреждали, что, если он войдет, малыш может умереть. Он знал, что делал. Я так и не смогла ему этого простить.

Тайрон *(печально и горько)*. Теперь ты воскрешаешь в памяти Юджина. Ну скажи, зачем тебе нужно тревожить покой нашего мальчика?

Мэри *(продолжает, словно и не слышала)*. Я только себя виню. Не надо бы мне было поддаваться на твои уговоры и мчаться к тебе. Как я ни любила тебя, я должна была проявить твердость и остаться с Юджином. А главное, мне не следовало после этого снова рожать. Но ты так настаивал—ты думал, если родится другой ребенок, он заменит мне Юджина, поможет забыть его смерть. В ту пору я уже по опыту знала, что нельзя заводить детей, если у тебя нет своего дома,—иначе и дети вырастут неудачные, и мать у них будет плохая. Когда я ждала Эдмунда, меня все время мучил страх. Я сердцем чувала, что случится что-то ужасное. Ведь я же знала: раз я бросила Юджина на произвол судьбы, значит, я недостойна иметь еще одного ребенка и бог меня покарает,

если я все-таки пойду на это. Не нужно мне было рожать Эдмунда.

Тайрон (*бросив тревожный взгляд в сторону гостиной*). Как ты неосторожна, Мэри. Ведь если Эдмунд вдруг услышит, он может подумать, что он — нежеланный ребенок. А у него и так на душе кошки скребут.

Мэри (*горячо*). Да нет же, я очень хотела, чтобы он родился! Больше всего на свете! Как ты не понимаешь? Я же другое имела в виду: это для него было бы лучше не родиться. Эдмунд не видел в жизни счастья. И никогда не увидит. Он вечно нездоров, с самого рождения был таким — нервным и болезненным, в этом и моя вина. А теперь, когда он совсем расхворался, я все время вспоминаю Юджина, своего отца и сама не своя от страха и угрызений совести... (*Спохватившись, тоном упрямого отрицания.*) О, я отлично понимаю, как это глупо: воображать себе всяческие ужасы, когда бояться совсем нечего. В конце концов, все простужаются и, слава богу, выздоравливают.

Пристально посмотрев на нее, Тайрон с безнадежным видом вздыхает, затем оборачивается в сторону гостиной и замечает Эдмунда, который спускается по лестнице.

Тайрон (*резким шепотом*). Эдмунд идет. Ради бога, возьми себя в руки — хотя бы до его ухода. Уж это-то ты можешь для него сделать.

В ожидании прихода Эдмунда Тайрон придает своему лицу напускное выражение отеческой приветливости. Мэри ждет с испугом и нервным напряжением. Ее руки, словно обезумев, торопливо одергивают платье, поправляют воротник, дрожь взлетает к волосам. Когда Эдмунд подходит к двери, ведущей из гостиной, Мэри срывается с места и быстро идет к окнам слева, чтобы он не увидел ее лица. Повернувшись спиной, она смотрит в окно. Входит Эдмунд. На нем синий шерстяной костюм, высокий крахмальнный воротничок, галстук, черные ботинки.

Тайрон (*с аффектированной сердечностью*). Смотри ты, какой франт! Ну, тоже пойду оденусь. (*Направляется в сторону гостиной.*)

Эдмунд (*сухо*). Погоди-ка, папа. Мне очень неприятно поднимать этот щекотливый вопрос, но как насчет денег на проезд? Я на мели.

Тайрон (*по привычке принимается читать нотацию*). И всегда будешь на мели, пока не научишься ценить... (*С виноватым видом оборвав нотацию, с тревогой и жалостью взглядывается в болезненное лицо сына.*) Но ты уже многое постиг, сынок. Ты здорово потрудился и сделал большие успехи, да только вот заболел. Я горжусь тобой. (*Вытаскивает из кармана брюк тонень-*

кую пачку ассигнаций и, перебрав их, вынимает одну для Эдмунда.)

Взяв ассигнацию, Эдмунд бросает на нее беглый взгляд, и на лице его появляется изумление.

(По привычке иронически напоминает.) Спасибо. *(Цитирует.)* «Больней, чем быть укушенным змеей...»

Эдмунд. «...иметь неблагодарного ребенка»¹. Знаю, знаю. Дай хоть слово сказать. Я просто дара речи лишился. Это же не доллар. Это десятка.

Тайрон *(смущенный собственной щедростью)*. Вот и клади ее себе в карман. Ты же, наверно, встретишься в городе с кем-нибудь из друзей, а без гроша за душой не очень-то компанию поддержишь.

Эдмунд. Так, значит, ты не по ошибке столько мне отвалил? Ого, теперь живем! Спасибо, папа. *(В первый момент он искренне рад и полон благодарности; потом подозрительно взглядывается в лицо отца.)* Но что это ты вдруг, ни с того ни с сего... *(С сарказмом.)* Или доктор Харди сказал тебе, что я умру? *(Видит, что отец обижен.)* Нет, это я не всерьез. Не обижайся, папа, я пошутил. *(Повинуясь сердечному порыву, крепко обнимает отца.)* Большое, большое спасибо. Честно, отец, от души.

Тайрон *(растроганно обнимает Эдмунда)*. Чего там, не стоит, сынок.

Мэри *(внезапно поворачивается к ним — она себя от панического страха и гнева)*. Я этого не потерплю! *(Топает ногой.)* Ты слышишь, Эдмунд?! Такой вздор! Как у тебя язык повернулся сказать, что ты умрешь? Это все твои книжки: тоска да смерть, вот ты и начитался. Отцу надо бы запретить тебе читать такие вещи. А твои собственные стихи?! Иной раз они еще хуже! Можно подумать, ты не хочешь жить. Молодой человек, у которого вся жизнь впереди! И что ты себе придумал? На самом деле ты вовсе и не болен.

Тайрон. Придержи язык, Мэри!

Мэри *(несколько успокоившись)*. Но согласись, Джеймс, Эдмунд ведет себя нелепо: напускает на себя скорбный вид и делает из пустяка трагедию. *(Поворачивается к Эдмунду, но прячет от него глаза; ласково подшучивая.)* Ну ладно, ладно, я ведь вижу в чем дело. *(Подходит к нему.)* Ты любишь, чтобы тебя ласкали, баловали, нянчились с тобой, правда? Ты еще такой ребенок. *(Обнимает его и прижимает к себе.)*

Эдмунд никак не отзывается на ласку

¹ У. Шекспир. Король Лир, акт I, сцена 4. Перевод Б. Пастернака.

(У нее начинаст дрожать голос.) Но прошу тебя, родной, не говори таких ужасных вещей. Я сама знаю: глупо принимать это всерьез, но ничего не могу поделать с собой. Ты так меня напугал, так напугал... *(Голос прерывается от волнения; уткнувшись лицом в плечо Эдмунду, судорожно всхлипывает.)*

Эдмунд *(невольно смягчившись, с неловкой нежностью похлопывает ее по плечу)*. Ну, будет, мама, не плачь. *(Встречается взглядом с отцом.)*

Тайрон *(сдавленным голосом, в надежде на чудо)*. Может, если ты попросишь сейчас маму о том, о чем ты собирался ее просить... *(Повертев в руках часы.)* Боже, время-то как бежит! Мне надо поторапливаться. *(Поспешно уходит через гостиную.)*

Мэри *(поднимает голову с плеча Эдмунда. В ее материнской заботливости снова сквозит прежняя расеянность, отрешенность)*. Похоже, она уже забыла о том, что минуту назад плакала, хотя у нее еще не высохли слезы). Как ты себя чувствуешь, родной? *(Прикладывает руку ему ко лбу.)* Небольшой жар все-таки есть, но это ты просто перегрелся на солнце. А выглядишь ты сейчас куда лучше, чем утром. *(Взяв его за руку.)* Давай-ка садись. Тебе вредно долго быть на ногах. Ты должен беречь силы. *(Усаживает его и сама присаживается рядом с ним на ручку кресла, одной рукой обняв его за плечи,— так, чтобы он не мог заглянуть ей в глаза.)*

Эдмунд *(решается приступить к просьбе, хотя чувствует, что из этого ничего не выйдет)*. Послушай, мама...

Мэри *(поспешно прерывая его)*. Ах, помолчи немного. Откинься на спинку кресла и отдохни. *(Увещательным тоном.)* Знаешь что, остался бы ты сегодня дома — я бы поухаживала за тобой. Это полезней для твоего здоровья, чем тащиться в город по такой жаре, трясясь в грязном трамвае. Право же, тебе будет здесь в тысячу раз лучше.

Эдмунд *(печально)*. Ты забываешь, что я условился с Харди. *(Снова пытается обратиться к ней со своей просьбой.)* Послушай, мама...

Мэри *(поспешно)*. Позвони ему по телефону и скажи, что тебе нездоровится. *(Возбужденно.)* И вообще, что толку ходить к нему — только время и деньги зря тратить! Ведь все, что он ни скажет, — ерунда. Конечно, он станет делать вид, будто находит у тебя что-то серьезное, — это же его хлеб. *(С колким, презрительным смехом.)* Старый дурак! Пыжится как индюк да чигает проповеди о силе воли, а в медицине — нуль.

Эдмунд *(пытаясь заглянуть ей в глаза)*. Мама! Ну послушай же меня! Я хочу о чем-то тебя попросить...

Ты... ты только начала. Ты еще сможешь перебороть себя. У тебя же есть сила воли. Мы все будем помогать тебе. Я что угодно для тебя сделаю. Ты попыгаешься, мама?

Мэри *(с умоляющим видом, запинаясь)*. Прошу тебя, не надо... Не будем говорить об этом, ты все равно не поймешь.

Эдмунд *(печально)*. Ладно, не будем. Я знал, что просить бесполезно.

Мэри *(тоном полного отрицания)*. К тому же я понятия не имею, о чем ты говоришь. И, знаешь, не тебе бы... Не успела я вернуться из санатория, как ты заболел. Врач в санатории предупреждал меня, что дома мне нужен абсолютный покой и ничто не должно меня волновать, а я день и ночь извожусь из-за тебя. *(Расстроено.)* Но это не оправдание! Я просто пытаюсь объяснить. Это не оправдание! *(Прижимает его к себе с мольбой в голосе.)* Обещай мне, родной: ты не станешь думать, что твоя бездельная послужила мне поводом и оправданием!

Эдмунд *(горько)*. А что еще я могу подумать?

Мэри *(медленно убирает руку с его плеча, снова становится рассеянной и безучастной)*. Да, конечно, тебе трудно думать иначе.

Эдмунд *(устыдившись, но все же с горечью)*. Ну, а чего же другого ты могла ждать?

Мэри. Ничего; я и не виню тебя. Разве можешь ты поверить мне, когда я сама себе не верю? Я стала такой лгуней. Было время, я никому не лгала. А теперь я должна лгать, особенно себе. Но где же тебе понять — я и сама-то не понимаю. Все это так запутанно, так сложно; ясно только одно: когда-то, давным-давно, я вдруг поняла, что больше не властна над собой. *(После паузы продолжает, понизив голос, каким-то странным тоном, как если бы она шепотом поверяла ему тайну.)* Но в один прекрасный день я снова буду властна над собой и стану такой, как прежде, — это случится, когда всем вам будет хорошо, когда я увижу вас здоровыми, счастливыми, довольными жизнью и мне не придется больше чувствовать себя виноватой. И тогда пресвятая дева Мария простит меня и возвратит мне веру в ее любовь и милосердие, которая была у меня, когда я жила в монастыре, и я опять смогу молиться ей. Когда она увидит, что во всем мире больше нет человека, который хоть на минуту мог бы поверить мне, она сама уверует в меня, а с ее помощью я легко справлюсь с этим. Пусть я буду кричать от боли, но в то же время я засмеюсь от счастья, что обрету наконец веру в себя. *(Так как Эдмунд по-прежнему молчит, с безнадежным видом, грустно)*

добавляет.) Этому, конечно, ты тоже не можешь поверить. *(Встает, подходит к окнам справа и смотрит в сад, повернувшись спиной к Эдмунду; небрежным тоном.)* Знаешь что, поезжай лучше в город. Я совсем забыла: мне нужно кое за чем заехать в аптеку. Вряд ли ты захотел бы составить мне компанию. Ты бы от стыда сторел.

Эдмунд *(срывающимся голосом)*. Мама! Не надо!

Мэри. Разумеется, те десять долларов, что тебе дал отец, вы с Джейми поделите между собой. Вы же всегда по-братски делитесь друг с другом, да? Ну что ж, я заранее могу сказать, как он распорядится своей долей: напьется в каком-нибудь заведении, где он сможет провести время с женщиной известного сорта—ведь других женщин он не понимает и не признает. *(Повернувшись к Эдмунду, продолжает умоляющим голосом, в котором звучит страх за него.)* Эдмунд! Обещай мне, что ты не будешь пить! Питье для тебя—гибель. *(Мягко.)* Ведь доктор Харди предупреждал...

Эдмунд *(горько)*. Так он же старый дурак.

Мэри *(с болью в голосе)*. Эдмунд!

Из прихожей доносится голос Джейми: «Живей, малыш!»

(Во всем ее облике сразу же появляется прежняя рассеянность и отчужденность.) Иди, Эдмунд,—Джейми тебя ждет. *(Подходит к дверям в гостиную.)* А вот и отец спускается.

Слышится голос Тайрона: «Пошли, Эдмунд».

(Холодно целует его.) До свидания, милый. Если решишь ужинать дома, постарайся не опаздывать. И отцу напомни. Ты же знаешь, какой нрав у Бриджит.

Он поворачивается и торопливо уходит. Тайрон кричит из прихожей: «До свидания, Мэри!» Ему вторит Джейми: «До свидания, мама!»

До свидания.

Слышно, как захлопывается входная дверь.

(Подходит к столу и останавливается. Одной рукой барабанит по столу, другая рука, дрожа, взмывает к волосам. Окидывая комнату испуганным, тоскливым взглядом, говорит шепотом.) Как здесь одиноко! *(На лице появляется самоосуждающее выражение, суровое и горькое.)* Опять ты лжешь себе! Ты же хотела избавиться от них. Неприятно ведь видеть их презрение и отвращение. Ты рада, что они ушли. *(С коротким смешком, полным безнадежного отчаяния.)* Боже, почему же тогда мне так одиноко?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Примерно половина седьмого. В комнате сгущаются вечерние тени. Сумерки наступили раньше времени из-за густого тумана, который надвинулся с моря и плотной белой пеленой висит за окнами. С маяка у входа в залив через ровные промежутки времени раздаются жалобные завывания сирены, будто это стонет мучающаяся родимая самка кита, а из самой гавани доносится неумолчный тревожный звон судовых колоколов — это сигналы яхты, стоящие на якорь. Как и в сцене перед обедом в предыдущем действии, на столе стоит поднос с бутылкой виски, стаканами и графинном холодной воды.

При открытии занавеса мы видим Мэри и служанку Кэтлин. Последняя стоит слева от стола с пустым стаканом в руке, как видно, забыв, что держит его. Заметно, что она уже приложила. По ее глуповатой добродушной физиономии расплылась широкая довольная улыбка. Мэри еще бледнее, чем раньше; в ее глазах — яркий неестественный блеск. В выражении лица, жестах еще сильнее проступила странная рассеянность, отрешенность от происходящего вокруг. Она еще больше ушла в себя, найдя прибежище и избавление от тревог и мира грез и воспоминаний, где реальность сегодняшнего дня — не больше как видимость, которую можно воспринимать не задумываясь, равнодушно, либо совершенно игнорировать. Временами в ее поведении и облике появляется веселая и непринужденная живость юной девушки, как будто каким-то сверхъестественным образом она снова стала в душе наивной, сияющей счастьем, беспечно болтающей школьницей, какой была, учась в монастыре. На ней новое платье, в котором она ездила в город. Строгое и довольно дорогое, оно было бы ей очень к лицу, если бы она не носила его как-то небрежно, почти перьяшливо. Ее прежде безукоризненно уложенные волосы, теперь растрепались и сбились шабок. Она говорит с Кэтлин задушевым тоном, как будто служанка — ее старая и близкая приятельница. Когда поднимается занавес, она стоит у выхода на веранду, глядя в сад. Слышится вой сирены.

Мэри (оживленно). Сирена. Как жутко вост — правда, Кэтлин?

Кэтлин (разговаривает более фамильярно, чем обычно, но это не грубость — просто она искренне любит свою хозяйку). Правда, правда, мэм. Завывает, как собака по покойнику.

Мэри (продолжает говорить, пропустив слова Кэтлин мимо ушей; на протяжении почти всего последующего диалога чувствуется, что Кэтлин нужна ей только для того, чтобы было к кому обращаться). Сейчас она совсем не нервнирует меня. А ночью я чуть с ума не сошла. Лежала без сна и мучилась, и мучилась, пока не почувствовала, что больше я этого не вынесу.

Кэтлин. Чтoб ей пусто было! Я и сама страху набралась, когда мы с вами из города возвращались. Так и думала, что эта образина Смайз опрокинет нас в кашаву или врежется в дерево. Туман-то какой: в двух шагах ничего не видать! Спасибо вам, мэм, что посадили меня сзади, вместе с собой. Если бы я села впереди рядом с этим охальником, мне бы покою не было! такую он волю

рукам дает. Оглянуться не успеешь, как он уже щиплет за ляжку или сами знаете за что,—простите, мэм, но это истинная правда.

Мэри (*мечтательно*). Сам-то туман, Кэтлин, мне нипочем. Я даже люблю, когда туман.

Кэтлин. Говорят, от тумана цвет лица лучше.

Мэри. Туман окутывает тебя, укрывает от всего мира, прячет от тебя окружающее. Чувствуешь, что все, все изменилось, стало иным, чем казалось прежде. Никто не сможет тебя найти, дотронуться до тебя.

Кэтлин. Я бы не стала особенно привередничать, будь этот Смайз красивый, симпатичный мужчина вроде других шоферов,—конечно, если бы это все в шутку было, я ведь девушка порядочная. Но позволить всякие глупости такому сморчку, как Смайз!.. Я ему как ножом отрезала: ты что же, говорю, думаешь у меня совсем кавалеров нет, что я на такую образину позарюсь?! Смотри, говорю, такую оплеуху залеплю—неделю потом не очухаешься. И он дождетя!

Мэри. А вот сирену я терпеть не могу. Она душу выматывает: все время напоминает, остерегает, бередит. (*Улыбается странной улыбкой.*) Но сегодня она бессильна. Сейчас это только неприятный звук, не больше. Ничего она мне не напоминает. (*С веселым девичьим смехом.*) Разве что храп мистера Тайрона. Я всегда так потешаюсь над его храпом. Представляешь, сколько я его ни помню, он постоянно храпит, особенно когда выпьет лишнего; но он как маленький, не хочет признаваться. (*Смеется, подходит к столу.*) Хотя, наверное, я тоже иной раз храплю, а верить этому не хочется. Выходит, я не права, что подтруниваю над ним? (*Усаживается в кресло-качалку по правую сторону стола.*)

Кэтлин. Что правда, то правда: кто здоров, тот и храпит. Храп-то, говорят, от здоровья и бывает. (*Озабоченно.*) А который час, мэм? Мне же давно пора на кухню! У Бриджит от сырости ревматизм разыгрался, она злая как черт! Ох и влетит мне сейчас! (*Ставит стакан на стол и направляется в сторону проходной комнаты.*)

Мэри (*поспешно ее останавливает*). Нет, подожди, не уходи. Не хочется мне одной оставаться.

Кэтлин. Да вам долго скучать не придется. Глядишь, скоро хозяин и сынки ваши домой пожалуют.

Мэри. Боюсь, не вернутся они к ужину. Слишком у них хороший предлог, чтобы просидеть допоздна в барах, где они чувствуют себя как дома.

Кэтлин недоуменно таращится на нее.

(*С улыбкой.*) А насчет Бриджит не беспокойся. Я скажу

ей, что это я тебя задержала. И вот еще что: когда пойдешь к ней на кухню, захвати для нее хорошую порцию виски. Она сразу похорошеет.

Кэтлин (*широко улыбается; с облегчением*). Это точно, мэм! От этого дела она сразу повеселеет. Бриджит хлебнуть ой как любит.

Мэри. И себе, Кэтлин, еще налей, если хочешь.

Кэтлин. Даже и не знаю, мэм; может, мне уже хватит? Меня и так, чувствую, немножечко разобрало. (*Берет бутылку.*) А, ладно, выпью—ничего со мной не случится. (*Наливает себе.*) За ваше здоровье, мэм. (*Осушает стакан, не записывая виски водой.*)

Мэри (*мечтательно*). Здоровье у меня и впрямь было хорошее, Кэтлин. Правда, давным-давно.

Кэтлин (*вновь озабоченным тоном*). Увидит хозяин-то, что в бутылке убыло. Глаз у него наметанный.

Мэри (*весело*). А мы его проведем: долей-ка в бутылку воды, чтобы заметно не было. Джейми всегда так делает.

Кэтлин (*доливает виски водой, глупо хихикая*). Ей-богу, там уже воды больше, чем виски. Хозяин по вкусу догадается.

Мэри (*равнодушно*). Не догадается. К тому времени, когда он явится домой, он будет так пьян, что не почувствует разницы. Видишь ли, он считает, что у него есть для этого повод.

Кэтлин (*философски*). Что ж, настоящий мужчина—он ведь всегда выпить не дурак. Терпеть не могу трезвенников. От них скука одна. (*С глуповатой озадаченностью.*) А какой повод? Вы мистера Эдмунда, мэм, имеете в виду? Я и то замечаю, как мистер Тайрон тревожится за него.

Мэри (*сердито протестует, но эта реакция чисто внешняя, она не отражает ее истинного душевного состояния*). Что за глупости ты говоришь, Кэтлин! С какой стати он будет тревожиться? У Эдмунда ничего серьезного—просто грипп. К тому же мистер Тайрон никогда ни о чем не тревожится, кроме как о деньгах, недвижимости да о том еще, как бы не кончить ему свои дни в нищете. Я хочу сказать, только это тревожит его действительно глубоко: все остальное он просто не способен по-настоящему понять. (*С коротким смешком, ласково и несколько отрешенно.*) Мой муж, Кэтлин,—человек с большими странностями.

Кэтлин (*со смутным неодобрением*). Ну, не скажите, мэм, он красивый, симпатичный и добрый джентльмен. Да и какой мужчина без недостатков?

Мэри. О, я сквозь пальцы смотрю на его недостатки.

Я ведь его нежно люблю — вот уже тридцать шесть лет. Значит, я знаю, что в душе он милый и славный, и принимаю его, какой он есть.

Кэтлин (*удовлетворенным тоном*). И правильно, мэм. Любите его — любому дураку видно, что он землю готов целовать, по которой вы ходите. (*Пытаясь побороть действие выпитого виски и с трезвым видом поддержать разговор.*) А я вот все удивляюсь, мэм, как это вы не стали актрисой?

Мэри (*недовольно, с обидой*). Я?! Как тебе только в голову такое могло прийти? Я выросла в почтенной семье, образование получила в одном из лучших монастырей на Среднем Западе. До знакомства с мистером Тайроном я и знать не знала, что такое театр. Я была очень набожной девочкой. И даже мечтала стать монахиней. Стать актрисой — такого желания у меня никогда не возникало.

Кэтлин (*с грубоватой откровенностью*). Ну просто представить вас, мэм, не могу благочестивой монахиней. Вы же, я замечаю, и в церковь-то никогда не ходите, да простит вас бог.

Мэри (*не обращая внимания на эти ее слова*). В театре я всегда чувствую себя чужой. И хотя я сопровождала мистера Тайрона во всех гастрольных поездках — он настаивал на этом, — я почти не общалась с актерами его группы и вообще с людьми театра. Не то чтобы я имела что-нибудь против них. Они всегда были добры ко мне, я к ним — тоже. Но среди них я никогда не чувствовала себя своим человеком. У них своя жизнь, у меня — своя. Это всегда стояло между мной и... (*Поднимается с кресла; отрывисто.*) Но лучше не будем вспоминать старое; что было, того не поправишь. (*Подходит к двери на веранду и смотрит наружу.*) Какой густой туман! Дорогу совсем не видно. Проходи кто хочешь, я и знать не буду. Хорошо бы всегда так было. Смеркается. Слава богу, и ночь скоро. (*Поворачивается; рассеянно.*) Как мило с твоей стороны, Кэтлин, что ты составила мне сегодня компанию. Я бы наскучалась, если бы поехала в город одна.

Кэтлин. А по мне, в сто раз лучше покататься в красивом автомобиле, чем зря торчать на кухне и слушать всякие несбылицы Бриджит про ее родственников. Для меня, мэм, поездка была как праздник. (*Помолчав; просто душно.*) Вот только одно мне не понравилось.

Мэри (*с отсутствующим выражением*). Что же?

Кэтлин. Уж больно нагло держался этот тип в аптеке, когда я подала ему ваш рецепт.

Мэри (*смешавшись*). О чем ты говоришь? Какая аптека? Какой рецепт? (*Видя, что Кэтлин таращит на нее глаза в глупом изумлении, поспешно добавляет.*) Ах,

да, я совсем забыла. Это лекарство от ревматизма— чтобы руки не болели. И что же сказал тебе аптекарь? *(Равнодушным тоном.)* Какое это имеет значение—ведь он же дал лекарство.

Кэтлин. Для меня-то имело значение. Я не привыкла, чтобы со мной как с какой-нибудь поровкой обращались. Взял он рецепт да как вскинется: «Ты откуда это взяла?»—а сам глазами так меня и сверлит. Я ему говорю: «Не ваше собачье дело, но если уж вам так хочется знать, то это для моей хозяйки, миссис Тайрон,— вон она сидит в автомобиле». Тут он сразу язык и прикусил. Взглянул в окно на вас и говорит: «А-а!»—и как миленький пошел за лекарством.

Мэри *(рассеянно)*. Да, он меня знает. *(Садится в кресло по правую, дальнюю от зрителей сторону стола; продолжает спокойно, с отсутствующим видом.)* Я должна принимать это лекарство, потому что только от него у меня перестают болеть руки, совсем перестают. *(Поднимает руки и с грустью и сожалением разглядывает их. Они больше не дрожат.)* Бедные мои руки! Ты не поверишь, но когда-то они у меня были очень красивые. Глаза и волосы тоже были красивые. И фигура. *(Ее тон становится все более отрешенным и мечтательным.)* Руки пианистки. Я любила играть. В монастыре я усердно занималась музыкой, сколько часов проводила за роялем. Впрочем, когда делаешь любимое дело, это не в тягость. Мать Елизавета и учительница музыки в один голос говорили, что такой талантливой ученицы, как я, у них еще не было. Мне давали дополнительные уроки—отец не жалел на это денег. Вообще он баловал меня. Готов был сделать все, что бы я ни попросила. После монастырской школы я должна была поехать учиться в Европу: отец собирался послать меня туда, и я, возможно, поехала бы, если бы не влюбилась в мистера Тайрона. А может быть, я стала бы монахиней. У меня были две мечты: одна, более возвышенная,—принять монашеский обет; другая—стать профессиональной пианисткой. *(Замолкает, пристально рассматривая свои руки.)*

Кэтлин моргает, пытается побороть дремоту и опьянение.

«Вот уж много-много лет я не садилась за рояль. Даже если бы и захотела, все равно не смогла бы играть этими скрюченными пальцами. Какое-то время после замужества я пыталась продолжать занятия музыкой, но куда там! Гастроли, каждодневные переезды, дешевые гостиницы, грязные поезда, дети росли без матери, своего домашнего очага у нас не было. *(С отвращением смотрит на свои руки, не в силах оторвать от них взгляда.)*»

Посмотри-ка, Кэтлин, какие безобразные! Изуродованные, скрюченные! Можно подумать, их покалечило в какой-то ужасной катастрофе. *(Со странным смешком.)* Вообще-то говоря, так оно и есть. *(Вдруг быстро прячет руки за спину.)* А ну их! Они берегут память—еще хуже, чем сирена... *(Как бы обретая уверенность.)* Но сейчас даже они меня не трогают. *(Вынимает руки из-за спины и принимается сосредоточенно их разглядывать; спокойно.)* Теперь они где-то далеко-далеко. Я вижу их, но не чувствую боли.

Кэтлин *(с глуповатым, недоумевающим видом)*. Вы приняли это лекарство, мэм? Знаете, оно как-то чудно на вас подействовало. Ей-богу, я бы подумала, что вы подвыпили, кабы не знала, что это не так.

Мэри *(улыротиворечно)*. Оно утоляет боль. Переносишься куда-то все дальше и дальше, пока не станешь недосыгаемой для боли. И вот уже реально только прошлое, когда ты была счастлива. *(Замолкает. В ней вдруг происходит разительная перемена—словно ее слова вернули то далекое счастье. Она как будто помолодела, в ней появилось что-то от наивной и целомудренной воспитанницы монастыря; застенчиво улыбаясь.)* Вот ты, Кэтлин, и сейчас еще находишь мистера Тайрона красивым, а видела бы ты его в ту пору, когда я с ним познакомилась. У него была слава одного из самых красивых мужчин в стране. Мои подружки в монастыре, которые видели его на сцене или на фотографиях, были все без ума от него. О, он имел большой успех, особенно у женщин. Поклонницы ждали его у выхода из театра, чтобы хоть одним глазком взглянуть на него. И вдруг отец пишет мне, что он подружился с Джеймсом Тайроном и познакомит меня с ним, когда я приеду домой на пасхальные каникулы. Представляешь, как взволновало меня это известие! Конечно, я тут же показала письмо своим школьным подружкам, и как же они мне завидовали! Сначала отец повел меня в театр посмотреть его игру. Он играл главную роль—благородного дворянина—в пьесе о Французской революции. Я глядела на него как замороженная. Когда его бросили в тюрьму, я расплакалась, а потом ругала себя за это, потому что боялась, что теперь у меня покраснеют глаза и нос. Ведь отец предупредил меня, что, как только кончится спектакль, мы пройдем за кулисы. Так мы и сделали. *(Взволнованно и застенчиво посмеиваясь.)* От смущения я не могла связать двух слов и краснела, как маленькая дурочка. Но он, видно, не счел меня дурочкой. Я понравилась ему с первой минуты знакомства. *(Кокетливо.)* Наверное, глаза и нос у меня все-таки не покраснели. Знаешь, Кэтлин, я

ведь в молодости была очень недурна собой. А уж он-то—в гриме и костюме благородного дворянина, который так ему шел,—был еще красивей, чем я представляла его в самых голубых мечтах. Просто неземной красавец, совсем не похож на обычных людей. И в то же время такой простой в обращении, сердечный, милый и скромный, без тени заносчивости или самонадеянности. Я влюбилась в него с первого взгляда, а он—в меня. Так он сам мне потом говорил. Я забыла все свои мечты стать монахиней или знаменитой пианисткой. И грезила только об одном—выйти за него замуж. *(Замолкает, устремив вдаль взгляд неестественно заблестевших глаз; на ее губах играет нежная, восхищенная улыбка юной девушки.)* Тридцать шесть лет прошло с тех пор, а у меня наша первая встреча так и стоит перед глазами, будто это только сегодня было. Мы до сих пор любим друг друга. За все эти тридцать шесть лет он ни разу не дал повода для сплетен. Я хочу сказать, у него не было романов с другими женщинами. Ни одного романа, после того как он познакомился со мной. Как я была счастлива, Кэтлин! За одно это я многое прощала ему.

Кэтлин *(борясь с опьянением, прочувствованно)*. Вам повезло, мэм: мистер Тайрон—замечательный человек! *(Забеспокоившись.)* Так вы разрешите, мэм, поднести Бриджит стаканчик? Наверно, ужин пора подавать и я давно уже должна бы помогать ей на кухне. Если мне нечем будет ее подмаслить, она скалкой меня отделает.

Мэри *(с рассеянным раздражением человека, которого возвращают из мира грез к действительности)*. Да-да, иди. Ты мне больше не нужна.

Кэтлин *(с облегчением)*. Спасибо, мэм. *(Наливает большую порцию виски для Бриджит и направляется в сторону проходной комнаты.)* Долго вам одной сидеть не придется. Вот-вот хозяин и молодые господа...

Мэри *(нетерпеливо)*. Нет-нет, они не придут. Скажи Бриджит, что я не стану их ждать. Можете подавать ужин ровно в половине седьмого. Есть мне не хочется, но я посижу за столом, чтобы уж с этим разделаться.

Кэтлин. Вы должны что-нибудь поесть, мэм. Чудное это лекарство, если оно аппетит отбивает.

Мэри *(снова погружаясь в мечты, реагирует машинально)*. Какое лекарство? Не понимаю, о чем ты говоришь? *(Отделяясь от нее.)* Отнеси-ка лучше Бриджит виски.

Кэтлин. Слушаюсь, мэм. *(Уходит через проходную комнату.)*

Мэри напряженно ждет, пока за Кэтлин со стуком захлопнется дверь в буфетной. Затем она откидывается на спинку кресла и целиком отдается

мечтам, устремив неподвижный взгляд в пространство. Ее руки безжизненно лежат на ручках кресла; свисающие кисти с длинными нервными пальцами, деформированными и распухшими в суставах, застыли в полной неподвижности. В комнате темнеет. Наступает мертващая тишина. Затем спаружи доносится заунывный, стонущий вой сирены, которому вторит приглушенный туманом перезвон корабельных колоколов в гавани. По лицу Мэри не видно, слышит ли она эти звуки, но руки ее дрожат, и несколько мгновений она машинально перебирает пальцами в воздухе. Она хмурится и бессознательно трясет головой, как бы пытаясь отогнать муху. Всякое сходство с юной девушкой пропадает, она вновь превращается в стареющую женщину, полную грусти и горечи.

Мэри (*сокрушенно.*) Сентиментальная дура. Нашла чем восхищаться: первой встречей глупенькой романтической школьницы с кумиром театралок. Ну что тут было такого уж замечательного? Ты была куда счастливее, когда знать не знала о его существовании, жила в монастыре и молилась деве Марин. (*С тоской.*) Если бы мне удалось вернуть утраченную веру, тогда я снова могла бы молиться! (*Замолкает, затем монотонным, бесстрастным голосом начинает читать молитву.*) «Богородице дево, радуйся, благодатная Мария, господь с тобой: благословенна ты в женах...» (*Насмехаясь над собой.*) Неужели ты рассчитываешь обмануть деву Марию? На что ей нужна изолгавшаяся наркотичка, которая без веры повторяет затверженные слова? От нее не скроешься! (*Вскакивает, ее руки взлетают к голове; нервным, судорожным движением поправляет волосы.*) Пойду-ка наверх, кажется, я слишком мало вколола. Когда начинаешь снова, никак не угадаешь, сколько тебе нужно. (*Подходит к дверям в гостиную, но тут же останавливается, слышав голоса, доносящиеся с дорожки в сад. Чувствуя себя виноватой.*) Наверно, они... (*Поспешно возвращается и садится. На лице ее появляется упрямое, недовольное выражение; возмущенно.*) И что их несет нелегкая? Благо хотели бы домой, а то... Да и мне одной куда лучше. (*Вдруг настроение ее меняется; с облегчением, горячо и трогательно.*) О какое счастье, что они пришли! Мне было так тоскливо, так одиноко!

Слышно, как хлопает парадная дверь. Тайрон тревожным голосом обличает Мэри из прихожей: «Ты здесь, Мэри?» В прихожей включают свет. Полоска света падает на Мэри.

(*Поднимаясь со стула, с осветившимся нежностью лицом; возбужденно и пылко.*) Я тут, родной, ждалась тебя.

Через гостиную входит Тайрон. Вслед за ним идет Эдмунд. Тайрон много выпил, но внешне это почти незаметно, видают его лишь глаза да не совсем твердый голос. Изрядно подвыпил и Эдмунд, причем по нему это также почти незаметно, если не считать лихорадочного блеска глаз и

знавших щек. Остановившись в дверях, оба смотрят на Мэри пристальным, оценивающим взглядом. То, что они видят, превосходит их худшие опасения. Но в этот момент она не замечает в них осуждения. Мэри целует мужа, потом Эдмунда. Ее манера держаться отличается неестественной оживленностью. И тот и другой нехотя дают себя поцеловать.

Мэри (*разражается бурным потоком слов*). Как я рада, что вы пришли! Я уж и надеяться перестала: боялась, вы не вернетесь домой. Вечер-то какой: туманный, гнетущий! В такой вечер, должно быть, куда веселей коротать время в городе, сидеть где-нибудь в баре, беседовать и шутить со знакомыми. Нет-нет, не возражайте. Я же знаю, что вам это нравится. И нисколько не порицаю. И к тому же я так благодарна вам за то, что вы все-таки пришли домой! А я все здесь сидела, и так мне было одиноко, так грустно одной. Ну, что же мы стоим, сядем. (*Садится по левую, дальнюю от зрителей, сторону стола.*)

Эдмунд садится слева, а Тайрон — в кресло-качалку справа.

Вам придется чуточку подождать ужина. Сегодня ты не опоздал, Джеймс, даже немножечко раньше времени вернулся. А говорят, чудес не бывает! Вот виски, милый. Налить тебе? (*Наливает, не дожидаясь ответа.*) А тебе, Эдмунд? Я не хочу поощрять тебя, но глоток-другой перед ужином, для аппетита, тебе не повредит. (*Наливает и ему.*)

Ни тот, ни другой не притрагиваются к стаканам.

(*Продолжает говорить, словно не замечая их молчания.*) А где Джейми? Впрочем, что я спрашиваю — он никогда не возвращается домой, пока не пропьет все до последнего цента. (*Поднявшись вперед, кладет ладонь на руку мужа; грустно.*) Боюсь, он пропащий человек. (*Ее лицо принимает суровое выражение.*) Но мы не должны допустить, чтобы он потянул за собой Эдмунда. Он ревнует и завидует, потому что Эдмунд всегда был для нас малым ребенком, баловнем. Та же история, что с Юджином. Он до тех пор не успокоится, пока не сделает Эдмунда таким же жалким неудачником, как он сам.

Эдмунд (*с несчастным видом*). Перестань, мама.

Тайрон (*мрачно*). Да, Мэри чем меньше ты будешь сейчас говорить... (*Эдмунду, с пьяной откровенностью.*) Но мать тем не менее права: остерегайся ты своего братца, не то он всю жизнь тебе отравит своими насмешками. Поверь мне...

Эдмунд (*с тем же несчастным видом*). Прошу тебя, папа.

Мэри (*продолжает, словно ее и не прерывали*). Глядя

на Джейми, я просто поверить не могу, что он мое дитя. Ты помнишь, Джеймс, каким он был крепким и веселым карапузом? Вечные скитания, грязные поезда, дешевые гостиницы, скверная еда—все ему было нипочем. Он никогда не болел и не куksился. Всегда улыбался да смеялся. Я почти и не слышала, как он плачет. И Юджин был такой же веселый и здоровенький все те два года, что он прожил на свете. Это я, никудышная мать, виновата в его смерти.

Тайрон. О, ради всего святого, прекрати ты это! И какого же я дурака сваял, что вернулся домой!

Эдмунд. Папа! Замолчи!

Мэри (*улыбается Эдмунду; нежно и рассеянно*). А вот Эдмунд был ужасным плаксой. Вечно капризничал, пугался всякого пустяка. (*Похлопывает его по руке; подтрунивая*.) Все, кто тебя знал, говорили, что у тебя глаза на мокром месте.

Эдмунд (*не может удержаться от колкости*). Должно быть, я догадывался, что радоваться мне нечему.

Тайрон (*с укором и чувством жалости*). Ну-ну, не горячись, сынок. Ты же прекрасно знаешь, что не нужно обращать внимания.

Мэри (*продолжает свое; с грустью*). Кто бы мог подумать, что Джейми станет нашим позорищем! Помнишь, Джеймс, мы же из года в год получали из его школы самые восторженные отзывы. Он был там общим любимцем. Все учителя в один голос говорили, какая у него светлая голова и как легко ему дается ученье. Даже после того, как он начал выпивать и его исключили, они написали нам, как глубоко они сожалеют, потому что он был таким симпатичным малым и блестящим учеником. Учителя предсказывали ему большое будущее, только предупреждали, что он должен научиться серьезно относиться к жизни. (*Помолчав, добавляет с грустной отрешенностью*.) Жаль, очень жаль. Бедный Джейми! Просто непонятно... (*Внезапно в ней происходит резкая перемена. Лицо принимает суровое выражение; она смотрит на мужа враждебно и осуждающе*.) Нет, очень даже понятно! Это ты виноват, что он вырос пьяницей. У него с детства был пример перед глазами: отец, глотающий спиртное. В дешевых номерах, где мы останавливались, на столе непременно стояла бутылка виски. А если ребенок просыпался от кошмара или маялся животом, ты первым делом давал ему ложку виски, чтобы он затих.

Тайрон (*задетый за живое*). Выходит, это я виноват в том, что здоровенный лоботряс превратился в пьяницу и отпетого бездельника? Неужели я затем только и вернулся домой, чтобы выслушивать подобные упреки? Впро-

чем, мне бы надо помнить, что меня ждет. *(Угрюмо.)* Когда у тебя эта отравка в крови, ты всех вокруг винишь, кроме себя!

Эдмунд. Папа! Ты же сам мне говорил, что не нужно обращать внимания. *(Зло.)* Кроме того, это правда. Со мной ты проделывал то же самое. Я отлично помню, как ты вливал мне ложку спиртного в рот, чтобы меня не мучили кошмары.

Мэри *(с отсутствующим видом предается воспоминаниям)*. Да, в детстве тебя все время мучили кошмары. Таким уж ты родился—напуганным. Наверно, потому, что я очень боялась пронзести тебя на свет. *(Задумывается, затем продолжает все с тем же отрешенным, отсутствующим видом.)* Только, пожалуйста, не подумай, Эдмунд, что кругом виноват твой отец. Откуда было ему знать, как это вредно? Он и в школу-то ходил только до десяти лет. Вырос в нищей, совершенно невежественной ирландской семье. Его родные в простоте душевной считали, что лучшее лекарство для младенца, который прихворнул или испугался чего-то,—это виски.

Тайрон открывает рот, чтобы разразиться гневной тирадой в защиту своей родни, но тут вмешивается Эдмунд.

Эдмунд *(резко)*. Папа! *(Чтобы переменить тему разговора.)* Послушай, выпьем мы наконец или нет?

Тайрон *(взяв себя в руки; угрюмо)*. Ты прав. Глупо обращать внимание. *(С безразличным видом поднимает свой стакан.)* Твое здоровье, сынок.

Эдмунд выпивает, но Тайрон задумывается, уставившись на стакан, который держит в руке. Эдмунд сразу же замечает, как сильно разбавлено виски. Он хмурится, смотрит сначала на бутылку, потом на мать, порывается что-то сказать, но сдерживается.

Мэри *(теперь в ее тоне звучит раскаяние)*. Прости меня, Джеймс, я, кажется, наговорила горьких слов. На самом-то деле у меня нет горечи на душе. Все это было так давно. Но я немного обиделась, когда ты пожалел, что вернулся домой. А когда ты пришел, я была так счастлива, так благодарна. Ты не представляешь, как грустно и тоскливо сидеть здесь одной, когда все окутано туманом и надвигается ночь.

Тайрон *(растроганно)*. Вот теперь я рад, что вернулся. Ты так хорошо это сказала. Теперь ты прежняя Мэри.

Мэри. Меня ужасно томило одиночество, и я позвала Кэтлин—чтобы было с кем поговорить. *(В ней опять появляется что-то от застенчивой воспитанницы монастыря.)* И знаешь, родной, о чем я ей рассказывала? О том вечере, когда отец провел меня за кулисы в твою

уборную и я полюбила тебя с первого взгляда. Ты помнишь?

Тайрон (*глубоко расстроженный, охрипшим от волнения голосом*). Неужели ты думаешь, Мэри, что я когда-то могу это забыть?

Эдмунд отворачивается от них с печальным и смущенным видом.

Мэри (*нежно*). Нет, не думаю: я же знаю, Джеймс, что ты до сих пор любишь меня—несмотря ни на что.

Тайрон (*с искаженным лицом, моргает, удерживая слезы: тихо, с большим чувством*). Да! Это святая правда! Я всегда любил тебя, Мэри, и всегда буду любить!

Мэри. И я люблю тебя, родной,—несмотря ни на что.

Наступает пауза, во время которой Эдмунд смущенно ерзает в кресле.

(*В ее голосе вновь появляется странная отрешенность, словно она говорит о каких-то далеких и чужих ей людях.*) Но должна тебе признаться, Джеймс, я ни за что не пошла бы за тебя замуж—при всей моей любви к тебе,—если бы знала, как много ты пьешь. Никогда не забуду ту ночь, когда это случилось впервые. Твои собутыльники довели тебя до двери нашего номера, постучали и убеждали, прежде чем я успела открыть. Это было в наш медовый месяц, помнишь?

Тайрон (*с запальчивостью, вызванной чувством вины*). Нет, не помню! Во всяком случае—не в наш медовый месяц! И вообще я ни разу в жизни не был настолько пьян, чтобы пропустить спектакль или не добраться до постели.

Мэри (*продолжает, словно и не слышала*). Час проходил за часом, и я вся извелась, дожидаясь тебя в мерзком гостиничном номере. Поначалу я придумывала причины, по которым ты мог опоздать. Я говорила себе: его, должно быть, задержало что-то в театре. Я тогда так мало знала о театре. Потом меня охватил ужас. Мне чудилось, что с тобой произошло какое-то страшное несчастье. Я опустилась на колени и стала молиться, чтобы ты остался цел и невредим,—и вскоре дружки доставили тебя до двери. (*С печальным вздохом.*) Тогда я еще не знала, как часто будет повторяться эта история и сколько раз еще мне придется без конца ждать в дрянных гостиничных номерах. Потом-то я привыкла.

Эдмунд (*взрывается, глядя на отца с осуждением, почти с ненавистью*). Господи! И он еще удивляется!.. (*Берет себя в руки, резковато.*) Мама, скоро ужин? По-моему, давно пора.

Тайрон (*пытаясь скрыть переполняющее его чувство стыда, вертит в руках часы*). Да вроде бы пора. Сколько

сейчас времени? *(Невидящим взглядом смотрит на циферблат; с мольбой в голосе.)* Прошу тебя, Мэри, постарайся забыть.

Мэри *(с сожалением, рассеянно)*. Нет, милый, не могу. Но я прощаю, ведь я всегда прощаю тебя. Так что не делай виноватое лицо. Извини, что я вспоминала вслух. Я не хочу огорчаться и огорчать тебя. Мне хочется вспоминать только радостное, хорошее. *(Она снова похожа на застенчивую и веселую воспитанницу монастыря.)* А помнишь, милый, нашу свадьбу? Ты, разумеется, забыл, какое на мне было подвенечное платье? Мужчины не замечают таких вещей, не придают им никакого значения. Зато как много это значило для меня! Как я суежилась, переживала, волновалась! Я была на седьмом небе от счастья. Отец всегда разрешал мне покупать то, что мне захочется, не думая о расходах; я могла выбирать лучшее из лучшего. Боюсь, он меня ужасно баловал. Мама, наоборот, держала меня в строгости. По-моему, она чуточку ревновала меня к нему. И ей не хотелось, чтобы я выходила замуж, тем более — за актера. Мне кажется, мама — она у меня была религиозная, набожная — надеялась, что я стану монашенкой. Ох и попадало же отцу из-за меня! Она вечно ворчала на него: «Вот когда я что-нибудь покупаю, ты почему-то никогда не говоришь: перед расходами не останавливайся. Ты так избаловал эту девчонку, что мне жаль ее будущего мужа, если она когда-нибудь выскочит замуж. Она же захочет, чтобы он каждому ее капризу потакал. Нет, хорошей женой она никогда не станет». *(Рассмеявшись, с любовью.)* Бедная мама! *(Улыбается Тайрону с неумелым и неуместным сейчас кокетством.)* Но ведь она ошиблась, правда, Джеймс? Из меня получилась не такая уж плохая жена, да?

Тайрон *(хриплым голосом, нитаясь выдвинуть улыбку)*. Я, Мэри, не жалуюсь.

Мэри *(на ее лицо ложится тень смутного чувства вины)*. Во всяком случае, я всегда нежно тебя любила и делала все, что могла — насколько условия позволяли. *(Тень сбегает с ее лица, на котором вновь появляется девичья застенчивость.)* Я совсем измучилась с этим подвенечным платьем, и моя портниха тоже. *(Смеется.)* Я к каждой мелочи придиралась. Мне все казалось, что платье еще недостаточно хорошо. Наконец портниха сказала, что она больше до него не дотронется — иначе все испортит, и я выпроводила ее за дверь, чтобы одной примерить его перед зеркалом. Я была в восторге и залюбовалась собой. Мысленно сказала себе: «Если даже нос, рот и уши у тебя малость великоваты, это не беда.

Зато у тебя глаза красивые, и волосы, и фигура, и руки. Да и вообще ты — прелесть, не уступишь самой хорошенькой из актрис, с которыми он был знаком, а ведь они к тому же подкрашиваются». *(Замолкает и, наморщив лоб, силится вспомнить что-то.)* Интересно, где оно, мое подвенечное платье? Раньше я хранила его в сундуке — оно завернуто в китайскую шелковую бумагу. Я все надеялась, что у меня родится дочь, и вот, когда она соберется замуж... Лучшего платья она не смогла бы купить: я знала, Джеймс, ты бы никогда не сказал ей: «Перед расходами не останавливайся». Ты бы, разумеется, уговаривал ее выбрать себе что-нибудь подешевле. Оно сделано из мягкого блестящего атласа и обшито чудесными старинными брюссельскими кружевами — узенькими кружевными оборками на рукавах и вокруг шеи. Юбка со сборками, сзади они собраны в виде турнюра. Лиф — на косточках, тесно облегающий. Помню, когда мне его примеряли, я старалась не дышать, чтобы талия была как можно уже. Отец позволил даже атласные туфельки отделать тем же великолепным кружевом. И фага была кружевная, украшенная флердоранжем. О, я была без ума от этого платья! Оно было сказочно красиво! Интересно, где же все-таки оно сейчас? Раньше я изредка вынимала его из сундука, когда мне было очень уж тоскливо, но всякий раз при виде его я начинала плакать. Так что наконец я куда-то... *(Снова морщит лоб.)* Куда же я его задевала? Вероятно, засунула в один из сундуков со старым хламом на чердаке. Надо будет как-нибудь поискать. *(Замолкает, устремив вперед невнятный взор.)*

Тайрон вздыхает, безнадежно покачивает головой. Ища сочувствия, он пытается встретиться взглядом с Эдмундом, но Эдмунд сидит, потупив глаза.

Тайрон *(притворно непринужденным тоном)*. А что, разве не пора ужинать, дорогая? *(Делая слабую попытку поддразнить ее.)* Ты меня постоянно пилишь за то, что я опаздываю, но стоило мне в кои-то веки прийти вовремя — и вот, нате вам, запаздывает ужин!

Похоже, она не слышит его слов.

(Добавляет, все еще добродушным тоном.) Ну что ж, раз поесть нельзя, то хоть выпить можно. Тем более, что клито. *(Пьет.)*

Эдмунд наблюдает за ним.

(Сердито хмурится и бросает на жену острый, подозрительный взгляд; резко.) Кто испоганил мое виски? В этом

пойле — одна вода! Джейми не было дома; к тому же он хоть и разбавляет, но знает меру. А тут любой дурак догадается! Мэри, отвечай! *(Сердито, с отвращением.)* Неужели ты еще и пить начала?..

Эдмунд. Папа, замолчи! *(Матери, не глядя на нее.)* Ты угощала Кэтлин и Бриджит — да, мама?

Мэри *(безразличным тоном)*. Ну конечно. Они день-деньской работают за грошовое жалованье. Я их хозяйка и должна как-то задобрить их, чтобы они не взяли расчет. К тому же мне хотелось отблагодарить Кэтлин: она согласилась съездить со мной в город и получить лекарство по рецепту.

Эдмунд. Ну как ты могла, мама? Разве можно ей доверять?! Ты что, хочешь, чтобы весь город узнал?

Мэри *(ее лицо становится холодным и упрямым)*. О чем узнал? О том, что у меня руки ломит от ревматизма и мне приходится принимать болеутолящее лекарство? Не понимаю, почему я должна этого стыдиться? *(Упрекает Эдмунда с жестким, неприязненным выражением на лице; чуть ли не мстительно и враждебно.)* До твоего рождения я знать не знала ни о каком ревматизме! У отца спроси!

Эдмунд отворачивается, на лице у него появляется замкнутое выражение.

Тайрон. Не принимай близко к сердцу, сынок. Сейчас все ее слова ничего не значат. Раз она оправдывает свои поступки болью в руках — старая, нелепая увертка, — значит, она витает где-то далеко.

Мэри *(со странной, торжествующе-насмешливой улыбкой)*. Как я рада, Джеймс, что ты понимаешь это! Может быть, теперь вы перестанете попрекать меня — ты и Эдмунд! *(Отрывисто, рассеянным будничным тоном.)* Джеймс, ты что свет не включишь? Совсем темно же. Я знаю, как ты не любишь жечь свет, но Эдмунд доказал тебе, что от одной лампочки нагорает электричества на какие-то гроши. Твой страх перед богадельней делает тебя таким мелочным.

Тайрон *(машинально возражает)*. Я и не говорю, что от одной лампочки много нагорает. Но когда горит одна лампочка тут, другая там, то от такой вот иллюминации и богатеет электрическая компания. *(Встает и включает настольную лампу; резко.)* Впрочем, что толку тебе объяснять. *(Эдмунду.)* Пойду принесу непечатую бутылку, и мы глотнем настоящего виски. *(Уходит через проходную комнату.)*

Мэри *(с рассеянной улыбкой)*. Сейчас он тайком прокрадется к двери в погреб, чтобы служанки не

заметили. Ведь в душе он стыдится, что держит виски под замком. Твой отец, Эдмунд,—странный человек. Много-много лет прошло, прежде чем я что-то поняла в нем. Ты тоже должен попытаться понять и простить отца, не презирать его за скупость. Ему довелось хлебнуть в жизни горя. Его отец бросил семью—мать и шестерых детей—через какой-нибудь год после того, как они переселились в Америку. Сказал, что предчувствует близкую смерть, тоскует по Ирландии и хочет умереть на родной земле. Вернулся на родину—и, действительно, умер. Должно быть, он тоже был человек со странностями. Твоему отцу пришлось с десяти лет гнуть спину в механической мастерской.

Эдмунд (*хмуро протестует*). Послушай, мама, эту историю о механической мастерской папа рассказывал мне по крайней мере тысячу раз.

Мэри. Верю, родной, что ты ее наизусть выучил, но, боюсь, ты ни разу не попытался по-настоящему понять.

Эдмунд (*оставив ее слова без внимания; с несчастным видом*). Мама, ты еще не так далеко ушла от нас, чтобы обо всем забыть. Ты даже не спросила, что у меня находят. Неужели тебе совсем-совсем все равно?

Мэри (*взволнованно*). Не говори так, милый! Мне больно и обидно слушать.

Эдмунд. Я серьезно болен, мама. Харди теперь уверен в диагнозе.

Мэри (*упрямо не желая слышать правду; презрительно и ожесточенно*). Этот старый шарлатан! Я же предупреждала тебя, он бог весть что наплетет...

Эдмунд (*с тем же несчастным видом; настойчиво*). Меня смотрел специалист. Харди пригласил его, чтобы быть абсолютно уверенным.

Мэри (*не обращая внимания*). Лучше не говори мне о Харди! Слышал бы ты, как отзывался о его лечении врач в санатории, который действительно кое-что смыслит в медицине. Он сказал, таких лекарей надо за решетку сажать! Оказывается, я просто чудом с ума не сошла! Тогда я ему рассказала, что однажды уже была близка к этому: я выбежала из дому в одной рубашке и пыталась утопиться. Ты ведь помнишь, правда? И после этого ты еще хочешь, чтобы я верила словам доктора Харди? Нет уж, уволь.

Эдмунд (*с горечью*). Как не помнить. После этого случая папа и Джейми решили, что больше нельзя скрывать от меня правду. Джейми рассказал мне обо всем. Я назвал его лжецом. Бросился на него с кулаками. Но я уже знал, что он не солгал. (*Голос его дрожит, на глаза навертываются слезы.*) Боже, после этого вся

жизнь показалась мне каким-то черным кошмаром!

Мэри (*жалким голосом*). Не падо, дорогой. У меня сердце разрывается.

Эдмунд (*понури*). Прости, мама. Ведь ты сама заговорила об этом. (*С прежней настойчивостью и горечью.*) Мама, выслушай меня. Я должен сказать тебе это, хочешь ты меня слушать или нет. Мне придется уехать в санаторий.

Мэри (*ошеломленно, как если бы это явилось для нее полнейшей неожиданностью*). Уехать? (*Горючо.*) Нет-нет, я не позволю! И как посмел Харди рекомендовать такое, не посоветовавшись со мной? И как посмел твой отец согласиться? Да какое у него право? Пусть он о Джейми заботится, а ты — мой! (*Все резче и возбужденнее.*) О, я знаю, зачем он хочет отправить тебя в санаторий. Чтобы разлучить меня с тобой. Он всегда стремился к этому. Ревновал меня ко всем моим детям! Всячески добивался, чтобы я бросала малышей на чужие руки. Из-за этого и умер Юджин. А сильнее всего он ревновал меня к тебе: он же знал, что тебя я люблю больше всех, потому что...

Эдмунд (*с несчастным видом*). Мама, ну перестань ты говорить бог знает что. Перестань обвинять отца. И почему ты так не хочешь, чтобы я уехал? Ведь я и раньше надолго уезжал и что-то не замечал, чтобы это сильно тебя огорчало!

Мэри (*с горечью*). Боюсь, тебе все же не хватает чуткости. (*Печально.*) Ты мог бы сам догадаться, милый. Когда я поняла, что тебе все известно обо мне, — я рада была, что ты далеко и не видишь меня.

Эдмунд (*расстроено*). Мама, не надо! (*Как слепой, протягивает руку и берет ее руку в свою, но тотчас же отпускает, вновь охваченный чувством горькой обиды.*) Ты столько говоришь о том, как ты любишь меня... а сама даже слушать не хочешь, когда я пытаюсь сказать тебе, как серьезно я болен...

Мэри (*внезапно переходя на рассеянный, матерински покровительственный тон*). Ну-ну, будет тебе! Зачем мне слушать, когда наперед известно, что ничего путного этот невежда Харди не скажет.

Эдмунд снова замыкается в себе.

(*Продолжает деланно насмешливым тоном, в котором все явственнее звучат нотки раздражения.*) Знаешь, милый, ты вылитый отец; тоже любишь делать трагедию из пустяков, представлять все в драматическом свете. (*С ироническим смехом.*) Да если бы я начала охать и жалеть тебя, ты бы договорился бог знает до чего — сказал бы, что умираешь...

Эдмунд. От этого действительно умирают. Твой собственный отец...

Мэри (*резко*). При чем тут мой отец? Разве можно сравнивать? У него чахотка была. (*Сердито*.) Терпеть не могу, когда ты напускаешь на себя этот мрачный, похоронный вид! И не смей больше напоминать мне о смерти моего отца. Я запрещаю, слышишь?!

Эдмунд (*с окаменевшим лицом, жестко*). Да, мама, слышу. Я бы дорого дал, чтобы не слышать! (*Встает с кресла, пристально, с осуждением смотрит на нее, гневно*.) Не очень-то весело жить, когда у тебя мать — наркоманка!

Она вздрагивает, как от удара; от лица ее отливает вся кровь; безжизненное, оно напоминает гипсовую маску. Эдмунд сразу же раскаивается — он хотел бы вернуть сорвавшиеся у него с языка слова.

(*С несчастным видом, запинаясь*.) Прости меня, мама. Я вспылил. Мне стало обидно.

Наступает пауза, во время которой слышатся завывания сирены и перезвон судовых колоколов.

Мэри (*медленно, двигаясь, как автомат, проходит к окнам справа; глядя в сад, с безучастным, отсутствующим выражением*). Как воеет эта противная сирена! И колокола звонят. Отчего это, когда туман, все звуки такие заунывные, тоскливые?

Эдмунд (*прерывающимся голосом*). Я... я не могу здесь оставаться. Ужинать не буду. (*Торопливо уходит через гостиную*.)

Она продолжает смотреть в окно, пока не доносится стук захлопнувшейся за ним входной двери. Затем подходит к столу и опускается в кресло все с тем же отсутствующим выражением на лице.

Мэри (*неопределенно*). Надо бы подняться вверх. Добавить. (*Помолчав, с тоской в голосе*.) Как бы я хотела когда-нибудь вколоть себе по ошибке слишком большую дозу. Но я никогда не сделаю это умышленно. Иначе мне не будет прощения от деви Марии. (*Слышит шаги Тайрона и оборачивается*.)

Он входит из проходной комнаты с только что откупоренной бутылкой виски в руке. Кишит гневом.

Тайрон (*негодующе*). Замок весь испаран! Этот пьяный забуддыга пытался открыть его проволокой. Знакомые штучки! (*С удовлетворением — так, словно одержал победу в постоянном противоборстве со старшим сыном*). На этот раз я оставил его в дураках. Замок-то с секретом — его даже взломщик отмычкой не откры-

ст. *(Ставит бутылку на стол и только тут замечает отсутствие Эдмунда.)* А Эдмунд где?

Мэри *(рассеянно, с отсутствующим видом)*. Ушел куда-то. Может, снова в город поехал — Джейми разыскивать. У него, как видно, еще остались деньги — они жгут его карманы. Сказал, что ужинать не будет. В последнее время у него совсем нет аппетита. *(Упрямо.)* Но это простуда, обычная простуда!

Тайрон пристально смотрит на нее, затем безнадежно покачивает головой, наливает себе большую порцию виски и выпивает.

(Не выдержав нервного напряжения, раздражается рыданиями.) О Джеймс, я так боюсь! *(Встает, обвивает его шею руками и прячет лицо у него на груди; сквозь рыдания.)* Я знаю — он умрет!

Тайрон. Не говори так! Он будет жить. Его обещают вылечить за полгода.

Мэри. Ведь ты не веришь в это! Я же вижу, когда ты кривишь душой! Это я, я буду виновата в его смерти! Я не должна была рожать его. Для него было бы лучше не появляться на свет. Тогда ему не пришлось бы краснеть за меня, мучиться от мысли, что мать у него — наркоманка. Тогда я не смогла бы причинить ему боль, и он не смотрел бы на меня с такой ненавистью!

Тайрон *(дрогнувшим голосом)*. Мэри, не надо так убиваться. Он любит тебя. И отлично понимает, что это проклятье, наложенное на тебя без твоего ведома, против твоей воли. Он гордится, что ты — его мать! *(Услышав звук открывающейся двери в буфетной, отрывисто.)* Тсс, успокойся! Сейчас войдет Кэтлин. Ты же не хочешь, чтобы она застала тебя в слезах.

Мэри, отпрянув от него, подходит к окнам справа, поспешно вытирает слезы. Через мгновение в дверях проходной комнаты появляется Кэтлин. Она идет нетвердой походкой и пьяно улыбается.

Кэтлин *(при виде Тайрона чувствует себя виноватой; церемонным тоном)*. Ужин подан, сударь. *(Чересчур громким голосом.)* Ужин, подан, мэм. *(Отбросив свой церемонный тон, обращается к Тайрону с добродушной фамильярностью.)* Так, значит, вы все-таки пришли, да? Ну, дела! Вот Бриджит взбесится! Я-то сказала ей, что вас дома не будет, мол, хозяйка велела передать. *(Уловив осуждение в его взгляде.)* Не смотрите на меня так. Пусть я чуточку и подвыпила, но тайком ваше виски не брала. Меня угостили. *(С видом оскорбленного достоинства поворачивается и удаляется через проходную комнату.)*

Тайрон *(тяжело вздохнув, с наигранной сердеч-*

постыю). Ну что ж, дорогая, пойдем поужинаем. Я голоден, как волк.

Мэри (*подходит к нему; лицо ее вновь напоминает гипсовую маску; отрешенно*). Знаешь, Джеймс, мне очень жаль, но придется тебе ужинать одному. Мне кусок в горло не пойдет. Руки болят просто нестерпимо. Им нужен покой—пожалуй, мне лучше пойти прилечь. Спокойной ночи, милый. (*Машинально целует его и направляется к двери, ведущей в гостиную.*)

Тайрон (*резко*). Что, не терпится вкатить себе еще одну порцию проклятой отравы? Иди, к ночи ты будешь похожа на обезумевшее привидение!

Мэри (*идет к гостиной, безучастно*). Не понимаю, о чем ты говоришь, Джеймс? У тебя такой злой, разнузданный язык, когда ты перепьешь. Еще хуже, чем у Джейми или Эдмунда. (*Уходит через гостиную.*)

Тайрон сразу сдаст и выглядит теперь совсем стариком—удрученным, обескураженным, надломленным. Какую-то минуту он стоит в нерешительности, словно не знает, что ему делать. Затем усталой походкой идет в столовую.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Там же. Около полуночи. В прихожей темно—оттуда больше не тянется через гостиную полоска света. В комнате горит только настольная лампа. За окном—непроницаемая стена тумана. При поднятии занавеса со стороны залива доносятся стоны сирены и звон судовых колоколов. Тайрон, в пенсне, сидит за столом и раскладывает пасьянс. Он сменил пиджак на замощенный коричневый халат. Стоящая на подносе бутылка виски на три четверти пуста. На столе стоит еще одна, непочатая, бутылка, которую он достал из погреба, чтобы иметь под рукой достаточный запас. Он пьян—это видно по его манере раскладывать карты. Взяв карту, ословело разглядывает ее, затем неуверенно кладет на стол. У него затуманенные, словно подернутые пленкой глаза, обмякший рот. Но, несмотря на все выпитое виски, ему не удалось забыться. Выглядит он так же, как в конце предыдущего действия: перед нами горько разочарованный, удрученный несчастьем старик, который смирился со своей участью, ни на что не надеется, ничего не ждет от жизни.

Сразу после поднятия занавеса он сгребает колоду в кучу и принимается неловкими движениями тасовать ее, роняя при этом две-три карты на пол. С трудом подняв их, продолжает тасовать колоду. Услышав, что кто-то вошел в дом, всматривается поверх пенсне в полутьму гостиной.

Тайрон (*заплетающимся языком*). Кто там? Ты, Эдмунд?

-Да,—с грубоватой лаконичностью откликается из прихожей Эдмунд. Затем, на что-то, как видно, наткнувшись впотьмах, он чертыхается.

После этого в прихожей загорается лампочка.

(*Хмуря брови.*) Не забудь свет потом выключить.

Эдмунд, оставив лампочку гореть, входит через гостиную. Он тоже пьян, но, подобно отцу, внешне мало чем выдает свое состояние, о котором говорят лишь осоловелые глаза да петушина задиристость.

(Первые слова приветствия произносит сердечно и благожелательно.) Рад, что ты пришел, сынок. Я тут совсем истомился одиночеством. *(С укором.)* Но ты-то хорош: сам удрал, а я сижу тут весь вечер один; ведь знаешь, что... *(Резко, с раздражением.)* Я же просил тебя погасить свет! Можно подумать, мы бал даем. Во всем доме огни горят—это в полночь! Зачем зря электричество жечь? Оно денег стоит.

Эдмунд *(сердито)*. Во всем доме огни горят! Одна паршивая лампочка! Черт подери, да у всех порядочных людей свет в прихожей тушат, только когда спать ложатся. *(Потирая колена.)* Я чуть колена не размозил о вешалку.

Тайрон. В прихожую отсюда свет падает. Ты бы ни на что не наткнулся, будь ты трезв.

Эдмунд. Будь я трезв? Вот это мне нравится!

Тайрон. Плевать я хотел на то, как у других людей. Если есть на свете дураки, которым денег не жалко—лишь бы в глаза пыль пустить,—мне они не указ.

Эдмунд. Одна лампочка! Господи, ну как можно быть таким жмотом! Я же тебе с цифрами доказал, что, даже если лампочка весь вечер будет гореть, все равно нагорит на гроши—меньше, чем на порцию виски!

Тайрон. К черту твои цифры! Лучшее доказательство—это счета, по которым я должен платить.

Эдмунд *(сидясь напротив отца, презрительно)*. Да-да, конечно, факты ведь ничего не значат. Истина—это то, во что тебе хочется верить. *(С издевкой.)* Шекспир, например, был ирландец и католик.

Тайрон *(упрямо)*. Да, ирландец и католик. Это доказывают его пьесы.

Эдмунд. Дудки, не был он ни ирландцем, ни католиком, и ничего подобного его пьесы не доказывают—разве что одному тебе. *(Язвительно.)* Герцог Веллингтон—еще один ирландец и добрый католик.

Тайрон. Никогда не называл его добрым католиком. Он был отступник, но все же католик.

Эдмунд. Никакой не католик! Тебе просто хочется верить, что ирландец и католик смог побить Наполеона.

Тайрон. Что с тобой спорить? Пойди лучше свет выключи.

Эдмунд. И не подумаю—пусть себе горит.

Тайрон. Я тебе покажу, как дерзить! Ты выключишь свет или нет?

Эдмунд. Нет! Если тебе нравится быть безумным сквалыжником — иди и выключай.

Тайрон *(с гневом, угрожающе)*. Послушай, что я тебе скажу! Я многое тебе спускал, терпел твоё сумасбродство, прощал твои дикие выходки — считал, что ты не совсем в себе. Я ни разу не поднял на тебя руку. Но всякое терпение может лопнуть. Или ты идешь и выключаешь свет, как я тебе сказал, или я не посмотрю на то, что ты уже не маленький, и задам тебе трепку, чтобы научить тебя!.. *(Вдруг вспомнив о болезни Эдмунда и устыдившись, тотчас же виновато сникает.)* Прости меня, малыш, я забыл... Ты сам виноват: вывел меня из себя.

Эдмунд *(теперь и он устыдился)*. Ладно, забудь, отец. Я тоже извиняюсь. Я в бутылку полез. Наверно, все-таки чуточку лишнего хватил. Пойду выключу эту проклятую лампочку. *(Хочет встать.)*

Тайрон. Нет-нет, сиди. Пускай горит. *(Порывисто и не совсем твердо встает и одну за другой включает все три лампочки в люстре. На его лице написано преувеличенно скорбное выражение — он полон по-детски острой жалости к себе.)* Включим их все! Пусть горят! Черт с ними! Все равно я кончу свои дни в богадельне, так уж лучше скорей, чего тянуть! *(Включает последнюю лампочку.)*

Эдмунд *(он снова обрел чувство юмора и теперь с теплой улыбкой подшучивает над отцом)*. Блестящая сцена под занавес! *(Смеется.)* Ты просто чудо, папа!

Тайрон *(садится со смущенным видом; с ворчливой укоризной)*. Ну-ну, смейся над старым дурнем! Над бедным старым комедиантом! Но последняя сцена все-таки будет сыграна в богадельне, и это, увы, не смешно. *(Видя, что Эдмунд по-прежнему улыбается, меняет тему разговора.)* Ладно, не будем ссориться. Голова у тебя на плечах есть, хоть ты и стараешься всячески доказать обратное. Ты еще научишься беречь каждый доллар — не то что твой шалопутный братец. Я уже и надеяться перестал, что он когда-нибудь образумится. Кстати, где он?

Эдмунд. Понятия не имею.

Тайрон. Я-то думал, вы договорились снова встретиться где-нибудь в городе.

Эдмунд. Нет, я по взморью гулял. Не видел его с тех пор, как расстались днем.

Тайрон. Ну, если ты как последний дурак поделился с ним деньгами, которые я тебе дал...

Эдмунд. Само собой, поделился. Ведь и он всегда субсидирует меня, когда у него заводятся деньги.

Тайрон. Тогда нетрудно догадаться, где он сейчас — в публичном доме.

Эдмунд. Ну и что? Почему бы ему и не быть там?

Тайрон (*презрительно*). Вот уж, действительно, «почему бы ему и не быть там»! Это самое подходящее для него место. Шлюхи и виски — предел его мечтаний. Что-то я не замечал, чтобы у него были более возвышенные идеалы.

Эдмунд. Ох, папа, Христа ради, избавь меня! Если ты снова примешься жевать эту жвачку, я уйду. (*Норывается встать.*)

Тайрон (*примириительно*). Ладно, ладно, умолкаю. Видит бог, мне эта тема тоже не по душе. Выпьем?

Эдмунд. Вот это дело!

Тайрон (*передавая бутылку, по привычке оговаривает его*). Не надо бы тебе. Ты и так уже набрался.

Эдмунд (*наливая себе большую порцию; с довольно пьяным видом*). Набрался, но не перебрал. (*Передает бутылку.*)

Тайрон. В твоем состоянии нельзя столько пить.

Эдмунд. Не будем о моем состоянии! Твое здоровье.

Тайрон. Твое здоровье.

Оба выпивают.

Если ты до самого взморья пешком шагал, то промок, наверное, и замерз.

Эдмунд. Ничего, я на пути туда и обратно заходил согреться в кабачок.

Тайрон. Ни за что бы не выбрал такой вечер для дальних прогулок.

Эдмунд. А мне туман как раз под настроение пришелся. То, что мне нужно. (*Теперь в его речи и во всем облике опьянение более заметно.*)

Тайрон. Тебе следовало быть благоразумнее и не рисковать...

Эдмунд. Долой благоразумие! Мы все — безумцы. На кой черт сдалось мне благоразумие? (*С сардоническим видом декламирует стихи Доусона.*)

Не долго длятся счастье и несчастье,

Вражда, любовь, мечта;

Они вовек не примут в нас участия,

Когда пройдем врата.

Пора вина и роз к нам не вернется:

Из сумрачного сна

Наш путь покажется и вновь замкнется

В пределы сна¹.

¹ Перевод В. Рогова.

(Устремив перед собой невидящий взгляд.) Меня тянуло побродить в тумане. Дошел до середины дорожки в саду—дома нет, словно его здесь и не было. И других домов тоже. В двух-трех шагах уже ничего не видно. Ни души кругом. Мир, звуки—все стало словно нереальным, изменило свой привычный вид. Этого я и хотел: побыть наедине с собой в ином мире, где правда перестает быть правдой, а жизнь может спрятаться от себя самой. Дальше за гаванью, на берегу, мне даже почудилось, что я вовсе и не на суше. Казалось, туман и море слились в одно. А я словно шел по дну морскому. Как будто я давным-давно утонул. Как будто я призрак, явившийся из тумана, а сам туман—призрак, вышедший из моря. И мне стало покойно на душе от сознания, что я только призрак внутри призрака. *(Видя, что отец смотрит на него неодобрительно, со смешанным чувством тревоги и раздражения, насмешливо ухмыляется.)* Не смотри на меня так, будто я спятил. Я здраво рассуждаю. Ну скажи, кому хочется видеть жизнь такой, какая она на самом деле? Это же все три Горгоны вместе. Взглянешь им в лицо и окаменеешь. А может, это Пан. Увидишь его—и умрешь в душе, и будешь дальше жить призраком.

Тайрон *(со смешанным чувством восхищения и негодования)*. В тебе безусловно сидит поэт, но слишком уж мрачный. *(С натянутой улыбкой.)* Черт бы побрал твой пессимизм! Мне и без того невесело. *(Вздыхает.)* Забудь ты всяких мелкотравчатых рифмоплетов и вспомни лучше Шекспира. У Шекспира ты найдешь все, что пытаешься сейчас выразить. Да и вообще буквально все, что заслуживает быть выраженным. *(Произносит хорошо поставленным красивым голосом.)*

Мы созданы из вещества того же,
что наши сны.

И сном окружена вся наша маленькая жизнь¹.

Эдмунд *(иронически)*. Прекрасно, замечательно! Но я-то совсем другое хотел сказать. Мы созданы из вещества того же, что и навоз, поэтому лучше выпить и забыться. Вот это будет ближе к тому, что я пытался выразить.

Тайрон *(с негодованием)*. Фу, лучше уж держи такие мысли при себе. Не надо мне было наливать тебе.

Эдмунд. Да, разобрало меня с этого стаканчика. Тебя—тоже. *(Улыбаясь, любовно подтрунивает.)* Хоть

¹ У. Шекспир. Буря, акт IV, сцена I. Перевод М. Донского.

ты и не пропустил в своей жизни ни одного спектакля. *(Задиристо.)* А что тут плохого—быть пьяным? Ведь согласишься, мы же и хотим напиться до чертиков. Не будем друг друга обманывать, отец. Во всяком случае, сегодня. Мы оба знаем, что мы пытаемся забыть. *(Поспешно.)* Но не будем об этом. Теперь уже ничего не изменишь.

Тайрон *(уныло)*. Да, говорить бесполезно. Опять придется свыкаться с этим—ничего другого не остается.

Эдмунд. Или пить горькую, чтобы забыть. *(Декламирует, причем декламирует хорошо, с чувством, с горечью и иронией стихотворение в прозе Бодлера.)* «Всегда опьяняйтесь. Это самое важное, все остальное не в счет. Если вы не хотите ощутить, как страшной тяжестью давит вам на плечи Время, пригвождая к земле, всегда опьяняйтесь».

Чем опьяняться? Вином, стихами, хоть добродетелью—чем хотите. Но только опьяняйтесь.

И если на ступенях дворца, или на зеленой траве у ручья, или в скучном одиночестве собственной комнаты вы вдруг почувствуете, пробудясь, что опьянение прошло наполовину или совсем, спросите у ветра, или у волны, или у звезды, или у птицы, или у стрелок часов, у всего, что летает, дышит, плещется, поет, говорит,—спросите: «Который час?»—и тогда ветер, волна, звезды, птица, стрелки часов ответят вам: „Час опьянения! Опьяняйтесь, если не хотите быть распятыми рабами Времени: всегда опьяняйтесь! Вином, стихами, хоть добродетелью—чем хотите“». *(Улыбкой поддразнивает отца.)*

Тайрон *(с грубоватым юмором)*. На твоём месте я бы опьянялся чем-нибудь покрепче, чем добродетель. *(Затем с отаращением.)* Тыфу, какая-то ущербная чушь! Если здесь и есть крушица истины, то Шекспир ее уже высказал—прекрасно и возвышенно. *(Одобрительно.)* Но прочел ты, сынок, просто здорово. Кто автор?

Эдмунд. Бодлер.

Тайрон. В первый раз слышу.

Эдмунд *(с вызывающей усмешкой)*. А еще он написал стихи о Джейми и Бродвее.

Тайрон. Об этом шалопает? Дай бог, чтобы он опоздал на последний трамвай и остался на ночь в городе!

Эдмунд *(оставив слова отца без внимания)*. Хотя был он француз, в жизни не видал Бродвея и умер задолго до того, как родился Джейми. Но все равно он знал нашего Джейми, знал наш распрекрасный Нью-Йорк. *(Читает «Эпилог» Бодлера.)*

Люблю, взойдя на холм, разглядывать
столицу,
Простертую внизу. Я вижу с высоты
Дома терпимости, тюрьму, больницу,
Где распускаются уродства, как цветы.
Не плакать прихожу над ней в смятенье
духа,—
О Сатана, о князь печалей, знаешь ты,
Как повелительно любовница-старуха
Порою старого пьянит потаскуна...
Вливает молодость мне в жилы эта шлюха.
И в утреннюю рань, когда храпит она
На смятых простынях в изнеможенье сонном,
И вечером, когда она шумна, хмельна.
Гляжу на эту дрянь с презрением
влюбленным...
Ведь можете дарить лишь вы, исчадья дна,
Тот чувственный восторг, что чужд
непосвященным¹.

Тайрон (*раздраженно, с отвращением*). Болезненный бред! Ну и вкус же у тебя! Уродство, отчаяние, пессимизм. Что тут тебе могло понравиться? Наверняка тоже безбожник. Кто отвергает бога, отвергает и надежду. В этом вся твоя беда. Если бы ты преклонил колени...

Эдмунд (*так, словно бы и не слышал; саркастиче-ски*). Правда же, прямо с Джейми написано? Как он, спасаясь бегством, от самого себя и от виски, прячется в гостиничном номере на Бродвее с какой-нибудь толстой проституткой—к толстым он питает слабость—и читает ей «Кинару» Доусона. (*Декламирует насмешиливо, но при этом с глубоким чувством.*)

Всю ночь на сердце жаркий сердца стук.
В объятьях, сонная, она всю ночь со мной:
Продажных уст ее так сладок алый круг.
Но я был омрачен, я болен страстью старой.
Проснулся я, и был рассвет седой.
Я верен был тебе. По-своему, Кинара!²

(*Язвительно.*) А бедная потаскуха, конечно, не понимает ни слова, но сильно подозревает, что это оскорбительно

¹ Перевод М. Данского.

² Перевод Е. Полоиской.

для нее. Самое забавное, что Джейми никогда не любил никакой Кинары и в жизни не был верен ни одной женщине — даже по-своему. Но все же он лжет самому себе: тешит себя мыслью, что он выше других, и испытывает сейчас «тот чувственный восторг, что чужд непосвященным». *(Смеется.)* Правда, здорово?

Тайрон *(несколько туманно, запинаясь)*. Бред. Если бы ты преклонил колени и помолился богу! Кто отвергает бога, того он лишает разума.

Эдмунд *(не обращая внимания на его слова)*. Ну а я-то кто такой, чтобы считать себя выше? Как будто я того же не делал! А сам Доусон чем не сумасшедший? Он написал это стихотворение, вдохновляясь абсентом и страдая от похмелья, в честь глупенькой буфетчицы, которая считала его свихнувшимся нищим пьянчужкой и предпочла ему официанта! *(Смеется; вполне трезво, с искренним сочувствием.)* Бедняга Доусон. Вино и чахотка докончили его. *(Вздрагивает, на какой-то миг его лицо принимает несчастное, испуганное выражение; тут же прячет свои чувства за напускной иронией.)* Пожалуй, мне следует быть тактичным и переменить тему.

Тайрон *(хриплым голосом)*. Кого ты только читаешь! Нечего сказать, подобрал библиотеку на свой вкус! *(Показывает на маленький книжный шкаф в глубине комнаты.)* Вольтер, Руссо, Шопенгауэр, Ницше, Ибсен! Безбожники, глупцы и сумасшедшие. А твои любимые поэты?! Этот Доусон, Бодлер, Суинберн, Оскар Уайльд, Уитмен, По! Развратники и дегенераты! Тьфу! Вместо них ты мог бы читать Шекспира — вон у меня *(кивает головой в сторону большого книжного шкафа)* целых три собрания стоят.

Эдмунд *(с издевкой)*. Говорят, он тоже выпивоха был.

Тайрон. Вранье! Что он выпить был не дурак, я не сомневаюсь: какой настоящий мужчина этим не грешит? Но он умел пить и не отравил свой мозг, не впал в нпохондрию, не ударился в проповедь всякой мерзости. Так что не равняй его с этой компанией. *(Вновь указывает на маленький книжный шкаф.)* Твой грязный Золя! Твой любимец Данте Габриел Россетти, законченный наркоман! *(Опомнившись, виновато смолкает.)*

Эдмунд *(сухо, чтобы не коснуться больной темы)*. Пожалуй, будет лучше, если мы поговорим о чем-нибудь другом.

Пауза.

Кстати, не упрекай меня в незнании Шекспира. Не я ли выиграл у тебя пять долларов, когда на пари выучил за

неделю главную роль в шекспировской пьесе, как это проделывал в молодости ты? Помнишь, я на зубок выучил роль Макбета и всю прочел ее, а ты проверял и подавал реплики?

Тайрон *(с одобрением)*. Что верно, то верно: отбарабанил слово в слово. *(С насмешливой улыбкой; вздохнув.)* Еще бы мне не помнить! Я весь извелся, слушая твое чтение. Бедный Шекспир! Как я жалел, что не выложил деньги сразу, не требуя доказательств. *(Посмеивается, довольный собой.)*

Эдмунд тоже не может удержаться от улыбки.

(Услышав доносящийся сверху шум, вздрагивает; испуганно.) Слышал? Она ходит. А я-то думал, уже заснула.

Эдмунд. Не думай ты об этом. Может, еще выпьем? *(Берет бутылку, наливает себе в стакан и передает бутылку отцу. Глядя, как отец наливает себе; с напускной непринужденностью.)* Когда мама спать пошла?

Тайрон. Сразу после твоего ухода. Ужинать не стала. А ты почему ушел? Что-нибудь случилось?

Эдмунд. Нет, ничего. *(Поднимая стакан, отрывисто.)* Ну, твое здоровье.

Тайрон *(машинально)*. Твое здоровье, малыш.

Пьют.

(Вновь прислушиваясь к доносящимся сверху звукам; испуганно.) Все ходит и ходит. Не дай бог, сюда спустится.

Эдмунд *(хмуро)*. Не дай бог! Сейчас, должно быть, это уже не она, а призрак, живущий в прошлом. *(Помолчав; с несчастным видом.)* В далеком прошлом, когда я еще не родился...

Тайрон. Так ведь и со мной то же самое: она уходит в те давние времена, когда мы еще не были знакомы. Можно подумать, она была счастлива, только когда жила в доме отца да еще в монастыре, где все время молилась или играла на рояле. *(С горечью, в которой проскальзывают нотки ревности.)* Я уже и раньше говорил тебе, что к ее воспоминаниям надо относиться критически. Расчудесный дом ее отца ничего особенного собой не представлял. Да и сам отец вовсе не был таким великодушным, щедрым, благородным ирландским джентльменом, каким он сейчас ей кажется. В общем-то это был неплохой человек, приятный в общении, интересный собеседник. Мы пришли друг другу по душе. Занимался он оптовой торговлей бакалейными товарами, и дело его, надо отдать ему должное, процветало. Но и у него была слабость. Меня-то она осуждает, если я выпью, а о том, как онпил,

забывает. До сорока лет он, правда, капли в рот не брал, но потом с лихвой наверстал упущенное. Пристрастился к шампанскому и пил как бочка. Очень рисовался тем, что пьет только шампанское. Что ж, вино быстро его доконало — вино и чахотка... *(Бросив на сына виноватый взгляд, смолкает.)*

Эдмунд *(с горькой Ironией)*. Что-то не удастся нам уйти от грустных тем.

Тайрон *(сокрушенно вздыхает)*. И не говори! *(Делает трогательную попытку взбодриться.)* Может, в картишки перекинемся?

Эдмунд. Давай.

Тайрон *(неловкими движениями тасуя колоду)*. До последнего трамвая все равно дверь запирать нельзя — вдруг Джейми вернется. Хотя лучше бы он не возвращался. И потом, не хотел бы я подниматься наверх, пока она не заснет.

Эдмунд. Я тоже.

Тайрон *(продолжает неловко перетасовывать карты, забыв, что собирался сдавать)*. Вот я и говорю: к ее рассказам о прошлом надо относиться критически. Например, о том, как она играла на рояле и мечтала стать знаменитой пианисткой. Это монахини голову ей задурили своими похвалами. Она была их любимицей — скромная, набожная девочка. К тому же монашенки слабо разбираются в мирских делах. Откуда им знать, что из миллиона подающих надежды девочек, может быть, всего лишь одна становится настоящей пианисткой? Для школьницы твоя мать играла, должно быть, и недурно, но это еще совсем не значит, что она могла бы...

Эдмунд *(резко)*. Что же ты не сдаешь? Сам ведь предложил сыграть.

Тайрон. А? Сдаю. *(Неуверенно сдает, бросая карты то слишком далеко, то слишком близко.)* Или возьми другую ее историю: что она бы стала монахиней. Вот уж полнейшая чушь! Твоя мать была красавица, каких мало. причем она отлично знала это. При всей своей скромности и застенчивости она была, не в укор будет сказано, чуть-чуть плутовка и кокетка. Не из того теста она была сделана, чтобы отказаться от мирских радостей. Цветущая, здоровая, жизнерадостная, она так и тянулась навстречу любви.

Эдмунд. Боже мой, папа, возьмешь ты наконец свои карты?

Тайрон *(берет карты; хмуро)*. Да-да, посмотрим-ка, что мне пришло.

И тот и другой невидящим взглядом смотрят в свои карты. Вдруг оба вздрагивают.

(Шепотом.) Слышишь?

Эдмунд. Спускается.

Тайрон *(поспешно)*. Давай играть как ни в чем не бывало. Сделаем вид, что не замечаем ее, и она тогда опять поднимется.

Эдмунд *(всматриваясь через гостиную в полутьму прихожей; с облегчением)*. Нет, не идет. Должно быть, начала спускаться, но передумала.

Тайрон. Слава богу!

Эдмунд. Да, это такой ужас—глядеть на нее, когда она довела себя до такого состояния. *(С несчастным видом.)* А самое тяжкое, самое невыносимое—это глухая стена, которой она отгораживается. Или, скорее, облако тумана, в котором она прячется от нас и теряет сама себя. Умышленно—вот что обидно! Умышленно: чтобы не общаться с нами, избавиться от нас, забыть о нашем существовании. Будто она ненавидит нас, хотя и любит.

Тайрон *(мягко возражает)*. Не надо, Эдмунд. Ведь это не она. Все проклятый дурман.

Эдмунд *(горько)*. Так она и хочет одурманить себя. Во всяком случае, сейчас—я точно уверен в этом. *(Отрывисто.)* Мне ходить, да? Вот. *(Бросает карту.)*

Тайрон *(машинально бросая ответную карту, с мягким упреком)*. Если бы ты знал, как страшит ее твоя болезнь. Ведь она только вид делает, что не верит. Не суди ее слишком жестоко, сынок. Помни, ее винить нельзя. Как только этот проклятый яд берет власть над человеком...

Эдмунд *(с ожесточением бросает на отца осуждающий взгляд, зло)*. Не надо было допускать, чтобы яд взял над ней власть. И я знаю, кто виноват. Ты! Твое проклятое скупердяйство! Если бы ты не пожадничал и пригласил хорошего врача, когда она тяжело заболела после моего рождения, она и о существовании-то морфия никогда бы не узнала. Но ты доверил ее судьбу дешевому шарлатану, который практиковал при гостинице. А этот невежда, боясь показать, что он ни черта не знает, пошел по самому легкому пути. Плевать ему было на то, что с ней станет потом! И ведь все погому, что он дешево брал! Очередная выгодная сделка.

Тайрон *(уязвленный; гневно)*. Замолчи! Да как ты смеешь рассуждать о том, в чем ничего не смыслишь! *(Пытаясь взять себя в руки.)* Постарайся, дружок, войти в мое положение. Откуда мне было знать, что это за доктор? У него была хорошая репутация...

Эдмунд. Среди пьянчуг в гостиничном баре.

Тайрон. Что ты несешь! Я просил хозяина гостиницы порекомендовать лучшего...

Эдмунд. Конечно! И плакался на бедность, ясно давая понять, что тебе нужен врач, который бы брал подшефле! Знаю я твои хитрости. Еще бы мне не знать—после сегодняшнего.

Тайрон (*виновато оправдываясь*). А при чем тут сегодня?

Эдмунд. Ладно, не об этом речь. Мы ведь о маме говорим. И вот что я хочу тебе сказать: как бы ты себя ни оправдывал, ты сам отлично знаешь, что виновата твоя скупость...

Тайрон. А я говорю, это неправда! Сейчас же замолчи, не то...

Эдмунд (*не обращая внимания*). Почему же ты не послал ее лечиться сразу же, как только узнал, что она стала морфинисткой? Ведь тогда ее еще можно было спасти. Нет, ты не пошел на это—не пожелал раскошелиться! Пари держу, ты внушал ей, что стоит ей чуточку напрячь волю, и все будет в порядке. Да в глубине души ты и сейчас еще продолжаешь так думать. Что бы ни говорили тебе врачи, которые все-таки кое-что в этом смыслят.

Тайрон. И это неправда! Теперь-то я лучше, чем кто-нибудь, знаю, насколько это серьезно. Но откуда мне было знать тогда? Что мне было известно о морфии? Прошли годы, прежде чем у меня открылись глаза. Мне-то казалось, что она никак не оправится после болезни, только и всего. Как это я не послал ее лечиться? (*С горечью.*) Вспомни, сколько раз я отправлял ее в санатории. Я просадил тысячи и тысячи—и все попусту. Что проку было от этого лечения? Она всякий раз начинала снова.

Эдмунд. Да потому, что ты никак не подкреплял в ней желание удержаться! Ты ей даже дома не устроил. Ну что за дом эта летняя хибара в городишке, который она терпеть не может? У тебя нет денег на то, чтобы хоть этому-то сараю придать сколько-нибудь приличный вид, но зато деньги всегда находятся, чтобы прикупить еще один участок или отдать их какому-нибудь аферисту, который посулит тебе за бесценок золотые горы! Сезон за сезоном ты повсюду таскал ее за собой, заставлял каждый божий день переезжать на новое место; в этих скитаниях ей не с кем было словом перемолвиться, а вечерами она должна была допоздна ждать в грязных гостиничных номерах, когда ты соизволишь явиться под хмельком после того, как закроются бары. Господи, что же тут удивительного в том, что у нее не было желания вылечиться?! Ей-богу, когда я думаю об этом, я тебя просто ненавижу!

Тайрон (*ошеломленно*). Эдмунд! (*Приходя в ярость*.) Как ты говоришь с отцом, щенок? После всего, что я для тебя сделал!

Эдмунд. О том, что ты для меня сделал, мы еще поговорим!

Тайрон (*на лице у него вновь появляется виноватое выражение; оставляя слова сына без ответа*). И перестань повторять ее бредовые обвинения—это отрава за нее говорит! Я никогда не брал ее в гастрольные поездки против ее желанья. Понятно, мне хотелось, чтобы она была со мной. Ведь я же любил ее. И ездила она потому, что любила меня и хотела быть вместе со мной. Вот она истинная правда, что бы ни говорила Мэри в невменяемом состоянии. И совсем незачем ей было томиться одиночеством. Стоило ей захотеть, и она всегда нашла бы собеседников среди актеров моей труппы. Наконец с нею были дети да еще няня, которая повсюду ездила вместе с нами. Я настоял на этом, не посчитавшись ни с какими расходами.

Эдмунд (*зло*). О да, единственный случай в твоей жизни, когда ты проявил щедрость; но только потому, что тебе казалось, будто мать уделяет нам слишком много внимания. Ты ревновал ее к нам и хотел, чтобы она целиком посвящала себя тебе, а не нам! И снова просчитался. Не будь нянек, ей пришлось бы самой ухаживать за мной—и, может быть, она смогла бы...

Тайрон (*доведенный до бешенства, мстительно*). Ну, если уж на то пошло, она и про тебя всякое говорит, когда у нее ум помрачен: например, если бы не родился ты, она никогда бы... (*Замолкает, устыдившись своих слов*.)

Эдмунд (*сникая; с печальным видом*). Да, я знаю. Она так считает.

Тайрон (*возражает, охваченный раскаянием*). Нет, вовсе она так не считает! Она любит тебя, редкая мать любит так своего сына. У меня это сгоряча вырвалось—ты из себя меня вывел: начал копаться в прошлом и сказал, что ненавидишь меня...

Эдмунд (*хмуро*). Ну, это я тоже сгоряча. (*Внезапно его лицо освещает лукавая полупьяная улыбка*.) Я вроде мамы: люблю тебя, несмотря ни на что.

Тайрон (*с ответной, тоже пьяной улыбкой*). О себе я то же самое могу сказать. Сын из тебя получился не ахти какой. Вот уж действительно: худое добро, да зато мое, кровное.

Оба смеются с искренней, пусть даже и подогретой спиртным, сердечностью.

(*Меняет тему разговора.*) А что же у нас игра остановилась? Кому ходить?

Эдмунд. По-моему, тебе. (*Берет карту, которую положил отец.*)

Оба снова забывают об игре.

Тайрон. Не вешай нос, малыш,—ничего особенно страшного ты сегодня не услышал. Оба врача твердо обещали мне: если ты будешь соблюдать в санаторий режим, тебя вылечат за полгода, самое большее—за год.

Эдмунд (*мрачнеет*). Зачем ты обманываешь меня? Ты же и сам в это не веришь.

Тайрон (*с напускной убежденностью*). Нет, верю! Почему же не верить, если и Харди и специалист в один голос...

Эдмунд. Нет, ты считаешь, что мне крышка.

Тайрон. Неправда! Ты с ума сошел!

Эдмунд (*со злостью и горечью*). А раз уж один конец, зачем зря тратиться? Потому-то ты и отправляешь меня в лечебницу для нищих...

Тайрон (*смешавшись, виновато*). Что ты мелешь? Какая лечебница для нищих? Я только одно знаю: это место называется Хиллтаунский санаторий и оба врача считают, что лучшего санатория для тебя не найти.

Эдмунд (*саркастически*). За те деньги, что ты готов платить. То есть за жалкие гроши, а еще лучше—задаром. Не прикидывайся, папа! Ты же прекрасно знаешь, что Хиллтаунский санаторий—это казенное заведение для бедняков. Джейми был уверен, что ты станешь плакаться Харди на бедность, безденежье, и выведал у него всю правду.

Тайрон (*в бешенстве*). И сюда он влез, забулдыга проклятый! Достукается, выпшвырну его на улицу! С малых лет восстанавливает тебя против меня!

Эдмунд. Но это же действительно казенная лечебница для неимущих, разве нет?

Тайрон. Ты неправильно все представляешь. Ну и что из того, что санаторий содержится на казенный счет? Это ровно ни о чем не говорит. У нашего штата достаточно средств, чтобы оборудовать санаторий побогаче любого частного заведения. С какой же стати я должен от него отказываться. Мое законное право пользоваться им. И твое тоже. Мы здесь постоянные жители. Я владею тут недвижимой собственностью. Значит, санаторий содержится и на мои денежки. С меня дерут чудовищные налоги...

Эдмунд (*с горькой иронией*). Еще бы, ведь твою собственность оценивают в четверть миллиона долларов.

Тайрон. Выдумки! Она заложена и перезаложена!

Эдмунд. Харди и тот, другой, врач отлично знают, какое у тебя состояние. Интересно, что они подумали, когда ты плакался им на бедность, уверял, что кончишь в богадельне, и тем самым давал понять, что хотел бы сплавить меня в больницу для нищих.

Тайрон. Неправда! Я только сказал им, что мне не по карману санаторий для миллионеров, потому что меня разоряют проценты по закладным. И это истинная правда!

Эдмунд. А затем отправился в клуб на свидание с Макгиром и опять позволил ему облапошить себя — всучить тебе еще один никому не нужный пустырь! *(Перебивая отца, который пытается возразить ему.)* Брось, не отпирайся! Мы ведь видели Макгира в баре гостиницы после вашей встречи. Джейми отпустил какую-то шутку насчет того, как ловко Макгир поддел тебя на удочку, и этот плут подмигнул и рассмеялся.

Тайрон *(хочет солгать)*. Значит, он последний врун, если сказал, что...

Эдмунд. Брось выкручиваться! *(С нарастающим гневом.)* Черт возьми, с тех пор как я стал моряком, начал своим горбом добывать хлеб и на собственной шкуре узнал, что такое надрываться за гроши, сидеть без денег, голодать, ночевать на скамейках в парке; когда некуда больше податься, я, папа, все время пытался быть справедливым к тебе, всегда делал скидку на то, как солоно тебе пришлось в молодости. Господи, да если в нашей милой семейке никому не делать скидок, в два счета с ума сойдешь! Я оправдывал тебя тем, что и сам-то я вытворял такое, после чего не могу рассчитывать на твою доброту. Наконец я, как мама, уверял себя, что ты просто не можешь быть другим, когда дело касается денег. Но, ей-богу, сегодня ты такое выкинул, чему нет оправдания! Меня прямо тошнит, до чего это гадко! И не в том тут дело, что ты со мной поступил по-свински. Это бы еще ладно: я ведь тоже поступал с тобой по-свински. Но вот что уму непостижимо: случилась беда, у твоего сына чахотка, а ты и тут не постеснялся выставить себя в глазах всего города гнусным сквалыгой! Ты же знаешь, что Харди растрезвонит об этом и все будут на тебя пальцем показывать. Бог ты мой, да неужели у тебя, папа, нет ни гордости, ни стыда, ни совести? *(Вне себя от гнева.)* Только вот что, этот номер у тебя не пройдет! Не поеду я ни в какую казенную больницу. Ради чего? Чтобы ты сэкономил на мне несколько паршивых долларов и купил еще один участок бросовой земли? Гнусный старый скряга... *(Последние слова произносит дрожащим, напря-*

*женным голосом, задыхаясь от гнева; затем его начина-
ет бить кашель.)*

Тайрон (*ошеломленный этой тирадой, съежился в кресле; чувство вины и раскаяния побеждает в нем гнев; запинаясь*). Будет тебе, будет, успокойся. Не говори мне таких вещей. Это ты спяну. Я не сержусь. Ну, перестань же кашлять, малыш. Напрасно ты так расстраиваешься. Разве кто-нибудь сказал, что ты обязательно должен ехать в этот Хиллтаунский санаторий? Да поезжай, в какой захочешь. Плевать на то, сколько это будет стоить. Мне только одно важно: чтобы ты выздоровел. Не называй меня гнусным скрягой из-за того только, что я не хочу, чтобы врачи принимали меня за миллионера, с которого можно содрать любые деньги.

Эдмунд справился с приступом кашля. Он изглядит больным и ослабевшим.

(С тревогой вглядывается ему в лицо.) Да ты совсем слаб, сынок. Выпей-ка, подкрепись.

Эдмунд (*берет бутылку и наливает себе полный стакан; слабым голосом*). Благодарю. (*Залпом выпивает все до дна.*)

Тайрон (*наливает себе большую порцию, до конца опорожнив бутылку, и пьет. Голова его опускается на грудь, и он тупо смотрит на разложенные по столу карты, рассеянно*). Чей ход? (*Продолжает с сокрушенным видом, несколько не возмущаясь*.) Гнусный старый скряга... Ну что ж, может, ты и прав. Может, я и впрямь не могу уже не быть скрягой. Хотя, с другой стороны, с тех пор как у меня стали водиться деньги, я всю жизнь щедро угощал собутыльников в барах да раздавал займы всяким прихлебателям—конечно, без отдачи... (*Пьяно улыбаясь; насмешливо, с презрением к самому себе*.) Правда, деньгами я швырял только в барах, с пьяных глаз. А вот трезвый, дома, я был совсем другим. Здесь, в своем доме, я начал беречь каждый доллар и стал бояться необеспеченной старости в богадельне. Это и отняло у меня веру в мою счастливую звезду. С тех пор я все время живу в страхе, что моему везенью придет конец и у меня отнимут все, что я имею. И чем больше я скупаю земли, тем все-таки надежней мне кажется мое положение. Пусть это неразумно, но именно так я чувствую. Невольно думаешь: банк лопнет, и плакали денежки, а твердую землю под ногами сохранить легче. (*Внезапно переходит на презрительно-высокомерный тон.*) Вот ты говорил, будто знаешь, как солоно мне досталось в детстве. Черта с два! Откуда тебе знать? У тебя же было все: няньки, школы, колледж, в котором ты не пожелал

остаться. Ты всегда был сыт, обут и одет. Не спорю, тебе тоже бывало не сладко: ты и работал до седьмого пота, и хлебнул лиха на чужбине без крыши над головой да без гроша в кармане. За это я тебя уважаю. Но ведь для тебя это было романтикой, игрой, приключением. Забавой, одним словом.

Эдмунд *(с мрачным сарказмом)*. О да, особенно когда я пытался покончить с собой — не знаю уж, как жив остался.

Тайрон. Это затмение на тебя нашло. Чтобы мой сын когда-нибудь... Ты пьян был.

Эдмунд. Я был как стеклышко. Как раз это и испортило дело. Я слишком долго раздумывал, вместо того чтобы кончить сразу.

Тайрон *(с пьяной ворчливостью)*. Черт бы побрал этот твой мрачный атеизм! Не желаю слушать. Я вот что хотел объяснить тебе... *(Пренебрежительно.)* Да разве ты знаешь настоящую цену доллару? Мне всего десять было, когда отец бросил мать и вернулся в Ирландию — умирать. А вскоре и впрямь на тот свет убрался и, надеюсь, жарится в аду. Он по ошибке съел крысиный яд — принял его не то за муку, не то за сахар, не то еще за что-то. Поговаривали, будто и не по ошибке, но это вранье. Никто в моем роду никогда...

Эдмунд. Уверен, что не по ошибке!

Тайрон. Все-то ты в мрачном свете видишь. Это братец тебя так настроил. Он всегда подозревает самое худшее, и ничем его не переубедишь. Ну да бог с ним — не о нем речь. И вот, значит, моя мать, брошенная на произвол судьбы, осталась в чужой стране с маленькими ребятишками на руках: я, да сестренка постарше меня, да еще две совсем маленькие. Два старших брата, правда, жили отдельно. Помочь нам они ничем не могли, тоже бедствовали и голодали. В нашей-то бедности не было ничего романтического. Дважды нас выселяли из лачуги, которую мы называли домом. Когда нашу колченогую мебель выбрасывали на улицу, мать и сестры навзрыд плакали. Я тоже плакал, но изо всех сил старался удержать слезы: ведь я был кормилец, глава семьи. Это в мои-то десять лет! О школе нечего было и думать. Я по двенадцать часов в день нарезал напильники в механической мастерской. Вот куда я поступил учеником. Это был суший хлев: в дождь с потолка капало, летом — адово пекло, а зимой пальцы сводило от стужи — печки там, конечно, не было. Свет проникал сквозь два мутных оконца, так что в пасмурные дни мне приходилось к самому верстаку наклоняться, чтобы что-нибудь видеть. Сравнишь с твоей такую работу? И сколько, ты думаешь,

я получал? Полдоллара в неделю! Несчастливая моя мать за поденную плату гнула спину в домах янки: стирала, мыла полы, убиралась; старшая сестра шила, младшие хозяйничали по дому. Ходили мы бог знает в чем, питались вироголодь. Никогда не забуду один случай. На праздник, кажется на рождество, какой-то янки, у которого мать убиралась, дал ей целый доллар сверх обычной платы. По дороге домой она на весь этот доллар еды накупила. Как сейчас помню: мать целует нас, обнимает и твердит: «Слава создателю, хоть раз в жизни сыты будем!» А по усталому ее лицу текут слезы радости. *(Вытирает повернувшись на глаза слезы.)* Удивительная она была женщина: благородная, мужественная и очень добрая.

Эдмунд *(растроганно)*. Такой я ее и представляю.

Тайрон. Только одного она боялась в жизни: что в старости силы оставят ее и придется ей кончать век в богадельне. *(Помолчав, добавляет с мрачным смехом.)* Вот еще когда я стал скрягой-то. Ведь доллар тогда большие деньги был. Беречь доллары меня жизнь научила, а ее уроки крепко запоминаются—попробуй перечнись. Надо изворачиваться, искать свою выгоду, удачный случай. И если этот казенный санаторий оказался мне удачной идеей, ты уж меня прости. Ведь врачи и впрямь заверили меня, что это хорошее место. Правда же, Эдмунд. Я и не собирался посылать тебя туда против твоего желания, клянусь тебе. *(Горячо.)* Ты можешь выбрать себе любой санаторий, какой только захочешь! Чего бы это ни стоило! Любого санаторий, который будет мне по карману. Любого на твой вкус—в пределах разумного.

Услышав эту оговорку, Эдмунд крииво усмехается. Гнев его остыл.

(Продолжает нарочито небрежным тоном, так, словно это только что пришло ему в голову.) Кстати, тот второй врач рекомендовал еще один санаторий. Сказал, что у него репутация одного из лучших в стране. Содержится он на средства нескольких миллионеров-фабрикантов—в основном для рабочих их предприятий, но тебя приняли бы как постоянного жителя штата. Денег на этот санаторий жертвуют уйму, и плата там поэтому недорогая. Каких-то семь долларов в неделю, а лечение и условия такие, что в другом месте и за семьдесят не получишь. *(Поспешно.)* Пойми меня, я не хочу тебе ничего навязывать. Я только повторяю то, что мне самому сказали.

Эдмунд *(пряча улыбку, небрежно)*. О, я понимаю. Что ж, меня это устраивает. Поеду туда. Так что считай дело решенным. *(Выражение его лица внезапно меняется;*

теперь он опять выглядит несчастным и отчаявшимся; мрачно.) Все равно теперь ничего не изменишь. И конечно, точка! (Меняя тему разговора.) Что-то игра у нас не клеится. Чей ход? Мой?

Тайрон (машинально). Не знаю. Мой, кажется. Нет, твой.

Эдмунд кладет карту.

(Берет ее. Затем, совсем уже было собравшись сделать ответный ход, вновь забывает об игре.) Да, жизнь, кажется, перестаралась и слишком уж крепко вбила в меня свой урок: цени доллары. Со временем я за это заплатился: загубил свой актерский талант. (Грустно.) Тебе первому я признаюсь в этом, сынок. Ужасно у меня сегодня на душе муторно—тут уж не до ложной гордости, не до притворства. Эта проклятая пьеса—я приобрел ее за бесценок и имел в ней колоссальный успех—принесла мне большие деньги и кончила меня как актера. Я погнался за легкой наживой, только в ней одной и играл—ничего другого не признавал. А когда сообразил, что она, проклятая, поработила меня, и попытался сыграть в других вещах, было уже поздно. Публика привыкла считать меня исполнителем единственной коронной роли и не пожелала смотреть в других пьесах. Что ж, она была права. Ведь все эти годы я играл одно и то же, не разучивал новых ролей, не работал в полную силу и не развил свой большой талант. Тридцать пять—сорок тысяч чистого дохода за сезон! Против такого искушения я не устоял. А ведь до того как я связался с этой проклятой вещицей, меня считали одним из трех-четырех наиболее многообещающих молодых актеров в Америке. Трудился я как одержимый. Из любви к театру бросил хорошую работу механика и поступил на сцену простым статистом. Снял и видел себя знаменитым актером. Кажется, не было такой пьесы, которой бы я не прочел. Шекспира знал наизубок, как другие знают Библию. А как упорно занимался я своим образованием! Даже от жуткого ирландского акцента мне удалось избавиться. Шекспир был моим кумиром. Я согласился бы играть даром в любой его пьесе—ради радости приобщиться к великой поэзии. И мне хорошо удавались шекспировские роли. Я играл их с подъемом, с вдохновением. Продолжай я в том же духе, из меня получился бы великий шекспировский актер. Это я тебе точно говорю! В тысяча восемьсот семьдесят четвертом году в Чикагском театре, где я был тогда премьером, выступал Эдвин Бут, и мы с ним чередовали роли: один вечер я играл Кассия, а он—Брута, в следующий раз Брутом был я, а он—Кассием;

потом я играл Отелло, он—Яго, и наоборот. Когда Бут впервые увидел меня в роли Отелло, он сказал нашему агитпренеру: «Я в жизни не играл Отелло так хорошо, как этот молодой человек». (*Гордо.*) Вот что сказал сам Бут, величайший актер своего времени, да и всех времен! И это была чистая правда! А мне всего-то тогда было двадцать семь лет! Оглядываясь назад, я теперь понимаю, что это был самый замечательный вечер в моей актерской карьере. Я был хозяином своей судьбы, распоряжался жизнью как хотел! Некоторое время после этого я по-прежнему шел в гору и был полон честолюбивых помыслов. Женился на твоей матери. Вот спроси у нее, каким я был в те дни. Ее любовь только разжигала во мне стремление играть еще лучше. Но прошло несколько лет, и мне посчастливилось—вернее, не посчастливилось—купить эту доходную пьесу, настоящее золотое дно. Поначалу-то меня совсем другое в ней привлекло. Очень мне понравилась великолепная романтическая роль, которую, я знал, никто не сыграет лучше меня. С первых же представлений пьеса пошла с громадным успехом: тридцать пять—сорок тысяч чистого сбора за сезон! Целое состояние по тем временам, да и сейчас—тоже. Вот тут-то жизнь и распорядилась по-своему. (*С горечью.*) Интересно, что же это я собирался купить, что бы стоило того?.. Ладно, не имеет значения. Что теперь толку локти кусать. (*Рассеянно глядит на карты.*) Вроде бы мой ход.

Эдмунд (*тронутый этим признанием, сочувственно смотрит на отца; задумчиво*). Я рад, папа, что ты мне это рассказал. Теперь я гораздо лучше понимаю тебя.

Тайрон (*с кривой улыбкой*). Может быть, и не стоило рассказывать тебе. Может быть, теперь ты станешь еще больше презирать меня. И таким способом я не научу тебя ценить доллар. (*Как видно, эта фраза вызывает у него в уме привычную ассоциацию: он с неодобрением смотрит вверх на люстру.*) От этого света у меня глаза разболелись. Ты не возражаешь, если я выключу верхние лампочки? Нам с тобой и без них светло, а электрическую компанию незачем обогащать.

Эдмунд (*подавив сильное желание рассмеяться; предупредительно*). Конечно, не возражаю. Выключай.

Тайрон (*тяжело поднимается с кресла и, не совсем твердо держась на ногах, тянется к выключателю; мысли его возвращаются к прерванному разговору*). Убей меня бог, не знаю, что же такое я собирался купить, какого рожна мне было нужно. (*Выключает первую лампочку.*) Честью клянусь тебе, Эдмунд, я бы с радостью согласился не иметь ни одного клочка земли, ни одного цента в банке (*выключает вторую лампочку*),

лишиться собственного дома на старости лет и угодить в бога зательно — лишь бы, оглядываясь теперь назад, я имел право сказать, что из меня получился тот замечательный актер, каким я мог стать. *(Выключает третью лампочку, отсюда гореть только настольную лампу; тяжело опускается в кресло.)*

Эдмунд не в силах больше сдерживаться, внезапно раздражается сдавленным ироническим смехом.

(Обиженно.) Над чем это ты, интересно, смеешься?

Эдмунд. Не над тобой, папа. Над жизнью. Бред какой-то!

Тайрон *(ворчливо)*. Нет, это философия у тебя бредовая. А жизнь-то здесь ни при чем. *(Декламирует.)* «Не звезды, милый Брут, а сами мы виновны в том, что сделали рабами»¹. *(Помолчав, продолжает грустным тоном.)* Да, так вот про то, как Эдвин Бут похвалил моего Отелло. Я попросил антрепренера слово в слово написать для меня похвалу Бута. Долгие годы я хранил этот листок в бумажнике. Время от времени доставал его и перечитывал, но потом до того дело дошло, как увижу эту бумажку — словно пожом по сердцу полоснет. Тогда я перестал носить ее с собой. Интересно, где этот отзыв сейчас? Где-нибудь здесь, дома. Помнится, я куда-то его убрал, в какое-то надежное место...

Эдмунд *(с грустной издевкой)*. Должно быть, в сундук со старым хламом на чердаке, вместе с маминым подвенечным платьем. *(Встретив пристальный взгляд отца, быстро добавляет.)* Черт возьми, раз уж сели и карты играть — давай играть! *(Берет карту, с которой пошел отец, и ходит со своей руки.)*

Они продолжают машинально бросать карты, словно игральные автоматы.

Тайрон *(прерывает игру, прислушиваясь к доносящимся сверху звукам)*. Никак не угомонится. Бог знает когда она теперь ляжет.

Эдмунд *(напряженным, умоляющим голосом)*. Ради всего святого, папа, не напоминай. *(Берет бутылку и наливает себе.)*

Тайрон порывается было остановить его, но потом безнадежно машет рукой.

(Осушает стакан и ставит его на стол. Выражение лица смягчается. Похоже, нарочно хочет захмелеть и

¹ Реплика Кассия из пьесы Шекспира «Юлий Цезарь», акт 1, сцена 2. Перевод М. Зенкевича.

спрятать свою боль за сентиментальными излияниями.) Бродит там над нами, а на самом деле далеко-далеко от нас; словно призрак в погоне за прошлым, а мы сидим и делаем вид, будто забыли о ней, но на самом деле чутко ловим каждый долетающий сюда звук, слышим, как падают с крыши капельки осевшего тумана: кап-кап-кап, словно это тикают какие-то свихнувшиеся часы, у которых вот-вот кончится завод. Или как будто это тоскливые слезы проститутки каплют в лужицу пива на столике в ночном притоне! *(Пьяно смеется, довольный этим сравнением.)* Правда, неплохо сказано? Особенно про слезы. Это не из Бодлера. Ей-богу, сам сочинил! *(Продолжает с хмельной разговорчивостью.)* Вот ты только что рассказал мне о лучших моментах твоей жизни. Хочешь, я расскажу о моих? Все мои лучшие воспоминания связаны с морем. Вот одно из них. Я на борту скандинавской шхуны, которая под всеми парусами идет в Буэнос-Айрес. Луна, дует пассат. Старая калоша делает четырнадцать узлов. Я лежу на бушприте лицом к корме. Подо мной, разбиваясь в брызги, кипит и пенится вода. Прямо перед глазами вздымаются к небу мачты. Туго натянутые паруса залиты белым лунным светом. Красота и поющий ритм опьянили меня, и на какой-то миг я почувствовал, что меня нет, что брэнная жизнь покинула меня. И вот оно состояние полной свободы! Я растворился в море, стал белыми парусами и летящими брызгами, красотой и ритмом, лунным светом, кораблем и высоким звездным небом! Не было ни прошлого, ни будущего — лишь ощущение покоя, гармонии и неистовой радости бытия. Я слился воедино с чем-то неизмеримо большим, чем моя собственная жизнь или даже жизнь человечества, — с самой Жизнью! Или с самим богом — если хочешь, можно и так сказать. В другой раз я испытал такое же чувство на американском пассажирском пароходе. Светает. Я — впередсмотрящий в «вороньем гнезде» на мачте. Море спокойное — лишь набегают ленивые волны и мерно покачивают корабль. Пассажиры спят; из экипажа никого не видно. Тихо так — ни звука. Из труб чуть позади — там внизу — валит черный дым. Я то дремлю, то люблюсь, как многоцветным видением занимается заря, раскрашивая задремавшие небо и море. Здесь, в вышине, вдали от людей, я чувствую себя так, будто я один во всем мире. И вот наступает упительный момент полнейшей свободы. Меня охватывает ощущение блаженного покоя, точно кончились все скитания и достигнута последняя гавань; душу переполняет радостное чувство причастности к чему-то высшему, обычно недоступному людям с их низкими, жалкими, алчными надеждами, мечтами и стра-

лами. И еще было в моей жизни несколько случаев, когда, купаясь в море далеко от берега или лежа в полном одиночестве на отмели, я испытывал такое же чувство. Я вдруг становился солнцем, раскаленным песком, прикрепившимися к скале зелеными водорослями, которые тихо-тихо колеблет прибой. Это все равно что видение святого, который сподобился познать неземное блаженство. Как будто какая-то незримая рука снимает с твоих глаз пелену, и ты видишь самую сущность вещей, а не их привычную внешнюю оболочку. На какой-то миг постигаешь сокровенные тайны бытия и сам приобщаешься к ним. На какой-то миг тебе открывается смысл жизни! А затем та же рука опять опускает тебе на глаза пелену, и вновь ты чувствуешь себя одиноким скитальцем, который на ощупь бредет в тумане, сам не зная куда и зачем. *(Криво усмехается.)* Какой ошибкой было для меня родиться человеком. Быть бы мне чайкой или рыбой. Теперь же я обречен жить чужаком среди людей, никогда и нигде не чувствовать себя своим среди своих; ни в ком по-настоящему не нуждаться и никому не быть по-настоящему нужным. В общем, быть изгоем, который поневоле должен полюбить смерть.

Тайрон *(ошеломленно глядя на него)*. Да, у тебя несомненно все задатки поэта. *(Встревоженным, протестующим тоном.)* Вот только насчет того, что ты, мол, никому не нужен и должен полюбить смерть,— это больной, упадочнический бред.

Эдмунд *(сардонически)*. Какие уж там задатки! Нет, боюсь, просто привычка, как у бедолаги, что все время клянчит сигаретку. Да разве я сумел хоть сколько-нибудь внятно выразить то, о чем пытался сейчас рассказать тебе? Так, что-то лепетал по привычке. А на большее я никогда не буду способен. Если вообще ноги не протяну. Ну что ж, пусть будет хоть такой правдивый реализм. Что поделаешь, раз природа наделила нас — людей, блуждающих в тумане,— таким косноязычным красноречием.

Пауза. Снаружи доносится какой-то шум, будто кто-то споткнулся и упал на ступеньках крыльца. Оба испуганно вздрагивают.

(Ухмыляется.) А вот, похоже, и братец. Здорово, видно, надрался.

Тайрон *(сердито ворчит)*. Успел-таки бездельник на последний трамвай. *(Встает.)* Уложи его спать, Эдмунд, я покуда побуду на веранде. У него, у пьяного, язык как у гадюки жало. Он меня из себя выведет. *(Удаляется на боковую веранду.)*

В ту же минуту с шумом захлопывается за Джейми входная дверь, а затем Эдмунд с улыбкой наблюдает, как брат нетвердой походкой бредет через гостиную.

На пороге появляется Джейми. Он мертвецки пьян и еле держится на ногах. Глаза осоловелые, лицо отекло, язык заплетается, рот обмяк в кривой ухмылке.

Джейми (*остановившись в дверях, шатается и хлопает глазами; громким голосом*). Ау! Аууу!

Эдмунд (*резко*). Тише, ты! Чего раскричался?!

Джейми (*смотрит на него прищурившись*). А, привет, малыш. (*Очень серьезно*.) Я пьян как сапожник.

Эдмунд (*сухо*). Спасибо, что доверил мне такой секрет.

Джейми (*глухо усмехаясь*). Ше... секрет полишинеля, да? (*Наклонившись, отряхивает брюки на коленях*.) Попал в стр... шенную катастрофу. Ступеньки крыльца пытались пройти по мне. Устроили на меня в тумане засаду. Надо бы маяк у дома поставить. Здесь тоже хоть глаз выколи. (*Хмурясь*.) Куда я попал — в морг? Прольем-ка свет на этот вопрос. (*Направляется к столу, качаясь и декламируя на ходу Киплинга*.)

Вброд, вброд, вброд шагай смелее,
Вброд через реку Кабул в темноте!
Пусть по горло вода, знай шагай, не беда,
Через бурную реку Кабул в темноте.

(*Непослушной рукой тянется к люстре и с грехом пополам включает все три лампочки*.) Вот теперь другое дело. К черту скрягу Гаспара. Кстати, где он, старый сквалыга?

Эдмунд. На веранду вышел.

Джейми. Пусть не надеется, что мы станем жить во тьме, как узники подземелий Калькутты! (*Тут его взгляд останавливается на полной бутылке виски*.) Что я вижу?! Неужто у меня галлюцинация? (*Неловким движением протягивает руку и хватает бутылку*.) Клянусь богом, настоящая! Что это случилось со стариком? Вот, наверное, упился, раз такое сокровище без присмотра оставил. Что ж, лови момент — вот секрет моего успеха. (*Расплескивая виски, наливает в стакан большую порцию*.)

Эдмунд. Ты уже вдрызг пьян. Смотри, совсем тебя развезет.

Джейми. Устами младенцев глаголет истина! Не учи меня, малыш, у тебя еще молоко на губах не обсохло. (*Опускается в кресло, бережно держа в вытянутой руке стакан*.)

Эдмунд. Ну валяй, если уж так хочешь напиться до бесчувствия.

Джейми. Никак не получается, в этом-то вся беда. Нью, а не хмелею. Поистине бездонная бочка. Может, с того стакана дойду. *(Выпивает.)*

Эдмунд. Подвинь-ка сюда бутылку. Я тоже хлебну.

Джейми *(беря бутылку, тоном заботливого старшего брата)*. Ни-ни! Тебе нельзя. Покуда я рядом, ты капли в рот не возьмешь! Помни, что тебе врач сказал. Может, всем остальным и наплевать, если ты умрешь, а мне — нет. Мой маленький братик! Я тебя ужасно люблю, малыш. Все прочие чувства умерли. Один ты у меня остался. *(Еще ближе пододвигая к себе бутылку.)* Так что виски ты не получишь — уж об этом-то я позабочусь. *(В его пьяной сентиментальности сквозит искреннее чувство.)*

Эдмунд *(раздраженно)*. А, брось болтать!

Джейми *(с помрачневшим от обиды лицом)*. Не веришь, что я тебя люблю? Думаешь, я просто так, спьяну? *(Отодвигает от себя бутылку.)* Раз так, на — отправляй себя на тот свет.

Эдмунд *(видя, что брат обижен; тепло)*. Ну, что ты, Джейми, конечно, я знаю, что ты это любя, от чистого сердца. А пить я бросаю. Но сегодня — не в счет. Слишком много всего на меня сегодня свалилось. *(Наливает себе.)* Твое здоровье. *(Выпивает.)*

Джейми *(на какой-то момент протрезвев, с жалостью смотрит на брата)*. И не говори, малыш. Скверный для тебя денек. *(Язвительно и цинично.)* Держу пари, скряга Гаспар и не подумал удерживать тебя от спиртного. Глядишь, еще даст тебе с собой ящик виски, отправляя в казенную лечебницу для бедняков. Чем скорее ты загниешь, тем меньше расходов. *(С ненавистью и презрением.)* Вот скотина наш папаша! Если такого в книге описать, никто не поверит.

Эдмунд *(примирительно)*. Полно тебе, не такой уж папа злодей — надо лишь попытаться понять его и... сохранять чувство юмора.

Джейми *(цинично)*. Он, ясное дело, пролил слезу и разжалобил тебя, да? Старые штучки! Тебя ему ничего не стоит одурачить. Но меня он слезами не проймет. Меня он больше никогда не разжалобит. *(Другим тоном.)* Правда, в одном отношении мне все-таки жаль его. Но и тут поделом ему! *(Берет бутылку и наливает себе еще; теперь у него снова мертвецки пьяный вид.)* Ударило мне в голову после того стаканчика. А этот, глядишь, совсем с ног свалит. Ну как, говорил ты Гаспару, что я выведал у Харди всю правду насчет санатория? Что это благотворительная лавочка для нищих?

Эдмунд *(нехотя)*. Да. Сказал, что не поеду туда. Теперь это дело решенное. Он заверил, что я могу поехать куда захочу. *(Добаивает с беззлобной улыбкой.)* В пределах разумного, конечно.

Джейми *(дурачится, копируя отца)*. Ну конечно, сынок. Куда угодно—в пределах разумного. *(Язвительно.)* А это значит: поезжай в другую дешевую дыру. Ну вылитый Гаспар, старый скряга из «Колокольчиков». Этого жмота он без грима играть может.

Эдмунд *(раздраженно)*. Хватит, помолчи. Про Гаспара я уже тысячу раз слышал.

Джейми *(пожимая плечами; заплетающимся языком)*. Ладно, молчу. Раз тебя это устраивает, то бог с ним, пусть радуется, что сошло ему с рук. Дело твое, поступай как знаешь.

Эдмунд *(меняя тему разговора)*. Где вечер провел? В заведении Мейми Бернс?

Джейми *(его развезло, он клюет носом)*. Само собой. Где бы еще нашел я подходящее дамское общество? И любовь. Не забудь про любовь. Что такое мужчина без теплой женской любви? Проклятый богом пустой сосуд.

Эдмунд *(поддавшись опьянению; непринужденно, с веселым смехом)*. Зато ты, ничего не скажешь,—полон до краев.

Джейми *(с жаром декламирует отрывок из «Дома блудницы» Оскара Уайльда)*

И милой я сказал своей:
«С тенями пляшет рой теней,
Прах мертвый мертвый прах влечет».
Но скрипки звук ее увлек,
Я милой удержать не мог,—
Она вошла в дом черный тот.
И вдруг фальшивым стал мотив;
Танцоры, танец прекратив...¹

(Прерывая чтение, заплетающимся языком.) Не совсем верно. Если со мной и была моя любовь, то я ее что-то не заметил. Наверно, это был призрак. *(Шумочав.)* Угадайка, какую из красоток Мейми Бернс я выбрал, чтобы она осчастливила меня своей женской любовью? Ты со смеху помрешь. Толстуху Вайолет!

Эдмунд *(пьяно смеется)*. Нет, честно? Вот так выбор! Да в ней же целая тонна. А зачем—шутки ради?

¹ Перевод С. Гутчера.

Джейми. Какие там шутки! Вполне серьезно. Понимаешь, когда я добрался до заведения Мейми Бернс, у меня уже сердце разрывалось от жалости к себе и ко всем несчастным забулдыгам на белом свете. Я вполне созрел, чтобы поплакать на груди у какой-нибудь старушки. Ты же знаешь, как это бывает, когда маэстро Джон Ячменное Зерно заводит внутри тебя нежную грустную музыку. А тут еще, едва я переступил порог, Мейми принялась рассказывать мне про свои несчастья. Плакалась на вистой в делах, из-за которого придется теперь расчитать толстуху Вайолет. Бедняжка Вай не зажигает клиентов. Она держала Вай только потому, что та умеет бренчать на пианино. Но последнее время Вай глушит виски и совсем не может играть—только объедает и разоряет ее. И хотя Вай добрая душа, и ей ужасно жаль ее, и она просто не представляет, как эта дуреха будет кормить себя, бизнес, как ни крути, есть бизнес, и она не может позволить себе содрожать приют для разжиревших проституток. Тут мне стало ужасно жалко толстуху Вайолет, и я заплатил пару долларов из тех, что ты мне дал, за удовольствие подняться с ней наверх. Безо всяких там бесчестных намерений. Я люблю, когда они полненькие, но не до такой же степени. Мне хотелось поговорить с ней по душам о беспредельной скорби нашей жизни—только и всего.

Эдмунд (*пьяно хохочет*). Бедная Вай! Пари держу, ты читал ей Киплинга, Суинберна, Доусона и выдал свое коронное: «Я верен был тебе. По-своему, Кинира!»

Джейми (*широко ухмыляясь*). Еще бы, ведь старый маэстро Джон Ячменное Зерно все время тихонько наигрывал что-то нежное и грустное. Сначала она терпела, но потом страшно разбушевалась. Забрала себе в голову, что я пошел с ней наверх ради смеху. Изругала меня на чем свет стоит. Сказала, что пьяный забулдыга со всеми его стишками мизинца ее не стоит. А потом разревелась в три ручья. Ну, что тут делать? Пришлось сказать ей, что я люблю ее за ее пышный стан. Она потребовала доказательств, и я был вынужден подтвердить слова делом. Это ее несколько утешило, она поцеловала меня на прощанье и сказала, что безумно влюбилась в меня, потом мы оба еще немного поплакали в прихожей, и все было как нельзя лучше—вот только Мейми Бернс решила, что я совсем рехнулся.

Эдмунд (*насмешливо декламирует*).

Ведь можете дарить лишь вы, исчадья дна,
Тот чувственный восторг, что чужд
непосвященным.

Джейми *(пьяно кивает)*. Вот именно! К тому же чертовски весело провел время. Жаль, тебя, малыш, со мной не было. Мейми Бернс спрашивала про тебя. Огорчилась, когда узнала, что ты болен. Между прочим, вполне искренне. *(Помолчав, продолжает со слезой в голосе, в фальшивой актерской манере.)* Нынешний вечер открыл передо мной богатейшие перспективы. Я еще, братец ты мой, головокружительную карьеру сделаю. К черту актерское ремесло! Пусть лицедействуют дрессированные тюлени: они в совершенстве владеют этим ремеслом. А я достигну вершины успеха другим путем: применю по назначению мои природные таланты и стану любовником самой толстой женщины в мире, которую показывают в цирке Барнума и Бейли.

Эдмунд смеется.

(Внезапно переходит на высокомерный, заносчивый тон.) Тьфу! Опустился до жирной девки в борделе захолустного городишки! Это я-то, покорявший сердца первых красавиц Бродвея! *(Декламирует Киплинга.)*

По правде сказать, я изведал их все—
Счастья пути, что по жизни ведут.

Эдмунд смеется.

(С пьяной грустью.) Не очень-то метко сказано. Счастья пути—это брехня, красивые слова. Правильнее было бы—несчастья пути. Все они никуда не ведут. По какому ни иди, кончишь неудачником. Вот и я неудачником стал. Рано или поздно все тем же кончают, пусть даже большинство простофиль никогда в этом не признаются.

Эдмунд *(насмешливо)*. Распустил нюни. Того и гляди, зарыдаешь.

Джейми *(вздрагивает и бросает на брата злой, враждебный взгляд; заплетаются языком)*. Смотри, полегче! *(Резко меняя тон.)* В общем-то ты прав. К черту нытье! Толстуха Вайолет—бабенка что надо. Я рад, что остался с нею. Акт христианского милосердия. Избавил человека от хандры. Шикарно провел время. Ей-богу, зря ты не пошел со мной. Рассеялся бы немного. Что толку возвращаться домой и расстраиваться из-за того, чего все равно не поправишь. Теперь кончено... Крышка... Никакой надежды. *(Замолкая, пьяно клюет носом; глаза у него слипаются; вдруг вскидывает голову и с выражением жестокости на лице, глумясь, декламирует.)*

Если вздернут меня, обрекут на позор.

О мама, любимая мать!

Так же будет любовью наполнен твой взор...

Эдмунд *(вне себя)*. Заткнись!

Джейми *(злым, издевательским тоном; с ненавистью)*. Где же наша наркоманка? Утомонилась?

Эдмунд *(вздрагивает, как от удара)*.

Воцаряется напряженное молчание.

(Лицо его бледнеет и кривится как от боли. Охваченный бешеным гневом, вскакивает с кресла.) Мерзавец!
(Бьет Джейми кулаком по лицу—кулак скользит по скуле.)

Первая реакция Джейми—дать сдачи: он привстает с кресла, чтобы ринуться в бой. Но тут же, внезапно протрезвев и, похоже, с ужасом осознав грубый цинизм своих слов, пристыженно опускается в кресло.

Джейми *(с жалким видом)*. Спасибо, малыш. Напросил я все-таки. С пьяных глаз ляпнул... Ты же меня знаешь.

Эдмунд *(остыняя)*. Конечно, знаю: ты бы никогда не сказал такое, если бы... Но, честное слово, Джейми, как бы ты ни был пьян, это все равно не оправдание!
(Помолчав; жалким тоном.) Прости, что ударил тебя. У нас с тобой никогда до кулаков не доходило. *(Опускается в кресло.)*

Джейми *(хриплым голосом)*. Нет, ты это правильно сделал. Я не обижаюсь, даже рад. Проклятый язык. Так бы его и вырвал. *(Прячет лицо в ладонях, мрачно.)* Уж больно у меня на душе скверно, хуже не бывает. Все поэтому. Как жестоко я обманулся в маме! Я ведь и правда поверил, что она переборола себя. Она считает, что я верю только в самое худшее, но на этот раз я поверил в лучшее. *(В голосе у него слышится дрожь.)* Не могу ей простить—сейчас по крайней мере. Ведь так много это значило! Я и правда стал надеяться, что раз уж ей удалось побороть себя, то и для меня не все потеряно. *(Разражается рыданиями; весь ужас в том, что это не пьяные слезы—так рыдает трезвый человек.)*

Эдмунд *(моргает, сам чуть не плача)*. Боже, еще бы мне не знать, как скверно у тебя на душе. Не плачь, Джейми, не надо.

Джейми *(пытается сдержать рыдания)*. Я узнал про маму задолго до того, как сказал тебе. В жизни не забуду, как я впервые все понял: застал ее со шприцем в руке в тот самый момент, когда она кололась. Бог ты мой, мне тогда и в голову не приходило, что порядочные женщины... Я думал, наркоманки встречаются только среди проституток. *(Помолчав.)* А теперь еще и ты чахогку подхватил. Это меня совсем добило. Мы же с тобой всегда были ближе, чем просто братья. Ты у меня

единственный настоящий друг. Я тебя очень люблю, Эдмунд. Для тебя я на все готов!

Эдмунд (*утешая, ласково похлопывая брата по плечу*). Знаю, Джейми.

Джейми (*успокоившись, отнимает руки от лица, с жестокой горечью в голосе*). Мама и старый Гаспар столько вздору тебе наплели про то, будто я всегда уповаю на худшее, что ты — пари держу — подозреваешь сейчас, будто говорю я одно, а сам думаю: папа стар и долго не протянет, а если и ты умрешь, то нам с мамой достанется все его добро, и, наверно, надеюсь поэтому...

Эдмунд (*возмущенно*). Брось ты ерунду пороть! И как тебе в голову могла прийти такая глупость. (*Бросает на брата обвиняющий взгляд.*) Правда, как тебе в голову такое могло прийти?

Джейми (*смутившись; снова стало заметно, насколько он пьян*). Не строй из себя дурачка! Я же сказал — как. Вечно меня подозревают, что я жду самого худшего. Тут уж поневоле станет казаться... (*С пьяной обидчивостью.*) Да ты что — никак обвиняешь меня? Не правится мне этот твой тон! Яйца курицу учить вздумали? Я-то получше тебя в жизни разбираюсь, такое знаю, чего ты и не нюхал! Не воображай, что ты такой уж умник, начитался всякой мутьи. Ты же еще сосунок! Маленький сыночек и папсенькин любимчик! Светлая надежда семьи! Смотрю, ты бог весть кого стал корчить из себя в последнее время. А чем кичишься? Подумаешь, напечатал свои вирши в захолустной газетенке! Черт возьми, да я получше твоих стишата кропал для литжурнала в колледже! Очнись, спустись на землю! Ты пороха не выдумает! Провинциальные простачки льстят тебе, пророчат великое будущее, а ты и уши развесил.

Во время предыдущей тирады Эдмунд сидел, отвернувшись от брата и делая вид, что не слушает его.

(*Резко меняет тон на пристыженный и покаянный.*) Вот что, малыш, забудь ты всю эту чепуху. Ты же знаешь: я так не думаю. Я как никто горжусь твоими успехами. (*С пьяным самомнением.*) А почему бы мне и не гордиться? В конце концов, я же собой горжусь! Здесь прежде всего моя заслуга. Кто больше всех занимался твоим воспитанием? Я! Опять же я просвещал тебя насчет женщин, чтобы ты никогда не был их жертвой, никогда не делал глупостей и ошибок. А кто прихотил тебя читать стихи? Суинберна, например? Опять я! Только потому, что одно время я хотел стать писателем, у тебя засела в голове мысль, что когда-нибудь и ты будешь писать. Черт возьми, ты не просто мой брат! Я создал тебя. Ты — мое

поренне, я—твой Франкенштейн! (Кончает в тоне высокомерного пьяного бахвальства.)

Эдмунд (развеселившись, широко улыбается). Ладно, согласен, ты мой Франкенштейн. Давай-ка выпьем по этому случаю. (Смеется.) Черт знает что! Надо же такое придумать!

Джейми (заплетающимся языком). Я-то выпью, а тебе не дам. Я должен о тебе заботиться. (С дурашливой улыбкой, в которой сквозит самая преданная любовь к брату, кладет ладонь на его руку.) Не пугайся ты этого санатория. Вот увидишь, сразу пойдешь там на поправку. Через полгода будешь здоров как бык. Может, у тебя и чахотки-то никакой нет. Врачи ведь—жулье, проходимцы. Вот уже сколько лет назад запретили мне пить—не го, мол, я скоро загнусь. А я, как видишь, жив и здоров. Да они все как один вымогатели. Им бы только денежки из тебя вытянуть. Уверен, на этой казенной лечебнице нагревают руки политиканы: незаконные доходы, взятки и прочие махинации. Врачам выплачивают комиссионные за каждого несчастного больного, которого этим шарлатанам удается запихнуть туда.

Эдмунд (неволью смеется). Нет, ты неисправим! Ты и в день Страшного суда будешь говорить, что все продается-покупается.

Джейми. И буду прав. Сунешь монету Судии и спасешься. А пусто в кармане—катись в ад! (Широко улыбается, довольный своим богохульством.)

Эдмунд принужденно смеется.

(Продолжает.) Поэтому «набей потуже кошелек»¹. В этом вся мудрость жизни. (Насмешливо.) Секрет моего успеха! Видишь, чего я достиг? (Отпустив руку Эдмунда, наливает себе большую порцию и одним духом осушает стакан. Устремив на брата затуманенный любящий взгляд и вновь положив ладонь ему на руку, обращается к нему с убеждающей искренностью, хоть и еле ворочает языком.) Послушай, малыш, ты уезжаешь. Может, у меня не будет другого случая сказать тебе. Или я буду недостаточно пьян, чтобы сказать всю правду. Так что должен выложить все сейчас. Давным-давно должен был бы сказать тебе это—ради твоего же блага. (Смолкает, видно, что он борется с собой.)

Эдмунд, посерьезнев, с тревогой смотрит на него.

¹ Слова Яго из трагедии У. Шекспира «Отелло», акт I, сцена 3. Перевод Б. Пастернака.

(Решившись.) Не подумай, что я спяну это несу. Что у трезвого на уме, у пьяного на языке — сейчас как раз тот случай. Так что шутки в сторону — разговор серьезный. Хочу предостеречь тебя... Не доверяй мне. Мама и папа правы. Я ведь портил тебя. Хуже того, делал это нарочно.

Эдмунд *(обеспокоенно)*. Прекрати! Я и слушать не хочу...

Джейми. погоди, малыш! Лучше все-таки послушай! Делал я это нарочно, чтобы превратить тебя в пьяницу и бездельника. Или, вернее, не я, а какая-то часть меня, довольно большая. И давным-давно омертвевшая. Она ненавидит жизнь. Помнишь, я просвещал тебя, чтобы ты учился на моих ошибках? Порой я и сам верил, что учу тебя уму-разуму, но все это обман, неправда. Я всячески приукрашивал свои ошибки. Внушал, что наливаться — страсть как романтично. Проституток изображал женщинами-вампирами, а на самом деле это жалкие, больные и грязные дурехи. Высмеивал как простофиль тех, кто трудится. Не хотел, чтобы ты вышел в люди — ведь тогда по сравнению с тобой я бы выглядел еще большим ничтожеством. Старался и тебя сделать неудачником. Всю жизнь завидовал тебе, маменькиному сыночку, папенькиному любимчику! *(Смотрит на Эдмунда со все большей враждебностью.)* Это из-за тебя мама стала наркоманкой. Конечно, ты не виноват, что родился, но все равно, черт бы тебя побрал, я тебя просто не-на-ви-жу!

Эдмунд *(испуганно)*. Джейми! Замолчи! Ты с ума сошел!

Джейми. Только пойми меня правильно, малыш. Люблю-то я тебя сильнее, чем ненавижу. Видишь, я весь перед тобой открываюсь, всю правду выкладываю. Любя тебя, я иду на риск, что теперь ты возненавидишь меня... а ведь, кроме тебя, у меня никого на свете не осталось. И в маминной беде я не хотел тебя винить. Черт меня за язык дернул. Я другое хотел тебе сказать: я желаю тебе добиться самого большого успеха в жизни. Но будь со мной всегда начеку. Потому что я из кожи вон буду лезть, чтобы помешать тебе. Ничего не могу с собой поделаться. Сам себя ненавижу. Должен отыгаться на других. Особенно на тебе. У Оскара Уайльда сказано об этом в «Балладе Редингской тюрьмы», только не совсем так. Лучше бы сказать иначе: кто умер сам, тот должен и любимую убить¹. Мертвец во мне надеется, что ты не выздоровеешь. Пожалуй, он даже рад, что маме так и не удалось выкарабкаться. Ему нужна компания, он не хочет

¹ «Он ту убил, кого любил он, / И вот за то умрет...» — О. Уайльд. Баллада Редингской тюрьмы. Перевод В. Брюсова.

быть единственным покойником в доме. (*Разражается резким, вымученным смехом.*)

Эдмунд. Бог с тобой, Джейми! Ты и вправду спятил!

Джейми. Подумай как следует и поймешь, что все правда. Поразмысли-ка над тем, что я сказал, когда будешь жить вдальеке от меня, в санатории. Приучи себя к мысли, что на мне надо поставить крест, вычеркнуть из жизни, считать меня мертвым и говорить всем: «Был у меня брат, но он умер». А когда вернешься домой, держи ухо востро. Я, конечно, встречу тебя с распростертыми объятиями, буду клясться в вечной дружбе, но при первом же удобном случае всажу тебе нож в спину.

Эдмунд. Замолчи! Ни слова больше!

Джейми (*будто не слышал*). Но только не забывай меня. Помни, что это я предостерег тебя— ради твоего же блага. Отдай мне должное. Нет больше той любви, как если кто спасет своего брата от себя самого¹. (*Мертвецки пьяный, клюет носом.*) Вот и все. Облегчил себе душу. Иповедался. Получил отпущение грехов. Ведь ты прощаешь меня, малыш, а? Ты все понимаешь. Ты чертовски славный парень. Иначе и быть не может. Ведь это я создал тебя. Так что поезжай и выздоравливай. Не умирай, ладно? Ты же для меня— все в жизни. Храни тебя бог, малыш. (*Глаза у него слипаются; он невнятно бормочет.*) Этот последний стакан— чистый покаут. (*Погружается в пьяную дремоту, но глубоко не засыпает.*)

Эдмунд роняет голову на руки. В дверь, ведущую с веранды, бесшумно входит Тайрон. Его халат стал влажным от тумана, воротник поднят. Лицо Тайрона выражает суровость, отвращение и в то же время жалость. Эдмунд не замечает его прихода.

Тайрон (*вполголоса*). Слава богу, заснул.

Эдмунд, вздрогнув, поднимает глаза.

Я уж думал, он никогда не кончит разглагольствовать. (*Опускает воротник халата.*) Не стоит, пожалуй, его укладывать— пусть здесь отсыпается.

Эдмунд по-прежнему молчит.

(*Смотрит на него.*) Я слышал, что он говорил, перед тем как заснуть. Вот видишь, об этом я тебя и предупреждал. Надеюсь, теперь-то ты поостережешься, раз уж он сам в этом признается.

Эдмунд никак не реагирует— как будто и не слышит слов отца.

¹ Пересфразировка библейского изречения: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».— Евангелие от Иоанна, гл. XV, с. 13.

(Полный жалости к нему.) Только не принимай ты все это слишком близко к сердцу. Он, когда напьется, вечно чернит себя, выпячивает свои худшие черты. А на самом деле он всем сердцем предан тебе. Это единственное хорошее качество, которое еще осталось у него. *(Бросает на Джейми взгляд, исполненный грусти и горечи.)* Нечего сказать, отрадное для отца зрелище! И это мой первенец! Я-то мечтал, что он будет с честью и достоинством носить мое имя: такие ведь большие надежды подавал!

Эдмунд *(с несчастным видом)*. Слушай, папа, помолчал бы ты.

Тайрон *(наливает себе)*. Все пошло прахом. Неудачник, пьяница, конченный человек. *(Выпивает налитое виски.)*

Джейми, сквозь дремоту почувствовав присутствие отца, беспокойно возится, пытаясь стряхнуть с себя сонное оцепенение. Наконец открывает глаза и, моргая, смотрит на Тайрона. Тот с посуровевшим лицом инстинктивно отступает назад.

Джейми *(внезапно театральным жестом указывает на Тайрона пальцем и с мелодраматическим нафосом декламирует)*

Здесь Кларенс, лживый, вероломный Кларенс,
Злодей, под Тьюксбери меня убивший.
Тащите, фурни, его на муку!

(Возмущенно.) На что ты так уставился? *(С сардоническим видом декламирует сонет Россетти.)*

Вглядишь в мое лицо. Меня зовут
Стать-Мог-Бы;
Еще — Прощай, Отныне-Никогда и
Слишком-Поздно.

Тайрон. Увы, мне все это так хорошо известно, что просто с души воротит!

Эдмунд. Перестань, папа!

Джейми *(язвительно)*. Хочешь, папа, подкину тебе грандиозную идею? Поставь в этом сезоне «Колокольчики». Там же есть просто великолепная роль для тебя — ты без грима сыграешь — скупец старик Гаспар!

Тайрон отворачивается, пытаясь сдержать гнев.

Эдмунд. Да заткнись ты, Джейми!

Джейми *(издевательским тоном)*. Ей-богу, Эдвин Бут играл в тысячу раз хуже дрессированного тюленя в цирке. Тюлени умные и честные артисты. Они не изобра-

¹ У. Шекспир. Ричард III, акт. I, сцена 4. Перевод Анны Радловой.

жанот из себя жрецов искусства. Откровенно признают, что они лишь комеданты, зарабатывающие рыбку на обед.

Тайрон (уязвленный, резко поворачивается к Джейми, гневно). Дармоед!

Эдмунд. Папа! Не поднимай крик на весь дом — ты что, хочешь, чтобы мама спустилась? А ты, Джейми, давай спи! Ты и так уж слишком много наговорил.

Тайрон отворачивается.

Джейми (заплетающимся языком). Ладно, ладно, малыш. Я ведь в бутылку не лезу. До чего же спать хочется. (Закрывает глаза, роняет голову на грудь.)

Тайрон (подходит к столу и садится, повернув кресло так, чтобы не видеть Джейми; на него тоже сразу нападает сонливость). Дай бог, чтобы она улеглась, — тогда и я лягу. (Сонно.) Устал как собака. Раньше легко мог всю ночь не ложиться, а теперь сдал. Обязательно должен вздремнуть. Стар становлюсь, стар и никуда не годен. (Зевает во весь рот.) Глаза прямо слипаются. Пожалуй, вздремну немного. И ты бы тоже подремал, Эдмунд. Глядишь, время незаметно пройдет, покуда она... (Смолкает. Глаза закрываются, подбородок отвисает, и он начинает посапывать.)

Эдмунд сидит в напряженной позе. Услышав какой-то звук, нервным, порывистым движением подается вперед и пристально всматривается через гостиную в глубину прихожей. Потом вскакивает с выражением испуга и отчаяния на лице. Какой-то миг кажется, что он хочет уйти через проходную комнату. Затем снова садится и ждет, отведя глаза в сторону и судорожно сжимая ручки кресла.

Вдруг загораются все пять лампочек люстры в гостиной — кто-то повернул стеной выключатель. Минуту спустя оттуда доносятся звуки пианино: кто-то неумелыми, непослушными пальцами, сбиваясь и останавливаясь, играет начало одного из простых вальсов Шопена. Вальс звучит так, словно его впервые разучивает начинающая ученица.

Вздвигнув, просыпается Тайрон.

От его прежней сонливости не осталось и следа; на его совсем трезвом теперь лице написан ужас. Джейми вскидывает голову и открывает глаза. Некоторое время они слушают в оцепенении. Музыка обрывается так же внезапно, как и началась. Вслед за этим в дверях появляется Мэри. На ней голубой халат, надетый поверх ночной рубашки, и на босу ногу красивые домашние туфли с помпонами. Она бледна, как никогда. Глаза кажутся огромными и блестят как черные бриллианты. Лицо ее выглядит теперь поразительно юным. Все следы прожитых лет как бы сгладились. Неподвижное, с застывшей на нем застенчивой улыбкой, оно напоминает мраморную маску — образ девичьей чистоты. Седые волосы заплетены в две косы, спускающиеся на грудь. Через руку небрежно перекинута старомодное подвенечное платье, из белого атласа, обшитое брусельскими кружевами. Как видно, Мэри совсем забыла про него: шлейф платья волочится по полу. Она в нерешительности останавливается на пороге и, озадаченно морща лоб, окидывает взглядом комнату, как это бывает с человеком, который шел за чем-то нужным

потеряться. *(Проходит за креслом, в котором сидит Джейми.)*

Джейми *(оборачивается и заглядывает ей в лицо; не выдержав, тоже с мольбой окликает ее)*. Мама!

Она, как видно, не слышит.

(С безнадежным видом отворачивается.) Бесполезно! Ничего не поможет. *(С еще большей горечью читает строки из «Прощания».)*

Пойдемте, песни! Не услышать ей,
Как в путь мы вместе двинемся смелей.
Умолкните! Дни песен миновали,
Дни всех далеких, дорогих вещей!
Любви ответной нам не даровали!
И наших нежных не пришлось речей
Услышать ей.

Мэри *(оглядываясь)*. Что-то ужасно мне нужное. Помню, когда это было у меня, я никогда не страдала от одиночества, никогда не боялась. Нет, я не могла потерять это безвозвратно. Да я бы просто жить не смогла, если бы так думала. Ведь тогда не осталось бы никакой надежды. *(Двигаясь как во сне, обходит сзади кресло Джейми, затем направляется в левую сторону комнаты, проходит мимо Эдмунда.)*

Эдмунд *(порывисто оборачивается и удерживает ее за руку; сейчас он похож на испуганного мальчика, страдающего от боли и обиды; умоляющим голосом)*. Мама! Это не простуда. У меня чахотка.

Мэри *(на какой-то миг создается впечатление, что он пробился к ее сознанию: она вздрагивает, и на лице ее появляется выражение ужаса; затем отчаянным голосом, словно приказывая себе, она восклицает)*. Нет! *(И тут же снова отключается, уносится в мыслях куда-то далеко от них. Тихо и мягко спрашивает с прежним выражением.)* Не трогайте меня, не удерживайте. Это нехорошо, я же монашенкой хочу стагь.

Эдмунд с безнадежным видом отпускает ее руку. Она проходит дальше влево и присаживается в позе застенчивой школьницы на край диванчика под окнами, сложив руки на коленях.

Джейми *(бросая на Эдмунда взгляд, исполненный жалости и ревнивого злорадства)*. Дурачок ты! Ее ничем не проймешь. *(Снова принимается читать сунберновское «Прощание».)*

Уйдем, уйдем! Она не кинет взгляд.
Сноем еще раз вместе: песен лад
Напомнит ей те дни и те слова—

Она, вздохнув, чуть двинется назад.
Но нас уж нет, уж нас видать едва—
И нам она, хоть все о нас грустят,
Не кинет взгляд.

Тайрон (*потерял всякую надежду; пытается стряхнуть с себя оцепенение*). Глупо обращать внимание. Ведь это же все проклятый дурман. Но в таком глубоком забытьи я ее еще не видел. (*Хриплым голосом.*) Ну-ка, передай мне бутылку, Джейми. И перестань ты, ради бога, читать эти декадентские стихи. Не хочу их слышать в моем доме!

Джейми пододвигает к нему бутылку. Тайрон наливает себе, все так же бережно держа на коленях подвесное платье, и возвращает бутылку Джейми, тот наполняет свой стакан и передает бутылку Эдмунду, который тоже наливает себе. Тайрон поднимает стакан, и сыновья машинально следуют его примеру. Но не успевают они поднять стаканы к губам, как Мэри снова начинает говорить. Все трое медленно опускают стаканы на стол, забыв выпить.

Мэри (*мечтательно глядя в пространство, вслух разговаривает сама с собой; на ее поразительно помолодевшем и светящемся чистотой лице играет застенчивая, восторженная, доверчивая улыбка*). Вот я и открыла душу матери Елизавете. Она такая отзывчивая, чуткая, добрая! Истинно святая. Как я люблю ее! Может быть, это грех, но мне она дороже родной матери. Ведь она все-все понимает, она наперед знает, что ты ей хочешь сказать. У нее такие добрые голубые глаза—прямо в душу заглядывают. От нее ничего не утаишь. Да и у кого хватит низости обманывать ее? (*Упрямо мотнув головой, с видом обиженной девочки.*) Но на этот раз она, по-моему, не была такой чуткой, как всегда. Я призналась ей, что мечтаю постричься в монахини. Рассказала, как твердо я уверилась в моем призвании, как молилась пресвятой деве Марии, просила укрепить мою веру и ниспослать мне благословение. И о том рассказала, как мне было видение, когда я молилась в храме Лурдской богородицы на островке посреди озера. Я ведь тогда ясно увидела, как дева Мария улыбнулась мне и благословила меня на монашество. Но мать Елизавета сказала, что даже этого еще мало и что я должна сильнее утвердиться в принятом решении, доказать себе, что это не фантазия. Раз ты так уверена в своем призвании, сказала она, значит, ты не побоишься подвергнуть себя искусу. Поезжай после окончания школы домой и поживи как все девушки твоего возраста. Ходи на вечера, танцуй, наслаждайся жизнью. А если, говорит, через годик-другой ты не переменишь своего решения, то приезжай сюда, ко мне, и

мы вернемся к нашему разговору. *(Встряхивая головой, возмущенно.)* Вот уж не думала, что мать-настоятельница посоветует мне такое! Меня это прямо-таки потрясло. Конечно, я поступлю, как вы советуете, ответила я ей, но я же знаю, что это напрасная трата времени. Вышла я от нее, а на сердце у меня смутно, беспокойно. Тогда я помолилась деве Марии и снова обрела душевный покой — я знала, что дева Мария услышит мою молитву, и всегда будет любить меня, и позаботится о том, чтобы со мной никогда не случилось ничего плохого, только я должна верить в нее. *(Замолкает; лицо ее отражает все возрастающее беспокойство. Она проводит рукой по лбу, как бы снимая незримую паутину; рассеянно.)* Это было зимой, когда я училась в выпускном классе. Потом весной со мной что-то произошло. А, вспомнила. Я полюбила Джеймса Тайрона и какое-то время была очень счастлива. *(В грустной задумчивости смотрит в одну точку.)*

Тайрон вздрагивает в кресле. Эдмунд и Джейми сидят неподвижно.

Занавес

ДУША ПОЭТА

Пьеса в четырех действиях

Перевод Е. Голышевой и Б. Изакова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Микки Мэлой.
Джеми Криген.
Сара Мелоди.
Нора Мелоди.
Корнелиус Мелоди.
Дан Рош.
Падди О'Даул.
Патч Райли.
Дебора (миссис Генри Харфорд).
Николас Гэдеби.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Столовая таверны Мелоди в деревушке возле Бостона. Таверна стоит здесь уже более ста лет; когда-то заведение процветало—в нем останавливались пассажиры почтовой кареты, но маршрут дилижансов был изменен, и вот уже несколько лет, как таверна пришла в упадок.

В пору расцвета столовая и бар помещались в одной просторной комнате, обшитой деревянными панелями, с низким потолком и тяжелыми дубовыми балками. Теперь же она разделена надвое тонкой перегородкой и бар помещается слева. Перегородка выкрашена под цвет старых панелей, но это только раздражает глаз. Слева две ступеньки ведут к закрытой двери, за которой находится лестница на второй этаж. Дальше—дверь в бар. Между дверьми висит большое зеркало. За дверью в бар на стене шкафчик. В задней стене четыре окна, а посередине—дверь на улицу. Спереди справа еще одна дверь, она открыта, и за ней—передняя, лестница на второй этаж и коридор в кухню. У правой стены высокая конторка, а возле нее—стул. На переднем плане два стола: один, левее, с четырьмя стульями вокруг, а другой, побольше, справа, на шесть мест. В глубине справа и слева еще два таких же стола. Большие столы накрыты белыми скатертями. Время действия—около девяти часов утра 27 июля 1828 года. В окно светит солнце.

Слева у стола сидит Микки Мэлой и просматривает газету. Ему двадцать шесть лет. Это крепкий парень с привлекательным, но хитрым лицом—рот его постоянно искривлен плутоватой усмешкой. Джеми Криген выглядывает из бара в полуоткрытую дверь. Заметив Мэлоя, входит. Он средних лет, высокий, со впалыми щеками—типичный ирландец, как и Микки. На скуле шрам от сабельного удара. Одет чисто, но бедно. Глаза воспалены, вид нездоровый, на губах язвительная улыбка.

Криген. Мир дому сему... и даже буфетчику.

Мэлой *(с усмешкой)*. День добрый.

Криген. Это как для кого... *(Хватается за голову, стонет.)* Клянусь всеми святыми, будто кузнец по ней молотит!

Мэлой. Еще бы! Вы ночью здорово нагрузились. В два часа ушли.

Криген. Наверно. Не помню даже, как уходил. *(Садится к столу справа.)* Смотрю, не жизнь у тебя—малина!

Мэлой. В это время посетителсй не бывает.

Криген. Когда я увидел, что в баре ни души, меня так и потянуло утешить бутылочку. Мне и надо-то всего-навсего каплю, да в кармане—вошь на аркане.

Мэлой. Угощайтесь за счет заведения. *(Идет к шкафу и достает графин с виски и стакан.)*

Криген. Благодарствую. Добрая у тебя душа.

Мэлой *(ставит перед ним графин и стакан)*. Это то же, что вы ночью пили. Для себя держит, на всякий случай, когда в бар лень идти.

Криген *(наливает себе щедрую порцию)*. Да, уж он-то от жажды себе помереть не даст. *(Поднимает*

стакан.) Твое здоровье, и да исполнятся все твои желания — ежели они праведные! *(Пьет и с облегчением выдыхает.)* Ну и пойло, дай бог тебе здоровья, из гроба поднимет. А Кон утречком уже заправлялся?

Мэлой. Нет. Ему рано.

Криген. Просто чудо, что я его опять встретил. Я в наши края попал в поисках работы. И тут случайно услышал разговор о каком-то Коне Мелоди, вот и зашел поглядеть, не тот ли он самый. До вчерашнего вечера с самой войны в Испании — после битвы у Саламанки в двенадцатом году — я не видел его. Я был капралом седьмого драгунского полка, а он у нас майором. *(С гордостью.)* Шрам этот сабельный, черт бы его драл, получил в Талавере, когда служил под его началом. Тогда он еще капитаном был.

Мэлой. Вы мне все это ночью рассказывали.

Криген *(кинув на него взгляд)*. Да ну? Видно, хлебнув маленько, я не одно только «Отче наш» твердил...

Мэлой *(ослабившись)*. Что правда, то правда.

Криген поглядывает на него с беспокойством.

(Пододвигает к нему графин.) Еще глоток.

Криген. Не люблю побираться. Но в этой харчевне мне небось в долг поверят. Ведь он же мой двоюродный брат.

Мэлой. Вы, верно, забыли, что он вам говорил, когда шел спать. Виски можете пить сколько влезет, а в долг — ни гроша. Он вам втолковывал, что здесь дают в долг только истинным джентльменам.

Криген. Помешался на этом, чертово отродье!

Мэлой *(хихикнув)*. Вы и ночью, как он ушел, костили его за унижения.

Криген. Такой уж он человек, прости его господи. Хоть бы капельку изменился! *(Наливает себе снова и пьет, поглядывая искоса на Мэлоя.)* Ну и наврал же я вам тут, наверно, про Кона, ежели был зол на него да еще и мертвецки пьян!

Мэлой *(хитро подмигивая)*. А может, это было вовсе и не вранье?

Криген. Ежели я наговорил дурное про Кона Мелоди...

Мэлой. Уж не боитесь ли вы, что я ему донесу? Клянусь богом, не донесу.

Криген *(лицо у него светлеет)*. Повтори, что я тут наговорил, и я скажу, что правда.

Мэлой. Вы говорили, будто отец его вовсе не ирландский дворянин, как он уверяет, а жуликоватый трактирщик, и разбогател он, давая деньги в рост,

выжимая последние гроши у арендаторов, словом, ничем не гнушался. А когда нажил капиталец, женился, купил имение со сворой гончих и стал корчить из себя барина. Но тут померла жена, родив ему Кона, и он едва оправился после ее смерти.

Криген. Это все так.

Мэлой. Вы говорили, будто никто из знати со старым Мелоди знаться не желал, но шкура у него была воловья, и он на всех плевал. Он вбил себе в голову сделать из Кона джентльмена—сначала отправил в школу в Дублин, а потом в колледж. Не жалел денег, чтобы сын был не хуже дворянских детей. Но Кон сразу заметил, что хоть они и не гнушаются выпить за его счет и признать деньги, но потешаются над ним за его спиной.

Криген. Верно. Только Кон отучил их скалить зубы—вызвал одного на дуэль и всадил ему пулю в бок. Мсть показалась ему сладкой. Раз потешив свою гордыню, он потом искал любого повода, чтобы послать кому-нибудь вызов.

Мэлой. Он так хвастал своими дуэлями, что я думал, все это враки.

Криген. Какое там враки! За это он в конце концов и попал в немилость, сразу после того как его произвели в майоры. Один знатный испанец застал его со своей женой вскоре после битвы у Саламанки. Они дрались на дуэли, и Кон его убил. Скандал удалось замять, но Кону пришлось уйти из армии. Если бы не боевые заслуги, его предали бы полковому суду. (*Виновато.*) Опять я распустил язык.

Мэлой. Ну, что касается женщин—для меня не новость. Его послушать, так ни в Испании, ни в Португалии не было ни одной, которая бы перед ним устояла.

Криген. Поглядел бы на него тогда—не удивлялся бы! Здоров был как бык, а на кровном коне, в мундире—красивей его не было в армии. Ведь в Испании и Португалии английский офицер в любом дворянском доме был желанный гость. А на родине с ним, кроме потаскух, никто дела не имел. (*Поспешно.*) Не считая, конечно, Норы. (*Понизив голос.*) Скажи, а тут он путается?

Мэлой. Нет. Проклятые помещики-янки не пускают его на порог, а ирландцев—в здешних местах они редкость—он считает шантрапой. Но стоит какому-нибудь янки с женой или дочкой остановиться на ночь—от смеха помрешь, глядя на Кона! Если она благородная дама, он и так и эдак к ней, как настоящий джентльмен, комплиментами сыплет. А потом хвастает, что, захоти он рискнуть, она сама прибежала бы к нему в постель, несмотря на все свои новомодные американские ужимки.

Криген. А может, и в самом деле... Знал бы ты его в

прежние времена. ты бы не сомневался. Другого такого отчаянного игрока, задиры и бабника мир не видывал!

Мэлой (*понижив голос*). Ну а насчет Норы, ты хоть вчера о ней ни слова не проронил, но я и без того все знаю. Раньше ведь я здесь ночевал, и, когда он допивался до чертиков, он ей орал в лицо, что женился на ней только потому... (*Поспешно.*) Имей в виду, я против бедной Норы ничего не имею. Святая душа, каких мало на свете. Сам знаешь.

Криген (*нехотя*). Знаю... Небось вырос в его усадьбе.

Мэлой. Он говорит, будто попы обманом заставили его жениться. Ох и не любит же он попов!

Криген. Ну, уж это вранье. Вольно ему сваливать вину на попов, да не очень-то он их слушался. Да и кто его мог заставить, если был он сам не захотел? Он женился потому, что был влюблен. Правда, он ее стыдился. Ведь ее родители были простые крестьяне на его земле и совсем бедняки. Но уж больно Нора была хороша собой — всю страну проедешь, другой такой не сыщешь, — а Кон истосковался по настоящей женщине, путался ведь с одними потаскухами, которые помогали ему наследство на ветер пускать. (*Пожимает плечами.*) Вот он на ней и женился, а потом ушел на войну, оставив в замке одну на сносях. Больше он ее и в глаза не видел, покуда его не выслали из Испании. А тогда собрал деньги, какие у него еще оставались, и привез их с Сарой в Америку, где никто его не знал.

Мэлой (*задумчиво*). Прямо не верится, что он когда-то ее любил. Вижу, как он с ней обходится. Ну что ж, спасибо, что вы мне рассказали. Клянусь, никому не обмолвлюсь ни словом — и не так ради него, как ради Норы.

Криген (*мрачно*). Ты бы и его поостерегся. Если у него хоть вполовину прежней силы, он из нас обоих может дух вышибить.

Мэлой. Да, он еще силен как бык, хоть и хлещет виски почем зря. (*Пододвигает Кригену бутылку.*) Попробуйте еще из этой.

Криген наливает себе рюмку.

Будьте здоровы!

Криген. Долгих дней тебе! (*Пьет.*)

Мэлой ставит графин и стакан на буфет. Из передней комнаты справа слышен молодой женский голос.

(*Поспешно вскакивает.*) Это Сара? Лучше убраться по-добро-поздорову. А то станет меня попрекать, что Кон

вчера напился. Вернусь, когда Кон спустится. (*Уходит.*)

Мэлой (*направляется в бар — и сму, видно, не хочется встречаться с Сарой. Но, раздумав, с вызывающим видом снова усаживается за стол*). Будь я проклят, если стану от нее бегать. (*Берет газету.*)

Справа появляется Сара Мелоди. Ей двадцать лет, это необычайно хорошенькая девушка с копной черных волос, светлой кожей, нежным румянцем и красивыми синими глазами. В ней причудливо сочетается порода и крестьянская кровь. У нее высокий лоб, прямой и тонкий нос, маленькие ушки плотно прижаты к изящной головке на тонкой шее. Но в очерченных рта есть что-то грубое и чувственное, а подбородок слишком тяжел для ее лица. Тело сильное, стройное, грудь и бока упругие, талия тонкая. У нее большие ноги и широкие некрасивые руки с короткими пальцами. Голос мягкий, мелодичный, но речь скованная, несколько приподнятая, она следит, чтобы не перейти на простонародный говор. Ее будничное платье слито из дешевой материи, но она носит его с прирожденным изяществом.

Сара (*кинув взгляд на Мэлоя, язвительно*). Простите, что тревожу вас. Вы не приготовили мне приходно-расходную книгу?

Мэлой (*надувшись, мрачно*). Приготовил. Она у вас на конторке.

Сара. Благодарствую. (*Поворачивается спиной. Садится к конторке, берет небольшую книгу и начинает что-то подсчитывать.*)

Мэлой (*поглядывая на нее поверх газеты*). Если вы ищете прибыль — зря стараетесь, — шутка ли, сколько он сам бесплатно вылакал.

Сара не обращает на него внимания. Его это злит.

Что это вы с утра разыгрываете барыню? Совсем нос задрали, с тех пор как изображаете сиделку у молодого янки наверху.

Она заставляет себя и это пропустить мимо ушей.

Еще бы, вы на него давно заимели виды, с тех самых пор как он поселился возле озера. А теперь, вишь, как вам повезло — уж больно он слаб и болен, чтобы вам не поддаться.

Сара (*оборачиваясь к нему, со сдержанной злостью*). Смотри, Микки, не лезь не в свое дело, не то пожалуюсь на твою наглость отцу. Он тебя быстро сумеет поставить на место.

Мэлой (*не очень-то верит в эту угрозу, но все же побаивается*). Ну, не пугайте меня. Я знаю, вы не станете ябедничать. (*Примирительно.*) Уж и пошутить нельзя?

Сара (*снова принимаясь за свои расчеты*). Оставь Саймона в покое.

Мэлой. Ого, он уже для вас—Саймон? Ну и ну. *(Бросает на нее лукавый взгляд.)* Если вы снизойдете выслушать, я мог бы вам кое-что рассказать.

Сара. Ты хуже всякой сплетницы. *(Высокомерно.)* Ничего я не желаю слушать.

Мэлой. Когда вы пошли наверх и понесли ему завтрак, подъехала роскошная карета с кучером-негром. остановилась на углу, и сюда вошла дама. Я подметал, а Нора мыла кухню.

Сара повернулась к нему, не скрывая своего интереса.

Дама спрашивала, по какой дороге можно подъехать к озеру...

Сара *(вздвигнув)*. К озеру?..

Мэлой. Я ей рассказал, а она не уходит. Огляделась, говорит, что хотела бы выпить чаю, и спрашивает, кто здесь подает. Я понял, что она имеет какое-то отношение к Харфорду, не то зачем бы ехать к озеру, где никто, кроме него, никогда и не жил. Ей и чаю не хотелось, нужен был предлог, чтобы остаться.

Сара *(сердито)*. Так, значит, хотела поглядеть, кто здесь подает? Надеюсь, ты ей сказал, что я не только подаю, но и дочь хозяина?

Мэлой. Конечно. Я и сам терпеть не могу, когда эти янки задирают нос. И разговаривал с ней не слишком любезно. Сказал, что вы пошли погулять—все равно таверна еще закрыта. Тогда она села и уехала.

Сара *(уже с беспокойством)*. Но я надеюсь, ты ее не обидел своим дурацким обращением? А какая она собой, Микки?

Мэлой. Хорошенькая! Бледная, тонкая, как былиночка, с большими глазищами.

Сара. Похоже, это его мать, судя по его рассказам. Сколько ей, по-твоему, лет?

Мэлой. Трудно сказать, но для матери, пожалуй, молода. На вид ей лет тридцать. Может, его сестра?

Сара. У него нет сестер.

Мэлой *(ослабившись)*. Тогда, наверно, это его возлюбленная. Хочет выцарапать вам глаза.

Сара. У него нет никакой возлюбленной.

Мэлой *(насмешливо)*. Верьте ему больше! Видно, здорово вы в него втюрились?

Сара *(сердито)*. Не твое дело! Что я—дура? *(С беспокойством.)* Может, тебе лучше было сказать, что он тут лежит больной, и не заставляй ее зря ездить по солнцепеку и бродить по лесу?

Мэлой. А чего мне было говорить, раз она не спрашивала?

Сара. Ну что ж, сама виновата... Но... Ладно, теперь поздно голову ломать, чего мне о ней беспокоиться. Кем бы она ни была. *(Снова принимается за счеты.)*

Справа в дверях появляется Нора. Ей сорок лет, но непосильная работа и постоянные огорчения состарили ее прежде времени. В молодости она, по-видимому, была не менее хорошенькой, чем Сара. У нее еще и сейчас красивые глаза, которые унаследовала дочь. Но она слишком переутомлена, чтобы заботиться о своей внешности. Черные волосы, в которых пробивается седина, падают на лицо неровными прядями. Она маленького роста, старое платье висит на ней мешком. Руки покраснели и распухли от ревматизма. Босые ноги обуты в потрескавшиеся грубые башмаки со сбитыми каблучками. И все же, несмотря на затрапезный вид, в ней чувствуются одухотворенность и сердечность, она мягка и обаятельна, и в то же время ее не сломишь.

Мэлой *(быстро встает, лицо его проясняется)*. Дай вам бог здоровья, Нора, вас-то я и жду. Не присмотрите ли вы чуток за баром, пока я сбегаяю за табачком?

Сара *(резко)*. Не смей, мама!

Нора *(с улыбкой, голос у нее мягкий, говор напевный, деревенский)*. А почему «не смей, мама»?

Мэлой. Спасибо. *(Идет к двери в глубине, но не может удержаться, чтобы не уколоть Сару.)* Низко кланяюсь, ваша светлость! *(Затаворяет за собой дверь.)*

Сара. Вечно ты потакаешь этому лодырю. Только и ждет, как бы побездельничать.

Нора. Ну и пусть, он парень славный. *(С трудом опускается на ближайший стул.)* Вот чертов ревматизм! Совсем замучил сегодня утром.

Сара *(продолжая сверять цифры, бросает на мать сердитый, но и встревоженный взгляд. В ней постоянно борются любовь, жалость и негодование)*. Сто раз говорила, что надо сходить к врачу!

Нора. Нет у нас денег на докторов. И к тому же еще беду накличат. За ними следом всегда смерть крадется. *(Пауза. Вдыхает.)* Отец скоро спустится. Я ему к завтраку свежие яйца припасла.

Сара *(ее лицо становится злос)*. Больно они ему нужны! Завтраки твои!

Нора *(защищая мужа)*. Это потому, что вчера он чуток лишнего хватил? Как же иначе, ведь он не видел Джеми с самого...

Сара. Только вчера? А каждый вечер?

Нора. Ну, не сердись на него. *(Пауза. Озабоченно.)* Нилан прислал записку насчет долга. Пишет, что, если мы не раслатимся на этой неделе, он больше не даст продуктов. *(Со вздохом.)* И я это не виню. Не знаю только, как мы выпутаемся. А первого проценты надо платить по закладной. Но на это у меня, слава богу, деньги припасены.

Сара (с раздражением). Дала бы ты мне наконец вести хозяйство!

Нора (с неожиданным упорством). Не хочу! Вы с ним тогда только и будете грызться с утра до ночи. И так целыми днями ссоритесь.

Сара. А почему ты не заплатила Нилану на прошлой неделе? Ты же говорила, что припрятала для него деньги.

Нора. Так оно и было. Но Дикинсон совсем извел отца, требуя за фураж для кобылы.

Сара (зло). Еще бы! Кобыла у нас на первом месте,—сам голодай, а кобыле ни в чем отказа нет. Наш граф должен иметь непременно породистого коня, обыкновенный—ему не по чину!

Нора. Ну и что? Она гордость его. Он бы от горя умер, если бы пришлось продать эту лошадь.

Сара. Конечно, лошадь ему куда дороже нас!

Нора. Зачем ты так говоришь? Он очень тебя любит, хоть ты все время выводишь его из себя.

Сара. Это он-то меня любит? Ха! Побойся бога, мать!

Нора (резко). Не смей разговаривать, как деревенщина! Знаешь, как его это злит. И меня тоже. Неужели так трудно отвыкнуть? Зря, что ли, он тебя посылал в школу, чтобы ты разговаривала, как благородная?..

Сара (недовольно). Ну посылал, да ненадолго.

Нора. Сама настояла, чтобы тебя оттуда забрали.

Сара. Потому что он заставлял надрывать тебя. Ни любви, ни уважения к тебе у него не было и нет, зато я тебя люблю и уважаю!

Нора (нежно). Знаю, светик, знаю.

Сара (с горькой издевкой). Мы не можем позволить себе держать подавальницу, зато он держит кровного коня, чтобы гарцевать на нем и пускать пыль в глаза. И держит буфетчика, хотя, будь у него хоть капля совести, и сам бы мог присмотреть за баром.

Нора (с негодованием). Ему, благородному джентльмену, стоять за стойкой?

Сара. Какой он джентльмен? Ох, мама, мы с тобой из гордости делаем вид, будто верим в это вранье, но зачем же тебе передо мной хитрить?

Нора (упрямо). Это не вранье. Он джентльмен. Разве он не родился богачом, в замке большого поместья, не учился в колледже, а потом не служил офицером в армии герцога Веллингтона?..

Сара. Ладно, мама. Можешь потакать его бредням, а меня он не заставит притворяться, будто я ничего не знаю.

Нора. Не смей говорить о нем с такой злобой. Как тебе не стыдно!..

Сара. Да я его ненавижу за то, как он с тобой обращается. Вчера ночью слышала, как он опять вспомнил прошлое и валил все свои беды на то, что ему пришлось на тебе жениться.

Нора (*с болью*). Это он так... спьяну.

Сара (*выйдя из себя*). Тебе должно быть стыдно, что нет у тебя самолюбия! Терпишь, как овца бессловесная, все его грубости. И работаешь на него как вол—погляди на себя, стала совсем старуха. (*Сердито*.) Долго это будет продолжаться? Он становится все хуже и хуже. Придется тебе его бросить.

Нора (*выведенная из себя*). Это еще что? Замолчи сейчас же!

Сара. Ты бы его сегодня же бросила, будь у тебя хоть капля гордости!

Нора. Моя гордость в том, что я люблю его! Я его полюбила с первого взгляда и буду любить до самой смерти! (*С несвойственной ей надменностью*.) Что ты понимаешь в любви! Да никогда ничего в ней и не поймешь; в тебе сидит та же дьявольская гордыня, что и в нем, она никогда не позволит тебе отдать себя целиком, а только это и есть любовь.

Сара. Если бы я захотела, я могла бы отдать себя целиком.

Нора. Если бы да кабы! Захотела! Вот и видно, что ты еще ничего не смыслишь в любви. Когда любишь, то не думаешь ни про какие если бы да кабы. Когда любишь, даже адское пламя не может разлучить тебя с любимым; чтобы с ним не расставаться, с радостью в огонь кинешься, и будешь петь от счастья, когда на тебе все запылает, лишь бы чувствовать на губах его губы! Вот это любовь, и я горжусь, что знала ее великую радость и боль!

Сара (*смотрит на мать с почитательным удивлением*). Странная ты женщина, мать... (*Горячо ее целует*.) Замечательная женщина! (*В ней снова заговорило недо-вольство; дерзко встряхивает головой*.) И я полюблю, но полюблю так, чтобы это дало мне свободу, а не рабство.

Нора. Нету рабства, когда любишь! (*Внезапно душев-ный подъем проходит; жалобно*.) Ради Христа, Сара, не лишай меня гордости. Моя гордость в том, что я люблю, ведь без этого я просто толстая, некрасивая и уже старая женщина со своими хворостями...

Сара (*обнимает ее, ласково*). Ладно, мамочка, ты меня не слушай. (*Деловито, чтобы отвлечь мать*.) Надо проверить кассу. У Микки два и два—всегда получится пять. (*Возвращается к конторке*.)

Нора (*вытирая глаза. Помолчав, озабоченно вздыхает*). Ох, как меня беспокоит отец! Вчера встретила патера Флина, он меня попросил остеречь отца—не издеваться над здешними ирландцами, не обзывать их швалью, не то у него будут неприятности. На него тут злятся, что он выступает против Джексона и демократов и говорит, будто пойдет голосовать вместе с янки за Куинси Адамса.

Сара (*презрительно*). Ей-богу, тут не понимают шуток! Да это же смех один—как он с ними сцепляется, будто один из здешних богатых янки, особенно когда знаешь, какое у него происхождение. Да еще после того, как янки так его надули, когда он приехал сюда, уговорив купить эту харчевню, мол, по дороге пойдет дилижанс и здесь будет остановка. (*Горько смеется.*) Господи, да он самый большой простофиля из всех, кто сюда приезжал, и эту Америку! И я презираю его за это. Надо же! Приехал сюда, он мог запросто стать тем, за кого себя выдает. Образование у него лучше, чем у большинства янки, деньги поначалу были, а в этой стране с деньгами можно чего угодно добиться, и никого—разве что дурака—не волнует, от кого ты приходишь. Тут так: у кого деньги, у того и власть! (*Страстно.*) Эх, будь я мужчиной да имей его возможности, не было бы такой мечты, которая у меня не сбылась бы! (*Смотрит на мать, которая грустно уставилась в пол и ее не слушает. Вспыхивает от злости, но потом с жалостью улыбается.*) Эх, да что с тобой говорить... Проснись. О чем ты там задумалась?

Нора. Священник говорит, будто я попаду в ад за то, что позволяю отцу превращать себя в язычницу и ты растешь язычницей.

Сара (*дерзко тряхнув головой*). Пусть отец Флин не лезет в чужие дела и тебя не пугает.

Нора. А ведь это правда.

Сара. Чепуха! Скажи святому отцу, что мы не темная голь, с которой он привык якшаться. (*Резко меняет тему разговора, захлопнув раскладную книжку Микки.*) Ну вот, готово. (*Кладет книжку в конторку.*) Прогуляюсь я лучше в лавку и поговорю с Ниланом. Может, уломаю его подождать еще месяц.

Нора (*благодарно*). Конечно, подождет. Ты, если хочешь, птицу небесную приворожишь. Но я не хочу, чтобы ты унижалась перед янки. От меня не убудет, а ты, знаю, этого не любишь.

Сара (*обнимая мать*). Ерунда, только бы хоть маленько снять с тебя заботу—она ведь просто тебя съедает. (*Целует ее.*) Надену праздничное платье, чтобы произвести на него впечатление.

Нора (*ласково ее поддразнивая*). Ох, не на одного Нилана ты хочешь произвести впечатление! Больно часто ты теперь наряжаешься.

Сара (*кокетливо*). Ну и хитрая же ты! Может, и так.

Нора. А как он себя чувствовал, когда ты подавала ему завтрак?

Сара. Проголодался, это хороший признак. И вчера вечером у него жара не было. Выздоровливает, скоро вернется в свою хижину на берегу озера.

Нора. Я все в толк не возьму, что он там делал весь прошлый год, живя как бродяга? Парень из богатой и знатной семьи...

Сара (*нежно улыбаясь*). Он совсем не похож на богатых сынков, он вообще не такой, как все. Он мечтатель, весь погружен в мечты и серьезно к ним относится. Я тебе говорила, что он хотел выйти из дела отца, где проработал год после окончания университета,— ему не по душе коммерция, а это очень богатая фирма, которая торгует со всем светом и возит тоннажи на своих кораблях.

Нора (*одобрительно*). Да, видно, он настоящий джентльмен...

Сара. Он хотел доказать свою независимость, поселился один в глуши, построил хижину, все делал своими руками, вел самую простую жизнь наедине с природой, раздумывая о смысле жизни, и писал книгу о том, как можно изменить мир, чтобы люди не были жадны к деньгам и к земле, довольствовались малым, жили свободно и в мире, были добры друг к другу— словом, чтобы на земле воцарился рай. (*Смеется любовно и чуточку презрительно*.) Я уж всего не припомню. Если подумаешь, каких только людей не бывает на свете,—с ума можно сойти! Он, правда, еще не написал книгу, только кое-какие заметки... (*Кокетливо улыбается*.) Последние полгода он сочинял одни любовные стихи.

Нора. С тех самых пор, как ты стала гулять возле озера? (*Улыбается*.) Это ты хитрая, а не я.

Сара (*смеется*). Почему бы мне и не погулять по своему имению? (*С издевкой*.) По земле, которую, облапошив, уговорили купить нашего собственного знатного барина—ведь он мечтал обзавестись поместьем в Америке. Вот он и обзавелся кусочком пахотной земли среди диких зарослей, которую никто не хочет обрабатывать; да никому ее и не сбудешь.

Нора. Тсс. (*Меняет тему разговора*.) Ну что ж, сразу видно, что у молодого мистера Харфорда—душа поэта... (*Добавляет, не подумав*.) Как у твоего отца.

Сара (*насмешливо*). Бедная ты, бедная! Неужели ты

думаешь, что если из бахвальства он читает наизусть порда Байрона, то уж и поэт?

Нора (*кинув опасливый взгляд на дверь*). Помолчи! Он вот-вот может спуститься. (*Меня тему.*) А молодой Харфорд того и гляди в тебя влюбится.

Сара (*лицо ее зажигается торжеством*). Влюбится? Да он влюблен в меня без памяти! Он очень застенчивый, боится мне об этом сказать, но я его заставлю.

Нора. Ты, я знаю, в него влюблена.

Сара (*спокойно*). Да, мама. (*Быстро.*) Но не чересчур. Я не позволю, чтобы любовь сделала меня рабой. Я хочу любить его так, чтобы, выйдя за него замуж, не обидеть ни его, ни себя. (*Решительно.*) А замуж за него я выйду. Это для меня единственный шанс выйти в люди, и тут уж меня никто не остановит.

Нора (*с восхищением*). Ну и хвастунишка ты! А что скажет его благородная родня? Папаша небось лишит его наследства, если он вздумает жениться на бедной девчонке, да еще ирландке.

Сара. Поначалу, может, и лишит, а потом, когда увидит, какая у сына хорошая жена... Но жениться на мне он Саймону запретить не может. Это я знаю. Саймона не очень-то трогает, что думает его отец. Я боюсь его матери. Как видно, она имеет на него большое влияние. По всему, что он мне рассказывал, она человек странный. И живет не так, как все. Никуда не выезжает, читает книжки либо гуляет в саду. (*Пауза.*) Мама, ты не заметила утром, что сюда подъезжала карета?

Нора (*занятая своими мыслями*). Поживем — увидим. Цыплят по осени считают. Молодой Харфорд, по-моему, парень славный. Но жениться, может, он и не собирается, а только...

Сара (*сердито*). Зря ты о нем так говоришь. У него и в мыслях нет... (*С горечью.*) Ну да, тебе бы лишь подозревать — по себе судишь... (*Спохватилась, готова проглотить язык от стыда.*) Прости, мама. Но нехорошо с твоей стороны так дурно думать о Саймоне. (*Улыбается.*) Ты его не знаешь. Ей-богу, если уж кто кого соблазняет, скорей, это я его соблазняю. А он меня так почитает, словно я не человек, а икона. Разве только в стихах и в дневнике отваживается — я туда одним глазком заглянула, когда прибирала хижину... Он стыдится своих греховных побуждений, боится, что они оскорбляют мою невинность. (*Ласково посмеивается.*)

Нора (*улыбается, хоть и слегка смущена*). И не стыдно тебе! Нехорошо, что ты все время у него сидишь, хоть он и болен. Про вас обоих и так уж слетни пошли.

Сара. Пусть! Саймону это тоже безразлично. Если он

не захочет, чтобы им помыкали, у него хватит характера постоять на своем, несмотря на внешнюю мягкость. Да и вся его мечтательность и стихи не мешают ему поступать так, как он хочет. Поэтому, если отец и лишит его наследства, мы с моей помощью не пропадем. Я ведь тоже не дурочка.

Нора. Да, самомнения у тебя, слава богу, хватает.

Сара (*смеется*). Вот это верно! (*С горечью.*) Работать и как подавальщица и как прислуга, чтобы родной отец каждый день мог напиваться как джентльмен,— тут уж надо держать голову выше!

Дверь слева медленно открывается, и в проеме появляется Корнелиус Мелоди. Он и Сара молча смотрят друг на друга. Рот ее неприязненно кривится. На мгновение он отводит глаза, и лицо его принимает виноватое выражение. Потом оно становится непроницаемым.

Мелоди (*сойдя со ступенек, любезно кланяется*). С добрым утром, Сара.

Сара (*сухо*). С добрым утром. (*Не обращая на него внимания.*) Я пойду к себе, мама, переоденусь. (*Быстро уходит направо.*)

Корнелиусу Мелоди сорок пять лет: это высокий широкоплечий человек с могучей грудью, мускулистыми, волосатыми руками и большими ногами. Он еще крепок, строг и сохраняет военную выправку. Если бы не крайняя нервозность, трудно было бы по его виду сказать, что он пьяница. В нем проступает какая-то упрямая бычья сила, чисто крестьянская выносливость. Только лицо пострадало от разгула: когда-то необычайно красивое и дерзкое, оно приобрело потасканный вид. Но все же Мелоди и сейчас не утратил привлекательности: на его бледном лице печать этакой байронической разочарованности; у него впалые щеки, тонко очерченный нос, властный, чувственный рот, презрительная складка у губ и шапка густых кудрявых темных волос с сильной проседью. Во всем его облике есть какое-то надломленное благородство, тоскливая, униженная гордыня. Воспаленные серые глаза смотрят холодно, с вызовом. Манера держаться изысканная, как у истого джентльмена. Даже чересчур. Он явно переигрывает роль, в которую так вошел, что она стала его второй натурой. И при всем этом в нем есть что-то внушающее страх. Одет он с франтовской элегантностью в дорогой, хорошо сшитый костюм того старого фасона, какой английская аристократия носила во времена войны с Францией 1808—1814 годов.

Мелоди (*входя в комнату, отвечает жене церемонный поклон*). Доброе утро, Нора. (*Тон у него снисходительный—так разговаривают с людьми низшего социального положения.*)

Нора (*неловко поднимаясь со стула*). Доброе утро, Кон. Сейчас подам тебе завтрак.

Мелоди. Не хочешь. Спасибо.

Нора (*подходя к нему*). Ты чего-то бледный. Может, заболел? А, милый?

Мелоди. Нет.

Нора (*робко дотрагиваясь до его руки*). Присядь!

Он отстраняет руку с невольным отвращением, подходит к столу и садится.

(Усещится возле него.) Сейчас намочу холодной водой полотенце и положу тебе на лоб.

Мелоди. Не хочу! Ничего мне не надо — оставь меня в покое, я читаю газету. *(Берет газету и закрывается ею от Норы.)*

Нора (*покорно*). Ладно, не буду тебе надоедать. *(Делает несколько шагов к двери направо, но оборачивается и с беспокойством на него смотрит.)*

Мелоди (*левой рукой прикрывая лицо газетой, правой наливает себе из графина воды. Хоть и не видит жены, но раздражается, чувствуя ее присутствие. Рука так дрожит, что, когда подносит воду ко рту, она выплескивается. Со стуком ставит стакан. С раздражением кричит*). Ну что ты, господи, на меня уставилась?

Нора. Да я... я думала, что тебе будет лучше, если ты чего-нибудь поешь.

Мелоди. Я же тебе сказал!.. *(Стараясь овладеть собой.)* Есть я не хочу. *(Снова берется за газету.)*

Нора вздыхает, пальцами перебирая край передника. Молчание.

Нора (*глухо*). Может, дать тебе опохмелиться?

Мелоди (*словно только и ждал этих слов, — лицо его становится спокойнее; ханжеским тоном*). Будь оно проклято, это виски! Клянусь, я, кажется, брошу пить. Да еще с самого утра...

Нора. Ну, для аппетита...

Мелоди. Говоря по правде, живот у меня побаливает. *(Облизывая губы)* Разве что глоточек...

Нора достает из шкафа графин и стакан. Ставит их на стол. Смотрит на мужа с тихой грустью.

(Уставился в газету, но остро чувствует ее взгляд. Нервы его не могут этого выдержать. Швыряет газету и раздражается криком.) Ну? Будто я не знаю, что ты думаешь! Чего молчишь? Духу не хватает сказать? Ей-богу, я тебя больше бы уважал! До чего я ненавижу эту проклятую кротость! Клянусь, мне иногда кажется, что ты нарочно меня спаиваешь... Ведь только в этом ты чувствуешь свое превосходство, а?

Нора (*растерянно, чуть не плача*). Нет... это ведь ради тебя... не могу смотреть, как ты...

Мелоди (*выражение лица у него меняется, смотрит на нее с искренней нежностью. Протягивает дрожащую руку, чтобы потрепать ее по плечу; с какой-то стран-*

ной, шиповатой улыбкой). Прости меня, Нора. Я был непростительно груб.

Лицо ее освещается радостью.

(Ему сразу же становится стыдно своего раскаяния. Отводит взгляд и хватается графин с виски. Несмотря на дрожь в руке, умудряется налить стакан, поднести его ко рту и выпить. Потом откидывается на стуле и молчит, ожидая, чтобы виски подействовало. Минуту спустя с облегчением вздыхает.) Сознаюсь, мне было нужно это лекарство. Вот теперь начинаю приходить в себя. *(Наливает себе снова большую порцию виски, — теперь рука его стала тверже. Причмокивает.)* Клянусь вездесущим, я, может, и пал так низко, что держу кабак, но все же не потерял совести. Мои напитки не стыдно подавать любому джентльмену. *(Снова пробегает глазами газетный лист, что-то заставляет его нахмуриться. Презрительно, искажая цитату из Байрона.)* «И ты, гниль, будешь там, — ты, честолюбия бесславный шут!» Вся газета полна жульническими посулами этого идола черни — Эндрю Джексона. Презренный негодяй! Но предвижу, несмотря ни на какие наши помехи, он будет выбран президентом. Проклятые времена! Повсюду верх берут подонки общества. *(Взгляд его падает на число. Ударяет кулаком по столу.)* Сегодня ведь двадцать седьмое! Господи, совсем забыл!

Нора. О чем ты?

Мелоди. Сегодня годовщина битвы у Талаверы!

Нора *(поспешно)*. Ах, дура, как же я запомнила!

Мелоди *(с горечью)*. Я сам забыл, да и ничего удивительного. Что общего между этой навозной кучей, где я гнию, и тем прекрасным днем, когда герцог Веллингтон — тогда еще лорд Уэлсли — поблагодарил меня за отставку перед всем войском. *(Брезгливо озирается.)* Да, схождения мало! Лучше уж забыть то, что было.

Нора *(поддерживая его)*. Что ты, разве можно! Ты ни разу не пропустил этой годовщины — сегодня непременно отпразднуешь! Я тебе, как всегда, приготовлю праздничный обед.

Мелоди *(сразу же меняя тон, с оживлением)*. Ладно, Нора. Я приглашу Джемми Кригена. Вот повезло, что он тут! Ты же знаешь, он у меня служил при Талавере... Храбрый солдат, хоть из простонародья. Можешь посадить его по правую руку от меня. Позовем и Райли, чтобы он нам поиграл. О'Дауда и Роша. Правда, все это сброд, чернь, но с ними можно от души посмеяться. Посади их гуда. *(Показывает на столик слева.)* Я, так и быть,

согласен терпеть их присутствие, но не унижусь до того, чтобы сидеть с ними за одним столом.

Нора. Надо достать из сундука твой мундир, и ты его наденешь, как делал всегда в этот день.

Мелоди. Да, признаться, я рад случаю его надеть. Почувствовать себя хоть тенью того человека, каким я когда-то был.

Нора. Ты в этом мундире такой красивый, что ни одна женщина глаз от тебя не оторвет.

Мелоди *(с довольной улыбкой)*. Боюсь, ты слишком льстишь мне, Нора. *(Хвастливо.)* Хотя и правда, в свое время там, в Португалии и Испании... *(Умолкает, смутившись, но жена ничем не выказывает своей обиды. Берет ее руку и ласково похлопывает, избегая, однако, ее взгляда.)* Ни у кого на свете нет такого доброго сердца, как у тебя, Нора. А я... *(Голос его прерывается.)*

Нора *(с трудом сдерживая благодарные слезы)*. Ах, кто же на твоём месте удержался бы, мой дорогой! Ведь ты... *(Смахивая слезы, поспешно.)* Я схожу в лавку и куплю чего-нибудь вкусенького. *(Но лицо ее тут же вытягивается.)* Господи спаси, где же взять денег?

Мелоди *(сразу же ожесточившись)*. Денег? С каких это пор я не пользуюсь кредитом?

Нора *(поспешно)*. Не расстраивайся. Как-нибудь обойдусь.

Мелоди *(снова берется за газету, пренебрегая денежными заботами)*. Ага. Работа на железной дороге в Балтиморе идет полным ходом. *(Опускает газету на стол.)* Клянусь вечностью, если бы я не был таким простофилей и не дал этим жуликам янки сразу же меня обобразь,— вот куда бы я вложил свой капитал. И как бы разбогател! В этой огромной стране нельзя полагаться на еле-еле ползущие по каналам баржи; что бы там ни толковали близорукие болваны, нам необходимы железные дороги. Увидишь, как быстро тогда Америка станет могущественной и богатой! *(На лице его появляется выражение глубочайшей ненависти.)* Такой могущественной, что она раздавит Англию в будущей войне, которая, я знаю, между ними неизбежна. Эх, дожить бы мне и отпраздновать эту победу! Если я в чем-нибудь и каюсь— а в жизни моей немало такого, что заслуживает горчайшего покаяния,— больше всего я сожалею о том, что проливал кровь за страну, которая так подло поступила со мной. Но я буду отомщен. Америка— теперь она стала моей родиной— прогонит англичан с земли, которую эти подлецы обесчестили.

Нора. Слава тебе господи! Тогда мы освободим Ирландию.

Мелоди (*презрительно*). Ирландию? А что ей даст эта свобода, если ее при этом не освободят от ирландцев? (*С внезапным раздражением*.) Но почему я вдруг заговорил об этом с тобой?

Нора (*смиренно*). Ну да. Я ведь темная.

Мелоди. А я-то как старался тебя хоть немножко воспитать, когда мы приехали в Америку. Но понял, что это дело безнадежное.

Нора. Что правда, то правда! И я тоже старалась, но...

Мелоди. Ты даже не отучишь себя от деревенского выговора! И дочь твоя подражает тебе.

Нора. Она говорит по-деревенски, только чтобы тебя поддразнить. А умест она разговаривать не хуже самой благородной дамы!

Мелоди (*не слушает ее, погруженный в горькое раздумье*). Господи прости, мне ли вас попрекать? Почему ты не скажешь, чтобы я оглянулся на себя?

Нора. Ты же знаешь, что я никогда этого не скажу.

Мелоди (*пристально на нее смотрит. Тихо*). Да. Знаю, что не скажешь. (*Отвернувшись, молчит*.) Я перед тобой должен извиниться за вчерашнее.

Нора. Не стоит об этом поминать.

Мелоди (*с деланной небрежностью*). Ей-богу, я слишком много выпил, вспоминая с Джемми Кригеном былое.

Нора. Я видела.

Мелоди. И боюсь, что мог... Когда я вспоминаю прошлое, мне становится обидно. Но ты понимаешь — если я и сказал тебе что-нибудь плохое, это во мне хмель говорил.

Нора. Знаю.

Мелоди (*растроганно обнимает ее*). Ты — добрая душа, Нора, ты даже чересчур добра. (*Целует ее*.)

Нора (*сияет от счастья*). Ах, Кон, дорогой, мало ли что ты можешь сказать, когда на тебя находят черные мысли! Разве я обижусь? Ты знаешь, как я тебя люблю.

Мелоди (*лицо его внезапно искажается от отвращения. Брезгливо отталкивает ее*). Господи помилуй, почему ты не вымоешь голову? Меня тошнит, у тебя волосы воняют луком и тушенкой! (*Тянется к графину и дрожащей рукой наливает себе виски*.)

Нора (*съежилась, будто ее ударили; глухо*). Я ради тебя часто их мою. Но когда целый день стоишь над плитой, волей-неволей...

Мелоди. Прости. Забудь, что я сказал. У меня разгулялись нервы. Не обращай на меня внимания.

Нора (лицо ее чуть-чуть светлеет). Может, позавтракаешь? Я припасла свежие яйца...

Мелоди (только чтобы от нее отвязаться). Ладно. Немного погода. Через четверть часа. А пока оставь меня в покое.

Нора уходит направо.

(Допивает виски. Потом встает и, заложив руки за спину, принимается шагать по комнате. Выпивка начинает оказывать действие, и на лице у него появляется самоуверенность. Видит себя в зеркале и останавливается. Аккуратно стряхивает пыль с рукава, одергивает (фалды.) Слава тебе господи, во мне еще распознаешь офицера и джентльмена. Таким я и умру, как бы ни старалась растоптать мою душу судьба. (С вызовом расправляет плечи. Уставившись взглядом в свое отражение, читает строчки из «Чайльд Гарольда» — словно хочет вернуть свою гордость и оправдаться перед самим собой.)

Мир не любя, любим я не был миром,
Его дыханьку грубому не льстил,
Не поклонялся я его кумирам
И уст моих улыбкой не кривил.
Я не делил восторгов общих пыл.
В толпе — окутан мыслей пеленою —
Среди других я не с другими был¹.

(Помолчав, повторяет.) «Среди других я не с другими был». Клянусь богом, вот это точно! Спасибо тебе, поэт и дворянин лорд Байрон, за то, что ты свое презренье превратил в бессмертную музыку стиха!

Справа в дверях появляется Сара. Она переоделась в голубое нарядное платье, которое ей идет и огненяет цвет глаз. Увидев отца, невольно делает движение назад, но потом останавливается и с презрением смотрит на него.

(Чувствует ее присутствие. Вздрыгнув, резко отворачивается от зеркала. На миг на лице его виноватое смущение, но он сразу же прикрывается маской безразличного равнодушия. Отвешивает дочери поклон.) Ах, это ты, дорогая. Хочешь с утра прогуляться? О да, сегодня прекрасная погода. На твоих щечках сразу же зацветут розы.

Сара. Не знаю, как насчет роз, а вот краска стыда, наверно, появится. Мне нужно упростить Нилана продлить

¹ Байрон. Чайльд Гарольд. Перевод О. Чюминой.

нам кредит еще на месяц потому, что ты заставил мать купить корм для твоей породистой кобылы!

Он делает вид, что не слышит.

(Уничтожающим тоном.) Надеюсь, ты увидел в зеркале нечто достойное восхищения!

Мелоди *(небрежно)*. Право, я, наверно, выглядел самодовольным павлином, но иссему виной плохой свет у меня в комнате. В этой жалкой дыре и одеться как следует нельзя.

Сара. У тебя самая лучшая комната в доме, ее полагалось бы сдавать постояльцам.

Мелоди. Да я и не жалуясь. Я просто объяснил, почему я красовался перед зеркалом.

Сара. Чего уж объяснять!

Мелоди *(стараясь говорить все так же шутливо)*. Ты, видно, встала с левой ноги, но мне неохота ссориться. Наоборот, я хотел сказать, какая ты сегодня хорошенькая, ну просто прелесть!

Сара *(нарочито неуклюже приседает, изображая служанку; насмешливо)*. Нижайше вас благодарю, ваша честь!

Мелоди. Ты с каждым днем становишься все больше похожа на мать. Такой она была, когда я ее увидел.

Сара. Ой ты! До чего же, прости господи, ты мастер улещивать!

Мелоди *(не может сдержать гнев)*. Замолчи! Как ты смешь разговаривать как простая, невежественная... Ты ведь моя дочь, черт тебя побери! *(Берет себя в руки, со смехом.)* Ну и любишь же ты меня дразнить, Сара. Нехорошо, что я тебе поддаюсь. Мать ведь предупреждала, что ты делаешь это только затем, чтобы меня позлить. *(Машинально протягивает руку к графину, но тут же ее отдергивает.)*

Сара *(презрительно)*. Пей, чего остановился? Неужели меня стало стыдно?

Мелоди *(надменно)*. Стыдно? Не понимаю. Джентльмен пьет, когда ему хочется, если, конечно, он умеет пить, как положено джентльмену.

Сара. Джентльмену?

Мелоди *(с прежней любезностью)*. Я заколебался потому, что дал себе слово воздерживаться и поменьше пить. Но если ты настаиваешь... *(Наливает себе немножко. Рука у него уже не дрожит.)* За твое счастье, детка.

Она с издедкой смотрит на него.

(Так же любезно.) Сделай милость, присядь. Я давно хочу с тобой кое о чем поговорить. *(Подает ей стул.)*

Сара (*садится, поглядывая на него недоверчиво*). Чего тебе надобно?

Мелоди (*игриво-отеческим тоном*). Твоего счастья, дорогая, и то, о чем я хочу с тобой поговорить, составит твое счастье, если я еще не ослеп. Как себя чувствует твоя больная, Саймон Харфорд?

Сара (*сухо*). Лучше.

Мелоди. Очень рад. (*Галантно*.) Да и как ему не поправиться с такой прелестной сиделкой!

Сара холодно смотрит на него.

Давай говорить откровенно. Саймон в тебя влюблен. Я это отлично вижу. Надо полагать, что и ты его тоже любишь.

Сара. Можешь полагать все, что угодно.

Мелоди. Значит, ты его любишь. Очень рад. (*В прилив чувств*.) Взаимная любовь—самое большое благо, какое жизнь может подарить нам, смертным, а первая любовь—величайшее счастье. Как говорил лорд Байрон:

Но выше всех отрад—скажу вам прямо—
Пленительная первая любовь,
Как первый грех невинного Адама...¹

Сара (*грубо его прерывая*). Ты хотел, чтобы я слушала, как ты декламируешь Байрона?..

Мелоди (*скрывая раздражение*). Нет. Я хотел сказать, что даю тебе свое благословение, если для тебя это что-то значит. Харфорд, по моему убеждению, достойный молодой человек. Мне приятно с ним разговаривать. Приятно, что я снова могу побеседовать с культурным человеком. Правда, он слишком рассудителен для своих лет, но, сдается мне, за этим здравомыслием янки скрывается романтическая душа поэта.

Сара. Как это мило, что ты его одобряешь!

Мелоди. В твоих интересах я навел о его семье кое-какие справки.

Сара (*сердясь, с нарочитым простионародным выговором*). Да ну? Ой, какой же ты ловкий! Кто же их навел, старик Патч Райли? А может, Дан Рош, или Падди О'Дауд, или какая другая пьяная рвань?

Мелоди (*словно ее не слышит, снисходительно*). Я нахожу его родню вполне приемлемой.

Сара. Да ну? Как это приятно!

Мелоди. Отец его, видно, джентльмен,—конечно, но здешним понятиям, насколько люди купеческого сословия могут претендовать на это звание. Но так как я сам стал

¹ Байрон. Дон Жуан. Период Т. Гнедич.

американским гражданином. я не стану проявлять спесь и пользоваться европейским мерилом в этом вопросе.

Сара. Еще бы!

Мелоди. Хотя мне обидно, что я больше не хозяин замка Мелоди и трех тысяч акров угодий с такими прекрасными пастбищами и лесами, каких мало в Англии, с конюшнями скаковых лошадей и...

Сара (*с горечью*). Что ж, у тебя и сейчас есть породистая кобыла... в доказательство того, что ты все еще джентльмен!

Мелоди (*вспыхнув от гнева*). Да, у меня есть породистая кобыла! И, клянусь богом, она у меня будет, даже если мне придется самому голодать, чтобы ее кормить.

Сара. Ты хочешь сказать—даже если тебе придется загнать маму в гроб тяжелой, каторжной работой или уморить ее голодом?

Мелоди (*сдерживая злость и не отвечая на ее выпад*). Ну, так о чем же я говорил? Ах да, насчет родителей Саймона. Отец его мне кажется приемлемым, а вот со стороны матери он, по-моему, унаследовал по-настоящему благородную кровь. Я слышал, что она происходит из рода знатных и образованных людей.

Сара. Она, наверно, будет очень польщена, узнав, что ты готов до нее спизойти.

Мелоди. По-видимому, молодой человек захочет со мной объясниться, как только выздоровеет?

Сара. Заявить о своих честных намерениях и попросить моей руки?

Мелоди. Конечно. Он человек порядочный. К тому же отец Саймона или их поверенный несомненно пожелают обсудить со мной кое-какие финансовые вопросы. Надо договориться о твоём приданом.

Сара (*не веря своим ушам*). О моем приданом? С отцом Саймона? Побойся бога...

Мелоди (*твердо*). Да, о твоём приданом. Надеюсь, ты не думаешь, что я отдам тебя замуж бесприданницей, словно дочку какого-нибудь нищего пахаря. Не забудь, что я должен думать и о своем положении в обществе. Конечно, сейчас мне туговато. Я нахожусь в стесненных обстоятельствах. Но, может, закладная на этот постоянный двор...

Сара. Ты знаешь, что он уже заложен и перезаложен.

Мелоди. На худой конец, я всегда могу дать вексель...

Сара. Дать его, конечно, можно. Но кто его возьмет?

Мелоди. Джентльмены в таких случаях всегда могут договориться.

Сара. Господи, до чего же хорошо человеку жить в

мире, который он сам выдумал! *(Резко.)* Но тебе нечего расточать фантазию на мои дела. Я попрошу тебя в них не вмешиваться. Пей свое виски и оставь меня в покое.

Он не показывает, что слышал хотя бы слово из того, что она говорит.

(Взглядывается в его лицо, и глаза ее выражают испуг. Произносит горькую отповедь, но в голосе ее слышится мольба.) Отец! Неужели ты никогда не очнешься? Хоть бы не нес эту чушь, когда ты более или менее трезв, как сейчас! Ты ведь просто спятил, если уже не отличаешь, где ложь и где правда, где мертвечина и где живое.

Мелоди *(лицо его судорожно искажается, словно ему всадили нож в сердце; с мольбой)*. Сара! *(Но боль его мгновенно переходит в ярость. Приподнимается с кресла.)* Замолчи, будь ты проклята! Как ты смеешь!..

Опшатувшись, она вскакивает. Мелоди с усилием берет себя в руки и снова опускается в кресло, судорожно вцепившись в подлокотники. Дверь на улицу в глубине распаивается, и в нее, тесная и застревая в проеме, вваливаются Дан Рош, Падди О'Дауд и Патч Райли. Все они неважно себя чувствуют с перепоя. Рош возбужденно разглагольствует. Дан Рош — приземистый, пузатый, кривоногий мужичок средних лет с короткими, сильными руками. Лицо у него плоское, с большим ртом, торчащими ушами и свинячьими воспаленными глазами. Падди О'Дауд — худой, сутулый, с впалой грудью и прыщеватым лицом. Глаза у него навывкате, углы рта опущены. Держится заискивающе, как прирожденный бездельник и приживала. Костюм на нем дешевый, с претензией на шик. Патч Райли — старик с грязновато-седой шевелюрой. Его выцветшие голубые глаза бессмысленно блуждают. Тощее тело прикрыто тряпьем, под пиджаком нет даже рубашки. Рот у него беззубый, запавший; под мышкой — ирландская вольнка.

Рош *(стоит полуобернувшись, пререкаясь с О'Даудом и Райли, и поэтому не видит Мелоди и Сару)*. А я ему говорю: Энди Джексон поставит на место всех вас, жмотов и кровопийц. Подавитесь вы своей работой, говорю я... Подавитесь...

О'Дауд *(поглядывая на Мелоди, предостерегающим тоном)*. Тсс! Тсс! Придержи язык!

Рош круто поворачивается и видит Мелоди. Весь его запал мгновенно гаснет, и вид у него теперь как у побитой собаки, потому что глаза у Мелоди гневно сверкают; злость его подогревает Сара, которая с презрением поглядывает то на него, то на троих посетителей. О'Дауд, избегая взгляда Мелоди, старательно прикрывает дверь. Патч Райли смотрит на Сару с мечтательным восхищением, целиком погруженный в свой призрачный мир.

Рош *(примирительно)*. С добрым вас утром, майор.

О'Дауд *(заискивающе)*. Доброе утро, ваша милость.

Мелоди. Как вы смеете вваливаться сюда без спросу? Спутали мой трактир с теми грязными кабаками на родине, где у вас под ногами бегали свиньи?

О'Дауд. Вы уж нас извините, ваша милость.

Мелоди (*Рошу, с явной угрозой*). Ну а ты, Дан, сколько раз я тебе запрещал поминать в моем доме имя этого подлеца Джексона. Смотри, шкуру с тебя спущу! (*Грозно делает к нему шаг.*) Или, может, не веришь, что я выполню свою угрозу?

Рош (*пугливо отступая*). Да что вы, майор! Просто я забыл... Доброе утречко, мисс.

О'Дауд. Доброе утро, мисс Сара.

Она не обращает на них внимания. Патч Райли, ничего не слыша, продолжает смотреть на нее с мечтательным восторгом, даже не сняв шляпу.

(*Угодливо срывает шляпу у него с головы, говоря с укором*). Где твое соображенье, Патч? Не слышишь, что говорит его милость?

Райли (*не обращая на него внимания, Саре*). Дай бог вам счастья, вы — словно принцесса из сказки, красивая, как роза в утренней росе! Сейчас вам сыграю. (*Налиживает свою волюнку.*)

Сара (*сухо*). Очень мне нужна ваша музыка! (*Но, заметив в глазах старика недоумение и обиду, мягко добавляет.*) Спасибо, Патч, я знаю, как вы прекрасно играете, но мне нужно уйти.

Старик смотрит на нее с благодарностью.

Мелоди. А ну-ка, ступайте в бар, там ваше место! Я вам говорил, чтобы вы не лезли в эту дверь. (*С надменной снисходительностью.*) Вам, вижу, хочется, чтобы поднесли стаканчик. Что ж, никто еще не видел, чтобы я прогнал человека, если ему хочется выпить.

О'Дауд. Спасибо, ваша милость. Пойдем, Дан. (*Берет Райли за руку.*) Пошли, Патч.

Все трое уходя в бар, и О'Дауд притворяет за собой дверь.

Сара (*с издевкой*). Ну и вышколил же ты своих приживальщиков — здорово боятся хозяина! (*Видя, что отец не обращает на нее внимания, облизывает пересохшие губы и, украдкой поглядывая на дверь в бар, холодно добавляет.*) Не смею отрывать тебя от общества твоих джентльменов. (*Затем поворачивается и быстро выходит в дверь, ведущую на улицу.*)

Мелоди (*лицо его снова сводит страдальческая судорога, с мольбой*). Сара!

Справа входит Нора с подносом, на котором несет гренки, яйца, груднику и чай. Суетливо расставляет еду.

Нора. Ты меня, верно, совсем заждался? В эти гренки сегодня словно дьявол вселился. Стоило отойти, и они

стали черные, как негры. Но грудинка хрустит и яйца в мешочек, как ты любишь. Садись.

Молчание.

(Глядит на него с беспокойством.) Что с тобой, Кон? Ты не слышишь?

О' Дауд *(заглядывает в дверь из бара)*. Ваша милость. Микки не верит, что вы разрешили нам выпить. Прикажете ему сами.

Мелоди *(облизывая губы)*. Иду. *(Идет в бар.)*

Нора. Кон! Сперва поешь! Все ведь остынет.

Мелоди *(не оборачиваясь, обычным снисходительным тоном)*. Оказывается, я совсем не голоден, Нора. Извини, пожалуйста, что причинил тебе столько хлопот. *(Уходит в бар и закрывает за собой дверь.)*

Нора горестно опускается на стул и беспокойно смотрит на нетронутую еду. Начинает тихонько всхлипывать.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прошло около получаса. Дверь из бара отворяется, и входит Мелоди. Он выпил еще и так ничего и не съел, но внешне на нем это мало отразилось, только лицо побледнело и взгляд стал еще надменнее. Оборачивается, чтобы утихомирить своих прихлебал.

Мелоди. А ну! Чтоб никакой свары тут, поняли! И ты, Райли, не дуди в свою волынку, не то выгоню. Хочу немножко посидеть в тишине, со своими воспоминаниями. Микки, когда капрал Криген вернется, пошли его ко мне. Он-то знает, что Талавера—не новый сорт виски. *(Презрительно захлопывает дверь, не дослушав «Хорошо, майор», которое кричит ему Микки, и покорного бормотания остальных. Садится за стол на просцениуме слева. Сначала рисуется перед самим собой, принимая позы байронического героя—благородного, разочарованного, высокомерного, клянущего свою злосчастную судьбу, тоскующего по былой славе. Но зрителей нет, и продолжать эту игру бессмысленно. Плечи его опускаются, и он сидит, уставившись в одну точку,—выражение безнадежности и сознание, что жизнь его не удалась, придают подлинный трагизм его испитому, но все еще красивому лицу.)*

Дверь с улицы отворяется, и входит Сара. Мелоди не видит дочери. После унижения у лавочника, которого пришлось уламывать продлить

кредит, вид у нее сердитый. Заметив отца, она становится еще злее. Сара идет к двери направо, но, заметив в его позе что-то непривычное, пристально приглядывается к нему.

Сара (*ей хочется сказать ему что-то неприятное, но слова замирают на губах; спрашивает его с искренней жалостью*). Что с тобой, отец? Может, и в самом деле захворал, или это...

Мелоди (*виновато вздрагивает, стыдись, что проявил слабость; вежливо поднимается и отапливает поклон*). Извини, дорогая. Я не слышал, как ты вошла. (*Сконфуженно улыбаясь*.) Ей-богу, совсем забылся, вспоминая о славной битве в Испании; сегодня ведь ровно девятнадцать лет с того дня.

Сара (*лицо ее становится жестким*). А-а... Сегодня годовщина битвы у Талаверы... Счастливым днем для твоих прихлебал и разорительным для нашего трактира.

Мелоди (*холодно*). Не понимаю тебя. Должен же я отпраздновать эту славную годовщину.

Сара. Еще бы! Помню, что тут было в прежние годы, а нынче, с приездом Джеми Кригена, наверно, будет еще хлеще.

Мелоди. Естественно, что в такой день старый боевой друг мне вдвойне дорог...

Сара. Я его, правда, мало знаю, но уж если кого надо даром накачивать виски, так лучше его, чем ту шантрапу. Да и родня все-таки.

Мелоди (*натянуто*). Очень дальняя, из троюродных. И при чем тут родня? Капрал Криген дрался со мной бок о бок...

Сара. Ты уж, верно, приказал матери закатить вам пир, как всегда? Сам вырядишься в пышный мундир, а мне окажешь честь, разрешив прислуживать у стола? Ну ладно, только ради мамы, чтобы ей не подавать... вам... Но имей в виду, это в последний раз. (*Поворачивается и идет направо к двери*.) Тебе, конечно, приятно, что твоей дочери пришлось чуть не на коленях умолять Нилана, чтобы он еще месяц давал нам продукты в долг... Он сказал напрямик, что делает это только ради мамы, жалсет ее, знает, какой у нее муж. Но что тебе, раз ты можешь жить по-барски и любоваться на свою чистокровную кобылу.

Мелоди уязвлен. Он бросает взгляд на дверь в бар, словно хотел бы гудать. Но сразу же берет себя в руки. Лицо его становится каменным. Он садится и читает газету, не обращая на дочь внимания. Она уже у двери, но тут появляется Нора со стаканом молока.

Нора. Вот молоко, доктор прописал его молодому джентльмену. Пусть выпьет, ты небось пойдешь навверх?

Сара (*берет молоко*). Спасибо, мама. (*Презрительно кивает в сторону отца.*) Я ему рассказывала, что выпросила у Нилана еще на месяц кредит, так что может не беспокоиться.

Нора. Слава тебе господи! Нилан очень добрый человек.

Мелоди (*взрываясь*). А ну его к черту, с его добротой! Клянусь богом, если бы он мне отказал, я бы его... (*Сдерживается, встретив презрительный взгляд Сары. Продолжает, но уже тихо, с враждебным высокомерием.*) Тебя, моя милая, я больше не задерживаю. Поддай молоко нашему молодому янки—тебе же сказала мать. Не упусти случая лишний раз сыграть роль ангела-хранителя. (*Мстительно.*) Клянусь честью, бедному парню теперь не спастись—уж вы, хитрые мужички, его окрутите!

Сара. Лжешь! И не смей оскорблять маму!

Мелоди. А если ваши уловки не помогут, у вас останется еще одна—воззвать к его чести!

Сара (*сжав зубы*). На что это ты намскаешь?

Нора (*хватает ее за руку*). Замолчи, слышишь? Чего ты к нему пристала? Сама виновата—вечно его выводил из себя!

Сара (*спокойно*). Ладно, мама. Пусть любит себя на себя в зеркало—он ведь это обожает—и гордится тем, что сейчас сказал!

Мелоди вздрагивает, как от удара. Сара уходит.

Мелоди (*помолчав, с дрожью*). Я... Она меня не поняла... Но ты права. Она меня дразнит, я выхожу из себя и могу наговорить бог знает что...

Нора (*печально*). А я ведь знаю, почему ты это сказал. Ты думаешь, она не лучше, чем я была в молодости, и поневоле вспомнил, как я с тобою согрешила.

Мелоди (*виновато*). Нет! Неправда! Говорю тебе, она меня не так поняла, а теперь и ты... (*С раздражением.*) Будь она проклята, эта поповская болтовня насчет того, что ты согрешила! (*С каким-то странным, надменным тщеславием.*) Тебя послушаешь, можно подумать, что это ты соблазнила меня. Еще чего не хватало! Особенно если вспомнить, каким я был!

Нора. Ну я-то помню. И правда, ты был так красив, что ни одна женщина против тебя не устояла бы. Да и теперь ты еще...

Мелоди (*самодовольно*). Ну, ты мне льстишь, Нора. (*С байронической меланхоличностью.*) Я только призрак, который бродит среди развалин. (*Тут же переходит на*

галантный тон, но старается при этом на нее не глядеть.) Ну а ты в молодые-то годы? Можно подумать, ты не была самой хорошенькой девушкой в Ирландии! (С насмешкой.) И черта лысого ты тогда стыдилась! Ханжество и вранье! Стыда не было ни капли, я-то помню. Только любовь и радость. И ты гордилась этим!

Нора (с сияющими глазами). Я и сейчас горжусь и буду гордиться, пока жива!

Мелоди (бросает на нее одобрителный взгляд, который тут же переходит в брезгливый—во что же она превратилась! Раздраженно отводит глаза). Что тебе вздумалось вспоминать прошлое? Не желаю я о нем говорить.

Нора (помолчав, несмело). И все же тебе не следует говорить с Сарой так, будто она пойдет на все, чтобы заполучить молодого Харфорда.

Мелоди. Я этого и не думал... Ведь она моя дочь...

Нора. Конечно. И он порядочный парень. (Улыбается, чуть иронично.) Ей-богу, судя по ее рассказам, он такой скромник, что ни разу не набрался смелости даже поцеловать ее.

Мелоди (с легким презрением.) И не удивительно. Когда дело доходит до ухаживания, янки—просто увальни с рыбьей кровью. У них нет подхода. Нет романтики. Они ничего не понимают в женщинах. (Презрительно фыркает.) Клянусь вечностью, я в его годы... (Поспешно.) Ты не подумай, что я дурно отношусь к молодому Харфорду. Он настоящий джентльмен. Когда он придет ко мне просить руки моей дочери, я с радостью дам согласие, если мы с его отцом договоримся насчет приданого.

Нора (торопливо). Ну, об этом рано беспокоиться! (Снова возвращается к своей мечте.) Она будет счастлива потому, что горячо его любит. Куда больше, чем показывает. И этот брак выведет ее в люди. Мы еще увидим, как она будет жить в богатом особняке, одеваться в шелка, бархат и разъезжать в коляске с лакеем на запятках.

Мелоди. Я хотел бы этого не меньше, чем ты. Я—человек конченный, будущего у меня нет, одно только прошлое. Но у дочери моей прекрасная внешность, ум, честолюбие, молодость... Она может далеко пойти. (И тут же с издевкой.) Если, конечно, не забудет, что она девушка из хорошего общества, а не темная деревенская девка! (Слышит, как по лестнице спускается Сара.) Вот она идет. (Встает, говорит с горечью.) Коль скоро ее раздражает мой вид, пойду-ка я лучше в бар. На сегодняшний день хватит с меня ее оскорблений. (Отворяет

дверь в бар. Оттуда доносятся приветственные крики. Закрывает за собой дверь.)

Справа входит Сара. Она покраснелась, глаза ее затуманены от счастья.

Нора (*с упрёком*). Отец ушел в бар, чтобы не слушать твоих дерзостей. Хорошенькое дело! Не стыдно тебе быть такой бесчувственной — сегодня, в годовщину...

Сара. Ладно, мама. Пусть радуется. Я даже помогу тебе достать его мундир с чердака и сама его вычищу.

Нора. Дай тебе бог здоровья... (*Удивленная неприличной покладистостью дочери.*) Господи, да ты на себя не похожа. Что с тобой?

Сара. Я такая счастливая... даже не могу сердиться. (*Поколебавшись, смущенно признается.*) Саймон меня поцеловал. (*С торжеством.*) Наконец-то собрался с духом, да и то я подстроила. Поправляла ему подушки, наклонилась, а уж тут — ведь он не чурбан — удержаться не было сил. (*С ласковым смешком.*) Ты бы сама смеялась, если бы его видела. Он чуть не провалился сквозь матрац от стыда за свое нахальство. Стал просить прощения, испугался, что я обиделась и больше не стану с ним разговаривать.

Нора (*поддразнивая*). А ты что на это? Бьюсь об заклад, ты была не такой смелой, какой представляешься.

Сара. Правда, мамочка! Он и меня сделал такой же застенчивой, как сам. Я чувствовала себя ужасно глупой.

Нора. На этом все и кончилось? Что ж, поцеловаться дело нехитрое. А он тебя не спросил, пойдешь ли ты за него замуж?..

Сара. Нет. (*Поспешно.*) Но я сама виновата. Он так испугался! Надо было ему хоть слово сказать в поощрение. Но я стояла, онемев, словно телка, а когда ко мне вернулась речь, то пробурчала, будто мне надо тебе помочь, и выскочила из комнаты, красная, как свекла... (*Подходит к матери.*)

Нора ее обнимает.

(*Уткнулась ей в плечо и чуть не плачет.*) Ах, мамочка, ну разве не обидно, что я такая дурочка?

Нора. Когда влюблена...

Сара (*взрываясь, сердито*). В том-то и беда! Я чересчур в него влюблена, а я этого не желаю! Не желаю поддаваться чувству и терять рассудок! (*Доверчиво улыбается.*) Эх, да все равно! Он ведь меня любит еще больше, я знаю. В следующий раз не растеряюсь. (*Радостно смеется.*) Можешь считать, что дело в шляпе. Разрешите

представиться: миссис Саймон Харфорд. *(Делает низкий реверанс.)*

Нора *(с улыбкой)*. Ишь ты, нечего передо мной корчить принцессу! Помоги лучше, раз обещала, выгнать отцовский мундир из сундука. У тебя на чердаке спину не будет ломить, не то что у меня.

Сара *(весело обнимая мать за талию)*. Пошли!

Нора. Не помню только, в каком он сундуке... и помоги мне найти ключ.

Уходят направо. Пауза. Дверь из бара открывается, и оттуда снова выходит Мелоди. За его спиной по-прежнему слышны голоса, но на этот раз он никому не дает распоряжений и молча затворяет дверь. На лице его брезгливая гримаса.

Мелоди. Скоты! *(С искренней тоской.)* Эх, пришел бы хоть Джеми Криген! *(С горечью.)* Места себе не найду в своем собственном доме. Повсюду либо невежество, либо насмешки собственной дочери. *(С вызовом.)* Но клянусь всемогущим, никакая сила—ни земная, ни адская—меня не сломит! *(Его так и тянет к зеркалу. Подходит к нему, стараясь поймать свое отражение и этим, как всегда, утешиться. Идет точное повторение сцены перед зеркалом. Так же расправляет плечи, дерзко закидывает голову и произносит любимый отрывок из Байрона.)*

Мир не любя, любим я не был миром,
Его дыханью грубому не льстил,
Не поклонялся я его кумирам
И уст моих улыбкой не кривил.
Я не делил восторгов общих пыл.
В толпе—окутан мыслей пеленою—
Среди других я не с другими был.

(Стоит, уставившись в зеркало, и не слышит, как стукнула щекотка.)

Входит Дебора *(миссис Генри Харфорд)*, мать Саймона, и тихонько прикрывает дверь. Мелоди слишком поглощен собой, чтобы ее заметить. Войдя с ярко освещенной солнцем улицы в полутемную комнату, Дебора минуту ничего не видит, но потом, заметив Мелоди, с недоумением к нему приглядывается. На лице ее появляется насмешливая улыбка. Деборе сорок один год, но по виду ей не дань больше тридцати. Она маленького роста, с хрупкой, юной фигуркой. Никто не поверит, что эта молодая женщина—мать двоих взрослых сыновей. Лицо у нее красивое, даже с точки зрения художника, придиричвого к форме и деталям: четкое очерченное, с высокими скулами, оно сужается от широкого лба к квадратному подбородку и окаймлено густыми, волнистыми рыжевато-каштановыми волосами. Нос тонкий, изящный, чуть-чуть длинноватый. Рот с пухлыми губами и ровными зубами велик для ее лица, так же как и зеленовато-карие глаза с длинными ресницами и густые, с изломом брови. Эти брови показались бы большими на любом лице, но у нее они выглядят просто огромными; их еще больше подчеркивает бледность кожи. У нее крошечные ножки с высоким подъемом и тонкие

руки с длинными пальцами. Одеты она с подчеркнутой простотой в белое. В ней чувствуется сознательно выработанная в себе отрешенность от мира. Это позиция иронического и всегда готового позабыться наблюдателя. Но есть в этой женщине и какая-то капризная самоуверенность — она нарочито подчеркивает своеобразие своей натуры и доходит чуть ли не до эксцентризма.

Дебора. Прошу прощения...

Мелоди, издрогнув, круто оборачивается. На секунду лицо его выражает испуг и даже растерянность. Он пристыжен и разъярен тем, что его вторично за сегодняшнее утро застигли врасплох. В отместку Кон надменно закидывает голову и дерзко оглядывает посетительницу с головы до ног. Но когда он видит, что она привлекательна и к тому же дама из общества, манеры его сразу меняются. Подвернулся счастливый случай, и он, веря в свои силы, «идет на приступ». Он отвешивает галантный поклон. Его приветливая улыбка и тембр голоса полны обаяния.

Мелоди. Доброе утро, мадемуазель. Имею честь вас приветствовать в этой недостойной обители. *(Подставляет ей с поклоном стул.)* Осмелюсь предложить. Вы можете спокойно отдохнуть от уличной жары.

Дебора *(разглядывает его с недоумением. Помимо своей воли приятно поражена его осанкой и породистым красивым лицом)*. Благодарю вас. *(Проходит вперед.)*

Мелоди *(галантно придерживает стул и помогает ей сесть. С таким же удовольствием оценивает ее достоинства, с каким страстный лошадиник оценивает породистого скакуна. Тон у него ласковый и учтивый)*. Мадемуазель... *(Заметив обручальное кольцо.)* Прошу меня извинить, очевидно, мадам... Разрешите еще раз повторить, что я сочту за великую честь быть хоть в чем-нибудь вам полезным. *(Отворачиваясь, словно ненароком дотрагивается до ее плеча.)*

Она поражена, на мгновение обескуражена. Отпрянув, поднимает на него глаза. Взгляды их встречаются, и, прочтя у него в глазах откровенное вождельшие, она вдруг пугается. Но когда он отводит глаза, довольный успехом своей первой атаки, она успокаивается.

Извините, мадам. Боюсь, что я настолько отвык от общества, что совсем огрубел. К нам не часто заходят дамы. Этот трактир, как и его хозяин, впал в полное ничтожество.

Дебора *(коротко, не считая нужным ему отвечать)*. Вы, по-видимому, здешний трактирщик Мелоди?

Мелоди *(в глазах у него загорается гнев. С вызовом)*. Разрешите представиться: майор Корнелиус Мелоди, ранее служивший в седьмом драгунском его величества полку. *(Кланяется с ледяной вежливостью.)*

Дебора *(снова чувствуя себя зрителем забавного представления)*. Ах вот как? Тогда мне следует перед вами извиниться, майор Мелоди.

Мелоди (*воспринув духом, галантно*). Нет, что вы, мадам, вина целиком моя. Чего мне было обижаться? (*Словно признаваясь в похвальной слабости.*) Но как все люди, знавшие лучшие дни, я болезненно воспринимаю даже мнимую обиду.

Дебора (*подыгрывая ему*). Поверьте, сэръ, у меня и в мыслях не было вас обидеть.

Мелоди (*снова встречаясь с ней взглядом и не давая ей отвести глаз, вкрадчиво*). Ваша любезность может сравниться только с вашей красотой, мадам.

Деборе уже не смешно. Она снова смущена и, помимо своей воли, зачарована им.

(Продолжает наступление, уверенный в своей неотрицируемости. В голосе у него звучат меланхолические нотки. Он снова превращается в романтического героя, взывающего к женской чувственности и состраданию.) Я жалкий глупец, мадам. Насколько я был бы умнее и счастливее, если бы мог примириться с тем, что стал хозяином убогого трактира, отречься от своей гордыни и забыть прошлое. А сегодня мне во сто крат труднее его забыть, потому что сегодня—годовщина битвы при Талавере. Самый памятный день моей жизни, мадам! На этом поле славы я удостоился чести быть отмеченным за доблесть самым великим герцогом Веллингтоном, тогда еще сэром Артуром Уэлсли. И я уверен, что вы найдете в своем сердце достаточно милосердия, чтобы мне простить... (*Тон его становится более нежным.*) Столь очаровательная женщина должна понимать мужскую душу, ведь сколько нас, грешных, отдавали вам свои сердца? (*В голосе его звучит откровенная страсть.*) Бьюсь об заклад на все, что у меня есть,—даже янки с рыбьей кровью и те, наверно, не могут спокойно смотреть на такую красоту! (*Берет ее руку, лежащую на столе, и пылко заглядывает ей в глаза.*) Не могу и я!

Дебора (*чувствуя, что ее покоряет сила его физического обаяния, пытается вырвать руку. Заикаясь, пробует отшутиться*). Это что—особая ирландская лесть, сэръ?

Мелоди (*с чувственным жаром*). Нет! Клянусь господом богом, что я кинулся бы на целый отряд наполеоновской гвардии за один ваш поцелуй! (*Наклоняется к ней, не давая ей отвести взгляд.*)

Мгновение кажется, что он вот-вот ее поцелует и она не будет сопротивляться. Но запах виски у него изо рта приводит ее в себя, она вздрагивает от отвращения и приходит в холодное бешенство.

Дебора (*вырвав руку, произносит с убийственным высокомерием*). Фу! От вас несет виски! Да вы просто

пьяны! Как это противно и оскорбительно! Понятно, почему в ваш трактир порядочные люди не ходят, если вы развлекаете ваших посетительниц такими идиотскими ужимками.

Мелоди резко отступает на шаг, словно ему дали пощечину. Дебора издает и презрительно отворачивается. В это время входят Сара и ее мать. Они с первого же взгляда понимают: что-то произошло. Мелоди и Дебора их не замечают.

Нора (*вполголоса*). Господи спаси!

Сара (*сразу сообразив, что это та женщина, о которой ей говорил Микки, поспешно подходит, стараясь скрыть свое беспокойство и стыд*). В чем дело, отец? Что угодно этой даме?

Ее появление наносит еще один удар Мелоди, который и так кипит—его так страшно унизили.

Дебора (*оборачивается к Саре; вежливо, с полнейшим самообладанием*). Я приехала повидать вас, мисс Мелоди, в надежде, что вы знаете, где находится мой сын, Саймон.

Ее слова поражают Мелоди как громом.

Мелоди (*не может сдержаться, он слишком зол, ему кажется, что она намеренно его дурачила*). Вы его мать? Боже, так что же вы сразу не сказали?

Дебора (*не глядя на него, Саре*). Я ходила в хижину, где он прятался от людей. Но отшельник куда-то скрылся.

Сара (*закрываясь от смущения*). Он здесь, миссис Харфорд... наверху, в постели. Он болен...

Дебора. Болен? И серьезно?

Сара (*понемногу приходя в себя*). Ну, теперь у него почти все прошло. Просто был жар, лихорадка—на озере так сыро. Я пришла туда, увидела, что его страшно трясет, и привела сюда—тут и доктор под рукой, и уход за ним...

Дебора (*вежливо*). Ухаживаете за ним, наверно, вы?

Сара. Да, я и... мама и я.

Дебора (*любезно*). Я очень благодарна вам и вашей матушке за вашу доброту.

Нора (*подходит с доброй, приветливой улыбкой*). О, право же, не стоит благодарности, мадам. Ваш сынок такой милый, добрый парень, мы его очень полюбили. И с радостью держали бы, если бы он даже не платил за это ни гроша... (*Застенчиво умолкает, поймав неодобрительный взгляд Сары.*)

Дебора неприятно поражена неряшливым видом Норы, но сразу же чувствует ее душевную привлекательность и доброту. Улыбнется ей в ответ.

Сара (*принужденно*). Это моя мама, миссис Харфорд.

Дебора любезно кивает. Нора по-деревенски приседает, как положено при встрече с барыней. Мелоди, чувствуя, что его поставили на место, дышит яростью и злобно смотрит на жену.

Нора. Рада познакомиться с вами, мадам.

Мелоди. Нора! Ради бога, перестань... (*Внезапно снова превращается в утонченного джентльмена и говорит с сочувствием и даже слегка покровительственно.*) Я убежден, что миссис Харфорд не терпит повидать сына. Не правда ли, мадам?

Дебора (*так ошеломлена его наглостью, что на секунду теряет дар речи. Потом отвечает холодно, да и то, видно, только потому, что не хочет усугублять всеобщую неловкость*). Вы правы, сэр. (*Поворачивается к нему спиной.*) Будьте добры, проводите меня, мисс Мелоди! У меня и так ушло все утро на поиски, и пора уже возвращаться в город.

Сара. Прошу, миссис Харфорд. (*Идет к двери направо и пропускает Дебору вперед.*) Какая приятная неожиданность для Саймона. Он бы вам написал, что болен, да не хотел вас волновать. (*Выходит следом за Деборой.*)

Мелоди. Дура! Если бы я знал... Да нет, какого дьявола, я ничуть не жалею... Чертова выскочка! (*С издевкой.*) Но она меня не проведет своим видом оскорбленной добродетели. Я слишком хорошо знаю ихнюю породу... (*В ярости.*) «Развлекаете такими ужимками!» Черт бы се побрал!

Нора (*робко*). Не ругай ее и не мучай себя. Она, по-моему, добрая женщина. А когда поймет, что ты не знал, кто она такая, обижаться не будет.

Мелоди (*напряженно*). Помолчи!

Нора. Не злобствуй, хотя бы ради Сары. Ведь ты не хочешь, чтобы у нее с этим парнем все расстроилось?

Он молчит.

(*Продолжает его утешать.*) Ступай к себе, там найдешь то, что отвлечет тебя. Мы с Сарой почистили муцир и положили к тебе на кровать.

Мелоди (*грубо*). Убери его обратно в сундук. Я не желаю, чтобы он мне напоминал... (*Его снова охватывает ярость*) Клянусь вечностью, она, видно, решила, что мои слова о Талавере и о том, что герцог меня отличил,— пьяная похвальба.

Нора. Ну что ты, Кон! Разве она могла так подумать!

Мелоди. А-а... чтобы верить, надо видеть, не правда ли, моя умница? Клянусь богом, это ее убедит... (*Нора, с прежней самоуверенностью.*) Спасибо, что ты мне напом-

мила о моем долге по отношению к Саре. Ты права. Я обязан ради нее умерить свой гнев и принести извинения матери Саймона за это маленькое недоразумение. *(Снисходительно улыбается.)* Как истый джентльмен, я должен признать, что хорошенькие женщины всегда правы, даже когда они не правы. *(Идет к двери налево.)* Если эта дама вернется, прошу, задержи ее под каким-нибудь предлогом до моего прихода. *(Отдав этот приказ, уходит.)*

Нора *(вздыхнув)*. Слава богу, кажется, обошлось. Он теперь будет вести себя вежливо, а когда наденет мундир, то и вовсе почувствует себя человеком. *(Устало садится посреди комнаты, чтобы передохнуть.)*

Справа поспешно входит Сара.

Сара. Где отец?

Нора. Я уговорила его пойти наверх и надеть мундир. Это его утешит.

Сара *(с горечью)*. Его утешит? Это меня надо утешать, что отец у меня идиот!

Нора. Тише! Откуда он мог знать, что она...

Сара *(с неожиданным злорадством)*. Ну, да так ей и надо! Небось уверена, что перед такой знатной дамой все должны спину гнуть. Вот ей и показали. Да и вид у нее был совсем не такой уж оскорбленный. Может, ей все это было даже по вкусу, что бы она тут ни изображала. *(Но тут же совсем другим тоном.)* Ох, и зачем я говорю такие глупости? Слава тебе господи, что наконец-то его поставили на место! Теперь не скоро забудет, как она его унизила.

Нора. Неправда! У нее хватило ума понять, что он выпил, и не обидеться на него.

Сара *(вяло)*. Может быть. А что толку? Какая женщина захочет, чтобы ее сын женился на дочери такого... *(Голос у нее прерывается.)* Ах, мама, я так была счастлива, так уверена в Саймоне, а теперь... Надо же было ей прийти сегодня! Обожди она хотя бы до завтра — и я бы заставила его сделать мне предложение. А если бы он дал слово, никакая сила не принудила бы его отступить!

Нора. Если он тебя любит, никакая сила и так не принудит его отступить. *(С гордостью.)* Я-то это знаю! *(Убежденно.)* Она ему мать и хочет ему счастья; она увидит, что он тебя любит. Почему ты думаешь, что мать будет его отговаривать?

Сара. Хотя бы потому, что ненавидит меня.

Нора. С чего ты взяла? Не может быть.

Сара. Может. Ну да, она была так мила, но меня не обманешь! Она ведь из тех, что будут вежливы даже с

собственным палачом на эшафоте. *(Понижив голос.)* Пришла не просто затем, чтобы повидать Саймона. Его отец получил письмо насчет нас и показал это письмо ей.

Нора. Кто мог сделать такую подлость?

Сара. Письмо, она говорит, не подписано. Наверно, кто-то из соседей из ненависти к отцу, его ведь здесь не любят.

Нора. Ах, разрази его господь, этого негодяя!

Сара. Она пришла предупредить Саймона, что отец его просто в бешенстве и поехал к своему поверенному... Но меня это не пугает. Боюсь только, чтобы она на него не повлияла.

Нора. А как ты узнала об этом письме?

Сара *(избегая ее взгляда)*. Я прокралась наверх и подслушала у двери.

Нора. Стыд какой! Неужто гордости у тебя нету?

Сара. Мне сразу стало стыдно, мама, и я ушла. *(Нотут же с вызовом.)* Вру, ничуть мне не стыдно! Я хотела знать, какие она придумает хитрости,—чтобы их побороть. Ни капельки мне не стыдно. Я пойду на все, чтобы его удержать. *(Понижив голос.)* Стоило ей войти в комнату, как она сразу же стала его уговаривать. У нее всего несколько минут—ей надо вернуться к обеду, чтобы муж не заподозрил, где она была. Он запретил ей видаться с сыном, с тех пор как Саймон сюда перебрался.

Нора. А разве то, что она пришла против воли мужа, не доказывает, что она на стороне Саймона?

Сара. Да, но она вряд ли хочет, чтобы Саймон на мне женился. *(С раздражением.)* Не будь такой наивной, мама. Разве она признается Саймону, даже если муж сам послал ее сюда отнять его у меня.

Нора. Зачем накликать беду? Поживем—увидим. Может, ты сама...

Сара. А я и так уже все вижу—она ненавидит меня. *(С горечью.)* Даже если она пришла сюда с добрыми намерениями, они у нее сразу пропали, как только наш барин ее оскорбил. Слава богу, он надевает мундир—значит, еще битый час будет вертеться перед зеркалом, она успеет уйти, прежде чем он снова начнет валять дурака. *(Другим тоном.)* А хорошо, если бы она увидела его в мундире, когда он трезвый. Тогда она поняла бы, что ей нечего смотреть на него свысока... *(Злясь на себя.)* Ох, я такая же ненормальная, как он! *(С досадой.)* Будто она не видит его насквозь!

Нора *(устало)*. Остань ты его в покое, ради Христа!

Сара *(помолчав, с вызовом)*. Пусть идет на любые хитрости, пожалуйста! Ничего, я тоже кое-что соображаю! *(С опаской.)* Но Саймон мне говорил, что, несмотря

на свои светские манеры, она человек странный, ни на кого не похожий. Не угадаешь, что у нее на уме...

Наверху слышен какой-то шум.

Вот она, что-то уж очень скоро. Ну, я готова с ней поговорить. Мама, выйди на кухню, хорошо? Я хочу дать ей возможность выложить мне все начистоту.

Нора поднимается, но, вспомнив приказ Мелоди, не решается уйти.

(Настойчиво.) Ты что, не слышишь? Скорей, мама!

Нора, вдохнув, поспешно уходит направо. Сара садится за стол и ждет, бессознательно переживая величественную осанку отца. Появляется Дебора. По ее лицу нельзя прочесть, какие чувства вызвало у нее свидание с сыном. Она улыбается Саре, которая плавно поднимается со стула.

Дебора *(подходя к ней)*. Рада, что вас застала, мисс Мелоди. Это даст мне возможность еще раз поблагодарить вас за заботы о моем больном сыне.

Сара. Спасибо, миссис Харфорд. Мы с мамой были рады сделать все, что было в наших силах. *(С легким вызовом.)* Мы очень хорошо относимся к Саймону.

Дебора *(в глазах ее блеснул скрытый смехок)*. Да, я вижу. И сын мне рассказывал, как хорошо он относится к вам. *(Выражение лица у нее становится задумчивым. Говорит быстро, бессознательно понизив голос, словно самой себе.)* Сегодня я первый раз увидела Саймона с тех пор, как он, в поисках внутренней свободы, ушел из дома на лоно природы. Я не нахожу, что он сильно изменился, несмотря на все, что он писал мне в своих письмах. Правда, в последнее время писем не было. Он честно признался, что поэзия, на которую его вдохновило общение с природой, оказалась всего-навсего подражанием лорду Байрону, и я боялась, что это угнетающе на него подействует. *(Улыбается.)* Но, видимо, он утешился новым романтическим вымыслом. Я должна была этого ожидать. Саймон — неисправимый мечтатель! Боюсь, что эту слабость он унаследовал от меня, хотя, надо признаться, и Харфорды тоже по-своему мечтатели. Даже у моего мужа есть своя мечта — естественно, это консервативная, практическая мечта. Я как раз напомнила Саймону, что отец никогда не простит тому, кто покусится на его мечту, и найдет весьма практический способ помешать этому. *(Снова улыбается.)* Мое предостережение было попыткой исполнить материнский долг. Я знала, что оно не возымеет действия. Он даже не слушал, что я говорю. Да и я говорила просто так... *(Рассеянно посмеивается, словно знает что-то очень забавное.)*

Сара (не сводит с нее глаз, не понимая, что за всем этим кроется и как ей реагировать на эту речь. В тоне ее звучит едва скрытое возмущение). А я не считаю, что Саймон подражает лорду Байрону. Я ненавижу стихи лорда Байрона. И знаю, что Саймон — настоящий поэт.

Дебора (слегка удивлена, но спешит продолжить). В своих чувствах — да. Понятно, что это вас в нем привлекает. Сейчас. Но предупреждаю вас: женщине трудно на всю жизнь сохранить поклонение кому бы то ни было. Я знаю весь род Харфордов. Такая черта была у прадеда Саймона, Джонатана Харфорда. Его убили у Банкер-Хилла, но, по-моему, Война за независимость имела для него только символическое значение. Он вел свою личную войну — за абсолютную свободу. И у деда Саймона, Эвана Харфорда, была эта черта. Он тоже был фанатиком идеи абсолютной свободы и не принял нашей революции. Она требовала слишком много компромиссов и не соответствовала его идеалам. Он отправился во Францию и стал заядлым якобинцем, почтителем Робеспьера. Он бы с радостью вззошел на эшафот рядом с этим неподкупным спасителем отечества, но — увы! — он был маленький человек. Его просто забыли казнить. Он вернулся домой и доживал свой век в миниатюрном Храме Свободы... который он выстроил в уголке нашего сада. Храм еще стоит. Я хорошо помню старика. Сухой и вздорный старый идеалист — он любил надевать свой старый мундир французской национальной гвардии. Он и умер в этом мундире. Но вы себе не представляете, какую бешеную ненависть вызывала эта погоня за свободой у женщин, деливших с Харфордами их жизнь! Три невестки Джонатана и сводные сестры Эвана были вынуждены сколачивать состояние при помощи военных поставок и торговли с Севером, а в конце концов им пришлось пуститься в работоторговлю — это была, как понимаете, ренайоющая победа в их многолетней войне со свободой. Лучше подчинить себе свободу, чем быть рабом ее! Жена Эвана стала их пособницей. Они попытались завладеть и мною, но мне удалось спастись, я была так мала, что их морщинистым, жадным пальцам не за что было ухватиться. Жаль, что они уже умерли, так и не узнав вас. По-моему, вы им пришлись бы по вкусу. Они бы увидели, что вы человек сильный, честолюбивый и намерены добыть то, что вам нужно. Они улыбнулись бы вам своей старческой, жадной, змеиной улыбкой и приняли бы в свои объятия. (Смеется.) Злобные старые ведьмы! Однако я не могла порой не восхищаться ими... и не жалеть их — под конец. У нас была общая страсть. Они преклонялись перед Наполеоном. И часто говорили, что Наполе-

он — единственный мужчина, за которого они с радостью пошли бы замуж. Мне часто снилось, что я — Жозефина... увы! — даже после того, как я стала миссис Харфорд. А эти сестрицы — все их так звали — сопровождали нас с мужем в свадебное путешествие, чтобы в Париже посмотреть на коронацию. *(Молча улыбается своим воспоминаниям.)*

Сара *(помимо своей воли зачарована тихим напевным потоком слов, хотя и с трудом понимает, что в этой речи относится к ней лично. Доверчиво, с улыбкой)*. Я гоже всегда восхищалась Наполеоном. И помимо всего, не могу простить отцу, что он воевал против него.

Дебора *(словно очнувшись, с вежливой улыбкой)*. Ах, мисс Мелоди, боюсь, я вам наскучила семейными преданиями Харфордов. Не знаю, что вы обо мне подумаете... но Саймон, верно, вам говорил, что временами я бываю немножко чудная. *(Взглянув на Сару, со смешинкой.)* Ага, вижу, что говорил! Тогда вы меня, конечно, простите. Сама не пойму, что меня побудило, — разве что желание быть честной и вас предостеречь.

Сара *(напряжнно)*. Предостеречь от чего, миссис Харфорд?

Дебора. От того, что Харфорды никогда не расстанутся со своими бреднями. Не могут. Это семейное проклятье. Например, книга, которую собирается писать Саймон, с обличением стяжательства и честолюбия и прославлением свободы. Он советует спасти свою душу, довольствуясь малым. Вряд ли вы можете относиться к этому серьезно. *(Снова бросает на Сару быстрый взгляд.)* Видите, я права. Да и я не могу. Больше того, я не верю, что Саймон когда-нибудь изложит все на бумаге. Хотя, предупреждаю вас, книга уже написана в его душе и... *(Умолкает; сухо, презрительно смеется.)* Право же, я со своими предостережениями похожа на Кассандру. И очень, верно, вам наскучила. *(Протягивает руку.)* До свидания, мисс Мелоди.

Сара *(машинально пожимает руку)*. До свидания, миссис Харфорд.

Дебора направляется к двери в глубине сцены.

(Идет за ней, на лице ее смущение, недоверие и в то же время надежда. Внезапно у нее вырывается.) Миссис Харфорд, я...

Дебора *(оборачиваясь к ней, вежливо)*. Да, мисс Мелоди? *(Но взгляд у нее отчужденный, не допускающий никакой близости.)*

Сара *(сразу загнувшись, напряженно)*. Не могу ли я предложить вам перед уходом чего-нибудь прохладитель-

ного? У вас, наверно, во рту пересохло—ведь сегодня такой жаркий день, а вы прошли всю дорогу до хижины Саймона и обратно.

Дебора. Спасибо, мне ничего не нужно. *(И тут же быстро заговаривает снова, тем же странным рассеянным тоном.)* Да, эта одинокая прогулка по лесу меня почему-то глубоко взволновала. В ней было что-то пугающее и в то же время пьянящее. Какое-то неукротимое чувство освобождения и вместе с тем нового рабства. Я ведь много лет не отваживалась выйти за ограду своего сада. А там природа приручена, вышколена угождать и украшать. Я забыла, какая неумолимая сила в первозданной природе,—пока не столкнулась с нею. *(Улыбается.)* Утро сегодня было просто ошеломляющим для такой пожилой, усталой женщины, как я, но я льщу себя, что мне удалось сохранить философское спокойствие или хотя бы сделать вид, будто я его сохраняю. Однако я с облегчением вернусь в свой сад, к моим книгам и размышлениям, и снова буду равнодушно внимать тому, как шагает мимо жизнь за высоким забором. Я никогда больше не отважусь выйти в мир затем, чтобы выполнить свой долг. Это занятнее, конечно, благороднее, но для тех, кто тешит себя, будто знает, в чем их долг перед другими людьми, я же... *(Смеется.)* Простите, я опять разболталась! *(Снова поворачивается к двери.)* Катон рассердится, что я его так долго заставила ждать. Его обожаемых лошадей из-за меня совсем сожрали мухи. Катон—это наш черный кучер. Он тоже любит Саймона, хотя, с тех пор как Саймон стал поборником свободы, он очень смущает Катона, здороваясь с ним за руку. Катон всегда был свободным и уравновешенным человеком, даже когда был рабом. Его удивляет, что Саймону приходится все время доказывать, что он, Саймон,—человек свободный. *(Улыбаясь.)* Еще раз прощайте, мисс Мелоди. Но теперь я и в самом деле ухожу.

Сара отворяет ей дверь. Дебора проходит мимо нее на улицу, сворачивает налево и, миновав оба окна, исчезает. Сара закрывает дверь и медленно поворачивается на середину комнаты. Она стоит задумавшись. На ее лице отражаются и недоумение, и дурные предчувствия, и обида.
Справа входит Нора.

Нора. Господи, Сара, зачем ты ее отпустила? Отец же просил...

Сара. Я ее не понимаю, мама! Можно подумать, что ей все равно, но ей совсем не все равно. И она меня ненавидит. Я это почувствовала. Она, по-моему, сумасшедшая. Говорит, говорит, словно остановиться не может... что-то странное лепечет о предках Саймона, о себе самой, Наполсоне, природе, о своем саде, о свободе и боге

шаст о чем. Но все время дает мне понять, что за всем этим скрывается какой-то тайный смысл, что она меня предостерегает и чем-то хочет напугать. Да, может, она и не в себе, но она совсем не дура. Я знаю, она не осмелилась сказать Саймону, что скорее предпочтет видеть его мертвым, чем женатым на мне. Нет, но наверняка сказала ему: «Конечно, если ты убежден, что ее любишь и она сделает тебя счастливым... Но надо подождать, убедиться в своем чувстве...» — одним словом, дать ей шлугать время. Бьюсь об заклад, она заставила его пообещать, что он подождет!

Нора (*смотрит на дверь слева, думая о своем; с испугом*). Отец сейчас спустится. Я пойду в сад. (*Хватает Сару за руку.*) Пойдем со мной, дадим ему время утихомириться.

Сара (*стряхивая ее руку, с раздражением*). Оставь меня, мама! У меня и без него хватает забот! Мне надо решить, как вести себя с Саймоном. Быть такой же притворой, как и она. Сделать вид, будто она мне понравилась и я отнесусь с уважением к любому ее совету... Он не должен заметить... Нет, сегодня я больше к нему не пойду! Если хочешь, отнеси ему ужин и молока. Скажи, что я занята. Пусть думает, что я рассердилась на него, и помучается, не наговорила ли мне чего-нибудь его мать. Если он испугается, что меня потерял, — может, это поможет? Как ты думаешь, мама?

Нора (*видя, что дверь слева отворяется, шепчет*). О господи! (*В страхе хочет куда-нибудь скрыться и бежит в дверь направо.*)

Открывается дверь, и медленно входит Мелоди. Слыша голоса и полагая, что Дебора еще здесь, хочет войти как можно торжественнее. Несмотря на явную театральность, выход его очень эффектен. Одетый в красный парадный мундир одного из драгунских полков Веллингтона, он выглядит необычайно привлекательным, значительным и романтичным. Он поразительно преобразился и обрел то, чего ему так не хватало до этого, — неукротимую властность и надменное бесстрашие кавалерийского офицера, каким он и правда когда-то был. Мундир сохранился как новый. Пуговицы сияют, и на сукне нет ни пятнышка. Облечившись в мундир, Мелоди снова почувствовал дерзкую уверенность в себе. К тому же он принял все меры, чтобы освежить лицо и скрыть последствия утренней выпивки. Увидев, что Деборы нет, он обескуражен и, как всегда наедине с Сарой, виновато замыкается в себе. Лицо Сары сразу становится жестче, и она делает вид, будто не замечает его появления. Он медленно доходит до стола в центре и останавливается против дочери. Она по-прежнему не желает его замечать, и он вынужден заговорить первым. У него тон человека, проницающего себе свои маленькие слабости и причуды.

Мелоди. Зашел к себе в комнату и вижу — вы с матерью так заманчиво разложили на постели мундир, ну я не выдержал и надел его, не дожидаясь вечера.

Сара (оборачивается и помимо своей воли поражена его видом. Вместо презрительного выпада в состоянии только глупо пробормотать). Да, я... я вижу. (Пауза. Не в силах отвести от него глаз, в восхищении восклицает.) Какой же ты красивый, отец!

Мелоди (довольный как дитя). Как мне приятно это услышать, дорогая Сара! (Красуется.) Лищу себя надеждой, что мой вид достоин того человека, который когда-то с честью носил этот мундир.

Сара (с невольной мольбой, в которой слышится горький укор). Ах, отец, почему ты не всегда бываешь таким? (С грустной насмешкой.) Таким, каким ты был. Вот жалость, что я не застала тебя военным. Может, хоть этого ты не выдумал.

Мелоди (выражение лица меняется, словно он надел маску. Холодно). Не понимаю. (После паузы, дерзко, весело.) Неужели ты все еще не можешь мне простить той бестактности, которую я допустил по отношению к твоей будущей свекрови? Ну что ж, ты права. (Улыбается.) Клянусь, тут я сел в лужу. (Ухмыляется.) Черт бы меня побрал, никак не приноворююсь к этим американкам! Я им оказываю честь, невинно им льщу, говорю комплименты, а глядишь, у них такой вид, будто я их оскорбил. Вся беда в их постном пуританском воспитании. Им так и чудится грех под каждым кустом. Но этой нечего было пугаться. Мне никогда не нравились бледные, тощие немощи... (Поспешно.) Но я все же очень жалею о том, что произошло, и ради тебя сделаю все, чтобы это загладить. Я окажу этой даме честь, принесу ей мои извинения. (С дерзким тщеславием.) Уверен, что когда она наконец спустится сверху, то будет рада со мной помириться. Если я хоть что-нибудь понимаю в женских слабостях... Она была совсем не так возмущена, как хотела показать.

Сара (поначалу неодобрительно глядя на него—до последних его слов, но тут вдруг соглашается). Бьюсь об заклад, что не так, как бы она ни важничала! (И сразу же приходит в ярость и на себя и на него.) Ох, да перестань ты пичкать меня своими бреднями! (Взяв себя в руки, холодно.) Тебе не удастся вконец испортить дело, щеголяя перед ней в красивом мундире. Она ушла.

Мелоди. Ушла?.. (В ярости.) Врешь, чертовка!

Сара. Нет, не вру. Ушла, минут десять назад.

Мелоди. Но я же сказал матери, чтобы она ее задержала... (Умолкает.)

Сара. Ох, вот отчего мама так напугалась! Это я отпустила миссис Харфорд, так что не вымещай злость на бедной маме!

Мелоди. Злость? Моя дорогая Сара, я чувствую только облегченно. Не думаешь же ты, что мне приятно поступаться своим самолюбием, пусть даже в твоих интересах?

Сара. Дать ей повод в моих интересах лишний раз похихикать в кулак над твоими смешными претензиями? *(Со злой усмешкой, подчеркнуто простецки.)* О-хо-хо, пожалей его, боже. *(Поворачивается к нему спиной и уходит направо.)*

Мелоди судорожно хватается могучими руками за спинку стула, чтобы совладать со своим гневом. Слышен треск — спинка ломается. В тупом недоумении он держит в руках обломки стула. Дверь из бара распахивается, и оттуда кричит Микки: «Криген пришел, майор!»

Мелоди *(тупо повторяет)*. Криген? Криген? *(Лицо его освещается радостью, кричит.)* Джеми! Старый боевой друг!

Входит Криген.

(Крепко пожимает ему руку.) Черт побери, рад тебя видеть, Джеми!

Криген обрадован горячностью этой встречи.

(За руку ведет его в комнату.) Входи. Садись. Уж ты-то со мной выпьешь. *(Достает Кригену из буфета рюмку.)*

Криген *(с восхищением)*. Боже, да ведь это тот старый мундир! А как вы в нем выглядите — не хуже, чем в Испании! *(Садится.)*

Мелоди *(очень довольный, с показной скромностью)*. Ну, положим, хуже, но надеюсь, я еще не совсем развалина. Я надел его в честь сегодняшней годовщины. Вижу, ты про нее забыл. Ах ты, собака, разве можно забывать Талаверу?

Криген *(взволнованно)*. Талаверу? Там я получил этот сабельный удар. Клянусь, я ее не забыл, и вы в полном праве праздновать этот день. Вы дрались в этом бою за десятерых!

Мелоди пододвигает ему графин. Криген наливает себе в стакан.

Мелоди *(к нему вернувшись самоуверенно)*. Да, могу сказать, не хвалясь, что вел себя достойно. *(Покровительно.)* По правде говоря, ты тоже. *(Наливает себе и поднимает стакан.)* За этот славный день и за твое здоровье, капрал Криген.

Криген *(восторженно)*. За этот день и за вас, дай вам бог здоровья, Кон! *(Хочет чокнуться с Мелоди, но тот отводит свой стакан и высокомерно откидывается назад.)*

Мелоди (с холодным укором). Я предложил тост за этот славный день и за твое здоровье, капрал Криген!

Криген (*вспыхивает от злости, но сразу же ухмыляется. С восхищением*). Фу ты черт, пусть хоть земля перевернется, а вы все такой же! (*Многозначительно поправляет себя.*) За тот славный день и за вас, майор Мелоди!

Мелоди (*чокается с Кригеном, с любезной снисходительностью*). Твое здоровье, капрал!

Они пьют.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Дверь и бар закрыты. Время действия—около восьми часов вечера, и на столе посреди комнаты горят свечи. Мелоди сидит во главе стола. В своем великолепном мундире он выглядит еще колоритнее, чем всегда, тем более что при горящих свечах комната кажется меньше и обшарпаннее. Справа от Мелоди сидит Криген. Остальные стулья за столом не заняты. Райли, О'Дауд и Рош сидят за столиком слева. Спереди сидит Райли, но его стул повернут так, что лицо его обращено к Мелоди. О'Дауд сидит у стены, а Рош—спиной к Мелоди. Все пятеро пьяны. Мелоди больше всех, но, если бы не остекленевший взгляд и смертельная бледность, по его виду нельзя было бы ничего заметить. Он и пьяный умеет вести себя как истый джентльмен. Меньше всех пьян Криген. О'Дауд и Рош расшумелись. Чем больше нативается Райли, тем глубже он погружается в свои грезы,—кажется, что он не замечает ничего вокруг. Перед Мелоди и Кригеном стоят пустая и полупустая бутылки портвейна; стаканы их наполнены вином. У тронх за другим столом—графин с виски.

Сара в домашнем платье и переднике убирает посуду и остатки обеда. Губы ее сжаты. Она решила игнорировать отца и его собутыльников, в глазах у нее злость и отвращение. Мелоди расставляет столовые приборы, солонку и прочее, чтобы показать, как стояли войска во время битвы. Криген следит за его движениями. Патч Райли настраивает волынку.

Мелоди. Вот река Тахо. А здесь Талавера. На этой высоте расположение французов; между их позициями и нашими—равнина. Вот наш редут, где стояли четвертая дивизия и гвардейцы. А тут, если помнишь, в долине, слева—наша кавалерийская бригада.

Криген (*с волынком*). Как же не помнить? Я это вижу, как будто все было вчера!

Райли (*запевает веселую песню, аккомпанируя себе на волынке; голос его дрожит и лишь отдаленно напоми-*

иает былой тенор, но поет он верно, на мотив «Балти-орум-»).
У ней была премиленькая комнатка,
И стол, и вдоволь пива и мясца,
А также и постелька для духовника,
Для своего духовного отца.
Там были занавески, говорят,
А также то, чем зимними ночами
Его преосвященство греться рад.
Итак, ура, ура тебе, Вилли О'Рафферти!¹

Рош и О'Дауд громко орут последний стих, отбивая такт стаканами по столу, и пьяно захохот. Криген тоже присоединяется к хору. Мелоди сердито хмурится, что его прервали, но потом по-барски, снисходительно улыбается.

О' Дауд (*кинув хитрый взгляд на Мелоди, чтобы проверить, какое у него настроение, говорит глумливо*). Ох уж эти мне поны, дьявол им судья! Верно ведь, майор?

Мелоди. Будь они прокляты! Правильная песня, горнист! Клянусь, я заставлю тебя ее повторить для моей жены, когда она сядет с нами за стол. Она до сих пор втайне неравнодушна к понам. А теперь поменьше шума, вы, негодяи. Вы так галдите, что мы с капралом Кригеном друг друга не слышим.

О' Дауд (*рабочито ухмыляясь*). Тише так тише, ваша милость. Помолчи-ка, Патч. (*Толкает старика в бок так, что тот чуть не падает со стула.*)

Райли растерянно на него смотрит. О'Дауд и Рош ржут.

Мелоди (*саирепо на них взглянув, оборачивается к Кригену*). На чем я остановился, капрал? Ах да, мы выжидали, стоя в долине. Вдруг слышим, как у французов запела труба и они стали строиться в атаку. К нам подскочил с холма адъютант...

Сара (*презрительно наблюдавшая за отцом, протягивает руку, чтобы взять тарелку; обращается с насмешкой*). Окажите милость, майор, дайте вашу тарелочку, пока ваши отважные драгуны не двинулись на нее и не разбили.

Мелоди (*придерживая тарелку рукой так, что она не может взять ее, поднимает другой рукой стакан и, полностью игнорируя дочь, обращается к Кригену*). Промочите горло, капрал. Помните, какая у нас в тот день была жажда? (*Пьет.*)

Криген (*смуценно, поглядывая на Сару*). Как не помнить? (*Пьет.*)

¹ Перевод Б. Слуцкого.

Мелоди (*причмокивая*). Доброе вино, капрал. Слава богу, у меня в погребе есть вино, достойное джентльмена.

Сара (*сердито*). Ты мне дашь наконец убрать твою тарелку?

Мелоди (*не обращая внимания*). Нет, за вино краснеть мне не придется. Да и за обед тоже. Нора — хорошая повариха, когда ей не мешает чертова скаредность и она покушает продукты, которые можно есть. Но я должен попросить у тебя прощение за плохое обслуживание. Я пытался научить служанку не выхватывать тарелок из-под носа — ведь не собак же она на царне кормит, — но тщетно. (*Отпускает тарелку, Сара.*) Возьми. Но только как следует.

На миг она от злости теряет дар речи, потом хватается тарелку.

Криген (*поспешно уводит Мелоди назад, на поле битвы*). Вы остановились на том, как к нам подскакал адъютант. Французская артиллерия открыла огонь.

Сара уходит направо, унося поднос с тарелками.

Мелоди. Мы ринулись в атаку — вот здесь... (*Чертит на скатерти.*) Противник жал на гвардейцев. Никогда не забуду, какой смертельный огонь открыли французы. А тут на нас пошли их стрелки и уланы! Ей-богу, чудо, что хоть кто-то из нас остался в живых!

Криген. Вас не ранило, только пулей пробило мундир, ну, а у меня на щеке осталась от французской сабли эта памятка.

Мелоди. Славные были дни! Черт побери, вот это была жизнь! (*Прерывая себя, с горечью.*) Я тогда и не подозревал, как подло потом поступят со мной!

Криген (*с сочувствием*). Ох, до чего же иногда не везет человеку! Вас бы произвели в полковники, если бы вы не трогали ту испанку и не вздумали драться на дуэли.

Мелоди (*угрожающим тоном*). Вы позволяете себе обсуждать мое поведение, капрал Криген?

Криген (*поспешно*). Прошу прощения.

Мелоди (*сухо*). Я принимаю ваши извинения. (*Допивает вино, снова наполняет стакан, мрачно смотрит в одну точку.*)

Криген тоже подливает себе.

О'Дауд (*глядя из-за спины Роша на Мелоди, шепчет приятелю с иронией*). Ну, совсем тронулся, совсем, — вырядился, точно комедиант, в свой красный сюртук и врет напропалую, как сражался когда-то с французами!

Рош (*угрюмо, но все же остерегаясь, чтобы его не услышали*). Ему должно быть стыдно, что он когда-то

посил кровавый мундир английского солдата!

О' Дауд. Не желай ему зла, без него мы совсем померем от жажды. Выпей за его здоровье, пусть уж он навсегда останется таким дурнем, каким сегодня себя выставил. *(Расплескивает виски, наполняя стаканы.)*

Рош *(с пьяной ухмылкой)*. Ты прав! Я произнесу за это тост. *(Оборачивается к Мелоди, поднимает стакан и шипит.)* За самого замечательного джентльмена, который когда-либо приплывал к нам с берегов Ирландии! За ваше здоровье, майор!

О' Дауд. Ур-ра! За ваше здоровье, ваша милость!

Райли *(очнувшись от забытья, тоже поднимает стакан)*. И за всех ваших близких.

Мелоди *(пробудившись от своих мыслей, снова становится снисходительным баринком)*. Не смейте так горланить, скоты, слышите? Ладно, спасибо за тост.

Пьют. Молчание.

(Вдруг начинает читать стихи Байрона. Декламирует очень хорошо, негромким голосом, с подчеркнутой горечью.)

Кто ж носится, скучая, в вихре света
И осужден, усталый, дни влачить,
Любви не слыша теплого привета,
Среди толпы, где некого любить,
Где павшему в борьбе звучат проклятья,
Где даже не почтят ваш прах слезой,
Кто дружеской руки не ждет пожатья,—
Тот одинок вполне, тот в мире всем чужой¹.

(Замолчав, переводит взгляд с одного лица на другое и видит на них только недоумение. С обидной насмешкой.)

Что? Ничего не поняли, ребятки? Тем лучше для вас. Можете обманываться и дальше, что меня водите за нос. *(И неожиданно весело.)* А ну-ка, Патч, спой охотничью песню! Ты еще небось помнишь «Модидеру»?

Райли *(оживляясь)*. Разве утка забудет, как ей плавать? Сейчас. *(Начинает настраивать волынку.)*

О' Дауд. «Модидеру»!

Рош. Ур-ра!

Райли *(подыгрывая себе, тоскливо поет первую пришедшую ему на память строфу старинной охотничьей песни)*.

Оглянулась лиса,
Посмотрела в глаза.

¹ Байрон. Чайльд Гарольд. Перевод П. Козлова.

Тот, кто гнался за ней,
Испугался.
— Очень я сомневаюсь,—
Сказала лиса,—
Чтобы завтра ты тоже смеялся.
Слишком громко кричишь,
Слишком скачешь легко,
А пожалеть меня не догадался.
Завтра на гору я заберусь высоко,
Чтоб зарытым в горе ты остался.
Ох, модидеру, ару, ару¹.

Мелоди с подъемом в такт ударяет стаканом по столу. Ему вторят Криген, Рош и О'Дауд, подпевая припев: «Ох, модидеру, ару, ару».

Мелоди (*глаза его сияют; забывшись, с явно простонародной интонацией*). Эх, как живой стоит перед глазами! Замок Мелоди тех давно ушедших дней. Ветер с юга, небо серое в тучах — самая погодка для охоты с гончими! Настоящий ирландский конь подо мною, он меня знает, любит, перескочит и пренесподнюю, если я прикажу. Будь они прокляты, эти люди, да и все это бабье! Трусливые душонки, изолгавшиеся, алчные, подлые! То ли дело конь! Дайте мне коня по сердцу, и пусть все пропадут пропадом. Двинешь поводьями — и пошел по полям, следом за горластой сворой... Очертя голову, через рвы и ручьи, изгороди и каменные ограды, а лиса петляет по пригорку в зарослях дрока и вереска!..

Во время этой тирады сирена входит Сара. Она останавливается у него за спиной и слушает с восторженным изумлением.

(*Почувствовав вдруг ее присутствие, поворачивает голову. Насмешка в ее глазах действует на него, как ушат холодной воды. Обращается к ней тоном хозяина.*) Ну? В чем дело? Чего ты здесь ждешь?

Сара (*с нарочитой грубостью*). Жду, чтобы ты перестал трепать языком насчет любви к лошадям и дал мне прибраться. Неужели ты не можешь — да и твои господа — перейти пьянствовать в бар и дать мне прибраться со стола?

О'Дауд подносит руку ко рту, чтобы спрятать улыбку; Рош едва сдерживает ехидный смехок.

Криген (*посмотрев с тревогой на Мелоди, кивает головой*). Ну-ну, Сара, успокойтесь.

Мелоди (*уже взяв себя в руки. С усилием, осторожно поднимается на ноги и отвечает Саре поклон*):

¹ Перевод Б. Стуцкого.

холодно). Прости, если мы помешали тебе работать. (О'Дауду и остальным.) А ну-ка, в бар, шантрапа!

О'Дауд. В бар так в бар. Пойдем, Дан. Проспись, Пагч.

О'Дауд расталкивает вольничка и уходит с Рошем в бар. Райли плетется за ними. Криген дожидается Мелоди.

Мелоди. Ступай, капрал. Я хочу сказать два слова дочери.

Криген. Слушаюсь, майор. (Снова предостерегающе кивает головой Саре.)

Она не обращает внимания. Криген уходит в бар.

Сара (смотрит на отца со злобой и отвращением). Ты пьян. Если ты воображаешь, будто я стану выслушивать...

Мелоди (с непроницаемым лицом пододвигает ей свой стул, вежливо). Садись, дорогая.

Сара. И не подумаю. Мне некогда. Бедная мама с ног валится, надо ей помочь. После твоего роскошного юбилея—целая гора посуды. (С нарастающей злобой.) Слава богу, наконец-то кончили! Ты в последний раз видишь, как я прислуживаю пьяным подонкам, вроде О'Дауда и...

Мелоди (спокойно). Вот так дочь, которой доставляет удовольствие показывать этим подонкам, что она ненавидит и презирает своего отца! (Пожимает плечами.) Но все равно. (Снова указывает на стул.) Садись, дорогая.

Сара. Если бы ты посмел взглянуть правде в лицо, ты и сам бы возненавидел и презирал себя! (Страстно.) Я только бога молю, чтобы в один прекрасный день, когда ты будешь любоваться собой в зеркале, ты вдруг увидел, что ты из себя представляешь. В отместку за все, что ты причинил маме и мне! (Бросив ему вызов, ждет, что он выйдет из себя и обругает ее.)

Мелоди (делает вид, что ничего не слышал. С непроницаемым лицом, подчеркнуто мягко и вежливо). Садись, дорогая. Я тебя недолго задержу; думаю, тебе будет интересно послушать, что я хочу сказать.

Она смотрит на него испытующе, чувствуя, что его холодный, вежливый тон таит угрозу. Оба садятся, их разделяет стол.

Сара. Подумай как следует, прежде чем открывать рот, отец. Я ведь знаю, какой в тебя вселяется черт, когда ты строишь тихоню, как сейчас, а голова у тебя шумит от выпитого.

Мелоди. Не понимаю. Я просто хочу рассказать о том, что случилось днем...

Сара (в ней снова просыпается горечь унижения, с

издевкой). ...в то время, как ты гарцевал на своей породистой кобыле, а мы с мамой потели и задыхались в чаду на кухне, готовя пир для вашего сиятельства? Надеюсь, что ты не разошелся и не перемахнул на своей красавице в чужой сад, как это уже случилось не раз, после чего тебе приходилось обычно илать отступного, чтобы не угодить в тюрьму!

Мелоди (*выведенный из себя упоминанием о своей любимице, свысока*). Эти проклятые янки должны гордиться, если она случайно забредет в их сад. Она куда большая аристократка, чем их дамы — ну, хотя бы та, что посетила нас утром.

Сара. У миссис Харфорд как раз хватило аристократизма, чтобы одернуть тебя и выставить дураком.

Мелоди (*не отвечая на выпад, спокойно*). Какая же ты простушка, дружок, если поверила ее уловкам. Конечно, она была немножко встревожена, когда услышала ваши шаги сразу после того, как дала себя поцеловать. Ей поповоле пришлось прикинуться...

Сара (*с любопытством*). Дала себя поцеловать? (*Тут же, с отвращением*.) Да ты врешь, но я не сомневаюсь, что уже успел вбить себе это в голову. (*Сердито*.) Я ухожу и слушать не желаю, как ты хвастаешь спьяну и рассказываешь всякие небылицы... как всегда! (*Опирается на стол, хочет встать*.)

Мелоди (*удерживает ее*). погоди! (*С мстительной жестокостью и глазах, спокойно*.) Странно, с чего это ты ревнуешь меня к кобыле? Неужели потому, что у нее такие тонкие лодыжки и стройные ноги? (*Смотрит на ее руки, с отвращением*.) Не смей при мне класть на стол свои уродливые плебейские лапы! Смотреть на них тошно! Советую тебе — никогда не давай Саймону к ним приглядываться...

Сара (*инстинктивно отдергивая руки. Заикаясь*). Ах ты... дьявол бессердечный! Я так и знала...

Мелоди (*на какую-то секунду ему становится стыдно, искренне раскисивается*). Прости меня. Я не хотел... это я спьяну... как ты сказала. (*Принужденно, но с легкой насмешкой*.) Зря я тебя дразню, ведь у тебя такие хорошенькие ручки и ножки.

Она вскакивает, от обиды и ненависти губы у нее дрожат, и она не в состоянии выговорить ни слова.

(*Спокойно продолжает*.) Ты уже уходишь? А я как раз собирался тебе рассказать о беседе, которая была у меня с молодым Харфордом.

Она смотрит на него в испуге.

(Продолжает как ни в чем не бывало.) После того как я вернулся с прогулки верхом. У реки я перешел на галоп, и лошадь захромала. Я спешил и повел ее обратно в конюшню. Никто не заметил моего возвращения, и когда я поднялся наверх, то подумал, что вряд ли мне представится другая такая возможность побеседовать с Харфордом начистоту — без помех. *(Замолкает, ожидая с ее стороны взрыва возмущения, но она сдерживается и продолжает молчать.)* Я не стал ходить вокруг да около. Я сказал ему прямо, что как джентльмен он должен меня понять — я твой отец и требую, чтобы он выложил карты на стол. Он должен понимать — даже до того, как ты начала тут за ним ухаживать и заходить к нему одна в спальню, уже пошли сплетни о том, что ты ходишь к нему в хижину и гуляешь с ним по лесу. Я ему объяснил, что такая близость может тебя серьезно скомпрометировать.

Сара *(слабым голосом)*. Да простит тебя бог! А что он сказал?

Мелоди. А что он мог сказать? Он человек порядочный. Сперва он чертовски смутился, но, когда обрел дар речи, всецело со мной согласился. Сказал, что мать говорила ему то же самое.

Сара. Вот как? Сказала, наверно, для того, чтобы выведать, как далеко...

Мелоди *(холодно)*. А почему бы и нет? Естественно, это ее материнский долг — выяснить о тебе все, что можно. Она знает свет. У нее могло возникнуть подозрение, что ты его любовница.

Сара. Ах вот как!

Мелоди. Но дело не в этом. Дело в том, что молодой человек, краснея, в конце концов выпалил, будто хочет на тебе жениться.

Сара *(забыв свой гнев)*. Так и сказал?

Мелоди. Да, и добавил, что сказал об этом матери; а она ответила, что желает ему только счастья, но полагает, что и ради тебя, и ради него самого — думаю, она имела в виду и оба наших семейства — лучше испытать чувство у вас обоих и отложить свадьбу на какой-то срок. Кажется, она назвала год.

Сара *(в сердцах)*. А-а! Так я и знала, что она придумает какую-нибудь каверзу!

Мелоди *(вздернув брови, холодно)*. Каверзу? По-моему, эта дама выказала больше здравого смысла, чем я ожидал. Соображения, которые она привела, показывают, что она уважает твое доброе имя, а это должно было бы вызвать у тебя только признательность, но не подозрения!

Сара. Не говори, она же тебя опять одурачила! Уважает она меня, гляди-ка!

Мелоди. Она подчеркнула, что, даже если бы ты принадлежала к узкому кругу здешних янки, о поспешной женитьбе не могло бы быть и речи; так что он обязан перед тобой...

Сара. Понятно. Ну и ловкачка!

Мелоди. Она привела и другой довод—тут твой Саймон стал от смущения так заикаться, что я с трудом его понял; она предупредила его, что такой неожиданный брак выглядел бы очень подозрительным и вызвал бы кучу сплетен.

Сара. Да она хитра, и еще как! Но меня ей не обойти.

Мелоди. Я сказал, что согласен с его матерью. Неожданный брак без достаточно долгой помолвки и в самом деле заставит подумать...

Сара. Мне наплевать, что кто-то подумает! Ты вот что скажи: дал он ей слово—ждать? *(Прежде чем он успева-ет ответить, с горечью.)* Ну конечно, дал! Она бы не уехала, не вырвав у него этого обещания!

Мелоди *(пропустив ее слова мимо ушей)*. Я ему сказал, что польщен честью, которую он мне оказывает, прося твоей руки; но он должен понять—разве я могу взять на себя обязательства, пока не поговорю с его отцом и не получу заверений, что финансовые вопросы могут быть улажены к взаимному удовольствию. Надо же договориться о размере приданого.

Сара. Опять этот бред! Господи помилуй! *(С беспощадным смехом, в котором звучат истерические нотки.)* Бедный Саймон. Он небось решил, что ты спятил. Что он сказал?

Мелоди. Разумеется, ничего. Он воспитанный молодой человек и знает, что это дело он должен предоставить отцу. И не менее существенно—сколько денег Генри Харфорд согласен выдавать сыну. Конечно, я не стал говорить об этом с Саймоном, не желая смущать его еще больше.

Сара *(истерически смеется)*. Спасибо хоть за это!

Мелоди *(спокойно)*. Позволь тебя спросить, что ты находишь смешного в этом добром старом обычае? Саймон—старший сын, наследник отцовского состояния. Какие бы разногласия между ними ни были, теперь, когда Саймон решил остепениться, отец ведь захочет поступить с ним как положено. К тому же он понимает, что, хотя профессия поэта и философа, которую избрал его сын, в высшей степени почетна, ею одной не проживешь. И он, разумеется, должен назначить Саймону какую-то сумму, а я буду настаивать, чтобы эта сумма была достаточной и соответствовала положению моей дочери. Я не потерплю, чтобы он сквалыжничал.

Сара (*смотрит на него, не отрывая глаз, борясь с непреодолимым, истерическим смехом*). А тебе не приходит в голову, что старый Харфорд будет вовсе не так уж польщен, если его сын женится на твоей дочери?

Мелоди (*невозмутимо*). Нет, мне это в голову не приходит... А если это придет в голову ему, я сумею его быстро разубедить. Кто он такой, этот торгаш? Я могу ему напомнить, что я родился в родовом замке, что было время, когда я владел богатством и землями, по сравнению с которыми усадьба любого выскочки янки выглядит как шалаш на огороде. Я напомню ему, что и ты, моя дочь, родилась в замке!

Сара (*неосознанно гордо вскинув голову*). Что ж, это сущая правда. (*Тут же, в бешенстве на себя и на него.*) Тьфу, опять этот дикий вздор! (*Вскакивает на ноги.*) Хватит с меня твоих бредней!

Мелоди. Постой! Я еще не кончил. (*Спокойно, но с нарастающим озлоблением.*) Есть еще причина, почему я не дал молодому Харфорду окончательного ответа. Я хотел выиграть время, чтобы обдумать ваше будущее со всех сторон. Знаешь, я наблюдал за тобой и за твоим поведением безо всякой предвзятости, стараясь быть справедливым и даже снисходительным...

Пауза.

И вот, дорогая, говоря начистоту, я увидел в тебе грубую, жадную, пронырливую деревенщину, у которой на уме одни только деньги и которая, растеряв всякий стыд, вешается на шею этому молодому человеку лишь потому, что у его семьи есть кой-какие средства и положение.

Сара (*сдерживаясь*). Я вижу тебя насквозь, отец. Я уже говорила тебе, что, когда ты пьян, как сейчас... Но на этот раз я не доставлю тебе удовольствия... (*Взрывается.*) Ты лжешь! Я люблю Саймона, а то бы я никогда...

Мелоди (*точно ее не расслышав*). В общем, я почти совсем решил отказать Саймону Харфорду в твоей руке.

Сара (*с издежкой*). Ах вот как? Да мне наплевать...

Мелоди. Как у джентльмена, у меня есть долг перед Саймоном. Этот неравный брак был бы для него трагедией... и, видит бог, я знаю, какой безысходной трагедией может стать такой союз.

Сара. Трагедия это для мамы!

Мелоди. Я слишком уважаю молодого Харфорда. Я не могу ему позволить совершить непоправимую ошибку, которая принесет ему только разочарование, горечь и крушение надежд.

Сара. Значит, я для него недостаточно хороша, так ты думаешь?

Мелоди. Ты это доказываешь каждую минуту. Даже самый благожелательный человек не примет тебя за даму из общества. А я так старался тебя воспитать. Напрасный труд. Это самому богу не под силу.

Сара *(в бешенстве)*. Отец!

Мелоди. Надо спасти молодого Харфорда от него самого. Его увлечение можно понять. Ты мила собою. Такой была когда-то и твоя мать. Но брак—совсем другое дело. По поведению и нравственному уровню идеальным мужем был бы для тебя наш бармен Микки Мэлой, и я буду рад дать вам свое благословение...

Сара. Перестань сейчас же!

Мелоди. Вы с ним неплохая пара. Оба остры на язык. Он здоровая скотина и наградит тебя целым выводком ребят, которые будут визжать и драться на земляном полу вашей хибарки вместе со свиньями.

Сара. Ты, видно, вспомнил, в какой лачуге вырос твой отец?

Мелоди *(в бешенстве, глядит на нее с ненавистью. Голос его дрожит, но он продолжает с убийственным спокойствием)*. Конечно, если ты изловчишься забеременеть от молодого Харфорда, мне поневоле придется дать свое согласие. *(Стукнув кулаком по столу.)* Нет, будь я проклят, если, помня свой собственный опыт, я посоветую ему жениться на тебе даже тогда!

Сара *(в свою очередь глядит на него с ненавистью)*. Пьяный изверг! *(Поднимает руку, словно хочет ударить его по лицу, потом сдерживается и говорит спокойно, с сарказмом.)* Дашь ты согласие или нет—не важно; спасибо за добрый отеческий совет, как окрутить Саймона. Не думаю, чтобы это мне понадобилось, но на худой конец обещаю тебе, что я его не забуду.

Мелоди *(холодно, с каменным лицом)*. По-моему, я сказал тебе все, что мог. *(Поднимается, с чопорным поклоном.)* А теперь извини, я побеседую с капралом Кригеном. *(Направляется к двери бара.)*

Сара поворачивается и уходит направо, забыв убрать со стола.

(Он этого не видит. Взявшись за ручку двери, колеблется. Секунда—и он не выдерживает и говорит с мукой в голосе). Сара! Я жалею о том, что наговорил... уже сейчас. Я... я прошу тебя, не обращай внимания... Твоя мать знает, это говорит хмель, а не... Должен сознаться, из-за этого обеда голова моя... как ты видишь... немножко в тумане. *(Ждет, надеясь услышать слово прощения. Наконец оглядывается. Обнаружив, что она ушла и его не слышала, он на минуту теряет солдатскую выправку, и лицо его вытягивается. Теперь он выглядит печальным,*

потерпавшим всякую надежду, старым, взгляд его токсично блуждает по комнате. Но, как и в предыдущих действах, его притягивает зеркало; он подходит к нему и снова принимает надменную, байроническую позу. Повторяет в малейших подробностях свою пантомиму перед зеркалом. Говорит с гордостью.) Быть самим собой до самой смерти! Не дрогнуть, и да поможет мне бог!

Стучит в дверь с улицы.

(Не слышит. Начинает декламировать излюбленные стихи.)

Мир не любя, любим я не был миром,
Его дыханью грубому не льстил,
Не поклонялся я его кумирам...

В дверь стучат громче.

(Виновато вздрагивает и поспешно отходит от зеркала. Его смущение превращается в досаду. Кричит.) Входите, черт возьми! Вы что, ждете, пока лакей распахнет перед вами дверь?

Дверь открывается, входит Николае Гэдсби. Это человек лет под пятьдесят, толстяк невысокого роста, с круглой, лысой головой, румяным лицом и маленькими голубыми глазками. Адвокат строго консервативных правил, облуживающий избранную клиентуру, он неизменно корректен в одежде и манерах, напыщенно красноречив и чрезвычайно горд своим положением. Но сейчас он находится в непривычной обстановке и далеко не так уверен в себе, как может показаться, судя по его поведению. Странная фигура Мелоди в его парадном мундире ставит его в тупик, и он замирает в изумлении. В свою очередь удивлен и Мелоди. Но, видя перед собой явного джентльмена, он становится приветливее, хотя говорит все еще сухо. Отвешивает церемонный поклон, и Гэдсби инстинктивно отвечает таким же.

Простите, сударь. Я думал, что кто-то из здешней пантрапы ошибся дверью. Прошу вас, садитесь.

Гэдсби садится к столу, взглянув с отвращением на небурную посуду.

Еще раз — простите, сударь. Мы засиделись за праздничным столом, и здесь еще не успели убрать. Сейчас позову служанку — она вам подаст.

Гэдсби (обретает свой апломб). Спасибо, мне ничего не нужно. Я пришел сюда поговорить с хозяином этой таверны, неким Мелоди, с глазу на глаз. (Немного неуверенно.) Это, случайно, не вы?

Мелоди (с вызовом). Нет, сударь. Но если вам угодно майора Корнелиуса Мелоди, седьмого драгунского его величества полка, отличившегося под командованием герцога Веллингтона в Испании, — это я.

Гэдсби (сухо). Отлично. Майор так майор.

Мелоди (ему не нравится тон собеседника, вызывающе). А я с кем имею честь?..

Гэдсби хочет ответить, но справа появляется Сара, которая помнила, что не убрала посуду. Мелоди не обращает на нее внимания, словно она служанка. Пока Сара убирает со стола, Гэдсби внимательно рассматривает ее. Сара это замечает и бросает на него сердитый, подозрительный взгляд. Она уносит посуду направо, в кухню, но вскоре возвращается и подслушивает у двери. Как только она выходит, Гэдсби возобновляет разговор.

Гэдсби (с деланным безразличием). Хорошенькая девушка. Это не ваша дочь, сударь? Кажется, я заметил небольшое сходство...

Мелоди (с раздражением). Нет! Разве я похож на человека, который позволит своей дочери прислуживать у стола! Сходство? Вы, должно быть, ослепли, сэр? (Холодно.) Я все еще жду, чтобы вы представились и объяснили цель своего посещения.

Гэдсби (авторитетно из себя, вручает ему визитную карточку. Отрывисто). Вот моя карточка, сэр.

Мелоди (взглянув на карточку). Николас Гэдсби. (Пренебрежительно отбрасывает карточку.) Ага, адвокат. Черт бы побрал все ваше племя, вот что я вам скажу. Не лежиг у меня душа к вашей профессии, сэр; не пойму, что привело вас ко мне. Эти проклятые норы судейские обобрали меня когда-то как липку, там, в Ирландии. Для вас мало что осталось. И я не вижу... (Внезапно ему приходит в голову какая-то мысль. Смотрит на Гэдсби, потом продолжает несколько более дружелюбно.) Если только... вы, случайно, не от отца Саймона Харфорда?

Гэдсби (оскорбленный, с едва скрытой насмешкой). Ага, значит, вы ждали... Это облегчает дело. Нам незачем говорить обняками. Да, сэр, я представляю мистера Генри Харфорда.

Мелоди (растая, совершенно не понимая истинного положения дел). В таком случае, сэр, примите извинения за мои выпады против вашей профессии. Боюсь, что я несколько предубежден. У нас в армии часто говорили, что мы терпим больший урон от вашего брата у себя дома, чем от французов. (Садится слева от Гэдсби, с деланной горделивой непринужденностью.) Два слова в объяснение, почему вы видите меня в военной форме. Сегодня годовщина сражения под Талаверой, и...

Гэдсби (прерывая его, сухо). В самом деле, сэр? Но, знаете ли, мне некогда. С вашего позволения, перейдем прямо к делу.

Мелоди (сдерживая гнев, холодно). Мне кажется, я

догадываюсь. *(Подчеркнуто вежливо.)* Вы пришли со мной договориться?

Гэдсби *(неправильно его поняв, с почти нескрываемым презрением)*. Совершенно верно, сэр. Мистер Харфорд был того мнения, и я с ним согласился, что деловая сторона должна заинтересовать вас прежде всего.

Мелоди *(раздражен тоном собеседника, но, совершенно не поняв смысла его слов, заставляет себя вежливо поклониться)*. Очень приятно, сударь, что мистер Харфорд понимает, что имеет дело с джентльменом, и достаточно воспитан, чтобы знать, как ведут себя в подобных случаях.

Гэдсби смотрит на него во все глаза, совершенно ошеломленный его словами, которые воспринимает как беспардонную наглость.

(Доверительно к нему наклоняется.) Я буду с вами откровенен. Для меня наступили трудные времена, черт бы их побрал. Не стану отрицать, что нахожусь сейчас — временно, конечно, — в стесненных обстоятельствах... чертовски стесненных обстоятельствах. Но это не важно. Раз дело касается счастья моего единственного ребенка, я готов на все. Я подпишу долговое обязательство, какие бы бессовестные проценты ни потребовали эти жулики ростовщики. Между прочим, какую сумму мистер Харфорд считает приемлемой? Любая сумма в пределах благоразумия, конечно...

Гэдсби *(слушая в полном замешательстве; он наконец решил, что Мелоди над ним издевается; в ярости)*. Не понимаю, о чем вы говорите, сударь, но, кажется, вы принимаете меня за дурака. *(Ядовито.)* Если это и называют ирландским юмором...

Мелоди *(сперва сбивший с толку, потом угрожающе)*. Берегитесь, сэр, и выбирайте выражения, а не то — предупреждаю — вы расклетесь, кого бы вы ни представляли! Ни один судейский крючок не смеет оскорблять меня безнаказанно!

Гэдсби испуганно откидывается на стуле.

(Добавляет презрительно.) Что касается того, что я принимаю вас за дурака, то тут сам господь бог постарался — ничего не поделаешь!

Гэдсби *(пропустив мимо ушей оскорбления, заставляет себя говорить миролюбиво)*. Я не хочу с вами ссориться, сэр. Но, хоть убейте, не пойму... Боюсь, что произошло недоразумение. Прошу вас, объясните, что именно вы имели в виду, когда говорили о деловой стороне?

Мелоди. Разумеется, я имел в виду приданое, которое готов дать своей дочери.

Гэдсби выглядит еще более ошарашенным.

Разве вы не пришли сюда договориться от имени мистера Харфорда о женитьбе его сына на моей дочери?

Гэдсби. О женитьбе? Господи, конечно, нет! Ничего похожего!

Мелоди (*ошеломленно*). Тогда зачем же вы явились?

Гэдсби (*чувствуя, что теперь он берет верх, резко*). Чтобы сообщить вам, что мистер Генри Харфорд категорически возражает против всяких дальнейших отношений между его сыном и вашей дочерью, каков бы ни был характер этих отношений.

Мелоди (*наклоняясь вперед, с угрозой*). Клянусь богом, сэр, если вы смеее намскать!..

Гэдсби (*снова откидывается на стуле, но он не трус и решил выполнить поручение*). Сэр, я ни на что не намекаю. Я пришел к вам по поручению мистера Харфорда, чтобы сделать вам одно предложение. Я думал, вы это и имели в виду, когда упомянули о деле. Мистер Харфорд готов уплатить вам сумму в три тысячи долларов при условии, что вы и ваша дочь подпишете составленное мною соглашение об отказе от любых претензий какого бы то ни было характера. Оно также предусматривает с вашей стороны согласие немедленно всей семьей покинуть эти края. Мистер Харфорд советовал бы вам отправиться на Запад, скажем, в Огайо.

Мелоди (*в такой дикой ярости, что может лишь выдавить хриплым голосом*). Так, значит, мистер Харфорд достаивает меня своими советами?

Гэдсби (*следит за ним с беспокойством, пытается говорить разумно и убедительно*). Вы же не могли серьезно думать о браке. А разница в общественном положении?! Кому может прийти в голову такая мысль? Если бы вы знали мистера Харфорда, вы бы понимали, что он никогда не согласится...

Мелоди (*давая волю накопившемуся гневу, ударяет кулаком по столу*). Если бы я его знал! Клянусь богом, я его узнаю! А он меня! (*Вскакивает на ноги.*) Но сперва, подлый янки, я сведу счеты с тобой! (*Заносит кулак, чтобы ударить Гэдсби по лицу.*)

Сара, выбежав из-за двери, хватается за руку.

Сара (*она почти в такой же ярости, как и отец, а в глазах у нее слезы оскорбленной гордости*). Отец! Не

смей! Он только наемный лакей! Где твоя гордость?! Не станешь ведь ты марать руки?

Церь бара открывается; Рош, О'Дауд и Криген вваливаются в комнату, Микки останавливается в дверях. Справа вслед за Сарой появляется Нора.

Рош (*в пьяном восторге*). Драка! Ради бога, майор, дайте как следует проклятому янки!

Мелоди (*берет себя в руки, голос у него дрожит*). Ты права, Сара. Было бы недостойно меня дотронуться до этого подлого лизоблюда. Но он так просто не уйдет. (*Голосом командира, отдающего приказ солдатам.*) Рош, О'Дауд, сюда! Взять его!

В полном восторге они хватают Гэдсби и рывком поднимают со стула.

Гэдсби. Пьяное хулиганье! Руки прочь!

Мелоди (*спокойным, угрожающим тоном, Гэдсби*). Можешь сообщить этому мошеннику Харфорду, которому ты служишь, что он обо мне еще услышит! (*Рошу и О'Дауду.*) Выкиньте это дерьмо за дверь! Гоните его до самого перекрестка.

Рош. Ур-ра-а!

Рош и О'Дауд тащат Гэдсби к двери в глубине. Криген их опережает и, ухмыляясь, открывает дверь.

Гэдсби (*тицетно пытается освободиться*). Негодяи! Руки прочь! Руки...

Мелоди смотрит им вслед. Глаза женщины прикованы к нему; Нора испугана, на лице у Сары странное выражение удовлетворенной гордости.

Криген (*в дверях, со смехом*). Эх, видел бы ты, Кон, как они гонят его по улице пинками в зад! (*Входит и закрывает за собою дверь.*)

Мелоди (*с вновь поднимающимся бешенством, шагая из угла в угол*). Я должен потребовать удовлетворения у его хозяина, и, клянусь небом, я его потребую. Ты пойдешь со мной, Джеми. Ты нужен мне как свидетель. Он попросит у меня прощения—больше того, он придет сюда сегодня же и публично попросит прощения у моей дочери, иначе мы встретимся утром у барьера! Мы будем стреляться в десяти шагах, а то и ближе! Видит бог, я продырявлю его насквозь!

Нора (*принимаясь причитать как над покойником*). Господь с тобой, Кон,—несужели опять дуэль, опять ты хочешь убивать или быть убитым!

Мелоди. Замолчи! Ступай к себе на кухню! Убирайся!

Нора покорно поворачивается к двери направо, заливаясь слезами.

Сара (*обнимая мать, смотрит на отца с беспокойством*). Тише, мама. Не волнуйся. Отец знает, что все это глупости. Одни разговоры. Ступай и отдохни.

Нора уходит налево. Сара закрывает за ней дверь и возвращается.

Мелоди (*в сердцах, напускается на нее*). Ах так, одни разговоры! Первый раз в жизни слышу, что Кон Мелоди трус! И это говорит моя собственная дочь!

Сара (*примирительно*). Я этого не говорила, отец. Но разве ты не понимаешь—здесь ты не в Ирландии, да и времена не те. Время дуэлей давно прошло, по крайней мере тут, в Америке. Харфорд с тобой драться не будет. Он...

Мелоди. Ах, не будет? Клянусь богом, я его заставляю. Я возьму хлыст. Я выгашу его из дома и хлыстом погоню по улице, на потеху соседям! Он попросит прощения или будет драться, а не то я выставлю его трусом перед всем миром!

Сара (*испуганно*). Тебе даже взглянуть на него не удастся! Слуги не допустят тебя! Он позовет полицию, и тебя арестуют, а газеты напечатают, что еще один пьяный ирландец учинил дикий скандал. (*Кригену.*) Скажи ему, что я говорю правду, Джеми. Ты же еще кое-что соображаешь. Может, он послушает тебя.

Криген (*неуверенно поглядывая на Мелоди*). А знаете, майор, Сара права.

Мелоди. Я твоего мнения не спрашиваю! (*С издевкой.*) Конечно, если ты так перетрусил, что боишься пойти со мной...

Криген (*обиженно*). Кто перетрусил, я? Идем, черт возьми!

Сара. Джеми, ты болван! Нет, вы просто полоумные! (*Хватает отца за руку, умоляюще.*) Ради бога, отец, не ходи! Я тебя никогда ни о чем не просила. А сейчас прошу! Если хочешь, на колени встану! Ты ведь собрался драться из-за меня, так разве я не могу сказать свое слово? Ты уже наказал этого адвоката. Его вышвырнули отсюда как бродягу. Это и есть твой ответ старому Харфорду. Выходит, оскорбление нанес ему ты, и вызывать тебя на дуэль должен он, если только посмеет. Вот и подожди...

Мелоди (*стряхивая ее руку, со злостью*). Ты рассуждаешь, как деревенская девка! Тут замешана моя честь!

Сара. Нет! Тут замешано мое счастье, и я не допущу, чтобы ты погубил его своим сумасбродством! (*Снова заставляя себя говорить рассудительно.*) Послушай, отец! Если ты не будешь вмешиваться—увидишь, я

оставляю старого Харфорда в дураках! Что бы он ни делал, ему не удастся помешать Саймону жениться на мне. Одна лишь мать может повлиять на него и встать между нами. Она только и ждет предлога, чтобы помешать нашему браку, а если ты устроишь скандал, учинишь пьяный дебош у них дома, станешь кричать, что хочешь убить его отца.—ты как раз сыграешь ей на руку!

Мелоди (*о себе*). Проклятая, наглая американская сука! Тем более я не дам ему спуска! Жениться, ты говоришь? Ты еще смеешь думать о браке с сыном человека, который оскорбил мою честь—и твою тоже?

Сара (*с вызовом*). Да, смею! Я люблю Саймона и собираюсь выйти за него!

Мелоди. А я говорю—не выйдешь! Если бы он не был болен, я бы его... Но завтра же утром я его выставлю! И запрещаю тебе с ним видеться! Ты только посмей меня послушаться!.. (*Теряя всякую власть над собой.*) Только посмей... ради их грязных денег, которые надеешься выклянчить, когда станешь его женой!..

Сара (*в ярости*). Ты лжешь! (*Спокойно, но с силой.*) Лжешь. Ни ты и никто мне не указ. Кто станет между мною и Саймоном?

Мелоди. Моя дочь торгует своей честью! (*С лицом, искаженным бешенством*) Деревенская шлюха! Уличная девка! Лучше бы ты подохла!.. Клянусь богом, я тебя задушу собственными руками! (*Угрожающе надвигается на нее.*)

Сара (*испуганно отступает*). Отец! (*Остонавливается и с вызовом смотрит на него.*)

Криген (*бросается между ними*). Кон! Ради бога!

Ярость Мелоди утихает, он стоит тяжело дыша, стараясь овладеть собой.

(*Думает, как бы увести его от Сары.*) Если идти к старому Харфорду, майор, нам лучше не задерживаться. Этот судейский крючок предупредит его...

Мелоди (*хриплым голосом*). Да, пойдем. Пойдем, Джеми. Собирайтесь, капрал. Посошок на дорожку, и двинемся. Жаль, кобыла хромает, а то я отправился бы один... Но мы найдем коляску. Не забудь мне напомнить зайти в конюшню за хлыстом. (*Снова берет себя в руки. На лице у него выражение холодной мстительности. Поворачивается к двери в бар.*)

Сара (*беспомощно*). Отец! (*С отчаянием.*) Ты заставишь меня пойти к Саймону... и поступить по твоему совету!

Если Мелоди это и слышал, он не подает вида и уходит в бар. Криген следует за ним, закрыв за собой дверь. Сара смотрит

остановившимся взглядом, на лице у нее — отчаяние и вызов. Дверь распахивается, с хохотом вваливаются Рош и О'Дауд.

Рош. Ур-ра-а!

О'Дауд. Майор, армия вернулась с победой, враг бежал в панике. *(Увидев, что Мелоди нет, Сара.)* А где сам?

Сара его не замечает.

Рош *(взглянув на нее)*. Оставь ее в покое. Наверно, он в баре. Пойдем. *(Уходит в бар.)*

О'Дауд *(следует за ним, Сара)*. Видела бы ты этого янки! Кучеру пришлось подсаживать его в коляску, а Рош заодно всыпал и кучеру! *(Уходит со смехом, хлопнув дверью.)*

Приоткрыв дверь справа, в комнату осторожно заглядывает Нора. Убедившись, что Сара одна, входит.

Нора. Сара. *(Подходит к ней.)* Сара. *(Берет ее за руку, неуверенно, шепотом.)* Где сам?

Сара *(вяло)*. Я не могла его удержать.

Нора. Наперед могла тебе сказать, что это напрасный труд. *(С грустью.)* Сам черт не мог бы удержать Кона Мелоди от дуэли! *(Мрачно.)* Будто вернулись старые времена — те же тревоги, те же горести. И в те времена, когда я еще с ним и словом не обмолвилась и только кланялась издали, когда он мимо верхом проезжал, я не спала ночами и молилась, услышав, что он утром дерется на дуэли. *(С робкой, нежной улыбкой.)* Я любила его уже тогда.

Сара хочет прервать, но, взглянув на мать, не решается.

(Продолжает доверительно, чуть хвостая.) Но на этот раз я не стану тревожиться, да и тебе незачем. Во всей Ирландии у него не было равного в стрельбе из пистолета, так что янки, считай, не повезло.

Из бари доносятся прощальные крики и стук захлопнувшейся двери.

(Вздрагивает.) Ушел! *(Уголки ее рта жалобно опускаются. Всклинув, спешит к двери бара.)* Кон, голубчик, не надо... *(Останавливается, беспомощно качает головой.)* Но что можно сделать?... *(Со вздохом усталости опускается на стул.)*

Сара *(с горечью, скорее самой себе, чем матери)*. Ничего. Пусть идет своей дорогой... я пойду своей. *(С силой.)* Не дам этому сумасшедшему искалечить мне жизнь, разбить мои мечты. Я покажу ему, что тоже умею играть в благородство.

Нора ее не слышит. Ее мучают старые страхи и тревога за исход дуэли.

(Колелеблется, потом, не глядя на мать, дотрагивается до ее плеча.) Мама, я пойду наверх и лягу.

Нора *(вздрыгнув, с возмущением)*. Ляжешь? Ты сможешь спать, когда он...

Сара. Я не сказала, что буду спать, но я хочу прилечь и отдохнуть. *(Все еще пряча глаза от матери.)* Я смертельно устала, мама.

Нора *(с нежной заботой, обняв ее)*. Ах, еще бы, детка. Ну и досталось же тебе сегодня, хуже некуда... *(С тнезанным раскаянием.)* Господи, детка, я совсем позабыла о тебе и молодом Харфорде. *(Жалобно.)* О господи! *(Внезапно, в порыве неистовой и гордой веры в силу любви.)* Ничего! Если у вас настоящая любовь, вас не разлучит ни дуэль, ни даже весь мир, чего бы это ни стоило! Кто это знает лучше меня?!

Сара *(порывисто целует мать, потом снова отводит глаза)*. Ты останешься его ждать?

Нора. Да. Я умру со страху, если буду лежать у себя одна. Здесь, внизу, когда рядом шумят в баре, как-то веселее.

Сара. Да, побудь лучше здесь. Спокойной ночи, мама.

Нора. Спокойной ночи, дорогая!

Сара выходит.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же обстановка. Около полуночи. Комната погружена в темноту, только на столе в середине горит одинокая свеча. Из бара доносятся звуки волынки Патча Райли. Он играет стремительный танец, слышен топот танцующих.

Нора сидит у стола. Закутавшись в старый платок, она обхватила себя руками, словно ей холодно. Усталость и тревога довели ее до полного изнеможения. Дверь из бара открывается, она вздрагивает. Входит Микки. В открытую дверь врываются пьяные голоса и музыка. Микки закрывает дверь. В руках у него графин виски и стакан. Он выпил, но не пьян.

Нора *(нетерпеливо)*. Есть новости?

Мэлой *(ставя на стол графин и стакан)*. Никаких. Вы себя не изводите. Ведь прошло еще мало времени.

Нора *(уныло)*. Тебе легко говорить...

Мэлой. Я пришел посмотреть, как вы тут. Выпейте для бодрости глоточек.

Она качает головой.

Я знаю, вы не пьете, но иногда надо, как сегодня.

Она снова качает головой.

Мэлой. Не упрямитесь. Считайте, что я доктор и прописал вам глоток, чтобы прогнать черные мысли и вылечить от ревматизма.

Нора. Что ж... может быть... самую чуточку.

Мэлой. Вот это по-нашему. *(Наливает немного и протягивает ей.)* Ну-ка, смелее.

Нора *(отпив глоток, ставит стакан на стол и равнодушно отодвигает)*. Ни к чему душа не лежит. Но спасибо за заботу. Ты славный малый, Микки.

Мэлой. Так и быть, вас порадую. До людей дошли слухи, и они собрались сюда, чтобы дожидаться Кригена и самого. *(В полном восторге.)* Торговля сегодня идет в нашем кабаке так бойко, как никогда!

Нора. Это хорошо.

Мэлой. Если они и недолюбливают Кона Мелоди, он все же ирландец, а этих янки они ненавидят еще пуще. Все надеются, что он из этого самого Харфорда всю душу вытрясет.

Нора *(воинственно)*. Так оно и будет, уж я знаю!

Мэлой *(ухмыляясь)*. Вот это по-нашему. Рад, что вы большие не убиваетесь. *(Поворачивается.)* Надо идти. Я оставил за стойкой О'Дауда. Бьюсь об заклад, он уже наакался на дармовщину. *(Колеблется.)* Сара вниз не спускалась?

Нора. Нет.

Мэлой *(с возмущением)*. Удивляюсь, как это она бросила вас тут одну.

Нора *(жестко, в защиту дочери)*. Это я заставила ее прилечь. Она просто падала с ног от волнений. Наверно, заснула—молодым это не трудно. И не смей попрекать ее, не твое это дело!

Мэлой *(сердито)*. Какого черта... *(Обрывает себя, дружески ей улыбаясь.)* Вы просто молодец, Нора. Вот бы мне такую мать, чтобы меня в обиду не давала... а еще лучше—такую жену.

Нора *(ее измученное лицо освещается милой, немножко кокетливой улыбкой)*. Побереги свои любезности для молоденьких!

Мэлой. Черт с ними, с молоденькими, вы во сто раз лучше любой.

Нора *(аскидывая голову)*. А ну, убирайся!

Микки улыбается—он рад, что ему удалось ее расшевелить.—и уходит в бар. Как только он исчезает, ее снова охватывает тревога. В дверях бесшумно появляется Сара. Поневольно ночной рубашки на ней вылинявший халат, на босых ногах шлепанцы. Распушенные волосы достают до

тани. В ней произошла разительная перемена. С лица исчезли следы горечи и ожесточения, оно выглядит кратким, спокойным и в то же время мечтательным, ликующе счастливым. Она стала гораздо красивее, чем была. Стоит, глядя на мать, и вдруг теряет уверенность и робеет, ее охватывает желание убежать прежде, чем та ее заметит. Но Нора уже подняла голову.

Нора (глухо). Ах, это ты, дорогая. (Благодарно.) Слава богу, что пришла! Я совсем извелась и не могу уже больше ждать и слушать, как эти пьянчуги там пляшут.

Сара подходит к ней.

(Теряет самообладание, на глазах у нее слезы.) Вот изверги. Хоть бы кто о нем подумал... Ни сердца у них, ни совести. (Плачет.)

Сара обнимает ее и тихонько целует в щеку. Но не говорит ни слова — точно боится, что голос ее выдаст.

(Перестает плакать. Настроение у нее меняется; в сердцах.) Ты меня не успокаивай. Бросьте вы с Микки меня утешать. Этот янки не извинился, не то отец давно бы был здесь. Там дуэль, можешь быть уверена; видно, он снял комнату в городе, чтобы быть поближе. Хорошо бы выпался, а то ведь будет пьянствовать всю ночь. А на рассвете рука будет негвердая и... кто его знает. (Успокаивая себя, сердито.) Чертова дура! Сколько бы он ни выпил, у него всегда голова ясная и точный глаз! (Отталкивает Сару, раздраженно.) Пусти! Ты какая-то бесчувственная, тебе все равно. Лучше я побуду одна. (Хватает ее за руку.) Нет. Не обращай на меня внимания. Посиди со мной.

Сара садится. Она поглаживает руку матери, но продолжает молчать все с тем же счастливым выражением, точно слова Норы не имеют для нее никакого смысла.

(Продолжает, все так же тревожно.) Но если он остался в городе, почему не прислал Джеми Кригена за своими дуэльными пистолетами? Я же знаю, он не станет стреляться на других. (С обидой на Мелоди.) И то сказать, ведь мог бы прислать Джеми или еще кого-нибудь с весточкой. Знает же, как я сейчас мучаюсь! (С горечью.) Ладно, хватит болтать. Когда же он о ком-нибудь заботился, кроме как о себе и своей гордыне? Станет он унижаться и обо мне думать, этот вельможа в красном мундире кровавой Англии! А гордиться-то чем? Ведь один обман. Господи прости, да что у него в жилах течет, как не кровь старого жулика Неда Мелоди — самый грязный кабак у нас держал. (Пугается своей откровенности.) Нет! Я этого не говорила. И ни в жисть не скажу, разрази меня гром! Он бы этого не вынес! Ведь он знает: я одна в

целом свете никогда не смеялась над его выдумками! *(Снова извинчивая себя.)* Все равно, не желаю сидеть здесь всю ночь и терзать себя из-за человека, который... Дело ведь не только в том, что я боюсь этой дуэли. Я боюсь, что все наши беды—наказание господне; точит меня черная мысль, что все это—моя вина, не согреши я с ним до замужества и не дай ему слово изменить своей вере, чтобы не покаяться на исповеди священнику... *(Пауза; печально.)* Говоришь, пойти к доктору, полечить ревматизм. Но ревматизм—только телесная боль. Я еще не такую могу вынести. А вот душа у меня болит от моего греха. Разне лекарство ей поможет? Нет, только служитель божий... *(С новыми порывом возмущения.)* Кон заслужил, чтобы я взяла да и нарушила свой обет, разбудила священника, исповедалась, получила отпущение грехов, а оно даст мне покой, и я больше не буду бояться, что мы навеки прокляты, все трое. *(С тоской.)* Эх, была бы у меня смелость! *(Неожиданно поднимается со стула, храбро.)* Так я и сделаю! Пойду к священнику, и все тут. *(Направляется к двери—и останавливается на полу-ти.)*

Сара *(с ласковой улыбкой, поддразнивая)*. Ну, что ж ты не идешь, мама?

Нора *(с вызовом)*. Как это—не иду? *(Сделав еще несколько шагов, останавливается; бормочет, обескураженно.)* Видит бог, не могу. Зачем обманывать себя.

Сара *(как прежде)*. Незачем, мама. Я это поняла.

Нора *(словно ее не слыша, медленно возвращается)*. Он подумает, что я изменила ему, и данному слову, и даже своей любви к нему... а как бы он там ни куражился, он знает, что моя любовь—это единственная его опора. *(Гордо вскинув голову, горячо.)* А это и моя честь. И дело вовсе не в нем! А ну его, вечно он носится со своей честью, точно только она у него и есть, но у меня тоже есть честь, и я ею дорожу не меньше, чем он. *(Садится на прежнее место.)*

Сара *(мягко)*. Да, честь женщины—ее любовь. Я научилась и этому, мама.

Нора *(первые заметила, что Сара нарушила молчание, но даже и сейчас не вникла в ее слова, с раздражением)*. Наконец-то у тебя развязался язык? И то слава богу. Какой мне от тебя прок,—молчишь как каменная, а я должна говорить сама с собой. *(Смотрит на нее, точно только сейчас ее заметила, с досадой.)* Что-то ты уж очень довольная, сияешь, как будто и забот нет, а ведь твой бедный отец сейчас...

Сара *(как в полусне, словно все это не имеет прямого отношения к ней)*. Я ведь знаю, мама, бесполезно

тебе говорить, что никакой дуэли не будет, а значит, не стоит о ней и думать. Ты все еще живешь, как и папа, в прошлом. Но если ты не веришь мне, может, ты поверишь хоть Саймону. Он сказал, что его отец помрет от одной мысли о дуэли. Дуэли запрещены законом.

Нора (*презрительно*). Брось, кому какое дело до закона? Просто он трус. (*С облегчением.*) Но если этот парень так сказал, может, это и правда.

Сара. Конечно, правда.

Нора. Если Харфорд попросит прощения, отец успокоится, и на том все и кончится.

Сара (*беспомощно*). Ах, мама! (*Потом поспешно.*) Я уверена, все давно кончилось.

Нора (*с надеждой*). Ты думаешь, он задержался, загуляв с Джемми на радостях?

Сара. Что бы там ни случилось, они, конечно, запили. (*Как во сне.*) Но все это теперь не имеет значения.

Нора (*приглядывается к ней, с удивлением*). Как странно ты говоришь, будто ты спала и еще не проснулась.

Сара. Не проснулась, мама, вот сижу здесь и вижу сон. И этот сон у меня—наяву и на всю жизнь, и я от него никогда не проснусь.

Нора. Послушай, что это на тебя нашло?

Сара (*порывисто встает, подходит к матери, опускается перед ней на колени и обнимает ее*). Радость. Вот что на меня нашло. Я счастлива, мама. Я счастлива потому, что знаю—Саймон мой и никто его у меня не отнимет.

Нора (*радостно*). Слава богу! У меня вся душа изныла, что эта дуэль вас разлучит. (*С вызовом.*) А ну ее, эту честь, если дети должны расплачиваться за нее своей жизнью, своей любовью!

Сара. Какая я была дура! Думала, что его мать может нас поссорить.

Нора. Ты с ним говорила?

Сара. Да. Я была у него.

Нора. Ты была все это время у него в комнате?

Сара. Почти все время. Я не сразу собралась с духом.

Нора (*с упреком*). Все это время и посреди ночи!

Сара (*поддразнивая ее*). Я ведь его сиделка, верно? Значит, имею право.

Нора. Это не оправдание.

Сара (*выражение ее лица становится жестче*). Оправдание? У меня самое лучшее оправдание на свете. А ты что, хотела, чтобы я сидела сложа руки, когда все мое

счастье и все мои надежды могут рухнуть? Разве ты не хочешь, мама, мне счастья?

Нора (*растая*). Хочу, дорогая. Я бы жизнь отдала... (*Снова с упреком.*) Ты что же, ходила к нему вот так, в ночной рубашке и в халате?

Сара (*весело*). Ну да... тебе не нравится мой костюм, а вот Саймону понравился; правда, он покраснел как рак, когда я вошла.

Нора. Еще бы! Стыд и срам!

Сара. Он пытался читать на сон стихи, но ничего у него не получалось, так он разволновался—надеялся, что я приду сказать спокойной ночи, и боялся, что не приду. (*Смеется, с нежностью.*) Ах, мама, это было самое умное, что я могла сделать,—ведь я даже не заглянула к нему после того, как мать его ушла. Он ждал, а я не шла, вот он и переживал, что я рассердилась на него из-за поцелуя утром. Увидев меня, он был сам не свой от радости...

Нора. Босиком, почти голая, в одной сорочке и в халате! Где твой стыд?

Сара (*весело ее поддразнивая*). Он был при мне, мама, хоть я и старалась изо всех сил от него отделаться. Я покраснела не меньше, чем он. (*Смеется.*) Ах, мама, ну и попалась же я. Когда я шла к нему в комнату, я решила быть бесстыжей, как какая-нибудь уличная девка, и соблазнить его: я ведь знала, что для него будет делом чести жениться на мне, если... (*Смеется.*) А потом точно приросла к месту: смотрю на него, раскрыв рот, и краснею!

Нора. Ох! (*С упреком.*) Хорошо хоть, что у тебя хватило совести покраснеть.

Сара. Первый заговорил Саймон, а как только он начал, все, что он прятал в себе, вылилось наружу. И как он меня ждал, и как боялся. Он забыл свою робость и сказал, что любит меня и просит выйти за него замуж как можно скорее. Сама не знаю, как это случилось, но я оказалась в его объятиях, а он в моих, и мы поцеловались, и это было блаженством, мама.

Нора (*тронутая при виде сияющего от счастья лица Сары*). Благослови вас господь!

Сара. Потом я заплакала и рассказала ему, как боюсь, что его мать меня ненавидит и что сумасбродная выходка отца с дуэлью даст ей повод разлучить нас. Саймон сказал, что никто нас никогда не разлучит, а его мать даже пробовать не станет теперь, когда знает, что он меня любит,—она и приехала только для того, чтобы это выяснить. Она сказала, что хочет, чтобы он поступил, как ему нравится, и только посоветовала подождать год, но не

взяла с него никакого обещания. И Саймон сказал, что глупо было воображать, будто она примет дурацкую историю с дуэлью всерьез. Она только посмеется над мужем, если ему придется позвать на помощь полицию — ведь он так уверен, что сможет откупиться от нас.

Нора. Позвать полицию? Вот трус!

Сара *(продолжает)*. Саймон страшно сердит на своего отца. Да и на папу тоже, когда я рассказала, что он грозился меня убить. Но долго мы об этом не разговаривали. У нас было о чем поговорить с Саймоном... *(Улыбается с нежностью.)*

Нора *(воинственно)*. Очень Кон Мелоди боится полиции, да еще когда он вне себя! Вся полиция, вместе взятая, ничего с ним не делает!

Сара *(продолжает, думая о своем)*. А потом Саймон рассказывал мне, как боялся, что я его не люблю и не пойду за него замуж. Я ведь такая красивая, говорит он, а он совсем не красивый. Тогда я его поцеловала и сказала ему, что он самый красивый на свете, и это правда. А он сказал, что меня недостойн, ведь ему нечего мне дать, он ведь неудачник — мечтал стать поэтом и не стал. Тогда я поцеловала его и сказала, что он поэт, и всегда им будет, и это я люблю в нем больше всего.

Нора. Полиция! Пусть кто-нибудь из них только посмеет дотронуться своей грязной лапой до Кона Мелоди, да он разом из него дух вышибет!

Сара. Потом Саймон сказал, что он бедняк и что никогда не примет от отца ни пенса, даже если тот предложит. А я ему сказала: ерунда, и даже если мы будем жить в шалаше или спать в поле под открытым небом, работать до седьмого пота, даже голодать, — я все равно буду как в раю и буду петь от радости. *(Вскинув глаза на мать.)* И это правда, мама! Все правда, до единого слова.

Нора *(думая о своем, машинально гладит Сару по голове)*. Ну конечно, детка.

Сара. Но он меня поцеловал и сказал, что до этого дело не дойдет, он все обдумал; его товарищ по университету получил в наследство прядильную фабрику и хочет, чтобы Саймон стал его компаньоном и взялся ею управлять; фабрика совсем маленькая, и это как раз то, что нравится Саймону. Он сказал, может, я не поверю, но когда он работал у своего отца, то показал, что у него есть деловая сноровка; хотя он все это ненавидит, но сможет заработать нам на жизнь, чтобы жить безбедно, и у него еще останется время писать свою книгу, и он никогда не войдет в азарт и не позволит себе стать работником наживы, которая является проклятием человечества. И

еще он сказал, что боится, не подумаю ли я, что это слабость, а не здравый смысл, и спросил, смогу ли я быть счастливой, если мы будем жить скромно. Тогда я его поцеловала и ответила, что мне ничего в жизни не надо, кроме его любви, и что его счастье будет мне единственной отрадой. *(Снова взглянув на мать, с ликованием.)* И это правда, мама! Святая правда!

Нора *(как прежде, поглаживая ее по голове)*. Знаю, детка.

Сара. Здорово посмеялась надо мной судьба, после всех моих бредней о богатстве, об огромном поместье, о том, как я, словно важная дама, разъезжаю в карете с кучером и лакеем на запятках! *(Смеется над собой.)* Какой я была душой, когда думала, что это имеет хоть какое-то значение, если любишь! Ты была права, мама. Я понятия не имела, что такое любовь и как может гордиться женщина, отдавая все, что имеет,—гордиться своей любовью! Я была просто глупой, хвастливой девочкой, но теперь я женщина, мама, и я знаю.

Нора *(как прежде, машинально)*. Конечно, знаешь, детка. *(Кипит от злости, бормочет себе под нос.)* Пускай полиция только попробует! Он шкуру с них спустит, с этих негодяев!

Сара *(в счастливом забытьи)*. А потом мы потушили свечу и стали говорить о том, как мы скоро поженимся, и как мы будем счастливы вместе всю жизнь, и какие у нас будут дети,—и в темноте он совсем позабыл свою робость и признался, что все, что я прочла в его стихах,—это не пустые слова. А я призналась, что готова была на любую уловку, лишь бы он стал моим,—ведь я его так люблю, что ни перед чем не остановилась бы. И мы все время целовались и совсем обезумели от счастья. И... *(Внезапно останавливается и виновато опускает глаза.)*

Нора *(как прежде)*. Да, детка, знаю.

Сара *(виновато, не поднимая глаз)*. Ты... знаешь, мама?

Нора *(внезапно возвращаясь к действительности, с испугом)*. Что знаю? О чем ты? А ну-ка, посмотри на меня! *(Откинув назад голову Сары, чтобы взглянуть ей в глаза.)* Вижу... Ты ему позволила! Грех-то какой! Распутница!

Сара *(гордо)*. Мне нечего было позволять, мы оба любим!

Нора *(она уже примирилась с тем, что произошло, но считает долгом отчитать дочь)*. И тебе не стыдно хвалиться?..

Сара. Нет! В этом не было ничего стыдного! *(Гордо.)* Стыдно? Ты-то знаешь, что нет! Разве не ты говорила

мне, как гордилась своей любовью? Неужели тебе было стыдно?

Нора (*беспомощно*). И еще как! Я просто помирала от стыда.

Сара. Неправда! Ты гордилась, как я!

Нора. Но это смертный грех. Господь тебя накажет.

Сара. Пускай! Если бы он даже сказал мне: за каждый поцелуй ты проведешь тысячу лет в аду, мне и то было бы все равно!

Нора (*испуганно*). Тише, ты... Он тебя слышит.

Сара. А разве ты бы этого не говорила?

Нора (*в смятении*). Замолчи сейчас же! Не терзай своими вопросами, не вводи во грех! Ничего ты от меня не услышишь!

Сара (*обнимая ее*). Ладно. Прости меня, мама. (*После паузы, с улыбкой.*) Зато Саймон почувствовал себя виноватым и стал себя корить. Если б я дала ему волю, он тут же выскочил бы из постели и мы отправились бы в глухую ночь будить первого попавшегося священника, чтобы он нас обвенчал. Но я была точно пьяная и позабыла и думать о браке. Бывает же так, что ничего, кроме любви, для тебя не существует, ты принадлежишь другому и душой и телом и этим гордишься. (*После паузы, ласково поддразнивая мать.*) Конечно, я всегда знала, мама, что добрее тебя никого на свете нет, но я никогда не подозревала, что ты вдобавок самая умная, пока не поняла в эту ночь, как правильно ты сказала сегодня утром: женщина может все простить мужчине, которого любит, и продолжать его любить—ведь через него она познает любовь в себе самой. В каком-то смысле он сам вроде бы и не в счет: ты любишь в нем только любовь, свою собственную любовь, и, чтобы ее сохранить, твоя гордость готова на все. (*Счастливо улыбается, посмеиваясь над самой собой.*) Мы не рабыни мужчин, мама, мы рабыни своей любви—и как бы было посрамлено их тщеславие, если бы мы открыли им свой секрет! (*Смеется, потом—виновато.*) Ах, какие глупости я болтаю. Хорошо, что Саймон меня не слышит.

Пауза. Нора погружена в свою тревогу и не слышит ее.

Да, теперь я могу понять хоть немножко, как ты все еще любишь отца и этим гордишься несмотря на то, что он такой.

Нора (*упоминание о Мелоди выводит ее из забытья*). Тсс, молчи! (*Жалобно.*) Господи помилуй, почему он не идет, ну что же с ним случилось?

Сара (*поднимается на ноги, раздраженно*). Хватит, мама. (*С горечью.*) Ничего с ним не случилось, кроме

того, что он выставил себя на посмешище и мать Саймона здорово над ним посмеялась. Если ей хотелось мести, она насладилась ею сполна. Ну и наплевать. Он это заслужил. Я предупреждала его, молила, а он обозвал меня деревенской шлюхой и уличной девкой. Что бы там ни случилось, надеюсь, это огучит его от вранья и диких бредней, заставит увидеть в этом зеркале свое настоящее лицо. (С издевкой.) Черта с два он увидит. Вернется домой пьяный в стельку и будет хвастать блестящей победой над старым Харфордом, что бы там на самом деле ни произошло.

Но Нора ее не слушает. Стукнула щеколда двери на улицу

Нора (с волнением). Сара, смотри!

Дверь в глубине медленно открывается. Джеми Криген осторожно просовывает голову и оглядывает комнату. Лицо у него в синяках, нос распух, разбитые губы вздулись, глаз подбит.

(С криком облегчения.) Слава тебе господи, вот и ты, Джеми!

Криген (прикладывает палец к губам, предостерегающе). Тсс!

Нора (испуганно). Джеми! Где сам?

Криген (резко). Тише, говорю тебе! (Шепотом.) Он в коляске, но мне надо было убедиться, что здесь никого нет. Запри-ка дверь в бар, Сара, и я его притащу.

Сара идет к двери и запирает ее на ключ, на лице у нее претрепие. Криген исчезает, оставив наружную дверь полуоткрытой.

Нора. Ты видела, какое у Джеми лицо? Ну и была же там драка. Ох, я боюсь!

Сара. Чего бояться? Я же тебе говорила. Пьяная драка... а теперь напился до бесчувствия.

В дверях появляется Криген. Он ведет Мелоди, поддерживая его. Мелоди еле-еле передвигается, но не похоже, что он пьян. Судя по его виду, он перенес очень сильное потрясение и еще не оправился от него. Его алый мундир разодран, весь в грязи. Мелоди бледен, как привидение. Над левым глазом ссадина, на левой скуле синяк, губы разбиты и кровью. Кровь из раны на лбу застыла до самого подбородка. Руки, как и у Кригена, распухли, кожа с пальцев содрана. Он смотрит на жену и дочь оставившимся, бессмысленным взглядом.

Нора (бросаясь к нему и обнимая его). Кон, голубчик! Что они с тобой сделали?

Он отталкивает ее, не глядя, идет к своему креслу и садится.

(Бежит за ним, причитая.) Ты меня узнаешь? Святые угодники, вы только поглядите на его лицо!

Сара. Тише, мама. Ты же не хочешь, чтобы в баре узнали, что он вернулся в таком виде. (Смотрит на отца с отарашением.)

Криген. В том-то и дело. Надо привести его в чувство. Он же нам никогда в жизни не простит, если мы им покажем, как его измордовали.

Пауза. Они смотрят на него, а он уставился взглядом на стол.

Сара. Он ведь пьян, правда, Джеми?

Криген *(резко)*. Вовсе нет. Он не выпил ни капли с тех пор, как мы уехали. Его просто били по голове. Глоточек виски привел бы его в себя, если бы он выпил, но он не хочет.

Сара *(протягивает Кригену графин со стаканом)*. Вот. Попробуйте его заставить.

Криген *(наливает стакан доверху, ставит его перед Мелоди)*. А ну-ка, выпейте это, майор, и вы сразу будете как огурчик!

Мелоди ничего не замечает и сидит с отсутствующим взглядом.

(Озабоченно почесывает затылок.) Не хочет. И вот так всю дорогу домой, как я его ни уговаривал. *(С досадой.)* Что ж, раз он не хочет, выпью, с вашего позволения, я. Видит бог, мне это будет кстати. *(Опрокидывает стакан и наливает другой.)* Ну и в дьявольскую же мы попали передрагу.

Сара *(с презрением, но все еще беспокойно глядя на отца)*. Судя по вашему виду, ничего другого не скажешь.

Криген *(возмущенно)*. Ты это говоришь так спокойно, а ведь видишь, как нас отделали! *(Опрокидывает стакан, хаотливо.)* Но если отделали нас, так им досталось еще похлеще, а ведь там были и полицейские!

Нора. Так им и надо! Трусы поганые!

Сара. Помолчи, мама. Так что ж там произошло, Джеми?

Криген. Никогда я еще не бывал в такой переделке. Клянусь нашей доброй старой Ирландией. Мы нашли легко, где живут Харфорды. Это роскошный особняк, а позади него—большой сад, огороженный стеной. Мы позвонили у парадной двери. Нам открыл какой-то лакей в ливрее, а позади него стояли еще два. Один из них—большой черный негр. Должно быть, эта свинья адвокат предупредил Харфорда—видно было, что нас поджидали. Кон заговорил с ними, как настоящий лорд. «Будьте любезны доложить вашему хозяину.—сказал он,—что с ним желает говорить майор Корнелиус Мелоди, сельмого его величества драгунского полка, в отставке». А лакей так нахально ухмыльнулся ему в лицо и говорит: «Мистер Харфорд вас не примет». Я видел, что Кон взбесился, но продолжал говорить вежливо. «Передайте,—сказал он,—что для него же будет лучше, если он меня примет. А нег,

так я войду и уж тогда поговорю с ним иначе!»— «Да ну?—сказал лаксей.—Зарубите себе на носу, что мистер Харфорд не разрешает пьяной ирландской шпане приходить сюда и его беспокоить. О вас уже сообщили в полицию,—говорит он.—и вас заберут, если вы вздумаете здесь скандалить». Тут он стал закрывать дверь. «Между прочим,—говорит он снова.—вы вошли не в ту дверь, для таких, как вы, есть черный ход».

Нора (*в ярости*). Ах ты, паглая свинья!

Сара (*в ней закипает кровь. Смотрит с негодованием на Мелоди*). И ты позволил, чтобы тебя оскорбляли харфордские холуи! (*Поспешино.*) Но так тебе и надо! Я наперед это знала! Я тебя предупреждала!

Криген. Будь они прокляты! Придержи язык и дай рассказать, тогда узнаешь, позволили или нет. Лаксей попробовал захлопнуть дверь перед нашим носом, но Кон его опередил. Как он его оттолкнет, да в холл, и давай хлестать этого холуя хлыстом по харе, тот только завизжал как резаный!

Нора (*в восторге*). Молодец, Кон, молодец, голубчик!

Сара (*страдающая от унижения*). Мама! Не надо! (*С горечью и презрением, Мелоди.*) Знаменитый дуэлянт—в пьяной драке с лаксеями и кучерами!

Но Мелоди по-прежнему отрешенно смотрит в стол.

Криген (*сердито, наливая себе еще стакан*). Заткнись, Сара, и не смей над ним издеваться. Все равно сейчас впустию. Он тебя не видит и не слышит. И нечего тебе разыгрывать знатную даму, ведь все это из-за тебя.

Сара (*сердито*). Врешь! Сам знаешь, я пробовала его удержать...

Криген (*не обращая внимания, осушает стакан. Нора, с восторгом*). Ты только послушай, Нора! (*Снова окунается в гуцу битвы.*) Негр дал мне по черепу так, что у меня в глазах помутилось. Он бы со мной разделался, но Кон сломал рукоятку хлыста о его башку, и негр грохнулся на колени. Тогда третий стукнул Кона, а я как дам ему ногой в живот, так он и слетел с катушек. Тут снова встрял негр—схватил меня мертвой хваткой, но Кон его сшиб. Ей-богу, мы справились со всеми тремя, и вытащили бы старого Харфорда из его берлоги, и спустили бы шкуру с этого янки, не явился полиция.

Нора (*яростно*). Трусы, подлые трусы! Вечно стоят за богатых янки против бедных ирландцев!

Сара (*все больше страдающая от унижения и досады, разрываемая противоречивыми чувствами, умоляюще*). Мама! Неужели ты не можешь помолчать?

Криген. Четверо из них напали на нас сзади. Мы и

опомниться не успели, как они схватили нас и вытащили на улицу. Кон вырвался и ударил того, который его держал, а я поддал другому коленкой в живот. Вот когда пошла драка на славу! Эх, и жаль, что ты не видела самого! Он дрался за двоих, раздавая удары направо и налево, орал во весь голос и крыл их по-солдатски...

Мелоди (*не поднимая глаз, все с тем же отсутствующим видом, неожиданно начинает бормотать, издеваясь над собой*). Молодец, майор Мелоди! Командующий вооруженными силами отмечает вашу исключительную отвагу! Как на поле славы под Талаверой! Как после атаки на французское каре! Да, ругался последними словами, как жалкий пьяница, достойный сын жулика-кабатчика, который рос в грязной хибарке вместе со свиньями... а эта бледная американская сука глазела в око и потешалась над нами!

Нора (*испуганно*). Господи спаси, он тронулся!

Сара (*смотрит на отца с испугом. На мгновение в ее глазах появляется жалость. Невольно делает к нему шаг*). Отец! (*Лицо его застывает.*) Он не сошел с ума, мама. Напротив, взялся за ум, первый раз в жизни. (*Мелоди.*) Так, значит, она над тобой потешалась? Я ее не виню! Я рада, что тебя проучили! (*Мстительно.*) Но я ее тоже проучила. Скоро ей будет не до смеха!

Криген (*сердито*). Может, ты все-таки замолчишь! Оставьте его в покое и не обращайтесь на него внимания. Он несет такую же чушь, какую нес с тех пор, как они его отделали,—насчет жены этого янки... то о своем отце и о свиньях, то о своей чести и о кобыле. (*Возвращаясь к своему рассказу.*) Ну так вот, их было для нас слишком много—четверо, и все с дубинками. Последнее, что я видел, прежде чем потерял сознание,—это, как трое из них дубасили Кона. Но, клянусь небом, мы дрались до последнего издыхания во славу старой Ирландии!

Мелоди (*бормочет себе под нос, с издевкой*). Как паливавшийся солдат, учинивший пьяную драку на пороге публичного дома!

Сара (*в испуге*). Отец, перестань!

Криген (*Мелоди, с возмущением*). Вовсе мы не были пьяны. Понимаю, если бы мы выпили... но они избili нас до бесчувствия, отвезли в участок и посадили под замок. Там бы мы и сидели, если бы Харфорд не велел им нас выпустить—он ведь богат, и они его слушаются. Но благодарить его не за что—просто он боялся, что скандал попадет в газеты.

Заливаясь безумным смехом, Мелоди вскакивает. Он шатается, хватается за голову, потом идет к двери налево.

Нора. Кон! Куда ты? *(Бросается за ним и хватается его за руку.)*

Он как будто ее не узнает и грубо стряхивает ее руку.

Криген. Он тебя не узнает. Не лезь к нему, Нора. Не видишь, он идет наверх, спать. *(Льстиво.)* Вы ведь сами знаете, что вам лучше, а, майор?

Мелоди ошупью идет к двери и скрывается за ней, оставив ее открытой.

Сара *(неуверенно, но желая успокоить мать)*. Джеми прав, мама. Самое лучшее, если он заснет. *(Внезапно ее охватывает страх.)* Господи, а что, если он захочет выместить на Саймоне... *(Бежит к двери и прислушивается. С облегчением.)* Нет, пошел к себе. *(Возвращается, несколько пристыженная.)* Вот глупая. Он никогда не тронет больного человека, что бы там ни было. *(Дотрагивается до плеча матери, мягко.)* Сядь, мама. Ты ведь совсем уже валишься с ног...

Нора *(со страхом)*. Ни разу за все годы он так не разговаривал... и глаза такие сумасшедшие, мертвые... Ох, Сара, я боюсь. Пусти. Я должна сама увидеть, что он лег спать. *(Поспешно идет к двери и исчезает.)*

Сара хочет последовать за ней.

Криген *(грубо)*. Не будь душой, Сара, не ходи. А то он вдруг придет в себя и задаст тебе трепку. Видит бог, ты се заслужила. Ты во всем виновата. Ведь он полез в драку, чтобы отомстить за тебя. *(Бросается на стул у стола в глубине сцены.)*

Сара *(присаживается у стола в глубине справа; сердито)*. Покорнейше прошу, не суйтесь не в свое дело, Джеми Криген. Пусть вы даже и родственник...

Криген *(резко)*. А ну тебя к черту со всем твоим зазнайством! *(Наливает себе в стакан виски и пьет. Снова пьянеет.)*

Сара. Я могу сама за себя отомстить, и уже отомстила! Я победила Харфордов — а он только свалил дурака и дал ей над собой посмеяться. Но я ее победила и буду смеяться последней! *(Пауза. На губах у нее появляется жесткая, торжествующая улыбка. Постепенно улыбка исчезает. Со смущенным смешком.)* Господи помилуй, как я могу так думать о... Наверно, я тоже сошла с ума.

Криген *(пьяным голосом)*. Ну, чего болтаешь? Разве мы вдвоем не побили их всех! А с Коном ничего не случилось. Говорю тебе, ровно ничего! Просто его огрели дубинкой по голове, и он немного не в себе. Сколько раз я это видел. Ну да и сам испытал. Как-то раз дома, в

Ирландии, мне досталось на ярмарке по башке кнотовицем, после я не помнил себя несколько часов, но потом мне рассказывали, что я не переставая трепался и выбалтывал всем и каждому все свои секреты.

Пауза. Сара его не слушает.

(Продолжает с беспокойством.) А все-таки невесело слушать его бредни про бледную суку, как он ее называет, точно она — привидение, которое его преследует и не дает покоя. Или насчет его кровной кобылы — какая она благородная, красивая со своими стройными лодыжками и крошечными копытами; он плачет и просит у нее прощения, говорит о бесчестье и смерти... *(Суеверно вздрагивает, потом тянется за графином.)* Не к ночи будь помянуто!

Он не успевает себе налить, как из передней двери слева вбегает Нора.

Нора *(задыхаясь, испуганно)*. Он пошел вниз! Оттолкнул меня, словно не видел. Побежал на конюшню. Ступай за ним, Джеми.

Криген *(пьяным голосом)*. Не пойду. Ничего с ним не случится. Оставьте его в покое.

Сара *(с издевкой)*. Что ты, мама, он же только пошел проведать свою возлюбленную кобылу; разве он не спал в конюшне, когда бывал мергвсцки пьян? А она его даже ни разу не лягнула.

Нора *(вне себя)*. Замолчите вы оба! Я слышала, как он отпер шкаф, где стоит ящик с его дуэльными пистолетами. Ящик был у Кона в руках, когда он шел вниз...

Криген *(поспешно поднимается)*. Вот ненормальный!

Нора. Он поскачет к Харфорду! И кого-нибудь убьет! Ради бога, задержи его, Джеми!

Криген *(опьянев, воинственно)*. Видит бог, я задержу! Не боюсь я его пистолетов! *(Нетвердой походкой уходит.)*

Сара *(напряженная, как струна, с какой-то странной, торжествующей гордостью)*. Значит, они его все-таки не одолели! *(Внезапно, с мучительным раскаянием.)* Господи, что это я говорю? Будто он еще мало сделал, чтобы все погубить... *(Вне себя.)* Дурак! Хоть бы он...

Слева, со двора доносится приглушенный пистолетный выстрел; он еле слышен из-за шума в баре, но Сара и Нора его услышали и застыли от ужаса.

(Истерически шепчет.) Я не хотела этого, мама! Я не хотела!

Нора *(оцененев от страха, бессмысленно бормочет)*. Выстрел!..

Сара. Ты же знаешь, что я не хотела этого, мама!

Нора. Выстрел! Господи помилуй, он убил Джеми!

Сара (*закрывает*). Нет... не Джеми... (*Дико*.) Я этого не вынесу! Я должна узнать... (*Бежит к двери слева и в страхе останавливается*.) Я боюсь! Мне страшно...

Нора (*бессмысленно бормочет*). Не Джеми? Тогда кого же? (*Начинает дрожать, в ужасе шепчет*.) Сара! Ты думаешь... О господи, спаси и помилуй!

Сара. Тише, мама! Дай послушаешь... (*Стремительно отступает в глубь комнаты, поближе к матери*.) Там кто-то за дверью. Это Джеми, сейчас он расскажет...

Нора. Ты врешь. Он никогда... Никогда!

Окаменев от страха, они стоят, обнявшись и глядя в открытую дверь. Короткая пауза; в наступившей тишине громче слышатся звуки пьяной гульбы в баре. Потом в дверях появляется Мелоди, за ним — Криген. Криген держит Мелоди за плечи и бесцеремонно италькивает в комнату, как вышибла — пьяницу. Криген потрясен тем, что ему довелось пережить; он еще не протрезвел и зол на Мелоди. В свободной руке Криген держит пистолет. Лицо у Мелоди бледное, как воск. Он волочит ноги, глаза ничего не видят. Весь он в глубоком оцепенении.

Сара. Отец! Слава богу! (*Делает к нему шаг*.)

Нора (*рыдая; облегченно*). Слава тебе господи, ты жив! Мы с Сарой чуть не померли со страху... (*Идет к нему*.) Кон! Кон, голубчик!

Криген (*грубо толкает Мелоди на ближайший стул у стола слева; голос у него дрожит*). Посиди-ка смирно, Кон Мелоди, и веди себя прилично! (*Норе*.) Получай его, Нора, чтоб ему пусто было! (*Отходит назад*.)

Нора (*нежно обнимает Мелоди, прижимая его к себе*). Ох, Кон, Кон, я так за тебя перепугалась!

Мелоди ее не видит и не слышит, но она продолжает что-то приговаривать, лаская его, как больного ребенка.

Криген. Он был на конюшне. В руке держал вот этот пистолет, а второй валялся на земле рядом с кобылой. (*Вздрагивает и кладет пистолет на стол*.) Он совсем помешался! Вы — его жена и его дочь, вот вы за ним и смотрите. С меня хватит! Я не сторож этому сумасшедшему! (*Поворачивается к двери в бар*.)

Сара. Джеми, постой. Мы слышали выстрел. Что там случилось?

Криген (*зло*). А ты спроси у него! (*С ужасом*.) Этот сумасшедший болван убил бедную кобылу!

Сара глядит на него в немом изумлении.

Смотрю, сидит на земле, согнулся, голова в коленях; кобыла мертвая. Сидит и стонет, как грешная душа в аду. (*Вздрагивает*.) Просто видеть его не могу; пойду-ка я к

тем, кто в здравом уме. Послушаю, как люди смеются и песни поют. *(Отпирает дверь в бар.)* Не бойся, Сара, ребятам я об этом не расскажу ни слова. Вот о нашей траке в городе—совсем другое дело, а про это и вспоминать не хочу. *(Уходит в бар, быстро захлопнув за собой дверь.)*

Слышатся приветственные крики.

Сара *(закрывает дверь. Возвращается к Мелоди, губы у нее дрожат)*. Какая же я была дура, что так испугалась. Могла бы знать, что ты ничего не сделаешь, пока на свете осталась хоть капля виски!.. Значит, вот кого ты застрелил—кобылу? *(Разражается неудержимым истерическим смехом.)*

Мелоди слышит его, несмотря на свое оцепенение, и поднимает голову, но глаза его по-прежнему прикованы к столу.

Нора. Сара! Перестань! Господи, как ты можешь смеяться!

Сара. Ничего... не могу поделать, мама. Разве ты не слышала?.. Кобыла—вот кого он застрелил! *(Снова разражается смехом.)*

Нора *(вне себя)*. Брось, говорю тебе!

Сара закрывает рот рукой, но плечи ее вздрагивают от смеха.

(Опускается на стул у стола в глубине; бормочет.) Убил свою красавицу кобылу? Нет, он совсем свихнулся...

Мелоди *(не поднимая глаз, начинает вдруг говорить грубо и резко, с интонацией простолоудна)*. Пусть смеется. И правильно делает. Я и сам смеюсь над собой в душе. Ведь какую шутку человек с собой сыграл! С самого сотворения мира такой никто не выдывал...

Они глядят на него молча.

Сара *(перестает смеяться. Она поражена и не верит своим ушам. Смотрит на него с подозрением)*. Какая шутка? Убить бедную кобылу—ты называешь это шуткой!

Мелоди вздрагивает, но не поднимает глаз.

Нора *(в страхе)*. Смотри, какое у него мертвое лицо, Сара. Как у покойника. *(Протягивает руку и с робкой нежностью дотрагивается до его руки, с мольбой.)* Кон, голубчик... Не надо!

Мелоди *(смотрит на нее. Выражение лица его постепенно меняется, оно терчет последние следы бывшего благородства и становится вульгарным и невыразительным; его распухшие губы растягиваются в тупой, наглой улыбке)*. Нечего тебе расстраиваться. Никакой я не

покойник, вот клюкну разок, сразу оживу—тебе нечего будет жаловаться.

Нора (*с жалобным недоумением*). Слышишь, Сара,— говорит как деревенские, чтобы нас обидеть.

Сара (*с растущим беспокойством*). Не обращай внимания, мама. Ломает комедию, чтобы себя позабавить. Какой же он жестокий и бесстыжий человек! После всего, что он натворил...

Нора (*бросаясь на его защиту*). Нет, ты же слышала — ему сильно досталось в драке с полицией!

Мелоди. Подумаешь, досталось! Все это враки Джеми Кригена. Ну трахнули раз пять дубинкой по голове... думаешь, мне этого достаточно, чтобы потерять соображение? Мозги мои, если они вообще у меня есть,—как стеклышко. И я вовсе не говорю как деревенские, чтобы тебя подразнить, дорогая. И не ломаю комедь, Сара. Этим забавлялся майор. Ей-богу, странно, что вы обе на меня взъелись, когда я заговорил своим языком — ведь и вашим тоже! И больше не важничаю, как покойный старый враль и пех майор Корнелиус Мелоди, седьмого его величества драгунского полка.

Нора. Господи, Сара, ты только его послушай!

Мелоди. Но теперь он помер, а вместе с ним подохла и смердит лживая гордыня! (*Поглаживает Нору по руке с искренней любовью.*) Так что ты успокойся, дорогая. Он никогда больше не станет тебя обижать своими насмешками, никогда больше не будет корчить из себя джентльмена, болтать языком о достоинстве и чести, хвастать былыми дуэлями, пускать пыль в глаза этим янки, а они не будут надирать животики, глядя, как он, пьяный в дымину, танцует на своей прекрасной кровной кобыле... (*Подавляя рыдание.*) Ведь и она уже померла, бедная скотина.

Сара (*все это становится для нее невыносимым*). Почему... почему ты убил ее?

Мелоди. Ты хочешь спросить, почему ее убил майор? Ей-богу, ты глупее, чем я думал, если этого не понимаешь. Разве она не была, так сказать, живым напоминанием о всей лживой его похвальбе и сумасбродстве? Сперва он думал застрелить ее из одного пистолета, а себя из другого. Но, видит бог, он понял, что выстрел, который ее убил, прикончил и его. Не так уж много гордости оставалось у старого безумца, и, когда он увидел, как она умирает, ему самому пришел конец. Вот он и не стал стреляться,—ведь было бы просто смешно тратить добрую пулю на мертвеца! (*Хрипло смеется.*)

Сара. Отец! Перестань!

Мелоди. Разве я вам не говорил, что от всего этого

можно помереть со смеху? (Слова начинает смеяться, подавляя рвущиеся из груди рыдания. Внезапно его лицо теряет грубое, жесткое выражение, на нем появляется выражение муки. Теперь он говорит не с ними, а с собой.) Господи боже, этот ее взгляд, в котором угасала жизнь... удивленный, печальный, но по-прежнему доверчивый, без гени упрека... и без страха, только гордость и понимание... и любовь ко мне... она видела, я умираю вместе с ней. Она поняла! Она меня простила! (У него вырывается рыдание, но он заставляет себя его подавить и снова переходит на глумливую речь простолоудина.) Провалиться мне, если это не заговорила тень безумного майора! Будь она проклята, долго она еще будет увязываться за мной? С нынешнего дня буду жить в свое удовольствие, как мне подобает, даром я, что ли, сын старого Ника Мелоди? И не позволю, чтобы меня тревожили мертвецы. Законою поглубже в землю мундир майора — подложу красную ливрею кровавой Англии, ну, а дух майора может бродить возле этой могилы, если ему захочется. и хвастать темными ночами о Талавере, о дамах Испании и о битвах с французами. (С ухмылкой.) Бьюсь об заклад, что ребята правы, когда говорят, будто он украл этот мундир и вообще никогда не воевал в армии Веллингтона. Помнится, он был страшный враль, этот майор.

Нора. Кон, голубчик, не горюй о кобыле. Можно ведь купить другую. Я уж как-нибудь извернусь...

Сара. Мама! Молчи! (В бешенстве, Мелоди.) Отец, прекрати это шутовство...

Мелоди. Шутовство? Какое же это шутовство? Это старый безумец майор паясничал всю жизнь, но обманывал голько себя. А я теперь буду знать свое место, которое предназначено мне от рождения. (С хитрой ухмылкой, Сара.) Да и тебе, Сара, милая моя, мне хочется дать отцовский совет — пока я об этом помню. Я знаю, честолюбия тебе не занимать, вот и поймей в виду: если хочешь пробыть в жизни, тут надо забыть о чести. Помни, какая кровь течет у тебя в жилах, и будь достойной внучкой своего деда. Вот был ловкач! Ей-богу, ничем не гнушался, если учует поживу, а уж насчет того, чтобы надуть какого-нибудь знатного болвана, не было ему ровни во всей Ирландии — вот он и умер владельцем большого имения, замка и кучи золота в банке.

Сара (не помня себя). Ох, как я тебя ненавижу!

Нора. Сара!

Мелоди (продолжает, будто не слышал). Я знаю, какой совет дал бы тебе дед, чтобы подняться на первую ступеньку: тебе надо забраться в постель к этому молодому янки, потом пустить слезу и воззвать к его чести,

чтобы он спас твою честь и на тебе женился. Насколько я его знаю, он тебе, ей-богу, не откажет—ведь у этого молодого осла в голове одни высокие слова и всякие бредни, у него, видишь ли, душа поэта. Значь, тебе это будет нетрудно...

Сара (*доведенная до иступления*). Я заставлю тебя прекратить эту грязную болтовню и все твое шутонство! (*Наклоняется к нему и говорит мстительно, с издевкой.*) Большое спасибо, отец, но я уже последовала твоему доброму совету. Я уже забралась к нему в постель, пока ты пьяный сражался с полицией!

Нора (*испуганно*). Сара! Прикуси свой бесстыжий язык!

Мелоди (*застывает на стуле; грубая усмешка исчезает бесследно, и он снова становится прежним. Взгляд его угрожающе останавливается на Саре. Говорит медленно, с трудом произнося слова*). Да неужели? Вот умница! Как же я не догадался, что ты не станешь ждать, пока этот старый безумец майор, который отправился отомстить за нанесенное тебе оскорбление, спугает твои карты. (*Со страшной улыбкой.*) Клянусь богом, я должен гордиться, что богатенький янки снизошел до того, что дал себя соблазнить этой шлюхе, моей дочери! (*Все еще не сводя с нее глаз, медленно поднимается со стула; его правая рука шарит по стулу и хватается за пистолет. Не задумываясь целит в сердце дочери; глаза у него холодные, беспощадные, сулящие смерть.—такими они были, когда он дрался в давние годы на дуэлях.*)

Сара в ужасе, но стоит, не дрогнув.

Нора (*вне себя от страха вскакивает со стула и хватается за руку*). Кон! Ради бога! Ты хочешь убить Сару?

На лице у него появляется изумленное выражение. Весь обмякнув, он падает обратно на стул, пистолет выкальзывает из пальцев. С усилием делает глубокий вдох, потом хрипло смеется.

Мелоди (*с грубой усмешкой*). Убить Сару? Ты что, рехнулась? Нет, только поздравить!

Сара (*в отчаянии*). Ох! (*Опускается на стул и закрывает лицо руками.*)

Нора (*желая его успокоить, жалобно*). Все обойдется, Кон. Она мне сказала, что парень хочет поскорей на ней жениться, да он и раньше хотел.

Мелоди. Ай-ай-ай, как это благородно с его стороны! Ей-богу, Нора, мы должны гордиться нашей дочкой. Не сомневайся, она-то уж добьется своего—не мытьем, так катаньем. А как мы будем радоваться, глядя, как она

лезет все выше и выше, смотришь, вот и стала знатной дамой!

Нора (*просто*). Конечно, будем радоваться.

Сара. Мама!

Мелоди. Ей будет нелегко, пока она не вытравит из него все его бредни. Он весь напичкан благородством, но она уж сумеет его обвести. Готов поставить фунт—если бы он у меня был—против шиллинга, что она еще будет ходить в шелках и разъезжать, задрав нос, в карете, а кучер-негр будет настегивать ее рысаков. И жить она будет во дворце, таком большом, как настоящий замок, в огромном имении с густыми лесами, зелеными лугами, настоящим озером. (*Насмешливо хихикнув.*) Клянусь всеми святыми, я дам ей свадебный подарок—участок, на котором майор позволил молодому джентльмену построить свой шалаш, ту землю, которую прохвосты янки обманом всучили старому дурню! (*Взглянув на пистолет, с издевкой.*) Раз уж я заговорил о покойнике—пропади он пропадом.—зачем мне его пистолет. На кой черт мне нужны пистолеты! С меня хватит кулаков или доброй палки. Разве мы с Джеми сегодня не отдубасили целый полк полиции?

Нора (*твердо*). Ну да, а если бы их не было так много, то...

Мелоди (*поворачивается к ней, ухмыляясь*). Вот-вот, голубка! И уж конечно, во всем свете не сыскать такой верной жены... (*Пауза. Смотрит на нее; неожиданно целует ее в губы, грубовато, но со странной искренней нежностью.*) И я тебя люблю.

Нора (*изумленно, с нахлынувшей радостью*). Ах, Кон!

Мелоди (*снова скаля зубы*). Я часто хотел тебе это сказать, только майор, пропади он пропадом, не давал мне рта открыть. (*Притягивает ее к себе и целует ее волосы.*)

Нора. Ты целуешь мои волосы!..

Мелоди. Целую. А почему же нет? У тебя прекрасные волосы, дай бог тебе здоровья! И не вспоминай о том, что тебе говорил майор. Насмешки этого господина похоронены вместе с ним. Я буду тебе настоящим мужем и помогу хозяйничать в этом кабаке, вместо того чтобы сидеть у тебя на шее. Я выгоню Микки и сам встану за стойку, как оно и подобает сыну моего отца.

Нора. Ни за что! Я тебе этого не позволю!

Мелоди (*с хитрой усмешкой*). Что ж, была бы честь предложена. Не забудь, ты сама не захотела. Признаюсь, я не слишком люблю трудиться, да, может быть, ты и права, что не подпускаешь меня близко к бутылкам. (*Облизывает губы.*) Бог мой, что это со мной! Вот уже

столько часов прошло, а я не выпил ни глотка. Просто ведь умираю от жажды.

Нора (*поднимаясь*). Я принесу...

Мелоди (*усаживая ее обратно*). Ну нет. Мне нужна веселая компания, и пение, и пляска, и смех. Я пойду к ребятам в бар и помогу двоюродному братцу Джеми отпраздновать нашу незабываемую схватку с полицией. (*Поднимается. Его солдатская выправка исчезла. Он сутулится, его движения неуклюжи, большие волосатые руки болтаются. В своем потрепанном, изодранном, грязном мундире он выглядит как ярмарочный клоун.*)

Нора. Ты бы лег в постель, голубчик, у тебя же разбита голова.

Мелоди. Голова? Никогда еще она не была такой ясной, пока жил майор и мучил меня, заставляя врать с три короба. (*Ухмыляясь.*) И вовсе я не устал. Я будто только что родился. Так что спокойной ночи, дорогая. (*Наклоняется и целует ее.*)

Сара поднимает заплаканное лицо и смотрит на него со странным выражением горечи и отчаяния.

(*Искоса глядя на нее.*) Да и ты ступай спать, Сара. Право же, тебе не мешает хорошенько выспаться—ты сегодня многого добилась...

Сара. Отец, прошу тебя! Я так не могу... Ты же сам не свой.

Мелоди (*добродушно грозит ей*). А ну-ка, заткнись, потаскушка ты этакая, и не разговаривай со мной так, точно ты стыдишься меня. Я ведь не майор, который был слишком хорошо воспитан, чтобы задать тебе трепку. Не смей будить мертвеца, не то так двину по уху, что сразу научишься меня уважать.

Она смотрит на него с тоской и отчаянием. Он направляется к двери бара.

Сара (*вскакивая*). Отец! Не ходи к этому пьяному сброду! Они не должны видеть и слышать тебя! Можешь пить сколько влезет здесь. Джеми придет разделить с тобой компанию. Он будет смеяться и петь и поможет тебе отпраздновать битву при Талавере...

Мелоди (*грубо*). А ну ее, эту Талаверу! (*Взгляд его падает на зеркало. Он смотрит в него с ухмылкой.*) Господи, да ведь это то самое зеркало, в котором старый безумец всегда любовался на свою рожу, когда декламировал Байрона, воображая, что он и сам лорд, что в нем душа поэта... (*Становится перед зеркалом, передразнивая свою старую позу, и декламирует, кривляясь и коверкая излюбленные слова.*)

Мир не любя, любим я не был миром,
Его дыханью грубому не льстил.
Не поклонялся я его кумирам
И уст моих улыбкой не кривил.
Я не делил восторгов общий пыл.
В толпе — окутан мыслей иеленою —
Среди других я не с другими был.

(С презрительным хохотом.) Ну и шут гороховый был этот майор. Ему бы служить клоуном в цирке. Да упокой господь его душу в геенне огненной! *(Грубо.)* Но к черту мертвецов.

Шум в баре нарастает и завершится взрывом хохота,—как видно. Джеми отпустил какую-то соленую шутку.

(Переводит взгляд с зеркала на дверь бара.) Но я-то, ей-богу, живой, и они в этом скоро убедятся. Сколько времени этот майор заставлял меня жить в одиночку, как цешную собаку.

Сара *(идет к нему, умоляюще)*. Отец! Не срамись. Ты ведь не пьян. Тебе нет оправданий. Ты и в самом деле почувствуешь себя мертвецом, будто ты и себя прикончил вместе со своей кобылой.

Мелоди *(подмигивая Норе, с усмешкой)*. Только послушай, Нора, она упрекает меня, что я не пьян. Ну, это дело поправимое. *(Берется за ручку двери.)*

Сара. Отец!

Нора *(в полном изнеможении, едва слышит, а еще меньше понимает, о чем идет речь; глухо)*. Оставь его в покое, Сара. Так лучше.

Мелоди *(слыша, что из бара доносится новый взрыв хохота)*. А я тут с вами зря теряю время. Клянусь, у меня для ребят такая новость, что они просто ошалеют. Отдавая богу душу, майор развязал мне руки, теперь я буду голосовать с демократами за Энди Джексона, друга всех простых людей вроде меня, дай ему бог здоровья! *(Ухмыляется.)* Вот увидишь, что с ними будет, когда они это услышат!

Сара *(бросается к нему и хватается за руку)*. Нет! Я тебя не пущу! У меня тоже есть своя гордость! *(Заикаясь.)* Послушай! Прости, отец! Я знаю, это моя вина... я вечно оскорбляла тебя... насмеялась... но только над тем, что было ложью! А правда—это Талавера, герцог, похваливший тебя за храбрость; то, что ты был у него офицером; даже все твои дамы в Испании—ведь в глубине души я гордилась всем этим... гордилась тем, что я твоя дочь. И теперь не надо... Я сделаю все, что ты

захочешь... хочешь, скажу Саймону, что, после того как его отец тебя оскорбил... я не позволю себе выйти за сына трусливого янки!

Мелоди (*слушая ее, все больше и больше чувствует, что он сломлен; теперь у него не осталось даже личины, под которой он мог бы укрыться; кричит в диком отчаянии, точно у него отнимают последнюю надежду на спасение*). Сара! Бога ради, замолчи!.. Пусти меня!

Нора (*глухо*). Оставь своего бедного отца в покое. Так лучше.

Мгновенно—Мелоди преображается и снова становится деревенским забуддыгой.

Сара (*с горькой безнадежностью*). Ах, мама! Неужели ты не могла помолчать!

Мелоди (*нарочито грубо*). Молчи лучше ты. Я предупреждал, что отделаю тебя, если будешь вмешиваться и будить мертвеца. (*Отвешивает ей оплеуху. Это скорее шуточный шлепок, чем удар, но она теряет равновесие.*)

Нора (*очнувшись и не веря своим глазам*). Кон, господи помилуй! (*Всплиив.*) Не смей бить Сару! Я столько от тебя натерпелась, но не позволю...

Мелоди (*с грубоватым добродушием*). Замолчи, голубушка. Другой раз не буду. (*Ухмыляется; Саре.*) Вот тебе урок, гордячка! Теперь уж ты не станешь будить мертвеца. И чтобы я больше не слышал болтовню, что ты не выйдешь за того парня! Черт возьми, где твоя честь? Ты его совратила, дай же ему снова стать порядочным человеком, а не то я возьму вас обоих за шиворот и поволоку в ближайшую церковь! (*Смеется.*) А теперь, с вашего позволения, дамы, я присоединюсь к моим добрым друзьям. (*Открывает дверь и уходит в бар.*)

Его приветствует взрыв пьяных голосов, стук стаканов по столу и о стойку бара, потом наступает тишина; слышится голос Мелоди—он здоровается с гостями и заказывает напитки; и снова—выкрики вперемежку со звуками вольнки. Сара понуро стоит у стола, уставившись в пол.

Нора (*только вздыхает*). Не сердись, что он тебя ударил. У него все еще голова не в порядке. Но он споет, посмеется, выпьет как следует виски, а потом заснет как убитый, и завтра будет такой, как всегда... даст бог.

Сара (*с тоской, скорее себе, чем матери*). Нет. Не будет. Он и вправду раздавлен и хочет таким остаться... Я сделала все, что могла. Сама не пойму зачем. Наверно, и

но мне живет неумная гордыня. *(Поднимает голову, лицо ее становится суровым.)* Гордыня покойного майора Мелоди. Я хочу сказать, бывая гордыня. Теперь и она умерла... слава богу... и я буду доброй женой Саймону.

Шум в баре внезапно стихает, словно кто-то потребовал тишины; доносится голос Мелоди, он произносит тост: «За нашего будущего президента, Энди Джексона! Ур-ра-а!» Могучее «ура» хора пьяных голосов сотрясает стены дома.

Нора. Слава тебе господи, он выпил за Энди Джексона! Слышишь, Сара?

Сара *(с каменным лицом)*. Я слышала чей-то голос. Не знаю чей и не хочу знать.

Нора *(не обращая на ее слова внимания)*. Что ж, это хорошо. Теперь они перестанут его травить. *(Пауза; ее усталое, измученное лицо становится робким и нежным.)* Ты слышала, он говорил, что любит меня? Видела, как он поцеловал меня в губы... а потом поцеловал мои волосы? *(С тихим смешком.)* Видно, он совсем спятил!

Сара *(смотрит на мать; лицо у нее смягчается)*. Нет, мама, он говорил от души. И теперь уж от этого не отречется. Теперь он свободен. *(Со странной улыбкой.)* Может, я и заслужила пощечину за то, что пыталась ему помешать.

Нора *(погруженная в собственные мысли)*. Что ж, если он хочет их разыграть, вести себя по-мужичьи, как они... *(С кивком в сторону бара.)* Почему бы и нет, если это даст ему покой и покончит с его одиночеством? Видит бог, он прожил жизнь один как перст, в плену у своей гордыни. А я буду ему подыгрывать. С радостью и любя. Разве я не делала этого всегда? *(Улыбается.)* У меня нет никакой гордости... кроме этой.

Сара *(смотрит на нее растроганно)*. Ты удивительная, благородная женщина. И я постараюсь быть такой, как ты. *(Подходит к ней и обнимает ее; улыбается с нежностью.)* Бьюсь об заклад, что Саймон ничего не слышал—даже выстрела. Когда я от него уходила, он спал как младенец. Его и пушка бы не разбудила.

В баре волинка Райли переходит на танцевальный мотив, слышится топот танцующих.

(На какое-то мгновение лицо Сары снова становится суровым. Она криво усмехается.) А ведь Патч Райли даже не знает, что играет похоронный марш по покойнику. *(Дрожанием голосом.)* Пусть покоится с миром герой Талаверы! *(Потеряв самообладание, рыдает и прячет*

лицо на плече у матери.) Мама, почему я плачу? Почему я его оплакиваю?

Нора (сразу же забыв о своей усталости, вся—нежность, поддержка и утешение). Не надо, детка, не плачь. Ты просто устала, и все. Пойдем спать, я тебя раздену и укурю как следует. (Стараясь ее подбодрить.) И не стыдно тебе плакать—ведь ты влюблена! Что бы подумал о тебе твой жених?

Занавес

ХЬЮИ

Пьеса в одном действии

Перевод И. Бернштейн

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эри Смит, мастер рассказывать сказки.
Ночной портье.

Вестибюль маленькой гостиницы на одной из улиц Нью-Йоркского Вест-Сайда. Премия действия — между тремя и четырьмя часами ночи летом 1928 года.

Это одна из тех гостиниц, которые пооткрывались в 1900—1910 гг. вблизи «Великого Белого пути» и были поначалу недорогими, но вполне приличными заведениями, однако потом, чтобы выжить, вынуждены были сдать позиции. Первой мировой войной и сухой закон принудили ее владельцев отказаться от претензий на респектабельность, и теперь это обыкновенная низкосортная «хаза», где за деньги разрешается все и где обслуживается любой, кого удастся заманить. Но и при этом ей далеко до процветания. «Большой ложный бум» 20-х годов ее не коснулся. «Вечное изобилие» Нового экономического закона обошло стороной. И сегодня гостиница существует только благодаря тому, что здесь сведены почти на нет все накладные расходы на обслуживание, ремонт и уборку помещений.

Стойка расположена слева, перед ней — часть обшарпанного вестибюля, несколько обшарпанных кресел. Вход с улицы — слева за стеной. Позади стойки — щит телефонного коммутатора, перед ним — вертящийся табурет. Прямее обычные нумерованные почтовые гнезда, над ними часы. Ночной портье сидит на табурете спиной к телефонному щиту, лицом к авансцене. Делать ему решительно нечего. Он ни о чем не думает. Спать не хочет. Просто сидит, понурясь и безропотно испарившись в пустоту. На часы смотреть — только себя растрепать. Он и так знает, что до конца его смены далеко. Да ему и не нужны часы. За долгие годы, что он проработал ночным портье в нью-йоркских гостиницах, он научился определять время по звукам улицы.

Он средних лет — немного за сорок, — долговязый, худой, шея тощая, кадык торчит. Узкое, выгнутое бледное лицо лоснится испариной. Нос большой, но безо всякой характерности. Так же, как и рот. И уши. И даже принуденные перхотью жидкие каштановые волосы. Остановившиеся карие глаза за стеклами роговых очков вообще лишены выражения. Кажется, они не помнят даже, каково это — чувствовать скуку. Он одет в мешковатый синий костюм, белую рубашку с пристегивающимся воротничком, синий галстук. Костюм старый, пиджак на локтях лоснится, словно навощенный.

В безлюдном вестибюле гулко раздаются шаги — кто-то вошел с улицы. Ночной портье устало подымается на ноги. Глаза его по-прежнему пусты, но губы сами собой резиново растягиваются в некое подобие радушной улыбки в соответствии с известным законом: «Клиент всегда прав». При этом видны его крупные, неровные гнилые зубы.

Появляется Эри Смит и подходит к стойке. Он примерно того же возраста, что и Ночной портье, и у него такое же нездорово-бледное, рыхлое, и испарине лицо полуночника. Однако этим сходство исчерпывается. Эри среднего роста, но кажется ниже из-за того, что у него массивный торс и толстые ноги, слишком короткие относительно туловища. И руки тоже. Квадратная голова глубоко сидит на шее, которая сливается с массивными плечами. Лицо круглое, нос сильно вздернутый, широкий. Голубые глаза с припухшими верхними веками, под глазами — темные мешки. Волосы белесые, заметно поредевшие, на макушке — плешь. Он подходит к стойке развязной непринужденной походочкой, слегка праскачку из-за коротких ног. В одной руке Эри держит пашаму; он вытирает лицо шелковым красно-синим платком. Одет в светло-серый костюм, пиджак с широкими лацканами и в обтяжку, по бродвейской моде, в глубоком вырезе видна старая, застиранная, но дорогая шелковая рубашка неприятного, до отвращения, синего оттенка и пестрый красно-голубой шейный платок с засаленным узлом. Брюки на плетеном кожаном ремне с медной пряжкой. Туфли бежевые с белым, носки белые, шелковые.

Он держится эдаким лихим завсегдаем притонов, знатоком, которого на мякине не проведешь, и, действительно, шпарт по маленькой, ставит

на лошадей и вообще кормится на периферии бродвейского рэкета. Он и ему подобные обитает повсюду в темных углах, в подъездах, в дешёвых табачных лавках и барах, самим себе они представляются эдакими циничными оракулами ишодромов, посвящёнными в жгучие тайны Бродвея.

Эри обычно разговаривает вполголоса, с оглядкой, подозрительно высматривая из-под полуприкрытых век, нет ли поблизости любопытствующих. Выражение лица непроницаемое, как полагается завзятому игроку. Маленький поджатый ротик кривит всегдашняя надменная улыбка знатока, которому известно все, и притом достоверно, из первых рук, а беглый, цепкий взгляд безошибочно различает на всем и вся ярлыки с обозначением цен. Но что-то в этом есть напускное, под личиной многоопытного дельца спрятана сентиментальная слабинка, не вяжущаяся с образом.

Эри не смотрит на Ночного портё, он словно бы что-то против него имеет.

Эри *(повелительно)*. Ключ. *(Но видя, что Ночной портё безуспешно силится его вспомнить, нехотя.)* Ну да, ты же меня не знаешь. Эри Смит я. Старый обитатель этого клоповника. Номер четыреста девяносто два.

Ночной портё *(с усталым облегчением, оттого что не надо ничего вспоминать, снимая ключ)*. Да, сэр. Вот четыреста девяносто второй.

Эри *(берет ключ, смерив Ночного портё привычным оценивающим взглядом. Впечатление у него сложилось скорее благоприятное, но говорит по-прежнему недоброжелательно)*. Давно на этой работе? Дней пять? А меня не было. В запое обретался. Только-только очухался. В себя прихожу. Хорошо, что уволили того сопляка, которого взяли на место Хьюи, когда он заболел. Строил из себя. Такому ничего не расскажешь. Очень приятно познакомиться, друг. Надеюсь, ты не слетишь с должности.

Эри протягивает руку. Ночной портё послушно ее пожимает.

Ночной портё *(с услужливой безразличной улыбкой)*. Рад с вами познакомиться, мистер Смит.

Эри. Как звать-то тебя?

Ночной портё *(словно и сам уже почти забыл, потому что, вообще-то говоря, не все ли равно?)*. Хьюз. Чарли Хьюз.

Эри *(вздрагивает)*. Что? Хьюз? То есть ты не шутишь?

Ночной портё. Чарли Хьюз.

Эри. Ну надо же! Подумать только. *(С возросшим расположением к Ночному портё.)* А правда, если присмотреться, ты, конечно, не похож на Хьюи, но все-таки чем-то мне его напоминаешь. Ты ему часом не родня?

Ночной портё. Тому Хьюзу, что работал здесь столько лет и недавно умер? Нет, сэр. Не родня.

Эри (*мрачно*). Ну, да, конечно. Хьюи говорил, что у него никого родных не осталось — кроме жены и детишек, понятно. (*Помолчал и еще мрачнее.*) Д-да. Отдал бедняга концы на той неделе. С его похорон-го я и запил. (*Хорохорясь, словно защищаясь от мрака.*) Задал небу жару! У меня это не часто бывает. В моем деле пьянство — погибель. Теряешь бдительность и, того гляди, выболтаешь что-нибудь, а придеешь в себя, и находятся люди, которым снокойнее, если б тебя не было. Вот что значит много знать. Послушай моего совета, друг: никогда ничего не знай. Живи губошленом и береги здоровье.

Речь его становится таинственной, в ней слышны зловецкие призывки. Но Ночной портье этого не замечает. Благодаря богатому опыту общения с постояльцами, которые среди ночи останавливаются у стойки поговорить о себе, у него выработалась безотказная техника самозащиты. Он делает вид, будто покорно, любезно, даже сочувственно слушает, а сам отключается и остается глух ко всему, кроме прямо обращенных к нему вопросов, а бывает, что не слышит и их. Эри думает, что произвел на него впечатление.

Ну, да у меня, черт побери, всегда шарики вертятся, трезвый ли, пьяный — не важно. Я им не дурачок какой-нибудь. Так что я говорил? Да, про запой. Закутил так, что небу было жарко. Ты бы посмотрел, какую блондинку я позапрошлой ночью отхватил. Обобрала меня до нитки. Блондинки — моя слабость. (*Замолчал и смотрит на Ночного портье с презрительной насмешкой.*) Ты небось женат, а?

Ночной портье (*которому давно уже безразлично, тактичные вопросы ему задают или бестактные*). Да, сэр.

Эри. Так и знал! Я готов был поставить десять против одного. Вид у тебя такой, сразу скажешь. И у Хьюи такой был. Может, в этом и все сходство между вами. (*Презрительно хмыкает.*) И детишки, поди?

Ночной портье. Да, сэр. Трое.

Эри. Ну, брат, тебе еще похуже, чем Хьюи. У него только двое было. Трое, надо же! Н-да, вот к чему приводит неосторожность. (*Смеется.*)

Ночной портье, как положено, улыбается постояльцу. Поначалу он немного обижался, когда слышал от постояльцев эту затертую шутку, в первый раз лет, наверное, десять назад — ну да, старшему, Эдди, теперь одиннадцать — или, может быть, двенадцать?

(*Продолжает великодушно и дружелюбно.*) Что ж, семейная жизнь, она, наверно, тоже не такая уж пакостная, если кто, конечно, для нее создан. Хьюи вот, например, ничего, терпел, хотя жена у него, если хочешь знать мое мнение, настоящая сука. Да нет, не в том смысле, что

гуляющая. С ее физией и фигурой на нее разве что слепой бы польстился.

Ночной портье находит, что уже слишком долго простоял на ногах, они у него начинают болеть. Хорошо бы, 492-й замолчал и ушел спать, тогда он сможет сесть и будет снова слушать шумы улицы и ни о чем не думать.

(Оглядывается его с насмешливым самодовольством.) Тебе сколько лет-то? погоди! Сейчас сам определю. На вид лет пятьдесят с гаком, но ставлю десять против одного, тебе сорок три, ну, может, сорок четыре.

Ночной портье. Мне сорок три года. *(Растерянно.)* А может быть, сорок четыре.

Эри *(довольный)*. Видел? В самую точку! Я, брат, на этом зарабатывать могу. Ты бы посмотрел, до чего на меня бабы обижаются, если я за них берусь. Ты как Хьюн. С виду ему было за пятьдесят, а на самом деле сорок три. Мне лично сорок пять. Не скажешь ни о чем, верно? Девочки мне больше сорока почти никогда не дают.

Ночной портье переступает с ноги на ногу и прислоняется к стойке. Может быть, те туфли с супинаторами, которые сейчас рекламируют... но они стоят восемь долларов, так что нечего и думать... Вот в рай попадешь, там получишь.

(Опять меряет его дружжелюбным циничным взглядом.) Еще одно пари насчет тебя. Родился и вырос в глубинке, в маленьком городке. Точно?

Ночной портье *(вяло, но все же защищаясь)*. Вообще-то я родом из Сагино, штат Мичиган, но так давно живу здесь, в Большом городе, что считаю себя коренным ньюйоркцем.

Для него это длинная тирада, и он сам печально удивляется, зачем было ее проносить.

Эри. Ну, за эту отгадку мне медаль не полагается. Почти что все мои знакомые на Бродвее—а я знаю, можно сказать, всех до одного—понасхали из малых городов. Взять вот меня. Ты в жизни не догадасшься, а ведь я увидел божий свет в городе Эри, штат Пенсильвания... Смех, да и только, а? Эри, штат Пенсильвания. У меня зато и прозвище такое. Все меня так и зовут: Эри. И ты тоже, приятель, говори мне «Эри», не то я не буду знать, что ты ко мне обращаешься.

Ночной портье. Ладно, Эри.

Эри. Молодчага! *(Усмехается.)* Но это еще не все, смейся дальше: Смит—моя настоящая фамилия. Умора, а? Бродвейского парня зовут Смитом, и это его настоящая фамилия! *(Объясняет, чтобы не было недоразумения.)* Я

про этот городок Эри, штат Пенсильвания, мало что помню, да и помнить не хочу, сам понимаешь. Дрянной городишко. Кончил неполную среднюю школу, и сразу меня папаша на работу определил к себе в бакалейный магазин. Вышка работенка. Я до восемнадцати лет перемогался — и давай бог ноги.

Ночной портье, как оплывшая восковая фигура, распластался по стойке. Раньше, пока он не научился эффективно отключаться, он больше всего боялся именно этого: постояльца, рассказывающего историю своей жизни. Он сосредоточивает внимание на своих ноющих ступнях.

(Со смешком продолжает.) К слову о женах, я из-за этого-то как раз и дал стрекача. Чуть было не сволокли меня под дулом пистолета к венцу с одной тамошней. Единственный раз, что я едва не попался на удочку. Девка та, Дейзи ее звали, дурочка такая была, общедоступная. С ней кто только не развлекался. И вдруг в одно прекрасное утро оказывается, что у нее будет ребенок. У меня и в мыслях не было, что она на меня покажет. Как я это дело понимаю, она знать не знала, кто виновник, и устроила сама с собой лотерею. Написала на бумажках тысячу имен, всех, кого припомнила, положила в шапку, стала тянуть, и попался я. Ну, она сказала мамаше, мамаша — папаше, а папаша явился по мою душу. Да только не на того напали. Я и тогда уж соображал что к чему. Дал деру. Рванул в Саратогу скачки смотреть. Я еще в Эри начал ставить на лошадей, хотя тогда еще ипподрома в глаза не видел. С тех пор тем и промышляю. *(Хвастливо.)* И дела у меня идут неплохо, брат. Случалось, отхватывал такой куш, что до сих пор наши между собой вспоминают. При больших деньгах бывал. Много раз. И еще буду. А порой круто приходится — ну так что ж? Я всегда выкручусь. Если лошади не по-моему бегут, есть лотерея и покер. А если с ними не ладится, есть еще кости. Ну а если не везет кругом, я всегда могу разжиться монетой, выполняя небольшие поручения, о которых не буду распространяться, их как раз дают тем, кто умеет держать рот на запоре. Так что я живу неплохо, приятель. Очень даже неплохо, можно сказать.

Он ждет от Ночного портье одобрительного поддакивания, но тот так успешно отключился, что прозевал свою реплику и очнулся, только когда его оглушило выжидательное молчание.

Ночной портье *(поспешно, наобум)*. Да, сэр.

Эри *(язвительно)*. Прости, если мешаю тебе вздремнуть, милый друг. *(С обидой.)* Хьюи вот никогда спать не хотел. Как поздно я, бывало, ни ввалюсь, он меня дожидается. «Здорово, Эри, — скажет, — ну, как тебе нынче игралось? Везло?» Или: «Как стригунки твои с тобой

обошлись?» Или: «Что нынче костяшки, тебя слушались?» И я ему рассказывал, что у меня да как. А он спрашивает: «А что новенького на Бродвее?» Я ему передавал все последние слухи и сведения из верных источников. *(Снисходительно смеется.)* Смех, да и только было слушать, как старина Хьюи рассуждает о нашем деле. Сам-то он за все года, сколько я его знал, доллара ни на что не поставил. *(Снисходительно.)* Но не его вина. Он бы рискнул, да у него жена на каждый цент из зарплаты отдельный протокол заводила. Уж я его и так и эдак учил, ведь запросто можно зажать для себя пару монет, но он нет, не решался. *(Усмехается.)* А самая умора была, когда он пускался толковать насчет баб. Бывало, шутит: «Как, Эри? Ты сегодня один, без блондинки? Сдаешь, брат, сдаешь». Ей-богу, а сам-то с бабами так гушевался, конец света. Я иной раз знакомил его, какие приходили со мной. Подговорю заранее, чтобы они его подначили, ну там, что он им очень понравился, и все такое. За две минуты он у них в нокдауне. Весь с лица красный, и вид такой, что сейчас уползет под стол, спрячется. Иные из этих бабешек — грубый народ. Лезут с разными грубыми намеками. Он, бывало, заикаться начинает, бедняга. Но верил, принимал за чистую монету. Приятно ему было. Я все думал, может, он наберется духу и обманет хоть раз свою законную. Своих ему предлагал. Чего там, у меня много, я бы не пожалел. Говорю ему: «Ты только покажи своей супружнице, что гуляешь от нее, она тебя больше уважать будет». Боялся. *(Помолчав, хвастливо.)* Было время, я таких цац водил, пальчики оближешь — из мюзик-холлов, из театров, из ревю. У тебя бы глаза на лоб полезли. Я и теперь могу любую подцепить. Дай срок, сам увидишь. Вонсе даже я не сдал.

Эри смотрит на Ночного портье, ожидая ободрения, но гот поглощен металлическим бряканьем мусорных бачков на улице. Портье думает: «Вот работа была бы мне по душе. Уж я бы так грохотал этими бачками, весь бы чертов город перебудил!».

(Негодую, ворчит себе под нос.) Надо же, истукан какой-то. *(Направляясь к лифту справа за кулисами, угрюмо.)* Ладно уж, пожалуй, можно и на боковую.

Ночной портье *(приходя в себя, с горячностью, какой не выказывал, пожалуй, уже много-много ночей).* Покойной ночи, мистер Смит. Желаю вам приятного отдыха.

Но Эри остановился и тоскливо оглядывает пустой вестибюль, побрякивая ключом от номера.

Эри. Господи, ну и дыра. Зачем только я сюда вернулся? Пил бы дальше. Ты не поверишь, друг, но,

когда я впервые сюда заехал, это была вполне приличная гостиница, чистая, можешь себе представить? *(Осматривается с оторачением.)* Я тут пятнадцать лет базируюсь, с небольшими перерывами, но теперь мне охота податься отсюда куда-нибудь. Здесь теперь все не так, с тех пор как Хьюи увезли в больницу. *(Мрачно.)* К дьяволу! Не пойду я снагь. Только валяться, душу изводить... *(Поворачивает обратно к стойке.)*

Лицо Ночного портье выразило бы отчаяние, да только он давно уже не способен испытывать отчаяние, с тех пор как после мирной войны, когда стоимость жизни резко возросла, он целых три месяца ходил без работы. Эри, наваливаясь на стойку, говорит подавленным, доверительным тоном.

Поверь мне, брат, я не зануда и попусту изводиться не стану, но сейчас у меня такое положение, поневоле обеспокоишься, ежели ты не последний лопух.

Ночной портье *(отвлеченно, как мертвец, до которого дошли благоприятные слухи о жизни).* Мне очень жаль, мистер Смит. Но говорят, о чем мы беспокоимся, то никогда не сбывается. *(И снова мысленно ускользает на улицу играть с мусорщиками дребезжащими бачками.)*

Эри *(мрачно).* Уже сбилось, дружище. Я не выиграл ни одной ставки, с тех пор как Хьюи положили в больницу. Удача от меня ушла. И это еще не все... Ну да черт с ним! Твоя правда. Мне обязательно что-нибудь да подвернется. Я от роду везучий. И вовсе я не беспокоюсь. Так просто, тоска нашла. Ясное дело, на кого не найдет с похмелья? Сам знаешь, как бывает с перепоею. На белый свет смотреть тошно. И потом, убиваюсь я по Хьюи. Его смерть у меня напрочь из-под ног землю выбила. Черт его знает почему. Многие ребята — дружки мои, можно сказать, — откинули копыта, кто от пьянки или еще от чего, а кому и глотку перерезали, но я всегда считал, что это в порядке вещей. В конце-то концов, все там будем, верно? Сегодня живешь, завтра помирай, так чего стонать? Кто помер, того уж нет, тому на все наплевать. А другим-то и подавно. *(Но эта фаталистическая философия не приносит утешения; вздыхает.)* Скучаю я по Хьюи, вот что. Я, похоже, сильно к нему привязался. *(Опять пускается в объяснения, чтобы не осталось какой неясности.)* По-настоящему-то корешами мы с ним не были. Сам понимаешь, где ему до меня. Он ничего не смыслил. Губошлеп, одно слово. *(Снова вздыхает.)* А мне очень жаль, что его нет. Ты много потерял, брат, что не знал Хьюи. Отличный он был парень, это точно.

Эри стоит, уставившись в пол. Ночной портье смотрит на него выпученными пустыми глазами — только вчуже завидуя его слепоте.

Мусорщики уже ушли своим предначертанным путем. И чуть-чуть приблизилось утро. Мысленно Ночной портье все еще на улице, он ждет, когда раздастся отдаленный гул поезда надземки. Приближение этого шума приятно ему как память о надежде; потом лязг раскачивающихся вагонов слышится совсем близко, за углом, заглушая все мысли, и наконец, удаляясь, замирает, и в этом есть что-то грустное. Но с поездами надземки действительно связана надежда. Их за ночь проходит строго определенное количество, и с каждым проносившимся остается все меньше, а заодно убывает и почт, куда в конце концов не умирает и сливается со всеми прежними долгими ночами в Nirване в одну Великую ночь почт. Такова жизнь. «Я так и говорю Джесс, когда она начинает меня тормозить из-за чего-нибудь: такова жизнь, разве нет? Что ж тут можно поделать?» А Эри опять тяжело вздыхает, на его нахальной игрецкой физиономии написано обнаженное страдание, как на морде побитой собаки, дурацкие подозрительные глазки шинника смотрят беспомощно, беззащитно. Он говорит, заискивая.

Нет, правда, друг, чем-то ты мне его напоминаешь, старину Хьюи. Такое же выражение, копия.

Но мысли Ночного портье далеко, на отпевании ночи, и он не сразу возвращается на зов.

(Обиженно, савсока.) Ну, да наверно, все ночные портье друг на друга похожи. Их каждую минуту по штуке на свет родится.

Ночной портье *(как раз успевает очнуться и расслышать последнюю фразу. Бодрым тоном)*. Да, мистер Смит. Как клоуны в цирке говорят. И в самую точку, верно?

Эри *(рад и такому разговору, ворчливо)*. Никаких мистеров Смитов, Чарли. Их-то точно каждую минуту по десятку родится. Зови меня Эри, как договорились.

Ночной портье *(машинально, так как его мысли опять на цыпочках крадутся в ночь)*. Ладно, Эри.

Эри *(ободрившись, наваливается на стойку и щелкает ключом, как кастаньетами)*. Д-да, брат. Отличный он был парень, Хьюи. Но все равно, я что хочу сказать, он вроде бы совсем был не в моем вкусе, если посмотреть, что я за человек и что он за человек. Не кумекал он в нашем деле. Губошлеп, каких сто раз за нос проведут, а они даже знать не будут. Вот, например, я каждый божий вечер ну просто для смеха бросал с ним здесь кости, вот на этом столе. Мои собственные они были, кости эти. И он хоть бы раз попросил их посмотреть, проверить. Ну, что ты на это скажешь? *(Усмехается, потом серьезно.)* Понятное дело, я против дружка обманные не подложу. Я не подлец. *(Опять ухмыляется.)* Но он даже никогда не просил, чтобы об стенку бить. Прямо выкатывали на стол, и все. Да если б мне позволили так в настоящей игре, я бы сейчас был миллионером. *(Смеется.)* Мог бы, кажется, задуматься, отчего это, сколько бы ему ни везло, знаешь, новичкам ведь часто бывает везение, а все

равно под конец в выигрыше всегда оказывался я. Но он ничего и не подозревал даже. Бывало, только все приговаривает: «Ну, брат Эри, не удивительно, что ты стал игроком, ты вон какой удачливый, таким, видно, уродился». (*Усмехается.*) Что ты на это скажешь, а? (*Торопится разъяснить.*) Я, понятное дело, это все только для смеху. Играли-то мы на деньги, по-настоящему; но деньги были все мои. У него и гроша при себе не водилось. Благоверная выдавала ему в день по сорок центов на расходы. Так я сначала делился с ним поровну тем, что у меня было в карманах,—ну, мелочью, понятно. Мы считали цент за доллар, пятак за пятерку и так далее. Большая игра! А Хьюи так переживал, в такой раж входил. И мне тоже приятно было, особенно когда он говорил: «Ну, брат Эри, теперь понятно, почему у тебя никогда о деньгах голова не болит, раз тебе так везет». (*Смеется.*) До того был доверчивый. Я, конечно, тоже старался, отговаривался, бывало, и не бросал кости, если приходил с пустыми карманами. (*Хмыкает.*) Смеху с ним было! Лошадей он всегда называл не иначе как «стригунки», будто с детских лет в них разбирался. А сам в глаза скаковой лошади не видел—покуда я его один раз силком не свозил на ипподром. Столько удовольствия он получил! Ей-богу, я думал, как бы он у меня не загнулся от волнения. И ведь ничего не ставил. У него в кармане было только сорок центов. Просто веселился, глядя на дорожку, на толпу, на лошадей. Больше всего на лошадей. (*Задумчиво, с недоумением.*) А знаешь, удивительное дело, как такой простачок беспонятный, вроде Хьюи, вдруг угадывает важные вещи. Он мне говорил: «Помоему, красивее их нет никого на свете». И в самую точку! Да я, скажу тебе по честности, друг, лучше буду любоваться на старого Линкора, чем на первую звезду мюзик-холла. А ты как считаешь?

Ночной портье (*его внимание переключается с запоздлого такси, проехавшего мимо, на постояльца; растерянно мигает—ему снова надо поддакивать*). Да, я согласен с вами, мистер... э-э... то есть Эри.

Эри (*с добродушным презрением*). Да? А сам небось ни одной лошади не видел, разве что на ярмарке в своем родном захолустье. Только я не про этих кляч тебе толкую. Я говорю про настоящих лошадей.

Ночной портье недоумевает, при чем тут лошади? И вообще, если на то пошло, при чем тут что бы то ни было и какая во всем связь,—но сразу же снова погружается в транс.

(*Продолжает рассказывать.*) И что бы ты думал случилось назавтра? Провалиться мне, если назавтра вечером

Хьюи не выуживает из брючного кармана два доллара и не сует мне. «Вот,—говорит,—запиши на ту лошадь, на которую сам будешь завтра ставить». Я разозлился. —Дудки,—говорю,—если ты намерен валять дурака и играть на скачках, я тебе в этом деле не помощник». *(Криво усмехается.)* Ну, не смешно ли? Это я-то, который всю жизнь заманивал побасенками простофиль, чтобы делали ставки! «Ты откуда вытащил эти два доллара?—я у него спрашиваю.—У женушки из кошелька, да? И что ж ты ей споешь, если проиграешь? Да она об тебя всю мебель переломает». —«Нет,—отвечает.—Она просто заплачет». —«Еще того хуже,—говорю.—Против этого рэкета у мужчин нет приема. У меня на руках одна цыпочка как-то затеяла плакать в ресторане при всем честном народе, так пришлось посулить ей обручальное кольцо с брильянтом, чтобы привести немного в чувство». Ну, так ли, эдак ли, но Хьюи утром отнес те два доллара домой, потихоньку засунул обратно женушке в кошелек, и тем дело кончилось. *(Горько.)* Получается, что я по благотворительным делам любому бойскауту дам фору. Об одном вот я тебе рассказал. Жаль, остальных не припомню. *(Увлечся воспоминаниями и не замечает, что мысли Ночного портье опять витают на улице, оставив его одиночным стражем гостиницы.)* Я, знаешь, как первый раз увидел Хьюи, сразу понял, что он губошлеп губошлепом. Я в тот вечер прикатил из Тиа-Хуаны, отхватил там приличный куш, денег было—засыпья. Всю дорогу ехал в салон-вагоне, и притом не один. Там, в поезде, подцепил киношную блондиночку, я тогда был везучий. Каждую зиму садился и ехал на юг, куда лошади, туда и я за ними. Теперь уж не езжу. Надоело таскаться. И того везения уже нет... *(Прикусывает язык.)* В тот раз, о котором я тебе рассказываю, вхожу я вот сюда же и вижу: за стойкой новый ночной портье, ну и, пока оформлялся в номер люкс для новобрачных, сам с собой заключаю пари, что он отродясь ничего другого и не видел, всю жизнь ночным портье просидел. Угадал, конечно. Сначала-то он помалкивал. Не то чтобы опасался лишнее сболтнуть, а просто вроде как считал, что интересного про себя рассказывать ему нечего. Но потом привык, что я всегда вваливаюсь последним и обязательно остановлюсь с ним, перекинусь шуткой, наболтаю с три короба, какая у меня в тот день была необыкновенная удача, ну, он и разговорился, стали мы друзья. Родом он был из захолустья, из одного заштатного городишка на севере. Кончил колледж, пытал удачу на разных работах, но всюду без толку, пока не поступил у себя там в гостиницу ночным портье. И ко двору пришелся. Только

он все равно проде как был недоволен. Не правилось ему сидеть за конторкой да заполнять бумажки, его же там все знали. Прочел где-то — в «Журнале для простофили», наверно, — что стоит только приехать в Большой город, и Папаша Успех собственной персоной будет ждать тебя на Центральном вокзале с ключами от города на блюде. Надо же такую лажу придумать! Я и то когда-то в нее верил, а уж меня простофилей никто не назовет. Ну, он в один прекрасный день сорвался с места и прибыл сюда, но только и сумел, что устроиться все тем же ночным портье. А потом еще влюбился — вернее сказать, выдумал себе какую-то любовь — и женился. В метро с ней познакомился. Поезд вдруг затормозил, и ее швырнуло прямо к нему, он ее обнял, ну и разговорились. Тут ему, дурню, и конец пришел. Она служила продавщицей в каком-то вонючем универмаге, и ей уже до чертиков надоело целый день топтаться на работе, да еще потом на ногах всю дорогу домой в Бруклин. Так что, как я понимаю, — зная Хьюи и женский пол, — она сама и предложение сделала, и сама же сказала «да», и они поженились, а после этого где уж ему было уходить из ночных портье, пусть бы и было куда. *(Помолчал.)* Ты, наверно, думаешь, я несправедливо о ней говорю. Может быть, не знаю. Она тоже ко мне была несправедлива. Забрала в голову, что я оказываю на Хьюи дурное влияние, на том и стояла. Да за Хьюи небось-то какая получше и не пошла бы. Бабушки его не жаловали. Один раз Хьюи притащил меня к себе на квартиру обедать, так у них друг возле друга вид был вроде бы как и ничего, счастливый. Ну, не счастливый, может быть, а довольный. Или нет, это тоже чересчур. Вернее всего сказать — безропотный. Они словно прощали друг другу: «Чего, мол, еще и ждать от жизни-то?» *(Ни с того ни с сего вдруг спрашивает Ночного портье презрительно, хотя и не без дружелюбия.)* Ты вот со своей хозяйкой как ладишь, брат, ничего?

Ночной портье *(его внимание поглощено удаляющимися шагами участкового полицейского, марширующего в ту сторону, откуда должна вырваться на волю долгожданная заря. «Хоть бы он затеял когда-нибудь перестрелку с вооруженным грабителем! Сколько я ночей пережил, и ни разу ничего необыкновенного не случилось».* Заикаясь, оцупью пробирается по отзвукам последней реплики Эри). Я... то есть, э-э-э... с моей женой? По-моему, ничего вроде.

Эри *(возмущенно)*. Ты, брат, может, таблетки какие глотаешь? Гляди, одуреешь совсем.

Но Ночному портье это безразлично. Он давно уже не придает значения тому, что о нем думают люди. Как только его не обзывали постояльцы

гостиницы. И «хозяйка» его тоже. Да и сам он себя, случалось, чистил на все корки. Но теперь это все дело прошлое. Кажется, светает? Нет, рановато. Можно определить по звону трамвая—он по-прежнему грохочет в ночи. Далеко все еще далеко, отрядный сон за синими горами.

(Состриг и отведя душу, продолжает дружеским тоном.) Ну да ладно, не теряй надежду на лучшее, друг. Хьюи тоже вроде тебя сидел глядел в одну точку, покуда благодаря мне у него не появился интерес в жизни. *(Возвращается к прерванному рассказу.)* Да, так позвал он меня к себе обедать. Смех, да и только. Не знаю, как набрался духу пригласить. А я ему: «Конечно, Хьюи, буду очень даже рад». Но про себя думаю: скорее удавлюсь. Во-первых, к нему ехать—в Бруклин, а по мне, так уж лучше прямо в Китай. Потом, я люблю есть, что сам выберу, а не что мне кто-то на тарелку положит. И еще, у него семья—жена, дети,—это все не по моей части. Но Хьюи так обрадовался, что я не смог его надуть. И получилось вполне ничего, терпимо. Конечно, дом у них был не дом, а так, дешевая квартирка. Дыра. Но с непривычки даже приятная. Жена его расстаралась как могла, чтобы ее приукрасить. Ничего шикарного, понятно, дешевенькие разные штуквинки для уюта. И детишки у него оказались вовсе не такие пугала, как я ожидал. Не стреляли жеваной бумагой мне в тарелку и вообще ничего такого не выдeldывали. Тихие, видно, в отца. Симпатичные, мне показалось. После обеда стал я им рассказывать про лошадь, которая была у одного моего знакомого. Я думал, отплатчу любезностью за гостеприимство, дети ведь любят рассказы про животных, тем более это все чистая правда. Такая была кляча, в жизни ни одной скачки не выиграла, а зато ушлая, как лиса, десятерых перехитрит, так из магеринской утробы выскочила, ворюгой, где что плохо лежит стибрит за милую душу. Да только много я рассказать не успел. Благоверная его вмешалась, прервала меня. Детям, говорит, спать пора, и уволокла их, будто боялась, что я их корью заражу. Ну, и я, понятно, обозлился. Я бы мог отнестись к ней по-доброму, если бы она не собачилась. Восхищаться-то тут, конечно, было нечем. Замухрышка—это еще мягко сказано. *(Досадливо.)* Ну да черт с ним со всем. Она заранее определила меня босяком и при личном знакомстве удостоверилась в своей правоте. Бьюсь об заклад, она велела Хьюи больше никогда меня не приводить, и он меня с тех пор уже не приглашал. Он было вздумал извиняться передо мной, но я его сразу оборвал. Он говорит: «Ирма получила такое строгое воспитание, не ее вина, что она предубеждена против игроков». А я отвечаю: «Мне-то что. Если у тебя

по части женщины нелады, мне можешь не плакаться. У меня у самого неприятностей с бабами хватает. Помнишь ту цыпочку, что я привел позавчера? Вдруг она заявляет, что я ей посулился дать десятку. Я говорю: «Слушай, беби, у меня дефект речи. Может, прозвучало как десять, но на самом деле я сказал два, два доллара и получай. Я, черт возьми, не душу твою покупал! На кой она мне сдалась?» Так она теперь разносит по всему Бродвею, что я жмот и стукач, и все стукачи и жмоты ей верят. Эдак я последних корешей растеряю». (Замолчал и поясняет доверительно.) Нарочно перевел разговор, понимаешь? Больше он мне на свою супружницу не жаловался. (С нарочитым смешком.) Можешь не сомневаться, уж я сумею оборвать, если кто вздумает делиться со мной своими семейными неурядицами!

Ночной портье (мысленно он вскочил на «скорую помощь», которая, громыхая, прокатила по Шестой авеню, и спрашивает без любопытства: «Он умрет, доктор, или ему не выпало такой удачи?» — «Боюсь, что нет, но придет месяца лежать неподвижно». — «И за ним будет ухаживать пригожая медсестра?» — «Может быть, и не пригожая». — «Ну, все равно, по-моему, он счастливачик. А я вот должен вернуться обратно в гостиницу. Четыреста девяносто второй никак не уймется и не уйдет спать, все острит. Очевидно, это была острота, недаром же он хихикает». Хохоchet от всего сердца). Ха-ха! Вот это остроумно, Эри! Давно я такой отличной шутки не слышал!

Эри (так обижен и огорчен, что даже не отпустил в ответ язвительной остроты. Смотрит в пол, побрякивая ключом, и бормочет себе под нос). Господи, ну и дыра же тут. Уютно, как в морге. (Взглядывает на стенные часы.) Поздно уже. Пожалуй, пора в свою камеру, хоть немного покомарить. (Порывается отойти от стойки, но безуспешно — так и остается стоять, привалив к ней. Взгляд его обшаривает пустой вестибюль, наконец вперивается в потное бескровное лицо Ночного портье. И только теперь, собравшись с силами, с убийственной иронией говорит.) Ты почему ж это, друг, не предупредил, что ты тугоухий? Я понимаю, человек стесняется своих недостатков, но я бы никому не сказал.

Но Ночной портье унесся мыслями за пожарной сиреной: «Вот кому, наверно, весело живется, так это пожарнику». Он залезает на машину и с напускным интересом спрашивает: «Где горит? Что, настоящий пожар? Давно начался? Как ты думаешь, успеет разгореться?»

Эри (смотрит на него и говорит язвительно). Послу-

шай моего совета, приятель, и никогда не покупай опия, ты и так вроде как опоенный.

А Ночной портье мысленно продолжает разговор с пожарным. «То есть разгореться войсю, чтобы к чертовой матери спалить до основания весь город?» — «Очень жаль, брат, но нивряд ли. Слишком много тут камня и стали. Что-нибудь да останется». — «Да, боюсь, что ты прав. Слишком много камня и стали. Но я и не надеялся. На самом-то деле мне все равно».

(Махнул на него рукой и опять делает попытку оторваться от стойки, крутя в пальцах ключ, словно это амулет, который поможет ему освободиться.) Ну, я на боковую. *(Но так и не может сдвинуться с места, — уныло.)* Господи, тоска какая! Был бы здесь сейчас Хьюн. Ей-богу, был бы он, я бы ему такого наплел, у него глаза бы на лоб полезли. Простофиля — чем круче загнешь, бывало, тем он охотнее верил. Считал, что игра — это романтика. Я думаю, я для него был как бы герой его мечты, таким ему хотелось быть самому, если бы хватило духу попросовать. Он, наверно, жил вроде как двойной жизнью, когда слушал мои рассказы про выигрыши и кутежи. Если подумать, так выходит, он даже и жену, можно сказать, обманывал, переживая за меня и моих бабешек. *(Усмехается.)* Потому небось он и любил меня, а? И сколько я ни нахвастаю, он все проглотит, чем больше, тем ему даже лучше. Поначалу-то я с ним стеснялся. Особенно не врал, ну, не больше, чем всякий, кто вздумает трепаться про выигрыши и баб. Потом вижу, ему мало, а каким же тетерей надо быть, чтобы не пуститься во все тяжкие, когда просит человек? Ну, и пошло, какую девку ни подцеплю, они у меня все становились красотками из мюзик-холла, Хьюн особенно нравилось, чтобы из мюзик-холла. Ему хотелось, чтобы я был вроде шейха Аравийского или кого там еще, чтобы какая блондинка меня ни увидит, сразу копытца кверху. Ну, а мне не жаль, я пожалуйста. И про ставки тоже так аго ему, бывало, нараскажу. Я, мол, потому и останавливаюсь в этой гостинице, что не хочу деньги транжирить иначе как на игру. Игра для меня вроде наркотика, так я ему расписывал, я теперь уже бросить не в силах. А он верил. Еще ему нравилось думать, будто я замешан в подпольных махинациях. Он считал, что гангстеры — это романтика. Ну, я и травил ему, будто бы раньше и грабежами баловался. Врал, что знаком со всеми законами. Я и правда их многих знаю, так, шапочное знакомство, я им «здорово», и они иной раз в ответ поздороваются. Кто их не знает, если ошиваешься на Бродвее и по пивным? Я, бывает, у них на побегушках мотаюсь, подрабатываю доллар-другой, но только я смот-

рю в оба, чтобы не оказаться замешанным, где жареным пахнет. А Хьюи нравилось думать, что меня с Ходулей-Бриллиантчиком водой не разольешь. Я и тут ему — пожалуйста, поговорю с три короба. Чего только не навру для его удовольствия. *(Деловито.)* Ты не думай, приятель, не все было вранье, что я ему плел. Про игру, например, я правду рассказывал. Разные удивительные случаи с большими ставками и богатыми выигрышами, они действительно все были на моей памяти. Только не со мной, как я ему представлял. Ну, может, бывали раза два и со мной когда-то давным-давно, когда у меня шла полоса удач и я ходил весь в долларах, покуда не спустил их до последнего. *(Замолкает, чтобы глубоким вздохом помянуть славные денечки, которые были — или не были? — когда-то, потом задумчиво продолжает.)* Д-да, а Хьюи все заглазывал, как утиный супчик или пилюлю геронна. Слушал — и вместе со мною все переживал, всюду бывал, жил яркой жизнью. *(Усмехается, потом серьезно.)* И знаешь, мне от этого тоже было хорошо, по-своему. Нет, правда. Я начинал видеть себя его глазами. Иной раз возвращаюсь сюда без гроша в кармане, настроение паршивое, впору на брюхе ползти, и вот уж, глядишь, у меня денег куры не клюют, потому как я только что сорвал куш на скачках. Конечно, я понимал, что все это сказки. Не такой уж я придурок. Ну и что? Хьюи слушал и радовался, и вреда никому не было. А если на Бродвее вдруг упадут замертво все, кто любит сам себя сказками морочить, то на обоих тротуарах не останется, пожалуй, ни живой души. Ведь правда, Чарли?

Эри снова искательски смотрит на Ночного портье, забыв прежние обиды. Но у того лицо тупо напряженное, он ищет, к какому бы звуку, в ночи пристроиться мыслями, да только на город почему-то спустилась небывалая и грозная тишина, и вот он оказался в гостинице, навеки прикованный к своей стойке и бодрствующий, когда весь мир спит — кроме 492-го, который никак не уйдет к себе и никак не уймется, и все говорит и говорит, и от него некуда деться.

Ночной портье *(глядит сквозь Эри остекленелыми глазами и говорит, почтительно заикаясь)*. П-правда?.. Боюсь, что я не совсем... Что правда?

Эри *(безнадежно)*. А, ничего, друг. Просто так.

Эри опускает взгляд в пол. Он так расстроен и подавлен, что даже перестал поигрывать ключом. А Портье все еще не может мысленно вырваться отсюда, потому что город безмолвствует, и ночь смутно напоминает о смерти, и ему немного страшновато, и ноги теперь, когда он опомнился, болят — сил нет, но все-таки это не оправдание, чтобы отступаться от правила, согласно которому постоялец всегда прав. «Нужно было отнестись к нему внимательнее. Все-таки общество.

Человек жив и бодрствует. С его помощью легче было бы перемочься до рассвета. О чем он тут толковал? Хотя что-то да должен был я расслышать». Ночной портье морщит потный лоб в попытке припомнить, о чем только что шла речь. Эри, между тем, возобновляет свой рассказ, но теперь уже вовсе не надеется на слушателя, просто говорит сам себе.

Я по лицу Хьюи видел, что с ним—все, даже когда его еще не положили в больницу. Такие же лица бывали у нарней, которые знают, что их накрыли, еще до того, как за ними пришли. Навестил его в больнице пару раз. Первый раз жена там его была, поглядела на меня зверем, но Хьюи изобразил улыбочку и спрашивает: «А, Эри, здорово, ну как твои стригунки себя ведут?» Я вижу, он ждет, чтобы я наврал ему чего-нибудь для бодрости, но жена влезла, он, мол, очень слаб, ему, мол, вредно возбуждаться. Хотелось мне ей сказать: «Здесьние доктора, видать, понимают, что к чему—посадили тебя тут, а уж с тобой-то он возбуждаться не будет». А второй раз меня к нему не допустили. Это уж перед самым концом. Я и на похоронах тоже был. Никого не было, только два-три жениных родственника. Мне даже жалко ее стало. Такая страшная, впору самой в гроб. Детишки ревут. И ни букетика, только пара паршивых искусственных венков. Совсем никудышные были бы у бедного Хьюи похороны, если бы не мои цветы. *(С гордостью.)* Шикарные, ты бы посмотрел, то-то бы глаза вытаращил! Сотню зелененьких выложил, без шуток. Эдакая большущая подкова из красных роз. Я знал, что Хьюи понравилась бы подкова—вроде как бы он лошадиником был. А наверху синими незабудками выведено: «Прощай, старый друг». Хьюи нравилось представлять, что он мне друг. *(Добавляет печально.)* А он и был мне друг, хоть и не кумекал ничего в нашем деле.

Замолкает, его притворно невозмутимая физиономия записного игрока выражает неприкрытую, беспросветную тоску, точно мордочка мартышки на плече у шарманщика. А на улице длится гнетущая неестественная тишина и вторгается в неубранный, пустой вестибюль гостиницы. Ночной портье в душе трепещет перед нею, он рад бы спрятаться за стойку, и ноги болят—сил нет. У него есть только одно спасение: зацепиться мыслью за что-нибудь из того, что говорит 492-й. «О чем он тут рассказывал? Я, кажется, стал сдавать. Раньше я всегда умел, не слушающая, хоть что-то услышать, а вот теперь, когда мне так нужно... Вспомнил! Об игре он толковал все это время. А меня как раз она всегда интересовала. Может быть, он даже профессиональный игрок. Вроде Арнольда Ротштейна».

Ночной портье *(вдруг выпаливает с каким-то лихорадочным, почти правдоподобным оживлением)*. Простите меня, мистер... то есть Эри, я вас правильно понял, что вы—профессиональный игрок? А вы случайно не

знакомы с Арнольдом Ротштейном? Это — большой человек.

Но теперь Эри его не слышит. А Ночному портье больше уже не страшны угрозы безмолвия и ночи, его мысли поглощены этим идеалом блеска и славы, Арнольдом Ротштейном.

Эри (*тоскливо, с надрывом*). Черт, как бы мне хотелось, чтобы Хьюи был сейчас здесь! Я бы ему рассказал, что будто бы выиграл десять тысяч на скачках и десять тысяч в покер и еще десять в кости! Что будто я купил спортивный «мерседес», у которого верх на блестящих таких трубочках. И что будто уложил в постель трех цыпочек из мюзик-холла, двух блондинок и одну брюнетку...

А Ночной портье размышлял, и восторженное преклонение перед героем преобразило его прыщавую физиономию. — Арнольд Ротштейн! Вот это человек! Я читал о нем в одном журнале. Он ставит на что угодно и чем больше, тем вернее выигрывает. Там написано, что он не садится за покер, пока цена самой маленькой ставки — одной белой фишки — не дойдет до ста долларов. Вот это — да! Было бы у меня столько денег, чтобы сыграть с ним хоть один раз! Последний банк, все уже отвалились, кроме него и меня. Я бы сказал: «Ну, что ж, Арнольд, даешь игру без потолка». — и назначил бы пять тысяч, и он бы открылся, а у меня — ройял флэш против его четырех тузов! И я б тогда сказал: «Ладно, Арнольд, я парень не злой, дам тебе еще один шанс. Удвоим — и еще по карточке. Только по одной. Хочу, чтобы быстро оборачивался мой капитал». Кинули — а у меня туз пик, и снова моя взяла». Блаженное видение застит взгляд его пустых, запавших глаз. Он словно святой праведник, только что получивший назначение в райскую обитель. Молчание прерывает Эри. Он говорит с горьким безнадежным вздохом.

А чего, ему же лучше, что он умер. Можно сказать, ему повезло. Может теперь ни о чем не беспокоиться. Хьюи вышел из игры. То есть из всей этой вшивой аферы. Ну то есть из жизни.

Ночной портье (*вырванный из сладкого плена грез, с любезным безразличием поддакивает*). Да-да, жизнь, если задуматься, это вшивая афера, не правда ли, четверста девяносто второй? Только приходится мириться с тем, что есть, потому что... Ну то есть нельзя же все к чертовой матери сжечь, ведь верно? Слишком много стали и камня. Что-нибудь так или иначе останется, и пойдет все по новой.

Эри (*таращится недоуменно*). Постой, ты о чем это? Чего ты плетешь?

Ночной портье (*спохватившись, растерянно*). Да я, признаться, и сам толком не... Просто взбрело что-то в голову.

Эри (*насмешливо, но все-таки видно, что он доволен завязавшимся наконец общением*). А ты возьми и выкинь все это поскорей из головы, Чарли, не то, глядишь,

объявятся какие-нибудь в казенном обмундировании и сачком тебя — хлоп. *(Переводит разговор на другую тему, серьезно.)* Слушай, ты, может, подумал, я это все наврал, ну, насчет цветов для Хьюи, что я выложил за них сотню? Так вот, это истинная правда. Мне плевать было, сколько они стоят. Я знал, что должен устроить Хьюи торжественные проводы, ведь если не я, то больше-то и некому.

Ночной портье. Да нет, Эри, у меня и в мыслях не было усомниться. Вы эти деньги, надо понимать, выиграли... то есть, я прошу прощения, если ошибся, но вы ведь игрок, правильно?

Эри *(отмахивается)*. Ну да, когда есть чего поставить. Но при чем тут это? Ту сотнягу я не выиграл. Я вообще ничего не выигрываю с тех пор, как Хьюи увезли в больницу. Я на коленях выклячивал у разных знакомых по десятке, по двадцатке, покуда не набрал, сколько надо.

Ночной портье *(его мыслями снова завладел Великий идеал, настойчиво)*. А вы случайно не знаете... Арнольда Ротигейна?

Эри *(раздражаясь, что его перебили)*. Арнольда? При чем тут он? Да он бы такому, как я, гроша ломаного никогда не ссудил, если б мне даже надо было, чтобы родную бабу не пустить на панель.

Ночной портье *(почтительно и благоговейно)*. Так, значит, вы его знаете!

Эри. Еще бы мне его не знать, ублюдка. Его на Бродвее всякий знает. И он меня знает — когда ему это выгодно. Он меня гоняет по своим делам, если другого никого нет под рукой. Только не он меня сейчас беспокоит. Меня, брат, беспокоит, что кое-кто из тех парней, у кого я стрельнул монету, порядочные живодеры и им нужно вернуть долг не позже четверга, а иначе плохо мое дело и надо смываться, а то костей не соберу, загремлю в лазарет. *(Вдруг расправляет плечи и продолжает с беспомощной, но подлинной отвагой.)* Ну и черт с ним со всем. Я ведь знал, что иду на риск. Я всегда иду на риск и, если проигрываю, плачú, а не даю дёру. И пусть, зато я устроил Хьюи торжественные проводы.

Он на минуту смолкает. Ночной портье опять не слышит его, он погрузился в собственные грезы. С его приоткрытых губ готов сорваться вопрос, но в это время Эри возобновляет свой печальный монолог.

Но и это не главная моя забота, Чарли. Моя главная забота — что у меня началась глухая полоса неудач с тех самых пор, как Хьюи положили в больницу. Ни единого выигрыша. Тут что-то не так. Я сроду был везучий — ну то есть всегда перебивался и долги возвращал. Не болела

у меня голова о долгах, как вот теперь болит. Знал, что обязательно сколько-нибудь да выиграю и расплачусь. А теперь у меня такое пакостное чувство, что будто я с Хьюн потерял и свою удачу—ну то есть уверенность в себе потерял. Он давал мне уверенность. *(Отворачивается от стойки.)* А, что толку всю ночь тут языком молоть. От тебя мне никакого проку. *(Идет к лифту.)*

Ночной портье *(просительно)*. Одну минуточку, Эри, если можно. *(С придыханием.)* Так вы, значит, старые знакомые с Арнольдом Ротштейном? Скажите мне, пожалуйста, правда ли, что, когда Арнольд Ротштейн играет в покер, одна белая фишка равняется ста долларам?

Эри *(скуучливо и раздраженно)*. Господи! А тебе-то что до этого? *(Не договорив, замолкает и смотрит вопросительно на Ночного портье.)*

Оба молчат.

(Вдруг его лицо освещается спасительной догадкой. Он сердечно улыбается и уверенной походкой возвращается к стойке.) Слушай, Чарли, ты что же мне раньше не сказал? Ты, оказывается, интересуешься игрой? Вот черт, а я-то совсем обидно про тебя думал, друг. Эх, думаю, вот ведь нисколько человек не похож на старину Хьюн. Нет у него в крови тяги к риску. Так, сонная тетеря. *(От души.)* Теперь вижу, ты парень что надо. Руку! *(Сует ему руку, и Ночной портье со слабосильной радостью ее пожимает. Продолжает говорить все горячее и самоувереннее.)* Вот это—другой коленкор. Мы с тобой отлично поладим. Ты только меня слушайся, как Хьюн.

Ночной портье *(благодарно)*. Да, да, спасибо, Эри. *(Не отступаясь.)* Так это правда, что, когда Арнольд Ротштейн играет в покер, одна белая фишка...

Эри *(с величественной небрежностью)*. ...означает сотню из твоего кармана? Точно. А что? У Арнольда сейчас монеты—засыпья. А когда ты при деньгах, тебе сотняги—что семечки. Уж я-то знаю, приятель, я сам был при деньгах, когда Арнольд за грош давился. Да вот помню, один раз в Новом Орлеане я сигару сотенной раскурил, просто для потехи, понимаешь? Сидел с компанией шикарных баб, и захотелось посмотреть, как у них глаза на лоб полезут,—и полезли, можешь мне поверить, да еще как! Ну, после этого натурально, бери любую—отказу не будет. А раз я сорвал аж двадцать тысяч за один засед. Вот это, я понимаю, жизнь! И в кости тоже, бывает, славно дело идет, когда крупная игра. Господи, иной раз бросаешь кости, а на полу бумажек—сто тысяч башкнотами! А ты говоришь. *(Украдкой покосился на Ночного*

портье и склонен немного сбавить тон. Но совершенно напрасно. В глазах Ночного портье он теперь — игрок из 492-го, личный друг Арнольда Ротштейна, и каждое его слово достоверно. (Продолжает.) Конечно, не буду тебя обманывать, сейчас я не при деньгах, в данную минуту. Сам знаешь, как оно бывает, Чарли. Сегодня падаешь, завтра взлетаешь. У меня поставлено кое-что на одну клячку в четвертом заезде в Саратоге. По моим сведениям, она такая горячая, что если не перескочит через главную трибуну, то придет первая с опережением на целую милю. Так что, увидишь меня здесь с потрясенной блондинкой, не удивляйся. (Подмигивает и хихикает.)

Ночной портье (старательно улыбаясь, по-приятельски). Да нет, меня этим не удивишь. Я работаю ночным портье в гостиницах, можно сказать, всю жизнь. (Делает даже попытку подмигнуть.) Нарушение правил, но я могу забыть про эти правила.

Эри (сухо). Было б чего забывать, о них, небось, сам управляющий слыхом не слыхал. (Затем хитро, примериваясь.) А что, не кинуть ли нам с тобой разок бабки, Чарли? То есть просто для забавы, как мы с Хьюи, бывало? Ты на свои деньги не можешь рискнуть, разве я не понимаю? Так я тебе своих отсчитаю, усек? У меня еще доллар-другой найдется. Играть надо на настоящие, а то неинтересно. Но вся монета — моя. Ты, так ли, эдак ли, ничего проиграть не можешь. Просто охота показать тебе, как я тебя в два счета обставлю. Мне уверенности прибавится. (Вытаскивает из кармана две долларовые бумажки и мелочь, подвигает почти все Ночному портье.) Вот тебе. (Достает кости, затем как бы невзначай.) Не хочешь проверить перед тем, как бросать?

Ночной портье. Что вы! Я же знаю, что могу вам полностью доверять!

Эри (с улыбкой). До чего ж ты мне напоминаешь Хьюи, дружище. Он тоже всегда мне доверял. Ну, не обессудь, если везенье будет на моей стороне. (Встряхивает кости в горсти — задумчиво.) А знаешь, по-моему, хватит мне оплакивать Хьюи. Что проку, ей-богу? Ему уж не поможешь. Его нет. И нас не будет. Вчера он, а завтра я или ты, все равно, какая разница? Такие уж правила игры, верно? (Душа его освобождается от горя, к нему возвращается прежняя самоуверенность.) Бросаю два раза.

Ночной портье (с отвагой — стараясь изобразить на своем взволнованном лице каменную невозмутимость, как у прославленного Арнольда Ротштейна). Идет.

Эри (бросает кости). Четыре очка. (Быстро подбирает кости и бросает снова.) Опять же четыре. (Сгребает деньги.) Видал? Долго ли умеючи, если кому вздет вроде меня. (Самодовольно посмеивается и хитро, весело, дружелюбно и презрительно подмигивает Ночному портюе — прожженный игрок, ловкач и деляга уделает от щедрот своих наивному губошлепу.)

Занавес

ЗАМЕТКИ, ПИСЬМА, ИНТЕРВЬЮ

О трагедии

Для меня «Непохожий» — просто повесть о вечном романтике-идеалисте, который живет в каждом из нас и вечно терпит поражение. В глубине души каждый из нас стремится к тому, чтобы быть «непохожим» на других. И каждый из нас в той или иной степени «Эмма», а степень эта зависит от умения идти на компромисс. Мы либо отчаянно пытаемся поймать свою мечту и в конечном счете принимаем за нее какой-нибудь дешевый заменитель, либо, прождав лучшую часть жизни, мы обнаруживаем, что время само насмешливо предлагает нам заменитель, однако до того убогий, что от него отворачиваешься. В обоих случаях мы являемся трагическими фигурами, но годны также для высочайшей комедии, если автор обладает достаточной беспристрастностью, чтобы приняться за таковую.

Меня обвиняют в беспросветной мрачности. Но разве это пессимистический взгляд на жизнь? Я думаю иначе. Есть оптимизм легковесный, поверхностный, и есть оптимизм более высокого порядка, который обычно и путают с пессимизмом. Для меня только трагическое обладает той значимой красотой, которая и есть правда. Трагическое составляет смысл жизни и надежды. Самое благородное всегда было самым трагичным. Люди, которые достигают успеха и не стремятся к большему, чтобы в конце концов потерпеть неудачу, — духовные буржуа. Достигнутый успех — это свидетельство их склонности к компромиссу, их незначительности. Как пусты должны быть их мечты! Человека, который стремится только к достижимому, следует наказывать исполнением желаний. Пусть он добьется своего и останется с достигнутым. Пусть он почнет на лаврах и восседает в удобном кресле, пока не увянет вместе с ними. Только в недостижимом человек обретает мечту, ради которой стоит жить и умереть, и тем самым обретает самого себя. Тот, кому дана

способность надеяться в безнадежности, ближе других к звездам и подножию радуги.

Может показаться, что все это звучит чересчур напыщенно и даже банально по отношению к «какой ни есть, но собственной» вещи вроде «Непохожего», но, чтобы тебя правильно поняли, приходится высказывать свое кредо—даже если ты отнюдь не спешишь похвастаться, что всегда в силах жить согласно ему.

Каковы бы ни были недостатки «Непохожего», пьеса обладает одним достоинством—искренностью. В ней есть правда, истинная правда о жизни людей, как я их воспринимаю и знаю. Насколько она верна психоаналитически—оставлю решать более узким знатокам Фрейда и Юнга, нежели я сам (и нежели Фрейд и Юнг). И тем не менее это жизнь,—жизнь которая пугает все формулы. Некоторые критики указывали, что Эмма не поступит так, а, напротив, поступит иначе. Под Эммой они, должно быть, подразумевают женщину вообще. Но Эмма есть Эмма. Она дочь капитана китобойного судна из морского городка Новой Англии, отнюдь, разумеется, не феминистка. В ней есть черты всеобщности лишь в том смысле, что она, как и всякая женщина, определенным образом реагирует на определенные подавленные сексуальные порывы. Но форма, которую принимает ее реакция, полностью определяется ее окружением и ее собственным характером. Пусть придиры взвешают, знают ли они своих Эмм так, как я, а уж после дают советы, как ей поступать.

Имеются также возражения против развязки. Но при данных характерах Калеба и Эммы такой финал неизбежен. Юная Эмма отказывается пойти на компромисс и полюбить живого человека вместо идеального Калеба. Проходят годы, она живет только выдуманным возлюбленным, тогда как реальный Калеб отодвигается в тень, становится другим. И вдруг она понимает, что молодость прошла, а с ней—и возможность осуществления мечты о возлюбленном. Она в панике кидается за ним—и тут ей достается Бенни. Теперь ей предстоит снова сотворить кумира—из комка грязи. Когда наконец до нее доходит, что грязь есть грязь, она молит о реальном Калебе, в первый раз увидев его в настоящем свете. Но его уже нет. Ей ничего не остается, как броситься за ним вслед. Что до Калеба, то он умирает, потому что не в его натуре идти на компромисс. Он принадлежит к тому старому племени китобоев с железной волей из Нантакета или Нью-Бедфорда, чей девиз—«Мертвый кит или пробойна в днище». Кит оказывается свирепым недосыгаемым Моби Диком, который навсегда уходит в морскую бездну. Судно Калеба получает пробойну, его одиссея пришла к концу. Он гибнет вместе со своим кораблем.

Некоторые критики считают пьесу патологической, но я возражаю против акцентов там, где не нужно, где имелись в виду лишь сопутствующие обстоятельства. Кто-то сказал мне, что все персонажи в драме либо дегенераты, либо головорезы, и

это ошеломило меня, ибо всех, за исключением Бенни, я считаю вполне обычными людьми, как мы с вами. Делить людей по моральным признакам на какие-то касты — не из моих любимых занятий.

А кто-то, как я слышал, даже приписал автору слова Калеба о том, что «все с ума посходили и прогнили насквозь». Тут я кидаюсь на помощь к автору «Гамлета» и, схватившись за шнурки его ботинок (а они у них были, шнурки?), начинаю карабкаться на головокружительную высоту его подъема и вопрошаю писклявым голосом, кто это сказал — он или Макбет, что жизнь — это «рассказанная полоумным повесть — она шумна и яростна и ничего не значит».

Как бы то ни было, долей оптимистов! Из-за них жизнь делается безнадежной штукой.

1921 г.

* * *

Я, конечно, напишу о счастье, если когда-нибудь встречу подобную роскошь и если оно будет достаточно драматичным и будет гармонировать с глубинными ритмами жизни. Счастье — пустое слово, если оно не означает подъем духа, обостренное ощущение того, насколько значительно становление и существование человека. Что ж, если именно это, а не самонадеянная удовлетворенность собственной судьбой, то в настоящей трагедии — я убежден — больше счастья, чем во всех пьесах со счастливой развязкой, вместе взятых.

Сейчас почему-то принято считать, что трагедия — это несчастье. Греки и елизаветинцы думали иначе. Они чувствовали, что трагедия возвышает их. Она пробуждала их к более глубокому пониманию жизни. В ней они находили освобождение от мелких забот каждодневного существования. Они считали, что трагедия облагораживает. Произведение искусства — всегда счастье. Все остальное — несчастье...

Сейчас Америка испытывает муки духовного пробуждения... Рождается душа, а когда речь заходит о душе, тогда и появляется трагедия. Представьте, что когда-нибудь мы вдруг проникнем ясным внутренним взором в наш торжествующий, звенящий медью оркестров материализм, дадим ему правильную оценку, увидим, какой ценой мы за это расплачиваемся и каковы его последствия с точки зрения вечных истин. Какая это будет колоссальная ироническая стопроцентная Американская трагедия!

Трагедия чужеродна нашему образу жизни? Нет, мы сами трагедия, самая потрясающая из всех написанных и ненаписанных.

1921 г.

То и дело слышишь, как толкуют о «трагедии» в моих пьесах, называют их «мрачными», «гнетущими», «пессимистичными», короче, говорят те слова, которыми обычно обозначают все, что имеет трагичный характер. Я думаю, что смысл трагедии в том, как понимали ее греки. Трагедия возвышала их, побуждала жить все более и более полной жизнью. Она давала им глубокое духовное восприятие вещей, освобождала от мелочной жадности повседневного существования. Когда они видели трагедию на сцене, они чувствовали, как воплощается в искусстве их собственная невозможная надежда... Ведь любая победа, которую мы можем одержать, совсем не та, о какой мы мечтали. Сама по себе жизнь — ничто. Только мечта заставляет нас бороться, желать, жить! Достижение, понимаемое узко, как обладание, — это тупик. Мечты, которые можно полностью осуществить, недостойны называться мечтами. Чем выше мечта, тем невозможнее ее осуществить. Когда человек стремится к недостижимому, он сам обрекает себя на поражение. Но его успех — в борьбе, в стремлении! Тогда человек — пример духовной значительности, которой достигает жизнь, когда ставятся высокие задачи, когда личность ради будущего и его ценностей вступает в схватку со всеми враждебными силами внутри себя и вне себя.

1922 г.

У меня нет желания принимать позу «непонятого», но иногда меня и в самом деле обескураживает (то есть может обескуражить, если не обладать чувством юмора), что большинство моих критиков не хотят видеть, что я пытаюсь сделать и как я пытаюсь это сделать, хотя я льщу себя надеждой, что мои цели и средства достаточно характерны, индивидуальны и позитивны и их не спутать с чьими-то еще, а также с целями и средствами любой «модерной» или «предмодерной» школы. Воистину недомыслие, когда тебя называют то «низменным реалистом», то «мрачным натуралистом и пессимистом», то «запавшимся романтиком-моралистом» — не говоря уже о редакционной статье в «Таймс», которая раз и навсегда определила «Страсти» как пьесу «неопримитивистскую», а меня назвала Матиссом драмы! Поэтому я действительно хочу объяснить кое-что благосклонному слушателю, убедить его в том, что я пытался и пытаюсь быть чем-то вроде плавильного котла для всех этих методов, поскольку в каждом из них я вижу нужные мне достоинства, и, если во мне окажется достаточно жара, сплавить их, таким образом, в мою собственную технику. Однако менее всего обращаю внимание на то, что я более всего ценю в себе: на то, что я немного поэт, который старается обработать разговорную речь.

чтобы обнажить изначальные ритмы красоты там, где ее как будто бы вовсе нет: «Джонс», «Обезьяна», «Крылья», «Страсти» etc., и увидеть величавую, способную преобразовать трагедию (в том смысле, как ее, насколько можно уловить, понимали греки) в жизни, которая кажется униженной и лишенной всякого достоинства. Кроме того, я — убежденный мистик, ибо всегда пытался и пытаюсь показать Жизнь через жизнь людей, а не просто жизнь людей через характеры. Я остро ощущаю действие некой скрытой Силы (Рока, Бога, нашего биологического прошлого — как ни назови, но всяком случае — Тайны) и извечную трагедию Человека, ведущего славную, губительную для него самую борьбу, дабы проявить себя в этой силе, а не остаться, подобно животному, бесконечно малым эпизодом в ее проявлении. И я глубочайшим образом убежден, что это — единственный предмет, о котором стоит писать, и что, видоизменяя современные ценности и символы театра, можно — сейчас или в будущем — достичь такой трагической выразительности, которая в какой-то степени застанит сегодняшнюю аудиторию отождествить себя с возвышенными трагическими фигурами на сцене. Конечно, здесь много от фантазии, но там, где дело касается театра, надо мечтать, а греческая мечта о трагедии — самая высокая мечта на свете!

1925 г.

Стриндберг и наш театр

В создании нового театра, где, как мы надеемся, искреннее воодушевление и радость эксперимента выльются в необыкновенную выразительность, наиболее выразительным символом наших измерений является то, что мы начинаем с пьесы Августа Стриндберга, ибо Стриндберг — провозвестник всего современного в нашем театре, так же как Ибсен, драматург меньшего масштаба (о чем он и сам подозревал), был отцом современности лет двадцать тому назад, когда еще не поняли, какой новизной обладает «Кукольный дом».

Стриндберг остается одним из новейших среди современных авторов, великим интерпретатором на сцене характерных духовных конфликтов, которые составляют драму — нет, плоть и кровь нашей сегодняшней жизни. Он довел натурализм до высшей логической точки, до такой напряженности, что если творчество любого другого драматурга мы называем «натурализмом», то такую вещь, как «Пляска смерти», мы должны классифицировать как «сверхнатурализм», и она одна составляет целый класс, исключительно стриндберговский, потому что никто до него или после не обладал талантом, заслуживающим такого определения.

И все же единственно с помощью какой-то формы «сверхва-

турализма» мы можем выразить на театре ту интуитивно нащупываемую нами губительную сосредоточенность на себе, которая является процентом, каким мы, люди нового времени, платим за ссуду, предоставленную нам жизнью. Старый «натурализм» или, если угодно, «реализм» (о боже, до чего лужен титан, который бы раз и навсегда четко разграничил эти понятия) более не применим для этого. Он представляет собой дерзкое стремление наших отцов к самопознанию; они убийственно выставляли напоказ семейные фотографии. Для нас же их былая смелость просто-напросто чепуха: мы наделали уйму снимков друг друга, и в каких только бесстыдных позах мы не застигнуты! — ведь мы слишком долго терпели банальную поверхность. Нам уже стыдно заглядывать в замочные скважины, стыдно наблюдать украдкой за тяжелыми неодоушевленными телами — а фактов хоть отбавляй — и не видеть среди них ни единого обнаженного духа. Мы были больны правдоподобием, но теперь мы выздоравливаем, мы смываем позор и идем дальше, к неизведанной пока области, где наши сердца, обезумевшие от одиночества и жалкого косноязычия плоти, постепенно выявят новый язык человеческой общности.

Стриндберг понимал все это и терпел лишения в нашей борьбе за много лет до того, как большинство из нас появилось на свет. Стриндберг выразил все это, сообщив особую напряженность драматургическому методу своего времени и предвосхищая по содержанию и по форме будущие методы. Все художественно весомое и действительно театральное, что есть в методе, который мы расплывчато называем «экспрессионизмом», и что останется жить, можно обнаружить у Ведекинда, а через него и в стриндберговских пьесах «Игра грёз», «Преступление и преступление», «Соната призраков» и других.

Отсюда и «Соната призраков» в нашем театре. Одна из самых трудных для глубокого и оригинального сценического воплощения «скрыто жизненных», если можно так выразиться, пьес Стриндберга, но трудное как раз и составляет нашу задачу, иначе наш театр теряет всякий смысл. Правда в театре — и в жизни — всегда была самым трудным, тогда как легкое всегда будет ложью.

Помолитесь с нами и за нас, хотя мы, естественно, в этом не нуждаемся, однако вдруг поможет.

1924 г.

Театр и его средства

Меня теперь уже не привлекает одноактная пьеса. Эта форма недостаточна, тут не развернешься. Правда, одноактная пьеса — прекрасное средство создать что-то одухотворенное, поэтическое, то настроение, которое трудно сохранить в большой пьесе.

Мой цикл, который готовит «Провинстаун», включает отдельные законченные вещи, и все-таки в них фигурирует команда одного и того же корабля, как бы сплавления четыре одноактные пьесы в одну большую драму. Я не претендую на оригинальность — ведь то же самое сделал Шницлер в своем «Анатоле». И, бесспорно, не только он.

Многие действующие лица в моих драмах, особенно морские характеры, подсказаны реальными людьми. Я не верю в необходимость какого-то особого заступничества. «На дне» Горького — великая пролетарская революционная драма — является более удивительной, чем любая другая пьеса, пропагандой в пользу униженных, просто потому, что она не содержит пропаганды, а показывает людей, как они есть, то есть правду в образах человеческой жизни. Когда же автор намеренно вводит в ньесу пропаганду, драма становится аргументом в споре.

«Косматая обезьяна» тоже была пропагандой — в том смысле, что она показывала человека, который утратил ту гармонию с природой, которая существовала, когда он пребывал в животном состоянии и еще не достиг новой гармонии, духовного плана. Не в состоянии обрести гармонию ни на земле, ни на небесах, он оказался где-то посередине, пытаясь примирить их, но получая лишь «с обеих сторон тумаки». Эта мысль выражена в заключительном монологе Янки. Зрители видели только кочегара, не улавливая обобщения, а символика придает пьесе значительность, во всяком случае, это совсем другая пьеса. Янки не может идти в будущее, поэтому он пытается идти назад. Вот что означает его рукопожатие с гориллой. Но он и в прошлом не находит себе места. Горилла убивает его. Это древняя тема, она была и навсегда останется единственной темой драмы: человек в борьбе с собственной судьбой. Прежде борьба велась с богами, теперь человек борется с самим собой, с собственным прошлым в стремлении определить свое место.

Самые совершенные пьесы без интриги принадлежат Чехову. Но новейшие повести и драматургии противоположно драме характеров. Это экспрессионистская пьеса. Экспрессионизм отрицает драматический характер. Как я понимаю, экспрессионисты пытаются свести до минимума все то на сцене, что может встать между автором и зрителем. Автор-экспрессионист стремится обращаться непосредственно к зрителю. Насколько я разбираюсь, они считают, будто характер в драме чересчур занят собой и своими поступками в ущерб идее. Многие, наверно, проклянут меня за это высказывание: ведь у каждого свое представление об экспрессионизме, а у меня оно сложилось из того, что я читал об этой теории.

Я думаю, что нельзя успешно внушить зрителю идею иначе как посредством человеческих характеров. Когда действуют абстрактные фигуры, например «Мужчина» или «Женщина», то утрачивается тот контакт, когда зритель узнает себя в героях

пьесы. Пример экспрессионизма этого рода — «С утра до полночи»¹ с абстрактными действующими лицами вроде «Банковского клерка». Вот тут-то я и расхожусь с теорией экспрессионистов. Я не верю, что характер является преградой авторской идее на пути к зрителю. Действительная заслуга экспрессионистов в том, что они принесли в драму динамичность. Кое-что в современной жизни они выражают лучше, чем старая драма. Я частично использовал этот метод в «Косматой обезьяне». Но Янки остается живым человеком, иначе его и не воспринимают.

Я считаю «Цену славы»² самым значительным явлением в истории нашего театра. Просто великолепно, что первая настоящая, правдивая пьеса о войне появилась в самой реакционной стране мира. Еще более обнадеживает всех любителей театра то, каким огромным успехом пользуется она у зрителя — ведь даже года два назад такая пьеса могла идти только на дневных представлениях или для избранной публики.

Сейчас я почти не бываю в театре, хотя читаю все пьесы, которые могу раздобыть. Я не бываю в театре потому, что мысленно всегда могу поставить спектакль куда лучше, чем тот, что увижу на сцене. Мне это интереснее, и никто не мешает. Никто не чихает во время полюболюбившихся мне эпизодов. Не хожу я и на собственные пьесы; с тех пор как они начали ставиться, я видел лишь три из них. Дело в том, что я вырос практически в театре, за кулисами, и знаю технику актерской игры. Я знаю, что делает в театре каждый — от осветителя до рабочего сцены. Так что мне видно, как действует весь этот механизм, если только пьеса не поставлена совершенно блестяще и актеры бесподобны. Кроме того, всякий раз, когда я смотрю свою пьесу, я вхожу в каждую роль и переживаю происходящее на сцене так сильно, что к концу спектакля бываю как выжатая тряпка.

1924 г.

Письмо в Камерный театр

Побывав на ваших спектаклях «Страсти под пятами» и «Крылья даны всем детям человеческим», я испытываю чувство изумления и глубочайшей благодарности. Робко признаюсь, что я шел в театр не без тайных опасений. Я не сомневался в том, что ваша постановка будет превосходна сама по себе, артистично задумана и осуществлена. Я не мог сомневаться, ибо хорошо знаю репутацию Камерного как одного из самых прекрасных театров Европы. Но я боялся, что во время труднейшего

¹ Пьеса немецкого драматурга Г. Кайзера.

² Антивоенная пьеса М. Айдерсона и Л. Столлинга.

процесса перевода драмы на другой язык. перенесения в другую обстановку внутренний ее дух, то неуловимое существенное качество, которое есть сердцевина произведения и потому так дорого автору, может быть искажено или утрачено в силу вполне понятных препятствий.

Отсюда мое изумление и благодарность, когда я посмотрел спектакли—они доставили мне радость, потому что они так верны духу моих пьес. И не только это! Созданные вашим режиссером, Александром Таировым, эти постановки отмечены редчайшим среди режиссеров даром—творческим воображением! Игра г-жи Коонен и других выдающихся членов вашей труппы тоже проникнута этим редчайшим среди актеров даром—творческим воображением!

Театр творческого воображения всегда был моим идеалом. Видеть свои пьесы, поставленные таким театром, всегда было моей мечтой. Камерный театр мечту превратил в реальность. Я никогда не забуду полученного впечатления и всегда буду благодарен за него, за честь познакомиться с вами, за ваш теплый дружеский прием. И самым приятным было чувство, что, несмотря на языковые барьеры, все вы нашли во мне—так же как и я в вас—родственную душу, что мы будто давно знаем друг друга, что нас соединяет старая испытанная дружба—нет, товарищество!—и любовь к высокому театру.

Камерному театру моя благодарность, мое восхищение, моя привязанность!

Пусть сбудутся ваши мечты!

Ваш друг Юджин О'Нил
2 июня 1930 года

Из интервью последних лет

Я придерживаюсь той точки зрения, что Соединенные Штаты могли стать самой счастливой страной, а сделались величайшей неудачей в мире. Мы—величайшая неудача, потому что нам было много дано, больше чем любой другой стране. Поскольку Америка развивалась быстро, у нее нет настоящих корней. Ее главная идея—непрекращающаяся игра, цель которой—обрести собственную душу через обладание чем-нибудь помимо нее. Америка яркий пример такой игры, потому что все у нас происходило быстро да к тому же мы так богаты. Об этом гораздо лучше говорится в Библии. Мы классически иллюстрируем предупреждение: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» У нас было много всего, мы могли выбрать любой путь...

Если человеческая раса так непроходимо тупа, если за две тысячи лет мы не набрались ума и не сообразили, что секрет счастья заключен в одной простой фразе, которую мальчишка из

начальной школы и тот поймет,— что ж, тогда пусть нас смочет и ближайший канализационный сток, а на наше место придут муравьи...

1946 г.

* * *

Америку ждет возмездие. В книгах по истории Соединенных Штатов должен быть перечень неспровоцированных, несправедливых, преступных действий, совершенных и санкционированных нашим правительством с самого начала нашей истории— и до него тоже. Почти все, что делало наше правительство, было предательством по отношению к индейцам, к жителям Северо-Запада, к мелким фермерам.

Мне опротивела болтовня об Американской мечте. На весь мир кричим об Американской мечте, а я никак не пойму, о чем речь. Если эта мечта, как мы уверяем весь свет, живет, то почему она не сделалась явью хоть в одной самой малой американской деревушке?

Может быть, имеют в виду Конституцию, а? Но ведь Конституция— это просто слова, уйма слов. Если бы нас учили действительной истории и говорили правду, то мы рассказали бы нашим детям, что Соединенные Штаты катили по той же насаженной колесе алчности, как и любая другая страна. Мы рассказали бы им, кто отвечает за это. В список виновных попали бы некоторые наши национальные герои. Выбросить и сжечь их портреты— вот что нужно сделать...

А наши хозяева большого бизнеса— откуда только берутся такие законченные эгоисты и маньяки? И они продолжают творить чудовищнейшие вещи, и каждый ссылается на то, что если не он, то другой сделает то же самое. Тут никакое сатирическое преувеличение не годится, даже если захочешь преувеличить.

1946 г.